

. А. АРИСТОВ

Труды по истории и этническому
составу тюркских племен

Бишкек 2003

ББК 63.3

А-81

Книга издана в рамках Информационной программы, осуществляемой Фондом «Сорос - Кыргызстан».

Аристов Н. А.

А-81 Труды по истории и этническому составу тюркских племен / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. - Бишкек: Илим, 2003. -460 с.

ISBN-5-8355-1297-X

Настоящее издание является второй книгой историко-этнографических трудов видного представителя русской науки конца XIX в., действительного члена Императорского Русского Географического общества Н.А. Аристова. В нее включены давно ставшие библиографической редкостью статьи ученого об этническом составе кыргызов и других тюркских племен, а также архивные записки Н.А. Аристова о поземельном устройстве кочевников Семиречья.

Ответственный редактор-составитель и автор предисловия - академик В.М. Плоских. В подготовке книги к изданию принимали участие акад., д.филос.н., проф. А.Ч. Какеев, чл.-корр., д.и.н., проф. Д.Д. Джунушалиев, к.и.н., доцент КРСУ В.А. Воропаева и научный сотрудник НАН КР В.Я. Галицкий.

Книга, издаваемая в юбилейный Год кыргызской государственности, рассчитана на историков, тюркологов, этнографов, преподавателей и студентов вузов, всех интересующихся проблемами кыргызоведения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный своими трудами по тюркологии Николай Александрович Аристов¹ обладал обширными познаниями в области исторической географии среднеазиатско-казахстанского региона и Западной Сибири, истории, этнографии и культуры их населения, включая кыргызов и их предков, - с глубокой древности и до конца XIX века². К тому же он отличался исключительной эрудицией, хорошо знал русскую и иностранную специальную литературу, вплоть до газетных статей и заметок по данной проблематике. В его работах содержится немало выдержек из первоисточников, которые либо не сохранились до нашего времени, либо стали библиографической редкостью. Его наследие представляет собой важный источник, в частности, для изучения этнополитической истории и государственности кыргызов, а также для исторического краеведения Кыргызстана.

Такая оценка ученого целиком относится и к фундаментальному труду его «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии». Он был задуман и подготовлен к 1893 году как дополнение к одному из томов «Землеведения Азии» известного немецкого географа Карла Риттера, издававшихся с дополнениями русских историков и географов во второй половине XIX в. Императорским Русским Географическим обществом (ИРГО). Однако двухтомная рукопись Н.А.Аристова, к сожалению, так и оставалась архивным достоянием в течение более столетия. Только в 2001 г. она была опубликована нами при поддержке Фонда «Сорос - Кыргызстан» в Бишкеке.

В этом фундаментальном труде Н.А. Аристов первым из ученых (после публикации китайских материалов Н.Я. Бичурина) дает сведения о быте древних кыргызов и упоминает о их государстве. Свой текст в одном из разделов он так и озаглавил:

«Древнейшие упоминания и имена кыргызов и их страны. Наружность, одежда, занятия и другие сведения о быте кагасов и о произведениях их земли. Государь кагасов. Религия. Калым. Погребальные обычаи. Старшины. Язык кагасов.

¹ Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., переработанное / Под ред. А.Н.Кононова. - М.: Наука. Гл. ред. воен. лит. - 1989. - С.24-28; Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III—IV. - 1894. - С. 391-486; он же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III-IV. - 1896. - С. 277-456.

² О нем и его трудах см.: Галицкий В.Я. Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение исторического прошлого киргизского народа. - Фрунзе, 1973. - С.69-70: Подробнее см.: Плоских В.М. Н.А. Аристов и его фундаментальный труд по истории кыргызов и Кыргызстана // Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек: Илим, 2001.

Происхождение от динлинов. Исторические о последних сведения. Значение имени динлин. Гюньма или «пегий» народ. Письмена кагасов»³.

Далее приводим конкретную цитату: «Древнейшее упоминание о кыргызах и их стране относится к 209-201 гг. до Р.Х., когда в числе северных владений, покоренных шаньюем хуннов Модэ, названо Гэгунь наряду с Динлином. В 49 году до Р.Х. шаньюй Чжичжы завоевал то же владение под именем Гянь-гунь. Что это название одной и той же страны и народа, которые еще именовались Гюй-ву, Ге-гу, Гагяс, Хагас, Хакянсы, узнаем мы из описания этого владения в «Тан-шу», где сказано, что это древнее государство Гянь-гунь»⁴.

Под термином «гянь-гунь», как признавали и признают сейчас все виднейшие синологи мира, подразумевались и читались «кыргызы». И сам Н.А. Аристов далее прямо пишет, ссылаясь на труды В. Шотта и В.В. Бартольда: «В "Юань-шы" (история монгольской династии, под владичеством которой китайцы вынуждены были ознакомиться с более правильным произношением монгольских и тюркских имен) имя кыргыз пишется уже близко к истинному произношению - ки-ли-ки-з (ki-li-ki-sze) с заменой р посредством л. Гянь-гунь, Гянь-гянь, Ге-гунь (Gan-koun, Kien-kien, Kjan-kuen) кажутся удвоением имени орошающей страну реки Енисея Кем (Kjan): доказательством, что местное население некогда называло страну Кем-Кемчик по рекам, соединение которых образует Енисей, может служить название этой реки у Рашид-эддина Кем-кемджиут; у китайцев такое двойное имя могло выходить Кань-кань, Гянь-гянь, Гянь-гунь, Ге-гунь»⁵.

Таким образом, Н.А. Аристов одним из первых ученых в мире приходит к выводу, что этноним «кыргыз» и страна (или государство) Кыргыз ведут свое летосчисление с III века до н.э.

Процессы этногенеза, приведшие к формированию кыргызской народности, чрезвычайно сложны и трудны для изучения в силу недостаточности и слабой изученности исторических источников, неразработанности археологических и этнографических материалов, фольклора, истории кыргызского языка. В связи с этим проблема все еще остается дискуссионной. И потому материалы, собранные в свое время Н.А. Аристовым, являются бесценным первоисточником.

Легендарные циклы не слишком богаты историческими материалами о происхождении народа. Они не имеют самостоятельного этногенетического значения.

Генеалогические предания кыргызов - санжыра - рассказывают о происхождении поколений по родам и племенам, но содержат нередко противоречивые сведения, поэтому также не проясняют проблему происхождения народа в целом.

³ Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тяньшаня и исследования по его исторической географии. - Бишкек, Илим, 2001. - С. 143.

⁴ Там же.

⁵ Там же. - С. 144.

Важным этапом формирования кыргызской народности стало объединение всех племен в два «крыла» (традиционное объединение тюркских кочевников, начиная с гуннов). В «онг канат» («правое крыло»), согласно С.М. Абрамзону⁶, вошли племена сары-багыш, бугу, саяк, солто, жедигер, баргы и др., в «сол канат» («левое крыло») - племена кушчу, саруу, кытай, мундуз, басыз, чон-багыш и др. Оба объединения включали как кыргызские, так и давно отореченные монгольские племена на равноправной основе. Все эти племена вместе с ичкиликами Ферганы стали именоваться общим этнонимом «кыргыз». Этот важный исторический факт относится к концу XV - началу XVI в., периоду завершения процесса сложения кыргызской народности. С этого времени можно говорить об образовании современной кыргызской народности на Тянь-Шане как единой этнической общности, поднявшейся над родом и племенем и включившей в себя многие другие, не кыргызские по происхождению родоплеменные образования.

Деление кыргызских племен на группы «онг канат», «сол канат» и «ичкилик», кроме этнического, имело важное военно-политическое и административное значение (подобно членению казахской народности на три жуза): они стали основой возрождения кыргызской государственности и частично выполняли важнейшие государственные функции. Однако внешнеполитические условия, калмакская агрессия и постоянные межплеменные распри, затихавшие лишь во время борьбы за выживание с более сильными соседями, отодвинули столь важный акт в истории кыргызского народа до лучших времен.

Наиболее интенсивным развитие кыргызского этноса было в период, знаменующий созданием собственного государства на Енисее, которое преобразовалось в громадную и недолговечную империю, рассеявшую кыргызскую (енисейскую) народность в ареале от Монголии до Тянь-Шаня. В дальнейшем этнические процессы, связанные с нуклеарной частью енисейских кыргызов на Алтае и в Прииртышье, сопровождались кыпчакизацией енисейского компонента (антропология, материальная и духовная культура). Они протекали уже в условиях утраты кыргызами собственной государственности и завершились включением их в иноэтническое государство. Главным условием формирования кыргызской народности на завершающем, тянь-шаньском этапе в конце XV - начале XVI в. оказалось не столько саморазвитие древнекыргызских этнических компонентов, сколько ассимиляционные взаимодействия и контакты с новой этнической средой (древнетюркской, монгольской, исламизированной восточно-иранской). Одновременно с кыргызской образовались казахская, узбекская и каракалпакская народности⁷.

Этническая консолидация вызвала необходимость возрождения собственной государственности в новых географических и исторических условиях.

⁶ Абрамзон С.М. Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе, 1990. - С. 38-39.

⁷ Введение в историю кыргызской государственности. - Бишкек, 1994.- С. 64.

Приведенные в данной книге материалы по этническому составу тюркских племен, в том числе кыргызских племен и родов, опубликованные в конце XIX в. и давно ставшие библиографической редкостью, сегодня приобретают важное научное значение как ценный первоисточник по этнической истории народов Центральной Азии. Так их оценивал в свое время младший современник Н.А. Аристова академик В.В. Бартольд, который, проведя подробный аналитико-критический разбор их и выявив некоторые неточности, добавил сведения из материалов восточных исследований⁸.

В книгу вошли и другие исторические публикации Н.А. Аристова, а также неизданные ранее его материалы о поземельном устройстве кочевников бывшей Семиреченской области.

Уверен, книга найдет своего читателя и будет полезна всем интересующимся историей Отечества.

Академик В. Плоских

⁸ Рецензия В.В. Бартольда приводится в разделе «Приложения» настоящего издания.

ОПЫТ ВЫЯСНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА КИРГИЗ-КАЗАКОВ БОЛЬШОЙ ОРДЫ И КАРА-КИРГИЗОВ НА ОСНОВАНИИ РОДОСЛОВНЫХ СКАЗАНИЙ И СВЕДЕНИЙ О СУЩЕСТВУЮЩИХ РОДОВЫХ ДЕЛЕНИЯХ И О РОДОВЫХ ТАМГАХ, А ТАКЖЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАННЫХ И НАЧИНАЮЩИХСЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

I. Этнический состав большой орды

1) Фаза социологической эволюции, в которой находятся тюркские кочевники. Народные генеалогические представления

Многие социологи полагают, что первичные человеческие общества не знали семьи и личной собственности и что женщины, дети и имущества составляли общую принадлежность всей общины, всех мужчин. В следующей фазе социального развития господство перешло к женщинам и наступил век гинекократии. Третья (патриархальная) фаза характеризуется браком, с властью отца над имуществом и членами семьи. За нею следует фаза нынешних цивилизованных обществ, в которых преобладание кровных уз заменено новыми началами права личности и права политической национальности².

Но некоторые обезьяны живут моногамно, и самцы млекопитающих вообще обнаруживают чувство ревности, стремясь к исключительному обладанию своими самками. Поэтому приведенную характеристику первичной фазы приходится исправить в том смысле, что в отношениях к женщинам в первобытных обществах господствует гетеризм, т.е. непрочные, легко расторгаемые моногамные союзы. Замечают затем, что гинекократия и патриархализм суть «две параллельные ветви, выросшие из одного и того же ствола, из первобытного гетеризма, следовательно, дальнейшее развитие одной из этих систем в другую невозможно: они исключают друг друга»³. Можно думать, что гинекократия не составляет необходимой фазы развития всех человеческих рас и племен, а была уделом лишь некоторой их части, и что факты и явления, которые систематизируются под именем материнского права, суть принадлежности первичного общества и являются результатом неизвестности отцов, почему родственные отношения определяются по женской линии вследствие необходимости.

Тюрки выступили на историческую почву кочевниками-скотоводами с патриархальным или родовым бытом. Древнейшие о них известия встречаются в «Шы-цзи», «Исторических записках», составленных за столетие до Р.Х. Описывая быт

¹ В данной работе Н.А. Аристова написание географических названий и административных единиц приводится по изданию 1894 года.

² См., напр., Le regime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz d'apres l'etude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le general № I. Grodekoff, par Victor Dingelstedt. Paris, 1891 (Extrait de la Revue generale du droit), p. III et IV.

³ Каутский, «Возникновение брачных союзов», в «Сев. вестник», 1891 г., сентябрь и октябрь.

хяньюней и хуньюй'ев (первым именем, по китайским комментаторам, назывались хунны во времена императора Яо, за 2357 лет до Р.Х., и вторым - те же хунны при династии Чжеу, 1122-223 гг. до Р.Х.), Сыма Цянь говорит: «Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие... Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия, но у каждого¹ есть отдельный участок земли... Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и меховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках»². Почти таков же был в VI веке после Р.Х., по современным китайским описаниям, быт тюрков (тукюе), которых китайские историки считают потомками хуннов, упоминая между прочим следующую характерную для организации семьи и брака черту: «По смерти отца, старших братьев и дядей по отцу, женятся на мачехах, невестках и тетках»³. Основы быта киргиз-казаков и кара-киргизов те же самые в главных чертах и в настоящее время.

У оставшихся таким образом в родовом быте, в продолжение, по крайней мере, четырех тысячелетий, народов кровные отношения, принадлежность к родам и их деления естественно должны были всегда иметь важное значение. И действительно, родовые деления и имена, вместе с тамгами (тавро или мета скота) и уранами (военные клики), и народные обычаи и предания составляют у неимевших литературы кочевников почти все, что они сохранили в качестве памятников своего прошлого. Отсюда понята важность изучения родовых делений для истории и этнографии тюркских народов. Между тем, по замечанию Вамбери, немногие предметы в этнографии тюрков представляют большие трудности, чем точное выяснение главных и последующих родовых делений⁴. В самом деле, будучи в первоначальной основе своей результатом естественного размножения людей в первичных общественных группах, роды, вследствие продолжающегося естественного зарождения новых членов в составляющих их семьях и увеличения количества этих последних, должны неминуемо дробиться на части, из которых каждая дает также свои подразделения и т. д. Но одновременно и не менее могущественно, чем естественное зарождение, влияют на образование новых родовых частей и на иное группирование существующих - экономические и политические факторы: недостаток пастбищ вследствие умножения скота, борьба за эти пастбища, происходящие отсюда и из других причин внутренние смуты и раздоры, наконец внешние нашествия и войны, - все это также влияет на группировки родов и их частей, вызывая образование новых родовых единиц и союзов. Во время происходящих вследствие разнообразных причин брожений и смут весьма часто играют выдающуюся роль сильные и удачливые вожди, под властью которых

¹ Рода, конечно, а не лица или семьи.

² «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» монаха Иакинфа, Спб., 1851 г., часть 1, стр. 2 и 3.

³ Там же, стр. 270.

⁴ Das Türkenvolk etc., 1885, s. 181.

собираются не только ближайшие их родственники, но и отдаленные по крови части родов, и даже иноплеменники. Возникающие таким образом наряду с родовыми делениями кровного происхождения, а потом и заменяющие их частью, родовые союзы народным сознанием приравниваются к родовым единицам кровного происхождения, хотя в состав их входят нередко части разных родов и даже семьи и группы иноплеменников. Так как процессы образования новых родовых единиц и групп, исчезновения их и созидания новых родовых союзов делятся все время существования тюркских кочевников, т.е. тысячелетия, то следовало бы ожидать, что киргиз-казаки, при своем сборном составе из разных подплемен, если не из разных племен и народов, представляют собою в настоящее время необъяснимый конгломерат родовых союзов и что роды у них утратили всякую между собой истинную кровную связь и соотношения. В действительности, однако, оказывается, что роды и их подразделения у тюрков-кочевников находятся между собою в определенных, имеющих частью фиктивный, частью истинный кровно-родовой характер соотношениях. Произошло это, без сомнения, вследствие могучего влияния родового быта, в котором кочевники эти продолжают пребывать. В нем же коренится причина облечения, в народном сознании, отношений между родами исключительно в форму кровно-родовую, генеалогическую. Утрачивая через два-три поколения ясные воспоминания об исторических событиях, между прочим, и об обстоятельствах образования родовых союзов, их видоизменений и распадения, тюрки-кочевники всегда представляли себе происхождение своих родов или общественных единиц и их подразделений таким же, как совершающееся вследствие естественного размножения людей образование новых родовых делений¹. Таково именно содержание тюркских родословных преданий, первый сохранившийся до нас образчик которых записан китайцами в VI веке после Р.Х., а некоторые из позднейших изложены в «Истории монголов» Рашид-аддина и повторены в сочинении Абдул-гази-багадур-хана, назвавшего свою историю «Родословной тюрков», устные же существуют и созидаются и поныне у тюрков, сохраняющих кочевой образ жизни и родовой быт.

У киргиз-казачков такие родословные встречаются нередко даже в письменном изложении. Раз такая родословная попала мне в одном из рукописных сборников, которые ходят по рукам у грамотеев, самими ими составляются и содержат, иногда рядом с молитвами, сказания романтического характера о Тимуре и Чингиз-хане, сказки о богатырях, загадки и пр. Родословные эти отличаются большим разнообразием.

¹ В родовых общественных группах связующим цементом служит «представление о происхождении от общего родоначальника мужчины и культ этого родоначальника» («Первобытное право» проф. М. Ковалевского, вып. I, Москва, 1886 года, стр. 85). У раджапутов «чистокровные роды сравнительно редки. Большинство родов составилось не из одних единокровных; к древнейшему стволу действительных родственников присоединились с течением времени выходцы из других родов. Раздоры, несогласия, гнет общественного мнения сплошь и рядом побуждали, как отдельных лиц, так и целые группы семейств, вступать в состав чуждых им родовых сообществ... Не одно усыновление родов чужеродцев, но и добровольное соединение нескольких чуждых друг другу по крови общественных групп под предводительством общего вождя, ведет к возникновению на севере Индии так называемых смешанных родов... По прошествии одного или двух поколений развивается новое, более или менее сказочное генеалогическое древо... Проходит несколько поколений, и сглаживается самая память о позднейшем восполнении рода новыми пришельцами» (там же, стр. 18, 19).

ем в зависимости от части степи и от рода, где они встречаются. Я приведу здесь одну такую родословную, составленную бием рода ботпай Дикамбай-батыром, умершим в 1876 году; источники ее мне неизвестны. Начинается она с Адама и поименовывает 54 колена до Абул-хаира¹. У Абул-хаира показано три сына: Байчура (родоначальник большой орды), Джанчура (предок средней орды) и Карачура (родоначальник меньшей орды)². У Байчуры значится сын Джуманбай, у него Кейкибай, далее Тюбей. У последнего четыре сына: Майки, Когам, Коюлдур и Мекраиль. У Майки также четыре: Бахтиар, Канглы, Кырг-джуз, Мын-джуз. У Бахтиара сыновья Уйсун и Сергеле. У Уйсуну Аксакал (абак-тамга) и Джансакал (тарак-тамга)³. У Аксакала сын Карача-бий, у него Байлибек. У Байлибека от старшей жены Сары-байбиче сын Сары-уйсун; от второй жены, по имени Зериб, сын Джолмамбет, у которого от старшей жены Мапраш был сын Чапрашлы, от второй (стряпки) сын Сты и от третьей (сестра ее) Угиакты; от третьей жены Байлибека, по имени Дамалак, был сын Джаркычак, а у него сыновья Абдан, Дулат, Суан. У Дулата четыре сына: Ботпай⁴, Чимыр⁵, Сейкым⁶ и Джаныс. Этим кончается составленная Дикамбай-батыром родословная.

В «Родословной таблице» г. Южакова Ошакты и Чапрашты показаны сыновьями Суака (Суана), но он поясняет, что по другим рассказам «Исты (или Сты), Чапрашты и

¹ Адам, Шиш, Нуш, Яспин, Магдаиль, Ярык, Уаху, Идрис, Агынук, Матуашак, Малик, Нух, Япыз (Яфет), Арпакшад, Салык, Хабыр, Балкы, Аргын, Ашрак, Тахрар, Такрак, Хазар, Ибрагим Халиль-улла, Исхак, Джакып-Пайгамбер, Юсуппай, Джагуда, Дайнар, Азган, Узбек, Сагды-вакказ, Малик, Абдильмажнун, Сагит, Керьбага, Мухаммед, Абдурахман, Абдукарым, Абдул-газис, Салык, Сальман, Джумарт, Узюбек, Языкень, Альмень, Керим, Туйгашь, Куренбай, Джалынтуз, Баба-касым, Ерь-булантай, Сабаз-батыр, Ерь-джомарт, Алпаыспек, Абул-хаир. Часть начальных имен, по-видимому, взята из перешедшей в Коран библейской родословной. Остальные кажутся пока набором арабских, персидских и тюркских имен. Странно совпадение имени Абул-хаира с историческим Абул-хаир-ханом, при котором действительно положено начало союзу родов, образовавших киргиз-казачий народ. Неужели сохранилось об этом в народе смутное воспоминание, выразившееся в помещении в родословную Абул-хаира с тремя сыновьями-родоначальниками трех казачьих орд?

² По сказаниям киргиз-казаков Сырь-дарьинской области (Н.И.Гродеков «Киргизы и кара-киргизы сырьдарьинской области», Ташкент, 1889 года, стр. 2), у отца киргиз-казаков Алаша были три сына: Байшура, Джаншура (родон. средней орды) и Карашура (меньшей орды). По преданиям в средней орде (Г.Н.Потанин «Очерки северо-западной Монголии», вып. 4, СПб., 1883 года, стр. 14, по бумагам Мусы Черманова), у предка всего киргизского народа Котана было три сына: Акдзол (средняя орда), Альчин (меньшая) и Юсун. Муса Черманов, родившийся в 1818 году и умерший в 1884 г., рода суюндук, был долго старшим султаном баян-аульского округа; см. его составленную Д.Путинцевым биографию в «Акмолинских обл. ведомостях», 1885 г. № 38 и 39.

³ По «родословной таблице», написанной Ю.Д.Южаковым («Отечеств. записки», 1867 года, том 171), со слов чимкентских киргиз-казаков, у Бахтиара были сыновья Абак и Тарак и приемыш Канглы; по словам одних рассказчиков, Бахтиар усыновил безродного Катагана, от которого и произошли канглы и чаншклы, по мнению же других, чаншклы «чужой, неизвестный народ, присоединившийся к канглам». У Абака, по той же таблице, показан сын Джалаир, а у Тарака Ойсун (опечатка вместо Уйсун), Дулат, Адман и Суак (Суан): тут путаница, ибо у джалаириров тамга тарак, так что они всеми родословными производятся от родоначальника с тарак-тамгою.

⁴ По спискам алатавского окружного управления 1865 года род ботпай состоял из двух отделов - худаикул (отделения биш-турсух 315 киб., алим-джаныс 221 к., худаикул и сиирчи 207 к., всего 743 киб.) и чагатай (отделения исинбай 275 к., джан-койлык 330 к., асан-тайляк 537 к., акча и коджай 385 к., бийдас 80 к. и куралаш 115 к., всего 1722 к.).

⁵ По г. Южакову, у Чемыра показаны сыновья Чинходжа (у него Темир и Чокай) и Бекбулат (с сыновьями Клы, Чильмамбетом и Бок-кайнатом). По алатавским спискам Д 865 года, в волости чимыр означены три отделения (кунту, самбет и кукрек) со многими подотделениями, всего 560 киб.

⁶ По «Род. таблице» г. Южакова названы сыновьями Сейкыма Куйсерек, Чулдак, Тугатай, Бурас. По спискам алатавского округа 1865 г., в роде сейкым значились отделения кара-койлы (150 к.), ак-койлы (180 к.), кусийрак (215 к.) и чуулдак (625 к.).

Ошакты происходят от Юйсуня, от младшей жены, тогда как Дулат, Адман и Суан от старшей». В той же таблице у Уйсуня значатся сыновья Сергелы (у него означены восемь сыновей: Байджигит, Карабатыр, Батырляр, Уч-тамгалы, Илибай, Джакабай, Айт-бузум, Турт-тамгалы) и Исты (с сыновьями Тилик и Уюк)¹.

На основании устных сообщений разных биев большой орды² можно дополнить родословную Дикамбай-батыра следующим.

У Сары-уйсуна было два сына: Кальча и Джакуб.

У Чапрашлы было пять сыновей: Икей (род этого имени составляет ныне узун-агачскую волость верненского уезда), Исходжа (ныне часть кастекской, мало-алматинской и болыпе-алматинской волостей), Асыл (в тургенской и куртинской волостях), Чибыл (два аула куртинской волости) и Айкым (каргалинская волость того же уезда)³.

У Джаныса были сыновья: Джарылгамыс, Джанту, Джанташ, Джаилмыс, Баис, Караман, Капал, Утемис, Тюрт-кара, Чегыр⁴. У Баиса: Джолсеит и Джарты. У Джанташа - Ирюбай. У Джарылгамыса - Каскарау, а у него: Сарымбет, Баба, Кулбулды, Султангельды, Букень⁵.

Адбану приписывают двух сыновей: Чибыл и Сары. У первого два сына - Кызылбурк и Конурбурк; у второго (Сары) - Айт, Бузум, Сегиз-сары, Курман, Альджан; от девушки из рода Айт родился сын Кыстык⁶.

¹ По спискам алатавского окружного управления 1865 года, в роде исты отмечены отделения ишим (180 к.), малай (170 к.), катты-кулак (100 к.), алмамбет (60 к.), куланчи (100 к.), всего 610 к.; одно из подразделений названо сундук (30 к.).

² Вариантов существует и вновь появляется множество. Я приведу только слышанное от людей толковых и сведущих в народной старине. - По А.Н. Краснову («Очерк быта семиреченских киргизов» в «Известиях И.Р. географического общества», 1887 года, стр. 437 и 438), «киргизы дулатовской волости производят себя от Дулата, сына Абак-Терека, сына Юссуна»... По его же словам, казаки большой орды считают себя в близком родстве с казаками малой и средней орды «и потомками рыжеволосого Уссуня, брата родоначальников двух вышеприведенных орд и сына Лудуза (?). По другим толкованиям, Уссунь был сын Каракозы, брата Джангоза, родоначальника кара-киргизов. Это второе толкование, рассказанное мне в долине Иссык-куля (замечает автор), еще подлежит, впрочем, проверке».

³ По спискам алатавского округа 1865 года, две волости чапрашты, в которых значились 1001 и 1014 кибиток, имели в своем составе отделы этих самых имен; из числа отделений упомянем кочкар и кучук.

⁴ У г. Южакова названы еще Богожали, Акпай-худак, Джамбай, Ольджанкул, Утебай-туле. По алатавским спискам значились в роде джаныс отделения джолсеит, джарты (семь подразделений), кыбрай (пять подотд.) и худайкул (семь подотд., в том числе капал и кубул). Всего джанысов числилось в двух волостях 1516 киб.

⁵ По спискам алат. округа 1865 г., кашкарау состояло из отделений баба (подотделения байсулу 275 киб., куньсулу 225 к.), кулбулды (130 киб.), инем-баласы (130 к.), ирюбай (130 к.), беш-калмак, сарымбет (со многими подразделениями, в том числе султангельды и букень, всего 766 киб.), всего в двух волостях 1689 киб.

⁶ По Мусе Черманову (Потанин, «Очерки», вып. 4, стр. 14), у Адбана, сына Абака, было пять сыновей, из которых записаны имена Сары и Чэбия; у Сары два сына - Альджан и Сегиз-сары, у второго же: Айт, Бузум, Кастык, Кызылбурк, Конурбурк. - По спискам алатавского окружного управления 1865 года значились адбановские роды: кызылбурк, 1016 киб. в 9 отделениях, в том числе кирей-кул, сакау, чокаман, найманбай, далее конурбурк 450 киб. в 10 отделениях, сегиз-сары 1030 киб. из отделений чаган (пять подразделений), ходжа-мамбет (четыре подотделения) и джарты (четыре подразделения, имена которых не те, что у джарты в роде джаныс), потом айт в числе 1070 киб. (пять отделений, в том числе

У Сувана полагают двух сыновей Байтюгей и Тогурустан¹.

Джалаиру, сыну Джансакала (тарак-тамга), дают двух сыновей: Сыр-манак и Чуманак. От Чу-манака пошло семь родов: андас, мурза, кара-чапан, уракты, ак-биюм, кальпе и супатай; от Сыр-манака пять: арык-тыным, байчигыр, сиирчи, балгалы и кайчилю. Есть еще тринадцатый род кучук, который появился позже всех и присоединился к балгалы².

2) Главные родовые деления большой орды, занимаемые ими земли и численность их

Отмеченные в приведенных родословных курсивом имена суть названия существующих родовых делений большой орды. Ныне она состоит из одиннадцати главных подразделений, колен или поколений: дулат, адбан, суван, чапрашты, исты, ушакты, сары-уйсун, джалаир, канглы, чаншклы и сергелы. Многочисленнейшее и преобладающее из них поколение дулат складывается из родов ботпай, чимыр, сейкын и джаныс. Род ботпай обитает в верненском, аулиеатинском (в 1867 г., по Макшееву 1100 кибиток) и чимкентском (по Гродекову 274 киб.) уездах; род чимыр - в верненском, аулиеатинском (по Макшееву 3500 к.), чимкентском (по Гродекову 3334 к.) и (по Смирнову) в ташкентском уездах; род сейкым в верненском, аулиеатинском (по Макшееву 1500 к.) и чимкентском (по Гродекову 4570 к.) уездах; наконец род джаныс - в верненском, аулиеатинском (по Макшееву 700 к.) и чимкентском (по Гродекову 3374 к.), а также (по Смирнову) в ташкентском и перовском уездах. В общем, в поколении дулат, распространяющемся вдоль западного Тяньшаня, от р. Или до Сыр-дарьи и Чирчика, можно считать приблизительно 40 т. кибиток. Адбаны занимают в верненском и джаркентском уездах, в числе, в 1889 году, 15426 киб., земли от р. Тургеня и прохода Санташ до р. Или и до китайской границы. - Суваны, в 1889 г., в числе 3632 киб., помещаются в джаркентском уезде на правом берегу р. Или. - Чапрашты находятся главным образом в верненском уезде, приблизительно всего в числе 7 т. киб. - Исты встречаются в верненском уезде, в низовьях р. Или (в 1885 году - ниже-илийская волость - 1564 киб.) и в чимкентском (по Гродекову 3521 к.). - Ушакты малочисленны и имеются в чимкентском (по Гродекову 527 к.), а также (по Смирнову) в аулиеатинском и ташкентском уездах. - Сары-уйсуны имеются в верненском уезде (в 1885 г. 1187 киб.), а также (по Смирнову) в небольшом количестве в аулиеатинском, чимкентском и ташкентском уездах. - Джалаиры занимают земли между р. Караталом и р. Или в копальском уезде, в числе, в 1889 году, 16098 киб., и встречаются (по Смирнову) в аулиеатинском, чимкентском и ташкентском уездах. - Канглы и чаншклы имеются в небольшом количестве около р. Тургеня в верненском уезде, в

суюндук и особый отдел кыстык из пяти же отделений), бузум 1240 киб. (из тринадцати отделений, в том числе курман 300 к. и баба 140 к.) и альджан 1200 киб. из отделений сарымбет, чагыр, аламан и чаджа.

¹ По Мусе Черманову, Байтыкей и Тогуруслан. По спискам алатавского окружного управления 1865 года, сувановская волость состояла из 1025 киб. в 16 отделениях, в том числе кочкар 100 к., урус 180 к. и едигер 30 к.

² Абрамов в «Записках И. Р. географического общества», том I, 1867 года, стр. 271-273, и списки алатавского окружного управления 1865 года. Из отделений нужно упомянуть в роде андас - кыргыздар, кочкар и танат, в роде супатай - ак-марка и кара-марка, в роде кучук - суюндук, в роде балгалы - огуз, чагыр, кулум, в роде сиирчи - баимбет, яксымбет, ильтазар, тюленгут.

аулиеатинском (по Макшееву 350 киб. канглов) и чимкентском (по Гродекову 478 киб.), но главным образом в ташкентском уезде, где, по Макшееву, считалось канглов 1650 киб. и чаншклы 2000 киб. - Сергелы обитают в чимкентском уезде (по Гродекову 4871 киб.) и в ташкентском (по Макшееву 1410 киб.) уездах и встречаются также (по Смирнову) в аулиеатинском¹.

В общей сложности киргиз-казаков большой орды считается:

В семиреchenской области (1889 г.):	В сыр-дарьинской:
в копальском уезде 16098 киб.	в аулиеатинском уезде 13640 к. ²
в джаркенском уезде 13452.	в чимкентском уезде 21686 к. ³
в верненском уезде 30504	в ташкентском уезде 14000 к. ⁴
Итого 60054 киб. ⁵	Итого 49326 к.

А всего 109 380 кибиток или круглым счетом около 110 т. киб., что составит по 4 души на кибитку⁶, около 440 т. душ обоего пола.

По поколениям общее число кибиток может быть приблизительно распределено так:

дулат	40000 киб.	ушакты	2000 киб.

¹ Сведения Макшеева были основаны на современных официальных данных о числе кибиток и помещены в статье его «Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае», напечатанной в «Записках И. Р. географического общества, по отделению статистики» и отдельно (Спб., 1867 г.); по этой же статье показано было в ташкентском уезде родов беш-тамгалы 330 киб., дулат 380 к., конграт 890 к., аргын 359 к., найман 115 к., кипчак 100 к., рамадан 610 к., всего же в уезде 7835 киб. Цифры эти были далеко ниже действительных, потому что в 1868 году, при организации волостей, число киргиз в кураминском уезде определилось в 20710 кибиток и дворов; киргизы занимают всю северную часть уезда и долину Келеса и составляют большинство в причирчикских волостях; за Чирчик переходит только род чаншклы; на Ангрене киргиз уже нет и в бассейне его обитают кураминцы (11043 киб. и дворов); на Ангрене же встречается 341 семейство рода кара-китай; сартов в уезде 9948 дворов и таджиков 1662 двора - все по сведениям 1868 года (см. А.М. Терентьева «Статистические очерки среднеазиатской России» в «Записках И. Р. географического общества, по отделению статистики», т. 4, 1874 года, стр. 73 и 79). - Цифры, приписываемые Н.И. Гродекову, извлечены из стр. 17-20 книги его «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», Ташкент, 1889 года, и относятся к 1867-1884 гг. Сведения, показанные принадлежащими г. Смирнову, взяты из книги «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 года, где на стр. 318-322 помещено перечисление родов, обитавших в области в 1885 году с указанием уездов, но без сведений о числе кибиток или душ.

² По вышеуказанной книге г. Е. Смирнова, в аулиеатинском уезде всего киргиз 116000 душ обоего пола: вычитая 47800 душ кара-киргизов, получим 68200 д. киргиз- казаков или (по принятому в сыр-дарьинской области счету в 5 душ на 1 кибитку) 13640 кибиток киргиз-казаков.

³ Гродеков, «Киргизы» и пр., стр. 17-20.

⁴ По г. Смирнову, в кураминском уезде в 1885 году считалось 186 т. душ об. п., а за вычетом курамы (80 т. душ) 107000 душ киргиз-казаков, что соответствует 21400 киб. Из этой цифры на роды большой орды приблизительно надо считать, по преобладанию над родами средней и малой орды в этой местности, не менее 14 т. к.

⁵ Цифры эти извлечены из губернаторского «Обзора» за 1889 год.

⁶ Счет по 4 души обоего пола на кибитку ближе к действительности, как убедился я при многих точных поверках в семиреchenской области.

адбан	15500 »	сары-уйсун	1500 »
суван	4000 »	джалаир	17000 »
чапрашты	7000 »	канглы и чаншклы	10000 »
исты	6000 »	сергелы	7000 »

3) Исторические известия о главных родовых группах или поколениях большой орды и состав их на основании этих известий и имен родовых подразделений

О главном по численности роде или колене большой орды имеются, хотя скудные, но все же достаточные, чтобы наметить его существование в течение многих уже веков, исторические известия.

Так, на основании данных Именика болгарских князей и других обстоятельств, можно полагать, что род дулу, вероятно, существовал до Р.Х., ибо часть его во II столетии после христианской эры укрывалась вместе с хуннами от пределов Китая, из нынешней западной Монголии, в киргизскую степь и затем разделяла судьбы гуннов, после же распада царства Атилы вожди дулу стали во главе той части болгар (союза гуннских и отуреченных угро-финских родов), которая основала болгарское царство за Дунаем. В V веке оставшаяся в западной Монголии, между Тяньшанем и монгольским Алтаем, часть тех же дулу упоминается китайскими историками в числе гаогюйских поколений, под именем тулу. Так как в VII веке занимавшие эту самую страну пять аймаков подвластных западным тюркским ханам кочевников именовались аймаками дулу, то надо думать, что род дулу первенствовал между местными тюркскими родами и занимал такое же положение и ранее в тюркской стране Юебани. По китайским известиям, владение Юебань основано было во время ухода гуннов на запад и имело сношения с Китаем до половины V века. Прекращение известий о Юебани совпадает с движением гаогюйцев, во второй половине того же столетия, на запад, где они должны были подчинить юебаньцев, которые затем и значатся у китайских историков под именем гаогюйского поколения тулу. Китайцы сохранили имена родов, обитавших между Тяньшанем и Алтаем в VII веке: чу-юе, чу-ми, чу-мугунь, чу-бань и пр. Вероятно, эти роды, образовавшие, по-видимому, особую чуйскую группу, составляли ранее население Юебани, имея во главе дулу. Они же, во всяком случае, входили в состав аймаков дулу, в названиях которых, кроме чу-мугунь, встречается шуниши-чубань. В этом имени

можно узнать нынешний дулатовский род джаныс, имя же чу-бань дает основание полагать, что почитаемые киргиз-казаками за близкородственные дулатам колена адбан и су-бан (суван) были родами чуйцев и, быть может, находились в составе аймаков дулу под именем чу-бань.

С прекращением с половины VIII века подробных китайских известий о западных тюрках пресекаются и сведения о дулу. Мусульманские писатели дают в IX-XII веках

сведения, и то крайне скудные, лишь о господствующем в каждом из соседних с землями магометан тюркских владений племени, но не сообщают никаких известий о подчиненных родах. Поэтому известия о дулатах отсутствуют за все время владычества карлыков и киданей, а потом и монголов. Только в описаниях войн Тимура с джагатаидами проскальзывают некоторые данные о родах, из которых состояло кочевое население владений современных джагатаидов. Главным из них оказывается род дуглат, т.е. дулу, старейшины которого наследственно пользуются высшим в ханстве званием улусбека и правят Кашгарию, а один из них (Камер-эддин) даже сам овладевает ханской властью, истребив почти весь род местных джагатаидов. Спустя столетие, когда окончательно пала власть джагатаидов на севере Тяньшаня, перед стремлением родов к самостоятельности, дулаты должны были, в числе остальных родов Моголистана, войти в состав киргиз-казацкого союза. Надо думать, что стремление к самостоятельности и раздроблению не ограничилось освобождением родов от ханской власти, но сопровождалось распадом и самих родов на части, и что желание найти защиту и опору против сильных родов было одной из главных причин вступления бывших джагатаидских родов в состав киргиз-казацкого союза. При крайней скудости сведений о киргиз-казаках в XVI и XVII столетиях легко объяснимо отсутствие упоминаний и о дулатах. Часть дулатовских родов, вероятно, была подчинена во второй половине XVII века цзунгарами и значится в числе зюнгарских аймаков под именами долот или дологот (4 т. кибиток). Около 1723 года покорены были калмаками и остальные дулаты, отхлынувшие вместе с другими родами большой орды к Ташкенту и Туркестану. В первых обстоятельных сведениях о большой орде, относящихся к второй четверти XVIII столетия (разумею оренбургскую историю и топографию Рычкова), она значится состоящею из дулатовских родов джаныс, сейкым и чимыр, из родов сары-уйсун, канглы, чаншклы, адбан, суван и чапрашты. Около 1785 г., по капитану Андрееву, вдоль китайской границы между Алакулем и р. Или находились роды суван, адбан, чапрашты, джалаир, кашкарау, джаныс, канглы и чаншклы, а между Таласом и Сыр-дарьей роды джаныс, чимыр, чаншклы и сергелы; не названы им роды ботпай и сары-уйсун, которые с частями других родов, вероятно, занимали земли между Или и Таласом, об обитателях которых Андреев умалчивает¹. В начале XIX века, по Спасскому, большая орда состояла из кочевавших по китайской границе и распространявшихся до Сыр-дарьи дулатовского рода, в четырех отделениях, и сары-юсун-джалаировского, из занимавшего земли между Туркестаном, Сары-Су и Ак-мечетью рода сергам (конечно, это сергелы) и, наконец, из обитавших на Сыр-дарье к Ташкенту родов канглы и чаншклы. По сведениям Левшина (до 1832 года), «большая орда вначале составила из поколений уйсун или усун, тулатай и саргам; в последствии времени, от средней орды отделилось к сей последней поколение кократ или кункрат. I. Из первых произошли роды: ботбой, чимыр, джанис или яныш, сик-ам, абдай-суван, сары-сулы (?), чаныч-кылы, канклы или канлы, джалаир и пр. П.

¹ Источники и подробности приводимых в настоящем исследовании исторических известий указаны и изложены в особом труде моем, содержащем очерки истории и древней географии Западного Тяньшаня со времен усуней. Имею надежду, что труд этот будет напечатан, и потому не повторяю помещенного в нем, так как это потребовало бы здесь слишком много места.

Конкратское поколение составили следующие роды: байлар-джанджар, уразгельды, кульджагач, бочман, ток-булат, яман-бай, кура-куся (кара-кисек?), этимляр, куюш-сансыз»¹. По В.В. Радлову (1869 г.), восточное крыло большой орды, общее родовое имя которой есть юйсунь, образуют роды суан и абдан с подразделениями: бозун, айт-кыстык, кызыл-пөрүк, конгур-пөрүк, сегиз-сары, альджан и тулат, а западное: сихым около Чемкента, джамыс, темир, шымыр, ботпай около Аульеата, курулус (народ Идеге-бия), беш-тен-бала (пять похожих детей), сиргели, исты, отакчи (ошакты?), джалаир, шаппас около Ташкента; султанскими крепостными были: кара-калпаки, тюрюкпены, канды и теленгуты².

Канглы являются не менее древним тюркским племенем, чем дулаты. Вероятно, именно они упоминались в Авесте и Магабарате под именем Капка. Китайцы за полтора века до Р.Х. нашли на Сыр-дарье обширное владение Кангюй, которому подчинялись мелкие оседлые владения на Зеравшане и в нижнем течении Аму-дарьи. В эпоху младших Ханей (25-221 гг.) кангюйцы или канглы покорили аланов между Аральским и Каспийским морями. В 568 г. византийский посол Зимарх ехал к тюркскому хану Дизавулу и обратно землями подвластных в это время уже тюркам канглов, именую их холиатами (канли=холи). Если сами сельджукиды, завоевавшие в XI веке Мавераннагр и Западную Азию, и не были родом канглы, как утверждает Рашид-эддин, тем не менее, основная часть их армий состояла, вероятно, из канглов. Последний карлыкский илек Беласагуна на р. Чу призвал к себе кара-киданьского гурхана, во второй четверти XII века, для защиты от набегов канглов. В войсках Султан-Мухаммеда Хорезм-шаха служили десятки тысяч канглов, перешедших к нему на службу с Таласа, где кочевали их родовичи. В 1220 году гиньский посол Вукусунь упоминает в числе встреченных им на пути к Чингиз-хану в Мавераннагр племен канглов. Плано Карпини, после Комании (земли половцев), следовал по стране кангитов. Рубрук в 1253 г. также проезжал через земли канглов (cangle). Во время Тимура канглы продолжали занимать правый берег Сыр-дарьи, но численность их была уже невелика. Выделяя из себя в продолжение веков значительные массы на юг и на запад, ибо вторгавшиеся в Европу полчища гуннов, печенегов, половцев и кипчаков увлекали с собою части канглов, кангюйцы постепенно уменьшались в численности, утрачивали преобладание в исконных своих землях и вытеснялись из них, с востока дулатами и с севера кипчаками, к самым берегам Сыр-дарьи в среднем ее течении. В состав киргиз-казачьего союза канглы вступили уже в качестве немногочисленного

¹ «Описание киргиз-казачьих орд и степей», часть 3, стр. 9 и 10. Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 286) повторяет Левшина. По В.В. Радлову (Aus Sibirien, I, s. 237), колено конкрат разделяется на 12 родов, из которых шесть считаются алты-ата-көктын-улы (шесть сыновей отца Көка), а остальные шесть - алты-ата-көктон-чу (шесть отцов Көктөнчу).

² Aus Sibirien, I, s. 235, 236. Тулат попал в число сувановских и адбановских подразделений, конечно, вследствие опечатки. Вместо кур-улус обыкновенно употребляют имя куралас или куралаш. По Макшееву, род куралас имелся в 1867 г. в аулиеатинском уезде в количестве 1050 кибиток. Вместо беш-тен-бала у Макшеева беш-тамгалы в туркестанском (2000 киб.) и ташкентском (330 к.) уездах. И едва ли не правильное это последнее имя. Темир по «Родословной таблице» г. Южакова выходит подразделением чемыровского отделения чинходжа. Отакчи, вероятно, опечатка вместо ошакты. Шаппас едва ли не джаппас меньшей орды.

рода, значительная часть которого при том же ушла в Мавераннагр с шейбанидами. Поставляя главный контингент состава личных, придворных войск или дружин (тюленгутов) киргиз-казахских ханов и султанов, канглы рассеялись с ними по всей киргиз-казахской степи и в настоящее время, в виде самостоятельных родовых групп, встречаются только в ташкентском уезде.

Имена канглов и дулатов кажутся алтайского, подобно большинству имен главных тюркских племен и родов, происхождения (от р. Кан, правого притока р. Чарыша, и от реки Тулаты, левого притока той же реки) и свидетельствуют о первоначальном близком их родстве. Поэтому большеордынские родословные правильно считают оба колена близко родственными. Не осталось также в родословных неотмеченным гораздо ранее появление канглов на землях будущей большой орды. Действительно, канглы ушли из Алтая на запад и заняли степи при Таласе и Сыр-дарье за многие века ранее появления в степях, прилегающих к западному Тяньшаню, дулатов, которые перешли р. Или едва ли главным образом не в XIII столетии. В генеалогической форме это выражено помещением Канглы в братья Бахтиару, от которого четырьмя коленами ниже произошли Дулат, Адбан и Суван.

Правильность указаний родословных преданий относительно двух главных колен дает основания полагать, что справедливы указания тех же родословных и на взаимные отношения других родов, в особенности тех, относительно которых нет исторических и иных данных. Можно поэтому считать вероятным, что поколение сергелы, предок которого показывается родословными сыном Бахтиара, состоит в более близком родстве с канглами, чем с дулатами, и пришло к западному Тяньшаню ранее дулатов. На том же основании чапрашты, исты и ушакты, происходящие, по родословным, от братьев отца Дулата, рожденных от младших или незаконных жен¹, вероятно, прибыли в земли большой орды ранее дулатов и должны были иметь отличия от них в происхождении. Ниже мы увидим, что тамги этих колен указывают на происхождение исты от канглов, а чапрашты и чаншклы от канглов и дулатов, тамга же колена ошакты особая, так что ошакты кажутся чуждого и канглам, и дулатам происхождения.

На родину чаншклы в Алтае намекает существование между кумандинцами на р. Лебеди, приток Бии, кости шашкылы или чачкылы² и речка Чанглы-булак, приток р. Кальджира, истока озера Марка³. Вышеприведенное сказание о происхождении канглы и чаншклы от Катагана, приемыва Бахтиара, дает основание думать, что

¹ По среднеордынским родословным сказаниям (Потанина «Очерки северозападной Монголии», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 14), рожденные от незаконной жены родоначальника средней орды Акджола четыре сына Кирей, Уак, Тараклы и Тюленгут (все это на самом деле колена средней орды, отличного от главных колен этой орды происхождения и позднее к ним присоединившиеся) должны были прислуживать четверем сыновьям законной жены (Кипчак, Аргын, Найман и Конграт); один мел юрту, почему у него тамгой чилик (лоза), второй обязан был ставить юрту, за что получил в тамгу бакан (подпорка для чарганак - верхнего круга остова юрты); третий чистил лошадей, почему у него тамга тарак (гребень), четвертый же пас лошадей с пикой в руке, почему у него тамгой найза (пика).

² Г.Н. Потанин, «Очерки северо-западной Монголии», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 939.

³ «Записки И. Р. географического общества, по общей географии», 1867 года, том I, стр. 399.

чаншклы очень давние пришельцы с Алтая, приставшие к канглам и жившие с ними до настоящего времени, ибо и теперь канглы и чаншклы встречаются часто вместе. О катаганах упоминает Абул-гази, который говорит, что во время пребывания его у казаков в Ташкенте, около 1632 года, казакский Ишим-хан погубил владевшего Ташкентом казакского же Турсун-хана и разорил и подверг преследованиям катганов (qatghans). Он же производит этих катганов от Букум-катгана, старшего сына Алун-гоа¹. У Рашид-эддина этот род нирунов именуется хатакин и ведется от старшего сына Алун-гоа Бугун-хатаки². Надо полагать, ввиду этого, что катаганы появились в Туркестане лишь во время Чингиз-хана, в составе «полка» Джагатая и на службе у джагатаидов. Конечно, численность их была невелика и род катаган составил на Сыр-дарье из местных канглов, чаншклов и пр., соединившихся под главенством и защитой какого-нибудь влиятельного бека из катаганов, приняв имя последних. С распадением союза, вследствие гонений Ишим-хана и т. п., исчез на правой стороне Сыр-дарьи и род катаган, части которого вошли в другие группы или возвратились к своей особенности³.

Можно также имя чаншклы отождествлять с именем монгольского рода чаншиут или чанишкит, упоминаемого в «Юань-чао-ми-ши», которое проф. Березин считает соответствующим имени дженшкит, отрасли кыиотов по Рашид-эддину⁴. В таком случае приходится предполагать, что поколение чаншклы образовалось в джагатаидское время из местных родов, всего вероятнее канглов, в виде союза, получившего имя от главы из рода чаншиут или чаншклы, из джагатаидских монголов.

О джалаирах не имеется упоминаний до времен монгольских. В числе начальников четырех тысяч, данных Чингиз-ханом Джагатаю, упоминается Мука-нойон из рода джалаир, а потому можно полагать, что часть «полка» Джагатая состояла из джалаиров и что с того времени джалаиры и появились в странах притяньшаньских. Численность их была, конечно, невелика, если и присоединялись к ним искать счастья на службе джагатаидам родичи из Монголии. По положению своему в монгольской гвардии и при дворе многие джалаиры были беками и занимали важные места в управлении улусом джагатаевым, как в Моголистане, так и Мавераннагре. О некоторых

¹ Histoire des Mongols et des Tatares, tr. Desmaisons, 1874, p. 328, 79.

² «История монголов. Введение», Спб., 1858 года, стр. 179. и «История Чингиз-хана до восшествия его на престол», 1868 г., стр. 10.

³ Значительная часть катаганов должна была уйти в Мавераннагр с шейбанидами, потому что есть катаганы на Зеравшане и в других местах (Гребенкин, «Узбеки» в «Турк. ведомостях», 1871 года, № 39). Г. Смирнов упоминает род катаган в аульеатинском уезде («Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 года, приложение № 3). Макшеев в 1867 году показывал в аульеатинском уезде 1050 киб. рода куралас, который у г. Смирнова не поминается. Это должен быть союз из родов дулатов и канглов, подобный кагагановскому и джалаировскому, именовавшийся по главе из рода джагатаидских монголов куралас (у Рашид-эддина, по чтению Березина, «Введение», стр. 154, хорлас, по д'Оссону, р. 426, курлас). У В.В. Радлова, как приведено выше, род куралас значителен, по-видимому, под именем кур-улус, «народ Идеге-бия» - поясняет он. Исторический идеге был современником Тимура и родоначальником ногайских мурз. Так как присоединение к большой орде части отдаленных мангытов сомнительно и нуждается, во всяком случае, в доказательствах, то вероятнее, произношение куралас, куралаш и происхождение от имени монгольского джагатаидского рода. Имя катаган едва ли не саянского происхождения: от реки Хатага, притока р. Уды.

⁴ «История Чингиз-хана до восшествия его на престол» («Труды восточного отделения И. Р. археологического общества», часть тринадцатая), Спб., 1868 года, стр. 245, 246, 249.

из них упоминается в историях Тимура. По смерти Беграм-джалаира Тимур отдал «джалаировскую орду» сыну его Адиль-шаху¹. Вероятно, с разделением джагатаидов на две ветви, ханствовавшие одна в Моголистане, другая в Мавераннагре, поделилась на две части и их монгольская гвардия, а с нею и джалаиры. В данном случае шла речь о джалаирах, оставшихся в Мавераннагре, где потомки их теперь встречаются небольшими группами, считаясь одним из родов узбеков. Конечно, и моголистанские джалаиры были немногочисленны, так что нынешнее колено джалаир в копальском уезде, численностью более 16 т. кибиток, нельзя считать кровным потомством джагатаидских джалаиров. Разве только роды балгалы и кальчилы являются кровными джалаирами, потому что на эти же роды делятся джалаиры, обитающие в долине Зеравшана в катты-курганском уезде². Из остальных родов кучу к и арык-тымьн, по видимому, кара-киргизского происхождения, потому что кости кучук и арык принадлежат, как увидим, к древним кара-киргизским родам. Далее, в джалаировских родах встречаются и части дулатовских (сравн. сиирчи в роде ботпай и отд. чигыр в роде джаныс, соответствующее байчигыр у джалаиров) и атбановских (отделения сарымбет, кочкар) родов. В роде андас есть кара-киргизы (отделение кыргызлар), вероятно, попавшие в его состав сравнительно в недавнее время. Отделения джалаировского рода в супатай ак-марка и кара-марка напоминают именем своим алтайское озеро Марка и побуждают предполагать, что они суть остатки одного из родов карлыков, носившего это имя: карлыки пришли к западному Тяньшаню из юго-западного Алтая и могли занести сюда полученное в Алтае от озера Марка имя³. В числе отделений джалаировского рода мурза значились, по спискам алатавского окружного управления 1865 года, отделения ходжа-назар-майда и ходжа-назар-аппак: может быть это потомство проповедников ислама в среде джагатаидских тюрок, кочевавшее при орде джагатаидов в качестве придворного духовенства, по удалению же сыновей Юнус-хана в Восточный Туркестан оставшееся в Моголистане и примкнувшее к джалаирам. Вообще джалаировское колено большой орды есть союз частей родов разного происхождения, образовавшийся первоначально под главенством какого-нибудь вождя из рода джалаир и успевший, под влиянием различных обстоятельств, окрепнуть и образовать прочное целое, хотя истинных джалаиров было в нем и первоначально немного⁴.

¹ Histoire de Timur-bec, trad, par Petis de la Croix. Paris, 1722,1.1, p. 252.

² О них есть сведения к статье Гребенкина «Узбеки» («Туркест. ведомости» 1871 года, № 42), по которой обитают они в 24 кишлаках, занимаются земледелием и числятся в количестве до 3500 д.; они почему-то считают себя родственниками туркменам.

³ Один из трех отделов западной части карлыков носил в VII веке имя мэуло (mou-lo) или мэули (mou-la), как значится в «Тан-шу» («Собрание сведений» и пр., о. Иакинфа, часть I, стр. 437): некоторое, хотя и отдаленное, сходство с Марка. Имя другого рода карлыков можно, пожалуй, предполагать в баба (отделение у абдановских бузумов и у дулатовских кашкарау) и в бапа кара-киргизов, потому что у карлыков, по китайским сведениям, был отдел пофу (po-roi).

⁴ По Н.И. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», 1889 года, стр. 7 и 8), «Род джалаир считается ныне старшим. На пирах, при подаче кушаньев, спрашивают: есть ли налицо старший из родов, джалаир»? Когда джалаиров нет, то по почету следует род ошакты. Киргиз-казаки этого последнего рода утверждают, что Ошакты старше Джалаира, хотя и незаконный сын, родившийся не от мужа, а от похоти: «мать всех родов великой орды Юпар-байбиче, от похоти, зародившейся при виде одного проходившего мимо мужчины, имела, без сношения с ним, ребенка. Она сунула его в очаг (ошак),

4) Ураны и тамги большой орды и указания их на родовой и племенной состав этой орды

Обратимся теперь к указаниям на родовой состав большой орды, которые могут дать ураны и тамги.

Ураны, или употребляемые в боях, при барантах, на байгах клики, будучи именами храбрейших вождей или особенно памятных родоначальников, должны были подвергаться нередким переменам, ибо имя позднейшего храброго и счастливого предводителя или долго правившего родоначальника могло вытеснять старый уран. Так как сведения наши о прошлом отдельных родов более чем скудны и о батырах их и родоначальниках мы знаем еще менее, то имена уранов вообще могут выяснять нам немного, тем более, что и сведений об уранах большой орды собрано или напечатано еще мало. Находим их лишь у Н.И. Гродекова¹, по которому общий уран большой орды, а также уран джалаириков и дулатов есть Бахтиар; у канглы и чаншкы, по одним уран - Айрилмаз, по другим канглы кричат Байтерек; у чапрашты - Карасай, у сиргелы - Туганаз, у исты - Яуатар; у чимыр - Чимыр, а на байге - Койгельды; у сейкым - Сейкым, на байге - Ирсбек; у ботпай - Ботпай, на байге - Самен; у джанысов - Джаныс, на байге же Туле². Судя по уранам, можно определить - к какому каждое колену принадлежат отделения или роды, которых колена у Г. Гродекова не указаны. Так, род сугатай, по урану Яуатар, должен принадлежать к колену исты; род бурас есть, вероятно, часть сейкымов, ибо уран у него Ирсбек; роды курпик, санграу и балык должны быть канглы или чаншкы, ибо уран у них Шеншкылы; род тилик, по урану Яуатар, принадлежит к исты. У не встречавшихся мне более родов косар и тогатай уранами служат у первого - Каблан и у второго - Бозмоюн.

Больших разъяснений, чем от уранов, можно ожидать от родовых тамг, ибо по своему назначению и важности в быте скотоводов тамги должны пользоваться значительной прочностью и неизменностью. По Левшину, «тамги или знаки, употребляемые киргиз-казаками вместо подписей и клейм», «заимствованы киргизами у монголов, которые распространили их не только в Средней Азии, но, вероятно, и в

отчего нашедшие его люди дали ему имя Ошакты. После него она имела законного сына Джалаира». - Такой почет джалаирам составляет, кажется, особенность побережья средней части Сыр-дарьи, где, на разгрань и между двумя половинами джагатаева улуса, джалаиры монгольской гвардии начальствовали войсками и пользовались большим значением. Сомнительно также, чтобы ошакты имели с джалаирами что-либо общее по происхождению. - У Рашид-эддина значатся имена десяти родов джалаириков, но ни одно из них не имеет сходства с именами родов и отделений нынешних джалаириков. Привожу их по чтению проф. Березина, помещая в скобках чтение д'Оссона («История монголов. Введение», СПб., 1858 года, стр. 33, и Histoire des Mongols etc., т. I, р. 7): джаит (чат), кункаут (билкассап), уят (уят), куркин (кугэр), тури (бури), тукаут (тукараут), кумсаут (кункассаут), нилкин, туланкит (туланкит), санкут (шинкут). Автор «Сборника летописей», напечатанного во 2 томе «Библиотеки восточных историков», издававшейся проф. Березиным (Казань, 1854 года), был «джалаирец из рода гребне-тамгового», служивший при касимовском царе Ураз-Мухаммеде (убит в 1610 году), из киргиз-казацких султанов, внук Шигай-хана (Вельяминов-Зернов, «Исследование о касимовских царях и царевичах», часть 2, СПб., 1864 года, стр. 487).

¹ «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», 1889 г., стр. 2 и 3, приложения.

² По поводу кликов дулатовских родов на байгах бий Султан сообщил, что когда калмыки вытеснили киргизов за Сыр-дарью, к Бухаре, то четверо славных биев-батыров Туле, Койгельды, Чинат и Самен, собрав ополчение, прогнали их и возвратили места, «где теперь живут киргизы» (там же). На самом деле Туле был многие годы, до разрушения цзунгарского государства китайцами, подданным калмыков и правил от имени цзунгаров Ташкентом.

Индии»¹. «Родам, для различия, - говорит Илья Казанцев, - даны Чингиз-ханом особые прозвища (ураны) и знаки (тамги), которыми киргизы означают свои вещи, скот и которые служат им для рукоприкладства»². По Мейеру, «тамги - знаки для клеймения скота» - дал киргизским родам хан Тявка³. В распространенном между киргизами (при Сыр-дарье) списке 92 узбекских рода, первоначально составленном по желанию одного из бухарских эмиров, «сказано, что когда 92 брата разбогатели, то скот их стал смешиваться; чтобы отмечать принадлежность скотин, братья, по совещании между собой, изобрели 92 знака, тамги. - Древность тамг подтверждается тем, что многие названия родов, а чаще колен (отделений), происходят от названий, начертаний тамг... Нахождение в известном месте родовой тамги на могиле или другом памятнике может доказать, что там некогда кочевал такой-то род». «Тамга накладывается преимущественно на лошадях и верблюдах, притом с левой стороны (с которой садятся на лошадь). Часть тела, где выжигается тамга разнствуует у различных родов»⁴.

Сами тюрки и монголы уже шесть веков тому назад относили существование тамг к легендарным временам. По крайней мере, у Рашид-эддина (1247-1318 гг.)⁵ значится, что тамги «определены и утверждены» при Кун-хане, сыне и наследнике мифического Угуз-хана, чтобы ими «нарочито обозначались указы, сокровищницы, табун и стадо, во избежание от кого бы то ни было ссоры или сопротивления у одного с другим»... Древность тамг видна, между прочим, из изображения тамги тюркских ханов на памятнике Кюль-тегину 732 г. и на других, частью более древних, камнях и плитах на Орхоне⁶, но еще большая древность существования тюркских родовых тамг доказывается тем, что, как увидим ниже, знаки тюркского алфавита, которым сделаны надписи на памятнике Кюль-тегину и других на Орхоне и Енисее, суть родовые тамги, употребляемые большей частью и поныне у киргиз-казаков. В.В. Радлов слово «тамга» переводит через Eigenthumszeichen⁷ совершенно правильно и мнение А.Н. Харузина, полагающего, что «тамга не есть знак собственности, а знак родовой»⁸, справедливо лишь в том отношении, что тамга есть знак собственности родовой. И это значение слова «тамга» указывает на чрезвычайную древность употребления тамг, на времена, когда личной и семейной собственности не существовало, а была только собственность

¹ «Описание киргиз-казачьих орд и степей», 1832 г., ч. 3, стр. 135.

² «Описание киргиз-кайсаков», Спб., 1867 года, стр. 30.

³ «Киргизская степь оренбургского ведомства», Спб., 1865 года, стр. 5.

⁴ Гродеков, «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», Ташкент, 1889 года, стр. 3. На несторианских кладбищах в долине р. Чу «кроме крестов оказываются на некоторых камнях изображения предметов: кувшины, столик, тамги» («Археологические известия и заметки, издаваемые М. археологическим обществом», 1894 года, стр. 141 и 142).

⁵ «Сборник летописей. История монголов. Введение. О турецких и монгольских племенах», пер. Березина, Спб., 1858 г., стр. 24.

⁶ «Атлас древности Монголии» В.В. Радлова, Спб., 1892 г. и «Сборник трудов орхонской экспедиции», вып. I, Спб., 1892 г.

⁷ Aus Sibirien, B. I, s. 455.

⁸ «Киргизы бухарской орды», вып. I, 1889 г., стр. 148.

родовая и сознавалась необходимость в очевидном и прочном признаке принадлежности скота только известному роду¹.

В самом деле, потребность в метках для скота как в средстве для верного и скорого определения принадлежности скота и для предупреждения поводов к столкновениям и вражде между родами должна была очень рано выясниться в скотоводческих обществах или родах². В форме ли вырезывания на шкуре животного острым орудием или выжигания, которое вытеснило первый способ, изображение клейма должно было иметь, для достижения цели, ясное и вместе с тем несложное, простое и легкое для самых неискусных рук начертание. Этим условиям удовлетворяют только самые простейшие знаки - прямая черта³ и круг, а также их удвоения и сочетания⁴, но отнюдь не слишком сложные, потому что при выжигании на коже животного и на ограниченном пространстве сложные начертания должны сливаться и делаться неясными. По этой же причине непригодны для тавра различные кривые, кроме круга и полукруга, так как они не могут иметь на шкуре с шерстью ясных форм, выходя похожими на прямые или на круг и его части, или, наконец, принимая смутные и разнообразные очертания, ибо у разных хозяев сложные тавры выйдут несходными. Родовые тамги киргиз-казаков, кара-киргизов, алтайцев, монголов и калмыков⁵ вообще выполняют эти условия. Если

¹ М. Иванин («Внутренняя или букеевская орда», в журнале «Эпоха», 1864 года, № 12) высказал предположение (как приводит согласный с ним А.Н. Карузин в своем труде «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 153), что тамги выражали или род оружия, которым были вооружены полки или отряды ханов потомства Чингиз-хана, или род службы и занятий различных киргизских племен. Но, во-первых, тамги существовали за многие века до Чингиз-хана, во-вторых, разве только прямая черта, служащая тамгою у канглов и кипчаков, и я-тамга (лук) случайно напоминают пик и лук, остальные же, весьма многочисленные, тамги казачьих родов никакого сходства с каким-либо оружием и никакого отношения к занятиям и орудиям их вообще не имеют.

² По г. П. Ефименко (в статьях «Юридические знаки», помещенных в «Журнале мин. народного просвещения», 1874 г., № 10, 11 и 12 и составляющих, сколько известно, первое всестороннее научное исследование по этому предмету), первобытные родовые знаки «состояли по большей части из изображений животных, редко других предметов, которым поклонялись племена», нося их имена; во втором периоде эволюции знаков роды получают особые наименования, по большей части от имени своего родоначальника или местности кочевков, символами же или знаками делаются предметы домашней жизни, неизменные в бродячем быту; в третьем периоде знаки собственности теряют свои названия, почти все состоят из рубежей, то есть прямых линий, и делаются чисто условными знаками; «наконец, в четвертой фазе своего развития клейма являются в совершенно новой форме, в виде начальных букв имен и фамилий своих владельцев» («Журнал мин. нар. просвещения», 1874 года, № 12, стр. 286-288). Согласно этой теории, тюркские тамги принадлежат уже второму периоду эволюции знаков или переходной ступени от второго периода к третьему, остатками же первичной фазы представляется часть знаков остяков и других звероловческих племен Севера. Конечно, в этой теории правильно главным образом лишь применение научного начала эволюции, детали же подлежат изменению сообразно с накоплением фактов, что автор и предвидел.

³ Подобные соображения были много лет тому назад высказываемы академиком А.А. Куником, который считал фигуры на монетах великого князя Владимира и его сыновей родовыми знаками и писал: «Такие родовые знамена нередко возникали из знаков собственности». Последние были «во всеобщем употреблении преимущественно у народов, которые не имели еще азбуки или у которых не была еще распространена грамотность. Для того, чтобы обладатель такого знака мог пользоваться им, то есть вырезать его на дереве и т.п., он должен был быть несложным. Поэтому, как думают, эти знаки у европейских народов были первоначально составлены из прямых, большей частью вертикальных линий, и только с течением времени отдельные линии закруглились, и вся фигура становилась вычурнее, или же искажалась ее первоначальная форма» («Археологические известия и заметки, издаваемые И. Московским археологическим обществом», 1894 года, № 10, стр. 302 и 303).

⁴ Таковы и тамги арабов, приведенные по рисункам Вецштейна, у Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 37).

⁵ Рисунки киргиз-казачьих тамг помещены в трудах Левшина («Описание киргиз-казачьих орд и степей», 1832 г., часть 3, между стр. 134 и 135), Мейера («Киргизская степь оренбургского ведомства», 1865 года, стр. 89-92), Казанцева («Описание киргиз-кайсака», 1867 г., стр. 213), Потанина («Очерки северо-западной

привести киргиз-казахские родовые тамги в систематическом порядке, то окажется, что они состоят из изображений круга , его удвоения , полукруга , одной прямой черты , ее удвоения , соединений круга и полукруга с одной, двумя и даже тремя прямыми , , , , , , , , ; сочетаний двух прямых, образующих углы ,

Таким органическим путем¹ произошло по крайней мере, кажется несомненно, образование тамг у разветвлений главного колена большой орды дулатов.

Тамга всего поколения дулат (Гродеков) есть дунгелек (т.е. круг). Тамгами у ближайших к нему поколений, быть может, некогда даже родов его, адбан и суван (по Г.) оказываются у первого и у второго . Из собственно дулатовских родов ботпай (Г.) имеет тамги и , а род сейкым (Г.) ² Но тамга дулатовского рода чимыр (Г.) и

получился сложный знак, служащий доказательством его позднейшего происхождения» («Археологические известия и заметки, издаваемые И. М. археологическим обществом», 1894 года, стр. 306-308). Таким же образом происходит изменение клейм посредством прибавок к основному знаку, - так что по клейму «можно узнать от какого семейства отошел крестьянин», - у крестьян архангельской губернии (П. Ефименко «Юридические знаки» в «Журнале мин. нар. просвещения», 1874 года, № 10, стр. 69) и у вотяков и крестьян сарапульского уезда вятской губернии (Михаил Харузин, «Очерки юридического быта у народностей сарапульского уезда» в «Юридическом вестнике», 1883 года, № 2, стр. 289). У вотяков вятской губернии «каждый род имеет издавна свой знак - тамги и имел в древности духа-покровителя; тамги и имя духа-покровителя, даже с переселением известной линии рода на другое место, сохранялись в этой родовой линии. Так, вотяки глазовского уезда, приехавшие по торговым делам в бугульминский уезд (самарской губернии), где они случайно встретили своих земляков, по родовым знакам доискались, что эти вотяки переселились из известной деревни глазовского уезда, хотя и старики из них забыли уже о времени переселения в самарскую губернию. Переходя из рода в род, тамги усложняются, т.е. к первоначальному простому знаку прибавляются новые черты, но внимательное изучение тамги, тем не менее, может привести к важным результатам». В числе имен духов-покровителей есть имя Чуйя (Д. Островского «Вотяки казанской губернии» в «Трудах общества естествоиспытателей при Казанском университете», том 4, № 1, Казань, 1874 года, стр. 11). В старых тамгах русских лопарей «характерной чертой является то, что они, имея в основе своей один рисунок, общий для всех членов рода, видоизменяются по семьям, причем к основному рисунку прибавляется или отбавляется та или другая черта, или самая тамга, с прибавлением или отбавлением черты, изображается в другом направлении» (Николая Харузина «Русские лопари» в «Известиях И. общества любителей естествознания и пр. при М. университете», том 66, 1890 года, стр. 250).

¹ Что киргиз-казахские тамги не даны родам каким-нибудь властелином и не изобретены каким-нибудь одним лицом или собранием, а есть историческо-органический продукт народной жизни скотоводческого народа, - в этом можно убедиться между прочим, сличая существующие тамги с помещенными у Рашид-эддина и в Тевариhi-Али-Сельджук (см. у Вамбери в Das Türkenvolk, s. 4-6) тамгами Кун-хана. Сочинители этих 24 тамг для Рашид-эддина (из которого они заимствованы в Тевариhi-Али-Сельджук) или его источника были, конечно, люди, несколько знакомые с тамгами гулагидских монголов и тюрок. Поэтому значительная часть 24 изображений суть действительные тамги, но многие, видимо, изобретены для данного случая, причем составители упустили условия, необходимые для возможности действительного употребления сочиненных тамг. Так, 19 и 21 тамги и не пригодны для применения на деле, потому что это одна и та же тамга. При выжигании неизбежно было бы в большинстве случаев смешение 11 тамги

 с 24 тамгой и т. д. Нетрудно также заметить, что между двадцатью четырьмя тамгами нет никаких взаимных соотношений и каждая из них является или бессвязным отрывком жизненной действительности (настоящие тамги), или произвольным вымыслом. К числу же вымышленных большею частью принадлежат приводимые капитаном Андреевым (рукопись географического общества «Описание средней орды» и пр., 1785 года, лист 3 на обороте и 4) тамги, будто бы данные Чингиз-ханом: «1) Волость кият-атагай, ачамай, 2) Кунрат-бий , 3) Майкибай , 4) Урдас-бий , птичьи ребра, 5) Тамкан-бий , 6) Кипчак , тарак, по-русски гребень, 7) Чурматли-бий , селяк, по-русски вилы, 8) Киреет-бий, асбурюкус (?), 9) Мунтан-бий , 10) Мерчан-бий , 11) Буртан-бий , тимиза, 12) Матай *, 13) Халдар-бий , чумич, 14) Салчут-бий , 15) самого же его, Чингиз-хана, была тамга ». 1, 8, 9 и 10 тамги изображены в рукописи неясно, затейливыми кривыми, которые нельзя воспроизвести обыкновенными типографскими средствами, почему здесь и не помещены.

Кроме этой тамги, у Гродекова показана у сейкымов тамга «кезентамга». Но на стр. 3 у того же автора читаем: «у овец и рогатого скота не выжигают тамг, а нарезают ухо, правое или левое. Эта зарубка называется эн, кез». Не изображает ли кезентамга зарубки у овец и рогатого скота, а не тамгу?

тамга четвертого дулатовского рода джаныс (Г.) >. Относительно тамги рода чимыр, которую источник наш называет ятамга, необходимо заметить, что по В. В. Радлову¹ ятамга значит лук-тамга и у алтайцев изображается . Так как, во-первых, приведенная тамга рода чимыр названию своему не соответствует и так как, во-вторых, чимыровское (на основании родословной таблицы г. Южакова) отделение чинходжа (Г.) имеет тамгу , т.е. производную от дулатовской, то надо полагать, что в изображении тамги чимыров в сведениях нашего источника произошла ошибка или недоразумение, потому что естественно ожидать, что дулатовский род чимыр имеет дулатовскую же и тамгу, особенно когда отделение этого самого рода обладает тамгой именно дулатовского типа, как и другое отделение того же чимыровского рода самбет имеет тамгу (Г.) также дулатовского типа ². Что касается тамги рода джаныс, принадлежащей к типу рода найман средней орды и, по-видимому, даже совершенно с тамгой последнего одинаковой, то и тут вероятнее ошибочность источников г. Гродекова, ибо предполагать у джанысов найманское происхождение нет пока никаких оснований. Весьма поэтому желательно собрание подробных сведений о тамгах родов чимыр и джаныс и их отделений³.

У колена канглы тамга (Г.) кесеу, кочерга⁴, а потому колено исты (Г.), у которого, как и у родов его тилик и уик (Г.), та же тамга, должно происходить от канглов.

Тамги родов чаншклы (Г.) и , колтамга (рука - тамга) и чапрашты (Г.) , состоя из сочетания прямой черты и полукруга, кажутся указывающими на происхождение от канглов и может быть дулатов.

Имя чапрашлы может казаться имеющим соотношение с Чапна, именем одного из 24 внуков легендарного Угуз-хана, тамга же Чапна, по Рашид-эддину⁵, та же, что у чапрашлы. Предание об Угузе взяты персидским историком, между прочим, вероятно у туркменов, которых он производит от 24 внуков Угуза⁶, туркмены же на самом деле суть потомки канглов или родственного им колена, перешедшего за Сырдарью в глубокой древности. Имя Чапна Березин производит от чапмак, рубить⁷. Чапна значит в числе 12 внуков Угуза, принадлежавших к левому крылу и носивших имя уч-ук (три стрелы): не имеет ли это имя связи с именем загадочного колена большой орды учакты, ошактый В

Aus Sibirien, I, s. 279.

2 Сходная же с этой тамга приводится Г. у рода бистерек (вероятно, это отделение одного из дулатовских родов).

3 У рода бекпулат (должно быть это отделение чимыров бекбулат «Родосл. таблицы»), по Г., тамга

4 По Ниязову (Г.), у канглов тамга шилвир (чумбур).

5 «История монголов. Введение», перевод Березина, 1858 г., стр. 28.

6 Там же, стр. 21.

7 Там же, стр. 225. Вамбери, в Таварихи-Али-Сельджук, читает Чини и изображает тамгу (Das Türkenvolk, s. 5).

числе подразделений отделения шерифджуки туркменских иомудов, в Хиве, есть ушак¹. У ошақты тамга (Г.) тумар, амулет. Такая же тамга у бактыбаевского подотделения рода нагай букеевской орды и близкая у рода бершь (М.) малой орды.

Третье загадочное колено большой орды сиргелы имеет тамгу (Г.) сирге, «прибор из дерева, привязываемый на морду жеребят, для того, чтобы они не сосали мать». По В.В. Радлову, сирге значит серьги (Ohrrigen)². По Гродекову же, у сиргелы есть еще три тамги: , , , из которых последняя именуется курейтамга. Киргизы называют курай все вообще высокорослые травы, употребляемые для топлива. Приведенные тамги сиргелы, в особенности первая, родовая, указывают на их родство с канглами, кипчаками и даже с киреями.

У джалаиоров тамга (Г.) или , тарак, гребень, вероятно то же самое, что тамга у колена средней орды таракты (Г.) или . Е. Казанцев дает тамги и роду табын и тамгу роду тама у рода табын показывают также Левшин и Мейер. У Потанина тамгу рода таракты изображена , но такие частые черты едва ли возможны в таврах, потому что при выжигании должны сливаться. Сходны с тамгой тарак султанские (Г.) и , у Потанина , у Харузина   и .

Я думал было, для сравнения с тамгами большой орды и каракиргизскими, привести все известные тамги родовых делений киргиз- казаков средней и малой орды, а также родовые тамги алтайцев³, кундровских и юртовских татар и астраханских туркмен⁴, и затем тамги калмыков и монголов⁵, - которые между прочим подтверждают, как и имена родов и костей, нахождение в составе калмыцких и монгольских аймаков омонголенных частей почти всех нынешних киргиз-казацких поколений, - но отказался от исполнения этого предположения, отчасти вследствие типографских затруднений, главным же образом по причине недостаточности имеющихся сведений о тамгах среднеордынских и алтайских по родовым подразделениям, а также по скудости сведений о тамгах самих болыпеордынцев и кара-киргизов.

В родовых тамгах малой орды, сведения о которых довольно обильны, преобладают производные от прямой черты, образуемые приставками одной или двух прямых под острыми углами. Это указывает на происхождение составных частей малой орды (и

1 Vambery - Das Türkenvolk, s. 393.

2 Aus Sibirien, I, s. 226.

3 По акад. Радлову - Aus Sibirien, 1884,1, s. 279 и Г.Н. Потанину - «Очерки северо-западной Монголии», вып. 2, 1881, таблица XXVI, и вып. 4, 1883 г., таблица I. К сожалению, оба автора не могли указать костей или родов приведенных ими тамг. лица I. К сожалению, оба автора не могли указать костей или родов приведенных ими тамг.

4 Небольсина «Волжское низовье» в «Журнале мин. вн. дел», 1852 г., и «Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский края» в «Вестнике И. Р. геогр. общества», 1852 г., часть 2, стр. 5 и 6. Интересны приводимые у Палласа (Observations faites un voyage entrepris dans les gouvernements meridianaux de l'Empire de Russie dans les annees 1793 et 1794 par P. S. Pallas, trad. de l'allemand, t. I, Leipzig, 1799, p.p.336 et XXIX) тавры абазин и кабардинцев, которые мне кажутся тюркскими родовыми тамгами, указывающими на древнетюркское происхождение горского владетельного класса

5 «Калмыцкая степь Астраханской губернии, по исследованиям кумоманычской экспедиции», Спб., 1868 г., стр. 167-172. У Г.Н. Потанина (см. выше) приведены некоторые тамги халхасов, торгоутов, дюрбютов, блетов, урянхайцев, мингатов.

отделившейся от нее букеевской) от канглов, тамгою которых служит прямая черта. Действительно, и по историческим данным, кипчаки, из потомков которых состоит главным образом малая орда, кажутся ответвлениями или близкими родичами канглов, имея и тамгу последних или ее удвоение. Встречающиеся в гораздо меньшем количестве тамги найманского и киреевского типов, а также производные от круга, т.е. дулатовские, составляют, без сомнения, результат вступления в состав кипчакских родовых союзов частей найманских и киреевских родов, вытесненных из Монголии в эпоху Чингиз-хана и позднее; дулатовские примеси и тамги могли попасть в страну кипчаков и ранее, во времена передвижений гуннов, телэсцев и тукюесцев.

В средней орде, занимающей восточную часть страны кипчаков, естественно, находятся родовые союзы кипчаков и позднейших пришельцев из Монголии найманов с тамгою (Л.) √, аргынов-тамга (Л.Г.) ○○, киреев-тамга (Л.) + и (Г.)×, и конгратов с тамгою (Г.)П. Роды кипчаков, по сведениям Гродекова, для отличия один от другого, накладывают общую кипчакскую тамгу на разные, определенные для каждого рода, части тела животных, напр. род торы на шею, род узун на передние ноги и т.д. О тамгах отдельных аргыновеких ответвлений сведения не встречаются. Сведения о родовых тамгах наймановских и киреевских скудны, о конгратовских почти отсутствуют. Между тем для выяснения этнического состава киргиз-казаков и монголов и их истории могут быть весьма полезны подробнейшие сведения о родовых тамгах. Значительный и разносторонний интерес могут также представлять для науки родовые тамги якутские, енисейских татар, узбекских родов, башкирские и т.д.

По словам перепечатанной в № 187 «Правительственного вестника» 1894 года из местных губернских ведомостей статьи «Древние обитатели Уфимской губернии», у башкир, «при сделках и договорах, клеймении граничных деревьев, таврении скота и вещей применялись особые, клино- и дугообразного вида, родовые и семейные тамги», которые «несомненно принадлежат к роду звуковых письмен». Справедливо скорее обратное¹: существовавшие с глубочайшей древности родовые тамги были позднее употреблены в качестве букв в орхонско-тюркском алфавите.

Еще Спасский (Inscriptiones sibiricae, 1820) указывал на сходство знаков надписей на Енисее и в Алтае с употребляемыми и ныне у сибирских кочевников тамгами или таврами. Напоминая об этом, Вамбери высказал предположение, что надписи близ Минусинска, на берегу притока р. Иртыша Смолянки и другие подобные этим суть

¹ По мнению г. П. Ефименко («Юридические знаки» в «Журнале мин. нар. просвещения», 1874 года, №11, стр. 167-169), письмена вообще происходят из родовых знаков, и таково было между прочим происхождение тех черт и резов, посредством которых читали и считали, по словам Черногорца Храбра, «словени, погани суще», т.е. до принятия христианства. «Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли после искусства письма и что самые простые из открываемых надписей обходятся без клейм. Наверно, позднейшие изыскания и сравнения древнейших родовых и домовых знаков, открываемых, напр., на днах жертвенных горшков, с славянскими рунами покажут, что многие из знаков первого рода вошли в состав наших рун... По словам Шафарика, буквы у славян назывались метами или метками». - Почти все знаки составленной Св. Стефаном зырянской азбуки (см. ее в «Истории государства российского» Карамзина, том 5, 1819 года, примечание 125) суть тамги, существующие и теперь у тюркских, монгольских и угро-финских племен, а потому надо полагать, что означенная азбука составлена из родовых тамг зырян и пермяков.

исчисления или реэстры тех родов, которым принадлежит право пользоваться пастбищами в прилежащих местностях¹. Сличение тюркского алфавита орхонских надписей не оставляет, кажется, сомнения, что большая часть его букв суть тамги, поныне существующие в киргиз-казацких родах. Так, если ограничиться даже теми формами, какие имеют употребленные В.В. Радловым для напечатания надписи на памятнике Кюль-тегина знаки тюркского алфавита², то окажется, что 29 из 38 знаков тюрко-орхонского алфавита сходны с ныне существующими родовыми тамгами или близки к ним, причем некоторые знаки представляют собою одну и ту же тамгу, только в разных положениях; остальные 9 знаков, по формам своим, могли иметь происхождение также от тамг, хотя именно таких изображений в числе ныне известных тюркских и вообще урало-алтайских родовых тамг пока не встречается³.

Сходство многих знаков тюрко-орхонского алфавита со знаками алфавитов финикийского, фригийского, ликийского, хитийского⁴ - при малой вероятности занесения последних с берегов Средиземного моря в Монголию⁵, - может служить

¹ Das Türkenvolk, 1885, s. 356. - Кистрен (см. Статью академика Шифнера «Об этнографической важности знаков собственности» в «Ученых записках Академии наук по 1 и 3 отделениям», 1855 года, том 3, стр. 605) расположен был приписывать начертания на скалах Енисея киргизам, «но он прибавляет догадку, что эти начертания, как и многие другие фигуры на камнях, были в старину знаками собственности. Эта догадка основана частью на предании у татар, частью же на том, что эти начертания встречаются на камнях, находимых на древних курганах».

² Die alttürkische Inschriften der Mongolei, St. Petersburg, 1894.

³ Нет их также в родовых знаках индейских племен Америки, сколько можно судить по обширному исследованию (822 страницы, 54 таблицы и 1290 рисунков в тексте) Picture-writing of the American Indians by Garrik Mallory, помещенному в Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnology to Secretary of the Smithsonian Institute 1888-1889. Washington, 1893. В изображениях на скалах и камнях западной части Северной Америки довольно обильны знаки, совершенно сходные с тюркскими, монгольскими, остяцкими и т.д. тамгами и клеймами. Так, много их в таблицах I-XI, на которых помещены рисунки изображений на скалах и валунах Калифорнии; встречается несколько сходных знаков и в Южной Америке (напр., p. 158). Автор находит большое сходство изображений, принадлежащих индейскому племени Олбwa, со знаками на скалах в Сибири и говорит: this coincidence is more suggestive from the reason that the totem or dodaim, which often is the subject of those drawings, is a designation which is used by both the Олbwa and the Tatar with substantially the same sound and significance (p. 188). Мне кажется допустимым позаимствование американскими племенами от восточных ветвей древней азиатской расы, к которой принадлежали динлины. Существование сношений северо-восточной Азии с северо-западом Америки подтверждается китайскими известиями о «татуированных телах» (ouen-chin), народе, который обитал более чем в 7 т. ли на северо-восток от Японии и сделался известным китайцам в VI веке после Р.Х. (Ethnographie des peuples etrangers a la Chine, ouvrage compose au XIII siecle par Ma-touan-lin, traduit du chinois par marquis d'Hervey de Saint-Denys, 1.1, Geneve, 1876, p. 405). Хотя проф. Шлегель полагает, что страна татуированных людей (Wen-chin) соответствует острову Уруп из числа Курильских островов (Les peuples etrangers chez les historiens chinois, Leide, 1893, p. 14, extrait du Toung-pao, vol. III, № 14), но, при неопределенности китайских известий, приурочение это едва ли бесспорно.

⁴ См. письма эти, напр., в книге Масперо Histoire ancienne des peuples de l'Orient, deuxieme edition, Paris, 1876, p. 600-608.

⁵ Можно полагать, что тюрко-орхонский алфавит составлен около второй половины VII века после Р. Х. Такую дату вывожу я из двух кажущихся на первый взгляд противоречивыми китайских известий о письменности у тукюесцев: по одному, они «письмен не имеют» («Собрание сведений» и пр., I, стр. 269), по другому же, «буквы письма их походят на буквы народа ху», т.е. каких-то варваров (там же, стр. 271). Противоречие, по моему мнению, объясняется тем, что первое известие взято из «Суй-шу», которая составлена между 627 и 643 гг. знаменитыми учеными и государственными людьми, современниками династии Суй (581-618 гг.), имевшими достоверные источники, почему надо полагать, что у тукюесцев в 581-618 гг. письма действительно не существовало и что явилось оно у них позже, во время династии Тан (с 618 г.). Второе известие взято из «Бэй-ши». Составлявшие эту «историю северных дворов» ученые жили во время династии Тан; окончил ее Ли Янь-шеу, начал же писать еще отец его («Собрание сведений» и пр., I, стр. XVII); если она окончена позже «Суй-шу» (точных сведений я не нашел), то сведение о

доказательством самостоятельного составления с одной стороны мало-азийских и с другой - орхонско-тюркского алфавитов одинаково из скотоводческих клейм или тамг, которые у всех скотоводческих народов имеют большее или меньшее сходство, ибо должны удовлетворять, как выше сказано, общим необходимым условиям. Из числа упомянутых древних письмен отличаются особо многочисленностью сходных с тюрко-орхонским алфавитом знаков хитийские¹. Если подтвердится предположение о туранском происхождении хитийцев, то вместе с тем станет вероятным составление хитийских письмен не вообще из скотоводческих, а именно из тюркских тамг².

Отсутствие в рассматриваемом алфавите знаков, образованных из круга и добавочных прямых черт, указывает, что он составлялся не в западной Монголии, не в среде обитавших там тюркских родов с дулатами во главе, у которых в тамгах преобладали круг с производными от него, а в восточной Монголии, на Орхоне, откуда найманы и киреи, потомки современных алфавиту туюеских и гаогуйских родов, вынесли впоследствии в северную, среднюю и западную части киргиз-казахской степи те тамги, которые за много веков ранее послужили материалом для письмен тюркского алфавита. Во всяком случае, если названия некоторых тамг (как, напр., кульджа-тамга для одной из форм буквы к) или имена родов, которым они принадлежали, соответствовали своими начальными звуками звуковому значению вошедших в алфавит знаков - тамг, это отнюдь не было общим правилом, ибо некоторые тамги употреблены в этом алфавите для означения нескольких звуков, отличаясь только своим положением, тогда как тамга, в каком бы положении на животное не накладывалась, названия и значения своего не изменяла.

5) Степень перемешанности родов большой орды между собою и с родами других орд

В общем, рассмотрение киргиз-казахских родовых тамг, изображения которых не удалось мне привести здесь в желательной подробности и полноте, подтверждает, что тамги родовых подразделений получались посредством добавок и видоизменений

письменах у тукое могло быть помещено в нее составителями на основании дошедших до них сведений о существовании письменности у тукоевцев в их время.

¹ См. две таблицы хиттитских знаков, составленные майором Conder (On Canaanites в Journal of the Transactions of the Victoria Institute, v. XXIV, London, 1889) и перепечатанные в Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnologie, Washington, 1893, p. 662-664.

² Хити прибыли в Каппадокию и отсюда распространили свою власть на северную Сирию и Киликию тысячи за две лет до Р. Х. Первые египетские фараоны, предпринимавшие походы в Сирию между 1800 и 1600 гг., встретили отпор только от хити. Договор Рамзеса II с царем хити об оборонительном и наступательном союзе есть самый древний известный дипломатический акт. «Вместо исторических хроник, хити оставили нам безчисленные памятники своих побед... Везде (от гор Киликии до Эгейского моря), где только находились какие-нибудь стратегические пункты, для наблюдения ли за ущельями и дорогами, или для прикрытия крепостей, - хити выгравировывали на окружающих скалах фигуры своих царей и богов, сопровождаемые часто надписями». Хити постепенно ослабели, но упоминания о них и о столице их Гаргамыше на Ефрате прекратились лишь века за два до нового вторжения скифов в западную Азию в 634-627 гг. до Р. Х., когда они проникали до Египта (Масперо «Древняя история народов востока», Москва, 1895 года, стр. 247, 178, 179 и пр.) Conder думает (Hittite Ethnologie в Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, 1888, vol. XVII, p. 155), что финикийский алфавит очевидно происходит от хиттитских иероглифов. Имя хити (Khita, как пишут некоторые английские ученые) напоминает загадочное имя рода малой орды китэ, китя, китинского, с тамгой в виде креста или знака умножения, которые оба встречаются в хитийских иероглифах.

основной тамги коренного рода или колена. Кажется также ясным, что из таких основных тамг круг с его производными составлял особый тип тамг дулатов с родственными и происходящими от них родами, а прямая черта и ее производные при помощи приставок из прямых же линий, были типом тамг канглов и кипчаков с происходящими от них родами. К основным же типам тамг, вероятно, принадлежали угол найманов и прямоугольный четырехугольник, а также крест, встречающееся у киреев.

То же рассмотрение тамг показывает, что киргиз-казачьи колена и роды более или менее значительно перемешаны, ибо тамги разных типов и их производных нередко встречаются в одном и том же колене, роде и даже отделении в разных подразделениях.

По приведенным выше тамгам, за исключением сергелы, смешанность родов в коленах и частях большой орды не особенно заметна, но это может быть объясняемо малой известностью тамг большой орды, которые собраны, и то, конечно, не вполне, лишь в пределах сыр-дарьинской области. Но существование смешанности обнаруживают имена родовых частей. Так, на основании данных, приведенных выше из списков родов большой орды алатавского округа 1865 года, род джарты встречается в качестве отделений у адбанов (в роде сегиз-сары) и дулатов (в роде джаныс), баба у адбанов (бузум) и дулатов (кашкарау), танат у адбанов (кыстык), дулатов (джаныс) и джалаилов (андас), турсун у адбанов и суванов, кочкар у суванов, чапрашты и джалаилов (андас), сарымбет у адбанов (альджан), дулатов (кашкарау) и джалаилов (сиирчи), сиирчи у дулатов (ботпай) и джалаилов, кучук у джалаилов (супотай), чапрашты (исходжа) и дулатов (джаныс-кыбрай); на примеси из других орд указывают суюндук (из аргынов средней орды), у адбанов (айт), джалаилов (кучук), чапрашты (исходжа) и у дулатов (исты), кирей, кирейкул и найманбай у адбанов (кызылбурк), джумарт (наймановского колена) у джалаилов (андас), джумук (колена кирей) у адбанов (бузум), тама (малой орды) у адбанов (конурбурк), таз и карасакал (малой орды) у джалаилов (кучук). Однако приведенные имена не составляют и 10% более чем двух сотен имен родовых подразделений, помещенных в списках, так что перемешанность родов большой орды между собою невелика, а с родами других орд и совсем незначительна¹.

¹ Цифровое понятие о степени смешанности родов большой орды могут дать сведения о составе волостей чимкентского уезда, помещенные на стр. 17-20 книги Н.И. Гродекова «Киргизы» и пр. (1889 г., Ташкент), хотя в этом уезде роды, в силу исторических причин, наиболее после ташкентского, перемешаны. Оказывается, что в составе административных волостей преобладает численно один, большею частью, какой-либо род. Так, сейкымы (всего 4570 кибиток) преобладают в трех волостях, но встречаются еще в четырех в числе 93 к., 139 к., 8 к. и 50 к. Подобным же образом распределены джаныс (преобладает в трех волостях) в числе всего 3372 к., чимыр 3334 к., сергелы 4871 к., исты 3521 к. Род конграт, 4091 к., составляет три особые волости, в которых только 36 к. чужеродцев (аргыны и кирей). Затем распределены в волостях, состоящих из преобладающего большинства иных родов, следующие болыпеордынские роды, чапрашты 94 к., ботпай 274 к., ошакты 527 к., сары-юйсун 40 к., сеуван (суван?) 38 к., адбан 239 к., канглы и чаншкылы 509 к., джалаир 296 к., всего 2017 к. на 19670 к. поименованных родов большой орды. Кроме конгратцев к другим ордам принадлежат: к малой-джагалбайлы 218 к., к средней аргын 297 к., найман 705 к., кыпчак, 152 к., кирей 17 к., да сверх того кара-киргиз 20 к. и ходжей 154 к. Выходит, что,

6) Поколение сары-уйсун и относящиеся к его происхождению сведения

Сары-уйсуны по тамге оказываются не имеющими ничего общего с дулатами и их родичами, а также с канглами и прочими киргиз-казацкими родами (кроме киреев). Значит, они должны быть особого происхождения.

В списках алатавского окружного управления 1865 года в роде сары-уйсун показаны следующие отделения: кутлumbет (100 киб.), джанай (100 киб.), джулай-танай (100 киб.), джан-досай (200 киб.) и кулюке и крык (в обоих вместе 200 киб.), всего 700 киб. Эти имена не встречаются в родовых делениях дулатов и прочих частей большой орды, но слово крык, иначе кырк (крк) служит у кара-киргизов для означения самого низшего из родовых делений - отделения или подотделения, состоящего непосредственно из семей. Такое название одного из делений рода сары-уйсун указывает на родственное кара-киргизам происхождение сары-уйсунов или части их. Имя же кырк, однако, носит также один из узбекских родов, обитающий вместе с родом юз (сто, а кырк - сорок) между Ходжентом и Яныкурганом и южнее Пянджекента; отделения этого рода: кара-койлы, карача, кара-сирак, чапанашлы¹. Но вероятнее не то, что частица узбекского рода попала к сары-уйсунам, а то, что и у сары-уйсунов, и у узбеков род кырк одинаково кара-киргизского происхождения, или что сары-уйсунское отделение кырк находилось в сборных дружинах шейбанидов, завоевавших Мавераннахр под именем узбеков, или, наконец, что название рода кырк лишь случайно сходно с именем отделения сары-уйсунов и произошло от слова кырк, сорок, как имя союзного с ним рода от юз, сто, без всякого соотношения к сары-уйсунам и кара-киргизам.

По приведенной мною выше родословной все роды большой орды, кроме канглы и сергелы, производятся от Уйсуну, сына Бахтияра, и затем также все, за исключением еще Джалаира, ведут свое начало от правнука Уйсуну Байлибека. Сары-уйсуны специально считаются потомками сына Байлибека Сары-уйсуну, прочие же роды производятся от его братьев и племянников. Такое содержание представляющей собою выражение народных преданий родословной, а также именование большой орды юсуновской или уйсунской², объясняются всего естественнее сохранившейся в народе смутной памятью о том, что земли большой орды в древности были заняты народом, носившим имя усунь, и что поколение сары-уйсун есть прямое потомство этого древнего народа.

В настоящее время сары-уйсуны, в числе около 1200 кибиток, составляют сарытокумовскую волость верненского уезда семиреченской области и кочуют на левом берегу р. Или, от р. Курту на север до урочища Кара-турангы, в местности Сары-

за исключением конгратцев с их примесью (4127 к.), из остальных 23214 к. только 1527 к. иноордынцев и иноплеменников.

¹ Aus Sibirien, I, s. 225,226.

² Хотя название это не встречается в исторических источниках ранее настоящего столетия, но нет причин, по которым можно было бы отрицать его более раннее существование. В «Описании средней орды» капитана Андреева (1785 года) западная часть большой орды называется усунской волостью, по именам же родов оказывается состоявшею из дулатовских сеймыков, джанысов и чимыров, из сергелы, чаншкы и пр.

тау-кум¹. Есть еще немного сары-уйсунов в аулиеатинском уезде сары-дарьинской области и еще менее в чимкентском.

На Зеравшане есть узбекский род уйшун, о котором г. Гребенкин сообщает следующие, между прочим, сведения: уйшунов в округе (зеравшанском) весьма мало, не больше 500 душ обоего пола. Всегда ли их было в нем так мало и каким образом они очутились в округе - эти уйшуны не могут объяснить. По их преданию, они пришли в округ еще в то отдаленное время, когда Самарканд брали 92 узбекских племени... Они говорят, что кроме зеравшанского бассейна их нигде больше нет. Уйшуны разделяются на три отделения: 1) учаклы, 2) кузьтамгалы и 3) ирганаклы... Песни уйшунов и язык их - чисто киргизские². Учаклы может быть то же, что ушакты, но кузьтамга есть тамга аргынов средней орды и ирганаклы или ергенекты есть род тоже средней орды. Поэтому с сары-уйсунами эти уйшуны ничего общего, по-видимому, не имеют и кажутся прибывшим в дружинах шейбанидов союзом из частиц родов средней орды, образовавшимся под главенством какого-нибудь влиятельного бека из рода уйшин. Такой монгольский род, из числа дурлигинов, упоминается Рашид-эддином, по которому в улусе Джучи и в Персии были беки из этого рода³. В «Шейбаниаде» говорится об Алимардане из рода уйшун, а в «Шейбани-намэ» в войсках Шейбани-хана понимается род ушун⁴, так что приход уйшунов с узбеками несомненен, а это делает вероятным и сделанное мною предположение об образовании этого рода из местных родов в Дешт-кипчаке.

Есть еще усюны или (по Я.В. Ханыкову)⁵ уйсыны в роде ногай, букеевской орды⁶. Тамга их кипчакского типа. Вероятно, и это след монгольского рода уйшин.

Выяснение отношений сары-уйсунов к кара-киргизам удобнее отложить до рассмотрения родового состава кыргызов, в связи с происхождением енисейских

¹ В списках алатавского окружного управления 1865 г. о сары-уйсуновской волости замечено: «Род этот постоянно и весь кочует по правую сторону реки Или; зимовки имеет в горах Кюньчуэль, Чурк и Ачутаелы, летом же кочует по линии Терс-аккан (приток р. Коксу) и по южному склону (горы) Кутуркея, мешаясь с другими родами». Перебрались сары-уйсуны на левый берег Или в 1868 году, после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства, когда р. Или сделалась границей верненского и копальского уездов, сары-уйсуны же, считающиеся родичами дулатов, не пожелали остаться в копальском уезде, где дулатов не было, и перешли на левый берег Или в верненский уезд, чтобы жить с дулатами. Кочевки сары-уйсунов расположены в песках (Сары-тау-кум значит «желтые песчаные горы»), отличающихся безводием и скудной растительностью, и удобны только для разведения баранов и отчасти верблюдов; земель для пашен почти нет. Поэтому, по сведениям 1885 года, вся волость сеяла только 89 четвертей проса и пшеницы; скота считалось: верблюдов 1633, лошадей 2204, баранов 28239 и рогатого скота только 188. Число грамотных в волости наименьшее из волостей уезда, в чем она сходится только с кара-киргизскими волостями: 6 человек на 3433 д. об. пола.

² «Туркестанские ведомости», 1871 года, № 39.

³ История монголов. Введение», 1858 года, стр. 166, 88, 9, 167. Проф. Березин замечает (там же): «Племя уйшин у Санан Сэцэна называется укушин или уйшин... Может быть, это имя состоит в связи с монгольским укук, связка прутьев». Один из семи хошунов, на которые разделяется Ордос, называется ушин. «В хошуне ушин мне были названы омоки (роды): уйгурчин, ихти-хирейт, бага-хирейт, хархатан, хаджирут, тангудут, харачин, тубутут, харлиут, актышин, солонгос, урут, онус, чжахар, нюкутен, хатачин, хатычинер, бухас» (Г.Н. Потанин, «Тангутско-тибетская окраина» и пр., том 1, стр. 103).

⁴ Das Türkenvolk, 1885, s. 348, 349.

⁵ «Записки И.Р. географического общества», 1847 года, книжка 2, стр. 37.

⁶ А.Н. Харузина «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 года, стр. 37 и 38.

кыргызов и родственников им кара-киргизов от смешения тюрков с древними обитателями Монголии и южной Сибири - динлинами, отличавшимися светлой окраской волос и глаз, за которую тюрки именовали потомков их, вытесненных за Саяны, но сохранивших свой язык, «пегим» или пестрым народом, по-тюркски ала, у китайцев пома. Здесь же считаю не лишним упомянуть о некоторых киргиз-казацких легендах, наводящих на мысль о происхождении от смешений тюрков с динлинами или племенами их расы не только кыргызов, но и некоторых киргиз-казацких племен и родов.

Так как по большеордынским сказаниям у Сары-уйсуна был сын по имени Кальча, то ближайшее отношение к сары-уйсунам имеет приводимое Ильей Казанцевым сказание о происхождении киргиз-казаков от Калча-Кадыра: Калча-Кадыр был одним из военачальников проходившей через киргизскую степь армии какого-то завоевателя; вследствие изнурения от жажды и голода он отстал от войска и близок был к смерти, но его спасла спустившаяся с неба белая гусыня (каз-ак); она оказалась доброй пери и сочеталась с Калча-Кадыром; потомки их стали носить имя казак¹. Кроме имени Калча сказка эта не обращает ничем внимания.

Весьма распространенные между киргиз-казаками легенды связывают происхождение народа и орд с именем Ааша или Алача². По варианту, приводимому Казанцевым же, во владениях хана Алача или Алачена стали рождаться «пегие или чубарые люди, называемые (должно быть от оспы) ченчак (рябые)». Хан повелел лишать жизни матерей, у которых явятся такие дети, но и у любимейшей жены его родился пегий сын; хан даровал ей жизнь, но велел выпроводить ее вместе с сыном в степь, «дав ему в утешение кирк-гыз, т.е. сорок дев», от которых «произошло потомство и народ киргизы»³. Этот вариант интересен и происхождением киргиз-казаков от «пегого» человека (ала), и указанием на образование названия малой орды алчин через сокращение имени ала-чен, ала-чин. Такое же, как у последнего, образование имен встречается в именах людей татарских родов, по Рашид-эддину, который говорит, что «всякий индивидуум, происходящий из этого племени (тутукулчют), если он будет мужского рода, называется тутукултай, а если женского пола, называется тутукулчин, из племени анчи-татар-анчидай и анчин» и пр⁴. Еще яснее обнаруживается связь имени Алачин с динлинами и пома в сказании Абул-гази о городе или стране Алакчин. Приведя узбекскую (тюркскую) пословицу - «есть страна, где все лошади пегие, а очаги золотые», Абул-гази говорит, что страна эта находится на устье Енисея (Ангара-муран), где на берегу моря есть большой город, в соседстве которого водятся высокорослые лошади исключительно пестрого цвета и неподалеку находятся серебряные рудники; когда по смерти Чингиз-хана, страна кыргызов «и все

¹ «Описание киргиз-кайсака». Спб., 1867 года, стр. 2 и 3.

² Левшин, «Описание киргиз-казацких орд и степей», часть 2, стр. 28, и Гордеков, «Киргизы» и пр., 1889 года, стр. 2.

³ «Описание киргиз-кайсака», стр. 1.

⁴ «История монголов. Введение», 1858 года, стр. 51 и 52. По проф. Березину (там же, стр. 238), чин есть монгольское окончание, означающее женский род в прилагательных именах.

те, которые ее окружали», достались Тули-хану и его потомству, то старшая вдова Тули-хана посылала к Алакчину отряд в 1 т. войска на судах; отряд этот потерял много людей от необыкновенных жаров в той стране, но подтвердил рассказы о необычайном обилии в ней серебра, которого не привезли, однако, с собою, потому что суда с грузом не могли плыть против течения на обратном пути¹. Действительно, «пегий народ»², потомки динлинов, обитал на Енисее, к северу от кыргызов, а потомки пома, енисейские остяки, и теперь еще уцелели в небольшом числе на нижнем Енисее. Китайцы упоминали о двух владениях Динлин³: не происходят ли старейшие роды малой орды (в числе ее родов есть алач или алаш) от помеси тюрок с западными динлинами⁴, как кыргызы явились продуктом митисации тюрок с енисейскими динлинами?

На еще более восточную помесь с динлинами намекает приводимое Г.Н. Потаниным киреевское предание, по которому киреи происходят от Сары-усюня, у которого был сын Кара-бий, внук Абак и правнук Кирей, а у последнего 12 сыновей, от которых пошли 12 родов абак-киреев⁵. В 12 именах их нет ничего сходного с именами родовых делений большой орды и кара-киргизов, кроме имени Чиймоин, которое близко к киргизской кости шимоин. В именах родов кераитов у Рашид-эддина⁶ значится сахыят, имя близкое к имени сагайцев на Енисее и якутов (саха). Откуда взялось у киреев сказание о происхождении их от Сары-усюня? Как попал к киреитам близкий енисейским киргизам род сагай и каким образом, с другой стороны, в XVII веке оказывался на Енисее, между киргизами, род караитов, керетцев или керельцев?

Все это заставляет подозревать, что между киреями и кыргызами существовало какое-то родство, по происхождению ли тех и других от динлинов⁷, или по происхождению части киреев от кыргызского поколения сары-усунь или ему близко родственного, как указывают и тамги сары-усуней и киреев и .

¹ Histoire des Mongols et des Tatares, trad. par Desmaisons, 1874, p. 44, 45.

² По «Тан-шу», «пегий народ», гюньма у о. Иакинфа, ро-та и kiao-ma европейских китаистов, иначе назывался елочи (Иакинф «Собрание сведений», I, стр. 442) или, по транскрипции Visdelou, gho-lo-tchi: и то и другое есть, очевидно, алачин на китайский лад.

³ Histoire des Huns etc., Paris, 1756, t. 1, partie 2, p. LXXVI, LXXVII. Одно из владений Динлин лежало на север от Кангюя, т.е. от земель канглов, а другое на север от Уйгурии, т.е. соответствовало бассейну Енисея.

⁴ По приводимым г. Бретшнейдером (Notices of the Mediaeval Geographie and History of Central and Western Asia etc. London, 1876, p. 174) китайским известиям XIII века, кипчаки (kin-ch'a) имели голубые глаза и рыжие волосы. Надо думать, что светлая окраска эта была следствием помеси тюрок с динлинами и финнами.

⁵ «Очерки северо-западной Монголии», вып. 2, 1881 года, стр. 3, и примечаний, стр. I. Сар-усун по-монгольски летучая мышь (там же), а сары-юсун, тоже по-монгольски, десять рыжих (вып. 4, 1883 года, стр. 670).

⁶ «История монголов. Введение», 1858 года, стр. 95.

⁷ В числе правых притоков р. Уды, берущей начало в хребте Ергик-Таргак-тайга, есть две речки Кирей (Н.Ф. Катанов «Поездка к карагасам в 1890 г.», стр. 197 и 200). Не от нее ли имя киреев, киреитов? Приводимое у Рашид-эддина («Труды вост. отд.», часть 5, стр. 96) имя кераитского рода добуит указывает на примесь самоедов - туба.

II. Роды и кости кара-киргизов

1) Народные сказания о родах и происхождении каракиргизов

И у кара-киргизов встречаются попытки систематизировать их родовые деления в виде генеалогических сказаний.

По одному из таких сказаний, приводимому Ворониным и Нифантьевым в «Сведениях о дико-каменных киргизах» конца сороковых годов, общим родоначальником кыргызов принимается, конечно, Кыргызбай, а у него предполагается два сына: Атыгень, занявший земли в верховьях Аму-дарьи и Сыр-дарьи, и Тогай, овладевший «окрестностями озера Иссык-Куля»¹.

По легендам, сообщенным Голубеву (1859 г.), кыргызы происходят от ханского сына Кыргыза, бежавшего в Андиджан и имевшего двух сыновей, которые именовались Абл и Кобл; от первого пошло крыло он из поколений богу, сарыбагыш, султ, черик, саяк, чонбагыш и джадигер, от второго – крыло сол; поколения сару, кокче, мундуз и китай².

По Чокану Валиханову (1856-1859), - который генеалогические предания киргиз-казаков и кара-киргизов признавал важными, так как они «представляют состав и образование народа», - из «генеалогии бурутов следует, что главную массу их народа составляет турецкое племя киргиз, к которому присоединились впоследствии два чуждых отдела. Один из этих чуждых отделов составляют роды кипчак, найман и китай; права их на киргизскую народность в генеалогической форме выражены тем, что им дан общий родоначальник, который поставлен сыном Киргизбая. Другой чуждый отдел ичкилик, хотя считает своего родоначальника также сыном Киргизбая, но не признается другими родами. Третий отдел составляют настоящие киргизы, разделенные на два крыла - он и сол». Крыло он делится на два отдела - адгэне и тагай; последний состоит из семи родов: бугу, сарыбагыш, султу, саяк, черик, чонбагыш и бассыз; отдел адгэне лето проводит в горах от Оша до Кокана; левое крыло состоит из трех маленьких племен, которые кочуют по Таласу: сару, кощи и мундуз. Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившиеся к кыргызскому народу впоследствии, кочуют от Оша по памирскому плоскогорью до Бадахшана; с ними же кочуют ичкилики и некоторые роды из племени адгэне; род турайгыр-кипчак, подчиняющийся Китаю, кочует в окрестностях кашгарского города Таш-малыга. Исчисленные роды разделяются на множество поколений, каждое из поколений еще на поколения и т. д.³

По сказаниям, слышанным М.И. Венюковым (1860), дочь какого-то хана с сорока девицами, по возвращении домой с прогулки, нашла свой аул совершенно

1 «Записки И. Р. географического общества», 1851 года, стр. 140.

2 «Записки И. Р. географического общества», 1861 года, книга 3, стр. 114. Замечая, что деление на два крыла имеет соотношение к движениям народа, как завоевательной армии. Голубев полагал, что кыргызы не могли идти на свои нынешние кочевки с севера, потому что в таком случае их правое крыло (он) было бы на западе, а не на востоке, как оно оказывается; поэтому он приходит к заключению, что кыргызы не пришли с истоков Енисея, а «искони составляли особый народ тюркского языка, обитавший в местах, где и поныне кочует» (там же, стр. 115). Но усунь-кыргызы могли прийти в западный Тянь-Шань с юга, через Юлдузы. Сверх того расположение отделов народа могло измениться вследствие внутренних и внешних событий и передвижений.

3 «Очерки Джунгарии» в тех же «Записках», 1861 г., кн. 2, стр. 49, 50, 54.

разграбленным, и «одно только живое существо встретилось ей - красная собака (кызыл-тайган). От нее, по словам предания, забеременели все подруги, в память которых потомство и усвоило себе имя кырк-гыз... Эта легенда пополняется и иногда заменяется рассказом, что царевна и ее подруги забеременели от пены взволнованного озера, которую попробовали, после чего родные прогнали всех преступниц из дому. Долгое время девицы скитались в пустыне со своей царевной, но наконец, восстали на нее, как на виновницу несчастья, и прогнали за (р.) Чу. Здесь бедную ханскую дочь нашел родоначальник всех киргизов и взял ее себе в жены, вскоре, после чего она и родила сына Киргиз-бая... Он много терпел сначала от своих братьев, которые укоряли его неизвестным происхождением, обделен ими по смерти отца, но наконец явился торжествующим, когда удалось ему украсть из юрты матери колотушку для кумыса и узду - символы первенства... У Киргиз-бая было два внука: Абл и Ковл», которые и дали начало родам кара-киргизов¹.

По рассказам аулиеатинских кара-киргизов, «отец кара-киргизов произошел от миража (сагым). Он воцарился между киргизами и женился на одной их девице, от которой родилась у него единственная дочь. Отец приставил к ней 40 прислужниц. Однажды ханская дочь вышла с 40 прислужницами к большой реке, где заметила плывущую пену. Созерцая пену, девицы услышали слова, исходившие из нее: «ты прав и я прав» (анталхак менде ак; форма этих слов правильнее в Истории коканского ханства В.П. Наливкина, стр. 15: ана эльхак мана эльхак - и то истина, и это истина). Девицы из любопытства, обмакнув пальцы в пену, облизили их, и вскоре оказалось, что все они забеременели. Хан Сагым выгнал их на высокие горы, ибо не хотел убивать их. Найдя пропитание в горах, они родили 40 сыновей и 40 дочерей, а всего 80 человек потомства. Эти дети, когда выросли, переженились между собой. Народ, от них образовавшийся, стал называться кыргыз (кырк-кыз, 40 девиц). Кара-киргизы остались жить в горах, а киргизы в долине. С течением времени некоторые из кара-киргизов прославились и оставили по себе роды, другие измельчали и, не образовав родов, исчезли. Имя одного родоначальника было Унг (правый), имя другого Сол (левый). Первый произошел от дочери хана, а другой от дочери визиря. От обоих произошли кара-киргизские роды»².

По Г.С. Загряжскому, сказание о происхождении кара-киргизов от сорока девиц и рыжей собаки принадлежит казакам большой орды; сами кыргызы говорят, что происходят от сорока девиц, купленных на юге для одного богатого султана и забеременевших от пены при купании в какой-то большой реке³.

¹ «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них», Спб., 1868 года, стр. 155 и 156. В исчислении родов к названным у Голубева добавлены быгыш, моналдыр и тунгатар.

² Н.И.Гродеков, «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», Ташкент, 1889 г., стр. 4. Источник сказания не указан, но так как описание обычаев и сказания, приводимые в книге относительно кара-киргизов основаны на расспросах аулиеатинских кыргызов, то надо полагать, что данная легенда почерпнута у них же.

³ «Туркестанские ведомости», 1874 года, № 41.

Вообще приведенные легенды о происхождении кара-киргизского народа представляют собой вариации на тему сорока девиц, следуя сходству народного имени с словами кырк кыз, сорок девиц, значит на тему, которая встречается уже в «Юань-ши», китайской истории монгольской династии: «некогда сорок девиц из Китая (!!) сочетались браком (с таким же числом) мужчин народа У-сы (U-sze) и таким образом получили бытие первые кыргызы»¹. К этой, имеющей источник в сомнительной этимологии², теме³ пристегнуты посторонние и случайные вставки из области восточного фольклора. Только вариант о рыжей собаке, может быть, имеет некоторое отношение к кыргызам, если видеть в этой рыжей собаке намек на рыжих усуней и предков их динлинов, светлая окраска которых так резко отличалась от тюркской, что тюрки, подобно китайцам, могли ставить ее усуням и потомкам их в упрек⁴.

Однако эти народные сказания, как и киргиз-казачьи родословные, интересны по своим указаниям на племенной и родовой состав кара-киргизов. По ним оказывается, что кыргызы состоят из родов, почитаемых собственно кыргызскими, и группирующихся в два крыла он и сол, и из четырех родов или колен, имеющих чуждое происхождение, каковы Китай, кипчак, найман, ичкилик.

¹ Schott, Über die ächten Kirgisen, 1865, s. 432.

² Народное имя (как указывал еще русский путешественник конца прошлого века Ефремов, изобразивший это произношение в форме *кыргыз*) выговаривается *кркыыз* (так и по Валиханову, по которому имя свое кара-киргызы «сами произносят *кркыыз*», см. стр. 45 «Очерков Джунгарии»), а не *крккыыз*, так что слово *кыз* едва ли входит в его состав. В.В. Радлов, по поводу узбекского рода кыркмен-юз, обитавшего между Ходжендом и Яны-курганом и состоящего из родов кырк и юз, указывает на род юз между черневыми татарами в Алтае и замечает, что состав имени кыргыз из кырк и юз был бы согласен со звуковыми законами тюркского языка (Aus Sibirien, I, s. 226). Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 261) производит слово кыргыз от *кыр* (поле, степь) и *гыз* (странствовать, бродить), так что значение выходит *степной кочевник* (Feldwanderer). По Броневскому («Отечественные записки», 1830 года, часть 41, стр. 400), который, оказывается, заимствовал это из «Описания средней орды» капитана Андреева (л. 1 рукописи геогр. общества), - «слово киргиз-кайсак значит в переводе: кир - степь, гиз - человек, кай - кто, сак - осторожен». В дневнике Сперанского («В память графа Сперанского», Спб., 1872 года, стр. 78) записано: «Кыр - степь, гиз - обитатель. Кыр-гыз (так обыкновенно говорят на месте) есть степной житель. Казак есть испорченное казык - кол, на коем утверждается юрта. Кыр-гызы называют себя обыкновенно казык, т.е. человек бездомной, живущий в кольях или юртах». Г.Н. Потанин («Очерки Монголии», вып. 2, 1881 года, стр. 79, примечания), по аналогии с другими названиями костей, окончание ыз (в имени кыргыз) считает несущественным, так что имя кости собственно будет кырк.

³ Котоны (омонголенные потомки «пашенных бухарцев», т.е. сартов и таранчей, забранных в плен калмыцкими князьями) рассказывают, что произошли от ханской дочери, которая с 40 девицами находилась в поле и выпила воды со стружкой крови, отчего забеременела, как и последовавшие ее примеру девушки (Г.Н. Потанин «Очерки северо-западной Монголии», вып. I, 1881 года, стр. 162).

⁴ По японскому сказанию, айны произошли от царской дочери, сосланной с собакой на остров Иессо. По китайским историям, юго-западные инородцы мани произошли от собаки и императорской дочери: император Гаосиньпи (2435-2375 гг.) объявил, что доставившему голову предводителя гуань-жунов, сделавших губительный набег на его владения, он пожалуе 1 т. слитков золота, город с 10 т. домов и свою младшую дочь в замужество; голову эту принесла, держа в зубах, пятицветная собака Пань-ху; по прошествии трех лет дочь Гаосиньши родила в пещере, куда ее унесла собака, 6 сыновей и 6 дочерей, которые сделались предками маней (А. Ивановский «Материалы для истории инородцев юго-западного Китая», т. 1, ч. I, Спб., 1887 г., стр. XII, 1-3). - Во всех трех сказаниях собака олицетворяет чуждую расу. В японской легенде собаке соответствует немонгольская длинноголовая северно-азиатская раса, сочетание которой с монгольской обнаруживают в айнах антропологические и краниологические исследования; между тем динлины, от смешения которых с тюрками произошли кыргызы, принадлежали, вероятно, к той же длинноголовой расе, как айны. Тангуты также производились от собаки, ибо в 725 г. тукюеский Могилян-хан говорил китайскому послу: «Туфань от собак происходит» («Собрание сведений» и пр., I, стр. 336).

2) Иноплеменные примеси. Поколение ичкилик

Род кытай, кытай, хытай, ктай встречается главным образом в крыле сол, на Таласе, составляя часть союза каратал под именем ктай, из шести отделений: кейра, тунтугур, кара-ктай, турдеш, актунды и бугеджин¹; затем есть кытай в наманганском² и андиджанском уездах³ и в колоне султу⁴. Самое помещение ктаев в Александровском хребте указывает - откуда они пришли: из прилегающих к этому хребту долин рек Чу и Таласа, имя же удостоверяет, что эта часть киданей, нашедших убежище у кара-киргизов после падения киданьского государства в начале XIII столетия. Тюрки, как известно, именовали киданей кытай (в надписи на памятнике Кюль-тегину 732 г. на Орхоне, китй и это имя перенесли на завоеванные киданями владения Танов; имя Китай для срединной империи перешло от тюрков в Персию и восточную Европу и утвердилось, между прочим, и у нас. По словам гиньского посланника Вукусуня (1220 г.), остатки кара-киданей «приняли обычаи и одежду хуй-хэ'сцев»⁵, т.е. оседлого населения средней Азии. Эта большая часть кара-киданей должна была разделять участь оседлого населения долин Чу и Таласа до второй четверти XIV века, когда оно было истреблено и рассеяно. В это время кидани могли или присоединиться к местным кочевникам (кара-киргизы и канглы), или переселиться за Сыр-дарью с удалявшимися туда сартами и таджиками. Потомками последней части киданей, может быть, почитаем род кытай⁶, обитающий на Зеравшане от Самарканда до Катырши и на север до Чилека (отделения: сары-кытай, отарчи, канджигалы, кош-тамгалы, тараклы, балгалы), будучи перемешан с родом кипчак (отделения: тюрт-тамгалы, сары-кипчак, тогузбай)⁷ и считаясь узбекским.

Кипчаки и найманы прибыли в Фергану главным образом в XVI веке в ополчениях шейбанидов⁸, в числе других узбеков, но часть найманов могла проникнуть в горы Ферганы еще в начале XIII века, когда войска Кучлука, состоявшие главным образом из его найманов, должны были искать спасения от преследовавших Кучлука монголов в Фергане и окружающих ее городах. Как остальные узбеки Ферганы и Мавераннахра, кипчаки и найманы давно уже, в большей своей части, ведут жизнь полуоседлую, в

¹ Е. Смирнова «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

² По словам г. Наливкина («Туркестанские ведомости», 1881 г., № 20), в наманганском уезде, кроме родов багыш и сару, которые зовут себя первый ун и второй сул, «есть еще маленький род хытай или, вернее (?!), кутай (от кут - зад, этот род пришел после других), но он во всех отношениях, в административном и экономическом, слился с отделениями багышского рода кутлук-сеид и чичар».

³ Расспросный рукописный перечень кара-киргизских родов ферганской области, 1891 года, сообщенный мне О.А. Павликовским.

⁴ Aus Sibirien, I, s. 231.

⁵ Записки о посольстве на запад, переведенные г. Бретшнейдером в его Mediaeval Researches, London, 1888, v. I, p. 25-34.

⁶ Не отвергаю, впрочем, возможности и того, что кидани, по крайней мере частью, пришли на Зеравшан гораздо позднее, в узбекских дружинах шейбанидов, а до того времени кочевали с канглами и кипчаками. Нижеприводимые, по В.В. Радлову, имена отделений зеравшанских кытаев показывают, что состав их очень смешанный: ясно, что к киданям присоединилось много тюрков разных родов.

⁷ Aus Sibirien, I, s. 225.

⁸ Если и считать горы Аньдахань кипчакских биографий «Юань-ши» за андижанские горы, это, однако, не дает основания полагать Алтай отечеством кипчаков, ибо оттуда, по «Юань-ши», происходила только владетельная фамилия, а не народ кипчакский.

настоящее же время окончательно обращаются к оседлости. К кочевникам кара-киргизам примыкала только малая часть найманов и кипчаков, оставшаяся кочевою.

По наиболее обстоятельным, из имеющихся пока, сведениям об алайских кара-киргизах Костенко, члена «военно-ученой экспедиции на Алай», 1876 года, найманы упоминаются только в числе отделений рода ичкилик. По его словам, в верхней части Алая зимовок не бывает, лету ют же кара-киргизы родов адыгине и монгуш. В нижней части Алая имеют летовки «ичкилики, зимовки которых находятся в маргеланском уезде между Уч-курганом и Мын-тюбе. Впрочем, часть ичкиликов, именно отделения найман и таит, зимует около Дараут-курмана, по ущелью Алтын-дара, в ущелье Коксу и на Малом Алае». Ичкилики состоят из 20 отделений, из которых главнейшие: кадырша, канды, найман, таит, кесек, орго, тулус (төлөс ?), кара-теит, чал-теит, бостон, казык-аяк, кара-саадак¹. - Из отделений ичкиликов очень распространены таиты, ибо Гордон (1874 г.) называет кыргызов, кочующих в Сарыколе, принадлежащими к роду тайят², т.е. таит или теит; затем, по Кушакевичу, в числе 13 отделений киргиз ходжентского уезда рода кисяк (всего 661 киб.) есть отделение теит, т.е. теит³; в Каратегине, по г. Ошанину, находятся кара-киргизы родов каратаит, тупчак и кадырша⁴. Из названных Костенко отделений ичкиликов бостон есть род басто «Си-юй-ту-чжи»⁵, в котором считалось по китайским сведениям, в 1759 году, 1300 кибиток. По тому же источнику, один из старшин западных бурутов заявлял китайцам о желании привести в подданство богдыхану «...200 т. людей орды бурутов, рассеянных от Бухары до Востока»: оказывается, что ичкилики, обитающие частью в ходжентском уезде, и теперь распространяются почти до Зеравшана, да и численность всех кара-киргизов, вероятно, была близка к показанной в этих словах Аджи-бия. Кажется, род же бостон значится в «Описании средней орды» капитана Андреева, 1785 года (рукопись географического общества), под именем бостумакской волости со старшиною Ташибек-бием. По

¹ «Военный сборник», 1877 года, апрель, стр. 372. По А. Волконскому («От Нового Маргелана до г. Бухары», путевые заметки, в «Вестнике Европы», 1894 года, июль, стр. 133), «зимой глубокий снег покрывает сплошным саваном мертвую долину (Алая). Только в низовьях ее жизнь продолжается круглый год: в боковых ущельях (верст на 20 по обе стороны от Дараут-курмана) разбросаны жалкие сакли, в которых укрывается на зиму от непогоды около 150 семейств колена найман вместе со своими стадами».

² Минаев «Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи», СПб., 1879 года, стр. 151. Троттер упоминает о 100 палатках киргиз племени сиок или сарк в долине Тагарма в том же Сарыколе (там же): это вероятно сөөк (род, кость) сарык, сару.

³ «Очерки ходжентского уезда» в «Туркестанских ведомостях», 1872 года, №11. Остальные 12 отделений названы: муджай, каляр, кызыл-аяк (у Костенко кызык-аяк, но не будет ли в обоих случаях кызыл-аяк, т.е. красноногие), булак-сары, сары-гусаин, чукур-лак, бокса, тагайберды, им-кара, ачтымчи, чючюк и кара-мулла. У Кушакевича приведены затем имена 5 отделений второго рода ходжентских киргизов чап-кулук и замечено вообще, что каждое из отделений разделяется на множество подотделений, которые, как у кочующих узбеков, носят названия по разным родоначальникам и изменяются постоянно. В «Сборнике материалов для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 года», Самарканд, 1890 г., число кибиток рода байкесек показано 635, рода биксасы барге 617 и чап-кулук 514.

⁴ «Каратегин и Дарваз» в «Известиях И. Р. географического общества» 1881 г., стр. 49. Г. Арендаренко («Военный сборник», 1878 года, май, стр. 120) относит кара-киргизов Каратегина к родам кесек, кенесары, авгат.

⁵ Относящиеся до кара-киргизов места этого описания западного края, изданного в 1763 году, переведены Imbault Huard в его Documents sur l'Asie centrale etc., Paris, 1881.

сведениям Костенко, ичкилики своей численностью превосходят втрое число адыгине (3145 киб.) и монгушей (1225 киб.)¹.

Отсутствие в именах известных подразделений ичкиликов имен кара-киргизских родов и костей удостоверяет их иноплеменность, непринадлежность по происхождению к кара-киргизам. Наличие родов найман и кисек показывает, что состав ичкиликов смешанный, ибо найманы принадлежат средней орде, а род кара-кисек имеется в колоне аргын той же орды и в алимулинском отделе малой орды. Возможно, что кисеки пришли в числе шейбанидских узбеков, как найманы. За исключением найманов, кисеков и небольшого количества кипчаков, о которых будет сказано ниже, в именах делений ичкиликов нет известных тюркских племенных и родовых имен. Поэтому можно с вероятностью полагать, что ичкилики составились из сброда разных пришельцев, не сохранивших своих народных и родовых именований. Очень, может быть, что в составе ичкиликов имеются потомки сейцев (вероятно саков), составлявших население существовавшего на ныне занимаемых ичкиликами и адыгене землях владения ханских времен Хюсюни, выходцы из арийского населения верховий Аму-дарьи и Ферганы, а также частицы тибетцев, которые некогда распространялись до Памиров, как свидетельствуют отуреченные остатки их на Керия-дарье (Полу). По Загряжскому, ходжентские кара-киргизы в одежде и обычаях подверглись сильному влиянию оседлых мусульман². Вероятно, это влияние заметно, в меньшей степени, и на остальных ичкиликах, уже вследствие нахождения в их составе сартов и гальча. Относительно имени ичкилик можно заметить, что если оно происходит от ичке, коза, то оно оказывается подходящим для горцев, кочующих по труднопроходимым ущельям и в весьма высоких долинах, но «ичкилик-су» значит «вода для питья»³. Родовое имя ички встречается несколько раз в «Шейбаниаде»⁴, а потому возможно происхождение имени союза или группы ичкилик от имени какого-нибудь вождя из рода ички.

Хотя располагавший возможностью иметь вернейшие сведения Костенко не показывает кипчаков в составе ичкиликов и вообще в числе алайских кара-киргизов, но небольшое количество кипчаков, по-видимому, есть на Алае и Памире. Так, по А. Романову⁵, на Алае зимует 400 кибиток родов найман, таит и кипчак⁶; по его словам, каракиргизы кипчакского рода подразделений чия, юру (должно быть это жору Форсита и джуру Костенко, показываемые ими, как увидим ниже, в составе адгене) и кульчак имеют зимовки на урочищах (нижнего Алая) Еканды и Карамук, летовки же их

¹ «Военный сборник», 1877 г., апрель, стр. 373.

² «Туркестанские ведомости», 1874 года, стр. 162.

³ «Земледелие в наманганском уезде», в «Турк. вед.», 1880 г., № 24.

⁴ «Библиотека восточных историков», изд. И. Березиным, т. I, 1849 года, Казань, стр. LIV: «из ички Аймин-хходжа и Сафар-хходжа, сражавшиеся у казаков, были причиной, что он приобрел власть... Сражавшиеся у казаков: из ички - Ягкуб-хходжа... См. также стр. LXII и LXV.

⁵ «Нижний Алай» в «Туркестанских ведомостях» 1882 года, № 20, стр. 78.

⁶ По сведениям А.П. Федченко, бывшего на Алае в 1871 году («В коканском ханстве», 1875 года, стр. 149), там «остаются на зиму киргизы рода таит и киргиз-кипчак; прежде на Алае кочевали кыдырча, которые теперь откочевали в шугнанские горы».

лежат в горах к северу от Кызыл-су на урочищах Бохвич, Кульдук и Шиве; подотделения рода таит баргы, кизильбаш, зариф-науруз и хадыр-ша (баргы есть часть адегене, как увидим ниже) зимуют на р. Коксу и в среднем Алае. Он же упоминает, что в верхнем и среднем Алае летом кочуют «богатые семейства родов кара-найман и канглы и оттуз-огулы из ошского уезда». - В книге *The Pamirs by the Earl of Dunmore* (London, 1893), содержащей описание путешествия на Памир, есть глава XXX (vol. 2, p.p. 113-122), которая по заглавию предназначена для изложения «истории кыргызов памирской страны». Тут, между прочим, помещены не лишние сведения о родах памирских кыргызов и их кочевьях: кыргызское племя этой части центральной Азии делится на четыре главных рода - найман, кипчак, таит и кисек. У найманов четыре отделения: *kon*, *busturogas*, *mirza* и *kiak*; первые два состоят в русском подданстве, *мирза* же и *kiak* в китайском и обитают на pp. *Kiaz* и *Charlung* (к востоку от Ташкуртана) и в *Chakaraghal*, *Manja*, *Ditagh* и *Bulun kul*. Кипчаки делятся на три подразделения: сарт, киргиз-кипчак и кара-байтал; отделение сарт состоит частью в русском подданстве, частью в китайском и кочует главным образом на р. *Seres* в кашгарском ведомстве; там же обитают и киргиз-кипчаки; кара-байтал, которым прочие кыргызы оказывают большой почет вследствие их древнего и славного происхождения, принадлежат большей частью к русско-подданным, но есть их немного и в китайском - по р. *Charlung*; кара-байтал - кобыла с обрезанным хвостом (на самом деле - ворона, не жеребившаяся еще кобыла по четвертому и пятому году; правда, им обыкновенно подрезывают хвосты), Таиты делятся на два клана: кара-таит и сарт-таит; первый кочует на Каракуле, в Караташе, но зимует в русских владениях и принадлежит к русско-подданным; второй кочует на Мургабе, Ранкуле и Алай-памире и признает русское и китайское подданства. Кисеки делятся на три небольших клана: бостан, каддырша и *khang deh*; клан бостан признает наполовину русское, наполовину китайское подданство и кочует в Сарыколе на Тагарме, в Шахидулла, на Тагдум-баше и Алай-памире; каддырша - в андиджанском районе, на Ранкуле, Мургабе и Алай-памире, а *khang deh* на Алай-памире; оба последних клана признают русское подданство.

Путешествовавший весной 1894 года д-р Свен Хедин¹ считает зимующими в долине Алая около 250 кибиток, из которых 70 кибиток принадлежат роду теит, 20 киб. родам чал-теит и теит, 10 киб. роду *Tjöjj* - теит и 120 киб. роду найман, роды же остальных 30 киб. не показаны. Киргизы в Каратегине относятся к родам кипчак, найман и кара-теит. Русская памирская волость (по переписи 1892 г. 227 киб., в которых всего 1055 душ) состоит из киргиз рода теит. Ближайшему старшине китайских киргизов подведомственно 286 киб., все рода теит. Свен Хедин произвел антропологические измерения 27 памирских киргизов, так что по издании их получатся достаточные антропологические данные о роде теит, обитающем на Памире.

¹ *Forschungen über die physische Geographie der Hochlandes von Pamir im Frühjahr 1894, von dr. Sven Hedin, in der Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1894, №4, s.s. 301-303.*

3) Поколения правого и левого крыла, их родовые подразделения, исторические о них известия и численность

Крыло он или правое коренных кара-киргизов делится, по Валиханову, на отделы тагай и адгене. Такое деление, во всяком случае, небезосновательно уже потому, что адгене по своему обособленному положению в Алае и бассейне Кара-дарьи стоят отдельно от главной массы правого крыла, расположенной в западном Тяньшане в бассейнах Нарына, Чу и Уч-турфанской рек. По сведениям Костенко, род адыгине разделяется на 14 отделений: бюрю, барге, ольджаке, тауке, кара-варге, сары-варге, тасдар (плешивые), кокче-оглу, ильчебек, сартдар (осартевшие), савай, джуру, ардай и мунак¹. Форсайт (1874 г.) имел сведения, что кыргызы делятся на два отдела - тагай и адыгине, и называл следующие роды у последнего: барга, бакал, мунак, савай, жору, жош, кокчила².

По Костенко, вместе с адыгине летует на Алае и имеет зимовки в окрестностях Оша род монгуш, состоящий из 12 отделений: кудагачин, джапаяк (ястребятники), тулейкин, джоош (жирные), джилъгельды (весной пришедшие), сарлар (желтые), сарай, кокджатык (простак), соколак, тейне, ирке-каштка (лысые баловники) и монгол³.

Имена монгуш, монкондор (в «Си-юй-ту-чжи»), монульдур, мунулдур, монылдур (все это у Валиханова в статье «Поездка в Кашгар»⁴), монгулдар и монгулджар (у г. Загряжского⁵), молдур (у Северцова⁶) кажутся разными производными формами имени монгол⁷. Это, а также отделение монгол у монгушей и монгольская форма имен еще двух отделений (кудагачин и тулейкин), дает достаточные основания считать монгушей союзом из разнородного сбора, составившимся под главенством остатков джагатаидских монголов, оставшихся верными кочевой жизни и нашедших убежище в горах между Кашгаром и Ферганой после падения власти джагатаидов и в Кашгаре, около XVII столетия. Китайцы, в 1759 году, по «Си-юй-ту-чжи», нашли монгушей (монкондор) на нынешних их местах, в числе около 700 семей, под управлением Адзи-бия.

Первым из отоков (волостей, родов) западных бурутов китайцы называют эдгена, не указывая ни численности его, ни старшины. В описании военных действий 1876 года род барга называется главным между алайскими кара-киргизами; там же упоминаются роды сераляк и удыджаке, прервавшие торговые сообщения между Ферганой и Кашгаром⁸. После родов баргы (кара-баргы и сары-баргы, очевидно, его ответвления) кажутся коренными же родами колена адгене роды бюрю (вероятно, от бури - волк),

¹ «Военный сборник», 1877 года, апрель, стр. 372.

² Минаев, выше отмеченная книга, стр. 200.

³ «Военный сборник», 1877 года, апрель, стр. 373.

⁴ «Известия й. Р. географического общества», 1868 года, стр. 278-280.

⁵ Вероятно, именно род монгуш значится у капитана Андреева (1785 г.) под именем моголской волости, «в коей старшина Бирназар-бий».

⁶ «Очерк токмакского уезда» в «Туркестанских ведомостях», 1873 г., № 10 и 1874 года, № 45, стр. 178.

⁷ «Путешествие по Туркестанскому краю», 1873 г., стр. 156, 212, 336.

⁸ «Туркестанские ведомости», 1877 г., № 2.

мунак, ардай, савай и пр. От рода бюрю могло произойти имя бурут, которое калмыки, а за ними и китайцы, дают всем кара-киргизам. Имя главного рода баргы, барге, может иметь соотношение с именем монгольского племени баргут, которое Березин производит от монгольского барагун - правый, западный¹. Имя ульджаке происходит от ульджа - добыча². Вообще состав адгене кажется не столь смешанным, как монгушей и ичкиликов.

Отдел шагай (слово это значит «двоюродный брат») правого крыла состоит из семи колен ими союзов: бугу, сарыбагыш, султу, багыш или чонбагыш, чирик, саяк и бассыз³.

По сведениям 1862 года⁴ и по спискам алатавского окружного управления 1865 года, у бугу значились следующие подразделения: 1) арык или арык-тукум с отделениями кучук, ундон, серке (сарык, сарыке), 2) бапа с отделениями чон-чоро и чильпак, 3) баур (бөр, откуда В.В. Радлов производит бурут) с отделениями кара-бөр и сары-бөр, 4) кыдык с отделениями якшилык, яманбай, тургай, худаибакты, кара-куйтун и биюм, 5) джилъден или ельден с отделениями курачбек, сары-катын и балык, 6) алдияр, 7) токач, 8) токабай, 9) толубай, 10) токай, 11) сальмеке, с отделениями тогульбай и чокур, 12) тыным-сеит с отделениями шупак и аян, 13) белек⁵ с отделениями шопак, минмурат, тазабек, бирназар.

О происхождении бугу г. Загряжский слышал, вероятно, от сарыбагышей, такую легенду: один сарыбагыш, охотясь за маралами, на Нарыне, в ущелье Талды-булак, попал нечаянно в тоннель, выходящий на Нарын через толщу гор Ала-мышак, встретился на полпути с рогатым животным и застрелил его. Потом оказалось, что это был не олень, а человек с рогами, похожими на рога марала. Невольный убийца искупил свою вину женитьбой на сестре убитого, которая имела такие же рога; от них и пошли богинцы. Сами богинцы говорят, что у сына Тагая Кальджира был сын с рожками на голове, почему отец и назвал его Бугу: от него и произошли они⁶.

У капитана Андреева (1785 г.) значилась бугинская волость со старшиной Бирназар-бием и айльден-кисейская волость со старшиной Шапак-бием. Этот Бирназар-бий должен быть тот самый, который, по преданиям, слышанным г. фон Герном (1877 г.), привел богинцев на Иссыккуль из Ферганы после падения цзунгаров⁷. От него, надо полагать, пошло имя отделения бирназар, как от имени Шопак-бия - отделение шопак; последнее, судя по названию волости у Андреева, должно было составиться

¹ «История монголов. Введение», Спб., 1858 г., стр. 253.

² Там же, стр. 252.

³ Валиханов «Очерки Джунгарии», статья 2, стр. 54. Загряжский называл еще два колена сумурун и асыс («Турк. ведомости», 1874 г., № 45, стр. 178), но не указал их местообитаний. Вероятно, это не колена, а небольшие отделения, о которых, впрочем, мне более упоминаний не встречалось.

⁴ Aus Sibirien, I, s. s. 232, 233.

⁵ По одной из ведомостей 1865 года, род белек состоял из сальмеке и джаркпы, а в последнем отделения алдаш, алдаяр, толубай, токай, токач, и особо показан алдыш из отделений шопак, бирназар и минмурат.

⁶ «Туркестанские ведомости», 1874 года, №41.

⁷ «Семипалатинские областные ведомости», 1890 г., № 33, стр. 370.

первоначально из родов ельден и кисек. Валиханов¹, в 1859 году, находил тыным-сеит кочующими на Большом и Малом Нарынах под управлением семейства Мамеке-Шопак. Ныне бугу занимают Пржевальский уезд, кочуя в бассейнах Иссыккуля и верховьев Нарына до земель чириков и китайской границы, в числе 15210 киб.

По сведениям 1862 года, колено сарыбагыги состояло из пяти союзов или поколений: исенгул (прежде, по Бардашову, булат), ассык, тынай, чирикчи (прежде темир) и надырбек. В поколении исенгул значились роды: ассык, иссык, чертики, чагалдак, абла, сабар, чичей, тастар, калмак, джантай, едигер, аюка, монгулдур, ярбан, етиген, баш-кюрель, и в поколении ассык: косугун, бучман, бура и бай-кючюк. По «Сиюй-ту-чжи», оток сарабакаши был подведомствен нескольким старшинам, из которых главный носил имя Чирикчи. У капитана Андреева значится волость атекай-багышская, в которой старшина и князь или бий Атекай: это Атеке, сын бия Тыная, который привел сарыбагышей, по их преданиям², из Ферганы на Чу, после покорения цзунгаров китайцами. Названия поколений, видимо, произошли от имен основателей родовых союзов. Г. Загряжский называет у сарыбагышей отделения тынай, чирик, исангул, бурукчи, джитыгул и калмаке и показывает в отделении тынай подразделения: собственно тынай и тульку³. Сарыбагыши ныне обитают в пишпекском уезде в числе до 9 т. кибиток.

По г. Загряжскому, султу делятся на толкан и булюкпай; в первом есть подразделения чон-багыш, уч-багыш, канай, иса-ходжа, карбуз⁴; есть еще по этому же источнику отделение куиту⁵. В аульеатинском уезде⁶ имеются подразделения султов: кунту (должно быть, это правильное произношение куиту Загряжского, khangdeh у кесеков Памира графа Дунмора), чалпак (чильпак?), каракчи, толкан. У капитана Андреева упоминается волость солтинская со старшиною Гашибек-бием. Ныне султу занимают западную часть пишпекского уезда, в числе 8638 киб., и Александровский хребет в аульеатинском уезде в числе приблизительно около 3 т. киб., так что численность султу вообще простирается до 12 т. кибиток.

Колено багыш или чонбагыш обитает главным образом в Фергане, на склонах Наманганского хребта. По словам г. Наливкина, в наманганском уезде кыргызов два рода - «багыш и сару; первый называет себя ун, второй сул. Оба рода считают себя выходцами из Алая, причем багыш пришли сюда раньше сару, отчего и получили название ун». Тот же автор упоминает у багышей отделения кутлук-сеид и чичар⁷.

Чирики занимают бассейны р. Атбыши и р. Аксая и делились, по сведениям 1866 года, на четыре отделения. Первое из них - карагул - подразделялось на нагай, кончай

¹ «Известия И.Р. геогр. общ.», 1868 г., стр. 280.

² Загряжский в «Турк. вед.», 1874 года, № 41.

³ «Турк. вед.», 1874 года, № 45, стр. 178

⁴ Там же. Имя Карбуз носил манап, убитый в стычках с Кенисары.

⁵ «Турк. вед.», 1871 г., № 2, «Заметки о народном самоуправлении».

⁶ Смирнов «Сыр-дарьинская область», 1887 г., стр. 324.

⁷ «Киргизы наманг. уезда» в «Турк. вед.», 1881 г., № 20.

и назар; второе - сазан - делилось на тагай и сары-кюбен, третье - уч-тамга - на четыре подразделения: бакты, кызыл-токум, дуван и сарыча; четвертое - ак-чувак - подразделений не имело¹. Китайцы, в 1759 году, нашли оток дзирик (чирик) со старшиной Юматом в числе 200 семей между западными бурутами. По Валиханову, в 1859 году, до 1300 кибиток чириков находилось в коканском подданстве на Ат-баше, Арпе и Аксае; до 1500 киб. на Уч-турфанской реке подчинялось китайцам и ведалось бием Турдуке². Ныне в двух волостях Пржевальского уезда числится 2500 киб.

О роде бассыз или басыс сведения очень скудны. По барону А.В. Каульбарсу (1869 г.), «система Джаман-давана и отроги у его подошвы населены родом басыс»³. Загряжский говорит, что «около Андижана кочует род басыс; этот же род входит в состав волости саяковской»⁴. Валиханов упоминает о покорении рода бассыз в 1832 году коканцами, в числе других нарынских кочевников, и о том, что в 1859 году род этот платил зякет в укр. Курту⁵.

Саяки занимают нижнюю половину Нарына. По «Си-юй-ту-чжи», в 1759 году, волость саяк, повиновавшаяся многим вождям, из которых старший носил имя Туркебай и найден был китайскими офицерами на ур. Джумган (р. Джумгал), состояла приблизительно из 1000 семей. У капитана Андреева поминается саякская волость, «в коей старшина Гадай». Валиханов (1859 г.) из подразделений саяков называет чора, которыми правил Осман, сын Тайляка, кульчугач, у которых управлял Тюлеке, и иман со старшиной Байтуры; в ведении Куртки находилось до 600 киб. саяков⁶. Подразделения саяков, по Загряжскому: тункатар, биш-кемпир, кульчугач, курман-ходжа, тунтей, чура. Главные каракиргизские роды всегда относились к саякам с некоторым пренебрежением и считают их происходящими не от законной жены Тагая, а от наложницы. Около 1863 года, саяковский манап отделения чон-чура похитил высватанную сыном султанского манапа Джанкарача невесту; хотя отец девушки предлагал Джанкарачу получить обратно калым со штрафом и взять другую девушку, но султы принялись грабить саяков, в чем им охотно помогали сарыбагыши. Потеряв весь свой скот и множество пленных, саяки (в числе 350 киб. из 5500 к. отделения кульчугач и 3000 к. отделения курман-ходжа) бежали за озеро Чатыр-куль, но их преследовали и там. По взятии г. Аульеата, генерал Черняев пригласил саяков вернуться в их кочевья, но когда они пошли, то на них напали коканские киргизы. При окончательном подчинении нарынских кыргызов и при образовании волостей, в 1868 году, русским начальством было освобождено из рабства у султов и сарыбагышей более 2 т. кибиток саяков⁷. Подтверждаемое всем этим инородное происхождение саяков и сходство их имени с сак и сагай побуждают считать их остатками древних

¹ Дело канцелярии семипалатинского губернатора 1866 г., № 88. Численность чириков предполагалась в 1866 г. преувеличенно в 6 т. к.

² «Известия И. Р. географического общества», 1868 г., стр. 280.

³ «Материалы по географии Тяньшаня» в «Записках геогр. общ. по общей географии», том 5, стр. 535.

⁴ «Туркестанские вед.», 1874 г., №41.

⁵ «Поездка в Кашгар», стр. 279 и 280.

⁶ Там же, стр. 280.

⁷ «Туркестанские вед.», 1874 года, № 45.

кочевников западного Тяньшаня се'йцев, как бассыз являются, быть может, осадком пребывания сменивших се'йцев в той же местности юечжийцев. По «Хань-шу», «между усуньцами находятся отрасли племен сэского и юечжиского». Действительно, горные местности нижнего Нарына и Джаман-даван, по своей труднодоступности, могли служить лучшим убежищем для частей, вытеснявшихся из Тяньшаня одним за другим народов.

Крыло сол, состоящее, по Валиханову, из родов сару, коще и мундуз, обитает главным образом в верховьях р. Таласа, в аульеатинском уезде. По г. Смирнову, оно считает своим предком Кугула, брата Токая, и состоит из родов (союзов): кырк-кугул, мурат-али, тогай-берды, менды (джеты-ру), тунтурт, кулпаш, тазанай, мундуз и каратал. Из них в роде кырк-кугул следующие отделения: бишкабак, машак, кельдей, узунбут (на Алае); у рода мурат-али названа ветвь алакчин, а в ней отделения: сатыкей, ульджачи, бургемек и бошмоин; у тогайберды отделения: кенджечегир, болясору, назарбек и бостан; у менды: булектал, сакау, оготур, канпсатаман, кызыл-кулак, балыкчи и джувдажаксы; у каратал три ветви: ктай, кощи и джуваш; шесть отделений ктай приведены уже выше; отделения кощи: тагаймат, канетенн (?), тлеукабын (тлеукабыл?) и байсеид; у джуваш два отделения: сабатар и кайназар¹. Имени сару в этом исчислении родов и их подразделений отдела сол почему-то не оказывается, хотя названы некоторые кочующие в Фергане, на Алае. Ульджачи, конечно, то же отделение, что ольджаке у адгене, а бостан одинаково с бостон у ичкиликов².

«Си-юй-ту-чжи» не дает имен родов, найденных в 1759 году китайцами на Таласе, в числе до 4 т. семей, под начальством нескольких вождей, из которых старшего звали Майтак. Зато капитан Андреев (1785 г.) называет три волости, которые должны были принадлежать крылу соя: кокгиинскую (должно быть, кощи), в «коей старшина Иваулабий, китай - Муса-бий и сару, в коей старшина умершего Садык-батыра сын Саит-батырь».

Так как по сведениям г. Смирнова (1885 г.), в аульеатинском уезде всего кара-киргиз 47800 душ об. пола, т.е. полагая по принятому там расчету 5 душ на кибитку, 9560 кибиток, то за вычетом из этой цифры около 3 т. киб. султов, цифра крыла сол определится около 6560 киб.

Считаю не лишним привести, что по сообщенному мне О.А. Павликовским расспросному перечню родовых подразделений кара-киргиз Ферганы (1891 г.) значатся в наманганском уезде между прочим: кырк-угул, чичар, мундуз, кущи, ктай, сатыкей, кельдей, сакау, уготур, мачак, чирик, ак-чубак, атбасар, юльякши (это другое произношение джул-джаксы - добрая дорога), багрин, гуркреу, чуткара, баргы,

¹ Е. Смирнов «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

² Имена алакчин, кызыл-кулак и каратал кажутся тождественными с именем всей малой орды алчин, с именем отделения кузан-кулак бикеевского рода нагай и с каратальцами Ремезова («Земля караталцев» в «Чертежной книге Сибири»). По трудности предполагать, что эти роды попали в верховья Таласа из малой орды, естественно думать, что и в малую орду, и в крыло сол части родов или костей с этими именами поступили во время нахождения родов будущей малой орды и крыла сол в средней Монголии.

пишкандер, туляйкин и пр.; в ошском уезде: бури, баргы, кара-баргы, сарыбаргы, таш-баргы, тауке, савай, мунак, ульджаке, куча-оглы, сартляр, юваш (джуваш тож), ачаджуры, бакан, булат, ходжебек-оглы и пр.

Численность кара-киргизов по родам приблизительно следующая:

Крыло оң

Отдел тагай

Бугу 15111 кибиток

Сарыбагыш 8973 »

Султу 11638 »

Чирик 4015 »

Багыш 3000 »

Саяк 7427 »

50164

Отдел адгене

Адгене 3145 кибиток

Монгуш 1225 »

Ичкилик 13943 »

18313 »

Крыло сол 9029 »

Всего 77506 киб¹.

¹ Цифры бугу и сарыбагышей взяты из «Обзора» семиреченской области за 1885 г. Султу, по тому же источнику, 8638 к.; добавлено находящиеся в аульеатинском уезде 3000 к. Чириков по тому же «Обзору» 2515 киб.; добавлено приблизительно в китайских пределах 1500 киб. Саяков, по тому же «Обзору», в семиреченской области 5335 киб.; добавлено 2092 к., перечисленные ранее в ферганскую область. Цифры адгене и монгуш показаны по Костенко. Число кибиток в ферганской области принято в 22000 киб., следуя И. Яворскому («Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», Спб.. 1889 г., стр. 320), который показывает общую цифру кара-киргиз области в 110000 д. об. пола. За отчислением из 22000 к. саяков и багышей (5092 к.) и адгене с монгушами (4370 к.) остается на ичкиликов и крыло сол 12538 к. Сол в ферганской области можно предположить равным числу кибиток в наманганском и чустском уездах по сведениям 1881 года (5469 к.) за вычетом багышей (3000 к.), т.е. 2469 к. с добавкой же 6560 к. аульеатинского уезда сол получится 9029 киб. К оставшимся (из 12538 киб.) на долю ичкиликов ферганской области 10069 киб. надо добавить 1874 киб. ходжентского уезда (по «Сборнику материалов для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 гг.», Самарканд, 1890 г.) приблизительно 1000 к. в бухарских владениях и 1000 к. в китайских.

4) Кости кара-киргизов и их происхождение

Левшин принимал номенклатуру и последовательность родовых делений киргиз-казаков в таком виде, что весь народ делится на орды, орды на поколения (напр., в большой орде уйсун, тулатай и саргам), поколения на роды (в поколении тулатай: ботпай, чимыр и пр.), роды на отделения; «отделения состоят из частей; эти последние опять имеют свои подразделения, и все под особыми наименованиями... Какую огромную книгу составила бы роспись всех сих подразделений в трех ордах!»! Так как «с размножением народа киргизского увеличивается в нем число новых подразделений, а первоначальные названия поколений мало-помалу приходят в забвение», то Левшин отказался поименовывать отделения родов и дальнейшие подразделения, выражая мнение, что «лет через сто большая часть вычисленных названий отраслей киргизского народа останется только в наших архивах и в памяти немногих старожилов»¹. Еще далее идет Г.С. Загряжский относительно родов у каракиргизов: «Принадлежность киргиза к тому или другому роду не есть постоянная, неизменная. Стоит кому-нибудь из них перекочевать, напр., из земли сарыбагышей к султам, он уже не называется сарыбагышем, а становится султом; перейдя к саякам, становится саяк. Здесь разумеются добровольные перекочевки, а не случаи плена или рабства, когда киргизы сохраняют имена прежних родов. Но это можно сказать только о простом народе, о бухаре... Разделение же на роды сохраняют манапы и строго его держатся. Появление нового отдела зависит от появления нового батыря; около него собирается дружина удалцов, его именем прикрываются несколько бедняков и называют себя его детьми, отсюда происходят названия: дети Каная, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и т.д. Отец передает сыну свой народ, который он успеет связать с собой привычкой, грабежом, общими счетами по баранте, и вот является новый род: канай, карбуз и т.д. Появление многих новых родов очень недавнее - одно-два поколения; даже теперь формируются новые роды. Так, отделение канай распадается на три: байтыковы дети, башкаевы дети и байсеитовы дети. Колена башкаев и байсеитов отошли на Талас и потому два последние отделения часто носят общее название башка-байсеит. Манапы, от имени которых начинают теперь различаться некоторые новые кара-киргизские отделения, все живы и все родные дети Каная... Отдел куиту распадается на два: куиту-азамат и куиту-базар-кул, по имени современных уважаемых биев. Всего в отделе куиту около 600 кибиток. Часто приходится слышать фразу: Байтык-баласы, Корчи-баласы, но это не означает, что идет речь собственно о детях Байтыка или Корчи, а имеет смысл собирательный: тут надо разуместь всех киргиз, кочующих с Байтыком, Корчи и пр. Иногда кара-киргизы на баранте, из уважения к предводителю, кричат имя его отца, хотя род и имеет уже свой боевой крик. Если у такого батыря есть уже взрослые сыновья, подручные братья,

¹ «Описание к.-казацких орд и степей», Спб., 1832 года, часть 3, стр. 5, 6, 10. О многочисленности родовых подразделений можно судить, напр., по тому, что, по сведениям Ильи Казанцева («Описание киргиз-кайсака», Спб., 1867 года, стр. 62), пользовавшегося делами канцелярии оренбургского генерал-губернатора, в сороковых годах, в байулинском отделе меньшей орды считалось 12 родов, 55 отделений, 64 подотделения, 15 колен; в алимулинском - 6 родов, 23 отделения, 95 подотделений, 26 колен и в семиродском - 7 родов, 45 отделений, 35 подотделений и 15 колен (подразделений подотделений).

племянники и т.д., то и они на барантах кричат имя деда, а не своего рода. Так, киргизы, ограбившие меня в 1868 году, кричали Тайляк (имя отца Османа, предводителя баранты), хотя родовой клич их Чурай... Дети Байтыка приняли клик Канай, хотя родовой клик байтыковцев Толкан... Есть еще и другое начало, по которому появляются новые роды: по обычаю киргиз браки между родственниками не дозволяются до шестого колена включительно, по прямой линии. Поэтому с шестого прямого потомка и его братьев начинаются новые отделения»¹.

Мнения Левшина и Загряжского справедливы только отчасти. Действительно, часть новых, особенно мелких, подразделений через некоторое время исчезает и имена их забываются, но некоторые подразделения удерживаются на многие века. Таковы, напр., «поколения» (по номенклатуре Левшина) дулат, найман, кипчак и пр. Даже деления поколений на «роды», названные, напр., у Рычкова, в первой половине XVIII века, все сохраняются и теперь, значит полтора уже века, хотя и во время Рычкова считали уже много веков своего существования. Имена поколений, родов и многих дальнейших подразделений у узбеков в Мавераннагре держатся уже четыре века, несмотря на малочисленность большинства из них. Хотя именуемые родовыми единицами (поколениями, родами, отделениями и пр.) общественные группы или союзы киргиз-казаков и кара-киргизов состоят из семейств часто разного кровно-родового и даже племенного и народного происхождения, но некоторые из этих групп в основе своей² принадлежат все-таки и по кровному происхождению к одному племени или подплемени, а часто и к одной его кровной ветви, имея посторонние примеси лишь в таких количествах и с таким значением, что они слились уже прочно и органически с коренным кровным зерном. Такие родовые группы или союзы обладают большой прочностью и имена свои, даже и по распадению, передают своим частям, которые продолжают их сохранять века, как видим у узбеков. Отдельные лица и семьи, примыкающие навсегда к чужой родовой группе, теряют свое собственное родовое имя, если число их невелико и размножатся они не скоро; в противном же случае они образуют в родовом союзе, к которому пристали, новое подразделение со своим коренным именем, которое прочно утверждается. Именно благодаря этой устойчивости имен союзов кровно-родового происхождения представляется возможность определять этнический состав ныне существующих общественно-родовых групп киргиз-казаков и кара-киргизов отчасти по именам родовых подразделений, несмотря на то, что часть этих групп или союзов имеет не кровно-родовое, а чисто общественно-политическое происхождение, каковы, напр., джалаиры, конграты и пр. Преобладание политическо-общественного значения нынешних родовых делений и имен их замечаются преимущественно у кара-киргизов (сарыбагыш, пристав к саякам, начинает именоваться саяком и т.д.), но это происходит не оттого, что кровное начало

¹ «Очерки токмакского уезда», 1869 года, в «Туркестанских ведомостях» 1873 года, № 10.

² Подобное мнение, впрочем без указания оснований, высказал А.Н. Харузин («Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 153): «Вообще является более естественным считать киргизские роды за роды, так сказать, искусственные или сводные, т.е. что существовавшие некогда родовые союзы (имевшие, может быть, основанием большую семью) принимали в свою среду элементы со стороны добровольно или по повелению властелина, как напр., Чингиз-хана...».

исчезло у кыргызов, а оттого, что у них, независимо от политическо-общественной или родовой группировки, сохраняются чисто кровные деления - кости.

Родом (урук, ру) у киргиз-казаков и кара-киргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений, с другой - совокупность этих подразделений, но так как родовые деления и группы имеют политическо-общественное значение, сверх кровного, иногда преобладающее, то слово род утратило свое строго-кровное значение. Не говоря уже об общественном значении родовых подразделений, они и в качестве патриархально-родовых не могут быть точно классифицированы и наименованы, ибо количество степеней в родословных бесконечно и трудно придумать и удержать для каждой из них особое название. Поэтому номенклатуры для родовых подразделений, вроде, напр., установленной в вышеприведенных строках Левшина (поколение, род, отделение, часть, подразделение и пр.), весьма неустойчивы и часто сами авторы, как Левшин, не применяют их¹. По этой, быть может, причине у киргиз-казаков и кара-киргизов существует из всех возможных степеней патриархально-родовых делений определенный термин только для самой низшей степени, которая состоит уже непосредственно из семей: тайпас или тайфа у первых и кырк у вторых². Слово тайпас, по толкованию Вамбери, состоит из тай - группа, часть и пас (бас, баш) - голова, глава, следовательно, значит «глава группы». Кырк, по тому же ученому, правильнее будет кырык, т.е. обломок, часть³. Так как тайпас с кырк'ом - термины подвижные, ибо при разделении тайпаса или кырка термин этот переходит к частям, то оказывается, что общественно-родовые деления и по существу своему, и по терминологии для их означения отличаются подвижностью.

У южно-сибирских тюрков и у кара-киргизов, в отличие от киргиз-казаков, существуют, независимо от политическо-общественных или союзно-родовых делений и имен, истинные кровные деления и имена, показывающие действительное родоприсхождение. Это сөөки или кости⁴, имеющие имена, неизменно и строго сохраняемые, в какой бы родовой союз члены кости не попали. Так, алтайцы в административно-общественном отношении делятся на зайсанства, черневые татары и другие южно-сибирские тюрки - на волости, улусы и пр., которые представляют собой

¹ Так и г. В. Дингелштедт (*Le regime patriarchal et le droit coutumier des Kirghiz*, 1891, p. 10), указав на неустойчивость употребления у нас слов колено и род для означения главных исследующих родовых делений и принимая сам слово *tribu* для означения главных родовых единиц из слова *clan* для означения «совокупности единокровных или считающихся единокровными, меньшего объема, чем *tribu*», сам затем употребляет *tribu* в смысле вообще родового деления, о кланах же вскоре перестает и упоминать.

² Эти термины приводит г. Загряжский («О народном суде у кочевого населения Туркестанского края» в «Материалах для статистики Туркестанского края», вып. 4, Спб., 1876 года, стр. 194). По А.Н. Харузину («Киргизы бухарской орды», вып. I, 1891 года, стр. 41), роды делятся на отделения - тайфа, некоторые (отделения) на подотделения - атавалас.

³ *Das Türkenvolk*, 1885, s. 265.

⁴ Употребляют вместо кости и слово род, но так как последнее получило особое значение, более обширное, то удобнее и точнее пользоваться словом кость, означающим только кровное происхождение. По Г.Н. Потанину («Очерки северо-западной Монголии», вып. 2, 1881 г., примечания, стр. 2), киргизы поколения или роды называют эль, а алтайцы сөөк, т.е. кость. По г. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», стр. 27), незнакомому киргизы прежде всего предлагают вопрос о его роде: не эл сен? саягингне?

родовые союзы, существовавшие до русского владычества, но в то же время каждое семейство принадлежит к известной кости и носит и ее имя¹. Алтайцы разделяются на 24 сөөка, члены которых сохраняют твердое сознание об общем кровном происхождении и связи, хотя живут смешанно и рассеяно, в разных местностях, и состоят в ведомстве разных зайсангов. Члены сөөка не могут вступать в браки между собой. Они называют друг друга братьями по кости (сок-тынг карындашы). Каждый сөөк имеет своего особого духа-защитника и особые формы молитв и обрядов при шаманских заклинаниях².

В.В. Радлов на основании собранных им в 1862 году посредством расспросов сведений приводит следующие имена костей (famille, Geschlecht) у кара-киргизов³, замечая, что пять из них (төлөс, мундуз, сару, торо и кущу) одинаковы с алтайскими⁴.

В поколении бугу: челек (кость манапов, князей), торго, бапа, ельден, такабай, бөр (печень), дөлөс (очень малочисленная), кыдык, конграт (тоже), монгулдур (тоже), саяк (тоже), шикмят, каба, ассан тукум, арык тукум, кючюк, серикей, ондон.

В поколении сарыбагыш: сару, каба, монгулдур, шикманат, саяк, ассык, дөлөс, конграт, мундуз, кытай и етиген.

В поколении солту: етиген, кучу, сару, монгулдур, кытай, мундуз, ассык.

В поколении едигена: дөлөс, сару, конграт, монгулдур, мундуз, саяк, каба и шикманат.

В поколении чонбагыш: аскалы, торо, мачак, уш-тамга, кандабас, кош-тамга (двойная тамга), куан-дуан.

В поколении чирик: ак-чубак и бай-чубак.

В крыле сол: сару, беш-берен, мундуз, тонторюп, кучу, кюр-кюрен, етиген.

Можно полагать, что этот перечень костей довольно полон относительно поколения бугу, в котором ученый-исследователь был лично, в остальных же возможны неполноты.

Особенно должны быть неполны, по тогдашней отдаленности поколений от русских границ, сведения о костях у чириков и чонбагышей. Поэтому я ограничусь рассмотрением костей остальных поколений, заметив лишь, что уш-тамга и кош-тамга

¹ В.В. Радлов называл в *Observations sur les Kirghis* (Journal asiatique, 1863, t. II. p. 310 et 311) имена эти генерическими или патронимическими (ge'neriques ou patronimiques). Под этим названием, - говорит он, - «я разумею имя, которое в одном и том же народце носят многие семейства, которым оно служит для означения общего происхождения. Эти имена строго сохраняются из рода в род и могут служить указанием... для различения многочисленных и разнородных элементов, из которых образовались народы Алтая».

² *Aus Sibirien*, I, s. 258.

³ *Observations sur les Kirghis*, p. 318-320, *Aus Sibirien*, I, s. 230-231

⁴ *Observations etc.*, p. 316.

г. Радлов считает узбекскими родами; что ак-чубак и бай-чубак у чириков, быть может, имена родовых отделений, а не костей; и что по поводу костей аскалы, мачак, кандабас и куан-дуан мне не встречалось никаких разъяснений, о кости же торо будет упомянуто ниже.

В остальных четырех поколениях правого крыла и в крыле сол насчитывается всего 28 костей, из которых девять (челек, бапа, ельден, такабай, бөр, кыдык, ассан тукум, арык тукум и ондон) находятся только у бугу, три (беш-берен, тонтюрюп и кюр-кюрен) встречаются только в крыле сол, прочие же шестнадцать имеются в двух или более поколениях.

Из шестнадцати костей четыре - кытай, монгулдур, конграт и саяк - бесспорно составляют чуждые примеси, из которых саяк очень древняя, но последовала, по всей вероятности, уже в Тяньшане, остальные же три поступили в состав кара-киргизов в относительно недавнее время и также в западном Тяньшане. Из шестнадцати остается, следовательно, двенадцать, которые, по своей распространенности, должны быть коренными костями кара-киргизского народа. Из них первые места занимают: сару, которая имеется в поколениях сарыбагыш, султу, адгене, в крыле сол и в форме серикей в поколении бугу, стало быть, во всех главных частях кара-киргизского народа; далее каба (встречается у бугу, сарыбагышей и адгене), мундус (у сарыбагышей, султу, адгене и сол), кучу (у султу и сол и в форме кючюк у бугу), ассык (у сарыбагышей и султу и в форме ассан тукум у бугу), етиген (у сарыбагышей и султу и в крыле сол), дөлөс (у бугу, сарыбагышей и адгене), шикманат (у сарыбагышей и в форме шикмаят у бугу), наконец торго (у бугу и в форме торо у чон-багышей).

Этническое определение этих восьми коренных костей каракиргизского народа или главнейших из них есть, очевидно, выяснение происхождения этого народа. Задачу эту я пытался разрешить, на основании исторических данных, при помощи обстоятельного и возможно подробного изучения истории кара-киргизов и предполагаемых их предков, в обширном, еще не напечатанном труде, состоящем из очерков истории и географии западного Тяньшаня и его населения (усуней, кара-киргизов и казаков, преимущественно большой орды) с древнейших времен до настоящего. Я не могу изложить здесь даже в самом кратком виде результаты этого исследования, так как это заняло бы много места, тогда как настоящая статья и без того довольна объемиста. Ограничусь поэтому следующими главными выводами: 1) Нынешние кара-киргизы суть прямые потомки пришедших в западный Тяньшань из средней Монголии, за полтора столетия до Р.Х., усуней. 2) Усуни составляли лишь часть коренных кыргызов, отделившуюся от оставшегося на Енисее народа, который вскоре сделался известным китайцам под настоящим своим именем кыргыз, облекавшимся у китайских историков в свойственные китайскому произношению и транскрипции искаженные формы. 3) Усуньский народ в средней Монголии состоял не из одних кыргызов, но представлял собой союз тюркских родов, во главе которого стоял усуньский отдел кыргызов. 4) Общие предки усуней и енисейских кыргызов - древние кыргызы - произошли из

смешения тюрков с динлинами, которые были одним из племен древней северно-азиатской длинноголовой и светлоокрашенной расы. 5) Остатки динлинов, известные с VII века под именем «пегого» (по-тюркски «ала») народа, найдены были русскими завоевателями Сибири на Енисее под именем аринов, ассанов и коттов, в настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими осяками; самое же восточное из племен древней длинноголовой расы уцелело в виде аборигенов в северной части японского архипелага айнов, в которых антропологическими и краниологическими исследованиями обнаружено сочетание длинноголовой расы с монгольской. 6) Различия между тюркскими племенами и родами могут быть объясняемы помесью тюрков с разными племенами той же длинноголовой расы, с самоедскими и с угро-финскими.

Если эти выводы, имеющие отчасти гипотетический характер, верны, то коренные кости кара-киргизов могут быть, по крайней мере, частью, определены при их помощи и в согласии с ними, посредством отождествления кара-киргизских костей с костями, родами и племенами южной Сибири и средней Монголии, а в таком случае означенные выводы найдут в этом одно из решительных своих подтверждений.

При рассмотрении коренных кара-киргизских костей, принимая в соображение упомянутые предположения, оказывается, что самая распространенная, следовательно, главная, основная кость сару, в других формах сарикей, сарык, сары, есть, в сущности, тюркское слово сары (желтый, рыжий), которое могло быть применимо к коренной помеси тюрков с динлинами за ее унаследованную от динлинов светлую окраску волос; таково и было именование древнейшей кости кыргызов, ибо у енисейских киргизов два главные их рода носили имя джеты-сары и алты-сары, т.е. семь рыжих и шесть рыжих; у сагайцев, являющихся теперь (с качинцами) ближайшими родичами и частью потомками енисейских киргизов, существует род сарыг¹. Далее, кость каба можно отождествлять с койбалами, обитающим поныне на Енисее народцем енисейско-осяцкого и частью самоедского происхождения, отуреченным киргизами и именующим себя кой-ба или кай-ба². Затем, имя кости ассан (тукум значит семя, яйцо, так что является несущественной для имени кости добавкой) тождественно с именем исчезнувшего теперь и происходившего от динлинов народца ассанов; последнее происходит от ас, горноста́й, и кость ассык кажется лишь другой формой того же имени, также производной от ас. Имя кости арык тукум (у бугу) представляется происходящим от корня ар, как и имя другого жившего на Енисее, еще в XVIII столетии, народа аринов, также потомков динлинов: арин и арык суть только разные формы одного и того же имени, в последнем случае тюркизованного. Итак, главные, две из важнейших и одна из прочих коренных кара-киргизских костей, оказываются енисейско-киргизско-динлинского происхождения.

¹ Saryg в *Aus Sibirien*, I, s. 208.

² «Дополнение к русскому переводу Азии», Риттера, т. 4, стр. 592-295.

Имя кости етиген кажется тождественным с названием поколения адгене и с именем десятой из числа рек, на которых, по Рашид-эддину, обитали в древности он-уйгуры, именно Утигэн (у китайцев Удегянь), которое по некоторым рукописям можно читать и Етиген¹. Профессор Березин видел в этом имени тюркское уткен, прошедший², но едва ли это так. Вероятнее, что это имя не тюркское, а динлинское. Получив земли динлинов, тюрки должны были сохранить часть, по крайней мере, существовавших издревле местных имен, в числе которых весьма вероятно ожидать имя реки, на которой находилась обычная резиденция тюркских, а ранее динлинских, властителей Монголии. В таком случае имя етиген могло быть от реки заимствовано в качестве имени одного из динлинских племен и перейти к помеси этого племени с тюрками, которая вошла в союз усуньский во время нахождения усуней в средней Монголии и дала свое имя, с одной стороны, каракиргизской кости, с другой - одному из союзов или поколений, который первоначально состоял из одной этой кости и именовался етиген, впоследствии же превратился в адгене, адыгине и пр., как это часто происходит в устах народа с именами из чужих языков и как это, напр., делается у киргиз-казаков с именем адбан, которое иногда выговаривают абдан, адман³. Кость ддлдс представляется тождественной с телес, теле (у о. Иакинфа телэ), т.е. с одним из древних имен гаогуйцев, ставших позднее, под именем уйгуров, властителями Монголии, пока в половине IX века государство их не распалось вследствие внутренних междоусобий, при участии енисейских киргизов. Кость мундус встречается в качестве кости же на Алтае у алтайцев, чуйцев и теленгетов⁴; по-видимому, это один из древнейших тюркских родов, не стоявший, однако, во главе могущественных союзов, не пользовавшийся в свою очередь силой и господством в Монголии, а потому не попадавший на страницы истории. То же надо сказать о кости торо (у чонбагышей, а у бугу - торго), которые встречаются и у теленгетов на Алтае. Кость кучу, иначе куши, коще, даже кокче (все это в отделе сол у разных авторов, кючюк и кучук у бугу) есть вероятно то же самое имя, какое носил упоминаемый китайцами в VII веке чуюеский род хучжу или гучжу⁵, который, конечно, существовал и ранее⁶ и который много позднее встречается в Шейбани-намэ в числе родов, указываемых в описании похода Шейбани против монголов (т.е. против джagатаидов) в Фергане, под именем кущу (kuschtschu)⁷. Кости етиген, тблбс, мундус, торо и кучу вошли в состав усуньского союза,

¹ «История монголов. Введение», стр. 125, 126.

² Там же, 268.

³ Не мешает также иметь в виду, что занимавшие восточный берег Черного моря, значительную часть склонов Кавказского хребта, Кубанскую равнину и большую часть Кабардинской плоскости черкесы сами себя называли адыге и упоминались древними греческими писателями и историками под именем дзихов, торетов, керкетов. Может быть, имя адыге пошло от тюркского рода адыгене, властвовавшего над частью Кавказа и его аборигенов, ибо многое побуждает думать, что тюркские племена достигали Кавказа не только в средние века, но и в несравненно более древние времена.

⁴ Aus Sibirien, I, s. 216.

⁵ Иакинфа «Собрание сведений» и пр., 2, стр. 357 и 453.

⁶ В 121 г. до Р.Х. поддался Китаю один из западных хуннских князей по имени Хючжуй (там же, стр. 38, 39): по всей вероятности, это, как и во многих других случаях, не личное имя князя, а имя подведомственного ему рода - хючжуй, кучу.

⁷ Vambery - Das Türkenvolk, s. 349.

по всей вероятности, в средней Монголии, во время кочевания усуней между Дунь-хуаном и Саянами, ранее ухода усуней в западный Тяньшань.

Для выяснения происхождения костей, встречающихся только у бугу: шикмаят (у сарыбагышей шикманат), челек, бапа, ельден, такабай, бер, кыдык и ондон, я не нашел достаточных данных, но, в виду определения происхождения главных и распространенных во многих поколениях костей, эти кости, существующие только в одном поколении, особого значения не имеют, тем более, что часть их, быть может, не имена костей, а имена родовых подразделений¹.

В заключение рассмотрения кара-киргизских костей нелишне заметить, что имена их являются большей частью именами народов, племен и древних родов, потомками которых эти кости и представляются. Напротив, имена кара-киргизских родовых союзов и подразделений кажутся большей частью личными именами старшин и вождей, образовавших эти союзы или деления и стоявших во главе их. Таковы, как видно из примеров, приведенных г. Загряжским, имена новейших родовых подразделений и таковы же, несомненно, имена даже больших и важных в свое время союзов исенгул, темир, булат, надырбек, тынай и пр. у сарыбагышей, берназар, шапак и пр. у бугу, толкан, булекпай, канай и пр. у султу, курман-ходжа у саяков, каратал, тагайберды, тазанай и пр. в крыле сол, кадырша и пр. у ичкиликов и т.д. Но названия поколений или главных основных родовых союзов имеют другой характер. Так, бугу² значит олень, изюбр, сарыбагыш – желтый лось, чонбагыш – большой лось, чирик – воин, султу, по аналогии с другими подобными по образованию именами, – обитающий на лево, на востоке. Так как лосей в Тяньшане не водится, то надо полагать, что имена двух поколений сарыбагыш и чонбагыш, а также вместе с ними и остальных, принесены усунями из средней Монголии³, а частью, быть может, даже из-за Саянов. Таким образом, имена главных поколений весьма древние, и поколения эти существовали, стало быть, до прибытия кара-киргизов в Тяньшань.

Не невозможно, что деление на два крыла он и сол ведет свое начало с того времени, как усуньское «государство разделено было на три части», из которых одной правил средний сын приведшего усуней в Тяньшань гунми по имени Далу, другой –

¹ Напр., Такабай кажется личным именем вождя или старшины, образовавшего союз или родовое отделение. Кость челек напоминает кость же челей (Tschalai) у шорцев на р. Мрассе (Aus Sibirien, I, s. 214). Бапа, быть может, остаток карыкского рода пофу (у китайцев).

² Имя это тождественно с названием гаогуйского поколения пугу. По «Тан-шу», пугу было одним из 15 гаогуйских поколений, обитавших по северную сторону великой песчаной степи, т.е. в северной Монголии и Чжунгарии («Собрание сведений» и пр., I, стр. 373). В VII столетии оно состояло из 30 т. кибиток, имело 10 т. войска. «Пугусцы были упорны, отважны, неукротимы. Сначала они поддались дулгасцам (туркам), потом сеяньтосцам», а затем Китаю. В половине VIII века пугуский князь Хуай-энь играл важную роль в истории Китая (там же, стр. 374, 434, 437, 384-402). Нет, по-видимому, ничего невероятного в предположении, что часть пугу присоединилась к усуням в средней Монголии, ушла в составе их в Тяньшань и образовала поколение бугу. В состав последнего, конечно, могли затем в разное время войти многие кыргызские кости.

³ Г.Н. Потанин упоминает («Очерки с.-з. Монголии», вып. I, 1881 г.) горы Бугу-хаирхан, Бага-бугу, перевал Бугу-даван, все это в той части монгольского Алтая, которая называется Алтаин-ниру и пересекается путем из Кобдо в Хами. Не отсюда ли гаогуйское поколение пугу получило свое имя, которое присоединившаяся к усуням часть его унесла в западный Тяньшань?

внук гуньми, сын старшего его сына, Сэньцзу, объявленный наследником престола, а третьей - сам гуньми. Быть может, часть Далу именовалась он в смысле правой, младшей, а часть Сэньцзу - сол, в смысле левой, старшей, так как он был наследником гуньми. Сын Далу Ун-гуйми мог получить свое имя Ун или Он от названия удела отца. Так как достоинство гуньми утвердилось впоследствии за потомством Далу, то к уделу его должна была присоединиться часть гуньми и крыло он должно было сделаться многолюдным; потомки же Сэньцзу остались при первоначальном уделе сол, который окончательно основался в западной части усуньских земель, около Таласа. Отдел он первоначально занимал среднюю и восточную часть усуньских земель и лишь впоследствии распространился на юго-запад, в земли сейских владений Хюаньду и Хюсюнь, где, по-видимому, поместилось и ныне там находящееся поколение адгене.

5) Ураны и тамги кара-киргизских родов

Имеющиеся сведения об уранах и тамгах кара-киргизов скудны и отрывочны. По В.В. Радлову (1862-1868 гг.), боевой крик крыла сол - Кунек, а крыла он - Джанкураз¹. По словам Загряжского, у кара-киргизов нет общего боевого крика, как в большой орде, где общий уран Аблай; у кара-киргизов гораздо более пестроты; так, тынаи кричат Атаке, отделение исангул кричит Исангул; каждый род имеет несколько своих криков². По заявлениям аульеатинских кара-киргизов, по одним - общий боевой клич кыргызов Коки, по другим - Куйтенбий, по третьим - Каратал, у отделения гуркерау - Каратал, у алакчин - Мурадали, у султов - Булекбай, у сарыбагышей - Кулпаш, у бишперен - Береп, у багышей - Джанкураз³.

Вообще, значит, уранами у кара-киргизов служат имена вождей и знаменитых манапов. Имя Коки, о котором я ничего не знаю, напоминает озеро Кокый-куль оренбургских сведений, которыми пользовался Н.А. Середа в статье «Бунт киргизского султана Кенисары Касимова»⁴; это озеро будто бы находилось в китайских пределах и в окрестностях его кочевали не отличавшиеся воинственностью киргизы, которых Кенисары подчинил себе около 1845 года, удалившись из оренбургской степи. Если Коки есть славный кара-киргизский батыр, имя которого служит ураном для всего народа, то Кокый-куль должен бы быть Иссыккулем, а киргизы, покоренные Кенисарою, - кара-киргизы, но Кенисары киргизов не подчинил и погиб в борьбе с ними, да и племя они, по оренбургским же сведениям, воинственное. Поэтому и Коки, и Кокый-куль остаются загадками.

Сведения о тамгах кара-киргизов весьма недостаточны. По В.В. Радлову, у бугу употребляется тамга и у султу ай, луна ⁵. По показаниям аульеатинских кара-киргизов, у коще (кучу) тамга , у сукты (опечатка вместо султы?) , у етеуру

¹ Aus Sibirien, I, s. 534.

² «Очерки токумского уезда» в «Туркестанских ведомостях», 1873 года, № 10.

³ Гродеков «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», 1889 года, Ташкент, приложения, стр. 3. Берен, должно быть, опечатка вместо Берен.

⁴ «Вестник Европы», 1871 года, август.

⁵ Aus Sibirien, I, s. 534.

(джетыру или менды г. Смирнова?) ай и каскатабан (?) , у босмеин (бошмоин рода алакчин?) и у берен , у алакчин , у багыш , у хытай (ктай) джугары (верхняя) тамгалы хытай и тюмень (нижняя) тамгалы хытай ¹

Отсутствие сведений о тамгах остальных кара-киргизских поколений и родов лишает возможности основательного и всестороннего изучения родовых тамг кыргызов. Можно пока заметить, что тамга кущи или кучу, одинаковая с тамгою дулатов, подкрепляет предположение о происхождении кости и рода кучу или кчук из западной Монголии и о родстве ее с происходящими оттуда же дулатами; полукруг султу может указывать на происхождение этого поколения от кости кучу, которая действительно и отмечена В.В. Радловым в составе султу; тамга , составляющая сочетание тамги султу с тамгой канглы, а также тамга бошмоинов и беренов намекают на примесь в крыле сол частиц канглов; тамги алакчинов и хытаев также имеют отношение к тамгам канглов и кипчаков; тамга поколения багыш, которая, быть может, встречается и в выпрямленном виде, напоминает тамгу рода табын малой орды; джагалбей - тамга бугу кажется особой от тамги кипчаков =. Вероятно, подробные сведения о родовых тамгах у кара-киргизов, а также у южно-сибирских и омонголенных тюрков дадут интересные сближения и разъяснения.

Обратим пока внимание на любопытные тамги или *знамена* остяков, преимущественно березовских, XVII столетия, открытые и изданные Н.Н. Оглоблиным². Эти знаки ставились инородцами вместо рукоприкладства на «челобитных» и «сысках». Состоят они из более или менее грубых и удачных изображений зверей, птиц, животных, орудий, оружия (стрелы, копья, мечи, топоры) и тамг. Признаю я массу знаков, употреблявшихся угро-финскими остяками, которые не имели ни лошадей, ни верблюдов, за родовые тамги, - служившие и служащие у занимавших более южное положение скотоводческих тюркских и монгольских племен преимущественно для таврения лошадей и верблюдов, - вследствие полного сходства знамен с тамгами и нахождения между первыми не только всех типов, но почти всех разновидностей тюркско-монгольских родовых тамг. Сведений о надобностях, для которых употреблялись остяками тамги, которые по требованию приказных людей стали они применять в качестве подписей, мне не встречалось, но можно предполагать, что они служили у северных инородцев для таврения оленей и собак, звероловами же и рыболовами применялись для помет охотничьих снастей и ловушек, а также налагались на вещах для означения их принадлежности, на деревьях и утесах для указания границ родовых земель, лесов и звероловных районов и т.п.³ Каким образом тамги южных

¹ Н.И. Гродеков «Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», Ташкент, 1889 года, приложения, стр. 7 и 8.

² «Остякие знамена» в «Историческом вестнике», 1889 года, № 10, стр. 135- 149, где помещено 85 рисунков в тексте, и «Знамена сибирских инородцев XVII века» с особой таблицей, на которой изображено 105 знамен, в «Записках уральского общества любителей естествознания», том XIII, вып. I, Екатеринбург, 1891-1892 года. При ссылках на рисунки я буду указывать на страницы первой статьи и на номера таблицы при второй статье.

³ Судя по небольшому количеству тамг вогулов, приведенных проф. Н. Сорокиным («Путешествие к вогулам», в «Трудах общества естествоиспытателей при Имп. Казанском университете», том 3, № 4, 1873

скотоводов попали к северным звероловам и рыболовам, вдобавок к собственным знакам их, естественно, изображающим предметы их охоты и орудия? Частью тамги могли быть заимствованы угро-финами в то время, когда они сами обитали в более южных странах и также были скотоводами, главным же образом они могли быть принесены к ним динлинскими племенами, вытесненными к ним из пастбищ Монголии и киргизской степи тюрками. Значительная примесь динлинской длинноголовой расы к нынешним осякам и вогулам почти несомненна, так как финны (а вероятно, и угры) короткоголовые, между тем антропологические исследования обнаружили у осяков и вогулов большой процент длинноголовых. Вследствие этого занесение к осякам скотоводческих тамг динлинами, которые в степях, конечно, были скотоводами, весьма вероятно. Этим же, вместе с тем, доказывается, что значительная часть родовых тамг нынешнего населения Монголии и Туркестана не была выработана непосредственно тюрками и монголами, а заимствована ими у тех динлинских племен и родов, от помесей которых с тюрками произошли тюркские племена и роды.

Тамги нынешних канглов и кипчаков встречаются в рукоприкладствах осяков XVII века в формах, , / и \ (стр. 148, у отбравших рукоприкладства приказных людей - «рубеж», «рубец»), и || (эта тамга означалась «рубежи», «два рубежа» и словами «яид» и «аед», стр. 146). Есть много производных этого типа: (144), (143), (145), (№ 22), («костыль», № 47), («посох», № 64), (стр. 146, «яид»), (№ 42, «три рубежа») и особенно часты и «шайтанская рожа», «нос шайтанский» (№ 35, 36, 51, стр. 147), так что издатель удивляется «странному влечению осяков к изображениям духа тьмы»: вероятно, у осяков это была просто тамга многочисленной кости или рода, шайтанской же рожей наименовали ее служилые и приказные люди, замечая ее в числе других тамг и изображений (вроде , № 34), на бубнах шаманов, служителей «шайтана»¹. Были также тамги типа круга и полукруга солнце, и «месяц» (№ 5, № 30 и стр. 147), , , , (стр. 143'f 144), (№ 52), , (стр. 145; последнее изображение напоминает халхасскую тамгу «пять глаз»), (стр. 145: это алтайская тамга йиракай).

Особую группу составляют знаки и (№ 14, два «скобеля»), (№ 27, «скобель»), , и пр. (№ 37, 38, 39, 49, 50), которые Н.Н. Оглоблин признает за свастику, в более или менее правильном изображении². Не отвергая сходства, я, однако же, не считаю возможным, что эти знаки суть скотоводческие тамги самостоятельного происхождения.

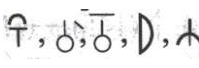
г., стр. 46 и таблица I) и употребляемых ими для татуировки на руках и ногах, для пометок на деревьях во время звероловства и пр., тамги эти имеют сходство с некоторыми осяцкими знаменами.

¹ По свидетельству Джувейни (d'Ohsson. Histoire des Mongols, t. I. p. 431), уже в XIII веке, в царствование Угедей-каана, только шаманы и могли прочесть надпись на одном из орхонских памятников, сделанную, как ныне обнаружилось, тюркским алфавитом. Надо поэтому думать, что знаки на шаманских бубнах есть частью память о надписях на них, которые некогда делались тюркским алфавитом, знаки которого взяты из родовых тамг.

² Любопытное собрание изображений свастики и близких к ним, встречающихся у арийцев Европы с древнейших времен, помещено в таблицах, приложенных к реферату Эмигродского Zur Geschichte der Suastika (Archiv für Anthropologie, 19, Band, 1890).

Да и нет ничего невероятного, что и сама свастика у арийцев первоначально появилась в качестве тамги, когда они жили еще в скотоводческом быте, и лишь впоследствии обратились в таинственный знак, изображавшийся в углах мистического треугольника¹. Объяснение происхождения свастики добыванием священного огня посредством трения двух деревяшек может быть столь же натянуто, как, напр., предположение Н.Н. Оглобина о существовании у остяков «какого-то снаряда для добывания огня путем трения кусков дерева» для объяснения того, что приказные называли употреблявшийся остяками в рукоприкладствах знак, сходный со свастикой, «скобелем», «скребельницей» и т. под.: почему же приказные не могли употребить слова скобель и пр. по сходству знаков со столярными инструментами для скобления дерева и пр.?

Интересна также группа остяцких знамен, типа четырехугольника: («очень часто встречается»), , , и ибо знаки эти принадлежат к типу тамг «ешик» у киреев и сары-усуней, подтверждая возможность их динлинского происхождения.

Еще более близкое отношение к вопросам о происхождении большой орды и кара-киргизов имеют тамги остяков енисейского уезда: (№ 98-102), примыкающие к типу дулатовских производных и показывающие, что и для дулатов возможно предполагать происхождение из метисации тюрков с динлинами средней Монголии и Енисея.

б) Краткий обзор исторических сведений, выясняющих этнические отношения между кара-киргизами и большой ордой, и определение происхождения поколений большой орды и сары-уйсунов

Заключительным соображениям об этнических отношениях между кара-киргизами и большой ордой необходимо предпослать нижеследующий краткий обзор главнейших исторических данных, которые могут значительно осветить эти отношения и которые заимствованы из упомянутого моего труда по истории и географии западного Тяньшаня, где указаны источники и пр.

Заняв в половине II века до Р.Х. западный Тяньшань и прилегающие к его северным подножьям части киргизской степи, т.е. бассейны рек Или, Чу и Нарына, усунь нашли здесь остатки юечжийцев и предшествовавших им сейцев; из них сейцы, более многочисленные, могли составить особое поколение, носящее имя саяк и, вероятно, вскоре потерявшее свои отличия от других усуньских поколений, потому что уже во время прибытия усуней сейцы не различались от них ни одеждой, ни обычаями, а вероятно, и языком, ибо, надо полагать, они были тюрки. Ближайшими соседями усуней были, задолго до прибытия их в Тяньшань обитавшие в южной части киргизской степи, кангюйцы или канглы. Они не уступали усуням в численности и должны были отнестись к пришельцам, насильственно занявшим чужие земли, с понятной враждебностью и опасением. Китайские историки дают кое-какие известия об одной

¹ В названии тамги ошакты амулет-тамгой очевидно влияние представления о мистическом значении треугольника.

войне между кангюйцами и усунями, но это, конечно, не значит, что не велись другие войны, о которых известий не сохранилось. В этой войне, происходившей в начале последнего полувека перед Р.Х., кангюйцы, признававшие хуннского шаньюня Чжичжи, имели с усунями несколько сражений и вынудили их опустошить западную часть собственных земель, разрушить городок Чигу, считавшийся столицей, и удалиться в восточную часть усуньской территории. Хотя на помощь усуням пришли китайцы и сожгли город, который начал на усуньской, кажется, земле строить Чжичжи, умерший в плену от ран, полученных в бою с китайцами, но собравшиеся между тем кангюйцы успешно преследовали возвращавшихся в Кашгарию китайцев и нанесли серьезный урон усуням, напав на них и на востоке. Впоследствии, во время частых междоусобиц между усуньскими князьями, те из них, кто являлись противниками поддерживаемых китайцами, находили убежище и помощь у кангюйцев. Когда, после Р.Х., усуньское государство окончательно распалось и когда ослабленный хуннами, увлекшими значительную часть кангюйских родов с собой в Европу, Кангюй постигла та же, вероятно, участь, то враждебные и дружественные столкновения и союзы между усуньскими и кангюйскими поколениями и родами могли быть очень частыми. В это-то время могли начаться смешения и союзы между усуньскими и кангюйскими родами, результатом которых явились те роды большой орды, которых происхождение явно смешанное и нахождение кангюйцев в составе которых очевидно, дулатовская же примесь ничем не обнаруживается. Разрозненные усуньские роды во второй половине VI века были легко покорены тукюесцами (турками), которые в то же время подчинили себе и кангюйцев. К этому времени относится первое упоминание имени кыргызов у европейских историков: я имею в виду известие Менандра о пленнице из народа «так называемых херхисов», подаренной византийскому послу Зимарху тюркским ханом Дизавулом, с которым, отправляясь в обратный путь, Зимарх расстался на Таласе. Кангюйцы, по крайней мере, большая часть их родов, сохранили полунезависимость, получив, вероятно, правителя или правителей из тюркского ханского дома, кыргызы же составили пять аймаков из тех десяти аймаков, на которые делилось население земель западных тюрков, находившихся в непосредственном управлении их хана. Из этих пяти аймаков, помещавшихся на западе от р. Или и имевших общее название нушиби, каракиргизский род ассык («асиги» у китайских историков) составлял первый и самый многочисленный аймак, ибо китайцы, конечно преувеличенно, полагали, что начальник его может выставить «до нескольких сот тысяч» воинов; из того же (частью) рода должен был состоять другой аймак - «асиге нишу», в котором к ассыкам присоединился какой-то другой род «нишу», может быть кангюйский; третьему аймаку китайцы дают имя «басайгань дуньшибо», в котором можно предполагать нынешний дулатовский род сейкым (басайгань = байсейкым) в соединении с каком-то неизвестным; четвертый аймак состоял из рода (левого крыла) кучу («гэшү»); в пятом аймаке находился тот же кара-киргизский род кучу вместе с суванами и, быть может, адбанами («гэшү чу бань»). Такой состав кара-киргизских аймаков уже обнаруживает соединения усуньских родов, с одной стороны, с кангюйцами, с другой - с дулатами. Большая часть последних, однако, в то время состояла еще в составе пяти восточных

аймаков, которые носили их имя («дулу»). После падения власти тукюеских ханов и заменивших их тургешских дулаты, кара-киргизы и часть канглов подчинены были карлыками. Во время карлыкского господства (с половины VIII до второй четверти XII века) занимавшие самый западный Тяньшань кара-киргизские роды пользовались, по-видимому, значительной самостоятельностью, а иногда, особенно в конце этого периода, и независимостью, как можно заключить из известий арабских географов, в дошедших до нас копиях рукописей которых имя кыргыз'ов получило ошибочные транскрипции килк'иеь и каладж'ый. - Кара-кидани (XII век), покорившие без боя северные подножья всего Тянь-шаня, были вынуждены посылать войска для подчинения кыргызов в их горной стране. Между 1161 и 1190 годами кыргызы родов сары («Салия») и бугу («Богу, глава канглы и других племен», из чего надо заключить, что к бугу примыкала часть канглов) искали поддержки против киданей у императора владевших северным Китаем чжурчженей. За монгольскую эпоху (XIII-XV века) о кыргызах долго известий нет, и выступают они на сцену, как и дулаты, лишь в XV веке, во время падения власти джагатаидов в оставшейся было им верной восточной половине джагатаева улуса. В конце XV века дулаты и канглы вошли в состав киргиз-казачьего союза, начало которому положено было в третьей четверти этого века родами канглов и кипчаков разложившегося джучиева улуса. Во второй четверти XVI века и тяньшаньские кара-киргизы окончательно сбрасывают власть джагатаидов, уже удалившихся в Восточный Туркестан. Со второй половины XVII столетия кыргызы, в союзе с киргиз-казаками, вели борьбу с калмыками и частью покорились им, частью же вынуждены были искать убежище в Фергане и на Алае. Возвратились они отсюда в начале второй половины XVIII века, после покорения Цзунгарии китайцами, и по «Сиюй-ту-чжи», а также по «Описанию средней орды» капитана Андреева, оказываются в том самом родовом составе, какой имеют и в настоящее время. Во второй четверти настоящего столетия пребывавших в независимости кара-киргизов западного Тяньшаня покорили своей власти коканцы, а затем между 1855 и 1876 годами подчинены они русскими. Между тем у киргиз-казаков большой орды, родовой состав которых, по капитану Андрееву, почти не отличался от нынешнего, стараниями Аблай-хана была восстановлена власть чингизидов. В конце XVIII века юго-западная часть большой орды признала власть ташкентского Юнус-ходжи, а затем подчинена была коканцами. В 1819 году султан Сук с джалаирами принял подданство России, власть которой между 1846 и 1865 годами распространилась и на остальные роды и земли большой орды.

Этот исторический обзор показывает, что кара-киргизы занимали горные местности западного Тяньшаня с половины II века до Р.Х. по настоящее время, принадлежавшие же им в усуньскую эпоху долина р. Или и земли до Таласа постепенно перешли от них дулатам и их родичам. При движении своем вдоль подножья западного Тяньшаня на запад до Сыр-дарьи и Чирчика, дулаты, естественно, должны были вытеснять, а главным образом принимать в свой состав, обитавших на востоке кара-киргизов и на западе канглов, в промежутке же между ними - смешанные из кыргызов и канглов роды. Но кроме включения степных кара-киргизов и канглов в состав дулатовских

родов, посредством образования сложных родов и поколений из дулатовских и кыргызских родов (таково, вероятно, происхождение рода сейкым и поколения джалаир) и из дулатовских и кангюйских (таков, кажется, род чимыр и поколение Чапрашты), возможно было сохранение особого существования кара-киргизских и кангюйских родов и союзов в виде немногочисленных обществ, объединявших свои интересы с интересами крупных дулатовских родов и поколений. К сохранившим свое особое, на таких условиях, существование между дулатовскими родами или в соседстве с ними принадлежат поколения исты, ушакты, канглы, чаншклы и сергелы - все кангюйского происхождения - и поколение сары-уйсун - вероятно одно из кыргызских.

Кыргызское происхождение дулатовского рода сейкым доказывается существованием его в VII веке под именем басайгань в числе нушибийских, т.е. кара-киргизских, аймаков. Участие кара-киргизов в образовании поколения джалаир явствует из нахождения в составе его усуньских или кара-киргизских костей кучу (кучук) и арык (арыктыным). Кангюйско-дулатовское происхождение рода чимыр и поколения чапрашты кажется вероятным по их тамгам, представляющим сочетание части дулатовского круга с кангюйским «рубежом». Далее кангюйский корень, или близкий к нему, поколений исты, чаншклы и сергелы указывается их тамгами, а также, как и относительно ушакты, подтверждается генеалогическими сказаниями.

За кыргызское происхождение поколения сары-уйсун говорят: 1) отсутствие в именах отделений его таких, которые имелись бы у дулатов и канглов; 2) нахождение в составе его отделения крык или кырк, от имени которого, вероятно, произошло самое имя кыргызов; 3) совершенное отличие сары-усунской тамги от дулатовских и кангюйских и принадлежность ее к типу четырехугольника, встречающегося у киреев и остяков и указывающего на динлинское его происхождение; 4) самое имя поколения, вдвойне подтверждающее, что оно является прямым и коренным потомством усуней, ибо не только носит имя усун, но с приставкой к нему сары, желтый, указывающей на наглядную отличительную черту физического типа древних усуней, наследовавших от динлинов их светлую окраску волос; наконец, 5) народные родословные сказания и предания, признающие сары-усуней древнейшими обитателями страны и старейшим поэтому против всех остальных поколением или родом, что подтверждается и именованьем большой орды, в среде которой обитают немногочисленные сары-уйсуны, уйсунской или юсунской¹. Все эти обстоятельства, в своей совокупности, дают достаточные основания полагать, что сары-уйсуны представляют собой остаток коренных усуней, быть может, то самое поколение, род или кость, к которому принадлежала владетельная фамилия усуней и которое служило главной опорой ее власти над прочими поколениями усуньского союза. Не невозможно, что после распада усуньского союза, безвозвратно утратив свою сласть и первенство, поколение

¹ По словам Валиханова («Очерки Джунгарии», стр. 195), поколение сары-уйсун «считает себя остатком большого и сильного народа». Но он не приводит никаких преданий сары-уйсунов в этом смысле и о существовании их нет никаких сведений.

сары-уйсун удалилось из среды кара-киргизов и пристало к канглам, а потом к дулатам, когда они сделались преобладающим в притяньшаньской стране союзом. По своей малочисленности и особому происхождению сары-усунское поколение не могло играть в большой орде влиятельной роли, а потому, во-первых, оно не фигурирует в известных исторических событиях и, во-вторых, вынуждено было, вероятно, и ранее довольствоваться для кочевков своих местностями, подобными «Желтым горам песку». В таком же положении находится поколение исты, также немногочисленное и также чуждое дулатам; оно занимает дельту р. Или, столь же непригодную для высокого благосостояния кочевников-скотоводов местность, как и Сарытау-кум.

III. Тип кара-киргизов и начинающиеся антропологические исследования

1) Выводы из предшествующих двух отделов этого исследования о коренном составе кара-киргизов и большой орды и о примесях

Выяснение родов и костей и отношений между ними у кара-киргизов и в большой орде, на основании сведений о существующих родовых делениях, легендарных родословных и исторических известий, при помощи указаний, которые дают родовые тамги, приводит, в результате двух предшествующих частей настоящей работы, к следующим заключениям: 1) Кара-киргизский народ образовался из части енисейских кыргызов, ушедшей в среднюю Монголию и составившей, в соединении с частью тамошних тюркских родов особого от кыргызов происхождения, усуньский союз, занявший в половине II века перед Р.Х. западный Тяньшань и прилегающие с севера части степи. 2) Большая орда составила, главным образом, из родов, принадлежавших к племени канглы и к племени дулат, приняв в свою среду части кара-киргизских родов и сохранившее свою особенность кара-киргизское поколение сары-уйсун. 3) Так как енисейские кыргызы представляли собой помесь тюрков с динлинами, то в основе кара-киргизского народа лежит кость сары, динлинского происхождения. 4) Присоединившиеся к кыргызам в Монголии части тюркских родов были родственны дулатам. 5) Дулаты и канглы суть два особых тюркских племени, отличные и от кара-киргизского, но в составе дулатов есть основания предполагать доисторическую примесь родственного предкам кыргызов динлинам племени, настолько, однако, несильную, что дулаты не отличались от прочих тюркских племен той светлой окраской, которая составляла особенность кыргызов, еще в VII веке после Р.Х. отмечавшуюся китайцами у енисейских кыргызов.

Что касается до посторонних примесей в составе кара-киргизов и большой орды, относящихся к историческому времени, то, во-первых, примеси эти количественно и качественно незначительны, и, во-вторых, они почти одинаковы у кыргызов и большеордынцев. Именно они состоят из киданей, монголов и калмаков, временно властвовавших в Туркестане, затем из частей посторонних киргиз-казачьих родов, которые, историческими событиями и случайностями, забрасывались в среду кара-киргизов и большеордынцев, и наконец, из оседлого населения средней Азии.

Численность киданей и монголов, обитавших в Туркестане, была не особенно велика и притом значительнейшая часть остатков этих народов перешла из Туркестана в Мавераннагр и присоединилась или к оседлому его населению, или к родам местных тюрков. Количество калмаков, попавших в плен и рабство к киргиз-казакам и кара-киргизам главным образом во время бегства торгоутов с Волги в Китай, не превышало одного или двух десятков тысяч душ, часть которых, конечно, успела в разное время бежать к соплеменникам, часть вымерла без потомства, еще часть продана в соседние страны и только меньшая осталась в степи, распределившись на всем ее огромном пространстве, отчего примесь калмацкой крови не могла не быть ничтожной. Оседлое население Мавераннагра иранской крови и помеси его с тюрками (сарты), конечно, в течение нескольких тысячелетий приливали к тюркским родам Туркестана и Тяньшаня в качестве военной добычи и отчасти путем браков, но примесь иранцев, которая главным образом должна была отразиться на канглах, в конце концов, также не могла быть значительной, потому что пленные и рабы, так или иначе, уходили большей частью из чуждой им среды кочевников в оседлые страны или вымирали без потомства.

В общем, все эти посторонние примеси, конечно, оставили свои следы в именах родовых подразделений (ктай, монгулдур, калмак, сартдар и пр.), но должны были принять язык и быт тюркских кочевников и не могли оказать на их кровный состав влияния, сколько-нибудь приближающегося к тому, какое принадлежит основным элементам метисаций, создавших коренные роды киргиз-казаков и кара-киргизов. Примеси из посторонних кара-киргизам киргиз-казачьих родов также невелики, как уже упоминалось выше в отношении больше-ордынцев на основании имен родовых подразделений и тамг, за исключением, разумеется, ташкентского уезда и отчасти чимкентского. У каракиргизов этого рода примеси значительны только в Фергане и заметны еще в крыле сол, в остальной же, главной, массе ничтожны.

Гораздо большее влияние на этнический состав большеордынцев и кара-киргизов должны были оказать смешения между теми и другими, происходившие в продолжение двух тысячелетий соседственной жизни, часто под владычеством чуждых обоим народам и в борьбе с общими врагами. Нельзя отвергать значительности совершившихся вследствие этого метисаций, столь ясно выразившихся в образовании смешанных и сложных родов. Роды эти и поколения, возникшие в притяньшаньских степях, вошли, однако же, почти исключительно, лишь в состав большой орды, совершенно слившись с ней в бытовом и язычном отношениях. В самый западный Тяньшань, в горную страну, занимаемую кара-киргизами, степняки дулаты и канглы проникали мало и оттого в составе кара-киргизского народа и этих примесей и смешения родов относительно немного. Вследствие этого кара-киргизы представляют собой народ, образовавшийся из значительно отличных от большой орды и вообще киргиз-казаков элементов и сохраняющий свой первоначальный состав без важных дальнейших примесей уже более двух тысяч лет. Столь продолжительное существование в одной и той же стране, притом горной, обеспечивающей в

значительной мере возможность обособленности и самобытности, не могло не создать из кара-киргизов особого народа, если бы они даже не отличались уже от большеордынцев и других киргиз-казаков своим основным кровным происхождением, хотя бросающаяся в глаза вывеска, так сказать, этого происхождения - светлая окраска волос и глаз - с течением времени, под воздействием, очевидно, более сильной тут тюркской крови, утратилась. Этнический состав большеордынцев гораздо более пестр, так как кроме основных метисаций, результатом которых были дулаты и канглы, в состав большой орды и ее родов вошли отдельными семьями, частями родовых подразделений и даже целым поколением каракиргизы, да количество и посторонних примесей было значительнее. Стоя в некоторой близости к кара-киргизам по принятым от них примесям, большая орда в то же время составляет часть киргиз-казачьего народа, состоящего из племен и родов, объединенных, несмотря на значительное разнообразие происхождения, тюркским языком, бытом и пр., а также исторической жизнью, особенно в продолжение последних четырех веков, со времени образования киргиз-казачьего союза, давшего родам единство и в политическом отношении. К сожалению, выяснение отношений большой орды к остальным киргиз-казачьим родам весьма трудно не только потому, что этнический состав их мало исследован, но и потому, главным образом, что для определения происхождения главных родов, т.е. элементов их коренных помесей, а также для того, чтобы проследить дальнейшие судьбы главных родов, мало и таких, хотя и скудных, исторических известий, какие существуют относительно происхождения кыргызов и их истории, а также отчасти истории главных родов большой орды. Существенных выяснений по этому предмету, кажется, можно ожидать, между прочим, от антропологических исследований.

Все эти выводы и соображения об этническом составе большой орды и кара-киргизов составляют результат сведений и данных, принадлежащих главным образом к областям истории, этнографии и языкознания. Между тем определение и изучение физического типа различных рас и племен составляет также задачу еще молодой, но обещающей сделаться мощной и великой наукой - антропологии. В последнее время антропологические исследования начинают распространяться и на киргиз-казаков с кара-киргизами, а потому необходимо изложить их положение и результаты, чтобы выяснить - насколько они подтверждают или опровергают и изменяют те заключения об этническом составе и отношениях этих двух народов или племен, к которым приводят данные, принадлежащие другим областям знания.

2) Тип кара-киргизов по наблюдениям путешественников-неантропологов

Уже султан Чокан Валиханов (1856-1859 гг.), указывая на то, что кара-киргизы отличаются от киргиз-казаков «по языку, по происхождению, по обычаям», утверждал, что «даже в физиономии бурутов есть что-то своеобразное, не кайсацкое»¹.

В.В. Радлов также находил, что «тип кара-киргизов безусловно отличен от типа казаков, как это мне, - говорит он, - особенно резко показалось при первом моем

¹ «Очерки Джунгарии» в «Записках геогр. общ.», 1861, кн. I, стр. 197.

посещении кара-киргизов рода бугу, в 1862 году, на р. Каркаре. Физиономии кара-киргизов сильно напомнили мне черты алтайских горных (так называемых) калмыков и телеутов»¹. По описанию того же ученого, алтайцы вообще среднего роста, коренасты и широкоплечи; их тело не производит впечатление большой силы; они худощавы и очень мускулисты; руки и ноги небольшие; лица широки и плоски; лоб узок и придавлен кзади; глаза - маленькие, брови - большей частью узкие, скулы сильно выдающиеся, нос - приплюснутый и соразмерно слишком малый, рот - большой, с толстыми губами, за которыми стоят два ряда крепких, ослепительно белых зубов; подбородок большей частью острый; волосы на лице скудны, даже на верхней губе; цвета волосы и брови черного, очень жесткие². У киргиз-казаков тот же монгольский тип, но лоб не так сильно придавлен кзади, скулы выдаются менее, а носовая кость выставляется над уровнем лица больше вперед, чем у алтайцев; у них небольшой рот, черные, узко прорезанные, но неглубоко лежащие глаза и слабая растительность волос на лице. «Но кроме монгольских физиономий большинства, находили мы почти во всех семействах отдельные личности совсем другого типа: продолговато-овальное лицо, большие, еще более черные глаза, густые брови, сильная растительность на бороде и выдающийся, сильно выгнутый нос»³.

По Н.А. Северцову (1864-1867 гг.), форма черепа у кара-киргизов «общекиргизская, короткоголовая, несколько крышеобразно суживается к темени; черты лица менее разнообразны, чем у киргиз-казаков; все скуластые, широкие, угловатые, плосконосые, узкоглазые лица, с редкими бородами. У киргизских лиц скулы и нижняя челюсть почти одинаковой ширины, так что оклад лица приближается к квадрату; скуловая дуга (*arcus zygomaticus*) мало отстает от висков. У калмыцких лиц эта дуга весьма выпукла, так что оклад лица приближается к ромбическому»⁴.

Приведенным мнению образованного и талантливого киргиз-казака, оказавшего большие услуги этнографии, истории и географии западного Тяньшаня и Восточного Туркестана, и наблюдениям самого сведущего в восточных тюркских наречиях лингвиста, - лиц, хорошо ознакомленных во время своих многолетних путешествий и с киргиз-казаками, и с кара-киргизами, - А.М. Харузин, в труде своем о киргизах бухарской орды, противопоставляет мнение «одного автора, мнение ценное, потому что оно писано киргизом-султаном Мендали Пиралиевым»⁵. Пиралиев, «говоря о том, что имя киргиз принадлежит не киргиз-кайсакам, которые сами называют себя казаками, а каракиргизам», пишет: «Киргизы - это особый от нас народ, обитающий около озера Иссыккуля и к юго-востоку от него, народ одного с нами тюркского племени, но политически совершенно нам чуждый». «Следовательно, - заключает г. Харузин, - Пиралиев считает кара-киргизов и казаков одного племени и лишь указывает, что рознь между ними существует только политическая. Это мнение,

¹ Aus Sibirien, 1884, B. I, s. 526.

² Там же, s. 259.

³ Aus Sibirien, 1884, B. I, s. 411.

⁴ «Путешествия по Туркестанскому краю», СПб., 1873 г., стр. 16.

⁵ «Киргизы бухарской орды», вып. I, 1889 г., стр. 275.

несомненно, веско, так как высказано самим киргизом»¹. Приведя затем отзыв В.В. Радлова о типе кара-киргизов, г. Харузин продолжает: «Против Радлова говорит мнение Пиралиева и перевес лежит на последнем: раз кара-киргизы (хотя и в мелочах) в языке, в образе жизни, обычаях, одежде отличаются от киргизов, то естественнее, что Пиралиев, как киргиз, их должен был бы считать за особый народ, между тем он их считает за одно племя с киргизами»². На самом деле Пиралиев совсем не киргиз, а петербургский уроженец и известный профессор-ориенталист В.В. Григорьев, пользовавшийся псевдонимом Мендали Пиралиева в газетных статьях и едва ли выдавший хотя одного кара-киргиза. В приведенном отрывке из статьи, напечатанной в № 32 газеты «День» 1862 г., Григорьев ни малейше не касается вопроса о типе кара-киргизов, а потому мнения В.В. Радлова отрывок этот нисколько не опровергает. Из правильных утверждений Григорьева о том, что кара-киргизы принадлежат к одному с киргиз-казаками племени, т.е. тюркскому, и что они, однако, составляют особый народ, нет никаких оснований выводиться, что тип кара-киргизов не отличается от казачьего.

Конечно, опирающиеся на одни личные впечатления и сравнения свидетельства и суждения, - хотя бы и людей, обладающих наблюдательностью и основательным знакомством с данным народом, - во всяком случае, недостаточны для несомненного и точного определения физического типа народа, племени или ветви последнего, так как они составляют результат лишь субъективных впечатлений каждого наблюдателя и могут быть очень часто ошибочны³. Верное выяснение физического типа народа или племени и их частей может быть достигнуто лишь посредством точных научных исследований, при помощи наблюдений, описаний и измерений, произведенных над достаточным количеством особей, с соблюдением необходимых для получения удовлетворяющих научным требованиям результатов и материалов условий, методов и приемов.

3) Антропологические исследования Уйфальви, Зеланда и др.

Первые антропологические исследования и измерения произведены были в Туркестанском крае А.П. Федченко, но на кара-киргиз не распространялись и коснулись лишь оседлого населения. Во время своего путешествия в Кокан, в 1871 году, он проник на Алай, но в такое время года, когда кочевники уже удалились с летовок, почему он «вовсе не видал алайских киргизов в их летовках»⁴. «В первый раз видел» он «перед собой настоящих киргизов» в верховьях р. Исфары, где к нему явились «старшины» кочующих в этой местности аулов. «В наружности их, - говорит Федченко, - я не заметил существенных отличий от тех киргизов, которые приехали с нами из Ташкента»⁵. Под последними Федченко разумел б джигитов, нанятых им в Ташкенте и

¹ Там же, стр. 287.

² «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 287 и 288.

³ По г. А. Регелю, напр., кара-киргизы очень похожи на монголов не только по наружности, шапкам и пр., но и по языку (Petermann's Mittheilungen, 25 B., 1879, s.412.)

⁴ «Известия И. общества любителей естествознания, этнографии и антропологии при М. университете», том XI, «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко», т. 1, ч. 2, «В коканском ханстве», Москва, 1875 г., стр. 150.

⁵ Там же, стр. 70 и 71

принадлежавших к среднеордынскому роду аргын. Но и киргизы, которых Федченко видел на Исфаре и считал за «настоящих» кыргызов, происходили также из среднеордынского рода кипчак, судя по тому, что «самый главный» из являвшихся старшин был «казы (судья) киргиз-кипчаков».

Уйфальви, производивший в 1877 году антропологические измерения населения Ферганы, описывает тип кара-киргизов следующим образом¹: «Кара-киргизы - среднего² роста; лоб низкий, широкий³, немного выпуклый (bombe); ... скулы" (pommettes) - очень выдающиеся и лицо очень угловатое; ... нижняя челюсть - иногда выдающаяся; уши большие и оттопыренные; ... борода редкая и жесткая; ... кожа без волос (glabre), очень смуглая даже на закрытых частях тела... Я думаю, что кара-киргизы и киргиз-казаки составляли некогда один народ; их нравы, обычаи, даже суеверия и теперь еще одинаковы. Что касается типа, то, натурально, казачий разнообразнее, чем кара-киргизский. Киргиз-казаки смешивались со множеством народов и на типе их это, конечно, ясно отражается...⁴ Наибольшая разница - в окраске кожи закрытых частей тела: у кара-киргиз они много темнее, чем у киргиз-казаков». - Сделанные мной к этой характеристике типа кара-киргизов примечания показывают, что она является результатом субъективных и поверхностных впечатлений путешественника, который употребил на все свое путешествие по Фергане и изучение ее природы и населения только около двух месяцев и не обладал достаточными этнографическими об этом населении сведениями. Уйфальви не был на Алае, где как раз во время его поездки находились кара-киргизы на летовках, стало быть, не видал настоящих кара-киргизов кочевников. История кара-киргизов и родовые их подразделения остались ему неизвестными. Между тем, по словам антрополога, который лично, на измерениях в средней орде, увидел - какая иногда огромная разница оказывается в антропологических признаках между родами киргиз-казаков, смежно живущими и принадлежащими одной и той же орде и одному и тому же уезду, - «для исследователя, изучающего физический тип той или другой народности», необходимо «собрать возможно полные сведения о каждом роде в отдельности и

¹ Expedition scientifique française en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan (vol. I). Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, par. Ch. E. de Ujfalvy de Mesn-Kovesd, Paris, 1878, p. 66, 67.

² Между тем, по среднему выводу самого Уйфальви из его измерений, рост каракиргизов определен в 1705 мм, т.е. высокий: рост более 1700 мм антропологи считают высоким, между 1700 и 1650 мм - выше среднего, между 1650 и 1600 мм - ниже среднего и менее 1600 мм - малым (Харузин «Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. 1, стр. 46). Противоречие у Уйфальви в данном случае произошло оттого, что мнение о среднем росте напечатал он в 1878 году, на основании субъективных впечатлений, средние же выводы из антропологических наблюдений появились лишь в 1880 году (vol. III, p. 16); притом же и измерения произведены были большей частью не им лично, а сопровождавшим его учителем гимназии Мюллером.

³ На основании имеющихся измерений, в том числе и принадлежащих Уйфальви, А.И. Харузин («Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. 1, стр. 211) пришел напротив к заключению, что у кара-киргизов лоб относительно много уже, чем у киргизов вообще: у кара-киргизов 63,09, у киргиз-казаков, по измерениям Мацеевского, 75, 90, у средне-ордынцев 69,13, у букеевцев 66,12.

⁴ Позднее (vol. III, 1880, p. 41) Уйфальви напротив утверждает, что кара-киргизы «смешивались более, чем киргизы степи», т.е. киргиз-казаки. «Но, даже у первых, - продолжает он, - это смешение не было очень сильным. Волосатость лица (la pilosité de la face), выдающийся нос, наряду с другими чертами, чисто монгольскими, делают из кара-киргиза тюрко-монгола более смешанного, чем киргиз-казак Туркестана, который сохранил один и тот же тип со времен Платона Карпини». При этом Уйфальви замечает, что туркестанских киргиз-казаков «не надо смешивать с к.-казаками Сибири и окрестностей Оренбурга».

проследить, если можно, историческую судьбу его с самого его образования: как он выделился из целого народа, с какими родами, своего или чужого народа, чаще всего приходил в соприкосновение, не вел ли войн, при которых он мог захваченных в плен женщин обращать в свои жены... и т. п. Все эти сведения могут, по-нашему, оказать исследователю ценные услуги при выяснении вопроса: каким образом сложился тот или иной тип исследуемого им народа, насколько он чист, самобытен, если можно так выразиться, какая инородная кровь могла приливаться к нему, какие, благодаря ей, произошли отклонения и изменения в нем и пр.»¹.

Уйфальви издал измерения 26 мужчин, которых называет каракиргизами, относя затем к кара-киргизам вообще те средние выводы, которые получаются из измерений этих 26 лиц. Но при рассмотрении приложенных к I тому его сочинения таблиц оказывается, что собственно кара-киргизами именует он только 12 измеренных субъектов, остальных же и сам называет киргиз-кипчаками. Измерение 12 будто бы кара-киргизов произведены в Маргелане, из чего надо заключить, что люди эти принадлежат маргеланскому уезду, а отсюда следует вывести, что едва ли они могут быть настоящими кара-киргизами, ибо коренные кара-киргизы левой стороны Сыр-дарьи, составляющие поколение адгене, состоят в ошском уезде, в маргеланском же имеют зимовки лишь отделения ичкиликов, представляющих собой союз из посторонних в отношении истинных кара-киргизов примесей. В частности, эти 12 лиц, показавших местами своего рождения кишлаки маргеланского уезда (в число имен которых попало *Ourochtche* - очевидно русское слово урочище), называли своими родами: один - тюеляс (*tuelas*), другой - тактак, третий - ургу, четвертый - канглы, трое - найман, роды же остальных пяти не указаны. Имена названных родов (тактак и тюеляс, впрочем, мне нигде не встречались) подтверждают, что, если измеренные 12 лиц имеют какое-нибудь отношение к каракиргизам, принадлежат они, во всяком случае, к посторонним примесям, входящим, вероятно, в состав ичкиликов и не могущих служить для определения антропологических признаков настоящих кара-киргизов. Что касается до 14 киргиз-кипчаков, то, по словам Уйфальви (в примечаниях на таблицах), «киргиз-кипчаки составляют один из родов каракиргизов и обитают больше в андижанском уезде. Это кочевое и воинственное население, на которое даже теперь смотрят как на самое беспокойное в новой русской ферганской области. Не надо смешивать их с кипчаками (узбеками), от которых они по типу отличны». На самом деле кочевых кипчаков в Фергане уже в 1877 году было очень немного и входили они,

¹ А.А. Ивановский «Антропологический очерк торгоутов тарбагатайской области», Москва, 1893 г., стр. 35 и 36. Замечательно, что в этом интересном труде, автор которого обладал богатым материалом, им самим добытым и обработанным, нет, однако, никаких антропологических выяснений по вопросам о происхождении торгоутов и составляющих их родов, а также о взаимных друг на друга влияниях, в антропологическом отношении, этих родов друг на друга и со стороны других калмацких родов, а также тюркских, с которыми они приходили в соприкосновения и метисации. Автор не разъясняет причин, но, вероятно, они заключаются между прочим в недостаточности сведений по вопросам о происхождении калмаков вообще и их родов. Не лишены, думаю, в этом отношении интереса разъяснения, которые пытался я сделать По этим вопросам, на основании главным образом исторических данных, в не раз уже упомянутом ненапечатанном труде моем по истории западного Тяньшаня, при изложении истории борьбы киргиз-казаков и кара-киргизов с калмаками, где пришлось коснуться происхождения последних.

как выше выяснено, в состав ичкиликов, остальные же, именно кипчаки андижановского уезда, вели уже жизнь полuosедлую, ныне же они в большинстве обратились к оседлой жизни. Во всяком случае, кипчаки, кочевые ли, оседлые или полукочевые, никоим образом о коренных кара-киргизах понятия дать не могут, ибо принадлежат к особому племени, не имеющему с кара-киргизами ничего общего в антропологическом отношении, кроме частицы общей обоим тюркской крови.

Чтобы выяснить, насколько верно утверждение Уйфальви об особом типе кипчаков против кочевых кипчаков или киргиз-кипчаков, как он их называет, я приведу следующие средние цифры, полученные из принадлежащих ему же самому антропологических измерений:

	Рост в мм	Скуловой диаметр в мм	Головной указатель
1 тюеляс, 1 канглы, 1 так- так и 1 ургу	1742,50	138,25	84,77
3 наймана	1700,00	133,33	88,37
5 неизвестных родов	1702,50	135,00	82,05
Все 12 названных кара-киргизами	1716,36	136,16	84,56
Все 26 кара-киргизов и киргиз-кипчаков	1705,00	135,00	84,47 ¹
Только 14 киргиз-кипчаков	1697,14	135,28	86,26
17 кипчаков, показанных Уйфальви	1700,00	132,58	87,31

в числе узбеков

Из этих цифр видно, что 14 киргиз-кипчаков и 17 кипчак-узбеков столь близки, что, видимо, принадлежат к одному поколению или племени и что найманы также подходят всего ближе к ним же, как и можно было ожидать от племени средней же орды. Что касается до 4 тюеляс и пр. и 5 неизвестных родов, то они сильно разнятся от кипчаков и между собой, во всяком случае, не могут быть почитаемы за достоверных кара-киргизов.

Итак, измерения Уйфальви не доставили необходимых для антропологического исследования кара-киргизов данных. Несравненно ценнее и удовлетворительнее материал, доставленный измерениями 40 кара-киргиз мужчин и 10 женщин,

¹ Согласно поправке А.Н.Харузина (см. «Киргизы букеевской орды», вып. 2, часть I, стр. 161).

произведенными в 1883 году Н.Л. Зеландом¹. К сожалению, и этот материал не отвечает некоторым важным условиям. Во-первых, исследования произведены на самой границе кара-киргизов с киргиз-казаками большой орды, где должна быть наиболее чувствительна постоянная примесь киргиз-казачьей крови путем браков. Во-вторых, в точности неизвестно - к каким родам и костям принадлежат измерявшиеся субъекты. По надписям на таблицах, 30 лиц измерено в ущелье Иссыгаты и 10 в г. Пипшеке, в самой же статье д-ра Зеланда пояснено, что «субъекты, измеренные в Иссыгатах, все относились к одной волости, в Пишпеке - к разным»². Надо полагать, что измерявшиеся в Иссыгатах принадлежат к тынаевской волости, стало быть, к поколению сарыбагыш и отделению тынай, но близка к той же местности одна из султанских волостей, а затем кости все же остаются совершенно неизвестными. Между тем, ввиду выясненного выше состава кара-киргизов, для правильного антропологического изучения кара-киргизов необходимо исследовать не только каждое главное родовое подразделение этого народа, но и главнейшие кости, потому что только в таком случае выяснятся и антропологические составные части и их взаимодействие. Таким образом, на доставленный г. Зеландом материал приходится смотреть лишь как на начало антропологических исследований, дающее основы только для слишком общих и неопределенных заключений, имея притом в виду, что отличия кара-киргизов от киргиз-казаков большой орды у большей части исследованных людей могли быть в значительной степени сглажены и изменены вследствие метисации посредством браков, особенно частых между двумя народностями на границе их земель.

Еще менее удовлетворителен материал для антропологического изучения киргиз-казаков большой орды. Доктором же Зеландом, в 1884 году, в г. Верном, произведены «измерения 10 мужчин и 10 женщин киргиз-казацких, принадлежащих к различным волостям обширного верненского уезда»: стало быть, неизвестно ни поколений, ни родов и отделений, тогда как родовые подразделения в большой орде разного происхождения, а это не может не отражаться на их антропологических признаках. Затем, летом 1882 года, военные врачи Мациевский и Поярков, в числе 11 народностей и племен кульджинского района, выполнили антропологические измерения 30 киргиз-казаков³. К сожалению, наблюдатели не дали никаких сведений ни о родах, ни о волос-

¹ Таблицы измерений приложены к статье «Киргизы» в «Записках западносибирского отдела И. Р. геогр. общества», книжка 7, вып. 2, Омск, 1885 года.

² «Киргизы», стр. 33.

³ Таблицы антропологических измерений, произведенных г.г. Мациевским и Поярковым, по поручению тогдашнего степного генерал-губернатора Г. А. Колпаковского, напечатаны в Омске, в 1883 году, имея в качестве предисловия «Краткие этнографические заметки о туземцах бывшего кульджинского района», составленные теми же лицами. Излагая неблагоприятные обстоятельства, при которых производились антропологические работы (Кульджа уже была передана китайцам и принявшее русское подданство население усиленно и поспешно выселялось, отошедшее же к китайцам было для исследователей недоступно), авторы говорят: «Самый большой контингент для измерений доставляла нам наша городская полиция, присылая всех тех, которые попадались в нее за беспорядки». Необходимо обратить внимание на некоторые самые крупные ошибки в «Кратких этнографических заметках» г.г. М. и П., которые уже вводили в заблуждение некоторых антропологов: калмыки, названные турфанскими, никакого отношения к г. Турфану не имеют; настоящее название их есть дурбан (отсюда в «Кратких заметках» ошибочно турфанские) или дурбун-сумун, т.е. четыре сумуна или роты, эскадрона; обитают они на ур. Тогуз-торау, близ слияния Текеса с Кунгесом, и представляют собой остатки өлөтов-цзунгаров. Арбун-сумуновцы

тях. Между тем в кульджинском районе в то время находились киргиз-казаки средней орды родов кызай и байджигит, принадлежащие племени найман, и большой орды поколений адбан и суван¹. За неуказанием родов, останется неизвестным - какой орде и какому роду принадлежит каждый измеренный субъект. Так как кызаи кочевали к Кульдже, где производились измерения, ближе других родов, то надо полагать, что большая часть из 30 лиц суть кызаи, и это тем вероятнее, что кызаи, по моим личным впечатлениям, вообще отличаются сравнительно с другими родами меньшим ростом, измерения же г.г. Мацеевского и Пояркова дали в общем выводе рост ниже среднего. Вследствие неозначения родов и орды, измерения г.г. Мацеевского и Пояркова не могут правильно служить для антропологического изучения ни большой орды, ни средней, и остаются для большой орды только измерения д-ра Зеланда, но и они не дают необходимого материала, во-первых, по слишком малому числу измеренных, во-вторых, по неизвестности родов и, в-третьих, по невыполнению многих существенных измерений.

4) Труд А.Н. Харузина и его мнения

Сравнительное антропологическое изучение киргиз-казаков и каракиргизов начато в обширном труде А.Н. Харузина «Киргизы букеевской орды, антрополого-этнологический очерк». Первый выпуск этого замечательного, начинающего истинно научное исследование физического типа киргиз-казаков и каракиргизов, труда вышел в 1889 году (т. 63 «Известий И. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при И. Московском университете») и содержит в себе довольно обширный трактат «о распадении старинного быта киргизов, замечаемом в букеевской орде» (стр. 25-156), в котором автор доказывает, что «киргизское племя идет в своем национальном быту к упадку и букеевская орда идет в этом упадке впереди»; для подтверждения своего тезиса автор рассматривает родовое, сословное, семейное «устройство» киргизов, их религиозные представления, образ жизни, судоустройство и судопроизводство, празднества, игры, песни, могилы, тамги и пр. Затем собственно антропологии киргизов предпосланы сведения и соображения о «школьном образовании, движении народонаселения, об экономическом положении, о характере киргизов, о физических свойствах, о болезнях, о питании» (стр. 157-260). Антропологии посвящена вторая половина этого выпуска, в которой автор трактует о

названы (стр. 48) «калмыки (рабочий класс)», вероятно, единственно потому, что встречаются чаще других калмыков наемными работниками в таранчинских селениях, к которым живут ближе всех других калмыков. Торгоуты наименованы «белая кость - дворяне» (стр. 47) без правильного основания, ибо, как у многих других калмыцких и монгольских родов, белую кость у них составляют лишь наследственные старшины или князья. «Калмыки (чахары)» отнюдь не калмыки, не западные монголы, а монголы, и притом настоящие восточные монголы, переселенные из южной Монголии на «Новую границу» во второй половине XVIII столетия.

¹ Относительно суванов д-р А. Регель сделал замечание, что в них есть значительная примесь сартовской крови (Petermann's Mittheilungen, 25 B., 1879, s. 412). И я, по своим наблюдениям, могу это подтвердить, но с оговоркой, что число так называемых чала-казаков (помесь киргиз с сартом), которые именно и вызывают своими некиргизскими лицами отзывы о примеси сартовской крови, не превышает немногих десятков кибиток или семейств. Как люди торговые и служащие приказчиками, джигитами, старшинами, говорящие притом иногда и по-русски, чала-казаки эти всего чаще имеют дело с русскими, особенно с должностными лицами. Немудрено, что именно к ним принадлежат те субъекты, которые в таблице Е г.г. М. и П. наименее брахицефаличны.

типе киргизов (стр. 261-290), о волосах, бороде, глазах, коже, носе, губах и зубах (291-302) и приступает к рассмотрению измерений, начав с роста и перейдя к туловищу и конечностям (стр. 303- 406) и затем к измерениям головы (стр. 407-538). Вышедшая в 1891 году I часть 2-го выпуска занята (стр. 40-824) сравнительным изложением измерений роста и головы, сделавшихся автору известными после выхода выпуска I и относящихся к киргизам же, а также сравнениями с результатами антропологических измерений различных тюркских, монгольских и других племен и народов. Вторая часть второго выпуска, в данном случае наиболее для нас нужная, в которой автор должен был изложить результаты рассмотрения помещенных в двух первых огромных томах цифр, «объяснительный к эти цифрам текст и заключительные главы, из которых каждая посвящена» отдельной народности, еще не появлялась, к большому сожалению, особенно если автор так и не довершит начатого им труда¹.

В первом выпуске, приведя описания типа киргиз-казаков, принадлежащие путешественникам и писателям и оказывающиеся весьма разнообразными и противоречивыми, А.Н. Харузин присоединяется к мнению В.В. Радлова, Мендали Пиралиева и других, что киргизская народность образовалась из соединений разных народов и племен. Слитие разнородных элементов в одну народность объясняет он влиянием их общего места обитания - степи, объединяющей своих обитателей, а не разделяющей, как горы, а также, «частью», «влиянием героев, подобных Аттиле или Чингиз-хану». Это слияние произошло не сразу, после продолжительных между разными элементами междоусобий, продолжавшихся до тех пор, «пока не протекла в жилах всех капля общей крови, связавшей всех родственными кровными узами»². По мнению г. Харузина, «строго определенного типа киргиза нет... Средний преобладающий тип... существует: рост средний, сложение плотное, грудь хорошо развитая, тело, склонное к ожирению, ноги короткие, кривые, довольно редкая борода, глаза нередко с более или менее выраженной складкой верхней веки, довольно значительная скуластость, большие, нередко оттопыренные уши...»³. Происхождение среднего типа объясняется так: «Раз, положим, смешиваются две расы, то потомство их в силу закона наследственности, будет носить на себе соединенные признаки и той и другой расы и, следовательно, составит средний тип..., но... будут появляться (и) субъекты с преобладающими чертами той или другой стороны... Чем смесь... более стара, тем более будет преобладать средний тип, т.е. продукт смеси элементов»⁴. «Разновидность, которую мы встречаем в типе киргизов, заставляет нас предполагать, что составные элементы этого племени соединились и слились в недавнее время, или, что более вероятно, что смесь была уже давно, что породило некий средний тип, но повторялась приливом новых элементов в киргизское племя». В качестве таких новых элементов г. Харузин указывает на рабов и военнопленных, и на

¹ К I выпуску приложен «Биографический указатель сочинений и статей, касающихся как самих киргизов, так и стран, ими занимаемых». Указатель этот, являющийся наиболее полным из доселе напечатанных, перепечатан во 2 выпуске со значительными дополнениями.

² Выпуск I, стр. 277 и 278.

³ Там же, стр. 279, 281, 282.

⁴ Вып. I, стр. 282.

башкиров, и калмыков, прилив которых относится к XVIII веку¹. «Кроме среднего типа встречаются типы, клонящиеся то к кавказской, то к монгольской расе...»². В I же выпуске в заключениях по рассмотрению антропологических измерений г. Харузин находит, что вышеизложенное подтверждается изучением измерений, и делает следующие дополнения и пояснения: 1) «Среди киргизов заметно три господствующих типа, из которых один преобладает...». Это основывается на том, что исследователь усматривает «в большинстве измерений головы три преобладающих центра в рядах колебаний». 2) «Форма головы сильно брахицефалическая...». 3) «Лицо довольно скуластое, с темным цветом кожи, широким носом³, довольно редкой, поздно вырастающей, черной бородой...»⁴.

Относительно кара-киргизов автор говорит: «Нет никаких оснований считать кара-киргизов за особую от киргизов антропологическую группу; напротив, все говорит за то, чтобы кара-киргизов считать с киргизами за одну антропологическую народность; многие колебания в цифрах, полученных на кара-киргизах, следует объяснять тем, что исследовались исключительно одни взрослые кара-киргизы, и, быть может, отчасти - более стойким типом их в сравнении с типом киргизов, обусловливаемым жизнью в горах, т.е. в замкнутой среде»⁵.

Я не могу входить здесь в подробный разбор приведенных мнений А.Н. Харузина и ограничусь возможно краткими замечаниями. Все писатели, высказывавшиеся по вопросу о происхождении киргиз-казаков, мнения которых приведены г. Харузиным, признают, что киргиз-казаки во всяком случае есть соединение родов и племен, происшедших от смешений различных народностей и племен с племенем тюркским. В таком случае, очевидно, что общей связью между составными частями или родами, из которых составились и состоят киргиз-казаки, в антропологическом отношении является тюркская кровь: общий всем без исключения родам, поколениям и пр. киргиз-казаков тюркский элемент именно и есть та «капля общей крови, связавшей всех родственными кровными узами», образование которой г. Харузин предполагает как результат многовековой совместной жизни, столкновений и смешений разных народов и племен, обитавших в киргизской степи. Не отвергая возможности образования общих антропологических элементов (существование которых, однако, необходимо выяснить и доказать, чего у г. Харузина еще далеко не сделано) вследствие постоянных и многовековых смешений, нельзя, однако же, кажется мне, не видеть, что эти элементы лишь добавились со временем к составляющему главную общую связь между разнородными частями киргиз-казацкой народности тюркскому антропологическому элементу. Вследствие этого тот преобладающий тип, который, по г. Харузину, обнаруживают антропологические измерения и наблюдения, естественно

¹ Там же, стр. 286.

² Ibid., стр. 283.

³ «С горбом» (стр. 302): такую форму носа автор объясняет результатом и смешения... элементов монгольской и кавказской расы (стр. 301).

⁴ Вып. I, стр. 537.

⁵ Вып. I, стр. 405, 406 и 537.

предполагать тюркским типом¹. Затем из остальных двух преобладающих типов (на самом деле, измерения, напр., роста, обнаруживают четыре или даже пять центров колебаний) для букеевской орды, к которым главным образом относятся цифры I выпуска труда г. Харузина, один может почитаться западно-динлинским, а другой финно-угорским, да должны быть, по историческим, этнографическим и лингвистическим данным и соображениям, следы самоедского типа. Все это может быть выяснено сравнением букеевских измерений с измерениями соответствующих племен, но особенно это было бы ясно, если бы измерения букеевских киргиз были сделаны по родам и если бы происхождение родов было по возможности определено на основании их имен, тамг, исторических известий и пр., подобно тому, как сделан в настоящей статье опыт такого определения для родов и костей большой орды и кара-киргизов.

Что касается большой орды и кара-киргизов, то г. Харузин не обладал и при издании 1 части 2 выпуска его труда достаточными материалами и впал в ошибки, почитая измерения г.г. Мацеевского и Пояркова относящимися к большой орде, тогда как они произведены, вероятно, над субъектами главным образом средней орды, и считая 26 измерений Уйфальви произведенными над кара-киргизами, между тем как они выполнены на самом деле преимущественно над особями, принадлежащими постороннему племени кипчаков и пр.

По вопросу о том, составляют или нет кара-киргизы особую от киргиз-казаков антропологическую группу... необходимо иметь в виду, что, как турки, кара-киргизы принадлежат к антропологической группе тюркских племен и из племен и народов тюркских стоят всего ближе к киргиз-казакам. Общий тюркский корень не мешает, однако, тюркским племенам и народам иметь весьма глубокие и важные друг от друга особенности, между прочим, и антропологические, вследствие происхождения от различных с тюркской кровью помесей с разными племенами и народами. И по некоторому сходству помесей, кара-киргизы составляют с киргиз-казаками особую подгруппу в общей антропологической группе тюркских народов. Но и эта подгруппа, по различию и значению примесей, должна быть разделена на антропологические отделы. Кара-киргизы составляют один из этих отделов, долженствующий значительно от других отличаться не только по происхождению от особенно сильного смешения турков с енисейскими динлинами, создавшего народ, поражавший турков и китайцев

¹ По словам Топинара («Антропология», перевод Мечникова, Спб., 1879 года, стр. 457), «первоначальный тюркский тип должен был существовать, но... в настоящее время его невозможно определить». Подобное мнение, если и могло быть допустимо, то разве при том состоянии науки, в каком она находилась почти четверть века назад, но отнюдь не для будущего. Антропологии столь же невозможно отказаться от выяснения первоначального или основного тюркского типа, в силу несуществования в настоящее время тюркской крови в несмешанном виде, как и от определения типов остальных племен и рас, ибо чистых и несмешанных более или менее рас и племен совсем не существует. Задача в отношении тюркского типа может казаться более трудной, потому что турки распространились на огромные пространства и смешивались с множеством племен и рас, но она, конечно, может быть и должна быть решена. Антропологическое изучение киргиз-казаков и кара-киргизов особенно необходимо для выполнения этой задачи, потому что, по своему географическому положению, эти два народа избежали тех позднейших и особенно разнообразных примесей, какие прибавились к первоначальным у западных тюркских племен в восточной Европе, Персии и Малой Азии.

внешними особенностями, но и по малому количеству других примесей и по обособленной, длящейся уже более двух тысячелетий, жизни в горной стране. Эта столь продолжительная обособленность должна была дать особые условия для взаимодействия и антропологических элементов, одним из результатов которого оказалось, напр., исчезновение первоначальной светлой окраски волос и глаз. Из киргиз-казаков к кара-киргизам близки большеордынцы по значительной примеси у них вошедших в состав родов большой орды кара-киргизских родовых подразделений и по родственности дулатов кара-киргизам вследствие вероятного происхождения дулатов от близкого енисейским динлиам племени, но роды, происходящие от канглов, сближают большую орду, с другой стороны, и с киргиз-казаками средней и малой орды, в составе которых родственные канглам кипчаки занимают видное положение. Все это показывает существование у кара-киргизов важных антропологических особенностей и вызывает необходимость особого их антропологического изучения.

Отрицание г. Харузиным антропологической обособленности каракиргизов было, мне кажется, последствием первоначально недостаточной оценки им значения родов киргиз-казаков и их происхождения. Производя свои антропологические измерения в 1887 и 1888 гг., он, по-видимому, не выяснял - какому каждому исследуемый субъект принадлежит родовому подразделению¹. Важное значение родов, как указателей составных частей исследуемой народности, он, кажется, начал оценивать уже при обработке собранных антропологических данных, когда обнаружилось большое разнообразие представляемых измерениями показаний и необходимо было выяснить его причины. Вследствие этого уже во введении к 1 выпуску оказались следующие строки: «Я не считаю возможным применять свои антропологические результаты абсолютно ко всему киргизскому племени...; я глубоко убежден, что все киргизское племя представляет в самом себе большие колебания по ордам и по местностям, быть может, даже и по родам»². Антропологический материал, которым пользовался г. Харузин при составлении 1 выпуска ограничивался его собственными 161 измерением в букеевской орде и 113 измерениями Уйфальви и Зеланда³, которые также не давали почти никаких данных по родам. Для 2 выпуска А.Н. Харузин уже обладал более обширным материалом (измерения Мацеевского и Пояркова, Ивановского, Ядринцева и пр.), при том частью собранным по родам (126 измерений А.А. Ивановского по 4 родам средней орды), и в большей степени пользовался сравнениями с другими азиатскими народами, в особенности измерениями калмыков-торгоутов г. Ивановского. Тогда у исследователя и явилась мысль обработать выводы из цифр «по народностям», о чем в начале труда не поминалось. Надо полагать, что во второй части

¹ Измерено им в 1887 г. 111 субъектов «в Ханской Ставке, где и стекаются киргизы разных частей и, следовательно, разных родов», и в 1888 г. 50 субъектов. Во 2 выпуске, не упуская случая пользоваться измерениями А.А. Ивановского по родам средней орды, г. Харузин негде не приводит данных по родам букеевской орды, конечно, потому, что данных по родам не имеет.

² Вып. I, стр. 11.

³ Там же, стр. 12.

2 выпуска г. Харузин выяснил бы, между прочим, значительные отличия каракиргизов и признал бы их антропологическую обособленность¹.

5) Определяющиеся антропологическими измерениями выдающиеся особенности типа кара-киргизов

Окончание труда г. Харузина еще не издано, а потому приходится ограничиться краткими указаниями на обнаруженные имеющимися измерениями значительнейшие отличия кара-киргизов от киргиз-казаков, обходясь по необходимости скудным материалом о кара-киргизах и не имея совсем измерений большой орды, так как 10 измерений г. Зеланда слишком мало, да они и не полны. Тем не менее, и этот недостаточный материал доставляет ценные указания.

Рост принадлежит к числу самых важных антропологических показателей. Между тем средними цифрами роста оказываются для кара-киргизов (40 измерений г. Зеланда) 1653 мм, для киргиз-казаков, измеренных г.г. Мацеевским и Поярковым (средней и большой орды), 1641,60, для средней орды по 126 измерениям г. Ивановского 1646,61 (а по родам: мурун поколения аргын 1610,56, найман 1626,17, байджигит 1642,77 и кирей 1684,70), для букеевской орды (г. Харузина) 1629 мм². Из этих цифр видно, что кара-киргизы имеют рост выше среднего, тогда как киргиз-казаки, за исключением поколения кирей, оказываются с ростом ниже среднего. Отчего у киргиз-казаков рост ниже среднего, указывают следующие средние цифры роста: угро-остяков 1560 мм³, вогулов 1542, пермяков 1616, самоедов архангельской губернии 1580 мм⁴. Рост калмыков из 296 измерений определился в 1629 мм⁵. Напротив, у черневых татар, которые суть отуреченные потомки динлинов, рост равняется 1653 мм⁶.

Головной указатель (отношение поперечного наибольшего теменного диаметра к передне-заднему наибольшему) у кара-киргизов, по измерениям Зеланда, определился в 87,28, т.е. кара-киргизы принадлежат к брахицефалам (более 83,33), как киргиз-казаки средней орды (89,39) и букеевской (86,28) и калмаки (84,41), тогда как киргиз-казаки Мацеевского и Пояркова (83,26) суббрахицефалы, а черневые татары (79,49) мезатицефалы или среднеголовые⁷.

Отношение наименьшего лобного диаметра к наибольшему поперечному у кара-киргизов Зеланда 63,09, у киргиз-казаков Мацеевского и Пояркова 75,90, средней орды

¹ Уже и в 1 выпуске он заявлял, что значительная разница в некоторых измерениях заставляет «относиться к вопросу об единстве кара-киргизов с киргиз-казаками с осторожностью» (стр. 289).

² Харузин, вып 2, часть I, стр. 42, 43 и 46.

³ «О башкирах» проф. Сомье в «Записках уральского общества любителей естествознания», том XIII, вып 1, 1892 года, стр. 33.

⁴ Харузин, вып. 2, часть I, стр. 43 и 44.

⁵ Ивановский «Монголы-торгоуты», 1893 года, стр. 58.

⁶ Харузин, там же. Рост 10 киргиз-казаков большой орды, измеренных г. Зеландом, - 1687 мм. (Вып. I, стр. 304).

⁷ Харузин, вып. 2, ч. I, стр. 162-169, и Ивановский, стр. 105. Головной указатель 10 киргиз-казаков большой орды Зеланда равен 85,10 («Записки зап.-сиб. отдела», кн. 7, вып. 2, стр. 44).

69,13, букеевской - 66,12, следовательно, у кара-киргизов лоб относительно много уже, чем у киргиз-казаков¹; у калмаков 74,22².

Скуловой диаметр (по Харузину - расстояние середины скуловых костей, по Ивановскому же, расстояние между наиболее выдающимися вперед и в стороны точками щек) у 40 кара-киргизов Зеланда 146,80 мм, у киргиз-казаков Мацеевского и Пояркова 126,26, средней орды 122,35³, букеевской 131,10, у черневых татар 124,87, самоедов архангельской губернии 123,50, вогулов 133,53, пермяков 139,33, сартов Зеравшана 140,00, у калмыков 131,94. Наименьших размеров у ингушей (82,00), наибольших у таджиков зеравшанского округа (143,00). Малыми размерами считается скуловой диаметр в 120 мм и меньше, средними - от 121 до 130 и большими - более 130⁴. У кара-киргизов скуловой диаметр оказывается, следовательно, самых больших размеров. В этой особенности, составляющей, по-видимому, самое значительное отличие антропологического типа кара-киргизов, они сходятся с остатками древней азиатской длинноголовой расы айнами, ибо черепа айнов, по измерениям проф. Анучина, дали расстояние между скуловыми дугами один (мезатицефалический - с указателем в 77,9) 139 мм и второй (брахицефалический - 85,3) 133 мм⁵.

Конечно, величина скулового диаметра отражается на различных его отношениях к другим измерениям. Так, отношение скулового диаметра к длине лица у кара-киргизов Зеланда определилось в 80,35, у М. и П. 68,71, средней орды 68,59, черневых татар 59,78; большие размеры только у башкиров 84,18 и у пермяков 80,71. У калмыков 76,08. «Монголам совершенно не свойствен, как обыкновенно думают, очень большой относительно лицевой линии скуловой диаметр... Если скулы у монголов и выступают, они выступают вперед и не могут обуславливать большого скулового диаметра, ширина же их лица обуславливается не скулами, а скуловыми дугами»⁶.

Отношение носа к скуловому диаметру выяснилось у каракиргизов Зеланда в 32,62, средней орды 38,20, букеевской 42,31 и пр. Самое малое у кара-киргизов, самое

¹ Харузин, там же, стр. 216.

² Ивановский, стр. 127.

³ У мурунов 121,26, найманов 122,00, байджигитов 121,45, киреев 123,37.

⁴ Харузин, вып. 1, стр. 521, 522, вып. 2, ч. I, стр. 404-406.

⁵ «Племя айнов» в «Известиях общества любителей естествознания при М. унив.», т. XX, стр. 166 и 168. Скуловой диаметр 6 букеевских черепов Харузин определил в 111,8 мм (вып. 1, стр. 545). Краниологические исследования киргиз-казаков весьма скудны и едва ли не ограничиваются статьей Топинара в *Revue d'Anthropologic*, 1887, t. XVI, p. 445-475, о нескольких черепах, высланных г. Зеландом. Черепа киргиз-казаков, кажется, еще не изучались. Бэр 25 ноября 1859 года сообщал в заседании Академии наук о получении от генерал-губернатора Гасфордта 3 черепов черных киргизов с Иссыккуля и 2 черепов восточных киргизов (*Bulletin de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg*, 1.1, 1860, s. 343). Конечно, и при изучении черепов означение рода, которому каждый череп принадлежит, и кости есть необходимое условие для возможности правильных и основательных выводов. В книге седьмой «Известий И. Томского университета» (Томск, 1895 г.) помещена работа г. С. Чугунова «К вопросу об антропологическом типе киргизов», где, между прочим, приведены антропологические измерения двух трупов умерших в томской тюрьме ссыльных, названных в статейных списках «киргизами» ферганской области андижанского уезда. Так как местная администрация всех кочевников области именует «киргизами», то из этого именования еще не следует, что упомянутые ссыльные были кара-киргизы, а не кочевники киргиз-казацкого или узбекского происхождения; всего вероятнее, что они принадлежали к кипчакам или к ичкиликам.

⁶ Харузин, вып. 2, ч. I, стр. 707-718, Ивановский, стр. 185.

большое у ингушей (72,00). «У кара-киргизов нос относительно скулового диаметра очень мал; это; впрочем, зависит менее от незначительных абсолютных размеров носа, чем от абсолютно больших размеров скулового диаметра»¹.

Расстояние между углами нижней челюсти или нижняя ширина лица равняется у кара-киргизов Зеланда 109,90, у М. и П. 116,53, у средней орды 118,04, букеевской 116,60, черневых татар 110,80, у вотяков 106,99, пермяков 109,44², у калмаков 112,74³.

Я не буду приводить результатов многих других измерений, обнаруживающих менее значительные отличия кара-киргизов⁴. Из изложенного видно, что наиболее резкое отличие кара-киргизов от киргиз-казаков заключается в большей величине скулового диаметра, которая, в соединении с меньшей нижней шириной лица, и придает физиономии кара-киргизов ту своеобразность, которую правильно заметили Валиханов и В.В. Радлов, не зная чем ее объяснить. Более точное и подробное выяснение и описание типа кара-киргизов может быть сделано лишь по производству достаточного числа измерений по родам и костям. Выяснение типа или скорее типов киргиз-казаков большой орды также может быть достигнуто лишь выполнением измерений по родам и сравнительным изучением полученных результатов с измерениями по родам же остальных киргиз-казаков, алтайцев, самоедов, финно-угров, западных и восточных монголов и пр.

Обсуждая результаты произведенных им антропологических измерений, Н.Л. Зеланд, труды которого дали единственный пока материал по антропологии кара-киргизов, сделал не лишнюю интереса попытку определить типы, из смешения которых образовался каракиргизский народ. Руководствуясь, вероятно, гипотезой Клапрота и Риттера об арийском происхождении усуней и предполагая возможность смешения этих последних с предками кара-киргизов, он выделил из 40 измеренных им кара-киргизов тех субъектов, которые имели горбатые или выпуклые носы. Таких оказалось 10, т.е. 25%. Средний рост эти 10 лиц определился в 1689,7, следовательно, значительно выше общего среднего (1653 мм); субъектов с серо-голубыми глазами нашел он между ними 20% и с серыми 10%, итого 30%, тогда как у прямоносых светлые

¹ Харузин, вып. 2, ч. I, стр. 469 и 470.

² Там же, стр. 619 и 620.

³ Ивановский, стр. 191.

⁴ Указания на некоторые такие отличия встречаются в статье В. Д. Тронова «Материалы то антропологии и этнологии киргиз» («Записки И. Р. географического общества, по отделению этнографии», 1801 года, том 17, вып. 2, стр. 47- 51). Сличая средние выводы произведенных им в 1888 и 1889 годах измерений 36 мужчин и 10 женщин из киргиз-казаков зайсанского уезда семипалатинской области (роды не выяснены, но должны принадлежать средней орде) с измерениями кара-киргизов д-ра Зеланда, автор замечает, что у кара-киргиз «гораздо больше выражены» кривизны лобно-затылочная и двушная и абсолютно больше ширина двускуловая; измеренные им казаки более брахицефалы, чем кара-киргизы; более также развиты у них плечи и объем груди. Рост измеренных им киргиз-казаков определился в 1611 мм, головной указатель 89,3, расстояние между плечевыми отростками 39,7 сен. (у кара-киргизов 37,6). «Глаза положительно у всех, за исключением тех, которые представляют явно смешанный тип, имеют косое направление; наружный угол глаз стоит выше внутреннего относительно горизонтальной линии. О кара-киргизах доктор Зеланд говорит совершенно обратное: косое направление глаз ни у одного исследованного не найдено. Косое направление глаз у киргиз настолько характерно, что одно уже отсутствие его указывает на явную смешанность типа или же на совершенно другой тип».

глаза (зелено-серые и зеленые) составляют только 14,3%, а у вогнутоносых даже лишь 10%; отношение скулового диаметра к росту у горбатоносых равняется 8,6, тогда как у остальных 8,8; густую бороду имели из первых 40%, из прямоносых только 7,1%, а у вогнутоносых густых бород не замечено. Из всего этого г. Зеланд сделал вывод, что к монгольскому типу у кара-киргизов примешан, в довольно значительной пропорции, другой, у которого рост был высокий, нос выпуклый и более тонкий, скулы менее выдающиеся, глаза голубые и серые, подбородок более выдающийся, борода густая¹.

По незначительности числа измерений и наблюдений, из которых сделаны выводы г. Зеланда, они не могут быть почитаемы сколько-нибудь решительными. Тем не менее, выводы эти дают интересные указания. Считая со своей стороны гипотезу об арийстве динлинов и усуней лишенной оснований, я думаю, что отмечаемые г. Зеландом особенности суть остатки типа древней азиатской расы, совершенно особой от арийской, хотя длинноголовой, как часть арийцев, и обладавшей светлой окраской при обильной волосатости, - расы, потомками которой ныне являются айны и к которой принадлежали предки енисейских киргизов и усуней и потомков последних - кара-киргизов.

Живая старина. Спб., 1894. Вып III-IV. С. 391-486

¹ «Киргизы, этнологический очерк» в «Записках западно-сибирского отдела И. Р. географического общества», книжка 7, вып. 2, Омск, 1885 года, стр. 50 и 51.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДНОСТЕЙ И СВЕДЕНИЯ ОБ ИХ ЧИСЛЕННОСТИ¹

I. Значение народных преданий и родовых имен и тамг в качестве указателей этнического состава тюркских племен и народностей

Обитающие на огромном пространстве от Охотского моря и Ледовитого океана до Адриатического моря, в числе около 26 миллионов, турки говорят на одном языке, делящемся только на наречия, так что среднеазиатский турок может понимать и якута, и тюрка-османа². Напротив, физические типы тюркских племен и народностей очень разнообразны, и в наружности юго-западных тюрков весьма малого общего с тюркскими племенами средней Азии, а тем более с восточносибирскими. Конечно, изменения в типах рас и народов совершаются, в некоторых пределах, под давлением климатических и других условий природы и под влиянием культуры, а также, вероятно, и вследствие эволюций, составляющих каждый данный антропологический тип элементов, но такие изменения, за исключением редких случаев, вообще незначительны или, по крайней мере, требуют очень больших периодов времени. Несравненно более быстры, резки и глубоки те изменения в народных и племенных типах, которые являются следствием помесей с другими расами и народами. Если не подлежит сомнению, что разнообразные типы тюрков-османов есть результат метисаций прибывших не ранее девяти веков тому назад из средней Азии в Малую Азию и позднее на Балканский полуостров тюрков с местными курдами, греками, славянами и пр., то нельзя не полагать, что и другие тюркские племена получили свои друг от друга антропологические отличия также, главным образом, вследствие метисаций с различными народами, а не под влиянием только природных и культурных условий, которые были для них довольно однообразны. Ввиду всего этого выяснение происхождения тюркских племен и народностей в значительной степени сводится к определению посторонних примесей, скрещивания с которыми давали особые тюркские племена.

¹ В данной работе Н.А. Аристову написание географических названий и административных единиц приводится по изданию 1896 года.

² Конечно, при значительном внимании и догадливости и за исключением слов, заимствованных из других языков. Академик Бетлинг, - который, кажется, слишком преувеличивал значение особенностей якутского наречия, предлагая даже тюркский язык именовать семейством якутско-турецких языков, - весьма резко отвергал мнение известного ученого путешественника по северу Сибири Эрмана, утверждавшего, что «якут, рожденный на берегах Лены или Алдана, без затруднения объяснится с жителем Константинополя» (Бетлинг «О языке якутов» в «Ученых записках И. Академии наук по 1 и 3 отделениям», т. 1, вып. 4, 1853 г., стр. 415, 433 и 434). Однако Миддендорф, немного ознакомившийся с якутским языком на северо-востоке Сибири в 1844 и 1845 гг. и доставивший г. Бетлингу часть материалов для его грамматики и словаря, через тридцать с лишком лет мог объясняться с тюрками средней Азии, в Фергане, при помощи скудных остатков забытых якутских слов: «Когда переводчик покидал меня, я в крайнем случае мог объясняться с моим кара-киргизом, если мне припоминались необходимые для того якутские слова» («Очерки Ферганской долины», СПб., 1882 г., стр. 406). С другой стороны, Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 466) заверяет, по личному опыту, что турок Анатолии, при некоторой внимательности, понимает тюрка Восточного Туркестана.

Исторические известия о северной и средней Азии начинаются за немногие века до Р.Х. и не отличаются обилием за позднейшие времена. Думали, поэтому, найти выяснения происхождения тюркских племен, особенно древнейших, в народных преданиях.

По самому замечательному и одному из древнейших тюркских народных сказаний, запись которого у китайцев почти одновременна с появлением в истории самого имени тюрков, праотец турков был родом из «владения Со, которое лежало на севере от страны хуннов». Один из его потомков Ичжини-нашиду (I-tchi-ni-sse-tou), родившийся от волчицы и одаренный сверхъестественными качествами, имел двух жен: дочь духа неба и дочь духа зимы. От первой у него родилось четыре сына, из которых один превратился в лебедя; другой, по имени Ди-гу (Ki-ko), основал государство между реками Афу (A-rou) и Гянь (Kien); третий положил начало царству на берегах реки Чуси (Tchou- tche). Четвертый, старший сын, по имени Надулуше (No-tou-lou-che), жил в горах Басы-чуси-ши (Tsien-sse-tchou-tche-chi); в тех же горах обитала орда, происходившая от упомянутого общего тюркского праотца; эта орда сильно страдала от холода, причиняемого росами; Надулуше научил ее добывать огонь, обогрел и пропитал, так что всем сохранил жизнь; за это упомянутая орда подчинилась ему, признала старейшиною и наименовала ту-кю (tou-kioue)¹. Его потомок Тумынь был первым государем турков (тукю), вошедшим в сношения с Китаем в первой половине VI века.

Приведенное сказание помещено в китайской «Истории северной династии Вэй» (с 386 по 558 г.) и изложено, с некоторыми сокращениями, по переводу Stan. Julien'a², вообще согласному с переводом о. И. Бичурина³, у которого взята русская транскрипция имен. Династийные истории составлялись у китайцев на основании летописей и документов, современных событиям, и потому надо полагать, что внесенная в историю династии Вэй легенда записана между 535-558 гг., вероятно, со слов тюркских посланников. Точность записи удостоверяется видимым непониманием со стороны китайцев, некоторых, по крайней мере, географических и этнических ее подробностей.

Владение Со, лежавшее на севере от страны хуннов, т.е. от нынешней Монголии, должно было находиться на северной стороне Алтая, ибо южные его склоны входили в состав земель хуннов. В настоящее время один из двух родов, из которых состоит

¹ О. Иакинф Бичурин, дав довольно правильно китайскую транскрипцию тугю, писал, тем не менее, имя это постоянно дулга, потому что, вместе со Шмидтом, считал тукю за монголов и производил их имя от монгольского дудулга, шлем. Клапрот и Абель Ремюза неудачно сравнивали имя тукю с такия, шапка, но оказалось, что есть вполне подходящее тюркское слово терк, значащее шлем (см. Клапрота *Memoires relatifs a l'asie*, Paris, 1826, t. 2, p. 382 et 383, и Gabelentz в *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, 2 B., 1839, s. 72). По мнению Вамбери, «было бы вполне логично, если бы слово тюрк значило человек или творение» (*The Turco-Tatars* в *The Journal of the Manchester Geographical Society*, 1892, vol. 8), но это пожелание не имеет этимологических оснований.

² Documents historiques sur les Tou-kioue (Turcs), extraits du Pien-i-tien et traduits du chinois, в *Journal asiatique*, t. III, 1864, p. 327 et 328.

³ Монаха Иакинфа (Бичурина) «Собрание сведений о народах, обитавших в средней Азии в древние времена», Спб., 1851 г., часть I, стр. 258 и 259.

верхне-кумандинская волость, на р. Бии, около впадения в нее реки Лебеди, носит имя со, а другой - кубанды или куманды¹. Отсюда можно с достаточной вероятностью заключить, что легендарный праотец турков происходил из племени со, обитавшего на севере от Алтая, и что род со является маленьким остатком этого, вероятно, в доисторические времена не совсем малочисленного, племени. Далее, тюркское слово ку значит «лебедь». Живущие на р. Лебеди тюрки и теперь зовут себя ку-киш, т.е. «люди (р.) Лебеди»². Из этого нетрудно вывести, что китайские историки напрасно заставили сына Ичжини-нишиду превращаться в лебедя: он, подобно остальным трем братьям, поселившимся в известных местностях и основавшим там царства (племена), водворился на р. Ку (Лебеди) и был родоначальником племени ку, остатки которого и поныне обитают на р. Лебеди и в волостях верхне- и нижне-кумандинских. Засим, Кико есть одна из китайских транскрипций имени кыргызы³, в которой выпущена буква р, отсутствующая в китайском языке⁴, и опущена конечная согласная, как это китайцы весьма часто делали до времен маньчжурской династии; потом река Ану есть, вероятно, Абакан, главное становище кыргызов, а река Гянь или Кянь есть, несомненно, Кен, т.е. сохраняющееся с древнейших времен туземное название реки Енисей. Река Чу-си должна быть р. Чу (у русских Чую), приток Катунь, служащая и ныне местом кочевков чуйских тюрков (чу-киши). Наконец, Басы-чу в переводе с тюркского может значить «верховья реки Чу»; так как ши по-китайски «камень», то местность, где поселился старший сын суть пастбища «при каменных (или скалистых) горах в верховьях реки Чу». В общем выходит, по географическим и этническим данным легенды, что турки-тукю (точнее, по о. Иакинфу, «дулгаский дом», т.е. собственно ханский род) происходят от обитавшего на севере Алтая племени со и что, после переселения их в Алтай и размножения, они разделились на четыре ветви: одна утвердилась на северном склоне Алтая, с именем ку (бан или ман означало, кажется, «земля», «страна», впоследствии же обратилось в приставку собирательного значения, как, например, и в имени туркман или туркмен), вторая ветвь основалась на Енисее и Абакане, с именем кыргызы, третья осталась кочевать внутри Алтая на р. Чу, а четвертая образовала племя, принявшее имя турк. Это последнее, сделавшееся во второй четверти VI века известным китайцам, завязавшим с ними политические сношения, в 536 г. подчинило себе гаогюйцев в числе 50 т. кибиток, положило затем конец владычеству жужаней и к 556 году овладело всей Монголией и средней Азией до Гиндукуша и Черного моря⁵.

¹ Aus Sibirien, von d-r Wilhelm Radloff, Leipzig, 1884, B. I, s. 211, 212.

² Там же, с. 212

³ У Дегиня, напр., встречаем в китайских именах кыргызов Ki-ko, Kie-ko (Histoire generale des Huns etc., Paris, 1756, 1.1, partie 2, p. 379).

⁴ Так, вместо ту-р-к у китайцев вышло ту-кю за неимением знака для одного звука к без гласной.

⁵ «Собрание сведений» и пр., I, стр. 266-268.

Томашек, мимоходом коснувшийся рассматриваемой легенды (Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften Philosophisch-historische Classe, CXVII Band, Wien, 1889, s. 64 und 65), не довольствуясь превращением «старшего» (следует «второго») сына в Лебедя, заставляет его улетать в «широкую даль» к якутам, которые поклоняются Куба-хатуни. Но поклонение Лебеди-царице еще далеко не достаточно, чтобы приписывать якутам такую связь с древнейшей тюркской легендой, тем более, что о каком-либо полете лебедя в сказании нет ни слова, ни намека. Правильно затем, угадав в Tchou-tche реку Чую,

При всем интересе, представляемом рассматриваемой легендой, нельзя, однако же, не видеть, что она служит выражением только тех преданий, которые сохранялись у турков-тукю в VI веке относительно происхождения их самих и ближайших к ним по соседству тюркских племен, из которых лишь некоторым предстояла историческая будущность. Отсутствие в легенде всяких сведений и даже упоминаний о таких древних и многочисленных тюркских племенах, как хунны, канглы, гаогюйцы, которые выступили на историческую сцену за многие века до появления тукю, делает рассматриваемое сказание только легендой о происхождении турков-тукю, а не всего народа тюркского и его главнейших племен. Возможно, конечно, что в легенде этой сказалось отдаленное и смутное воспоминание о прародине всех тюрков на севере Алтая, но ближайшим образом легенда выражает лишь предание о происхождении ханского рода или, скорее, господствующего поколения, которое объединило обитавшие на южных склонах Алтая разрозненные тюркские роды и дало их союзу и племени принятое или полученное им имя турк.

Это, приведенное с некоторыми подробностями, сказание не есть единственное и не самое древнее из преданий о происхождении тюрков. Раньше его на столетие, в V веке, записано китайцами сказание о гаогюйцах, по которому это тюркское племя происходит от волка и дочери одного из шаньюев (государей) хуннов¹. Одновременно с вышеприведенной легендой VI века, китайцами же, сохранено предание, производящее турков-тукю от волчицы и десятилетнего мальчика, уцелевшего от истребленного врагами рода хуннов и брошенного с отрубленными руками и ногами: волчица питала его, пока враги не сведения о чудесном сохранении жизни юноши и не убили его; тогда волчица удалилась в окруженную со всех сторон непроходимыми горами долину (Алтай) и родила там десять сыновей, от которых произошли турки-тукю². Все эти сказания, как и легенда о происхождении монголов от «небом рожденного бурого волка да сивой лани»³, и тому подобное, не дают для определения происхождения народов и племен и их этнического состава ничего кроме смутных и загадочных намеков, представляя собой отголоски той отдаленной фазы эволюции человеческих обществ, когда первобытные роды боготворили разных животных, почитая себя их потомками. Немногим более богаты годным этническим материалом те народные сказания, которые сохранены для нас мусульманскими писателями XIII и XIV веков и более поздними: Джувейни, Рашид-эддином, Абул-гази-багадур-ханом и т.д. До писателей этих не дошли уже древние народные предания о происхождении тюркских племен, имеющие исторические, этнические и социологические основы; они довольствуются наивной этимологией: уйгуры суть племена, которые были союзниками или последователями мифического Огуз-хана, ибо слово уйгур по-тюркски должно значить «последователь», «соединившийся»; канглы происходят от тех воинов

Томашек предполагает в имени «младшего» сына No-tou-lou-che тюркское ондурчи, но сыновей было всего четыре, а не четырнадцать, и Надулу-ше был старший, а не младший.

¹ «Собрание сведений» и пр., I, 248 и 249.

² Там же, 256 и 257.

³ «Юань-чао-ми-ши» в «Трудах российской духовной миссии в Пекине», т. 4, Спб., 1866 года, стр. 23.

Огуза, которые завели телеги для возки добычи и запасов, ибо канглы по-тюркски «телега»; карлыки пошли от людей Огуза, осыпанных снегом, так как карлык значит «снеговик», и т.д.¹ Чем более поздние письменные сказания о происхождении тюркских племен и чем большей они подвергались литературной обработке и влияниям, тем менее ценны они в качестве достоверного материала². Не лишены значения только незатейливые, простые, преимущественно устные, генеалогические сказания, встречающиеся у тех тюркских племен, которые сохранили еще кочевой образ жизни и прочность родового быта, ибо, вследствие громадного значения родов в их быте, у них еще твердо удерживаются воспоминания о степенях кровного родства или представляющихся им кровными связями и отношений между родами.

У турков-тукю в VIII веке уже не сохранилось в памяти той легенды, которую китайцы записали два века раньше. По крайней мере, в памятнике Кюль-тегину, 732 года, история их начинается прямо с Тумын-хана. «Когда сверху утвердилось синее небо, а снизу - темная земля, появились между ними сыны человеческие. Между сыновьями человеческими возвысился чум-пам'ский Бумын-каган, знаменитый хан. Он установил роды (Stämme) и законы тюркского народа и все направил»³. Во главе подвигов Бумын-кагана поставлена тут организация родов. Хотя приведенный перевод пришлось изменить⁴, но при патриархально-родовом быте турков-кочевников роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные союзы действительно имели преобладающее во всех отношениях значение. Сильный, многочисленный, дружный

¹ См. отрывки из одной уйгурской рукописи, из Рашид-эддина, Джувейни и Абул-гази, помещенные в исследовании В.В. Радлова «К вопросу об уйгурах» («Записки И. Академии наук», 1893 г., т. 72, книжка I, приложение №2).

² Не лишенная интереса, но не совсем удачная попытка систематизировать эти сказания мусульманских писателей сделана майором H.G. Raverty в статье On the Turks, Tatars and Mughals (Travaux de la troisième session du congrès international des orientalistes, t. 2, St. Petersburg, 1879, p. 74-124). Автор этой статьи ограничился кое-каким согласованием частицы из множества противоречий между версиями имевшихся им в виду писателей, но совсем не вошел в критическое рассмотрение легендарных сказаний и сочиненных к ним прибавок и поправок, не задаваясь даже вопросом - насколько приведенные им в некоторую систему сказания соответствуют действительности.

³ W. Radloff - Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St. Petersburg, 1894, s. 17, 22.

⁴ Позднее В.В. Радлов придал части первоначального перевода такой вид (1895, s. 439): «между сынами человеческими возвысился в качестве властителя мой предок Бумын-хан, знаменитый хан. Er hielt die Stämme und Gesetze des Tükenvolks in Ordnung und verbesserte sie». По проф. Томсену (Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées, Helsingfors, 1896, p. 97): Au-dessus des fils des hommes s'élevèrent mes ancêtres Boumin kagan et Istemi kagan. Après être devenus maîtres, ils gouvernèrent et fixèrent l'empire et les institutions du peuple turc. Соответственно чтению г. Томсена: киши оглында цзе ечюм апам бумын каган истеми каган олурмыш, олурпан тюрк будынынг илии тюрюсин тута бирмис, ити бирмис будет, кажется, ближайшим такой перевод: «Над сыновьями человеческими возвысились в качестве государей мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Возвысившись в качестве государей, они установили и упрочили самостоятельное (государственное) управление (илин) и обычаи (законы) тюркского народа». - «Иль» в этом и в других местах надписей, как и в титуле «иль-хан», который, по словам китайцев, принял Тумын, имеет значение самостоятельно управляющегося племени или государства живущих в родовом быте кочевников. Такие племена называются в надписях илиг, напр. (р. 102): илигиг, илсиретмис, каганлыгыг кагансиратмис, т.е. обладавших самостоятельным управлением лишил его, обладавших каганами лишил их. Что касается Истеми-кагана, то в разных местах «Тан-шу» упоминается Шидяньми-хан (по чтению о. Иакинфа, I, стр. 354 и 361) в качестве родоначальника западно-тюркских ханов, откуда можно с вероятностью заключить, что этот Шидяньми (по Дегину, Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, tome I, partie 2, p. 463, Che-tie-mi, брат Tou-muen-khan'a; по Visdelou, Bibliothèque orientale d'Herbelot, La Haye, 1779, t. IV, p. 109, Che-tie-mii или Se-ti-mii был вторым сыном Тумын-хана) был братом основателя могущества турков и что этому Шидяньми, Сетими или Истеми надписи и его потомству досталась в удел западная половина владений турков-тукю, тогда как восточная составила наследство потомства Тумын-хана.

род имел большую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам верную и действительную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства и обеспечивать большую долю добычи и даней, поступавших в пользу племени или государства. Хотя многочисленность рода давала ему силу, но хозяйственные условия пользования пастбищами и другие причины не позволяли роду сохранять неопределенное время свою целостность и вызвали рано или поздно разделение его на более или менее самостоятельные части. Вследствие этого в каждом роду существовали, с одной стороны, условия, требовавшие сохранения родового единства, с другой же - более или менее сильные стремления к разделению. Борьба этих противоположных течений обыкновенно усложнялась и усиливалась соперничеством между родоначальниками и выдающимися в роде людьми, из которых одни, желая сохранить всю силу рода, во главе которого стояли, защищали целостность рода, другие же, рассчитывая на главенство в отпадающих частях рода, домогались раздробления. Стремления к распаду часто брали верх, но обнаруживающиеся невыгоды слишком мелких и бессильных родовых единиц вызвали образование более крупных родовых союзов, составлявшихся иногда из частей разных родов и даже племен. Но такие союзы, в которых кровные связи были слабы, склонны были распадаться еще с большей скоростью и легкостью. В.В. Радлов справедливо вывел из наблюдений своих над русскими и китайскими киргиз-казаками, - из которых последние пользовались почти независимостью, так как китайское правительство во внутренние их дела не вмешивалось, - что подвижность состава родов и племен есть «жизненная потребность кочевников» и что непрерывными изменениями в этом составе «поддерживается жизнеспособность всего народа». Невозможность образования новых родовых и племенных союзов у кочевников, потерявших независимость, причиняет, по его мнению, «застой, подтачивающий их благосостояние»¹.

История государств тюркских кочевников, сменявшихся в Монголии, показывает, что возникали они вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена. Упрочения своей власти достигали они поставлением во главе родов и племен своих родственников или приверженцев, обязанных им своим возвышением. Падение тюркских государств происходило обыкновенно во время внутренних междоусобий в ханствующем доме, но всегда под преобладающим влиянием стремлений родов и племен к самостоятельности, когда их начальники объединили уже свои интересы с интересами родов. За падением господствовавшего племени наступал более или менее продолжительный период обособленности родовых союзов, пока не усиливалось одно из племен и не подчиняло своей власти остальные, основывая новое государство. Так возникли и пали в Монголии государства хуннов, турков-тукю и уйгуров. То же стремление родов и племен к самостоятельности играло преобладающую роль в

¹ «К вопросу об уйгурах», стр. 72.

распадении основанных монголами улусов джучиева и джагатаева и в политических бессилии и несостоятельности киргиз-казацкого союза, возникшего на их месте.

Таким образом, роды не только пользовались всеобъемлющим значением в бытовой жизни тюркских кочевников, но играли весьма важную роль и в их политической истории. Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьба кочевника определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы, целиком и частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена. И в самом деле, как увидим, родовые имена, записанные многие века тому назад китайскими историками, - конечно, вследствие политического значения носивших их родов, - сохраняются частью и поныне. Это обстоятельство дает возможность определить, в значительной мере, этнический состав тех из ныне существующих тюркских племен и народностей, которые сохранили кочевой образ жизни и родовой быт, а с ними и родовые имена. У тюрков, давно перешедших к оседлости и утративших родовой быт, исчезли и родовые имена, так что для выяснения этнического состава этих оседлых тюрков остается пользоваться только теми данными о родовом их составе, какие сохранились для времени, предшествовавшего обращению их в оседлое состояние.

Кроме родовых имен, другим указателем этнического состава тюрков-кочевников, также связанным с родовым бытом, могут служить родовые *тамги*, т.е. знаки родовой собственности, налагаемые преимущественно на скот, но встречающиеся также на других имуществах рода и его членов и употребляемые в виде гербов, печатей, взамен подписей и т.д. Древнейшее, кажется, упоминание о тамгах у тюрков (именно у гаогюйцев) относится к V веку: «На домашнем скоте вообще кладут метки, и хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его»¹. Но нельзя сомневаться, что родовые тамги у тюрков-скотоводов существовали в несравненно более отдаленные времена. Весьма вероятно, что родовые тамги были первоначально изображениями родовых богов или духов-покровителей и лишь впоследствии обратились в знаки родовой собственности, приняв для этого формы простейших геометрических фигур, как наиболее удобные для вырезывания или выжигания. По многочисленным наблюдениям, у восточно-финских племен, родовой быт которых давно уже начал рушиться, образование тамг для новых семей, отделяющихся от старой, совершается посредством добавления приставочных черт к тамге старой семьи. Это обстоятельство приводит к мысли, что таким же путем происходило образование тамг родовых отделений при первоначальных их ответвлениях. Если это верно, то существующие родовые тамги должны указывать - от каких родов нынешние родовые единицы происходят. Так, в дулатовском отделе большой орды основная тамга (поколения дулат) есть круг . Круг же с одной приставной чертой служит тамгой поколения

¹ «Собрание сведений» и пр., I, стр. 250.

адбан , и круг с двумя приставными чертами оказывается у поколения суван . Из дулатовских подразделений у рода ботпай тамга состоит из круга с тремя приставками или , а у рода сейкым из круга с четырьмя добавочными чертами . Из имеющих, весьма еще, к сожалению, не полных, сведений о тамгах у киргиз-казаков можно заключить, что тамгами служат у племени аргын два круга , у племени канглы одна прямая черта |, у племени кипчак две прямые черты ||, у племени кирей две перекрещивающихся черты или , у племени конграт прямоугольник без одной из сторон , у племени найман острый угол из двух прямых черт . Роды названных племен имеют тамги из основной племенной тамги с различными к ней приставками или накладывают общеплеменную тамгу на особую для каждого рода части тела животных. Так как вследствие исторических обстоятельств многовековой жизни тюркских кочевников чистокровных племен и родов нет и преобладают союзы разного происхождения, состоящие из частиц различных кровных родов, то в одном и том же роде - не только племена - встречаются теперь деления с различными тамгами, причем часто имя подразделения обнаруживает, что оно действительно происходит из того рода или племени, которому принадлежит основная тамга. Вследствие этого родовые тамги, - особенно когда они будут собраны и изучены у возможно большого числа тюркских племен и народностей, сохраняющих кочевой образ жизни и родовой быт, - могут служить весьма важными указателями этнического состава племен и родов¹.

Наблюдения над особенностями быта, наречий, физического типа, вообще этнографические, археологические, лингвистические и антропологические исследования, конечно, могут значительно способствовать изучению этнического

¹ Довольно подробные сведения о родовых тамгах и относящейся к ним литературе помещены в моем «Опыте выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов» и пр. («Живая старина», вып. III и IV за 1894 год). В дополнение, пользуюсь случаем упомянуть, что в изданных в 1822 г. в Казани на татарском языке Хальфиным (кажется, тогдашний преподаватель татарского языка в Казанском университете) сказаниях «Жизнь Дженгиз-хана и Аксак-Тимура» говорится, что Дженгиз-хан дал каждому из беков своих тамгу, птицу, дерево и клич. Обратился он, напр., к Кункрат-бий-оглу Сенкелэ: «Эй, Сенкелэ, пусть твое дерево будет яблоня, пусть птица твоя будет сокол, твой клич - Кункрат, а тамга твоя пусть будет месяц». Приводя это, В.Д.Смирнов («Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века», СПб., 1887 г., стр. 193-199) заметил, что тамга месяц «изображается в виде круга (полукруга?), на деньгах же в виде трехзубчатого новолуния, т.е. близко к русской букве Э. Последнее изображение сильно напоминает тамгу герайскую (крымских ханов), но еще больше на нее похожа тамга Уйшин-Майкья-бия, которому Чингиз-хан сказал: «Пусть твое дерево будет вяз, твоя птица - орел, твой клич - Салават, а тамга твоя *срка*». Изображение последней, по словам того же ученого, напоминает славянское или , название же тамги надо читать *сурку*, что значит борона и подходит к изображению тамги. - Со своей стороны замечу, что в «Описании средней орды» капитана Андреева 1785 г. (рукопись геогр. общества) тамга Кункрат-бия изображена в виде круга, но тамга Майкибая на борону несколько не походит. По мнению В.Д. Смирнова, тамга ханов Золотой орды или кипчакских походила формою на стремя, как видно это на монетах, в трезубец же обратили ее на монетах крымских ханов генуэзские чеканщики, подобно тому, как превратили они всадника прежних татарских монет в св. Георгия. Но из приведенных Г.Н. Потаниным, по Френу, девяти джучидских монетных тамг («Очерки с.-з. Монголии», вып. 4, СПб., 1883 г., табл. I), друг от друга отличных, ни одна на стремя не походит; что же касается тарак-тамги крымских ханов, то это общая всем чингизидам (в настоящее время всем киргиз-казацким султанам, как можно видеть у Г.Н. Потанина на табл. XXVI при 2 вып. «Очерков», у П. Ефименко в «Журнале мин. нар. просвещения», 1874 г., №12, и у многих других авторов) тамга, которой пользуются также дружинники прежних ханов и султанов (тюленгуты) и род джаланр, состоявший некогда в рабстве у рода Чингиз-хана.

состава различных народностей, но в отношении тюркских племен положение наших знаний по этим отраслям науки пока настолько зачаточное (хотя сделано уже немало), что в настоящее время этнография, археология, лингвистика и антропология не дают еще достаточных указаний. Остаются, таким образом, главными пока указателями родовые имена и родовые тамги. Но сведения о тамгах скудны, одни же родовые имена нынешних тюркских племен и народностей сами по себе далеко не достаточны для определения их этнического состава уже потому, что одинаковые имена встречаются в разных племенах и родах. Чтобы определить их значение и взаимные отношения, необходимы исторические сведения о прошлом главных племен и родов. Только при помощи исторических сведений могут быть с достоверностью отличены основные, главные роды от позднейших, составных родовых союзов, а также выяснены иноплеменные и инородные примеси.

Сообразно всему этому задача настоящего труда заключается в том, чтобы, пользуясь имеющимися данными о настоящем родовом составе и историческими сведениями по тому же предмету, выяснить племена и роды, а также иноплеменные примеси, из которых составились ныне существующие тюркские народности. Для сокращения объема статьи¹, при изложении нынешнего родового состава будут указываемы только

¹ По той же причине я должен отказаться, за немногими исключениями, от изложения и обсуждения взглядов разных ученых по предметам настоящего исследования, между прочим, и относительно значения родовых и племенных имен и делений и о самом этническом составе тюркских племен и народностей. Ограничусь по последнему предмету самым необходимым. Уже Дегинь, который первый воспользовался для истории тюрков не только западными и мусульманскими, но и китайскими известиями, делал попытки выяснить происхождение тюркских народов при помощи родовых имен у современных тюркских народностей (Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, t. 28, Paris, 1759, p. 98, 103 etc.). D'Ohsson в Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timur-beg, 1834 г., и Henry Howorth в History of the Mongols from the 9th to the 19th Century, 1876-1888 гг., тщательно приводили по своим источникам родовые имена и племенные деления и старались определять этнические отношения тюркских племен, так как труды их излагали, главным образом, историю тюркских народов под владычеством монгольских династий. Howorth, как в упомянутом труде, так в особенности в некоторых из этюдов, изданных им под общим заглавием The Northern Frontiers of China (The Journal of the R. Asiatic Society разных лет с 1875 г.), выяснил тюркское происхождение некоторых народностей и племен, считавшихся обыкновенно монгольскими, при помощи, между прочим, сведений о современном племенном и родовом их составе. Общие результаты трудов названных и других историков, правда, невелики, но главные препятствия успехам науки в данной области начинают с течением времени устраняться: я разумею скудость сведений о современном племенном и родовом составе сохраняющих родовой быт или значительные его остатки тюркских народностей и малодоступность и неразработанность китайских исторических известий о древних тюркских народах и племенах. В весьма ценном своем труде Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, 1885 г., Вамбери собрал много сведений о современном племенном и родовом составе тюркских народностей, - преимущественно по русским источникам, пользование которыми весьма затруднительно для западно-европейских ученых, по малораспространенности знания русского языка, - но не мог надлежащим образом их утилизировать, преимущественно по игнорированию древнейших исторических известий о тюркских народах и племенах, содержащихся в китайской истории, ибо с самого начала своей ученой деятельности он уклоняется от изучения китайских источников, ошибочно считая их «темными» и «не совсем надежными» (Das Türkenvolk, s. 258, 260); он ссылается также на неустойчивость родовых имен, меняющихся с образованием новых делений и распадением старых (s. 181), но упускает из вида, что меняются собственно имена родовых союзов с распадением их и образованием новых, имена же костей и главных родов, или в иных случаях племен, напротив отличаются изумительной, многовековой прочностью, связанной с господством родового быта. В.В. Радлов, при изучении тюркских наречий, лично собрал драгоценные сведения о родах и костях у саянских и алтайских тюркских народов, у кара-киргизов и отчасти киргиз-казаков, а также и у других тюркских народностей Сибири, средней Азии и восточной России (Aus Sibirien, Leipzig, 1884 года, два тома); но эти сведения остаются большей частью сырым материалом, так как громадные лингвистические и обширные этнографические и археологические исследования этого ученого не позволили уделить достаточного времени для исторических изучений в необходимой обширности, подробности и глубине. Таким образом, хотя выяснение этнического состава

главные деления, из мелких же будут упоминаемы преимущественно лишь видимо имеющие этническое значение. С целью определения значения отдельных народностей и общей численности тюрков я нашел также полезным собрать статистические сведения из наиболее достоверных и новейших источников, так как встречающиеся в разных изданиях сведения отрывочны и неполны, а часто также недостоверны или слишком стары.

Прежде рассмотрения этнического состава отдельных тюркских народностей необходимо ознакомиться с историей тюркских племен, насколько она может дать общее освещение этому составу.

Замечу кстати, что Hammer-Purgstall, упоминая в своей *Geschichte der Goldenen Horde* (1840, s. 218) о птицах, деревьях, тамгах и уранах, которые даны будто бы разным родам по упомянутой казанской «Жизни Чингиз-хана и Аксак-Тимура», называл эти сказания баснословными и мало заслуживающими доверия. Это упоминание Гаммера повторил в своей книге *Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern* (Berlin, 1872, s. 164) проф. Bastian, опустив отзыв Гаммера об источнике и поместив вслед за цитатою из Гаммера не имеющее никакого отношения к тюркам и монголам сведение из совершенно другого источника о родах в долине Гларуса (в Швейцарии). Вследствие пропуска при цитировании Бастиана нескольких строк, в прекрасном исследовании П. Ефименко «Юридические знаки» («Журнал мин. нар. просвещения», 1874 года, №11, стр. 164) получилось, что у монголов во время Чингиз-хана было «12 родов, имевших свои особые гербы или тамги, которыми служили птицы и деревья. Когда один из этих родов, родственных по гербам, отходил, то герб его удерживался, а он заменялся одним из 34 родов (свободных божьих людей), которые были поселены в долине Гларуса».

Еще в 1855 г. академик Шифнер («Ученые записки И. Академии наук по 1 и 3 отделениям», том 3, вып. 5, 1855 года, стр. 606) указывал желательность отыскивания и собирания родовых, домовых, фамильных и т.д. знаков собственности, утверждая, что изучение их «может привести к интересным результатам. Тогда окажется, что в употреблении таких знаков менее имело место произвольное изобретение, чем подражание и заимствование». Он предполагал сосредоточивать собирание знаков собственности в сибирском и кавказском отделах географического общества и в других ученых обществах. К сожалению, напечатанные в малораспространенном ученом

тюркских народностей, при помощи, между прочим, современного их племенного и родового состава и исторических известий, остается задачей будущего, тем не менее важность этой задачи и необходимость ее разрешения признавалась всеми учеными исследователями истории и этнографии тюрков. Можно поэтому оставить без особого опровержения следующие строки недавно вышедшей книги, прекрасная рецензия на которую помещена В.В. Бартольд в «Журнале мин. нар. просвещения», 1896 года, июнь: *Tout ce que nous pouvons de heler d'elements ethniques dans ces associations d'hommes sont des genealogies de tribus; or, chez toutes autrefois, chez beaucoup encore aujourd'hui, les memes noms de tribus et de clans se retrouvent parmi les nations differentes, comme par exemple, parmi les Euzbegs, les Kirghizes et les Mongols actuels. La question de race, dans l'histoire des peuples dits tures, tatares, mongols etc., est oiseuse; elle ne repend a rien. Ce sont des nations vivantes qui ont bouleverse, puis reconstruit l'Asie depuis le V-e siecle; elles etaient mortes avant se decomposer en tribus et en clans, qui finissent en s'emiettant chaque jour (Introduction a l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines a 1405, par Leon Cahun, Paris, 1896, p. 40).*

издании мысли Шифнера остались неизвестными большинству местных любителей этнографии. Он, впрочем, не мог указать определенно применения рекомендуемого собирания, но теперь стало очевидным этническое значение тамг и других знаков собственности, а потому можно надеяться, что собирание знаков собственности привлечет к себе внимание местных этнографов, особенно в степных окраинах.

II. Краткий исторический обзор тюркских племен средней Азии

1) Тюркские племена до времен турков-тукю

Китайские историки и комментаторы полагают, что хунны были соседями Китая уже в баснословный период его истории под именами шань-жун, хяньюнь и хуньюй¹. Около 214 г. до Р.Х. китайцы отняли у хуннов Ордос, но через 10 лет, воспользовавшись смутами в Китае, шаньюй Модэ (Маотунь) возвратил потерянное при его отце, предпринял в Китай успешные походы и принудил платить ежегодную дань². Что хунны были тюрки, это ясно из того, что по китайским известиям гаогюйцы и турки-тукю были потомками хуннов и язык гаогюйцев был «сходен с хуннским», хотя и была «небольшая разница»³: так как орхонские надписи окончательно выяснили, что тукю были тюрки и так как язык гаогюйцев (уйгуры составляли одно из поколений) был несомненно тюркский, то очевидно и хунны были тюрки.

В начале царствования Модэ владения его на западе примыкали к землям обитавших между хребтом Наньшань и восточным Тяньшанем юечжей и кочевавших смежно с ними, по-видимому в Монгольском Алтае, а также на юге и севере от него, усуней. Юечжи были, всего вероятнее, спустившейся на северо-запад с Тибетского нагорья ветвью тибетского племени⁴, с некоторою, быть может, примесью тюрков. Усуни составляли союз тюркских родов, во главе которого стояла отделившаяся на юге часть енисейских кыргызов, ибо потомки усуней в западном Тяньшане и поныне именуют себя кыргызами. Еще около 209 г. Модэ поразил юечжей и «прогнал»⁵ их, вероятно к западу. В 177 г. хунны совершили новый поход на юечжей, поразили их и

¹ Знаки, которыми изображалось имя хуньюй (Hun-jo), значили «питающиеся луком, лукоеды» (Völker des Südlichen Russlands in ihren geschichtlichen Entwicklung von K.F. Neuman, 1847, s. 25). Со, по-согайски, значит боярышник (Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, III Theil, Buch 2, 1776, s. 351). То и другое имя дают основание предполагать, что как хунны, так и народец со, от которого происходят по преданию турки-тукю или их господствовавший род, прародиной имели северные склоны Алтая и Саяна, где и поныне корни сараны и других дикорастущих растений и ягод (между прочим, боярки) составляют значительную часть пищи местных инородцев, особенно тех, у которых скотоводство или хлебопашество еще не обеспечивают продовольствия.

² Иакинф «Собрание сведений» и пр., I, стр. 1-18.

³ Там же, I, стр. 248 и 256.

⁴ Доказательствами, помимо других, могут служить следующие факты: 1) об оставшейся в Наньшане, после ухода на запад главной массы, части юечжей китайцы сохранили такие известия: «одеванием, пищей и языком несколько сходны с цзянами (тибетцами), и также имя или прозвание отца и матери служит названием роду» (Иакинфа «История Тибета и Хухунора», Спб., 1833, ч. I, стр. 66); 2) у потомков юечжей в Бактриане отмечается китайцами в VI веке полиандрия («Собрание сведений», III, стр. 178), особенность, свойственная тибетскому племени и чуждая историческим тюркам и арийцам; 3) описывая в VI веке основанное юечжийцами в Пишавере государство, китайцы заметили, что «одевание жителей сходно с тунгусским» («Собрание сведений», III, стр. 175); 4) государи Кана (Самарканда) и других мелких владений Мавераннахра в VII веке считали себя потомками юечжийского царственного дома и прозывались чжаову, будто бы по городу, который был столицею юечжей во время пребывания их при Наньшане («Собрание сведений», III, стр. 181 и след.), но на самом деле город Чжаову есть вымысел, и чжаову, видимо, есть тибетское слово чжаву или чжову, значащее князь, господин: очевидно, происходившие или только приписывающие происхождение от юечжийского дома владельцы усвоили себе юечжийско-тибетское слово чжаову, князь; употребление самими юечжийскими или кушанскими, кашанскими государами тибетского слова чжаву в значении князь удостоверяется ариано-пеглевийскими легендами на монетах, чеканенных в завоеванных ими землях Афганистана и Индии: катана дгиавуго или кашанаса дшауо (эти транскрипции встречаются между прочим в Geschichte Iran's etc. von A. Gutschmid, 1888, s. 114, 136), т.е. кашанский князь. Встречающееся в тех же монетах и легендах имя государей Кутшула (в греческих легендах Козуло, Козоли) также тибетское <...>.

⁵ «Собрание сведений», I, стр. 13.

утвердили свою власть над усунями и Восточным Туркестаном¹. Юежчи удалились в западный Тяньшань, вытеснив тюркский, кажется, народ се (вероятно, саков, имя которых древние персы распространяли на всех кочевников, соседствующих с Ираном с севера), который ушел через Памиры за Гиндукуш и утвердился в Гибини, т.е. на Инде и низовьях Кабул-дарьи. Лет через 30 или 40 усунь, по воле шаньюя (вероятно, Гюньчэня, 162-127 гг.), вытеснили юежчей из западного Тяньшаня и водворились на их месте. Юежчи, пройдя Фергану и Согдиану, утвердились в Бактриане, владея и правым берегом Аму-дарьи. Здесь, около 129 года до Р.Х., и нашел их китайский посол Чжан Цянь. Тот же посол обнаружил существование на среднем и нижнем течении Сыр-дарьи многочисленного народа (120 т. семейств) кангюй, очевидно тюркского племени канглы, остатки которого и поныне тут уцелели. Кангюйцам в то время подчинялись города в долине Зеравшана и даже Хива (Юеянью)².

Вследствие внутренних смут и неудач в столкновениях с Китаем хунны разделились на южных и северных. Последние воевали с китайцами и поддавшимися им южными хуннами до конца I века после Р.Х., когда часть северных хуннов ушла со своим шаньюем на запад, оставшиеся же северные «роды хуннов, простиравшиеся до 100 т. кибиток, сами приняли народное название сяньби»³, т.е. подчинились усилившемуся в то время тунгусскому или даже корейскому, как полагают некоторые, племени сяньби. Поселенные в Китае южные хунны постепенно окитаились⁴ и были, вероятно, предками дунган северного и западного Китая.

¹ Там же, стр.23.

² Там же, III, 1-7, 12, 13, 64, 65, 56-59 и пр.

³ Там же, I, стр.163.

⁴ В IV веке после Р.Х., во время смут в Китае, князья южных хуннов овладевали частями северного Китая и объявляли себя императорами. Собираясь идти на противника, один из них Ши Лэ, около 328 г., обратился к проживавшему при его дворе буддийскому монаху за предсказаниями. Монах объявил ему, что слышал в звуках колоколов следующие слова на хуннском языке: сюжжу тилэй-гянь, пугу того удан (это по чтению проф. Васильева, а по Ab. Re nusat: sieou-tchi tili-kang pou-kou khiu-tho-tang), что в переводе на кит. язык значило: войско выйдет, пугу (имя или звание противника) будет взят. Хотя эта единственная, сохранившаяся на хуннском языке фраза «звучит по-тюркски, - замечает проф. Васильев («Журнал мин. нар. просвещения», 1872 г., сентябрь, стр.115 и 116), - однако она никак не поддается и глубоким знатокам тюркского языка, к которым я обращался». См. также Nouveaux melanges asiatiques par Ab. Remusat, t. 2, Paris, 1829, p. 179-183.

Ближайшим к хуннской фразе по времени памятником тюркского языка являются тюрко-орхонские надписи 732 и 734 гг. В языке их, поэтому, и надо, скорее всего, искать загадочные слова и формы фразы 328 года. Нам известна следующая попытка чтения ее, применительно к языку тюрко-орхонских надписей: Сүси сүлэгән (или сүлэиган), Пугу тутдан (ши туткудан). Тут 1) сү (сю) есть часто встречаемое в надписях слово, означающее войско, а сүси - его войско.

2) Сүлэ - в надписях переводится «выходить, выступать» (в поход); сү сүлэпән переведено у Томсена (Inscriptions de l'Orkhon dechiffrees, 1896, p. 97): faisant des expéditions avec des armées; примера формы на ган или ган в тюрко-орхонских надписях нет, но она встречается в алтайском и других нынешних тюркских наречиях. 3) Пугу должно быть не имя и не титул Лю ио (противник Ши Лэ), а имя его племени или рода; по всей вероятности, это то самое поколение пугу, которое в VII и VIII веке оказывается в числе гаогюйских и играло в китайской истории немалую роль; это нынешнее поколение кара-киргизов бугу, которое, по высказанному мною в «Опыте выяснения этнического состава б. орды и каракиргизов» (стр. 64 отдельного оттиска) предположению, вошло в состав усуньского союза еще во время нахождения его в Монголии во II веке до Р.Х. или ранее. Если, как удостоверяет хуннская фраза, оно существовало в IV веке, то могло, конечно, существовать в числе подвластных хуннам родов и ранее, будучи оставшееся в Монголии частью племени бугу, в то время когда другая, вошедшая в усуньский союз, ушла с усунями в Тяньшань и уцелела поныне. 4) Глагол тут - в орхонских надписях значит взять (в плен), схватить; от него есть формы тутды - схватил, взял (в плен) и тутку (у В.В. Радлова) или тутук (Томсен) - взятый (в плен),

Путь удалившего на запад шаньюя северных хуннов лежал, по китайским известиям, через страну Юебань (между Тарбагатаем и средним Тяньшанем), откуда он «ушел на запад в Кангюй»¹. Дальнейшие китайские известия, почерпнутые от одного аланского посольства, около половины V века, "гласят, что за четыре поколения ранее, значит не позднее первой половины IV века, хунны покорили аланов, обитавших на северо-западе от Кангюя, от Аральского моря до Волги и Дона, убив их государя². Затем, как известно по западным историкам, гунны появляются около 375 г. в Европе, нападают на готов и производят великое переселение народов.

В III веке после Р.Х. усилилось между сяньбийцами поколение тоба. В 386 г. глава его принял титул императора и основал династию Юань-Вэй, властвовавшую в северном Китае до 581 г. Господство в Монголии перешло тогда к жужаням, которым обыкновенно также приписывается тунгузское происхождение. Могущество их началось в конце IV века с покорением многочисленных гаогюйцев³, кочевавших в северной Монголии, на Селенге. По заверениям китайских историков и комментаторов, гаогюйцы были потомками поколения чи-ди, т.е. «красных ди», инородцев, обитавших в VII веке до Р.Х. на юго-востоке Ордоса⁴; они прозывались еще дили и «уже на севере прозваны гаогюйскими динлинами» (?)⁵. «Они обыкновенно ездили на телегах с высокими колесами, почему... называли их гао-гюй (или гао-чэ - высокие телеги, по-китайски) или чилэ, ошибочно превращенное в телэ»⁶. Существование в Алтае р. Толе (первый правый приток Бии, вытекающий из озера Телецкого, которому это название дано русскими по упоминаемому ниже роду телес) показывает скорее, что имя теле было настоящим именем гаогюйцев, а дили и чилэ - китайскими его извращениями⁷. Во время хуннов гаогюйцы должны были обитать в северной Монголии и остались там под властью сяньбийцев и затем жужаней, подобно и другим тюркским племенам и родам, подчинявшимся ранее хуннам⁸. Китайцы приводят, вероятно, по сведениям конца V или начала VI веков, имена 12 гаогюйских родов: лифули, тулу, ичжань, далян, кухэ, дабо, алунь, моюнь, сыфынь, фуфуло, киюань и юшупэй⁹, из которых в тулу можно узнать дулу, в дабо - туба, урянхайцев, и в далян, впоследствии доланьгэ - уцелевший доселе в Алтае род теленгет. В 487 г. глава поколения фуфуло отложился от жужаней и ушел с гаогюйцами, в числе более 100 т.

плененный; примеров форм третьего лица будущего времени в тюрко-орхонских надписях нет. Форма тутдан или туткудан сомнительна, но что четвертая составная часть хуннской фразы должна быть формой от тут, это весьма вероятно. Могли быть также оба предложения построены посредством вспомогательного в роде икан, икен.

¹ «Собрание сведений», III, стр. 163.

² Там же, стр. 166, и Nouveaux melanges asiatiques, Paris, 1829, I, p. 239.

³ «Собрание сведений», I, стр. 208.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Id, стр. 248

⁶ Тоже, стр. 373.

⁷ Впрочем могло существовать и племенное или родовое название чилэ, ибо есть река Чийли (Чилэ), приток озера Телецкого; она упоминается Гельмерсеном, называвшем её Чилэ, и В.В. Радловым, который называет её Чийли (см. Дополнения к русскому переводу «Азии» Риттера, том 4, 1877 года, стр.417-421).

⁸ Так, на северо-западе от жужаней, около начала V века, кочевало какое-то поколение из «потомков хуннов», настолько сильное, что нанесло поражение основателю могущества жужаней Шелуню на р. Егын (по мнению о. Иакинфа, Онгин-гол, см. «Собрание сведений», I, стр. 209).

⁹ «Собрание сведений», I, стр. 251.

кибиток, на запад, заняв, по-видимому, земли вышеупомянутого владения Юебань между Тарбагатаем и Тяньшанем. Отсюда гаогюйцы вели с жужанями упорные войны, пока не были покорены турками-тукю¹.

2) Тюркские племена во время владычества турков-тукю

Китайские известия за время турков-тукю и надписи на орхонских памятниках 732 и 734 гг. дают довольно обильный материал для выяснения главных тюркских племен, занимавших Монголию в VI-VIII веках.

На востоке, смежно с принадлежавшими тунгусскому племени и обитавшими в южной Маньчжурии киданями, кочевали около Шарамурени татаби, которые, по-видимому, были известны у китайцев под именем кумохи или хи, как это ясно из упоминаний в орхонских надписях киданей и татаби постоянно вместе², соответственно упоминанию киданей и хи в китайских известиях столь же неразлучно; эти хи, по некоторым известиям, принадлежали к одному племени с тукю³, т.е. были тюрками; в эпоху Чингиз-хана эти же хи являются под именем белых тама, у китайцев, и онгутов, у монголов, в той же почти самой местности, где и ныне составляют, совершенно омонголившись, аймак ониют. На северо-западе, земли хи прилежали в IX веке к кочевьям татаней⁴: вероятно это отуз-татары орхонских надписей⁵, т.е. племя татарское, удержавшееся на границе между Маньчжурией и Монголией до времен Чингиз-хана; по именам беков и по отнесению татар Рашид-эддином к особой от монголов группе народов, представляется вероятным считать татар племенем тюркским. Земли к западу от татаби и татар были заняты самими турками-тукю, ханы которых, как ранее шаньюи хуннов, кочевали на Орхоне.

На севере от них, на Селенге, и на востоке и западе от нее, обитали тогуз-огуз'ы надписи Кюль-тегина⁶, а также уйгуры и остальные поколения гаогюйцев или теле¹.

¹ Там же, 252-255.

² Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1894, s. 23, 26, 33, 1895, 440, 441, 455, 456 и пр.

³ В.П. Васильева «История и древности восточной части средней Азии» и пр., Спб., 1859 г., стр. 34 и др.

⁴ «Собрание сведений», I, стр. 479.

⁵ Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1894, s. 23, 1895, s. 440

⁶ Частые упоминания о тугуз-огузах в надписях на памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану на Орхоне, при молчании об уйгурах, побуждали предполагать, что могущественное племя огузов, причинявшее своими восстаниями много опасностей для тюркских ханов, по близкому нахождению его от их орхонской резиденции на Селенге, указываемой китайцами в качестве земли уйгуров, было тождественно с уйгурами. Но в надписи на памятнике Могилян-хану, в описании борьбы с огузами, происходившей, по-видимому, после смерти Кюль-тегина, т.е. позднее 731 года, оказались неожиданно, в очень испорченном месте надписи, совершенно ясные слова уйгур елтебер. В.В. Радлов перевел это место по догадкам так: «Елтебер уйгуров собрал народ из едва сотни людей» (s. 455), и неупоминание ранее об уйгурах в надписях объясняет тем, что уйгуры в это время жили далеко на севере в стороне Байкала и находились в подданстве у соседних народов, вероятно татар и огузов, а потому считались в составе этих народов; в 733 г., когда спускавшийся вниз по Селенге тюркский хан уничтожил поселения побитых огузов, то остатки последних забрались в северные лесные горы близ Байкала, где елтебер, т.е. князь уйгуров, наскоро образовал едва из сотни состоящий иль и отразил хана, с таким успехом, что тюркам пришлось плохо. Отсюда, - замечает г. Радлов, - можно заключить, что в этом и следующих годах новый государь уйгуров занимался укреплением своей власти и подчинением прочих уйгурских племен и победой своею не воспользовался (s. 427). Проф. Томсон думает, что огузы и уйгуры - один и тот же народ, но огуз есть истинное, древнее имя народа или племени, оставшееся в употреблении между тюрками, тогда как уйгур есть наименование более новое, так сказать политическое, известного союза народов или племен (Inser. de l'Orkhon, 1896, p. 148). Упомянутое место надписи он читает иначе, чем г. Радлов, и переводит:

Севернее гаогюйцев, около озера Косогола и на западе от него, жили, по китайским сведениям, тюркские племена милигэ, эчжи и дубо², т.е. меркиты и урянхайцы, которые и ныне зовут себя туба. На западе от урянхайцев, к северу от гор Кбкман (Таньмань у китайцев³, ныне Танну-ола), обитали кыргызы, «небольшой», но беспокойный народ, к которому турки-тукю совершали походы через горы Кекман. Земля кыргызов (Гэ-гунь и Гянь-гунь, что соответствует Кем-Кем или Кем-Кемчик), конечно, уже населенная этим народом, была покоряема хуннами около 201 и 49 гг. до Р.Х.⁴ На юго-западе от кыргызов, около Черного Иртыша, кочевало племя карлык, в китайской транскрипции гэлолу, ставшее известным с VII века⁵. По-видимому, оно

«Ельтеберы уйгурские (бежали) сотнями на восток...Тюркский народ был голоден. Я ободрил его, взяв эти табуны лошадей» и т.д. (р. 127). Слово ельтебер значит тут, по его мнению, что-то в роде данника или союзника. «Уйгур ельтебер» может в этом случае означать, напр., подчиненные или союзные народы, которые, под верховенством огузов, как господствующего племени, составляли в совокупности союз уйгуров (р. 182). - По «Тан-шу», в переводах о. Иакинфа («Собрание сведений» и пр., I, стр. 373, 374, 380-383) и Visdelou (Bibl. orient., 1779, t. IV, p. 128-132), поколение племени теле или гаогюйского по имени юаньгэ, называвшееся в эпоху династии Юань-вэй уху или угэ, а при династии Суй вэйгэ, восстало против турков-тукю в 606 г. в союзе с поколениями пугу, тунло (тунгра надписей) и баегу (байирку надписей), назвав себя хойхэ или хойгэ, т.е. тем именем, под которым китайцы знали с этого времени уйгуров. В конце VII века, когда усилился тюркский Мочжо-хан и завоевал земли теле, уйгуры с гаогюйскими поколениями киби, сыге и хунь оставили Селенгу, где доселе жили, и перешли на юго-запад на границы Китая, заняв земли против городов Лянь-чжеу и Гань-чжеу, т.е. на севере от Наньшаня. Тут они состояли в китайском подданстве до ссылки и смерти в южном Китае князя их Ченцзуна, который был несправедливо обвинен в измене китайским главноуправляющим. Родственник или сын Ченцзуна, по имени Хо-шу, занявший его место, отомстив за его смерть, напал неожиданно на главноуправляющего при удобном случае и убил его, после чего отложился. «По прошествии довольно времени» Хошу «бежал» к туркам-тукю, вероятно со всем своим народом. Ему, по смерти, наследовал сын его Гули Пэйло, который в 742 году, воспользовавшись внутренними смутами у турков-тукю, в союзе с карлыками и басими положил конец существованию власти турков-тукю в Монголии, обратился затем на союзников басими, одержал над ними верх и основал свою резиденцию на месте тюркской ханской ставки между горами Удегянь и рекою Гунь (Орхон). - При соображении этих известий и содержания тюрко-орхонских надписей оказывается, что имя уйгуров (хойгэ) принял около 606 года союз четырех племен теле, из которых главное в VII и VIII веках именовалось уху, т.е. утуть. Союз этот вследствие усиления племени сеяньто (тоже из гаогюйских) существовал очень недолго, но стоявшая во главе его огузская княжеская фамилия и оставшаяся приверженной ей часть племени огузов, прежний род юаньгэ, сохранили за собою имя уйгуров. Уйгуры продолжали обитать на Селенге, не пользуясь особым преобладанием над другими племенами теле и родами огузов, до третьей четверти VII века. В это время, в 682 году, Кутлук-хан (Гудулу у китайцев, Тачам тюркских надписей, отец Могилян-хана) восстановил тюркское ханство, прекратившее было свое существование с 630 года, когда вследствие внутренних смут китайцы подчинили себе восточных турков-тукю, водворив их на своих границах и упразднив ханское достоинство. Усиление восставшего Гудулу началось с того, что он «ограничил девять родов», т.е., конечно, тогуз-огузов (в их составе и уйгуров), и «очень разбогател лошадьми, почему объявил себя ханом» («Собрание сведений», I, 322). Огузы и уйгуры сделались снова подвластными туркам-тукю, но в царствование Мочжо-хана уйгуры с тремя поколениями гаогюйцев киби, сыге и хунь успели укочевать к Наньшаню в китайское подданство. Здесь пробыли они лет десять или двадцать, пока, после мести Хошу за ссылку и смерть отца, около 727 г., не возвратились на Селенгу к своим родичам тогуз-огузам и не стали через несколько лет во главе их, чтобы в 742 году, общими силами враждебных туркам племен, положить конец их власти над Монголией. - Ввиду всего этого может быть признаваем вероятным только такой, по догадкам, перевод испорченного места надписи на памятнике Могилян-хана, где ясны лишь слова «уйгур ельтебер», который гласил бы что-нибудь в таком роде: Встретившийся победоносным туркам во время преследования разбитых огузов «уйгурский ельтебер с сотнею своих людей» едва спасся бегством на восток.

¹ К числу гаогюйских поколений следует отнести упоминаемых в надписи на памятнике Кюль-тегину иргиль (у китайцев, кажется, сыге, «Собр.свед.», I, стр. 441 и, быть может, пурпурым'ов (фуфуло?). Китайцы упоминают еще, с довольно обстоятельными сведениями, гаогюйские поколения сеяньто, пугу, тунло, хунь, киби, доланьгэ, аде, гулигань (в надписи соответствуют уч-курикан), байен, хусе, улохонь и пр.

² «Собрание сведений», I, 447 и 439. Г.Н. Потанин («Очерки с.-з. Монголии», в. 2, примеч. 88) видит в эчжи нынешних эджень-урянхайцев на Косоголе.

³ «Собр.свед.», I, 443.

⁴ Там же, 17 и 77.

⁵ Id., 437.

позднее других тюркских племен спустилось с Алтая, где прародина его указывается рекою Карлык, притоком р. Чарыша. Надпись Кюль-тегина уже называет карлыков «могучим» врагом.

Страна Юебань, в которой, по китайским сведениям V века, обитали в то время остатки хуннов, проходивших через нее на запад в I веке¹, оказывается в VII веке занято поколениями чу-юе, чу-ми, чу-мугунь, чу-бань², очевидно принадлежавшими к особому тюркскому племени, которое следовало бы именовать чу'йским. Вскоре после возвышения турков-тукю их ханский дом и обширные владения его разделились на две части: восточную и западную. Перечисленные выше до чу'йского племени тюркские племена и занимаемые ими земли подчинялись восточно-тюркским ханам. Западнее лежащие земли, начиная с занятых чу'йцами, а также некоторые племена теле, кочевавшие на западных склонах Монгольского Алтая, были подвластны уже западно-тюркским ханам и входили в состав пяти аймаков дулу. Принадлежность болгарских князей, по известному их Именику³, к роду дуло, существование в числе гаогюйских родов в V веке рода тулу, именование в VII веке пяти западно-тюркских аймаков аймаками дулу и наличие затем до настоящего времени многочисленного поколения дулат - все это дает достаточные основания полагать, что могущественное поколение, или союз, дулу существовало уже во времена хуннов в западной части их владений, имея в своем составе и чу'йские роды; оставшиеся по уходе хуннов в конце I или во II веке на запад роды дулу составили владения Юебань, которое было настолько сильно, что воевало с жужанями и входило в V веке, для союза против них, в сношения с Китаем; нахлынувшие в конце V века в Юебань гаогюйцы должны были положить конец самостоятельному существованию этого владения и потому в числе гаогюйских родов оказывались тулу; после возникновения могущества турков-тукю гаогюйцы возвратились на Селенгу и в Хангай, коренное же население Юебани составило вместе со смежными племенами тургешей, кергешей и пр. пять аймаков дулу.

Другую половину народа западно-тюркских ханов составляли занимавшие западный Тяньшань и прилегающие к нему с севера степи пять аймаков нушиби. Из названий этих аймаков (асиги и гэшү⁴ в китайской транскрипции, что соответствует ассык и кущу или кучук) можно заключить, что это были главным образом кара-киргизские роды, существующие в западном Тяньшане и ныне, так что аймаки нушиби состояли преимущественно из кыргызов с некоторою примесью дулатовских родов. Это нахождение в VII веке многочисленных кыргызов⁵ на месте многочисленных же усуней, о продолжающемся существовании которых в западном Тяньшане имеются китайские известия V века⁶ (позднее, до времен турков-тукю, сношения Китая с западом были

¹ «Собрание сведений», III, стр. 163-165.

² Id., I, стр. 355 и сл.

³ Попов, «Обзор хронографов русской редакции», Москва, 1866 г., стр. 25 и 26.

⁴ «Собрание сведений», I, стр. 351 и 356.

⁵ Родоначальник одного аймака ассык мог выставить «несколько сот тысяч» войска («Собрание сведений», I, стр. 356). Конечно, это слишком преувеличено, но в многолюдстве всех пяти аймаков устраняет всякие сомнения.

⁶ «Собрание сведений», III, стр. 162.

прерваны), побуждает с достоверностью полагать, что нушиби были усунь и что истинное их народное имя было всегда кыргыз, хотя китайские историки называли их сначала усунями, вероятно по имени рода, к которому принадлежала властвовавшая династия¹, а во время турков - аймаками нушиби, как, быть может (в точности происхождение и значение слова нушиби еще не выяснены), наименовали их официально турецкие властители². Удержание за собою усунями-кыргызами земель их в западном Тяньшане очень естественно объясняется тем, что после Р.Х. усуньское государство распалось на составлявшие его роды, которые стали жить самостоятельно или собираясь временами в родовые союзы, но соседи их кангюйцы-канглы находились, вероятно, в таком же положении, владыки же Монголии сян-бийцы и затем жузжани делали на них только набеги, не заботясь о прочном утверждении в землях усуней³. Первыми завоевателями, решившими устроиться в землях усуней, были турки-

¹ Доказывает это существование в большой орде поколения сары-уйсунь, вероятного остатка этого рода.

² Шаболо-хан «разделил свои владения на десять поколений или аймаков. В каждом поставил по одному начальнику для управления» («Собрание сведений», I, стр. 350).

³ Обыкновенно полагают, следуя Клапроту и повторившему его Риттеру, что одна часть усуней в I веке ушла к Уралу, что в IV веке другая часть усуней перешла на Яксарт и Транзоксиану, а третья на Иртыш, и что в 619 г. усунь подчинились туркам-тукю и постепенно слились с ними (см., напр., «Этнографическое обозрение», кн. 26, 1895 г., стр. 67 и 68). Действительно, по Клапроту (Tableaux historiques de l'Asie, Paris, 1826, p. 165, 166), Уцзюту, - сын усуньского гуньми Унгуйми, которому наследовал сын его предместника, - оставил усуньскую столицу «Чигу-чен и удалился в горы, которые находятся на севере; он составил себе значительную партию, которая провозгласила его государем с титулом малый гуньми. Столица и большая часть страны усуней остались под властью большого гуньми...» Риттером (русский перевод «Землеведения Азии», СПб., 1859 г., стр. 130) это передано ошибочно и несогласно с Клапротом, служившим источником, так: «В царствование... Уцзюты произошло разделение усуней на большой и малый Кюн-ми... Малые Кюн-ми удалились в горы к С. (не в европейский ли Урал?) и таким образом покинули столицу Чи-гу-чин». У следовавших Риттеру писателей предположение Риттера об удалении части усуней в Урал обратилось уже в положительный факт. На самом деле в «Истории династии Хань», откуда, прямо или через посредство компиляторов, только и мог Клапрот почерпнуть свои сведения, значит (см. перевод о. Иакинфа в «Собрании сведений», III, стр. 71-73, а также согласный с ним перевод Wylie в Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, vol. III, 1874), что, когда во второй половине I века до Р.Х. китайские царица и послы устроили покушение на жизнь гуньми Куанвана, который, однако, успел бежать, то в это время Уцзюту «от страха удалился с прочими хи-хэу (князьями) в северные горы». Так как покушение произведено было на пиру, вероятно во дворце царевны, в Чигу, находившемся на южном берегу Иссыккуля, то под северными горами нечего в данном случае разуметь кроме Заилийского или, в крайнем случае, Цзунгарского Алатау. Отсюда, распустив слухи, что к нему идут на помощь против китайцев войска хуннов, Уцзюту неожиданно напал на Куанвана, убил его и объявил себя усуньским гуньми или, точнее, как сказано в подлиннике, гуйми. Китайцы выставили войско, чтобы возвести на престол сына царевны, но до войны дело не дошло, ибо Уцзюту согласился довольствоваться титулом младшего гуньми и предоставить сыну царевны звание старшего. Земли и народ были поделены между старшим и младшим гуньми таким образом, что старшему досталось 60 т. семейств, а младшему 40 т. Таким образом, усуньское государство разделилось на две части, но ни которая в Урал не удалялась. Далее, у Клапрота, повторенного Риттером, значит: «Когда сян-би сделались могущественными, то подчинили и усуней и вынудили их, постоянными набегами, оставить свою страну и удалиться на запад и на северо-запад. Это событие имело место в начале IV века. Часть народа рассеялась в стране, расположенной на верхнем Яксарт, и в Транзоксиане, другая же удалась в южную часть киргизской степи, прилегающую к Иртышу. В 619 году они сделались подданными ту-кю или турков и, кажется, слились с этим народом». Цитированное сочинение Клапрота, по справедливому замечанию В.В. Григорьева, не имеет научного значения, ибо автор не указывает своих источников и оснований. При проверке приведенного, при помощи источников, на которых должен бы был основываться Клапрот, оказывается, что в китайской истории упоминается, что сянбийский Таньшихуай (141-181 гг.) «на запад поразил Усунь» и что потом сянбийский Тоба-Юйлюй, около 313 г., завоевал на западе «древние усуньские земли», а сыну его Шеигяню (339 г.) покорилось все лежащее «на запад до Полоны», т.е. Ферганы («Собрание сведений», I, стр. 169, 193 и 194). Из этих известий можно правильно заключить только то, что в разное время сянбийцы нападали на усуней и покоряли их земли. Но это не препятствовало усуньским родам оставаться на своих землях, признавая на долгое или короткое время власть сянбийцев. Несомненно далее нахождение потомка усуньских гуньми с оставшимися ему покорными родами в верховьях Нарына, в

тукю, западная ветвь ханской фамилии которых получила земли дулу и кыргызов-нушиби в свой особый удел. После падения власти западно-тюркских ханов место их заняли родоначальники племени тургеш, которое входило в состав пяти аймаков дулу вместе с кергешами (аймак тукиши-хэлоши у китайцев). «История династии Тан» и орхонские надписи согласно считают тургешей родственными туркам-тукю. Их алтайское происхождение удостоверяется существованием и в настоящее время у черневых татар родов тиргеш и кергеш¹. Вероятно, тургеши вышли из Алтая ранее карлыков. Они кочевали, по-видимому, в VII веке западнее Тарбагатай². В надписях на тюрко-орхонских памятниках упоминается о двух походах восточных турков на тургешей. Первый совершен был дядей Кюль-тегина³, именуемым китайцами Мочжо-ханом, и относится по китайским известиям к 710 г.⁴ О втором походе у китайских историков сведений нет, по надписям он относится ко времени около 721 г. и совершен был уже Могилян-ханом; по надписям, войско турков шло через хребет

Цунлине, в V веке, ибо там находили его китайские посольства 425 и 436 гг. («Собрание сведений», III, стр.138 и 162). Уход же усуней на запад и северо-запад, в Транзоксиану и на Иртыш, остаются гипотезами Клапрота, не имеющими оснований в источниках и противоречащими выясняющемуся нахождению усуней-кыргызов на прежних своих местах в эпоху турков, под именем аймаков нушиби. Дата 619 г. для покорения усуней турками также неверна. В 619 г. царствовал уже пятый государь западных турков-тукю, владевших прежними усуньскими землями («Собрание сведений», I, стр. 346). В действительности усуньские земли и их население были покорены турками около 555 г. («Собрание сведений», I, стр. 267), и византийский посол Зимарх нашел в 568 г. не только западный Тяньшань, но и Транзоксиану во власти турков.

Вообще усуньской старине как-то суждено служить предметом ошибочных гипотез, принимаемых наконец, вследствие частых повторений, за положительные факты. Так, напр., обыкновенно думают («Этнографическое обозрение», кн. 26, стр. 67), что Чигу-чен затонул в озере Иссыккуль и что «временем исчезновения этого города можно принять VI век». Между тем, на основании современных [?] существованию Чигу-чена и несколько позднейших китайских маршрутов, надо считать достоверным, что Чигу-чен (город красной долины) находился на нынешней Кызыл-су (Красная река), в изрядном расстоянии от ур. Койсары и других мест, где встречаются в озере остатки стен и кирпичи, вызывающие предположения об утонувших зданиях. Далее, есть положительные известия, что Чигу-чен кончил своё существование между 44 и 36 гг. до Р.Х. Именно в это время (см. Mailla-Histoire generate de la Chine etc., Paris, 1763, t. III, p. 163), после нескольких неудачных сражений с призванным кангюйцами на помощь против усуней шаньюем Чжичжы, государь усуней, «опасаясь, что долго против него (против Чжичжы) не устоит, опустошил на западе более 5 т. ли своих земель и удалился со своими подданными на восток, так что когда Чжичжы прибыл в Чигу-чен, то нашел этот город совершенно разрушенным и всю страну опустошенною». Усуни были народ кочевой, в городах не нуждавшийся, и Чигу-чен возник вследствие того, что первая царица, не привыкшая жить в юртах, выстроила себе «дворец», при котором, конечно, постепенно появились помещения для ее свиты и прислуги. Последняя из цариц выехала в Китай в 51 г. до Р.Х., значит до войны с Чжичжы, а потому нет оснований предполагать, что разрушенный Чигу-чен был восстановлен, ибо царица более к усуням не присылалась. Напрасно также было бы в настоящее время ожидать найти какие-нибудь развалины Чигу-чена, через два почти тысячелетия после его разрушения, ибо дворец царицы и другие постройки были, по всей вероятности, деревянные, подобно тому городку, который начал строить себе шаньюй Чжичжы в тех же странах, быть может, на Чу или на Таласе, и который сожжен был китайцами.

¹ Роды эти упоминаются: первый - у В.В. Радлова в *Aus Sibirien*, I, s. 223, а второй - у А.В. Адрианова; по словам последнего, роды черневых татар кергеш и көмнөш «носят косы», а женщины их чигедек, как алтайцы и их женщины, почему и находя, что они отличаются от прочих черневых татар и по языку, г. Адрианов признает, что они стоят ближе к алтайцам, чем к черневым татарам с кумандинцами и абаканскими инородцами («Путешествие в Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году», стр. 292). По дополнениям к русскому переводу Азии Риттера (СПб., 1877 г., стр. 434 и 430) род тиргеш обитает в кергешской волости.

² «Собрание сведений» и пр., I, стр. 366.

³ Radloff - *Die alttürkischen Inschriften*, 1895, s. 441, Thomsen - *Inscriptions de l'Orkhon dechiffrees*, 1896, p. 103, 104.

⁴ «Собрание сведений», I, стр.331: «В правление Цзин-юнь, 710, Мочжо на западе уничтожил владение Могаэ». Тут Могаэ, несомненно, ошибка или опечатка вместо Согэ. Подробности событий см.там же, стр. 367 и 368.

Алтун (Алтай), переправилось через Иртыш (конечно, Черный) и сразилось с ханом тургешей на ур. Болчу, причем он был разбит и убит. Надпись на памятнике Могилян-хану этими известиями о походе на тургешей и ограничивается¹, но надпись на памятнике Кюль-тегину содержит еще интересные известия о столкновении турков с кара-тургешами, о которых у китайцев сведений совсем нет. Надо думать, что кара-тургешами названы в надписи роды дулатов и кыргызов, сбросившие с себя после гибели Согэ-хана зависимость от тургешей и их ханов².

¹ Radloff, s. 453; Thomsen, p. 124.

² По поводу победы над тургешами надпись на памятнике Кюль-тегину говорит что-то о народе кара-тургеш, но с достоверностью место это не прочитано вследствие утраты нескольких слов. Далее значится, что войско турков пошло на народ согдак, пройдя через Железные Ворота (должно быть, через проход Талки, ибо Железными Воротами у тюрков и монголов назывались многие длинные и трудные ущелья, через которые пролегли часто посещаемые, известные пути) и переправясь через р.Иинчу (вероятно р. Чу, хотя у китайцев рекою «настоящих жемчужин» называлась Сыр-дарья, Чжень-чжу-хэ, см. «Собрание сведений», III, стр. 243), но в это время кара-тюргеши начали неприятельские действия, прибыв в Кенгерес. Затем в надписи опять несколько испорченных мест, но можно догадываться, что хотя турецкое войско оказалось в опасном положении, однако благодаря храбрости Кюль-тегина нанесло кара-тюргешам поражение и благополучно возвратилось домой (Radloff, s. 454, Thomsen, p. 110, 111). По китайским сведениям («Собрание сведений», I, стр. 370, 371 и 332), ханом тургешей был в 721 году Сулу, объявивший себя ханом около 715-717 гг. и убитый лишь в 738 г. при внезапном на него нападении двух сановников. Чтобы примирить содержание надписей с китайской историей, необходимо допустить, что во время похода 721 г. Сулу был ханом лишь юго-западной части земель, подчинявшихся западно-турецким ханам, а потом тургешам, части, занятой родами дулатов и кыргызов, названными в надписи Кюль-тегина кара-тургешами; в северо-восточной же части, ближайшей к Иртышу и Алтаю, занятой собственно тургешскими родами, существовал особый хан, быть может, из потомков Согэ; этот неизвестный по имени хан, как владевший землями, ближайшими к восточным туркам, подвергся их нападению, был разбит и убит в 721 году. Предположения эти подтверждаются китайскими известиями о желтых и черных родах и о возникших между ними в конце ханствования Сулу раздорах; далее, по китайским же известиям, по смерти Сулу, рядом с наследовавшим ханское достоинство сыном его Тухосянем, пребывающим в г. Суйе, служившем столицей западно-турецких, а потом и тургешских первых ханов, оказывается особый хан «черных родов» по имени Живэй-хан, но оба эти хана дружно действуют против убийцы Сулу-хана, ищущего помощи китайцев, и владельцев Ташкента и Ферганы; хотя Тухосянь был разбит в Суйе, а Живэй-хан, который «охранял город Хынлос», также был убит, тем не менее в 742 г. снова является новый хан «из черных родов»; в 753 году «черные роды поставили» опять хана; в 756 г. «желтые и черные ханы поставили у себя ханов и начали междоусобную войну», чем воспользовались карлыки, глава которых овладел бывшими землями западных турков и в 766 г. «перенес свое местопребывание к реке Суйе» («Собрание сведений», I, стр.370-372). Какие роды назывались желтыми и какие черными и от чего произошли эти названия, китайские известия не разъясняют, но в них есть упоминание, что, по словам враждовавших, потомки Согэ «составляют желтый аймак, Сулуево (же) поколение составляет черный аймак» (стр.370). Так как эпитет черный, помимо своего цветового значения, употребляется у тюрков средней Азии в смысле низший, худший, а в применении к народностям и племенам означает младшую, подчиненную часть народа или племени (напр., кидани, овладевшие землями по обе стороны Тяньшаня и Мавераннагрома, назывались, однако, местными тюрками кара-киданими, потому что составляли частицу киданьского народа, властвовавшего в северном Китае; калмаков и теперь зовут часто каря-калмаками, потому что они составляют часть монгольского народа, который именуется весь калмаками; местных китайцев в илийской долине называют кяра-китайцами, как часть китайского народа и т.д.), то следует полагать, что кара-тургешами в орхонских надписях названы дулатовские и кыргызские роды, подчинявшиеся тургешским ханам, но вышедшие из их зависимости после гибели Согэ-хана, когда дулаты и кыргызы или значительная часть их поставили своим ханом Сулу, отказавшись от подчинения хану, возведенному тургешскими родами, вероятно, из потомства их прежних ханов. Надо полагать, что после гибели тургешского хана в 721 году Сулу-хан подчинил себе и тургешские роды, но вражда между прежде господствовавшими тургешскими родами (желтыми, ибо это на востоке цвет царский, аристократический) и сбросившими их владычество черными родами кыргызов и дулатов уже замечалась в конце ханствования Сулу и разгорелась после его смерти, причинив многолетние смуты, пока карлыки не овладели страной. Я думаю, однако, что тургеши не захотели подчиняться и карлыкам и укрывались на запад, ибо затем в местностях приТяньшанских нет о них никаких упоминаний, как нет и ныне родов их имени ни между киргиз-казаками, ни между узбеками (если не считать упомянутого в «Путешествии по средней Азии» Вамбери, стр. 171 русского перевода 1865 года, узбекского «таифе» тыркиш, о котором кроме Вамбери никто из писателей не говорит и место пребывания которого неизвестно). След прохода их на запад есть в

О канглах за время турков-тукю достаточных сведений не сохранилось. Однако в холиатах, подвластных туркам, землями которых проезжал Зимарх¹, всего скорее можно видеть канглов, ибо холи есть видимо испорченное кангли, как полагал еще Дегинь. Конечно, канглы были во второй половине VI века покорены турками, но, надо полагать, что они скоро из этой зависимости вышли. Около 630 г. есть упоминания о двукратном бегстве одного западно-туркского хана в Кангюй, где он и умер².

3) Тюрки Монголии с половины VIII века до Чингиз-хана, начавшееся с его времени омонголение и вытеснение тюркских племен; происхождение калмыков

После гибели ханства турков-тукю в Монголии, около половины VIII века, вследствие внутренних неурядиц, которыми воспользовались уйгуры с остальными теле и карлыки для дружного нападения, владычество в Монголии досталось уйгурам, карлыки же подались на запад и овладели землями западно-тукюских ханов. Государство уйгуров (хой-ху у китайцев)³ просуществовало едва столетие и было разрушено енисейскими кыргызами, опиравшимися главным образом на силы враждовавших с приверженными к ханскому дому уйгурских родов. Побежденные роды бежали с Орхона на юг и запад и основались у подножий Наньшаня и восточного Тяньшаня. Малочисленные кыргызы не в силах были утвердить свою власть над повиновавшимися дотеле уйгурам сильными родами и, вскоре, вынуждены были возвратиться на Енисей. В это время усилились кидани, подчинили себе хи (татаби) и овладели северным Китаем, основав династию Ляо (907-1125 гг.). - В 924 году, при одном из своих походов, первый киданьский император Абаоки или Амбагянь доходил до прежней столицы уйгуров на Орхоне и принимал здесь покорность одного из вождей местных, некогда уйгурских (хой-ху), родов по имени Ра-ли; он приглашал отсюда государя гань-чжеуских уйгуров возвратиться на Орхон, но тот предложением этим не воспользовался⁴. По «Истории киданьского государства», составленной в 1179 г., власть киданей не распространялась в глубь Монголии; на границах киданьских владений обитали племена дуюэ (турки-тукю), дада (роды татар), севернее их бегули (быть может, племя или союз бикин, о котором будет еще речь ниже), юйцюэ (уйгуры), мэнгули (монголы) и пр. Ближе и сильнее всех были в то время татары: «кидани, для усмирения их, выставили армию в 100 т. ч., но все-таки ничего не могли сделать с да-

упоминании их Ибн-Хордадбегом, наряду с баджнаками (печенеги) и кифчаками (см. перевод де-Гуе, 1889, р. 22), вероятно в соседстве с этими племенами, в западной части степи, в первой половине IX века. Надо думать, что затем к XI веку тургеши явились под именем торков на Днепре в союзе с узми (кипчаками), тесня печенегов все далее на запад. Существование одновременно с Тухосянем хана из черных родов Живэя может быть объяснено тем, что первый был верховным ханом, а второй «малым», как это нередко у турков бывало. Упоминаемый в надписи Кен 'рес в китайской транскрипции мог выйти Хынлос, т.е. часто упоминавшийся китайцами в VIII веке город, находившийся где-то между Таласом и Чу, более близкий к низовьям Чу, чем Суй, ибо земледельцы на этих низовьях «принадлежат на западе городу Хынлос» («Собрание сведений», III, стр. 245).

¹ «Византийские историки Дексипп» и пр., перевод Дестуниса. Спб., 1861, стр. 381. «Зимарха почтил он (тюркский хаган Дизавул) пленницею; она была из народа так называемых херхисов» (стр. 379).

² «Собрание сведений», I, стр. 348 и 349.

³ По «Тан-шу», «девять родов» хой-ху были следующие: иологэ, худугэ, кюйлоу, мокэсиге, аучжай, гэса, хувынсо, иовугэ и хасеву («Собрание сведений», I, стр. 383; см. также Mailla, t. VI, p. 139). В нынешних тюркских родовых именах эти имена совершенно отсутствуют, вероятно вследствие обращения уйгуров к оседлости в Тяньшане.

⁴ «Ляо-ши», по изложению Visdelou в Bibliotheque orientale, 1779, t. IV, p. 181-188.

да»¹. Сведения о народах и племенах Монголии за время чжурчженей, заменивших киданей во владычестве над северным Китаем (1125-1234 гг.) и принадлежавших также к тунгусскому племени, скудны еще более, ибо владения их еще менее удалялись от Великой стены; китайские историки чжурчженей смутно упоминают за их время о мэн-гу (монголы), татанях (татары) и о поколениях и родах (чжа), которые охраняли границу на службе у чжурчженей и из которых можно привести чжули (быть может, джалаиры) и цзилу (может быть, киреи)².

Если воспользоваться приведенными китайскими сведениями за время киданей и чжурчженей и сообразить их с данными, сообщаемыми Рашид-эддином и «Юань-чао-ми-ши», то этнографическое положение Монголии за время с половины IX века до Чингиз-хана представится в таком виде: на юго-востоке - татаби или онгуты; севернее их многочисленные татарские роды; севернее и отчасти западнее татар - киреи, джалаиры и монголы, все главным образом на Ононе и Керулуне; западнее этих племен, от рек Тамира и Орхона до Иртыша, - найманы; севернее их на Селенге - меркиты, около Косогола и в Танну-ола ойраты, туба и разные «лесные народы»; на Енисее - кыргызы и их кыштымы; западнее их, в Алтае, - талесы и пр.³ Таким образом, после падения уйгуров до Чингиз-хана, Монголию, - за исключением ее крайней северо-восточной части, где появились монголы, - продолжали занимать тюрки. Из родов их составлялись, конечно, союзы, но ни один из них не был настолько силен и не получил себе в главы такого выдающегося воителя и правителя, чтобы подчинить остальные роды и союзы и объединить всю Монголию. Сильнее других был некогда род бикин⁴, но значение его исчезло задолго до Чингиз-хана. К его времени самым сильным племенем были найманы, силы которых были, однако, разделены между двумя ханами; могущество, также многочисленных, киреев⁵ подтачивалось внутренними раздорами; еще более многочисленные татары⁶ разделены были на многие недружные роды. Чингиз-хан начал с того, что, опираясь на киреев, объединил около себя монголов и предпринял истребление упорно враждебных ему татар и меркитов, а затем нанес первые удары найманам. Обратившись засим на союзных дотолу киреев, он победил и подчинил их, а потом окончательно сокрушил найманов и сделался владыкою всей Монголии, без труда уже поставив от себя в зависимость

¹ В.П. Васильева «История и древности» и пр., 1859, стр. 169, 25, 26, 28, 29.

² Там же, стр. 110-112.

³ Рашид-эддин «Введение», пер. Березина, 1858 г., стр. 108, 49, 9, 4, 33 и пр. «Труды российской духовной миссии в Пекине», т. 4, 1866 г., стр. 108, 131, 132, 235. «Восточный сборник», т. I, Спб., 1877 г., стр. 191.

⁴ Государи племени бикин «были больше государей отцов Ван-хана, Таян-хана и других государей найманских и кераитских, сильнее и почетнее их; после некоторого времени упомянутые государи стали сильнее их. Чингиз-хан присоединил то племя бикин к племени онгут и дал им общие кочевки. Он брал девушек из племени бикин для рода своего, а также давал (из своего) бекам онгутским; девушки их и найманские славилась красотой и совершенством» (Рашид-эддин «Введение», пер. Березина, 1858 г., стр. 114).

⁵ Кирейский союз должен был образоваться значительно ранее 1007 года, ибо уже в этом году, по Абул-фараджу, обратился в несторианство государь племени кераит, обитавшего «внутри земель тюрков», как сообщал тогда несторианскому патриарху митрополит Мерва, в ведении которого находились несториане Китая и земель тюркских. Новообращенный кирейский государь извещал митрополита, что «200 т. его народа готовы последовать его примеру» (d' Ohsson - His- toire des Mongols etc., 1834, I.1, p. 48, 49).

⁶ 70 т. кибиток, по Рашид-эддину («Введение», 1858 г., стр. 49).

более отдаленные и мелкие племена. Хотя и дальнейшие завоевания Чингиз-хана и его первых преемников были совершены главным образом силами тюрков, тем не менее монголы, соплеменники завоевателя, естественно получили преобладание, особенно в пределах Монголии. Местные тюрки должны были уступать монголам лучшие земли и выселяться, если не могли или не желали омонголиться и удержаться на своих землях в качестве соплеменников завоевателей. В результате значительная часть тюрков Монголии осталась на своих местах, но омонголилась окончательно, вероятно, еще в XIII столетии. Такова была судьба онгутов, джалаириров и частей киреев и найманов, как удостоверяет это существование в настоящее время монгольских аймаков¹ ониют, чжалаит, найман, абага и абаганар (оба должны быть кирейского происхождения, судя по существованию в настоящее время на Черном Иртыше многолюдного племени абак-киреев). По всей вероятности, и многие другие нынешние монгольские аймаки Монголии и Ордоса состоят в более или менее значительных частях из омонголенных джалаириров, киреев, найманов и других тюркских племен; так, кость хирейт, многочисленная в хошунах Ордоса², указывает на роль, которую играли в составе этих хошунов киреи, а кости уйгурчин и уйгут³ в составе тех же ордосцев удостоверяют примесь уйгуров.

Спасаясь бегством после поражений или оставляя свои земли перед напором монголов, тюркские племена Монголии должны были удаляться на запад приблизительно в той самой географической последовательности, в какой жили в Монголии, т.е. впереди найманы, меркиты, сзади киреи. Так это и было, как это подтверждается в общих чертах и нынешним распределением этих племен в киргиз-казахской степи. Конечно, выселение более чем половины тюркского населения Монголии, совершавшееся без какого-либо плана и общих распоряжений, только под давлением сложившихся политических, экономических и этнических обстоятельств, происходило медленно, между прочим, и потому, что уходившим из Монголии тюркам приходилось вытеснять на западе кипчаков и на юго-западе чуйцев и дулатов с их исконных кочевков. По всей вероятности, усиленное выселение тюрков происходило в первой четверти XIII века, по смерти же Чингиз-хана, с образованием улусов джучиева и джагатаева, оно должно было замедлиться. Возникновение улуса угедэева должно было прекратить движение. Улус потомков Угедэя составил из земель, окружающих удельные имения Угедэя, имевшие центром р. Имиль и ур. Кубук на юге и востоке от Тарбагатай, когда внук Угедэя Каиду, поддерживавший сначала притязания Арык-буки,

¹ Нынешнее население этих аймаков в такой степени утратило память о своем происхождении, что самые имена аймаков приписывает произволу своих монгольских князей: составители «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях» в переводе П.С. Попова, СПб., 1895 г., стр. 21, 27, 78), основываясь на народных преданиях, утверждают, что названия аймаков этих даны разными чингизидами, предками нынешних княжеских домов.

² Г.Н. Потанин «Тангуты-тибетская окраина» и пр., СПб., 1893 г., том I, стр. 103 и 104.

³ Там же. Хотя халхасы вообще «не помнят имена своих родов», однако один халхасец сказал г. Потанину имена костей своего хошуна (там же). По замечанию Д.В. Клеменца, в Халхе, на Орхоне, «встречаются жители с родовым прозвищем херит» - древние кераиты, по его мнению, а также «встречаются типы, напоминающие сибирских тюрков» («Отчет И. Р. географического общества за 1894 год», СПб., 1895 г., стр. 99).

выступил сам претендентом на престол великого каана, начав в 1266 году войну с Кубилай-кааном. Война эта продолжалась почти сорок лет. В течение всего этого времени войска Кубилай-каана должны были находиться в готовности для защиты его владений против вторжений Каиду, которому подчинялся и улус джагатаев. Граница между владениями воюющих пролегла приблизительно от восточного Тяньшаня (между Турфаном и Хами) к Монгольскому Алтаю¹. Силы Каиду состояли почти исключительно из тюрков, т.е. главным образом из вытесненной из Монголии части найманов, киреев и пр. Расположенные на границе этой в продолжение почти сорока лет войска Кубилая и его преемника должны были состоять также преимущественно из местного населения западной Монголии, т.е. из оттесненных сюда и омонголенных киреев, найманов и пр., и лесных племен. Именно эта длившаяся более трех десятилетий организация местного населения Монголии в виде постоянной пограничной военной силы должна быть почитаема причиной и началом образования западных монголов. Имя калмаков, не употребляемое самими западными монголами, вероятно, дано им тюрками, так как они, главным образом, составились из оставшихся (калган) в Монголии их соплеменников (киреев, найманов и т.д.), имя же ойратов, которым западные монголы сами себя называли, произошло, надо полагать, оттого, что значительную часть пограничных войск и населения составляли ойраты, главное из лесных племен и состоявшее из четырех (дурбен) тысяч², откуда могло истекать название дурбен-ойрат³.

В 1313 году джагатаид Исен-буга напал на армию великого каана, стоявшую близ Кут-тага (Монгольский Алтай?), «на границе двух империй», но был отражен и преследуем до Джаира (перевал и хребет системы Барлыка). После этого между монголо-китайскою империей и улусом Джагатая, наследовавшим земли каидуидов, установился мир. После изгнания монголов из Китая (1368 г.) управлявший западными монголами Менгэ-Тимур объявил себя главою ойратов. По смерти его народ разделился на три отдела, главы которых не замедлили войти в сношения с минским двором и получили от него княжеские титулы. Это не помешало ойратским вождям принять деятельное участие в начавшихся в восточной Монголии смутах. В 1455 г. глава ойратов Есинь-тайджи, дед и отец которого ставили и низводили с престола Монголии ханов из потомства Чингиза, сам объявил себя ханом, но был убит одним из остальных ойратских вождей. Это убийство повело к смутам между ойратами и лишило их всякого влияния на дела восточной Монголии, где восстановилась и окрепла власть

¹ Известия об улусе Каиду, о войне его с Кубилаем и его преемником, о границе между воюющими и пр. можно найти у Mailla (*Histoire generate de la Chine etc.*, t. IX, Paris, 1779, p. 390, 469, 470 etc.), у d'Ohsson (*Histoire des Mongols etc.*, t. 2, p. 452, 461, 514, t. 4, p. 563 etc.), у Gaubil (*Histoire de Gentghiscan etc.*, Paris, 1739) и др.

² Рашид-эддин «История Чингиз-хана», перевод Березина, 1888 г., стр. 136.

³ Значение тюркских племен в составе западных монголов видно между прочим из имен цзунгарских аймаков, а также из имен костей у нынешних калмаков. Так, в цзунгарских аймаках (Иакинфа «Историческое обозрение ойратов», 1834, стр. 135 и след.) керият, абагас нельзя не узнать киреев и абак-киреев, а в отоке эркетын тюркское племя аргын. У китайских торгоутов встречаются кости кэрэт, мэрыт (А.А. Ивановский «Антропологический очерк торгоутов тарбагатайской области», Москва, 1893 г.), у астраханских калмыков кости керет, эркетень, теленгут, уранхус, абганер и пр. (Житецкий «Астраханские калмыки в двух очерках», 1892 г., стр. 110-123). Само имя торгоутов легко могло произойти от торо или торго, тюркской кости и ныне существующей в Алтае и у кара-киргизов.

чингизидов¹. Пользуясь раздроблением ойратов, восточно-монгольские чингизиды начали делать на них грабительские набеги² и даже подчинять своей власти³. Теснимые таким образом с востока, калмыки начали во второй половине XVI столетия двигаться на запад в земли тюркских племен, которые до того времени сохраняли их за границу кайдунского времени.

4) Западные тюркские племена средней Азии до образования киргиз-казачьего союза

Вытесненные из Монголии тюркские племена должны были искать пастбища на западе в землях кипчаков и на юго-западе на землях чудулатов. Те и другие, со своей стороны, принуждены были подаваться далее на запад и юго-запад.

Судя по тамге || , являющейся удвоением тамги канглов | , кипчаки представляются происходящими от канглов или близко им родственными. Чжан Цянь за 130 лет до Р.Х. нашел, что восточная часть кангюйцев признавала над собой власть хуннов⁴. Вероятно, это были кипчакские роды, обитавшие к западу от Тарбагатай, на северо-востоке и севере от собственно канглов, летние кочевки государей которых находились, по-видимому, в Улу-тау⁵. Удалившись в конце I века после Р.Х. от пределов Китая «в Кангюй» северные хунны провели два с половиною века, отделявшие их от времени появления в Европе, в землях кипчаков, подчинив себе, конечно, финно-угорские народы, упоминаемые «Историей династии младших Ханей» (25-221 гг. после Р. Х.) под именем владения Янь, которое лежало на северо-западе от Кангюя и платило ему дань «кожами зверьков мышинной породы»⁶ (белки, горностай и т.п.). На юге от Яни, от Аральского моря до Волги и Дона, обитали аланы⁷, после покорения которых гунны устремились в Европу, включив, без сомнения, в свои орды части кангюйских, кипчакских, угро-финских и аланских родов и увеличив их финскими родами со средней Волги. После смерти Аттилы, когда гунны были отброшены назад к Волге и Кавказу, народ этот распался на составлявшие его роды и союзы последних. Из этих многочисленных родовых союзов, некоторые имена которых сохранили западные летописцы, сильнее других были болгары, часть которых водворилась на средней Волге и нижней Каме среди восточных финнов, другая же ушла к Дунаю и основала на южном его берегу, около VII века, болгаро-славянское царство. Еще раньше, во второй половине VI века, появились здесь прошедшие в Паннонию авары⁸. Около VII века, на нижней Волге, сгруппировавшиеся около возникших здесь

¹ «История династии Мин» в изложении д-ра Бретшнейдера - Mediaeval Researches etc., London, 1888, vol. 2, p. 161-166.

² См. о некоторых таких походах Geschichte der Ost-Mongolen Санан Сэцэна в переводе Шмидта, St. Petersburg, 1829, s. 212-219, а также «Историю Убаши-хуньтайджия» в «Трудах восточного отделения И. Р. археологического общества», часть 6, 1858, стр. 213-222.

³ А.М. Позднеева «Монгольская летопись Эрденийн-Эрихэ», Спб., 1883 г., стр. 104.

⁴ «Собрание сведений», III, стр. 6.

⁵ В семи днях пути от зимней резиденции («Собрание сведений», III, стр. 56), которая находилась около Сыр-дарьи севернее Джулека.

⁶ «Собрание сведений», III, стр. 121.

⁷ У китайцев ханьских времен аланья, обитавшие при северном (Каспийском) море и находившиеся в зависимости от Кангюя («Собрание сведений», III, стр. 6, 58, 121).

⁸ Авары могли быть частью тургешей или близким к ним родом, ибо, по «Дай-цин-и-тун-чжи» (официальная география маньчжурской династии), без указания, к сожалению, оснований, говорится, что в VII веке китайское правительство наименовало земли тукиши (тургешей) областью у-а-ла (Journal asiatique, t. VIII, 1846, p. 388), что кажется ясною транскрипцией имени авар: могло быть, что в половине VI века, не желая подчиняться туркам-тукю, часть тургешей, носившая сама или вместе с остальными

торговых пунктов остатки разных тюркских родов основали царство хазарское. В конце IX века перешли за Дон кочевавшие ранее на востоке от хазар печенеги, вытесненные торками и узами (они же гузы, половцы, команы). Лет через сто появляются за Доном торки и половцы. Печенеги в 1048 г. переправились на южную сторону Дуная по льду в числе 800 т. душ¹. Имя торков исчезает в конце XII века; вероятно, они, главным образом, слились с половцами². Гузы упоминаются в «Тан-шу» около половины VIII века под именем турко-тукуюйского поколения гэса, с которым граничили на северо-западе земли Харезма (Холисими)³. Писавший в конце первой половины IX века Ибн-Хордадбех считал

тургешскими родами имя авар, укочевала на запад. Недаром же турецкий посол говорил в 568 г. императору Юстину: «Есть авары, которые еще преданы нам; число же тех, которые от нас убежали, полагаем до двадцати тысяч» («Византийские историки Дексипп и пр., перевод Дестуниса, Спб., 1861 г., стр. 374). На алтайское, подобно почти всем тюркским племенам, происхождение аваров указывает имя притока Урсула Уар или Угар. По Г.Н. Потанину, один из хошунов аймака хото-гайту (омонголенные турки) в западной Монголии именуется уар-гуни («Очерки с.-з. Монголии, вып. 2, Спб., 1881 г., стр. 23). Прибывшие на Дунай в 557 г. авары, по Феофилакту Симокатте (писал в 582-602 гг.), принадлежали к племенам огорским, обитавшим на востоке от р. Тиля (Волга), из которых некоторые носили имя уар-хуни по имени прежних государей Уара и Хуни (*Histoire du Bas-Empire par Lebeau, Paris, 1828, t. IX, p. 361, 373*).

¹ Столько считали в 11 коленах (улусах, родах), подвластных князю Тираху, но раньше перешел еще в греческие пределы князь Кеген с подчиненными ему улусами белерманидов и пагуманидов, в которых считалось 20 т. человек (проф. Василевский «Византия и печенеги» в «Журнале мин. народн. просвещения», 1872 г., ноябрь, стр. 123-126). По византийским же источникам (там же, стр. 137—140), около 1059 г. перешли за Дунай в числе 600 т. узы; они грабили почти до Константинополя, пока не были истреблены болезнями и соединенными силами болгар и печенегов.

² По намеченным здесь данным, мне кажется невозможным согласиться с предположением г. Голубовского о том, что торки суть гузы («Печенеги, торки и половцы до нашествия татар» и пр., Киев, 1884 г., стр. 49 и 64), хотя мнение автора указанного интересного и обстоятельного исследования о том, что «куманы, кипчаки и половцы есть один и тот же народ», вполне правильно. Еще менее, по-видимому, основательно отождествление автором другого замечательного труда И.А. Житецким («Смена народностей в южной Руси», «Киевская старина», 1883 г., июль, стр. 439) печенегов с узами и зачисление торков в число ветвей печенегов. Часто упоминаемых нашими летописями в эпоху печенегов и торков берендеев, берендичей Брун («Черноморье», часть 2, 1880 г., стр. 295) готов был отождествлять с нынешним киргиз-казачьим словом барантач, но в каракиргизском крыле сол есть кость беш-берен с ураном Берен (*Radloff - Aus Sibirien, s. 231*, и Н.И. Гродеков «Киргизы и кара-киргизы сырдарьинской области», 1889, стр. 3 приложений), которая вместе с родами каратал, муратали, алакчин кажется не коренною кыргызскою, ибо в других поколениях ее нет, а поздно попавшую в Тяньшань, на Талас, ветвью киргиз-казачьих племен, быть может, кипчакского; последнее предположение основывается между прочим на том, что у кипчаков есть род кук-борон (по Левшину, II, стр. 9) или кок бурун (по Радлову - *Aus Sibirien, s. 236*), которого правильнее произношение будет, кажется көк-берен. Ввиду этого можно думать, что берендеи были вошедшим в состав печенегов кипчакским родом. Род этот, вероятно, был многочислен и влиятелен, потому что имя его иногда распространялось на всех печенегов, даже когда уцелевшая часть этого народа находилась уже в Венгрии: в 1334 г. угорский король послал Ярополку в помощь от себя «беревщицев 30 тысяч» (Ипат. летопись, 316, по цитате г. Житецкого). Летописные коуи, куи, коусы могут быть тождественны с костями кый и кобий (ковый, коуй) у нынешних шорцев и сагайцев (*Aus Sibirien, s. 208, 214*). Кость кобий держится ныне на р. Көбүр (*Aus Sibirien, s. 214*): не от этой ли реки имя кабаров, хазарского племени, которое, по Константину Багрянородному (*De administr. imp., c. 39*, по цитате Бруна «Черноморье», II, 114), вследствие междоусобий оставило Хозарию и присоединилось к мадьярам; имя этих кабаров удержалось в названии местности Кабарда и в имени (кабардинцы) той части аборигенов западного Кавказа, которая получила от торков свою аристократию (княжеские фамилии), некоторые обычаи и склонности, а также много тюркских слов в свое наречие. Можно подозревать, что и само имя черкесов принесено к подножиям Кавказа союзом тюркских родов того же имени, в состав которого входили кабар, кобий и коюс: в числе делений рода малой орды черкес или серкеш есть (по Казанцеву, как будет приведено ниже) ветвь куюс. Город Боруч времен печенегов и торков, между Днепром и Сулою, напоминает своим именем род малой орды бирюч (берш, берч). Что касается позднейшего общего для осевших в южной Руси печенегов, торков и пр. летописного названия черные клобуки, соответствующего тюркским кара-калпакам, то может быть и правы те ученые, которые производят кара-калпаков от печенегов, отличавшихся (по заверению Вамбери в *Das Türkenvolk, s. 378*, согласно венгерским летописцам и арабским писателям) высоким ростом и бородатостью, подобно нынешним кара-калпакам: бородатость печенежские роды некоторые могли приобрести от смешений с аланами или ясами.

³ «Собрание сведений», III, стр. 246.

обширнейшими из тюркских земель владения хакана тогызгоров или тогызгозов (тогуз-угузов или уйгуров), столица которого находилась более чем в трех месяцах пути от пределов Ферганы¹; владения его граничили с Китаем, Тибетом и землями карлыков; кроме тогуз-уйгуров и карлыков тому же писателю были известны следующие тюркские племена: кемаки, гозы, джегиры², баджиаки (печенеги), торкаши (это торки, туркешы, ушедшие уже от Тяньшаня в кипчакскую степь), адкаши (племя, вероятно, для рифмы с торкашами сочиненное Селямом-толмачом, сказки которого о путешествии к фантастической стене Гога и Магога помещены у Ибн-Хордадбеха с напрасным доверием), кифчаки (кипчаки), кыргызы³. Из этих племен гузы или половцы или команы, куманы, были, вероятно, подобно печенегам, союзом родов канглы и кипчакских, с участием также частей племени алчин, о котором мы будем говорить позже. О кемаках, неизвестных ни китайцам, ни западным писателям, сами арабские географы имели весьма смутные и недостоверные сведения. По Ибн-Хордадбеку, царь кемаков обитал среди пастбищ в 81 дне пути от Тараза (на р. Таласе), стало быть, самое близкое, на крайнем северо-западе нынешней киргизской степи. Если кемаки не то же самое, что команы, то, во всяком случае, они также должны были быть союзом кипчакских родов.

Первое столкновение монголов с кипчаками было вызвано меркитами, уцелевшие князья которых спаслись бегством к кипчакам и не были ими выданы, что вызвало посылку Субутай-багадура, преследовавшего меркитов до (низовьев?) р. Чу, где он и истребил меркитских князей⁴. Кипчаки и все завоеванные монголами на западе от них земли составили улус старшего сына Чингиз-хана Джучи-хана и его потомства.

Овладевшие во второй половине VIII века бывшими землями западно-тукуйских ханов от Алтая до Сыр-дарьи карлыки встретили на Сыр-дарье отпор со стороны арабов, уже утвердившихся в Мавераннагре и Фергане. Саманиды не помешали, однако, карлыкским илекам овладеть, вероятно, в IX веке, Кашгаром и Хотаном. В X веке, по монетам и мусульманским историкам, илеки, очевидно карлыкские, властвовали на обеих сторонах западного Тяньшаня и приняли мусульманство. В начале XI века они овладели и Мавераннагром, признав позже вассальную зависимость по этой

¹ Действительно, до половины почти IX столетия столица уйгуров находилась в подобном расстоянии, на Орхоне. Кажется, следовало бы у Ибн-Хордадбеха читать «тогузгуз», как значится и у древнейшего арабского географа Аль-Хуваризми, у которого на севере от Тиббата (Тибета) значились тюрки «тугузгузы» (D-r Nallino в Bulletin de la Societe Khedivale de Geographie, le Cai're, 1896, fevrier, p. 510; Аль-Хуваризми писал во время халифа Аль-Мамуна, 813— 833 гг., но был жив еще в 847 г.). Весьма возможно, что западные тюрки, а по их примеру и арабы, называли уйгуров тогуз-огузами, по многочисленному племени, к которому уйгуры первоначально принадлежали.

² Можно считать остатком этих доселе необъясненных джикиров отделение чегыр рода джаныс племени дулат большой орды, упомянутое в «Опыте» моем о составе большой орды. Эти чегыры могли быть отраслью канглов, если не карлыков: из числа трех поколений, на которые делились в VII веке карлыки, одно именовалось по Visdelou (Bibliothèque orient., 1779, t. IV, p. 169) tehe-khi (у о. Иакинфа, I, 437, чжи-сы); если добавить букву р, которую китайцы опускали, то получится чегир.

³ Kitab al Masalik etc., ed. de Goeje, Lugduni, 1889, p. 22, 23.

⁴ «Юань-чао-ми-ши» в «Трудах р. дух. миссии в Пекине», т. IV, стр. 131. По помещенной в «Юань-ши» (там же, стр. 247 и 248, и Mediaeval Researches etc., by Bretschneider, 1888, vol. 2, p. 72, 73) биографии Ту-ту-ха, потомка кипчакских князей и генерала армии Кубилай-каана, предки народа кин-ча (кипчак) обитали первоначально к северу от Wu-ping (?) на реке Чжэлянь (Dje-lien) близ гор Да-хань (An-da-han). Дед правившего кипчаками в начале XIII века Иносы, по имени Кюйчу, переселился на с.-з. к горе Юй-ли-бо-ли, от которой княжеская фамилия получила свое имя. - Все это пока с достоверностью не объяснимо.

стране от сельджукидов. Во второй четверти XII века бежавший из киданьского северного Китая, который завоевывали в это время чжурчжени, киданьский князь Елюй-Даши, составив себе армию из подобных ему киданьских беглецов и из тюрок разных племен, подчинил уйгуров восточного Тяньшаня, обратившихся к оседлости и потерявших принаньшаньские свои земли еще около 1028 г. С увеличивавшейся, по мере дальнейших успехов, привлекаемыми военною добычей тюрками, армией Елюй-Даши покорил западный Тяньшань и Мавераннагр. Основанное Елюй-Дашием кара-киданьское государство, имевшее своим центром долину р. Чу, где находилась столица Беласагун, существовало до 1212 г., когда последний кара-киданьский гурхан был пленен зятем своим найманским Кучлук-ханом, лишенным монголами своих земель и нашедшим у киданей убежище. Года через четыре Кучлук погиб, преследуемый монголами, а в 1219 г. Чингиз-хан отправился с Иртыша в поход, во время которого монголы овладели Мавераннагром и частью Персии. Земли по обе стороны Тяньшаня и Мавераннагр составили удел второго сына Чингиз-хана Джагатая.

Хотя Джучи и Джагатай получили из армии отца только по 4 т.ч.¹, большей частью при том из не вполне еще омонголенных тюрок, а потому военные силы их состояли из подвластных тюркских племен, тем не менее власть джучидов и джагатаидов была крепка, пока не исчез страх, внушенный завоеванием, и пока тюркские роды и племена, продолжавшие сохранять родовой быт и кочевой образ жизни, не почувствовали свою силу, благодаря, в особенности раздорам между чингизидами за власть и уделы, при которых одерживали обыкновенно верх те, кто привлекал на свою сторону сильнейшие роды тюрок. Сознание родами своей силы, при естественном их стремлении к самостоятельности, неизбежно должно было привести к разложению улусов джучиева и джагатаева. Уже во второй половине XIV века джагатаиды потеряли Мавераннагр, доставшийся сплотившему около себя местных тюрок Тамерлану и его потомкам. Но самые походы Тимура подняли значение джагатаидов в северной части их владений, так как местные племена не могли не видеть необходимости единения с ханом, чтобы защититься общими силами от мощного и беспощадного врага. Благодаря упоминаниям в описаниях походов Тимура² выясняется, что в степях джагатаева улуса от Алтая до Сыр-дарьи были расположены следующие племена: караит (киреи), аркенут (аргыны), дуглат (дулаты), кангули (канглы), курлукут (карлыки). Из них киреи занимали, приблизительно, земли по Черному Иртышу и между Барлыком и Эрень-хабирга; аргыны (вероятно, вместе с найманами, о которых особых упоминаний нет) кочевали от р. Имиля на юго-запад до р. Каратала и на запад, по крайней мере, до р. Нуры; дулатов надо полагать между р.р. Караталом и Чу; канглы и карлыки расположены были от р. Таласа до Сыр-дарьи. Не упоминается о кыргызах, но так как по «Тарихи-Рашиди» народ этот в начале XVI века оказывается занимающим западный Тяньшань, видимо в качестве аборигенов, то не может быть сомнения, что и кара-киргизы находились на своих нынешних местах.

¹ Рашид-эддин «История Чингиз-хана», пер. Березина, 1888 г., стр. 144 и 145.

² Cherefeddin - Histoire de Timur-bek, trad. par Petis de la Croix, Paris, 1722, I.1, p. 27, 43, 85, t. II, p. 439. t. III, p. 220 etc.

О племенах джучнева улуса не имеется подобных довольно обстоятельных сведений, но есть достаточные данные полагать, что, в общих чертах, восточная половина улуса, именовавшаяся Дешт-Кипчак, т.е. кипчакская степь, была наполнена, кроме небольшого еще количества найманов и аргынов, многочисленными кипчакскими родами, а также родами племени алчин; степи западной половины улуса от Урала до Дуная служили для кочевков остатков половцев и предшествовавших им тюркских племен, объединившихся с частью кипчаков под общим названием ногаев, по имени племянника Берке-хана Ногая, который в конце XIII века ставил и свергал ханов по своему усмотрению, опираясь на силы родов, с которыми кочевал он в южной России.

Распадение улуса джучиева началось во второй четверти XV века образованием в западной половине улуса независимых ханств крымского и казанского и завершилось в третьей четверти того же века гибелью Абул-хаир-хана и образованием союза киргиз-казачьего. Между 1452 и 1455 гг. Абул-хаир-хан, властвовавший во всей восточной половине улуса джучиева, был разбит вторгнувшимся в его земли калмыцким вождем Уз-Тимур-тайшою, который опустошил Шахрохию, окрестности Ташкента и побережья Сыр-дарьи, а затем спокойно ушел назад в Монголию¹. Вероятно, именно вследствие этой неудачи, пошатнувшей значение Абул-хаира в глазах подвластных ему родов, около 1455 г. от него отложились султаны Гирей и Джанибек, которые с присоединившимися к ним недовольными ханом частями родов нашли убежище в джагатаевом улусе на р. Чу. Недовольство ханом, однако, продолжало возрастать и закончилось в 1465-1466 г. гибелью Абул-хаир-хана и нескольких его сыновей в бою с восставшими родоначальниками. Тогда улус узбекский² распался окончательно. Часть составлявших его родов присоединилась к казакам - «вольнице», собравшейся около султанов Гирея и Джаныбека, многие остались независимыми и лишь некоторая часть оказалась на стороне старшего из уцелевших потомков Абул-хаира Барудж-оглана, но и он был в 1472- 1473 г. убит в неудачном нападении на джагатаида Юнус-хана, после чего приверженцы его фамилии, узбеки, остались на некоторое время без главы и организации. Тогда большая часть родов Дешт-Кипчака присоединилась к союзу казаков. Предприятия внука Абул-хаир-хана Шейбани-хана в Дешт-Кипчаке были неудачны, но он успел соединить около себя узбеков и привлечь охотников из казаков, когда начал в 1499 г. завоевание Мавераннахра³.

Джагатаиды XV века, особенно второй его половины, стремились утвердиться на Сыр-дарье и овладеть Ферганой и Мавераннагром; они любили городскую жизнь,

¹ «Тарихи-Абулхаири» по переводу д-ра Rieu в History of the Mongols etc. by H. Howorth, London, 1880, Part 2, p. 688. Вероятно, этот Уз-Тимур был внук ой-ратского Есены Аши-Тимур, доставлявший, по «Мин-ши» (Mediaeval Researches by Bretschneider, vol. 2, p. 166), дань китайскому двору в правление Тянь-шунь (1457-1465 гг.).

² Так стала называться восточная часть джучиева улуса после тридцатилетнего царствования Узбек-хана, при котором водворилось в нем мусульманство.

³ History of India ... under Baber and Humayun by W.Erskine, London, 1854, vol. I, p. 29-31. Вельяминов-Зернов «О касимовских царях и царевичах», СПб., 1864 г., часть 2, стр. 139 и след. The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammed Haidar, Dughlat, an English version edited by N. Elias, London, 1895.

которой чуждались их подданные - кочевники, и мало заботились о защите восточных родов от набегов калмыков. Когда убит был в 1508 году, - по распоряжению Шейбани-хана, уже овладевшего Мавераннагром и отнявшего у джагатаидов Фергану и Ташкент, - джагатаид Махмуд-хан, то сыновья ранее умершего брата его Султан-Ахмед-хана уже не могли добиться повиновения кочевников и должны были удалиться в Восточный Туркестан, возобновляя на короткое время, до второй четверти XVI столетия, только власть над кара-киргизами. Оставшись без ханов, племена восточной половины джагатаева улуса присоединились к союзу казаков, который в это время, при Касим-хане, сыне Джаныбек-хана, насчитывал более 1 м. населения («Тарихи-Рашиди»)¹.

¹ В «Тарихи-Рашиди» нет ни перечисления племен и родов джагатаева улуса, ни сколько-нибудь обстоятельных о них сведений и даже упоминаний о некоторых хотя бы из них в отдельности. Объясняется это тем, что автор, - ставивший своею задачей написать историю могульских ханов, на основании слышанных им преданий (не восходивших, впрочем, вообще далее времени Туглук-Тимур-хана), рассказов очевидцев и лично ему известных фактов за время Султан-Саид-хана кашгарского, на службе которого он состоял около двадцати лет, - сам не бывал в занятии кочевыми племенами северной, большей части джагатаева улуса, именовавшейся Могулистаном, и не имел о ней и ее населении подробных и основательных сведений. Поэтому, хотя он сообщает драгоценные, за неимением других, но слишком общие и краткие, известия об основании союза казаков из собравшихся около султанов Гирея и Джанибека кочевников, дает затем сведения о сношениях Саид-хана с казацким Касим-ханом около 1513 г. и о могуществе при этом хане казаков, на основании рассказов Саид-хана, и приводит, наконец, как очевидец, краткие известия о столкновениях Саид-хана с казацким Тагир-ханом около 1526 г., но все это не помешало ему закончить свои известия о казаках утверждением, что после 940 (1533) г. «казаки совершенно исчезли», вслед за тем, как не стало хана их Буйдаша. Действительно, есть известие, что Буйдаш-хан, может быть около 940 г., вместе с 24 родственными ему султанами погиб в битве с владельцем ташкентским Дервиш-ханом. Но казаки не исчезли, ибо в подчинении Буйдашу находилось, по словам же автора «Тарихи-Рашиди», не более 20 т. Остальные казаки, без сомнения, имели другого хана или ханов, потому что в желающих ханствовать из числа потомков того же Джанибек-хана, от которого происходил Буйдаш, недостатка быть не могло. Поэтому не далее, как в 1535 году, по известиям находившегося у ногайцев московского посланца Данилы Губина, казаки, с одной стороны, грозили ногайцам, с другой же - дважды разбили «ташкентских царевичей» и так стеснили Ташкент, что ожидалось его скорое падение в руки казаков. Положим, Мухамед-Хайдер еще в 938 (1531) г. отправился из Кашгарии в поход для завоевания Балтистана и в Восточный Туркестан уже не возвращался, ибо в 1533 году, после смерти Саид-хана, вынужден был, опасаясь гибели от преемника его, удалиться из Балтистана в Индию, откуда попал в Кашмир, где и был убит в 1551 г., а потому о событиях у казаков мог иметь лишь случайные слухи. Тем не менее, чтобы на основании слуха о гибели Буйдаша считать миллионный народ исчезнувшим, надо было обладать весьма недостаточными об этом народе сведениями. Неудивительно поэтому, что Мухамет-Хайдер почти ничего не сообщает о быте, племенах и родах казацких. Нет в «Тарихи-Рашиди» обстоятельных сведений и о родах «могульских», но из сообщения о составе армии, с которою Саид-хан предпринял в 1514 году завоевание Кашгара и в которой собрались почти все могулы, кроме находившихся на службе у Мансур-хана турфанского, видно (Tharikh-i-Rashidi, ed. by N. Elias. London, 1895, p. 304-309), что из 4700 с лишком человек общей цифры более 640 воинов было выставлено эмирами фамилии (tabaka=family) дуглат (dughlat), 200 ч. главами фамилии дуктуй (dukhtui), более 100 воинов членами фамилии берлас (barillas), около 100 ч. каждою: фамилиями барки (barki), ордубеги (urdubegi), итарджи (itarji), кунджи (kunji), джерас (jaras) и 400 ч. эмирами фамилии бегчик (begjik). «Были и другие, которые, не будучи ни эмирами, ни сыновьями эмиров, имели своих людей»: автор приводит затем имена вождей, принадлежавших к калуджи (kaluchi), родам карлык и мекрит, и называет Омар-шейха, вождя шулкарчи (shulkarchi). «Были и другие, которые приобрели имя багадуров», но не имели, должно быть, своих собственных отрядов. В настоящее время, - пишет Мухамед-Хайдер в другом месте, - осталось могулов только «около 30 т. на землях кашгарских и турфанских. Могулистаном овладели узбеки (казаки) и кыргызы... Могулы были безродным (isolated) и жалким народом. Никто между ними не интересуется их историей, почему, при всей недостаточности моих литературных талантов, я написал ее, насколько мог лучше» (id. p. 148). При рассмотрении вышеприведенных имен, фамилий могульских вождей оказывается, что только две из них, несомненно, племенного или родового происхождения: дуглат, тождественная с нынешним главным племенем большой орды дулат, в древности дулу, и берулас - монгольский род времен Чингиз-хана. На происхождение имен многих из остальных указывает следующее замечание Мухамед-Хайдера по поводу предания о двенадцати лицах, сопровождавших малолетнего Хызр-ходжа-хана на Лоб-нор, где он скрывался до совершеннолетия своего и до падения Камр-эддина, истребившего все остальное потомство Туглук-Тимур-хана: «Из этих двенадцати человек... некоторые

5) Борьба киргиз-казаков с калмыками и подданство их России

Казачий союз состоял из племен и родов, внутреннее управление которыми принадлежало их родоначальникам и основано было на обычаях, свойственных родовому быту. Хану подведомственны были главным образом внешние дела. Но и в них, не имея войска и средств на его содержание, он вполне зависел от родов и их начальников, без согласия и влияния которых не мог быть успешен сбор народных ополчений. Если хан обнаруживал желание действовать самостоятельно и принимать меры к вынуждению послушания родов, роды оставляли его и легко находили в числе многочисленных чингизидов султана, которого объявляли ханом на всей своей воле. Понятно поэтому, что наиболее энергичные ханы стремились овладеть Туркестаном, Ташкентом и другими городами правого берега Сыр-дарьи, принадлежавшими властвовавшим в Мавераннагре шейбанидам, чтобы иметь опору для своей власти вне родов. В конце XVI века предприимчивый Тевекель-хан, привлекий к себе кочевников обильною добычей при попытках овладеть Самаркандом и Бухарою, успел утвердиться в Ташкенте и Туркестане. Там же обитали его преемники, но власть их над кочевниками осталась слабой.

Между тем теснимые восточными монголами калмыки, не встречая отпора, который давали им на западе джагатаиды, начали во второй половине XVI века двигаться в земли тюркских племен. Восточные роды казаков, не получая поддержки со стороны западных родов и от ханов, занятых ближайшими делами на юге, не могли оказать успешного сопротивления, и медленное сначала движение калмыков ускорилось. Так, в 1552 г., во время похода монгольского Алтан-кагана на Цзапхыне¹, стало

сделались потом эмирами и поныне существуют их потомки. В числе их был Арджирак, от которого происходят эмиры и тарджи, Таджри из Хорезма, от которого ведут свой род эмиры кунджи; сыновья третьего, Сеида из Чалыша, сделались эмирами с титулом кушджи, почему они прозываются также кукильдашами». Мухамед-Хайдер поясняет между прочим, что монголы джагатаева улуса разветвились на могулов и чагатаев, которые (конечно, со времени разделения улуса на две части: северо-восточную или Могулистан, где властвовало потомство Туглук-Тимур-хана, и юго-западную или Мавераннагр, в котором сначала правили члены других ветвей джагатаидов, а потом тимуриды) враждовали между собою и давали друг другу уничижительные прозвища. Именно чагатаи называли могулов джете, могулы же именовали их кераванас (р. 147). По N. Elias'y, джете по монгольским словарям значит «скверный человек, бездельник», значение же и происхождение слова кераванас в точности неизвестно, но, по-видимому, применялось к людям безобразным, похожим на обезьян (у Вассафа), а теперь кераванас или карнас употребляется в значении «обжора», по крайней мере, на р. Гургене, где между туркменами племени гоклен есть род этого имени (р. 75 Введения и 491, 492 приложений). Ко времени окончания составления «Тарихи-Рашиди» (1547 г.), по словам автора (р. 148), чагатаи оставались только во владениях бабуридов в Индии и Авганистане. Ныне могулов-джете нет, если не считать их потомством поколение монгуш и роды монгулдур, калмаке и т.п. между кара-киргизами. Бабуридские же чагатаи сохранились в Индии близ Дели и в провинции Rawal-Pindi, где по народной переписи 1881 г. сосчитано 23593 д.о.п. племени чагатай и 12137 д. племени берлас (Punjab Cemsus 1881, р. 277, vol. I, по цитате Elias'a). Вообще, на основании вышеизложенного, надо полагать, что могулы (как и чагатаи) представляли собою, в сущности, не особый народ или племя, а только служащий при дворе, в управлении и войске джагатаидов (тимуридов) класс или сословие, образовавшееся отчасти из потомства малочисленных настоящих монголов «полка» Джагатай, главным же образом из местных и пришлых тюрков, таджиков, сартов и т.д., попадавших на службу ханскую и обративших ее в потомственное занятие. Как служилое сословие, образовавшееся из людей разных племен и народностей, могулы и чагатаи не имели настоящих родов, а только фамилии, которые имена свои получали от занимаемых, иногда наследственно, придворных и правительственных должностей и лишь немногие их фамилии удержали свои коренные племенные или родовые имена, вследствие того, быть может, что самое значение их при дворе и на службе первоначально находилось в связи с положением их в своих родах или племенах.

¹ Санан Сэцэн в переводе Шмидта - Geschichte der Ost-Mongolen etc., St.- Petersburg, 1829, s. 209.

быть, находились почти в тех самых землях, какие принадлежали западным монголам в конце XIII и в XIV вв. В 1562 г. племянник того же монгольского вождя в набеге на торгоутов, двигавшихся, правда, всегда впереди прочих ойратских племен, нашел их уже на Черном Иртыше¹. Около 1587 г. на Черном Иртыше обитали уже хойты; далее на запад за ними находились цзунгары, еще далее хошоты, а затем должны были быть, еще далее, торгоуты². Стало быть, последние уже приближались к Ишиму, где нашли их русские завоеватели Сибири в начале XVII в. К 1630 г. торгоуты достигли берегов Волги. Между тем хошоты и цзунгары подвигались в юго-западном направлении и в 1643 г. добрались уже до р. Чу, а в 1652-1658 гг. начали подчинение западного Тяньшаня и утвердились на Таласе. Около 1723 г., цзунгары, под властью которых объединились между тем все калмыки, кроме кукунорских и торгоутов, овладели Туркестаном и Ташкентом и подчинили оттесненных сюда дулатов и канглов. Около этого же времени возникли именованные юго-восточных казахских родов дулатов и канглов, как древнейших тюркских племен, занявших земли казахского союза, старшей ордою, кипчаков - вероятно происходивших от канглов, - аргынов, найманов и киреев, как более поздних пришельцев - средней ордою, и отделившихся от племен средней орды родов и племени алчин - младшей ордою. Вытесненные калмыками из восточных своих земель казахские племена кочевали в это время за Балхашом в бассейнах Ишима, Нуры и Сары-су, откуда кипчацкие роды по необходимости подались к Аральскому и Каспийскому морям, а также на северо-запад, подвигая здесь алчинов и башкиров далее на запад. Оттесненные таким образом к русским границам на Ишме, Тоболе и Урале и занимая частью земли русско-подданных башкиров и ногаев, малая и средняя орда вынуждены были в тридцатых годах XVIII века принять русское подданство, ожидая найти защиту от дальнейших нападений калмыков.

Между тем истощенные, особенно попытками овладеть Монголией и Тибетом, силы цзунгаров ослабели. В 1756-1758 гг., воспользовавшись внутренними смутами, китайцы положили конец существованию цзунгарского государства и овладели всеми его землями. В фактическом своем владении китайцы оставили только земли на восток от линии своих пограничных караулов, направляющихся от Нор-Зайсана к среднему течению р. Или. Кара-киргизы, удалившиеся большей частью во время владычества калмыков в Фергану и на Алай, вернулись в западный Тяньшань. Роды большой орды возвратились к подножиям западного Тяньшаня, заняв прежние свои земли до р. Каратала и немного севернее. Киреи и найманы вернулись <...> При последовавшем потом в XIX столетии постепенном подчинении киргиз-казаков и каракиргизов России значительных перемещений племен и родов не происходило. Только в 1801 году султану Букею с частью малой орды разрешено было занять часть пустовавших после бегства торгоутов (1771 г.) степей между Уралом и Волгой, где вследствие этого образовалась внутренняя или бугеевская орда.

¹ Санан Сэцэн, s. 211.

² «История Убаши-хуньтаджия» в «Трудах восточного отделения И. Р. археологического общества», часть 6, 1858 г.

III. О древнейших иноплеменных примесях

В предыдущем очерке даны краткие исторические сведения о важнейших тюркских племенах Монголии и западных степей средней Азии. Почти все главные тюркские племена исторически появлялись первоначально в Монголии и отсюда уже переходили в киргизские степи, из которых части их распространялись далее на запад и юго-запад. Поэтому, при выяснении этнического состава тюркских племен, весьма важное значение принадлежит первоначальному образованию главных племен, совершившемуся в Монголии. Прежде обращения к этническому составу существующих ныне тюркских народностей в отдельности необходимо при помощи имеющихся по этому предмету исторических данных наметить те иноплеменные народности, помеси с которыми должны были дать основные в антропологическом смысле тюркские племена, ибо существенные различия в физическом типе между этими племенами должны корениться в метисации тюрков с различными чуждыми народностями, а также в пропорции, так сказать, помесей.

Первостепенное значение между иноплеменными к тюркам примесями должно принадлежать тем народам, которые занимали до тюрков или в смежности с ними южный и северный склоны Алтайско-саянской горной системы, отделяющей Монголию от Сибири, и северную Монголию, ибо, во-первых, большая часть главных тюркских племен первоначально обитала в Алтае, как это свидетельствуют древние тюркские народные предания и удостоверяют племенные имена, получившие свое начало от названий местностей (рек, урочищ) в Алтае, где эти племена, стало быть, первоначально обитали; во-вторых, древнейший тюркский народ - хунны - сделался известным китайцам со стороны средней Монголии (против Ордоса), вполне же достоверные о нем сведения начинаются с III века до Р.Х. по овладении им всей Монголией. Не входя в рассмотрение вопроса о начальном происхождении тюрков и их прародине, можно считать вероятным, что тюрки уже за много столетий до Р.Х. обитали в Алтае и в прилегающей к нему части Монголии. По китайским сведениям, северная Монголия и даже отделяющая ее от южной песчано-каменистая полоса (Гоби) были заняты динлинами. Так, в китайской надписи на орхонском памятнике Кюль-тегину, 732 г., земли, принадлежавшие в то время туркам-тукю, а ранее хуннам, называются древней страной, отечеством динлинов¹. Древнейшее упоминание о динлинах в официальной китайской истории относится к 209-201 гг. до Р.Х., когда в числе завоеваний усилившихся хуннов указывается владение Динлин². Около 100 г. до Р.Х. земля динлинов отдана была хуннами в управление принявшего их подданство китайского полководца Вэй Люй, а затем Гэ-гунь в управление китайского же плененного полководца Ли Лин³. В 49 г. до Р.Х., шаньюй северных хуннов Чжичжы, покорив уге (быть может, огузов на Селенге), «разбил на западе Гянь-гунь (земля енисейских киргизов, как и ранее упомянутая Гэ-гунь), на севере покорил Динлин»⁴.

¹ Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Petersburg, 1895, s. 168.

² «Собрание сведений», I, стр. 17.

³ Там же, стр. 49-51.

⁴ «Собрание сведений», I, стр. 77.

Последнее достоверное упоминание динлинов встречается в половине II века после Р.Х. по поводу отражения их сяньбийцами «на севере»¹. В историко-этнографическом сборнике Матуаньлиня, представляющем исправленное и дополненное издание подобного же сборника VIII века, есть, между прочим, и сведения о динлинах древних времен. По словам Дегиня, сведения эти относятся к двум владениям Динлин, из которых одно именовалось Ма-нао, лежало к северу от Кангюя, т.е. нынешней киргизской степи, и могло выставить 60 т. войска; другое отстояло на 7 т. ли от реки Ань-си-шуй, где была резиденция шаньюя, на юг же до игуров² считалось 5 т. ли и на юго-запад до границы Кангюя 2 т. ли; жители обоих владений необыкновенно волосаты, походят несколько на лошадей и бегают скорее, чем лошади³. Шотт по тому же Матуаньлиню добавляет, что говор динлинов похож на крик диких птиц, а ноги у них имеют лошадиные копыта и покрыты ниже колен шерстью⁴. Если отбросить басни о лошадиных ногах, - тем более странные, что около 11г. после Р.Х. из динлинов и ухуаньцев (считают обыкновенно за тунгусское племя) был составлен один из двенадцати корпусов, предназначенных для действий против хуннов, стоявший у Великой стены⁵ верстах в 200 от нынешнего Пекина, стало быть, динлины могли быть хорошо известны китайцам, - то все же останется достоверным, что динлины отличались волосатостью и что одно из племен динлинов обитало между Уралом и Алтаем, на севере киргизской степи, другое же находилось на Енисее, севернее земли кыргызов, между Обью приблизительно и Байкалом⁶.

О метисациях тюрков с динлинами встречается положительное указание в статье «Истории династии Тан» об енисейских киргизах, составленной в IX веке, но по сведениям частью более ранним, так как Китай обменивался посольствами с

¹ Там же, стр. 169.

² В подлиннике должно быть не до игуров, а до Чешы, владения, находившегося в восточном Тяньшане в ханьские времена. По «Истории династия Хань», Гянь-гунь от «шаньюевой орды на запад отстоит на 7 т. ли, от Чешы не север 5 т. ли» («Собрание сведений», I, стр. 77).

³ Deguignes - Histoire generale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p. LXXVI, LXXVII, LXII. По професс. Шлегелю (La stele fimeraire du Teghin-Giogh <...>. 1892, p. 42—44, согласно Матуаньлиню, страна Динлин упоминается в первый раз в китайской истории при династии Вэй, в VI веке до Р.Х. Она была расположена на севере от Кангюя. Различали две страны этого имени: одна на западе от страны усуней, другая на севере от хуннов. На севере от страны хуннов были еще страны Koutche, Kikkhun и Sinri (у о. Иакинфа это Кюеше, Гэгунь и Цайли, I, стр. 17; в куче или кюеше можно, по-моему, видеть куши, кушу или кучук, ныне кость у кара-киргизов; Ге-гунь — это, несомненно, страна енисейских кыргызов, что же касается синри или вернее синли, как в подлиннике, или цайли, то это может быть испорченное сары, сару, тоже кыргызская кость: очень может быть, что одновременно с динлинами хунны подчинили себе в третьем веке до Р.Х. смежно с ними обитавшие народцы кыргыз, кушу и сары, которые были отуреченными динлинскими родами). Во второй стране динлинов была еще страна, именуемая Ма-нао, т.е. «мозг лошади», в которой обитали centaury: люди от колен до головы, но покрытые шерстью внизу; ноги и копыта были у них лошадиные, и они бегали скорее лошадей, хотя верхом на лошадях не ездили. В Chan-hai King упоминаются динлины в качестве обитателей земель около оз. Байкала и вместо Ма-нао значится Ma-king, т.е. лошадиные ноги, так что, по мнению Шлегеля, Манао у Матуаньлиня есть ошибка вместо Ma-king, объясняемая сходством иероглифов. Так как Шлегель приводит из Матуаньлиня же упоминание о том, что в 100 г. до Р.Х. хунны назначили Вэй Люя правителем динлинов, то ясно, что замечание китайского компилятора о неупоминании о динлинах в китайской истории ранее династии Вэй есть ошибка.

⁴ Schott-Über die ächten Kirgisen, Berlin, 1865, s. 444.

⁵ «Собрание сведений», I, стр. 100 и 155.

⁶ В статье «Истории младших Ханей» (25-265 гг.) об ухуаньцах говорится, что «песчаная степь», т.е. Гоби или Шамо, «лежит от динлинов на юго-запад, от усуньцев на северо-восток» («Собрание сведений», I, 154). Это показывает, что некогда динлины занимали бассейны Орхона и Селенги.

кыргызами еще в VII веке. В этом описании земли кыргызов говорится, что «жители перемешались с динлиными, ... вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами»¹. Так как тюрки, несомненно, принадлежат к расе с черной окраской волос и глаз, то очевидно, что светлая окраска кыргызов была результатом помеси тюрков с динлиными и что эта светлая окраска составляет одну из отличительных особенностей динлинов от народов желтой расы, ныне населяющих восточную и большую часть средней и северной Азии и Сибири. В «Истории» же «династии Тан» есть сведения о народе цо-ма, «пегих лошадей», получившем это название будто бы потому, что лошади у него были пегие. Народ этот наружностью походил на енисейских кыргызов (т.е. отличался подобно им светлой окраской), но говорил другим языком; тюрки называли этот народ ала (пегий, пестрый); земли его были смежны с землями кыргызов и простирались до северного моря на 50 дней пути, с востока же на запад на месяц пути; народ этот занимался земледелием, а также охотой на зверей и рыбной ловлей, и жил в бревенчатых, крытых корою березы, срубках; сосуды у него были глиняные и медные, железа было мало; он имел 30 т. войска, часто враждовал с кыргызами и делился на общины, управлявшиеся независимыми друг от друга начальниками². Нахождение «пегого» народа на тех самых местах, которые занимало второе динлинское племя, и одинаковая наружность, при отличии языка от кыргызов, говоривших по-тюркски, показывают, что пегий народ был динлинским, прямым потомством восточного племени последних, занимавшего до хуннов северную Монголию. В XVII веке русские завоеватели Сибири нашли этот самый народ на тех же самых местах, но большей частью отуреченным и подвластным кыргызам, которые взимали с него дань рухлядью и железными изделиями, называя данников своими кыштымами³. Сохраняли в это время свой язык из этих потомков динлинов только арины, ассаны и котты, да так называемые енисейские остяки. Первые три народца вымерли, а главным образом отуречены и слились с местными «татарами», как зовут тут тюрков⁴; уцелели к настоящему времени только енисейские остяки к северу от Енисейска на р.р. Сыме и Курейке, в числе до 1 т. д., сильно перемешавшись с переселявшимися к ним с Оби настоящими остяками (финно-уграми)⁵.

¹ «Собрание сведений», I, стр. 443. У многих синологов, вместо «голубыми», переведено «зелеными».

² «Собрание сведений», I, стр. 442. Deguignos-Histoire generale des Huns etc., Paris, 1756, 1.1, partie 2, p. LXII. Memoires relatifs a l'Asie par Klaproth, Paris, 1826, 1.1, p. 129-131.

³ В дневнике академика Мессершмидта, под 10 октября 1721 года, значит, что по заверению томского воеводы, татар-кыштымов зовут пегою или пестрою ордою и что они были прежде пестрыми, белыми же сделались вследствие постепенного перерождения (Клапрот, там же, p. 126). Можно думать, что потомки динлинов получили от тюрков название пегого народа за густой, пятнами, румянец на белом лице; такие лица и теперь еще встречаются у кара-киргызов западного Тяньшаня, родичей енисейских кыргызов и потомков динлинов.

⁴ В 1735 году академики Миллер и Гмелин видели последнего человека, говорившего на аринском языке, и трех ассанов. В 1863 г. В.В. Радлов нашел только трех коттов (одну женщину и двух стариков) около Канска («Аборигены Сибири» в «Живописной России», том XI, стр. 9, и Aus Sibirien, I, s. 190).

⁵ «Аборигены Сибири», стр. 9. По словам Степанова («Енисейская губерния», Спб., 1835 г., часть 2, стр. 37), существующие названия подразделений енисейских остяков (вымские, самороковские, верхне- и нижне-имбатские) «даны им собирателями ясака, по местам, где более имели они свое пребывание, но их древние названия тындыгеты и тшиканы». Есть реки Тюдгет (или Тюхтет), приток Амыла (системы Тубы) и

Кастрен, составивший словарь и грамматику енисейско-остяцкого языка, признает этот язык «отрывком особого семейства, сродство которого с финско-самоедскими языками весьма дальнее. Енисейско-остяцкий язык нечто вроде китайского, не имеющее полной флексии; он любит переносить корневой слог в конец слова» и т.д.¹ Заметный в енисейско-остяцком языке угро-финский элемент он объясняет смешением енисейских остяков с обскими, которое отразилось и на языке². Кастрен не обсуждал, сколько известно, в подробности вопроса о том, не являются ли енисейские остяки и вымершие или отуреченные их соплеменники потомками динлинов. Исключительно ввиду гипотез Клапрота и Риттера о принадлежности динлинов к арийской расе находил он «не невероятным и весьма правдоподобным», что упоминаемый китайцами белокурый народ на севере от Танну-ола «был народ финской расы, потому что во все времена светлая окраска была характерным отличием финской расы»³. Но вместе с тем он признавал сомнительным, чтобы древнейшие курганы на Енисее принадлежали «чуди, т.е. финским народам: по крайней мере, ни в Финляндии, ни в Лапландии, ни в северной, заселенной финским племенем, России не встречал я ни одного подобного памятника»⁴. Между тем, именно только динлинам, - из всех народов южной Сибири и Монголии, о которых сохранились какие-либо сведения, - можно с вероятностью приписывать следы древней цивилизации в этих странах и древнейшие могилы с бронзовыми, медными, золотыми и серебряными предметами, а равно и остатки древнейшей разработки руд, производившейся в южной Сибири и в киргизской степи,

Чекан или Чеган (системы Абакана); если имена приводимых Степановым «древних» родов енисейцев происходят отсюда, то выясняют они о происхождении и прошлом енисейских остяков очень немного. Подобным образом Кастрен («Магазин земледения» Фролова, том 6, часть 2, Москва, 1860 года, стр. 362), признающий, что, согласно преданиям, роды енисейских остяков сводятся к двум: kanas-ket и ulj-get, производить эти названия от имен рек Каны и Улу-кема.

М. Кривошапкин («Енисейский округ и его жизнь» в «Записках И. Р. геогр. общества», 1863 г., № 1, стр. 149 и 153), которому принадлежат наиболее доселе обстоятельные сведения о быте остяков енисейских, называет их роды (конечно, административные, по упувам и местам жительства): сымско-косовский, подкаменный, верхне-инбатский и нижне-инбатский, и утверждает, что енисейские остяки эти «говорят совершенно особым языком, не имеющим сходства с языком остяков тобольской губернии», вообще называемых обскими. По его словам, остяки подкаменского рода (51 д. муж. пола и 26 ж.) «бродят по Подкаменной (иначе Средней) Тунгуске и впадающим в нее рекам», роды же верхне- и нижне-инбатский обитают ниже по Енисею до г. Туруханска: в первом 305 д. м. п. и 246 ж., во втором же 137 м. и 146 д. ж. пола. О местах жительства и численности сымско-косовского рода у Кривошапкина сведений не помещено. По первой части исследования Кривошапкина («Записки» и пр., 1862 г., № 4, стр. 144) душ муж. пола в нижне-инбатском роде показано 157, так что цифру 137 должно считать опечаткой.

¹ «Путешествие А. Кастрена (1838-1849)» в «Магазине земледения и путешествий» Фролова, том VI, 1860 г., стр. 361. Известный лингвист Terrien de la Couperie, в своей классификации урало-алтайских языков на семь групп, причислил коттский или енисейско-остяцкий язык к одной группе с китайским и тибетским (Journal of the Royal Asiatic Society, 1889, p. 404).

² «Магазин землев.», VI, стр. 362.

³ A. Castren's Kleinere Schriften, St. Petersburg, 1862, s. 109, 119.

⁴ «Магазин земледения», VI, стр. 374. Кастрен прибавлял к этому, однако: «Предания и многие названия местностей, заимствованные из финских языков, доказывают, что финские народы во время оно проходили через эти степи» (там же). Удостоверяющих преданий он не приводит, из местных же имен в его Ethnologischen Vorlesungen (St. Petersburg, 1857, s. 97, 98) указываются реки Кем, Ия и Юс на том основании, что слово кемі по-фински значит река и что есть финская река Ий. Так как он тут же приводит сведения, что ия и ии слова самоедские, значащие вода, и так как Кем есть туземное и древнейшее название Енисея, то по всей вероятности приведенные местные имена суть самоедские, если не динлинские, и заимствованы финнами у самоедов или динлинов, а не наоборот. По заверению д-ра Европуса, «Кастрен считал родство финских племен и их языка с алтайскими народами и языками вопросом нерешенным» (Ф. Коннен «Материалы к вопросу о первобытной родине индо-европейского и финно-угорского племени» в «Журнале мин. нар. просвещения», 1886 г., август, стр. 207).

ибо если пегий народ еще в VII веке занимался хлебопашеством и имел медные сосуды, а в XVII веке плавил руду и выделял в обширных размерах железные изделия, то надо полагать, что и земледелие, и металлургическое производство наследовал он от предков своих динлинов.

Обстоятельного изучения черепов древних могил на Енисее и найденных в некоторых гипсовых масок еще не сделано¹; нет также антропологических исследований енисейских остяков, но антропологическое изучение угро-остяков и вогулов бассейна р. Оби обнаружило, что между угро-финнами встречается значительный процент длинноголовых. Так как финны принадлежат к короткоголовым народам, то длинноголовый элемент у угро-финнов должен быть объясняем примесью к финнам чуждой длинноголовой расы. Всего вероятнее примесь эта могла состоять из динлинов, отброшенных тюрками с юга на север и запад и смешавшихся там с финнами. Динлины, однако, не были единственным народом, отличавшимся в северной и средней Азии от монгольской расы светлой окраской, обильной волосной растительностью и длинноголовостью. К той же, как они, расе принадлежат аборигены северной части японского архипелага айны. По описаниям путешественников, в физиономиях айнов выражаются два типа: один с правильными, «почти кавказскими» чертами лица, другой - монголообразный². По заключению проф. Таренецкого, изучавшего черепа айнов, народ этот «не принадлежит ни к кавказской, ни к монгольской расе и образует особую». Основной тип черепа айнов длинноголовый, мезоцефальный же является у них как результат смеси с монгольской расой³. Можно думать, что древняя северно-азиатская длинноголовая раса простиралась не только до крайнего востока Азии⁴, но и далеко на запад, в Европу: ей же, быть может,

¹ В 1888 г. в одной могиле около Минусинска г. Адрианов нашел гипсовые маски «штук до 20, но ни одной цельной не удалось добыть: гипс оказался рыхлым. Красная краска (окись железа) на масках сохранилась местами превосходно и была <...> цвета. Некоторые маски отличались необыкновенным изяществом чистой работы и красотой типа. Одну маску, наиболее хорошо сохранившуюся, я снял прямо с лицевой стороны черепа». «О масках упоминается только у Палласа, со слов курганщиков, да недавно инородец принес в минусинский музей часть маски. Полагаю, что ни у кого нет такой коллекции масок, как у меня... Из могил я вынул все кости до единой, все перенумеровал... Согласно обещанию все коллекции из курганов поступят в собственность западно-сибирского отдела географического общества» («Известия И. Р. геогр. общества», 1883 г., стр. 250 и 251). По словам спутника г. Адрианова, г. Д. Клеменца, («Древности минусинского музея», Томск, 1886 года, стр. 28 и 29), в числе масок «попалась одна женская замечательной красоты, с чертами лица чисто европейскими», но личные впечатления дело весьма ненадежное там, где возможны и необходимы исследования и измерения специалистов. Так, известный антрополог профессор Кольман, рассматривая коллекцию длинноголовых черепов, из древних могил, присланную из Иркутска на международный конгресс, 1892 год, в Москву, нашел, что черепа эти хотя и долихоцефальны, но отличны от европейских длинноголовых черепов и имеют особую азиатскую форму (Travaux du Congrès international d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques à Moscou, 1892, t. II, Moscou, 1893, p. 29).

² Д. Н. Анучина «Племя айнов» в «Известиях И. М. общества любителей естествознания» и пр., том 20, Москва, 1876 г., стр. 127.

³ Memoires de l'academie des sciences de St. Petersburg, VII serie, t. 37, № 13, 1890, s. 4, 47.

⁴ В Кидань-го-чжи (китайская история киданьского государства), составленной в XII веке, упоминается об одном племени тунгузов, которое именовалось там чу-чен (желтоголовое) и отличалось желтыми волосами и зелеными, желтыми или белыми глазами (Schott-Über die ächten Kirgisen, 1865, s. 444): может быть это была помесь тунгузов с динлинами.

принадлежат древнейшие могилы средней России с длинноголовыми черепами и бронзовыми изделиями, имеющими соотношения к енисейским¹.

Так как динлины занимали в древности северную Монголию и северную часть киргизской степи, то, без сомнения, не одни кыргызы были продуктом смешений тюрков с динлинами. Кыргызы, по-видимому, являлись таким из тюркских племен, происшедшим от помесей тюрков с динлинами, у которого, вследствие сильного перевеса динлинского элемента, черты и выделялась слишком резко из типов монгольской расы². Но не должны были избежать помесей с динлинами, в меньших размерах, и другие тюркские племена, вытеснявшие динлинов на север. Надо поэтому предполагать динлинские примеси у теле, которые заняли земли динлинов в Хангае и недаром, конечно, назывались у китайцев «гаогюйскими динлинами», а также у меркитов и киреев, занявших земли динлинов на Селенге и Орхоне³. Надобно, наконец, допускать динлинские примеси у тех тюрков, которые вытеснили динлинов из северной части киргизской степи; тут народные предания дают основания видеть помесь с динлинами в племени малой орды алчин, по одному сказанию которого, приводимому Казанцевым⁴, киргиз-казаки происходят от пегих людей.

Кроме динлинов, в хребте Саянском и на его склонах на севере и юге обитал народ самоедский, как это выяснил Кастрен, который нашел еще на Енисее остатки не вполне отуреченных самоедов и признал за некоторыми местными родами самоедское происхождение⁵. Представляются отуреченными самоедами также урянхайцы, но надо

¹ Предполагающие в енисейских и северно-алтайских народцах отуреченных финнов ссылаются на авторитет Кастрена и В.В. Радлова, которые изучили языки этих народцев и «доказали их несомненное сродство с финскими наречиями». Но Кастрен, как цитировано выше, признавал в енисейских народцах отуреченных самоедов и енисейских остяков и соплеменников последних, а не финнов, и находил у языка енисейцев лишь «весьма дальнее» сродство с финско-самоедскими языками, до такой степени дальнее, что сближал язык енисейцев с китайским, с которым финские языки не имеют ничего общего. Что касается В.В. Радлова, то в *Aus Sibirien* (1884, В. 2, s. 142, 143) он говорит, что хотя в статье своей об аборигенах Сибири в «Живописной России» он высказал предположение, что древние могилы бронзового века могут принадлежать угро-самоедам, но ближе ознакомившись с китайскими известиями VII века о дубо, несомненных предках туба-самоедов, он изменил свое мнение и полагает, что стоявшие на низкой степени культуры самоеды не могли оставить таких могил, которые принадлежат населению со значительно развитой культурой; в то же время китайские известия о «пегом народе» убедили его в большой правдоподобности предположения, что этот народ, - описываемый китайцами имевшим светлую окраску, но отличавшимся от кыргызов по языку, - принадлежал к племени енисейцев, которое совершенно отличается по языку от черноволосых урало-алтайцев. Он поясняет, что это его мнение о том, что енисейцы являются потомками древнего культурного народа Сибири, есть «только гипотеза, имеющая за себя некоторую вероятность». Он не отвергает возможности, что этим народом были белокурые финны или, как предполагал Риттер, индо-европейцы, германцы или славяне, но пока доказательства ограничиваются ссылками на белокурость и голубоглазость, он считает свою гипотезу более вероятною. В другом месте того же сочинения акад. Радлов замечает (I, s. 189), что достаточно заглянуть в кастреновскую грамматику остячко-енисейского и коттского языка, чтобы убедиться, что язык этот не принадлежит к урало-алтайским.

² По замечанию китайского ученого Шыгу, жившего, кажется, в VII веке, «усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их» («Собрание сведений», III, стр. 65).

³ Кость мэркыт у торгоутов дала рост в среднем 1679 мм, тогда как монгольская барун только 1593 мм (А.А. Ивановский «Антропологический очерк торгоутов тарбагатайской области», Москва, 1893 г., стр. 56).

⁴ «Описание киргиз-кайсака», СПб., 1867 г., стр. 1.

⁵ «Магазин земледелия и путешествий», т. VI, стр. 417 и 423.

думать» что и в остальных так называемых «лесных народах» была значительная самоедская примесь.

Из окружающих Монголию народов вероятны помеси тюрков: на востоке - с тунгузским племенем, существовавшие вероятно у татар, онгутов и джалаириков, на юге - с тибетцами и на северо-западе - с финно-уграми.

Существовали, конечно, и в древности помеси с монголами, отражавшиеся, по тесному соседству с монголами, особенно на лесных племенах, из которых ойрагы, составившие основу калмыков, были, по-видимому, помесью тюрков с самоедами и монголами. Монгольское господство с XIII века выразилось вытеснением большей части тюрков из Монголии и омонголением оставшихся. Вне Монголии примеси монголов к тюркам были незначительны, ибо число перешедших в улусы Джучия и Джэгатай монголов было невелико. Те черты у тюрков, которые часто считаются указанием монгольской примеси, на самом деле в значительной степени составляют общее коренное достояние тюрков и монголов, ибо из народностей Азии монголы к тюркам стоят всех ближе.

Что касается примесей китайской крови, то, без сомнения, имея китайцев соседями с глубочайшей древности и забирая их в плен во время набегов тысячами, тюркские племена должны были принимать в себя немало китайской крови. Однако, хотя несомненно и влияние на тюрков китайской культуры, трудно, если только это и возможно, указать какие-либо следы китайских примесей в отдельных тюркских племенах и народностях вне Китая. Наоборот, тюркские примеси к китайцам весьма резко проявляются 15 миллионами дунган северного и западного Китая, которые, видимо, суть потомки окитаенных хуннов, турков-тукю и уйгуров, десятками и сотнями тысяч принимавших китайское подданство, водворявшихся на севере Китая и получавших китайский язык, одежду и значительную часть обычаев, но сохранивших большую часть своей тюркской крови, а с нею и тюркского характера и наклонностей. С принятием через посредство тюрков - соплеменников мусульманства эти окитаенные турки приобрели, вдобавок к прежней, новую преграду, отделяющую их от китайцев.

IV. Тюркские племена и народности Сибири и Монголии

1) Якуты

Самым восточным и северным из тюркских племен являются ныне якуты, обитающие главным образом в бассейне р. Лены, но распространившиеся отсюда на восток до Охотского моря и на запад до нижнего Енисея. Зовут себя якуты сами саха, имя же якут образовалось, как обыкновенно полагают, из названия еко или яко, которое давали им тунгузы¹.

¹ Bohtlingk-Die Sprache der Jakuten, S.-Petersburg, 1851, s. XXXVI. Ошибочное утверждение - «якуты сами себя называют золами» (как, напр., у г. К. Ельницкого «Иногородцы Сибири и среднеазиатских владений России, этнографические очерки, учебное пособие», Спб., 1895 г., стр. 81), - пошло со времени неудачного

По приведенному в «Северном архиве» 1822 г. якутскому преданию («родословию»), якуты считают у себя «два поколения. Первое батилинское. Начальника оного именуют Омогой Бай, который..., как думать должно, будучи вытеснен из своих мест силою оружия в лежащую около Иркутска братскую (бурятскую) землю, кочевал по р. Лене; спустясь вниз по оной, сперва останавливался на устье Олекмы, а потом ниже, где ныне стоит город Якутск... Второе поколение почитает себя происшедшим от некоего Эллея, тоже приплывшего по Лене, но неизвестно откуда. Однако должно полагать, что и он происходит от тех же самых татар¹, прибыв спустя немалое время после первых, по слухам об их успехе»; он женился на дочери Омогоя, предпочтя ей другую, любимицу отца, который рассердился за такой выбор и дал в приданое одну плохую кобылу. «Эллей, однако, разбогател, произвел двенадцать сыновей, потомство коих составило многочисленное поколение, в котором верховное начальство осталось в роде старшего Эллеева сына Хагаласа, которого именем и поныне называется кангалаский улус, от него происшедший... Племя же Омогоево, под именем батулинской волости, живет и ныне около Якутска... будучи числом гораздо менее Эллеева потомства. К ним впоследствии присоединились хоринцы», бурятский род из-за Байкала. «Первое весьма темное известие о якутах получили россияне от мангазейских казаков в 1620 году, но ясак взят теми же казаками не прежде 1630 г., первый же острог построен на якутской земле 1632 г.»²

Это предание распространено между якутами и в настоящее время повсеместно, во множестве вариантов, сохраняющих главные его черты, с различными дополнениями³. По указаниям на происхождение родов интересен вариант В.Л. Приклонского, по

перевода не совсем верной немецкой транскрипции Георги этим самым словом («Описание всех обитающих в российском государстве народов», второе издание 1799 года, часть 2, стр. 169).

¹ Основываясь на сходстве имени саха с сагай, неизвестный автор думал, что Омогой принадлежал к племени сагай, которого часть существует поныне на Енисее. По Н. Щукину, приводящему в своей «Поездке к якутам» (СПб., 1844, стр. 271-275) один из вариантов сказаний об Омогое и Эллее, «сами якуты говорят, что они происходят от красноярских татар», т.е. от сагайцев.

² «Северный архив», 1822 года, часть 3, стр. 204-209.

³ По словам В.Л. Серошевского, который дает обширный и богатый бытовыми подробностями вариант, «всякий якут, равнодушный к преданиям своего народа, знает его и может передать с большей или меньшей полнотою» («Якуты, опыт этнографического исследования», том I, СПб., 1896 года, стр.190). Барон Г. Майдель, в «Исторических известиях о якутской области», составляющих третий отдел (s. 441-798) второй части его *Reisen und Forschungen im Jakutskischen Gebiet Ost-Sibirien's* (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches etc., Vierte Folge, Band 2, St.-Petersburg, 1893, s. 454), излагает то же предание в следующем виде: «По древнему якутскому сказанию, которое и теперь на Лене известно, якуты первоначально обитали на Енисее в стороне Красноярска; были оттуда вытеснены и перешли на восток, в бурятские степи. Но там они долго не удержались, потому что буряты отнеслись к ним неприязненно и делали на них многократные нападения. Вследствие этого, приблизительно 400 лет тому назад, весь народ, под предводительством Омогоя, по другим Оконома, собрался в верховьях Лены, построил там челноки из воловьих шкур и плоты для скота из деревьев береговых лесов и поплыл по течению реки, пока не нашел хороших пастбищ около устья Олекмы. Здесь он остановился. Через некоторое время к Омогею присоединился некто Эльей, по одним сведениям якут, находившийся в плену у бурят и от них бежавший, по другим же - бурятский старшина, пожелавший присоединиться к якутам. Эльей женился на дочери Омогоя или Оконома, и от 12 его сыновей произошли главные роды якутов; так, напр., от его сына Хангаласа ведет свое начало большое племя хангала или кангала, которого жилища ныне простираются по обоим берегам Лены от Олекнинска до Якутска. Один из позднейших старшин этого племени Тыхын или Тыгин построил укрепленный городок на горе Чебедал на правом берегу Лены. Но пришли русские, крепость его разрушили и построили на ее месте острог». К сожалению, и здесь, как в значительной части своих весьма интересных «Исторических известий», барон Майдель не указывает достаточно определенно своих источников, лишая этим, нередко, свой замечательный труд полного научного значения.

которому жену Оногойбая звали Сара, а брата Улу-Хоро; единственного сына Оногая именовали Барагай-бятылы-кильтягай-тобук, и от него происходит улус баягантайский; у Эр-Эллея было шесть сыновей: старший Лабынга-сюрюк был первым шаманом; от второго Хадат-хагалас происходят улусы кангаласские; от третьего Джон-джагылы ведет начало батурсский улус; от четвертого Молотой-орхона происходит мегинский улус; от пятого Дели-дархана ведутся борогонский и дюпсунский улусы, по именам двух его сыновей, Борогон-джарта и Сюрдах-дюпсуня; от шестого Хатан-хата-малая происходит намский улус¹.

Основываясь на якутских преданиях, на тождестве имени саха с сагай и на множестве этнографических данных, свидетельствующих не только о южном, но и об енисейском происхождении якутов², можно, вместе с Миллером³ и большинством писателей, касавшихся этого предмета⁴, считать весьма вероятным, что якуты представляют собой часть тюркского племени сагай, перешедшую с Енисея в бассейн Лены и получившую сильные примеси в аборигенах этой страны тунгусах и в соседних с нею с юга бурятах. Труднее и дальше от удовлетворительного разрешения вопрос о времени переселения предков якутов на Лену⁵. Достоверным тут, кажется, можно

¹ «Три года в якутской области» в «Живой старине» 1890 г., вып. 2, стр. 27-30.

² Много фактов в подтверждение южного происхождения якутов собрано в прекрасном труде В.Л. Серошевского («Якуты», том I, глава 1 и другие места этой книги). К приведенным там данным второстепенного значения можно прибавить, между прочим, енисейское происхождение единственного у якутов музыкального инструмента. По г. Серошевскому (стр. 591), у якутов «нет никаких музыкальных инструментов, кроме хамыс, прибора, состоящего из железной рамки с пружиной посередине, на которой играют пальцами, взявши рамку в губы и варьируя тоны с помощью зубов и языка. Прибор этот похож на малороссийскую друмлю»... Именно такой инструмент под названием коме и теперь существует у енисейских тюрков, как видно из статьи г. Островского в «Живой старине» (вып. 3 и 4, 1895 г.) и помещенного им в Zeitschrift für Ethnologie (Berlin, 1895, VI Heft, s. 617) рисунка. Разница против рисунка г. Серошевского (стр.613) главным образом только в грубости отделки качинского комса, изделия урянхайцев.

³ По его «Описанию сибирского царства» (второе издание, 1787 года, стр. 21 и 22), якуты «сказывают, что в давние времена предки их с мунгалами и с бурятами, которые им (ныне) по именам только знакомы, в соседстве жили, но прогнаны от них войною, так что они в верху реки Лены со своим скотом на плоты сели, и около Олекмы и Якуцкова поселились... Якуты называют самих себя саха, с чем весьма изрядно сходствует, что между татарами Красноярского уезда имеется еще небольшое поколение, которое тем же именем называется».

⁴ В.В. Радлов в Aus Sibirien (1884, В. I, s. 134) склонен был признавать якутов за гулиганей танских времен. Эти гулиганы, по «Истории династии Тан» («Собрание сведений» и пр., I, стр. 439 и 440), принадлежали к числу гаогуйских поколений, имели 5 т. войска и кочевали «по северную сторону Байкала», вероятно, более или менее смежно с дубо (урянхайцами), ибо князья обоих народцев приезжали вместе к китайскому двору в 647 году; земли гулиганей «на севере простирались до моря». Так как в орхонских надписях 732 и 734 гг. упоминается народец учь-курыкан, то надо думать, что это и есть гулиганей китайских известий, хотя В.В. Радлов, не выясняя оснований, помещает курыканов в число народов не тюркских (Die alttürkischen Inschriften, 1895, s. 428). В «Истории династии Юань», т.е. монгольской, описывается в составе области кыргызов особый округ Ангкола, именовавшийся так по реке, в нем протекавшей, по-видимому, по реке Ангара; язык жителей этого округа был «существенно отличен от кыргызского, стало быть не тюркский, хотя в том же описании пояснено, что территория Ангкола была землею тех кули (гулиганей?), о которых говорится в «Тан-шу» (Schott-Über die ächten Kirgisen, Berlin, 1865, s. 436, 454, 455). Если таким образом в XIII веке на местах гулиганей-курыканов оказался народ не тюркский, а тунгузский или самоедский, то не ушли ли они на Лену и не были ли там предками якутов? Подобное предположение маловероятно, потому что ни в памяти якутов, ни в именах их родов не сохранилось имени курыкан или близкого к нему. Вероятнее, что существовавший в VII и VIII веках под именем курыкане союз гаогуйских родов позднее, в уйгурскую эпоху, передвинулся на юг в Монголию и там, во время уйгуров или после падения их царства, распался и вошел в другие союзы тюркских родов.

⁵ По ак. Бетлингу, напр., который полагал, что якуты «первые отделились» от остальных племен тюркского языка («О языке якутов», стр. 415), отделение якутов должно было совершиться во времена

полагать лишь то, что это переселение совершилось не позднее XIII и самое позднее XIV столетия, так как для образования на Лене довольно уже многочисленного народа, каким якуты найдены в начале XVII века русскими завоевателями Сибири, необходимо было конечно не менее двух - трех столетий, ибо численность первоначальных переселенцев, без сомнения, была невелика.

Из исследований В.Л. Серошевского («Якуты», т. I, глава X), собравшего массу наблюдений, всесторонне сопоставленных, можно заключить, что основы рода (ага-уса, отчий род) и родовых союзов у якутов лежат в кровном родстве и в хозяйственно-политических особенностях быта скотоводческих обществ, при данных местных и этнографических условиях. Первоначально род состоял из такого количества близких и дальних родственников, какое могло получать средства к существованию от общего табуна лошадей (до 500 голов), при пособии звероловства и рыболовства. По мере того, как численность членов рода начинала превышать норму, происходило дробление его на части, образование новых родов: первоначальный род обращался в родовой союз. При дальнейшем размножении родовой и распространении пастбищ на все более и более отдаленные местности совершалось раздробление первоначальных родовых союзов на второстепенные и т.д. Главные, первостепенные, родовые союзы назывались в старину, до прихода русских, бись-ага-уса или просто джон (народ); низшими родовыми единицами были отчий род (ага-уса) и материнский род (иоуса), так как, при многоженстве, происходящие от одной матери и одного отца составляли более близкородственную группу, чем дети одного отца, но разных матерей. Русские завоеватели называли найденные ими у якутов родовые союзы волостями и улусами. Впоследствии главные родовые союзы получили именование улусов, второстепенные названы наслегами, за частями же последних осталось название

доисторические. По г. Шкловскому («Очерки природы и населения крайнего северо-востока Сибири» в «Землеведении», 1894 года, кн. III, стр. 70), не приводящему, однако, своих источников и оснований, «якуты явились на среднем течении Лены в XIII веке, вытесненные с юга бурятами, которых в свою очередь вытеснила из северного Китая (?) монгольская орда ниуча (?)». Есть, однако, достоверные известия о переселении тюрков с Енисея на юго-восток от Байкала в конце XIII века: именно в «Юань-ши» упоминается Чао-чжеу, укрепленное место в богатой рыбою древней земле Наян, которое устроено при императоре Кубилае в 1293 году; население этого места составила переселенная сюда «орда кыргызов». Приводя из «Истории династии Юань» эти известия, Шотт поясняет, не указывая источника, что земля Наян находилась в Тунгузии (Манчжурии?), к западу от жилищ так называемых водяных татар (Über die ächten Kirgisen, 1865, s. 464). Об этом же переселении енисейских тюрков упоминает арх. Палладий: «Некогда были в Маньчжурии оседлые колонии тюркских племен с Енисея: из кэргиз, урянхайцев и хакасы, которых Хубилай перевел (в 1293 г.) в Абалаху (облавы) поблизости к Амуру» («Записки И. Р. геогр. общества, по отделению этнографии», том 4, 1871 г., стр. 446). Но невозможно, что главная масса этих переселенных в конце XIII века на юго-восток от Байкала енисейских тюрков состояла не из кыргызов собственно, а из соплеменных им и занимавших часть кыргызской области сагайцев, и что во второй половине XIV века, после изгнания монгольской династии из Китая, во время происходивших затем в Монголии неурядиц, будучи обижаемы и теснимы отодвинутыми на север монголами, енисейцы Чао-чжеу ушли из верховьев Амура на Лену. Если это так, то получается ясная и понятная разгадка: почему якуты называют себя урангай-саха, как свидетельствует о том г. Серошевский, который не мог, однако, добиться удовлетворительного объяснения («Якуты», I, стр. 203). Если якуты суть потомки переселенцев в Чао-чжеу, в числе которых были, по китайским известиям, урянхай, то по главным племенам переселенцы должны были называться урянхай-сагай. Не лишне также иметь в виду, что имена легендарных якутских праотцов Оногая и Элley близки к местным названиям в верховьях Амура: на истоках Малого Агуза (бассейна р. Ингоды) есть «скалистая вершина, называемая Еллоо», на которой выют свои гнезда коршуны-бородачи (по-монгольски оллоо), а на р. Аргуни есть деревня Онохой (см. русский перевод «Землеведения Азии» Риттера, «Восточная Сибирь», вып. I, 1879 г., стр. 310, 340 и 361).

родов. Таковы, по крайней мере, нынешние административно-общественные деления якутов¹.

Пока родовой быт еще держится у якутов, но корни его уже подорваны вследствие, главным образом, изменений в экономических и отчасти духовных основах жизни этого племени. Экономическая эволюция вызвана была размножением населения и недостаточностью доставляемых прежними формами хозяйства средств для его содержания, состояла же она в замене в скотоводстве лошадей рогатым скотом и затем во введении и распространении хлебопашества.

В настоящее время существует 18 якутских улусов, 230 наслегов и 934 рода². Имена улусов и наслегов приведены в «Памятных книжках якутской области» (последняя на 1896 год) и в приложении к труду г. Серошевского «Якуты», имена же родов известны лишь немногие. При рассмотрении улусных имен оказывается, что имена всех 10 улусов, которые образованы из земель, занятых якутами уже большей частью после появления русских на Лене, происходят от топографических имен: верхне-вилюйский и средне-вилюйский, верхне-янский и устьянский, колымский, олекминский, мархинский - от рек Вилюя, Яны, Колымы, Олекмы, Мархи, на которых они расположены; сунтарский - от озера того же имени, жиганский - от соименного урочища (может быть, впрочем, от тунгусского рода) и эльгетский, вероятно, от речки Эльгы (приток Алдана), откуда, быть может, пришли составившие его роды. Из остальных 8 улусов, занимающих места, где якуты найдены были при приходе русских, только баягантайский ведет, кажется, свое название от реки Баяга, по которой лежат его земли, остальные же семь улусов получили свои имена, по-видимому, от имен вождей или начальников древних родовых союзов или, что менее вероятно, от древних родов: восточно-кангаласский, западно-кангаласский, намский, мегинский, борогонский, батурусский и дюпсинский.

По заверениям местных исследователей, наследи получали обыкновенно свои названия от того из составляющих их родов, который считался старшим по происхождению³. Поэтому и так как, во-первых, трудно ожидать в названиях нынешних родов, - все по вышеизложенному, позднейшего и недавнего происхождения, - сохранения древних родовых имен, и, во-вторых, нетопографические названия улусов скорее происходят от имен вождей главных родовых союзов, образовавшихся под их главенством, надо думать, что остатки древнейших родовых имен ближе найти в именах наслегов. При рассмотрении последних замечается, что некоторые наследи

¹ Каждым родом управляет родовой старшина, которого якуты зовут малым князем, наслегом - родовое правление из наследного старосты (большой князь) и родовых старшин, наконец, улусом - управа из головы и шести членов. Важнейшие дела решаются собраниями: в роде - из всех плательщиков, в наслеге - из родовых старшин и более влиятельных родовичей, в улусе - из всех князей совместно с самыми богатыми и уважаемыми людьми улуса («Якуты», т. I, стр. 497 и 498).

² «Якуты», I, стр. 496 и 497.

³ Р. Маак «Вилюйский округ якутской области», часть 3, Спб., 1887 года, стр. 39. По мнению неизвестного автора статьи «Якутский род» и пр. (в «Памятной книжке якутской области на 1896 год», стр. 44), наследи, до издания Устава о сибирских инородцах 1822 года, назывались по именам князцов, теперь же каждому наслегу присвоено особое название по имени предка, от коего этот наслег вел свое происхождение.

носят одинаковые имена, различаясь числительными - первый, второй и т.д. Они образовались, очевидно, из больших родов или даже из родовых союзов, не попавших в число нынешних улусов. Таковы: 5 наслегов джарханских, в двух улусах, разделяющихся на 41 род, в числе всего 11 т. душ, 6 мальджегарских - 9240 д., 4 бардонских, 4 хатылинских, 4 жехсогогонских, по 2 наслегу меитских, нахарских, удюгейских, мельджахсинских и др. Конечно, большая часть наследных имен, как родовых и улусных, происходит от топографических названий и от имен родоначальников; но есть между ними происходящие явно от племенных и родовых имен народностей, составляющих примеси к тюркской основе. Таковы, напр., наслег хоринские в улусах западно-кангаласском, борогонском, верхне-вилюйском, сунтарском, очевидно, происходящие от бурятского хоринского рода, обитающего и ныне за Байкалом. Вероятно, некоторые имена наслегов происходят от имен тунгусских родов, слившихся с якутами. Указывают, кажется мне, на тюрко-енисейское происхождение якутов следующие имена наслегов: эргитский (в западно-кангаласском улусе), так как имя это тождественно с нынешней костью иргит у сагайцев и урянхайцев; кулятский (в верхне-вилюйском у.), ибо это имя одного происхождения с костью куль у урянхайцев и койбалов на Енисее; оюн-усинский (в намеком у.), по-видимому, тождествен с костью оин у урянхайцев; кыргыдайский, если не происходит от имени озера Кыргыдай, упоминаемого у Маака, может быть бурятско-якутской формой имени кыргыз; в имени наслегу хатын-аринского можно¹ видеть потомство от женщины из племени ара, арийского, на Енисее; чериктейский наслег (дюпсунского улуса) напоминает поколение чирик у Тяньшаньских каракиргизов. Алтайский наслег в мегинском улусе, вероятно, есть та волость времен Георги, которая названа у него «алтайскою», «уповательно по прежним их местам»².

По г. Серошевскому, у якутов «каждый род и каждый второстепенный родовой союз имели свои знаки-знамена или тамги, как их называют воеводские власти того времени, имели свои родовые кличи-ран (уран), свои военные песни и прозвища. Эти кличи, песни, формы и названия знамен совершенно забыты якутами. Раз только случилось, что колымские якуты кангаласского рода сказали мне, что знак их в старину был беркут, барылас. Названия многих родов и союзов, как лисица, сасыл, медведь, эсе, Венера, чолбын, желудок, ись, плешивый, тарагай, обжора, мангыс и т.п., указывают приблизительно, какие могли быть у них знамена. Среди них чаще всего встречаются лук, затем рогатый скот, лошади, рыбы». В числе части знамен,

¹ В цитированной уже выше статье неизвестного автора «Описание якутов, их происхождение» и пр., помещенной в 3 части «Северного архива» за 1822 год, говорится, что «творца всех существ» якуты именуют «Ар-тойон, милостивый господин; они почитают его женатым и супругу его называют /Сю-бей-хотун, т.е. святейшею госпожой; верят, будто бы она явилась их предкам в виде лебедя, а потому сию птицу многие из них не употребляют в пищу» (стр. 211). Я уже упоминал, что Томашек, основываясь на последнем сказании, находит возможным считать якутов потомством или народом превратившегося в лебедя сына праотца тюрков, по древней легенде VI века о происхождении тюркских племен. Я не думаю, чтобы существовали достаточные основания относить переселение якутов на Лену к столь ранним временам, и полагаю, что обращение лебедя в онгон могло произойти у якутов и на Лене, если не занесено было предками их енисейскими тюрками, которые могли заимствовать культ лебедя у кумандинцев.

² «Описание всех обитающих в российском государстве народов», Спб., 1799 г., часть 2, стр. 170.

скопированных г. Серошевским, в качестве наиболее интересных, с рукоприкладств якутов на податной описи мегинской волости 1671 г., нет тамг, которые были бы пригодны для таврения скота; все изображения животных и предметов, состоящие из разнообразных кривых и сходные с подобного рода знаменами березовских других инородцев, изданными г. Оглоблиным. В.Л. Серошевский замечает: «Среди этих знаков неизвестно, какие родовые, какие семейные или личные... Возможно, что тамги были привилегией некоторых, что у многих из подписывающихся не было знаков, и они их тут же были принуждены выдумать»...¹ В изданном пока первом томе «Якутов» нет никаких сведений о метках или таврах для скота у якутов; не встречалось мне таких сведений и в других источниках, но странно было бы, если бы у скотоводческого доселе народа не существовало мет для скота. У Миддендорфа² помещен любопытный рисунок якутского карди (календарь-пасхалия) из слоновой кости, в котором дни означены зарубками, а праздники (православные) - особыми кажда́ми знаками. Значительная часть этих знаков тождественна с родовыми тамгами киргиз-казаков и других тюркских кочевников. Так, знак $+$ служит тамгою у киреев, $\begin{smallmatrix} \circ & \circ \\ | & | \end{smallmatrix}$ - у кипчаков (только без точек); у кара-киргизского поколения султу; N есть буква ö и ü тюрко-орхонского алфавита, в карди же этот знак означает праздник Трех Святителей. Если эти и подобные знаки не употребляются у якутов в качестве знаков собственности, то появление их в карди представляется совершенно загадочным.

По сведениям Георги, относящимся ко второй четверти XVIII столетия, якуты платили с 35179 податных душ. По Кеппену, в 1795 г. считалось якутов 50066 душ муж. пола. В 1838 году полагали их численность до 86 т. душ муж. пола³. По губернаторскому отчету за 1885 г. население якутской области состояло из 251826 д. о. п., в том числе якутов 219866 д.⁴ По сведениям за 1891 год можно считать якутов в якутской области и в енисейской губернии 221776 д. обоего пола⁵, но есть еще якуты в

¹ «Якуты», том I, стр. 469-471.

² «Путешествие на север и восток Сибири», вып. 7, Спб., 1878 г., стр. 762.

³ Н. Щукина «Поездка к якутам», 1844 г., стр. 171. Несколько иные цифры собраны за разные годы Бером в *Beitrag zur Kenntniss des Russischen Reiches*, B. 7, St.-Petersburg, 1845, s. 89-95; между прочим, по ревизии 1783 г., считалось якутов муж. пола 42956 душ и женского 41607, всего 84563 д. о. п.

⁴ М.С. Вруцевича «Обитатели, культура и жизнь в якутской области» в «Записках И. Р. геогр. общества, по отд. этнографии», том 17, вып. 2, 1891 года, стр. 3, 4, 29.

⁵ За 1891 год имеется о числе якутов в якутской области несколько печатных цифр, все по официальным источникам. Так у г. Иохельсона («Заметки о населении якутской области» и пр. в «Живой старине», 1895 г., вып. 2, стр. 133) якутов в области показано 229561 д. о. п., как и в его же статье того же содержания в «Памятной книжке якутской области на 1896 год». Но по помещенному в той же «Памятной книжке» списку населенных мест оказывается (стр. XXIII), что 229564 д. о. п. есть цифра не одних якутов, а всех инородцев; за вычетом не якутов, в числе 10566 д. (в том числе 8877 д. тунгусов), как видно из того же списка, якутов должно бы оказаться 218998 д., но при сложении попутных итогов того же списка получается якутов только 213456 д. Недоумения увеличиваются еще тем, то на стр. II цифра всех инородцев области определена в 224022 д., а все население области показано в 245368 д., тогда как по подведении итога попутных цифр на стр. I другой статьи той же «Памятной книжки» получается цифра всего населения области в 268155 д. Я остановился на цифре г.Серошевского («Якуты», т. I, стр. 211), так как она основана на официальных же данных и более соответствует цифрам предшествующих лет.

приамурском генерал-губернаторстве и в иркутской губернии, о числе которых сведений не имею¹.

2) Южно-сибирские тюркские племена

Исторические и лингвистические данные и родовые имена, в настоящее время, согласно выясняют, что занимающие ныне Алтай с его северными скатами и хребты Саянский и Танну-ола с их северными и южными склонами народности тюркского языка суть тюрки и отуреченные самоеды и енисейцы (т.е. «пегий народ», потомки динлинов). Где бы ни находилась прародина тюрков, но в исторические времена пригодные для кочевников-скотоводов долины в бассейнах Чарыша, Катунь, Чуй и Телецкого озера, вообще внутренний или собственно Алтай, всегда были заняты тюрками. Именно отсюда тюрки выходили в Монголию, а равно распространялись на север Алтая и на восток, в бассейн верхнего Енисея, на обе стороны Саянского хребта, в земли, первоначально занимавшиеся самоедами енисейцами, постепенно их отуречивая. Это отуречение, происходившее путем подчинения енисейских и самоедских народцев для взимания дани и путем помесей с ними, производилось в бассейне верхней Оби тюрками Алтая, в бассейне же Енисея выселившимися на Абакан в глубокой древности тюрками, составившими в смеси с динлинами племя кыргызов. Не вдаваясь в изложение предшествующей истории кыргызов и алтайцев, упомянем, что в начале XVII века на властвование над алтайцами и кыргызами и их данниками заявляли притязания русские завоеватели Сибири из Томска, основанного в 1604 году, монгольские алтын-ханы, владевшие бассейнами Улуг-Кема и Кемчика и озера Убсанора, и калмыки. И алтайцы, и кыргызы подчинились последним, ведя борьбу с русскими, отнимавшими у них данников, в среде которых были построены города Кузнецк и Красноярск. Осенью 1703 г.², во избежание столкновений с Россией, цзунгары увели кыргызов в свои земли, алтайцы же оставались в калмыцком подданстве, составляя цзунгарский оток теленгет в 4 т. кибиток³, до 1756 г.; только с этого времени, спасаясь от монгольских и китайских войск, преследовавших их, как приверженцев цзунгаров, алтайцы окончательно приняли русское подданство, и лишь часть их на самом юге оставалась до 1869 г. в двоеданстве, платя подать и китайцам.

а) Алтайцы и телеуты

Кочующие ныне в бассейнах верхнего Чарыша, Катунь и Телецкого озера алтайские тюрки у русских зовутся алтайскими горными или белыми калмыками и просто калмыками, сами же называют они себя изредка ойронтами (все в ту же память былой

¹ Вамбери, по каким-то недоразумениям, считает якутов только около 80000 душ обоого пола (Das Türkenvolk etc., 1885, s. 165, и The Turko-Tatars в The Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8, N 1-3, p. 5). У Ядринцева («Сибирские инородцы», СПб., 1891 г.) якутов показано 239120 д. В издании канцелярии комитета министров «Накануне всеобщей переписи. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи», СПб., 1895 г., численность якутов в якутской и приморской областях и в иркутской и енисейской губерниях, по сведениям за 1893 г., означена в 230433 д., но я не пользуюсь этой цифрой ввиду возможности включения в ее состав одной из сомнительных цифр по якутской области, которые приведены выше по «Памятной книжке» на 1896 год.

² «Памятники сибирской истории XVIII века», книга I, СПб., 1882 г., стр. 232.

³ Иакинфа «Историческое обозрение ойратов», СПб., 1834 г.

подвластности ойратам или калмыкам), обыкновенно же именуют себя алтай-киши (алтайские люди) или по рекам чу-киши и т.д.; живущие на Башкаусе зовут себя улан, а на Чулышмане - телес. Роды или кости их следующие: найман, миркит, кыпчак, кан, кергит, ыргыт, мундуз, ара, тотош, чапты, тоншон, алмат, кебек, көдьө, танду, пайлагас, йытас, котты, сакал, телес, йыдак, кыргыз, сойон, монгол, сарт. Язык алтайцев «есть чистое тюркское наречие с печатью глубокой древности»; вследствие долгой подвластности и соседства с калмыками в нем много монгольских слов, совершенно, однако, переработанных на тюркский лад.

К алтайцам стоят близко по языку телеуты, называющие себя теленгетами и кара-калмыками, вероятно вследствие продолжительного подданства ойратам¹. В XVII веке телеуты, должно быть, стояли во главе всех алтайских племен, ибо только с ними и их князьями вели сношения и имели столкновения томские и кузнецкие воеводы. Исключение составляли телесы и их князья, которые, после нескольких стычек с русскими, во второй половине XVII века, кажется, оставляли на время свои земли, уйдя на юг или на юго-восток, к урянхайцам. С поступлением около этого времени в подданство ойратов имя телеутов у алтайцев, по-видимому, исчезает, ибо они носят у калмыков название теленгетов или теленгутов. Появляется оно снова в XVIII веке, когда таулелеутами называется та небольшая часть алтайцев, которая обитала на р.р. Семи и Найме, притоках Катуня, и кроме дани цзунгарскому хану платила ясак и русским². Во время путешествий по Алтаю В.В. Радлова, в шестидесятых годах, племя телеутов, вообще сильно обрусевшее, обитало в числе 2991 д. в кузнецком округе (на р. Бачат) и в числе 2791 д. в бийском округе в селениях алтайской духовной миссии на р. Найме и других, бассейна Катуня, но последние не были большей частью местными жителями, а переселились сюда из кузнецкой степи после учреждения миссии (1828 г.)³. За неимением сведений о том, как и когда попали телеуты в кузнецкий округ, можно, на основании приводимого В.В. Радловым телеутского предания⁴, полагать, что переселился туда из Алтая в XVII веке один из телеутских князей, искавший защиты у русских от калмыков; с ним ушла большая часть племени, меньшая же осталась на Найме, где и дождалась учреждения миссии и переселения части телеутов из кузнецкого округа обратно на Катунь. Кости у телеутов следующие; торо, очу, миркит, ак-тумат, кара-тумат. чорос, кыпчак, сарт, найман, телес, торгул, мундус, кочкор-мундус, тотош, пурт, чалман. У живущего смешанно с телеутами народца ач-кештим, который значится в данной выше цифре телеутов кузнецкого округа, следующие кости: йюты, төрт-ас (четыре горностая), чингиз, ан⁵.

¹ Radloff. Aus Sibirien, I, s. 215, 216, 257, 258. То же автора Ethnographische Übersicht der Turkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, s. 12, 13.

² Г.Н. Потанин, по омским архивным сведениям, в Дополнениях к русскому переводу Азии Риттера, том 4, СПб, 1877 г., стр. 368.

³ Там же, стр. 389 и 360. Aus Sibirien, I, s.216.

⁴ Aus Sibirien, I, s. 177, 178.

⁵ Aus Sibirien, I, 216, Ethnographische Übersicht etc., s. 14. По словам миссионера Вербицкого: «Происхождение сеюков (костей у северных тюрков) различно. Одни имеют родоначальниками людей, другие происходят от гор, ...иные — от пней древесных, напр. тастар (плешистые) и пр.» («Алтайские

При сличении ач-кештимских костей с алтайскими и телеутскими становится ясным, что в числе первых нет древних тюркских костей и что вообще имена первых не имеют с последними ничего общего. Отсюда следует заключить, что народец ач-кештим, как и окружающие его племена кузнецкого округа, должен состоять из отуреченных самоедов и енисейцев. Отуречение его совершилось значительно ранее VIII века, как видно из того, что народец ач упоминается в надписях тюркского письма близ деревни Чирковой и на Кара-Юсе, а в надписи на Элегече значится племя яч-белиг. Народец кештим фигурирует в надписи на Кая-баши¹; он же в форме кесыдиин и кешидими поминается в числе племен, покоренных монголами при Чингиз-хане, одновременно с кыргызами, тоелесы (телес) и телянеу (теленгут)². В актах XVII века отуреченные енисейские и самоедские народцы, данники кыргызов, постоянно именовались кыштымами, так что это имя обратилось уже в нарицательное: так, напр., в 1642 году кыргызские князья отказались выдать кузнецким служилым людям, посланным за бежавшими с Мрассы и Кондомы ясашными людьми, требуемых беглецов, на том основании, что люди эти «кыштымы их киргизские, а пришли де к нам кормиться»³.

В многочисленных костях алтайцев и телеутов много общих, а потому надо признать, что телеуты и теленгуты или теленгиты, как зовут себя чуйцы, один и тот же народ, тем более, что истинное имя этого народа, очевидно, есть теле, а приставки монгольского множественного числа ут или гут приданы к имени теле лишь во время владычества над алтайцами западных монголов. Имя теле, как знаем мы из древних китайских сведений, носили племена гаогюйцев, а потому нужно полагать, что теле, в качестве общего имени для населяющих собственный Алтай тюркских родов, явилось вследствие численного или иного преобладания гаогюйских родов над остальными. В наличных костях нет исторически известных, как именно гаогюйские племенные или родовые имена. Остается предположить, что к гаогюйцам или теле принадлежали кости мундус и тотош. На значение этих костей указывает то, что ко второй принадлежат два зайсана (наследственные старшины или князья, правящие алтайскими дючинами или волостями), а к первой один. Остальные известные четыре зайсана происходят из костей кыпчак, ыргыт, найман и телес⁴. О кости мундус можно заметить еще, что она очень древняя, ибо встречается в нескольких поколениях кара-киргизов, в состав которых вошла, конечно, до Р.Х., когда кара-киргизы находились еще между Саянским хребтом и Тяньшанем. Телес есть имя племени особого от теле, потому что с монгольскими окончаниями из него вышло бы телесут и телесгут, а не телеут и теленгут. Надо полагать, что это остаток турков-тукю, у которых, как видно из

инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера протоиерея В.И. Вербицкого», Москва, 1893 г., стр. 9). Просматривая у Вербицкого имена животных по-алтайски, я заметил, что из имен этих встречаются в именах костей и родов следующие: горностай (ас), бурундук (куорюк), хорек (кузен), ворона (карга), лебедь (куу), пчела (ары). Конечно, это результат почитания духов предков, носивших имена животных.

¹ Radloff - Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Petersburg, 1895, s. 428

² «Труды росс. духовной миссии в Пекине», том 4, стр. 235, и «Восточный сборник», том I, 1877 г., стр. 191.

³ «Исторические акты XVII столетия», изданные Иннок. Кузнецовым, Томск, 1890 года, стр. 8.

⁴ Aus Sibirien, I, s. 251, 252.

надписей на памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану на Орхоне, существовало два главных рода или племени телес и тардуш, правители которых, всегда из ближайших родственников хана, назывались для первого ябгу (шеху у китайцев по чтению о. Иакинфа и др.) и у второго шад. От тардушей, занимавших земли на западе турецких владений, ныне нет следов, от телесов же, - считавшихся восточными, в качестве старшего рода, если не по положению земель, - оказываются остатки в Алтае, отечестве турков-тукю. Подобным образом можно считать остатками одноименных больших тюркских племен кости найман (от р. Найма, притока Катуня), кан (канглы, от р. Кана, притока Чарыша) и кыпчак. Невероятно, чтобы из них кыпчак и канглы были в Алтае не аборигенами, а случайными пришельцами с отдаленной Сыр-дарьи и из-за Балхаша. Зато представляются случайно нашедшими в Алтае убежище такие частицы народов и племен, обитавших в разное время вблизи Алтая, как кости меркит, кыргызы, сойон (урянхайцы), чорос, монгол. Нахождение костей сарт и пурут (калмыки именовали тьянь-шанских кыргызов бурутами) можно объяснить тем, что сарты и буруты были приведены калмыками в их приалтайские земли в качестве пленных и затем нашли убежище у алтайцев. Вероятно, также беглецами явились в Алтай частицы отуреченных енисейцев из племени аринов (кость ара), коттов (котты) и проч. Чорос есть главный цзунгарский род, к которому принадлежали өлөт и дюрбеты. Ыргыт В.В. Радлов считает кыргызским родом¹.

По переписи 1763 года считалось в пяти алтайских дючинах 475 душ муж. пола; в 1804 г. алтайцев числилось 1204 души муж. пола², вероятно без двоеданцев. По сведениям шестидесятых годов В.В. Радлов полагал у алтайцев 14-15 т. душ обоего пола. По Ядринцеву (1880 г.), численность их равнялась 17014 д. о. п.³ Позднейших сведений нет⁴.

Общее число алтайцев (17014 д.) и телеутов (5782) будет по устарелым, особенно относительно телеутов, сведениям 22796 д. о. п.

¹ Aus Sibirien, I, s. 217.

² Дополнения к р. переводу Азии Риттера, том 4, 1877 г., стр. 381.

³ «Записки западно-сиб. отдела геогр.о.», кн. 4, 1882, стр. 45. «Сиб. инор.», 1891 г.

⁴ В «Статистике Р. империи», XXIX, «Волости и населенные места 1893 года», вып. 10, «Томская губерния», Спб., 1894 года, приведено число душ только в первой дючине (3906 д.), между тем дючин всего девять.

В «Алфавитном списке», изд. канцелярией комитета министров, 1895 г., алтайцы и телеуты значатся под именем теленгутов, народа «монгольского племени, значительно отатарившегося», с численностью в 18470 д. по сведениям 1859 г., и они же, вероятно, фигурируют под именем калмыков бийского округа в цифре 200 т. калмыков, ибо никаких калмыков кроме «белых» в бийском округе нет. Вообще старинное именование тюрков-алтайцев «белыми калмыками» для отличия от истинных калмыков служит камнем преткновения для нашей официальной статистики. Так и в «Статистике Российской империи» («Волости и населенные места 1893 года. Томская губерния», стр. 70) алтайцы и телеуты зачислены в монголы.

В сообщении о поездке к теленгутам в 1896 г., сделанном г. Калачовым в отделении этнографии И. Р. географического общества, дана была цифра теленгетов в 35 т.д.о.п., но надо полагать, что эта цифра, во всяком случае, не точная, а приблизительная, относится на самом деле ко всем инородцам южной части Томской губернии, в районе деятельности алтайской духовной миссии, где г. Калачов, по-видимому, получил приведенную цифру. Численность чуйцев, т.е. алтайцев, кочующих на р. Чуе, называющих себя теленгитами (Aus Sibirien, I, s. 215) или теленгетами и составляющих две дючины или волости, которые только и были посещаемы г. Калачовым, не может превышать 5 - 6 т. д. о. п., если даже взять двойную или тройную цифру против приблизительно данной г. Радловым тридцать лет тому назад (2-3 т. душ для всех двоеданцев).

б) Отуреченные енисейцы и самоеды бассейна верхней Оби

К этой группе, состоящей из енисейцев (динлинов) и самоедов, отуреченных, вероятно, алтайскими тюрками более или менее непосредственно, ибо их диалекты близки к наречию алтайцев, относятся:

1) Кумандинцы, обитающие в бассейне Бии и делящиеся на верхних (роды со и кубанды или куманды) и нижних (роды тастар¹, юты, чабраш и тон-кубанды)². Первых (1893 г.) считается 1023 д. и вторых 2557 д., всего 3580 душ обоего пола³.

2) Лебединцы, язык которых не отличается от кумандинского, на р. Лебеди (Ку по-тюркски), из двух родов: якши и чалман. Считалось лебединцев в 1858 г. (шелкальская волость) 514 д. о. п.⁴

3) Черневые татары⁵ (йыш-киши), - которых алтайцы зовут туба, почему В.В.Радлов признает их отуреченными самоедами, - обитают между Телецким озером и Катунью; язык их близок к алтайскому, но особенности его указывают, что отуречение самоедов произведено было кыргызами, а это приводит В.В. Радлова к мысли, что пришли они в ныне занимаемые места в начале прошлого столетия уже отуреченными. Их пять племен: кюзен (роды кюзен и чедибеш), тиргеш (роды тогуз, йобур, чыгал), кбмнбш (роды көмнөш, ялан, тон, чыгал и палан), юс (роды юс и шор) и торгул, всего, в шестидесятых годах, в числе 3464 д. о. п.

4) Шор⁶ живут в покрытых лесами горах между Телецким озером и вершинами р. Томи, на р.р. Томи, Мрассе, Пызасе, Кобуре и Кондоме. В.В. Радлов считает шоров потомками татар-кузнецов XVII века, которых, по словам Фишера, «называли кузнецами потому, что они из руд плавил железо и делали из него разные вещи на свою потребу... Они тогда жили в природной своей вольности, кроме того, что наезжали к ним киргизы, от которых должны были откупаться подарками своей работы»⁷. В.В. Радлов полагает, что шоры суть отуреченные кыргызами енисейцы, так как язык их близок к сагайскому. Роды у них следующие: кынай (кызыл-кая), таяш, кый, кара-шор, сарыг-шор, карга, чедебес, конгы, койы, челей, себе, тарткын, уста, кобый, аба, таган, кереш, бар-соят, шалкал, чарагаш, беш-бояк. Первые семь родов имеются и у сагайцев. Численность шоров, разделенных административно на 22 волости, определялась в 1869 г. в 10 688 д. о. п.

¹ В числе покоренных монголами при Чингиз-хане енисейских и алтайских народцев упоминается тасы («Труды» пек. дух. миссии, т. 4, стр. 235).

² Aus Sibirien, I, s. 215, 216.

³ «Томская губерния», 1894 г.

⁴ Упомянутые «Дополнения», 1877 г., стр. 438.

⁵ Имя (у русских чернь) есть лес, состоящий из пихт и кедров, горы же, покрытые лесом из лиственниц, отличающихся редким насаждением, туземцы называют тага или тайга.

⁶ Имя это может происходить от р. Шор, левого притока р. Томи в ее верховьях; упоминается, напр., в «Истории И. Р. геогр. общества», С.-Петербург, 1896 года, стр. 667. Так как многие кости (напр., кый, кобыр, кызай на р.р. Кыйзасе, Кобыр-су, Кыз-засе, по А.В. Адрианову; в «Известиях И. Р. геогр. общества», 1883 г.) носят имена рек, на которых обитают, то имена многих отуреченных родов и костей происходят, подобно именам тюркских племен и родов, от названий рек и урочищ.

⁷ «Сибирская история», СПб., 1774 г., стр. 213 и 214.

5) К этой же группе надо отнести обитающих на северных отрогах Кузнецкого Алатага, к западу от Томи, смешанных с телеутами, потомков «кузнецов», которые по наречию отчасти близки к шорам, отчасти к телеутам. В шести волостях их считалось 3298 д. о. п., следующих родов: ач-кештим, баян, торгул, кбмнбш, камлар, ачин и шю¹.

6) Сюда же, наконец, относятся чулымские татары, которые живут севернее Мариинска (род кечик), к югу от этого города (род кюерик) и от нижней Кии до р. Чердат (собственно чулымские татары). По языку они происходят от барабинских и иртышских татар и телеутов, смешавшихся с енисейцами. Их, считая говорящих еще по-тюркски, едва наберется до 500 д.²

В общей сложности во всей этой группе тюрков бассейна верхней Оби составит 21044 д. о. п.

в) Енисейские тюркские племена

Малоснежные и удобные для кочевого скотоводства степи между Абаканом и Чулымом на левой стороне Енисея были издревле занимаемы кыргызами, кругом же были расположены отуречиваемые ими племена енисейцев (динлинов) и самоедов, из которых последние держались преимущественно в лесистых горах, пригодных для звероловства и оленеводства. В начале XVIII века, когда кыргызы ушли окончательно на юг за Саянский хребет, земли их были заняты окрестными племенами³, обратившимися на них к скотоводству. В настоящее время племена эти следующие:

1) Кызылы, занимающие юскую степь, т.е. земли по Белому и Черному Юсам до р. Кии и Божьего озера. Они состоят из десяти родов: кызыл, большой и малый ачин (от него имя города Ачинска), акы, бассагар, камлар, аргын, калмак (вероятно, это имя носят присоединившиеся к кызылам телеуты, бывшие калмыцкие подданные), курчык и шю. Кызылы состоят, очевидно, из разных элементов: кыргызов, телеутов, енисейцев (шю). Язык их близок к качинскому⁴. По сведениям 1859 г., их было всего 5176 д. о. п.⁵

2) Качинские татары жили в XVII веке на р. Каче (ее коренное туземное имя, по Миллеру, Изир). Во время основания Красноярска (1628 г.) в близкой к нему «качинской землице» и обитали «люди кочевные; летом пашню пашут, сеют ячмень да курлак (керлык - сибирское просо), а зимою кочуют в крепких местах и оберегаются от калмыцких людей и от братских (бурятов), потому что де те качинские люди в енисейский острог государев ясак дают, а белые калмыки, и киргизы, и братские люди

¹ Aus Sibirien, I, s. 212-215.

² Там же, s. 211.

³ «В прошлом ...и в нынешнем 720 году... уехали из Красноярска, без отпуску, подгородные коченские (качинцы), и аренские (ара, арины), и ястынские (это ныне качинский род тжастыг или джастыг, который кн. Кастрен, - см. Дополнения к Риттеровой Азии, т. 4, стр. 572, - называет также астын) служилые и ясашные татары, со своих урочищ, с женами и с детьми, и со скотом, вверх Енисея реки, и живут в разных местах, где прежде сего жили киргизы» («Памятники сибирской истории XVIII века», книга I, 1882 года, стр. 282).

⁴ Aus Sibirien, I, s. 210, 211.

⁵ Дополнения к «Азии» Риттера, т. 4, Спб., 1877 г., стр. 551-555.

с тех качинцев на себя ясак емлют же, приезжая к ним в земли, сильно»¹, (т.е. насильственно). По удалении кыргызов с Енисея часть качинцев перешла на их земли и дала присоединившимся к ней в северо-восточной части киргизских степей другим родам, составившим потом одну административную единицу, свое имя. Подведомственные качинской степной управе, на устье Абакана, роды, по В.В. Радлову, суть следующие: кас (каш, кач), ара (арины), тин (по Кастрену тоже енисейского происхождения), тжастыг (tjastyg, то же), тжарым (tjarym), тжыльтаг (tjyltag), сукар и туба. Последние четыре рода, по Кастрену, самоедского происхождения². В 1892 году качинских татар считалось 11363 д. о. п.³

3) Сагайские татары в XVII веке обитали на западе от кыргызов, около верховьев Юса и Абакана⁴, по уходе же кыргызов перешли в юго-западную часть их степей, став во главе прибывших сюда же других родов, подведомственных ныне асхизской степной думе, на р. Асхизе. Поколения или роды сагайских татар следующие: сагай (кости сагай, туран, сарыг, иргит, эчиг, кый, аба, tjoda кыргыз, джетти-шорю, юс-сагай, том-сагай), шор, бельтир (кости су какмына, так-какмына, ак-чыстар, кара-чыстар, сарыг, табан-бельтир), таяс (tajas, кости чедебес, каллар и таяс), карга (кости сибиджин, саин, туран и карга), кызай или кызыл-кая (kysai, kysyl-kaja), том, кый, кобий и койбал; в последнем кости: байгадо, кан, тораджак (toratjak), тжода (tjoda), мадыр, коль, ынгара, бегеджи (bogodл), артжы (artjy), көйөк, ирге, кайдын. Не останавливаясь на значении приведенных костей, которое понятно из предшествующего, заметим, что из койбалских костей Кастрен байгадо и кайдын признавал имеющими енисейско-остяцкое происхождение, а кости мадыр, бегеджи и ирге - самоедское, ибо в 1847 году некоторые лица из этих костей помнили еще несколько слов из своего прежнего енисейского или самоедского языков. Сагайские татары говорят теперь общим тюркским наречием, близким к качинскому, и оба носят на себе следы прежнего сильного влияния кыргызского и телеутского языков⁵. В 1890 году сагайских татар числилось всего 18701 д. о. п.⁶ 4) Карагасы и камасинцы. По Кастрену и Н.Ф. Катанову, у карагасов (кара-каш), обитающих по р.р. Оке, Уде, Бирюсе и Кане, пять костей: сарыг-каш, каш, чогу, кара-чогу и чептей; язык их почти одинаков с урянхайским, зовут они себя также туба, вообще, стало быть, они отуреченные самоеды. Числилось их к концу 1888 года 416 душ о. п.⁷

¹ «Собрание государств, грамот и договоров», часть 3, стр. 311.

² Aus Sibirien, I, s. 207.

³ «Письма Н.Ф. Катанова» в «Записках И. Академии наук», том 73, книжка 2, 1894 года, стр. 111.

⁴ «Ежемесячные сочинения о ученых делах», 1764 года, первое полугодие, стр. 308.

⁵ Aus Sibirien, I, s. 207-211.

⁶ Н.Ф. Катанов «Письма», стр. 24. По его же удостоверению (стр. 110), «у минусинских татар родовых тамг нет, а есть только фамильные и семейные», «в виде простых фигур (круга, дуги, треугольника, квадрата) и заимствованных» из русской азбуки, рунических надписей, а также тамг урянхайских и кызыльских

⁷ Aus Sibirien, I, s. 205, 206. Н.Ф. Катанов «Поездка к карагасам в 1890 г.» («Записки И. Р.геогр.общества по отд. этнографии», том 17, вып. 2, 1891 г.) и «Письма», стр. 40. По «Алф. списку», изд. канц. ком. мин., значится, по сведениям за 1893 год, карагасов и камасинцев по 400 душ о.п. - цифры слишком круглые, чтобы быть точными.

Из трех улусов камасинцев, обитающих в южной части речной области Каны, во времена Кастрена один состоял из качинских татар, другой из самоедов, сохранявших еще свой язык (кости мадор, бөгөше, байга, ньеге и села, из которых первые три встречаются и у койбалов), и, наконец, третий из коттов, говоривших наречием енисейско-остяцкого языка и звавших себя коту.¹ Камасинцев в 1890 г. считалось 137 д.², так что всего карагасов и камасинцев будет 553 д. о. п.

Общее число енисейских тюрок, на основании приведенных сведений, составит 35793 д. о. п.

3) Урянхайцы

Занимающие ныне бассейны Улуг-Кема и Кемчика, а также отчасти Косогола и частью южные склоны Танну урянхаи называются так монголами, сами же зовут себя туба или тува, как отуреченные самоеды северных склонов Алтая и Саянского хребта; именуют их также сойотами, соитами, сойонами. Сохраняющие еще тюркский язык урянхайцы составляют в китайском подданстве следующие хошуны: хозутский, обитающий вблизи Косогола, из родов халюш, иркит, хасут, аргамык; ойнарский, по обеим сторонам Танну, с родами оин, ирхыт, соен, чоды; салджакский, на Улуг-Кеме, с родами салджак, киргиз, куль, пайгара; точжинский, на Бей-Кеме, из родов ак-чеда, кара-чеда, точжи; кемчикский с родами камышку, иргит, сая, монгуш, кара-монгуш, кидя орчжак, ондар, хобалык; хошуны саин-нойона, на Кемчике же, из родов тюлют, соен, каратолчак, кожегет, сарыхлар, тонгак, хоулар, карасал, адын-тюллюш, тумат, киргиз; хошун да-вана с родами мады и чжода или убер-чжода³. Общую численность урянхайцев А.М. Африканов, не считая кочующих на юге Танну, определял в 35-40 т⁴. По Н.Ф. Катанову, следующему сведениям г. Осташкина, общее число урянхайцев приблизительно доходит до 45000 д. о. п.⁵

Рассматривая имена урянхайских родов, можно видеть, что самые распространенные кости мады (то же, видимо, что мадор у камасинцев, мадьф у койбалов), чоды (тождественная с чеда, чжода, а также с чожду у карагасов, тьода или тжогда у койбалов), иркит (ирхыт, иргит, то же, что ирге у койбалов, еще знавшая по-самоедски во время Кастрена) - все самоедского происхождения, как вероятно, и кость

¹ Дополнения к русскому переводу «Азии» Риттера, т.4, 1877, стр. 638-640.

² Н.Ф. Катанов «Письма», стр. 40.

³ Там же, стр. 11-16.

⁴ «Известия восточно-сибирского отдела И. Р. географического общества», том 21, № 5, 1890 г., стр. 48. По официальной географии Китая, изд. 1842 г., таннуских урянхайцев состояло в ведении улясутайского цзянь-цзюня 25 сумунов или рот, да в ведении цзасакту-хана 5 рот и саин-нойона 13 рот, всего 43 сумуна. Сверх того было 3 сумуна омонголенных урянхаев ведения ургинского кутухты и 2 знамени кобдосских («Записки о монгольских кочевьях», Спб., 1895 г., стр. 448).

⁵ «Письма», стр. 16. Из числа заимствованных минусинскими татарами у урянхайцев тамг «чаще встречается так называемая княжеская, в виде четырехконечного крестика с концами, загнутыми под прямым углом в правую сторону, т.е. тамга, изображающая у китайцев и монголов птицу счастья (феникс, у минусинских татар кан керада кус), вышиваемую золотом на груди парадной одежды чиновников Срединной империи» (там же, стр. 110). Это, очевидно, свастика. Других, более обстоятельных сведений о родовых тамгах у урянхайцев мне не встречалось.

куль, одинаковая с костью коль у койбалов. Кость сарыхлар¹, встречающаяся у сагайцев (сарыг) и карагасов, вероятно, динлинского корня: главные роды у кыргызов были джеты-сары и алты-сары. Кость киргиз указывает на примесь кыргызов², а именование кости ойнар родом ойнар-уйгур (Н.Ф. Катанов) - на присоединение части уйгуров. Род тумат происходит, вероятно, от лесного народа тума, упоминаемого со времени Чингиз-хана и давшего, по омонголении, роды тумет у восточных и западных монголов. Имя монгуш встречается у ферганских кара-киргизов в виде названия особого поколения, отождествляясь там нередко с монгулдур, т.е. с монгол.

В языке урянхайцев В.В. Радлов усматривает соотношения к наречиям карагасов и якутов и полагает, что отуречение урянхайских самоедов произведено было уйгурами, указывая, между прочим, на сеяньто, гаогуйское племя, могущественное, по китайским известиям, в VII веке³. Нельзя сомневаться в деятельной роли теле или гаогуйцев в отуречении урянхайцев, но, мне кажется, не надо отвергать участия и турков-тукю, - в лице непосредственно и поныне соседящих с урянхайцами на западе телесов, - а также и кыргызов.

Принимая в свой состав многие примеси, урянхайцы должны были и со своей стороны участвовать в составе других народов. Несомненно, участие их в образовании западных монголов, в котором они играли роль в числе других лесных племен. Податливость урянхайцев к омонголению подтверждается свежими еще примерами. По словам Г.Н. Потанина, «живущие в долине Шишкита дархаты, по-видимому, не что иное, как омонголившиеся урянхайцы; за таких же омонголившихся тюрков можно принять и население пяти хошуно в хото-гойту (в аймаке цзасакту-хана), а затем и небольшой хошун мингатов на северном берегу р. Кобдо, и, наконец, народец, обитающий в западной части Монгольского Алтая, между вершинами рек Кобдо и Сенкуля». «В средней части Монгольского Алтая, находится халхаский хошун тачжи-урянхай; теперь это настоящие монголы, но имя хошуна вполне совпадает с именем урянхайского поколения тачжи-урянхай, которое живет в вершинах Енисея по Бей-кему и Тенгису... Этот халхаский хошун лежит близко к Тяньшаню и его южная граница отстоит от северной подошвы Тяньшаня всего на 70 верст. Недалеко от западной границы этого хошуна начинаются и земли урянхайцев, говорящих по-монгольски, так что этот хошун как будто еще недавно составлял восточную оконечность омонголившегося урянхайского населения, жившего вдоль гребня Монгольского Алтая.

¹ По рассказам старика бельтира Пыласкана, «племя сарыхлар (желтые) было вытеснено отсюда народом кыргыс» (Н.Ф. Катанов «Письма», стр. 24).

² Считался некогда кыргызским род тубинский, кочевавший на р. Упсе или Тубе. Кыргызы в 1630 году говорили, что «тубинцы и киргизцы - один народ» («Ежемесячные сочинения», 1764 г., 1-е полугодие, стр. 307), но эти слова надо понимать в политическом смысле. Тубинцы эти, кажется, не ушли с кыргызами, по крайней мере, не все, ибо у сагайцев есть многолюдный род туба. На р. Тубе, на утесе, есть монгольская писаница о договоре цзунгаров с князем «народа туба» («Древности Минусинского музея», 1886 г., стр. 38).

³ «Собрание сведений», I, стр. 426 и след.

Может быть, и ойраты или дурбен-ойраты в более отдаленные времена говорили тюркским языком»¹.

В западной же Монголии между озерами Кыргыз-нором и Упсанором обитает небольшой народец, около 400 кибиток, тюркского языка, который монголы именуют хотонами. Это потомки плененных калмыками оседлых тюрок Восточного, а может быть частью и Западного Туркестана, которые поселяемы были в восточных цзунгарских землях для снабжения калмыцких князей хлебом. Теперь они поставляют хлеб дурбетскому вану, но кочуют как монголы².

4) Барабинцы и западно-сибирские татары

На северо-западе от Алтая, в степи между Иртышом и Обью, живут барабинцы, в числе (1865 г.) 4635 д. и в разных округах Тобольской губернии обитают (1869 г.) 37148 д. о. п. оседлых татар³. Первые могут быть остатками очень древних помесей тюрок западного Алтая с уграми. Сибирские же татары главным образом суть потомки прибывших в XV и XVI веках на Тобол и Иртыш с ногайскими и киргиз-казачьими князьями, желавшими властвовать над местными осяками и вогулами, ногайцев и казаков, а также торговых сартов и таджиков из Мавераннахра, так называемых бухарцев, и, наконец переселившихся в Сибирь после завоевания ею русскими казанских татар. У барабинцев В.В. Радлов называет роды терене, тары, бараба, көлөбо, лонга, ливей и каргалы; у татар тарского округа туралы, аялы, курдак, саргат; у татар тобольского округа курдак, иштек (вероятно, потомки осяков, ибо последние именуются татарами иштек), тогус, чувальчик, яскалбы, нанга⁴.

¹ «Очерки северо-западной Монголии», вып. 4, 1883 г., стр. 653 и 654.

² Там же, вып. 2, 1881 г., стр. 15, и Aus Sibirien, I, s. 221, 222.

³ Aus Sibirien, I, s. 241-248.

⁴ Там же.

V. Киргиз-казаки

Этот народ по численности занимает второе место между тюркскими народностями (первое принадлежит туркам-османам), по пространству же земель - первое, ибо распространяется от Монгольского Алтая до низовьев Аму-дарьи и Каспийского моря и от западного Тяньшаня до Уральских гор. Для нашего исследования он особенно интересен, так как больше всех тюркских народностей сохранил скотоводческий и кочевой образ жизни и родовой быт, почему родовые и племенные деления и их имена держатся у него с наибольшей силой и ясностью. Сверх того, по своему географическому положению киргиз-казахские степи помещали все непосредственно спускавшиеся в них с Алтая тюркские племена, а потом дали приют и остальным тюркским племенам, обитавшим первоначально в Монголии, так что в составе киргиз-казачьих степей можно ожидать найти представителей всех главнейших и древнейших тюркских племен. Ввиду всего этого нынешний родовой состав киргиз-казачьих степей заслуживает особенно подробного и внимательного изучения. Киргиз-казаки разделяются с начала XVIII столетия на три орды, этнический состав которых мы последовательно и рассмотрим.

1) Старшая или большая орда

Большая орда (улуг-джюз), занимающая земли от р. Каратала (приток Балхаша) до Сыр-дарьи и р. Чирчика, составила главным образом из древних племен канглы и дулат, образовавших сложные роды с частями степных родов усуней или кара-киргизов, пришедших в Западный Тяньшань за полтора века до Р.Х. Истощенные выделенными им в продолжение веков массами переселенцев на юго-запад и запад племя канглы обитает ныне вместе с родственным ему племенем или поколением чаншклы, происхождение и судьбы которого в точности неизвестны, на юго-востоке, на Сыр-дарье и Чирчике, в количестве всего около 10 т. кибиток. Главную часть большой орды составляет племя или поколение дулат в числе около 40 т. кибиток, простирающееся от р. Или до Сыр-дарьи и слагающееся из родов ботпай¹, чимыр, сейким и

¹ Имя Ботпай встречается в сказании византийского историка патриарха Никифора о разделении болгарской орды, во время императора Константина IV, между пятью сыновьями князя Куврата: первая орда, под предводительством старшего сына Ботбая, осталась на своих землях у берегов Азовского моря и на р. Кубани; вторая, под предводительством Котрага (сравн. котригуры, котургурь), перешла через Дон; третья ушла в Паннонию; четвертая прошла будто бы в самую Италию, а пятая, под предводительством Аспаруха, поселилась в нынешней Бессарабии (К. Иречек «История болгар», перевод Яковлева, Варшава, 1877 года, стр. 118). Куврат соответствует Курту, а Аспарух Еспериху Именника болгарских князей, оказавшегося в одном из списков хронографа, называемого Еллинским летописцем (А. Попов «Обзор хронографов русской редакции», Москва, 1866 года, стр. 25 и 26). Именник этот начинается с Авитохолы, который жил будто бы 300 лет; за ним следует Ирник, живший 108 лет, далее наместник Гостунь 2 года, Курть 60 лет, Безмер 3 года, а за ним Есперих. Сумма лет княжения первых пяти князей до Еспериха составляет 473. Между тем Именник говорит, что пять первых князей держали княжение «обону страну Дуная лет 515, остриженными головами», зачисляя, вероятно (как предполагал Гильфердинг, «Сочинения», I, 1868 г., стр. 21), в эту цифру первые 42 г. княжения Еспериха, который правил всего 61 год. Есперих перешел на юг от Дуная в 679 году. Если из этой цифры отнять 515 лет, то получится 164 год после Р.Х. Этот год довольно близко соответствует времени ухода северных хуннов из Юебани или северных подножий восточного Тяньшаня в Кангюй, так как современные китайские историки потеряли хуннов из вида именно около этого времени: в 104 и 105 гг. были еще посольства от северного шаньюя к китайскому двору («Собрание сведений», I, стр. 138) и между 126-153 гг. упоминаются столкновения с северными хуннами в восточном Тяньшане (там же, III, стр. 133-135). Начало княжения Авитохолы, видимо поэтому, совпадает со временем ухода хуннов, а с ними и части дулу или дулатов, на запад, в северный

джаныс, со многими каждый подразделениями. Принадлежат, подобно дулатам, к чуйским племенам близко родственные им поколения адбан (15500 киб.) и суван (4 т. к.), расположенные в средней части илийской долины и в бассейне р. Чарына. Из них у адбанов имеются роды кызыл-бурк, конур-бурк, айт, бузум, сегиз-сары (восемь желтых), курман, альджан и кыстык. В нижней части илийской долины, на левой стороне р. Или, кочует не превышающее 1500 киб. поколение сары-уйсунь, составляющее, по-видимому, остаток главного поколения древних усуней, давшего свое имя всему усуньскому союзу; по всей вероятности, именно воспоминание о древнем народе усуньском, занимавшем западный Тяньшань, было причиной именования большой орды, занявшей степную часть земель усуней и имеющей в своей среде прямых потомков их в лице поколения сары-уйсунь уйсуньской или юсуньской; роды у поколения сары-уйсунь следующие: кутлumbет, джанай, джулайтанай, джан-досай, кулюке и крык или кырк. Главное по численности после дулатов поколение большой орды джалаир (17 т. к.) занимает бассейн р. Каратала и состоит из родов андас, мурза, кара-чапан, уракты, ак-биум, калпе, супатай, арык-тыным, байчигыр, сиирчи, балгалы, кайчилы и кучук; из этих родов некоторые явно каракиргизского происхождения, каковы арык-тыным и кучук; бай-чигыр есть, быть может, остаток упоминаемого арабскими географами племени джикир, вероятно отрасли карлыков; вообще же джалаиры представляются союзом родов разного происхождения, сплотившихся в джагатаидское время около какого-нибудь влиятельного при ханском дворе вельможи из рода джалаир, давшего этому союзу свое родовое имя¹. Из остальных поколений или племен большой орды чапрашты (7 т. киб.) и исты (6 т. к.) кочуют в верненском уезде, а сергелы (7 т. киб.) и ушакты (2 т. киб.) близ Сыр-дарьи. Относительно происхождения этих четырех поколений можно считать вероятным, что они более близки к канглам, чем к дулатам. Факты, на которых основано все здесь сказанное о составе большой орды и о происхождении ее частей, изложены в исследовании моем «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков

Кангуй. Конечно, под Авитохолом надо разумеать не одно лицо, жившее 300 лет, а целую династию, целый период жизни хуннов, в составе которых дулаты были одним из племен, может быть еще не господствующим, так как власть могла сохраняться за родом шаньюя. Триста лет с 164 года приходится на 464 год, т.е. совпадает со временем падения могущества хуннов по смерти Аттилы (455 г.). Правление Ирника, т.е. Ирнака (это, несомненно, тюркское имя: у енисейских киргизов князь Ернак стоял во главе третьего поколения киргизов, боровшихся с русскими), сына Аттилы, без сомнения должно быть также почитаемо династией, вторым периодом политической жизни хуннов и дулатов на западе. С Курта, видимо, начинается, около 574 года, третий период, в котором во главе остатков хуннов стало племя дулу, старейшины которого делаются наследственными болгарскими князьями. Имя Есперик есть уменьшительное от Еспер, которое и поныне употребляется в большой орде: так, в семидесятих годах во главе части адбанов, родственного дулатам поколения, стоял батыр Еспер или Испир. По поводу остриженных голов древних болгарских князей нельзя не заметить, что по китайским наблюдениям V века кочевники Юебани, т.е. между прочим и дулаты, «обстригали волосы» («Собрание сведений», III, стр. 163).

¹ Народные предания производят часть джалаирических родов от Сыр-манака, а остальные от Чу-манака («Записки И. Р. географического общества, по общей географии», том I, 1867 г., стр. 271). Эти сары (так слышал я сам произношение имени вместо сыр) и чу суть, видимо, племя сары, сарыг, сарыхлар - помесь тюрков с динлинами, составившая племя кыргызов, усуней, сары-усуней, - и племя чу, к которому принадлежат дулаты, адбаны, суваны, чумекей (род малой орды, у китайцев в VII веке - чуми, чумугунь, чуюе). Сохранился еще остаток рода чуюе в виде маленького отделения чуюе между найманами рода садыр в лепсинском уезде на ур. Тентек-су (упоминается отделение чуюе в указанном же томе «Записок», стр. 307). Отсюда мне кажется ясным, что поколение джалаир состоит главным образом из части дулатовского и кыргызского происхождения..

большой орды и кара-киргизов» и пр., напечатанном в вып. III и IV «Живой старины» за 1894 год, где приведены и сведения о тамгах, уранах и народных генеалогических преданиях, относящихся до большой орды. Поэтому я не повторяю их здесь.

В общей сложности 11 племен или поколений большой орды, занимающих части семиреченской и сыр-дарьинской областей, насчитывают около 110000 кибиток, т.е., полагая на кибитку 4 души, 440000 д. обоего пола, а при расчете 5 душ на кибитку 550000 д.

2) Средняя орда

Нахлынув в северо-восточную часть киргизской степи в первой четверти XIII века, тюркские племена Монголии аргын, найман и кирей должны были значительно перемешаться и между собою, и с занимавшими ранее страну племенами, хотя большинство последних подалось далее на запад. Перемешанность еще более увеличилась в конце XVI века, когда калмыки вытеснили тюрков из всего пространства от Черного Иртыша до верховьев Ишима, а также около второй четверти XVIII столетия, когда цзунгары овладели Ташкентом и Туркестаном и отбросили значительную часть киргиз-казаков от средней Сыр-дарьи. Во второй половине XVIII века, спеша занять места, освободившиеся от калмыков у китайской границы, киргиз-казаки едва ли уменьшили смешанность своих родов. В результате получилась та перепутанность расположения родов, которая господствует в средней орде и поныне, но, тем не менее, в общем, расположение племен то же, какое существовало до монголов: на востоке кирей, за ними к западу найманы, далее аргыны и, наконец, кипчаки.

Роды средней орды (орта-джюз - средняя сотня) занимают северо-восточную часть копальского и лепсинский уезды семиреченской области, семипалатинскую и акмолинскую области и части сыр-дарьинской и тургайской. Имя самого восточного из ее племен кирей происходит, по Рашид-эддину, от кара, черный, ибо предками его были девять черноватых братьев: отсюда караить, кераить. Проф. Березин производит это имя от маньчжурского керен - общий, и от кэриэ, монгольского слова, значащего ворона¹; Г.Н. Потанин, вообще склоняющийся к производству народных и племенных имен от имен животных, заметил, что в северо-западной Монголии слово это произносится кирэ, следовательно, еще ближе к кирей². Находя, что большая часть древнейших тюркских племенных имен произошла от названий урочищ, которые нередко возникали в самые отдаленные времена и необъяснимы существующими языками и наречиями, и что алтайцы и в настоящее время именуют себя по рекам, я предпочитаю думать, что имя киреев произошло от речек Кирей, притоков Уды, на северных склонах Саянского хребта. Оттуда род кирей мог перейти на юг, в Монголию, и со временем стать во главе союза местных родов. Из приведенных Рашид-эддином имен родов кераитов (стр. 95: хархын, сахыят, тонкгоит, кераит, добоут, албат) имя добоут, происходящее явно от туба, свидетельствует о самоедской примеси, а сахыят,

¹ «Труды восточного отделения И. археологического общества», часть V, 1858 г., стр. 258.

² «Очерки с.-з. Монголии», вып. 2, 1881, стр. 2.

вероятно, тождественно с саха, сагай, подтверждая вообще первоначальное обитание киреев на севере Саянского хребта.

По сведениям Г.Н. Потанина, нынешние восточные киреи, обитающие в бассейне Черного Иртыша, состоят из двух отделов: абак или ашемайли-кирей и кара-кирей. Абак-кирей делятся на двенадцать родов: джантыкей, джадык, чиреучи, ители, каракас, мулку, чубар-айгыр, мэркит, итэнгмен, джас-табан, сарбас, чиймоин. Кара-кирей делятся на ветви мурун, байджигит и тёртоул (четыре сына). Муруны разделяются на баис и байсиек. Баисы подразделяются на мурун, сиван, корджай и тума. Байсиеки имеют деления семиз-найман, булатчи и токпак. Байджигиты делятся на джумук и тогас. Предания производят киреев от Сары-усюна, у которого был сын Карабий, имевший сына Абака, бывшего отцом Кирея, от которого родилось 12 сыновей с именами вышеприведенных родов, из которых четверем первым присваивается, однако, особый отец Байлеу-куйлеу¹.

По более старому сказанию, приведенному Спасским, - который, к сожалению, не указал своего источника и местности, где оказалось это предание, - кирейские роды ведут свое начало от Ачамайлы и Абахты. «Первый произошел из племени кирейского, а последний от усюньского, принадлежащего к большой орде; об уходе его из оной повествуют следующее: отец Абахты был Усюнь, с коим кочевал он вместе и имел довольно собственного скота, но как в его стадах были почти одни только коровы и не доставало быков для приплода, то Абахта просил отца наделить его ими, и когда Усюнь, не имея в них избытка, отказал ему, то Абахта осердясь на него, перешел от усюньцев к кирейцам и, водворившись там, прижил от разных жен детей: Сарбыша, Жадыка, Чиркуча и Жастабока, которые сделались родоначальниками известных под сими названиями поколений, равно как и дети Ачамайлы от четырех его жен: Изеньбахта, Кулсара, Кучебалта, Сиван, Именалбет и Акимбет, и внуки его, а дети Сивана: Купчак, Чукбатар и Чимоен. От трех последних ведут род свой поныне старшины волостей сиван-кирейской, чукбатар-кирейской и чимоень-кирейской»². Абахта, очевидно, тождествен с Абаком, а в родах, от него происшедших, нетрудно узнать сарыбас, джадык, чиреучи и джастабан новейших сведений; из родов, производимых от Ачамайлы, можно узнать шимоин (чимоень), сиван, чубар-айгыр

¹ «Очерки с.-з. Монголии», вып. 2, 1881 года, стр. 2, 3 и 6. По рукописным сведениям семипалатинского начальства, собиравшимся в 1866 г. через весьма сведущих людей, абак-киреевский род джантекей состоял из отделений уруе (подотделения есентай, таспике, казыбек, есагаси, всего 1250 кибиток), шуюнгали (ботакара, кубек, секеле, тайлак, всего 620 киб.), калтай-булат (300 киб.) и сары (400 киб.), род джадык из отделений джанат (деления бакай, костай, тлеке, кыдыр, токай, майма, всего 750 киб.), малик (куланбай, байгара, баянтугель, байгозы, всего 430 к.), итемген (500 киб.) и еще одного (в 150 киб., имя у меня не сохранилось); род чиреучи из отделений бакат, узун-мултук и курман (всего 850 киб.); род ители из делений куюк, акмакта, тынибек (всего 800 киб.); род каракас из отделений киикпай, косум, зарбай (всего 1010 киб.); род мулку (1500 киб.); род чубар-айгыр из подразделений балта, канимбике, болек, куланчаш (всего 920 киб.); род меркит из отделений лепес, шагир и карагай (всего 940 киб.); род джас-табан из делений утеп, баймурза, андагул (всего 650 киб.); род сарыбас из подразделений рис, шагир, айт, джанай (всего 1080 киб.); сверх того еще два небольших рода: коксадак (50 киб.) и култай-булат (200 киб.). Итого абак-киреев по этим сведениям 12400 киб. Кочевали они между Сауrom и Алтаем, главным образом по р.р. Каба и Крану.

² «Сибирский вестник», 1820 г., ч. 9, стр. 112 и 113.

(чукбатар) между абак или ашамайли- киреями (кроме, впрочем, сиван, который кажется род не кирейский, а найманский), и роды изеньбакта, курсары (кулсары), балта (кучебалта), именалы в западных частях средней орды, как видно будет ниже.

Конечно, нескладная басня о причине ухода Абака от усуней есть случайный вымысел, вызванный наивной этимологией, притом даже не от имени Абака, а от имени Ачамайли (ачамай или ашамай значит «коровье седло»), который, по сказанию, никакого участия в деле не принимал. Тем не менее, при помощи приведенного сказания и двух именовании абак- и ачамайли-кирей выясняется, что в народе сохранилось смутное, но прочное воспоминание о происхождении племени киреев от соединения двух разных племен, из которых одно было коренное, а другое пришлое. Первое всего естественнее предполагать тюркским или тюркско-самоедским, по вероятному первоначальному обитанию киреев в Саянах, второе же надлежит, согласно народному указанию, считать усуньским, хотя, быть может, оно было, подобно усуням, только метисацией тюрков с динлинами¹.

Хотя в родах абак и ачамайли-киреев, - которые все по разграничению, произведенному на основании петербургского трактата 1881 года, остались в китайском подданстве, в числе около 12 т. кибиток или 60 т. д.², - не видно рашид-эддиновских имен, отчасти, впрочем, сомнительных по разноречию и отсутствию диакритических знаков в рукописях, тем не менее едва ли можно отрицать, что они составляют прямое потомство киреев или кераитов восточной Монголии. В отношении кара-киреев это сомнительно. Во-первых, мурун и сиван суть ветви найманского племени, корджай - аргынского, как увидим ниже, а тума представляется остатком особого племени, вообще же все четыре никак не кирейского происхождения; во-вторых, сами байджигиты и тёртоулы приписывают себе происхождение «от женской линии кара-кирей-семиз-наймановцев и родоначальницей своею считают женщину Мыкты-апай»³. Женское или незаконное происхождение в генеалогических сказаниях

¹ По мнению Г.Н. Потанина, в имени абак можно видеть киргизские слова аб и ак, что значит «очень белый»; но есть у кузнецких татар род аба, а по-алтайски аба значит «медведь» («Очерки с.-з. Монголии», вып. 2, 1881 г., стр. 2). По В.В. Радлову, у шорцев есть кость оба и у оседлых инородцев и телеутов кость и отдел ачин и яч-кыштым (Aus Sibirien, B. I, s. 214, 216). В актах XVII века инородцы кузнецкого уезда именовались иногда все абинцами и самый острог, потом город Кузнецк, назывался туземцами Аба-тура. Острог, ныне город Ачинск получил название свое от местного рода ачин или ач. В тюрко-енисейских надписях неоднократно упоминается народец или племя ач (Die alttürkische Inschriften der Mongolei, 1895, s. 428). Имя аба, без сомнения, входит в состав столь древнего названия, как Абакан. Ввиду всего этого мне кажется наиболее вероятным, что имена абак и ачамайли происходят от древних народных или племенных имен аба и ач. В загадочном выражении тюрко-орхонских надписей ачюм апам, которое стали по смыслу переводить, согласно догадке проф. Томсена, «наши предки» (Inscriptions de l'Orkhon déchiffrees, Helsingfors, 1896, p. 21), слышатся также ач и ана или аба.

² Л.Ф. Костенко «Чжунгария», Спб., 1887 г., стр. 105. Цифры эти даны были чугучакским консулом Балкашиным, по сведениям которого около Саура, Джаира и Майли кочует еще до 5600 кибиток абак-киреев, уваков и найманов, откуда Костенко сделал вывод, что в северной (китайской) Чжунгарии киргиз-казаков всего около 88 т. д. о. п.

³ Рапорт сергиопольского военно-окружного начальника от 30 ноября 1865 г. за № 2673. По собранным в 1865 году семипалатинским военным губернатором сведениям, которыми я имел случай пользоваться, байджигиты, занимающие вместе с тёртоулами восточный Тарбагатай, делились на роды джумук, тогас и мамбет. Первый, по числу сыновей праотца рода Джумука, состоял из шести ветвей: тауке (отделения туки, чакаман, утеп, всего 400 кибиток), булат (200 киб.) сайбулат (деления сайбулат, джаныс, токтанай, алимбет, казакпай, кишкентай, карабас и шотай, всего 2000 киб., которыми правил Тана Истемысов),

народов с родовым бытом есть верный признак, что речь идет о частицах совершенно чуждых родов и племен, вошедших в родовые союзы вследствие различных случайностей исторической жизни. Байджигиты имеют и в самом деле особое от киреев и найманов происхождение, ибо упоминаются в числе лесных народов, покоренных Джучием в 1207 г. во время похода его для усмирения кыргызов: «тоелесы, тасы и бачжиги», как уже приводилось выше, Байджигиты были, значит, одним из лесных народов, вероятно из отуреченных самоедов¹, и обитали где-нибудь около Танну-ола; отсюда, во время вытеснения тюрков из Монголии, они, как видно, примкнули к двигавшимся сзади всех киреям и удержались около восточного Тарбагатая.

Род тёртоул имеется, как увидим ниже, в племени аргын. Так как тамга рода тёртоул в тургайской области есть два круга (ики кузь, два глаза)², т.е. именно тамга аргынов, то и тарбагатайские тёртоулы, может быть, аргыны, отставшие от главной массы племени, подавшейся далеко на запад. Об этих тёртоулах на китайской границе³ упоминает в своем «Описании средней орды» (1785 г.) капитан Андреев: «волость акбарак акбулат дертаул, в которой прежде был старшина Карабаш Иметюбыт, а по смерти его Жошанабий; подвластных оног кибиток до 600».

О киреях и байджигитах встречаются в китайских известиях о войне с цзунгарами в начале второй половины XVIII века, между прочим, такие упоминания, что около 1757

карайча (300 киб.), кожан (300 киб.) и саты (деления бурумбет, даулетбай, есеньгельды, капка и тулебай, всего 1000 киб.), всего 4200 киб., кочевавших на с.-в. от Чугучака. Род тогас на севере от Чугучака имел отделения джайлеу (400 киб.), каске (100 киб.), кадыр (200 киб.), байбул (300 киб.) и джаксыгул (400 киб.), всего 1500 киб. Род мамбет состоял из ветвей умыр (отделения сапак, джарылгап и сокур, всего 700 киб.), давлень (ой-давлень и кыр-давлень, всего 1500 киб.), кожегул (эсень-аман и кабамбай, всего 400 киб.) и кара-курсак (кара-теке и алые, всего 200 киб.), в общем 2800 киб. Этот род мамбет, находившийся в китайском подданстве, во время восстания дунган в Чугучаке принял сторону мусульман и за то 23 октября 1865 года, на ур. Маканчи, подвергся полному разграблению со стороны китайских калмаков; он нашел спасение в русском подданстве, но в следующем году, когда дунгане, взяв и разрушив Чугучак, переселились в Манас и Урумчи, большая часть мамбетов с бием Отунчи ушла за ними; через год часть их возвратилась (с тем же бием) в сергиопольский уезд, остальная же, большая, часть перешла в земли кульджинского султана. Здесь, на Боротале и в окрестностях Сайрам-нора, они были в 1871 году найдены русскими при занятии Кульджи и составили особую волость в числе 1409 киб. или 5666 д. о. п. (по сведениям 1878 года); в 1883 г. волость эта передана в китайское ведомство и кочует ныне на Кунгесе и Каше вместе с кызяями.

¹ Так как по Г.Н. Потанину тамга байджигитовских тогасов есть круг («Очерки с.-з. Монголии», вып. 2, табл. XXVI), т.е. одинаковая с дулатовскою, то надо думать, что часть байджигитов чуйского происхождения, т.е. к коренным байджигитам присоединилась частица чуйцев.

² А.И. Добросмыслов «Скотоводство в тургайской области», Оренбург, 1895 года.

³ По вышеупомянутым рукописным семипалатинским сведениям 1866 года тёртоулы считали себя особым от байджигитов родом и разделялись на отделения токан (1000 киб.), тогуз (800 киб.) и тузакчи (600 киб.), всего 2400 киб. - А.А. Ивановский, занимавшийся антропологическими исследованиями в зайсанском уезде и тарбагатайском округе, приводит у «терт-аулов» еще четвертое отделение джаны-бек и подотделения всех четырех; его сведения причисляют тёртоулов к зайсанским найманам, которых названы еще три деления ак-найман, джалъ и мам-бед («Этнографическое обозрение», книжка 26, 1895 г., стр. 60). - По сведениям 1866 года, западнее киреев находились следующие особые роды, принадлежащие племени найман, но с частями и других племен: род ходжембет с подразделениями кара-ходжембет, джурбулды, калкаман, сундук и табан, в числе всего 2800 киб. (кожембетов этих) на кочевках их около озера Марка, в 1863 г., посещал Г.Н. Потанин, см. «Записки И. Р. географ, общества, по общей географии», том I, 1867 г., стр. 406 и след.); род ак-найман из отделений кырк- мултук, самбет, джаугачты, копабас, койсары и байсары, всего 2100 киб.; род ергенекты с делениями кокджарлы (чона, чжурек-басар, кожагул, кожим и тас, всего 1000 к.) и сарджумарт (аман-иеень, сайке, киргиз, иман, конур, котуман и кенегес, всего 1000 киб.); род айдагул в 500 киб. и род джарымбет (отделение мунайтбас) в 400 киб.

г. подчинился Китаю Ходжа-бергенъ, казацкий вождь, стоявший ранее с Аблай-ханом на стороне цзунгаров, а в 1758 году глава рода байджигит Байбурак, прозванный храбрым, пленил одного мятежника и выдал китайцам¹. Упомянутый Ходжа-бергенъ в 1750 году управлял киреями²; вероятно, он же поминается в 1752 г. в оренбургских сведениях, как старшина баклы-гирейского рода, зимовавший тогда на р. Ишиме, восточнее всех казаков³.

По вышеприведенным данным можно заключить, что кара-киреи совсем не киреи, а части разных племен и родов, оставшиеся на границе Монголии и казахских земель, в соседстве с абак-киреями, действовавшие в союзе с последними и опиравшиеся на них, почему им и присваивалось иногда имя кара-киреев, в смысле младших, зависящих от киреев. Кроме абак-киреев, имеются ещё киреевские роды в акмоллинской и семипалатинской областях⁴, а также в тургайской области (род курсары⁵) и в семиродском поколении малой орды (род кирейд или керейт). В родах абак-киреев обращает на себя внимание род меркит, очевидно, остаток истреблявшегося Чингиз-ханом племени меркитов, остальные же родовые имена не противоречат такому представлению о племени кирей в Монголии, что оно образовалось в восточной ее части, после падения уйгурского ханства, и составилось из тамошних тюркских родов, принадлежавших, судя по предшествовавшим китайским известиям, преимущественно племенам теле или гаогюйцев, а также тюрк (тукю), объединившихся около рода кирей.

Племя найман Рычков называл одним из самых «знатнейших», но родов его не привел⁶, вероятно, по недостаточности сведений, вследствие отдаленности от Оренбурга. Левшин перечисляет следующие роды, говоря, что главная часть найманов кочует в горах Тарбагатайских, в верховьях Иртыша и на китайской границе к р. Лап-су (т.е. Лепсе): ак-бура (белый волк), булатчи, кара-гирей, тирс-тамгалы, дюрт-авул, кук-джарлы, аргинякты, семиз-баганалы (имеющий жирных ягнят) и садыр⁷. По В.В. Радлову, «племя найман кочует от среднего Иртыша на восток, т.е. к югу от аргынов, по направлению к китайской границе и к Балхашу. Оно состоит из родов: ергенекты - на восток от верховьев Бухтармы, булатты, терс-тамгалы, тёрт-аул, баганалы, садыр, кендже-каптагай, исенгул, адбан, суан, акбура и садыр»⁸. Н.Н. Балкашин, совершавший, как известно в семидесятых годах поездки по акмоллинской области и впоследствии дополнивший свои сведения в Чугучаке, говорит, что «у найманов имеются рода: сары-джумарт, кок-джарлы, баганалы, балталы (?) и бура, объединявшиеся прежде под

¹ Recueil de documents sur l'Asie centrale par Imbault-Huart, Paris, 1881, p. 117 и след.

² «Записки И. Р. геогр. общества, по общей геогр.», том I, стр. 507.

³ Вельяминов-Зернов «Историч. известия о к.-кайсаках» за 1748 -1765 гг., Уфа, 1853 г., стр. 111, 113 и 114.

⁴ Красовский «Область сиб. киргизов», часть 3, Спб., 1868 г.

⁵ «Скотоводство в тургайской области» Добросмыслова 1895 г. По рукописному «Росписанию» родов оренбургского ведомства (1856 года) Казанцева, у рода балта-гирей тамга + и следующие отделения: самай, каракампыр, байкучкар, алкучкар и кучаба.

⁶ «История оренбургская» в «Сочинениях и переводах к пользе и удовольствию служащих», 1759 года, 2-е полугодие, стр. 108 и след.

⁷ «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей», часть 3, Спб., 1832 г., стр. 9 и 16.

⁸ Aus Sibirien, 1, 1884, s. 236. Очевидно, садыр показан вдвойне по недосмотру.

общим названием ергенекты; бес- и терс-тамгалы; дюрт-аул, особый от аргын-ского дюрт-аула, кара-гирей, который не должно смешивать с киреями, садыр, матай, мурун, сиван, семиз-найман, ак-найман, кызай, байджи-гит и кожембет»¹. Упомянем еще, что, по Г.Н. Потанину, кочующие от хребта Калбинского до вершин Бухтармы ергенекты суть найманы, а не киреи, и имеют роды: буура, отой, джаркэ, сарджумарт, калабак, юкуашар, кокджарлы и каратай².

Мне не встречалось генеалогических сказаний, - конечно, всегда подлежащих проверке, но систематизирующих сведения о родах и дающих часто драгоценные указания, - относительно состава найманов. Тем не менее, я считаю возможным попытаться выделить действительно найманские роды от посторонних, воспользовавшись имеющимися для этого данными. Так, роды кара-кирей или гирей, байджигит и тёртоул приходится исключить из числа найманских, по вышеприведенным основаниям, ибо кара-кирей есть только общее название для некоторой группы родов, в которой преобладали найманские, не утратив своих имен и особенности; байджигиты - особое племя, а тёртоулы скорее принадлежат племени аргын, чем найманскому. Далее адбан и суван суть поколения болыпеордынские, попавшие на север степи случайно, в незначительном количестве и к найманскому племени отнюдь не принадлежащие. Но ак-найман и семиз-найман удостоверяют о своём найманстве самими названиями и нет оснований отвергать принадлежность к найманскому племени или, по крайней мере, союзу остальных родов, именно мурун, сиван, матай, садыр, кожембет, кызай, беш- и терс-тамгалы, булатты (правильнее, кажется, булатчи) и входивших некогда в союз ергенекты родов бура, сары-джумарт, кокджарлы, баганалы и пр., хотя, вероятно, часть союза ергенекты и не была найманской. Относительно некоторых из перечисленных найманских родов не лишне иметь в виду следующее: роды садыр и матай обитают в лепсинском и копальском уездах семиреченской области; первый из них делится на ветви тугульбай и есенгул (исенгул В.В. Радлова), а второй на отделы кендже-каптагай и аталык³. - В числе народов, «что в лесах», на которых Чингиз-хан посылал в 1207 г. Джучия, упоминается рядом с ойра (ойрат) народец «булия (бурия)»⁴: может быть, это бура, бури, ныне наймановский род, именующийся часто бура-найман. О кызаях упоминает капитан Андреев (1785 г.) на юге от Тарбагатай: «волость кызай ул булды тургай (?), в которой старшина Атанбай; подвластных онаго кибиток до 700...» Путимцев в 1811 г. нашел в

¹ «О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах», Спб., 1887 года, стр. 29.

² «Очерки с.-з. Монголии», вып. 2, 1881 г., стр. 7.

³ Некоторые сведения о подразделениях садыров и матаев есть в «Записках И. Р. геогр. общества, по общей географии», том I, стр. 306-315. В лепсинском же уезде есть довольно людный род шума, который, вероятно, является остатком известного племени тумат, тумет времен Чингиз-хана, частью омонголившегося и составляющего ныне туметский аймак в южной Монголии; этот род тумат Т.Н. Потанин, как выше приведено, считал в составе кара-киреев. - Из статьи Н.А. Абрамова «Река Аягуз и ее окрестности» (в № 33-35 «Тобольских губернских ведомостей» за 1861 год) можно заключить, что в северной части лепсинского уезда кочует род стан, в составе которого есть следующие подразделения: джангубек, салпы, канджигалы, рамадан-хожа, бакы-матай, кирей, боку, купубай, умюр, байгубек, джангулы, семиз-найман.

⁴ «Труды и.р. духовной миссии в Пекине», т. 4, стр. 234.

окрестностях Алакуля волости кара-хирей, кызый, байджигит, найман и дюртогул¹. Кызаи находились в китайском ведомстве, перешли во время восстания мусульман в кульджинское и кочевали до возврата Куль- джи китайцам около Сайрам-нора в числе 1610 киб. или 6458 д. о. п. Ныне они кочуют около Кунгеса и Каша. Так как есть кость кызай между шорцами на Мрассе², то можно предполагать в кызаих отуреченных самоедов. Частица рода баганалы есть в тургайской области, где в ней оказываются отделения ак-таз и кызыл-таз³.

По мнению проф. И.Н. Березина, «название найман есть монгольское числительное найман, восемь и, конечно, означало союз восьми племен»⁴. Монгольское «восемь» мне кажется совершенно невероятным для имени тюркского племени, а что найманы были искони тюрками, это удостоверяется нынешним тюркским языком этого многочисленного племени: отуречение первоначально монгольских найманов было бы не согласно со всем ходом истории средней Азии. Естественнее полагать, что имя найманов происходит от реки Найма, притока Катуня, и что на ней они первоначально обитали. Перейдя прямо на юг, в западную Монголию, найманский род стал здесь, после падения уйгурско-орхонского ханства, во главе местных родов теле и турков-тукю и образовал союз родов или племя найманское. Во время Чингиз-хана, когда уничтожены были этим завоевателем два найманских ханства, занимавшие Монголию от Орхона до Черного Иртыша, большая часть найманов была отброшена на запад, в земли, на которых частью и ныне обитает, остальные же найманы омонголились.

По Рычкову (1759 г.), аргыны делятся на девять родов: чюкчак (в «Топографии оренбургской» - чакча), чарджит, тюртюул, караул, кара-кисяк, канджигалы, атгай, тараклы и кулчан-аргынский. У Левшина роды аргынов: кара-кисяк, каравул-кисяк, чарджитим, джанджар, чак-чак, дюрт-авул, атыгай, алтай, тебич, табаклы, борчи, карпак, басантиен, агыш-калкаман, канджигалы, козюган, кук-шал. По В.В. Радлову, «племя аргын кочует на среднем Иртыше, Тоболе, Ишиме и т.д., следовательно, в северной части степи и делится на роды кара-кесек, чар-джетим (четыре⁵ сироты), джанджар, тёрт-аул (четыре аула), атыгай, алтай, тербиш, табакты, борши, карпак, басентин, агыш, калканам (вероятно, опечатка вместо калкаман), канджигалы (с седельными ремнями), козуган, кбкшал». По Балкашину, «в аргынское племя входят: 1) момуны, составлявшие союзы бегендык и чегендык и заключающие в себе роды: атыгай, богыс, канжигалы, табуклы, караул, серджетим-чакчак; 2) союз кувандык из родов: алтай, калкаман, агыс, карпык, темеш; 3) союз суюндук из родов: дюрт-аул, карджас, козган, коксал; 4) особые

¹ «Дневные записки переводчика Путимцева», Спб., 1819 г., стр.41.

² Aus Sibirien, I, s.208, 209, 214.

³ Добросмыслов «Скотоводство в тургайской области». 1895 г. По Мейеру, у найманов оренбургского ведомства уран-катагай.

⁴ «Труды восточного отделения И. Р. археологического общества», часть 5, 1858 года, стр. 264.

⁵ Едва ли удачен этот перевод, очевидно считающий чар за персидское слово. Трудно согласиться, чтобы в имя, по всей вероятности очень древнего, тюркского рода, почти в Сибири, входило персидское слово. Невероятно также это для имен рек на севере Тарбагатая (Чар-гурбан) и в Тяньшане (Чар-карытма). Следует, быть может, произносить сяр-джитим, как сар-джумарт, род у найманов.

роды таракты и кара-кисяк»¹. Сведения Балкашина, видимо, полнее, обстоятельнее и систематичнее. Они отчасти подтверждаются следующими аргынскими сказаниями², записанными, кажется, покойным Гутковским: «Все три орды, составляющие союз казаков... считают своим родоначальником некоего Алача, что значит чужеземец или, буквально, не наш... У одного из потомков алача был сын Аргын... Он имел несколько жен; от старшей, по-киргизски байбче, родился только один сын Майрам; потомки его известны под общим именем байбче-баласы, т.е. старшей жены сыновья... Потомки других жен Аргына называются мумын - смирные... У Майрама было два сына Кувандык и Суюндык; от первого произошли роды алтаевский, карпыковский, токинский..., а от второго произошли роды айдабульский и корджаский, составляющие с басентеинским родом из смирных волости баян-аульского округа». Сообразно этому сказанию приходится прибавить к аргынским родам роды айдабул и туки, которые выше упомянуты в семипалатинских сведениях, первый у найманов под именем айдагул, а второй под именем туки у байджигитов ветви тауке³. Из приводимых Балкашиным род богыс есть багыш, кара-киргизское поколение, случайно попавшее к аргынам, вероятно из числа пленных, уведенных Аблай-ханом.

Аргыны не упоминаются у историков Чингиз-хана, но это не значит, что они в его время не существовали. В «Юань-ши», китайской истории монгольской династии, народы и племена, подвластные монгольским императорам, разделены на четыре этнографические группы, из которых в первой помещены «монголы и другие кочевые роды», вероятно ближайшие к коренным монголам; во второй значатся найман, тангут и онгут, а также аргын (a-r-hun), кипчак, канглы и пр.; в третьей - северные китайцы, корейцы, кидане и пр., а в четвертой - южные китайцы⁴. Таким образом, аргыны в монгольское время, несомненно, существовали и, по-видимому, обитали западнее найманов, но восточнее кипчаков, быть может, на южном и северном склонах западного Тарбагатая и западнее. Не упоминались они в описаниях деяний Чингиз-хана, вероятно, потому, что подчинились без боя или без особого против них похода. В описаниях походов Тимура аргыны значатся под именем аркенутов около Чингиз-тау и Тарбагатая; упоминание в них найманов, вероятно, объясняется тем, что найманы сидели на землях аргынов и составляли с ними сложные аймаки. О дальнейших

¹ «История оренбургская», стр. 109, с поправками по «Топографии оренбургской», Спб., 1762 г., стр. 145. Левшин, III, стр. 9. Aus Sibirien, s. 236. «О киргизах» и пр., стр. 29, 1887 г.

По рукописному «Расписанию» родов восточной части оренбургского вedomства Казанцева (1856 года, Архив Р. геогр. общества) значатся следующие аргынские роды: чахчак с отделениями: туман, аман-юл, кучай, бакай, юзар, агназар, ишназар, тянят, карабаш, калкаман, баймбет и качкар; айдарка с отделениями: кадырмбет, уджан, елейдар, татан, бутяка, мурзагул, утямыш и дусым-аргын; крыкмултык с отделениями: баймакара, яманкул, ульджукул и букты; караман с отделениями сююндук и тюляк; наконец джаритим с отделениями: утай, кулякай, джаугачты, кужумджар, мадьяр, чумбулат, джиямбет, мяджитбай, итишлян, тайрыберган, тугужа, актажа, байтачи, жакрык и султангильды. По Radloff's Ethnographische Übersicht, s. 26, атыгай, алтай, тербиш и табакты показаны делениями рода торт-аул, кажется, ошибочно

² «Русский инвалид», 1857 года, №195, «Письмо из Омска».

³ А.И. Добросмыслов («Скотоводство в Тургайской области», 1895 г.) называет еще у аргынов в тургайской области следующие роды: айдерке, анай, жолдыбай, караман, крык-мулдук, тулек, шакшак (чакчак). Конечно, это мелкие подразделения.

⁴ Арх. Палладий в Journal of the China Branch of Royle Asiatic Society, Shanghai, 1875, vol. X, p. 24.

судьбах аргынов можно составить себе понятие по сведениям, помещенным выше в кратком историческом обзоре¹.

Что касается происхождения племени аргын и судеб его в домонгольское время, то Г.Н. Потанин сближал имя аргын с ирхит, иргэн и с иирками Геродота², но все это слишком дальнее и ни к чему не ведущее сходство некоторых звуков. Несколько ближе улуг-еркин тюрко-орхонских надписей³, но обитало это племя где-то на северо-востоке Монголии, ибо упоминается рядом с байерку (баегу у китайцев). Мне кажется, что племя аргын есть то самое племя, которое в VII и VIII веках известно было под именем басими у китайцев, басмал или басмюл в тюрко-орхонских надписях⁴. По «Тан-шу», басими имели особое от уйгуров происхождение и играли главную роль в сокрушении державы тюрков-туюо в 742 г., когда, разбив и убив тюркского хана, басими, карлыки и

¹ Племена средней орды, «по преданиям киргизов, пришли в занимаемые ими степи с р. Сыр-дарьи. Из них аргынцы двигались тремя партиями. Прежде из-за Каратауских гор к р. Чу и к Улутавским горам направлялись момуны, состоявшие из двух союзов бегендык и чегендык; в числе их были роды: атыгай, богыс, канджигалы, табуклы, серджетим, чакчак, басентеин, караул. Далее басентеин и табуклы ушли к Баян-аулу. После момунов, из-за Каратау, пришел союз кувандык, состоявший из аргынских родов алтай, калкаман, агыс, карпых и темеш. Этот союз оттеснил момунов к северу и расположился в степях по верховьям р. Сары-су, по р. Нуре и т.д. С кувандыком прикочевал еще род кара-кисяк, занявший горы у Балхаша. Позднее пришел третий аргынский союз сундук, состоявший из родов дюрт-аул, корджас с козганом и коксаком. Дюрт-аул отличался жестокостью и отбросил момунов от Баян-аула к Иртышу. Подобные же предания существуют о движении других племен средней орды». «По киргизским родословным, в потомстве лиц, перекочевавших из Каратау, насчитывается, к настоящему времени, около 10 колен, а в султанских родословных, от Газис-Джанибека, жившего в пору образования казачьего союза, до султанов, живущих теперь, заключается не более 15 колен». Все это приведено мною из статьи «Об исследовании Н.Н. Балкашина касательно киргизской орды», помещенной на стр. 255-263 «Известий И. Р. геогр. общества» за 1882 г. и излагающей сделанное Балкашиным в заседании отделения этнографии 12 марта 1882 года сообщение. Балкашин, вероятно (хотя мотивировал не совсем ясно и удачно), указывал на важность и необходимость собирания родовых имен и их изучения при помощи исторических сведений. Собранный им материал родовых имен ограничивался, однако, средней ордой, да и в ней, по-видимому, лишь аргынами, исторические же сведения его и изучения были слишком недостаточны. Именно «изучение письменных источников (разумеются Рашид-эддин, Абул-гази и пр.) и позднейших сочинений, относящихся к кочевникам (Левшин, Вельяминов-Зернов и пр.), привело г. Балкашина к такому выводу, когда-то, в древности, пастушья орда объединилась в Хорезме и окружающих его странах. Спустя несколько веков, тюркские племена подчинили себе так называемые монгольские, причем стали кочевать за пределами Хорезма в нынешней Монголии, проникая далее озер Далай и Буюр-нор, а монголов отбросили частью к Байкалу, частью к Кукунору... Потом Чингиз-хан объединил монгольские племена» и т.д. Такое представление об истории тюркских племен до Чингиз-хана является отголоском легенд об Угуз-хане и т. под., и ничего общего с действительными историческими сведениями о судьбах тюрков и их этническом составе не имеет, а потому и тот материал о родовом составе средней орды, который Балкашин собрал, надлежащей разработки не получил. Интересны следующие его замечания о родословных, конечно в средней орде: «Киргизские родословные обыкновенно ведутся от Оккесе-сахоба-чакаша, одного из 33 т. учеников Магомета, посланных им во все концы земли». За ним следуют ходжи Тегес, Дауд, Кара и пр., «из них Кара-ходжа чаще других памятен киргизам. Однако они не считают названных лиц потомками Магомета, а казаками, т.е. киргизами. Далее киргизскими родоначальниками являются Улу-джюз, Орт-джюз и Кче-джюз, т.е. большая, средняя и малая сотни или орды. Но это, по-видимому, позднейшее измышление, так как киргизы разделились на три орды не более трех веков тому назад. После того упоминается несколько имен киргизских богомольцев, постоянно помышлявших о Боге: Ак-сопо, Кара-сопо и т.д... Вместе с ними идут имена, служащие олицетворением племенных названий: Аргын, Найман, Кирей, Котан и т.д. У аргынцев часто встречаются предки Котанбай и Акджол; у киреев два предка Ашимайля и Абак; у найманов-Укурек или Укреш...В самых подробных киргизских родословных от Оккесе-сахоба-чакаша до настоящего времени заключается более 25 колен, так же, как в родословных ходж со времени прибытия последних в Среднюю Азию». Численность аргынов Балкашин полагал в 500 т. душ, найманов около 150 т., киреев до 100 т., «кипчак и увак сравнительно в небольшом количестве».

² «Очерки с.-з. Монголии», вып. 2, стр. 11 и 12.

³ Radloff, Die alttürkische Inschriften, s. 443. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon dechiffrees, p. 109.

⁴ Radloff, s. 453. Thomsen, p. 123.

уйгуры, действовавшие в союзе, поставили ханом. Ашинами, главу басими; верховенство басими в Монголии не продолжалось, однако, и трех лет, ибо бывшие союзники уйгуры и карлыки напали в 744 году на хана басими и вынудили его бежать в Китай, «а земли и народ его поступили к ойхорам»¹ (уйгурам). С этого времени о басими уже нигде не упоминается и такого имени не сохранилось в именах тюркских родов. Объясняется это, по-моему, тем, что имя басмюл заменилось именем аргын, имеющим то же самое значение: помесь, смесь. У Марко Поло, в описании области Тандюк, говорится, что в ней господствуют христиане *qui s'appellent Argon, qui vaut a dire Gasmul*. Издатель и комментатор французской версии «Книги» Марко Поло Потье заметил по этому поводу, что по *Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis* Дю-Канжа *Vasmoule* или *Gasmoule* именовались в византийской империи потомки отца француза и матери гречанки. Отсюда Потье заключает, что аргоны в Тандюке были потомки отцов-несториан и матерей-кераиток, предполагая, что несториане попали к киреям после 845 г., когда они были изгнаны из Китая императорским указом этого года². Из всего этого в данном случае важно лишь то, что в XIII веке в Монголии слово аргын употреблялось для означения помеси и что такое же значение имело слово басмюл, заимствованное в Византии, без сомнения, у западных тюрков, которые, стало быть, сохранили для понятия помеси древнее слово, вышедшее из употребления в Монголии. Что басмюл был именно смесью многих, вероятно разного происхождения, родов, это подтверждается означением в китайском тексте хара-балгасунского уйгурского памятника VIII или IX века 40 родов у басими рядом с 9 только родами у уйгуров и 3 родами у карлыков³. Обитали басмюлы в VIII веке, по-видимому, между монгольским Алтаем и китайским Бэйтином (около Гучена), ибо, действуя в 720 г. в союзе с китайцами против турков-тукю, басими искали опоры в Бэйтине⁴ и сюда же бежал в 744 г. Ашинами-хан. Такое местоположение кочевков басими дает основание думать, что в союз басими входили части родов чуйцев, занимавших северные склоны восточного Тяньшаня. Очень затем, может быть, что союз басмюл в V веке значился у китайцев под именем гаогюйского рода алунь⁵ (аргын). Ввиду всего этого и сообразно с общим ходом передвижений племен в Монголии, надо полагать, что после падения уйгуров басмюлы-аргыны вступили со временем в состав найманского союза, занимая прежние свои земли на западе найманских, и что во время Чингиз-хана аргыны подались на запад впереди найманов и киреев, оставив в монгольском Алтае частицу своих родов, которые потом омонголились и существуют у калмыков под именем кости еркетын. Во время того же движения на запад могла отстать, около Тарбагатая, часть

¹ «Собрание сведений», I, стр. 381, 383, 438, 439 и пр.

² *Le livre de Marko Polo*, ed. Pauthier, Paris, 1865, p. 214, 215. В числе разных комментаторов Марко Поло см. арх. Палладия в «Восточном сборнике», т. I, Спб., 1877 г., стр. 28 и др.

³ Перевод проф. Васильева в *Die alttürkischen Inschriften*, s. 286.

⁴ «Собрание сведений», I, стр. 333.

⁵ Там же, стр. 251.

аргынского рода тёртоул, которая и теперь здесь находится, вернувшись на свои места после падения цзунгаров¹.

Рычков делит кипчаков на пять колен: «кипчакский сам о себе, потом кунделен, узюн, танабуга и карабалых». По В.В. Радлову, «племя кыпчак обитает в северо-западной части степи по рекам Тургаю, Убагану, Тоболу, Ую до г. Троицка и Устьуйской крепости. Оно состоит из родов: торы-айгыр, туючка, кытабак, бултун, кара-балык, кунделен, тана-буга, узюн и кок-бурун». Им, стало быть, в точности повторено исчисление родов кипчаков, значащееся у Левшина. По А.И. Добросмыслову, Танабугу считают сыном Карабалыка, особенно прославившимся и потому давшим имя особому роду; по этому автору, в тургайской области имеются следующие кипчакские роды: бултун, кара-балык, куль-денен, танабуга, торы-айгыр и узюн²

Арабские писатели эмир Рукн-эддин Бейбарс (умер в 1325 г.) и Ибн-Хальдун, - рассказывающие, что поводом к подчинению кипчаков монголам послужила вражда между их родами дурут и токсоба за убиение монгуша из первого рода Аккубулем из второго, - приводят имена одиннадцати родов кипчакских: 1) токсоба, 2) иета (по ибн-Хальдуну сета), 3) бурджоглы, 4) бурлы (эльбули), 5) кангуоглы, но можно читать и кангароглы (канааралы), 6) анджоглы (оглы), 7) дурут, 8) карабароглы (калабаалы), 9) джузнан (джерсан), 10) карабиркли (кадкабиркли), 11) котян (кунун)³. Из этих имен можно узнать в 8-м кипчакский род карабалык, но так как под кипчаками у арабских писателей, конечно, разумелись не одни собственно кипчаки, но и другие тюркские племена, обитавшие в кипчакской степи, то в бурдж-оглы можно видеть аргынский род боршы, в дурут-арынский же род тёртоул (дюрт-огул или оглы), в кангу-оглы - племя канглы, в анджоглы - аргынский род канджигалы. Токсоба едва ли собственное

¹ Из сведений (к сожалению, недостаточно полных) о родовом составе волостей акмоллинского уезда (акмоллинской области) по переписи 1895 года, сообщенных мне А.И. Троицким, видно, что в нурынской волости с кувандыкским родом темеш помещается род тюртогул, имеющий общеаргынскую тамгу (два круга); из отделений этой волости заметим кыргызы и бопы. Любопытно далее в спасской волости (кувандык, род мурат) отделения салия (сравн. с sa-li-ya, старейшина Nien-ba-en, который по «Гинь-ши» в 1160-1190 гг. искал помощи чжур-чженьского императора против кара-киданей, совместно с Bo-gu старейшиною рода канглы, см. Bretschneider, Mediaeval Researches, I, p. 223) и баяу (сравн. с Bo-ya-wu, родом канглов, по биографиям, помещенным в «юань-ши», там же, p. 303). Момунский род *канджигалы* в коржункульской и еременской волостях отличается особым типом лица и имеет тамгу кипчаков || ; в последней волости отделения коскельды, калдигар, оюм, кама и джапар. Из момунских же родов кулан-кыпчак (ишимская волость) и *боштун-кипчак* (акмоллинская волость) тамгу имеют общекипчакскую, а род *кирей* (мунчактинская волость отделения ак-сары, кур-сары и козы, и кызыл-таракская волость отделения бурас, курман, курсары, бискара, джебике и толке) сохраняет общекиреевский крест. В чирубай-нурынской волости (кувандыкский род кареке) есть отделение ток-бура, ак-бура, чучак, баргана, кенджигалы и агыс-нурбай. Вообще аргынекое племя оправдывает значение своего имени, будучи действительно смесью киреевских, найманских, кипчакских и т.д. частиц

² Вышеуказанные сочинения тех же авторов. По рукописному «Расписанию» родов восточной части оренбургского ведомства Казанцева (1856 года, в архиве Р. геогр. общества) тамга у рода *кипчак* | и показаны следующие отделения его: карабалык, уста, юка, кирта, исянгильды, кунгур, куба, юлдай, качик, алатай, джадаяк, ташкур, арук, балгачи, научан, ярбасты и алтыбаш. - По Мейеру, у кипчаков оренбургского ведомства уран - Айбас.

³ «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды» бар. В. Тизенгаузена, том I, извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884 года, стр. 540-542.

родовое имя; в узбекских позднейших ханствах это было придворным званием и производится от туг или тук - знамя¹.

По Рашид-эддину, «имя кыпчак - производное от кабук, которое по-турецки будет выгнувшее в середине дерево»². По мнению проф. Березина, «настоящий корень для слова кыпчак должно искать в турецком кыпмак - мигать»³. В сущности, происхождение имени кыпчак остается неизвестным. Не нашёл я в Алтае и Саянах и имени реки или местности Кыпчак⁴. По видному положению кости кыпчак между алтайцами, где есть из среды ее наследственный зайсан, можно полагать ее древнее алтайское происхождение. Вследствие близости по тамге, составляющей повторение или удвоение канглынской, и по многовековому соседству в степи, надо допустить близкое родство кыпчаков с канглами, если не происхождение от последних. Недостаток сведений о делениях кипчакских родов и их тамгах лишает возможности точнее выяснить отношения кипчаков к прочим тюркским племенам. Китайские историки («Ган-му», под 1237 г.) утверждают, что богатый превосходными лошадьми народ кипчакский (kin-ch'a) «искусен в обработке кож и металлов и имеет голубые глаза и красные (рыжие) волосы»⁵. Если, - что всего вероятнее, - китайцы не зачислили в кипчакский народ того времени восточных финнов и русских, тогда подвластных кипчакским чжучидам, то светлую окраску части кипчаков следует отнести к смешению их с западными динлинами и угро-финнами.

В настоящее время кипчаки имеются главным образом среди киргиз-казаков тургайской области и отчасти акмоллинской. Численность их много меньше относительно, чем численность аргынов и найманов, именно, как полагаю я приблизительно, едва ли не менее 30 т. кибиток. Такое уменьшение численности многолюдного и могущественного племени, по имени которого некогда степь называлась Дешт-кипчаком и улус джучиев ханством кипчакским, есть результат того, что оно, с одной стороны, выделило из себя значительные массы на запад, где вошло в состав башкиров, ногайцев, крымских, волжских и казанских татар, с другой же, будучи главной опорой владычества чжучидов, массами же ушло на юго-восток в ополчения шейбанидов и составило главную часть узбеков, особенно в Фергане и между Зеравшаном и Сыр-дарьей, а также в Хиве.

¹ Впрочем есть роды ток (у кундровских татар, см. Небольсина «Волжское низовье» в «Журнале мин. вн. дел», 1852 г., ч. 4, стр. 359) и суба (отделение рода кызым-курт букаевской орды, см. Я.Ханыкова «Очерк состояния внутренней киргизской орды в 1841 г.» в «Записках И. Р. геогр. общества», 1847 года, кн. 2, стр. 36), из которых мог состоять сложный род токсуба.

² «Записки И. Академии наук», том 72, книжка I, «К вопросу об уйгурах», стр. 34. Есть на юге от хребта Сауру река Кобук; в объяснение ее имени составители «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорят, что «хобок значит насос, сделанный из кожи, употребляющийся для накачивания воды из колодца» («Записки о монгольских кочевьях», перев. П.С. Попова, СПб., 1895 г., стр. 465).

³ «Журнал мин. народного просвещения», 1853 года, часть 79, июль и август, стр. 237.

⁴ В «Очерке киргизской степи к югу от арало-иртышского водораздела, в акмоллинской области» г. Ю. Шмидта («Записки западно-сибирского отдела И. Р. геогр. общества», кн. 17, вып. 2, 1894 г., стр.5) упоминается р. Кипчак, в числе притоков озер Денгиз и Кургалджин, как и речка Кирей, но едва ли эти названия не нового происхождения.

⁵ Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources by Bretschneider, London, 1888, vol. 2, p. 72.

По Левшину, в средней орде существует особое племя увак-гирей, состоящее из родов: увак, гирей или кирей и тараклы. Рычков в числе 4 «генеральных родов» средней орды называет «увак-гирейцев». В.В. Радлов, который вообще племя кирей делит на абак-кирей, кара-кирей и таракты, особо об увак-кирей не упоминает. По Балкашину, «уваки (ер-кокче) заключают в себе роды сарыбагыс, сарча, сарман, чога, мурат, бийдалы, джансары, баимбет»¹. Из этих родов сарыбагыш есть, вероятно, кара-киргизский род, попавший в среднюю орду во второй половине XVIII века, когда Аблай-хан «пленных во множестве бурутов (т.е. кара-киргизов) отослал в северную часть средней орды, где они и дети их доньне живут, составляя род, известный под именем джаны или яны-кыргыз, т.е. новые киргизы»². Имена родов сарча, сарман, джансары указывают на динлинское происхождение их и на принадлежность киреям, если верить именованию увак-кирей³; происхождение собственно уваков и тараклы остается неизвестным. В древних исторических известиях, сколько нам известно, имени увак не встречается⁴.

К племенам же средней орды обыкновенно относят племя конграт. Рычков о нем не упоминает. Капитан Андреев (1785 г.) имел сведения о волости «кундрацкой», в которой «главным старшиной» считался Полат-хан и при нем Абучей-солтан; в ней было более 3500 кибиток, кочевала же она смежно с «волостью усюйской», т.е. усюнской или большой ордой, около города Туркестана и р. Сыр-дарьи, а в летнее время доходила до р. Тургая и озера Телегула, в которое впадает р. «Сарасу», т.е. Сарысу. Левшин знал, что конгратов больше причисляют к средней орде, но последовал за теми, кто помещал их, по смежности кочевков и подчинённости кокандцам, в большой орде; он показал у конгратов следующие роды: байлар-джанджар, ураз-гельды, кульджегач, бочман, токбулат, яманбай, кура-куся, этимляр, куюш-сансыз. В.В. Радлов правильно относит племя конграт к средней орде и говорит: «Конграты кочуют большей частью в ташкентской стороне и смешанно с киргиз-казаками большой орды, так что теперь они сами себя большей частью причисляют к большой орде. Они делятся на двенадцать родов, из которых шесть считаются алты-

¹ См. те же книги упомянутых авторов.

² Левшин, часть 2, стр. 267 и след.

³ А.И. Добросмыслов («Скотоводство тургайской области», 1895) называет в тургайской области отделение уваков иринчи и дает его тамгу крест, т.е. киреевскую. По «Росписанию» родов восточной части оренб.

ведомства Казанцева (рукопись, 1856 года) значится род иленчи-увак с тамгой и отделением каз.

⁴ По поводу названия ер-кокче, присваемого Балкашиным племени увак, можно иметь в виду, что Ер-Көкчө, сын Айдар-хана и потомок Камбар-хана, является одним из действующих лиц кара-киргизской поэмы о Манасе (В.В. Радлов «Образцы народной литературы северных тюркских наречий», часть 5, Спб., 1885 г.). Призывая на помощь духов предков, бакса из племени аргын, заклинания которого записал В.В. Радлов (Aus Sibirien, B.2, s. 64, 65), упоминал Кбкчб, предка уваков, Кара-Коша, отца Аргына, Тор-айгыра с четырьмя сыновьями, Кубанбая, предка кара-кисеков, Кандыбая, предка Кара-Керея, Шбин-кара, предка рода тас, Кент-бугу, родоначальника племени терстен-бала, Бурлубая, предка племени бассентин. - Так как заклинания должны передаваться шаманами из поколения в поколение в более или менее неизменной форме, то легко может быть, что в некоторых из них содержатся драгоценные указания и разъяснения родовых отношений и происхождения родов.

ата-Көктынг-улы (шесть сыновей отца Кока), остальные же шесть алты-ата Көктөнгчю (шесть отцов Көктөнгчю)¹. Имена их не приведены.

Конграты есть племя монгольское. По Рашид-эддину, хонкираты принадлежали к племенам, которые известны были издревле под именем монголов и назывались вместе с несколькими другими племенами монголами дюрлюгун, в то время как «настоящие» монголы именовались нирунами. «Хонкираты вышли из Эргэнэхон прежде всех ..., внезапно, так что очаги других племен повергли под ноги ... Местопребывание хонкиратов есть пределы Онгу» (т.е. китайская Великая стена)². По «Юань-чао-ми-ши»³, «терге, аме и другие унгира» (т.е. кунграты) обитали при впадении р. Халхи в озеро Буйюр. Хонкираты составляли пять тысяч из 129 тысяч войска Чингиз-хана; их дочери выдавались в замужество за сыновей и внуков завоевателя⁴. Вероятно, часть четырех тысяч, данных Джучию отцом, состояла из конгратов; они, несомненно, имели большое значение при дворе джучидов и в управлении подвластными народами. Все это делает понятным образование в уделе джучиевом, в кипчакской орде, союза местных тюркских родов с именем конграт, полученным, конечно, вследствие возникновения его под главенством джучидских конгратов. Часть этого союза, и с нею, вероятно, почти все кровные конграты, ушла с шейбанидами в Мавераннагр, оставшись верною потомству завоевателя, но часть осталась с киргиз-казачьими родами, стремясь и здесь служить ханам. Этим, кажется, объясняется кочевание конгратов вблизи Туркестана, где обыкновенно пребывали старшие ханы. Выше упомянутый Полат или Пулат-хан был, кажется, сыном хана средней орды Абул-Мамет-хана, также владевшего Туркестаном. Рассмотрение родовых имен, приведенных Левшиным, подтверждает, что конгратский союз состоял из частей тюркских родов, а не монгольских. Так, роды байлар-джанджар, кара-куся, т.е. кара-кисяк и этимляр, т.е. джитим, суть аргынские роды джанджар, кара-кесек и сар или чар-джитим. Вероятно, и остальные роды принадлежат племени средней орды, особенно кипчакам.

Среднеордынские генеалогические сказания, сообщенные Мусой Чормановым (аргынец, союза сундук, рода корджас), объединяют племена этой орды таким образом, что у предка всего киргиз-казачьего народа Котана⁵ было три сына: Акджол,

¹ Aus Sibirien, I, s. 237.

² «Введение», стр. 4. По догадке Howorth'a (History of the Mongols etc., part 2, divis. 1, 1880, p. 15), имя конгратов или кунгуратов может происходить от упоминаемой д'Оссоном в восточной Монголии реки Кунгур.

³ «Труды р. духовной миссии в Пекине», т. 4, стр. 91 и 207.

⁴ «Труды восточного отделения И. Р. а. о.», ч 15, 1888 г., стр.139.

⁵ Имя озера Котан или Хотан, - лежавшего, думаю, в низовьях Таласа или Чу, если не так назван был Иссыккуль, - встречается в «Истории династии Хань». При описании похода китайского наместника Восточного Туркестана против кангюйцев и союзника их шаньюя северных хуннов Чжичжы, в последней половине I века до Р.Х.: Le tou-oueï', voulant partir du royaume de Ouén-son (владение Вынь-су находилось на ю.-в. от нынешнего Уш-Турфана), suivit la route du nord (т.е. пошел через перевал Бедель), entra en Tchi-kou (т.е. достиг месторасположения разрушенного уже города Чи-гу, на р. Кызыл-су), passa au delà du pays des Ou-soun, franchit les frontieres du Khang-kiu, et arriva a l'ouest du lac de Khotan. Alors Pao-tien, vice-roi de Khang-kiu, se mettant a la tete de plusieurs milliers de cavaliers, com nit des brigandages a l'est de la ville de Tchi-Kou, tua et enleva au Grand Kouen-mi euvion mille hommest, et detruisit une grande quantite de betail.

Альчин и Юсун, от которых пошли три орды - средняя, меньшая и большая; у Акджола было восемь сыновей: четыре от законной жены - Кипчак, Аргын, Найман и Конграт, и четыре от незаконной - Кирей, Уак, Тараклы и Тюленгут¹. Понимать эти сказания следует так, что первые четыре племени более людны и сильны и ранее пришли на места, занимаемые средней ордой; киреев аргынец поместил в незаконные сыновья потому, что главная их часть живет далеко, на китайских землях, и мало известна нынешним среднеордынцам; уаки и тараклы попали в незаконные по малочисленности и неизвестности происхождения; наконец тюленгуты, рассеянные во всей средней орде и состоящие главным образом из забранных в плен и обращенных в рабство казачьими ханами и султанами во время набегов половины XVIII века в Алтай теленгетов, являются малочисленным и заведомо чуждым родом².

По тем же сказаниям, незаконные сыновья должны были прислуживать законным: один (Кирей) мел юрту, почему у него тамгою - чилик (лоза); Уак обязан был ставить юрту, за что получил тамгу бакан (подпорка для чарганак - верхнего круга деревянного остова юрты); Тараклы чистил лошадей, почему его тамгою служит тарак (гребень), а Тюленгут пас лошадей с пикой в руке для отражения барантачей, отчего тамгою его является найза (пика). Почему-то, однако, чилик является у Чорманова тамгою не только киреев, но и конгратов. По сведениям Левшина, тамга киреев , а по Н.И. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыр-дарьинской области», Ташкент, 1889г.) ³. Тамга уаков по Левшину , а найманов , по Чорманову же , тогда как Гродеков дает последнюю в качестве тамги конгратов. Разноречия являются, вероятно, главным образом следствием того, что тамги посторонних родов принимаются за тамги племени,

Puis il atteignit les derrieres de l'armee des Han et commit des depredations considerables dans les bagages de l'arriere-garde (перевод St. Julien, см. Les Huns blancs ou Ephtalites par M. Vivien de St- Martin, Paris, 1849, p. 54).

¹ «Очерки с.-з. Монголии», вып. 4, 1883 г., стр. 15.

² Султан Ахмет Джантюрин, правивший восточной частью оренбургских к.-казаков, где имелись частицы средней орды, передавал Небольсину, что средняя орда состоит из шести племен, происходящих от одного общего родоначальника: аргын, кыпчак (из родов карабалык, на Тоболе, узун, кульденен, в сибирской степи и в кокандских владениях, и турайгар на Тургае), найман (большей частью близ Чугучака), кунграт (в Кокане), кирей (на Тоболе) и уак (Небольсин в «Вестнике И. Р. г. о.», 1852 г., ч. 4, стр. 24.).

³ На двух из найденных в минусинском округе древних серпов из красной меди оказались тамги (В.В.Радлов «Сибирские древности», т. I, вып. 3, СПб., 1894 г., таблица X, фигуры 5 и 7): + (фигура 5, серп, найденный на берегу р. Сиды, правого притока Енисея) и (фиг.7, найденный вблизи села Бейского). Первая тождественна с наиболее распространенной кирейской тамгой в виде креста, вторая же представляется производной от второго типа киреевских тамг, к которому принадлежит, в качестве производной же, тамга поколения сары-уйсун, остатка усуней в большой орде. К объяснению кирейских тамг на Енисее могут служить упоминания в актах XVII века о небольшом роде *караит*, встречающемся также под именем *керетцев* и *керельцев* (Фишера «Сибирская история», 1774 г., стр. 509 и 518, и «Русская историческая библиотека», том 4, стр. 318), близ устья Абакана и на Белом Юсе с кыргызами. На карте при «Сибирской истории» караиты означены на правом берегу Енисея между этой рекой и р. Тубой. Упомянутый род стоял к кыргызам в таком же отношении, как тубинский, т.е. считался близким и равноправным. До издания 3 выпуска «Сибирских древностей» можно было предполагать, что караиты суть частица киреев, нашедшая приют у кыргызов на Енисее после разгрома киреев при Чингиз-хане. Древние серпы из красной меди с киреевскими тамгами дают основания допускать возможность существования частицы киреев на Енисее в гораздо более раннее время, подкрепляя догадки о родстве киреев с динлинами и усунями, а также с «пегим народом», который, по Матуань-линю (см. сведения Дегиня выше в главе III), употреблял медные сосуды (а стало быть, и орудие) ещё во времена династии Тан, когда на земле кыргызов добывались золото, железо и олово («Собрание сведений», I, стр. 444), но не медь, которой не упоминалось.

в составе которого они случайно находятся, и, быть может, разъяснятся, когда будут собраны и изучены имена родовых подразделений средней орды и их тамги, о которых сведения пока скудны.

В заключении этого, занявшего уже много места, изложения сведений и материалов для выяснения племенного и родового состава средней орды, составляющей, по своей численности и значению, главную часть киргиз-казачьей народности, я считаю полезным привести краткие извлечения из данных о родовом составе средней орды по двум рукописным источникам, из которых один относится к 1785 г. и другой к 1833 г.

По «Описанию средней орды киргис-кайсаков», «собранному (в) 1785 г. капитаном Андреевым» (рукопись И. Р. геогр. общества), ближайшей к крепости Устькаменогорской, составлявшей крайний восточный пункт сибирской линии, к которой приурочено описание, названа волость *увак-киреевская*, находившаяся в 20 верстах и состоявшая из 120 кибиток. Волость *кок-ярлынская* (т.е. род кокджарлы), в числе около 900 киб., кочевала в 30 верстах от Устькаменогорска, на левой стороне р. Иртыша. Волость *учаклы-усуйская*, в 40 киб., находилась на р. Аблайкитке; это «отшельцы от волости усуйской, которая находится за городом Туркестаном»: очевидно, это части поколения учакты или ошакты большой или уйсунской орды, главная масса которого тогда кочевала, как и ныне, около Сыр-дарьи. Волость *ак-найманская* в 500 киб., имела кочевки против китайского караула Карбага-базар между р.р. Букан и Че(р)генак, в 150 в. от Устькаменогорска. Волость *табуклы-унууз (?) - найманская*, 200 киб., кочевала на северной стороне «Тарбагатай». Волость *караул-ясык-найманская*, 200 киб., находилась против города Чугучака. Волость чирнучинская (должно быть киреевский род чиреучи), в 300 киб., располагалась на правой стороне Иртыша, около устья р. Нарыма. Волость *каракаш-кирейская*, 300 киб., кочевала выше устья р. Нарыма.

От Устькаменогорска до форпоста Талицкого, вниз по Иртышу, по левой его стороне, показаны волости: *сиван-киреевская*, 100 киб., на р.р. Чар-гурбан и Кизылке; *матайская*, до 700 киб., в ур. Тюмень и на р. Чар-гурбан; *акимбет-кирейская*, до 300 киб., в горах Делбегетей (?); другая часть той же волости, до 200 киб., летовки имела в камне Дербугатай (Тарбагатай ?) на р. Чар-гурбане. От форпоста Талицкого до крепости Семипалатной кочевала волость *уваковская*, делившаяся на пять «поколений»: койбагыш, яну, бай, чукча и иргенек; в них до 9 т. человек.

Против Семипалатной крепости находилась чубактар (чубар-айгыр ?) -кирейская волость, с 4 т. душ обоего пола, а в горах Чингиз-тау кара-кирей-найманская (число кибиток и душ не показано), в которой султанствовал, до смерти в 1783 году, Абулфеис, сын Абул-мамбет- хана. В горах Дербегетей кочевала волость лэвяш-матайская, из 450 кибиток. От Семипалатной до форпоста Долонского простиралась волость бура-найманская, из поколений тазлар, алтыбай и джавитей, в числе 1500 д. о. п. В горах Тюмень была частица волости терстамгалинской, 50 киб.

Против форпоста Долонского начиналась волость басантейская, до 3500 д.о.п., главою которой состоял Урус-солтан, сын Султан-Мамет-султана. В горах Муржу и Дегелен кочевала волость кара-кисецкая в 7 т. ч., кроме жен и детей, под властью Маман-султана. Против крепости Ямышевской до гор Баян-улы находилась, в ведении Тюр-Батыр-султана, волость дюртаулская, в числе 5 т. ч., кроме жен и детей. В сопках Агурьюских, в 280 в. от Семипалатной, кочевала волость тараклинская, 40 киб. Ниже кр. Ямышевской обитала волость кипчакская, в 5 т.ч., не считая жен и детей, в ведомстве Султан-Мамет-султана. Далее волость канжегалинская (род канджигалы), 200 киб., волость карлеуцкая (?), 40 киб., отделившаяся частица волости уваковской под именем баба-кирейской, 30 киб., сиван-кирейская, 45 киб., и курсары-кирейская, 70 киб. Ниже кр. Железинской частицы волостей кипчакской и киреевской и, наконец, баганалы-киреевская, 90 киб.

У кр. Омской сибирская линия, шедшая доселе по Иртышу, направлялась далее на запад степью к кр. Св. Петра, на р. Ишиме, и далее до соединения с линией оренбургской. По ней были волости: близ Омской крепости киреевская, 25 киб.; против крепости Покровской части кипчакской, атагайской и увак-киреевской. Поблизости кр. Св. Петра, вверх по р. Ишиму, простирались земли волости атагайской, в «которой главой почитается владелец Ували-хан», кочующий в горах Енгус-тау; в ней до 8 т. ч. С атагайской «обще» располагалась волость караульская до оз. Каркалджина, 4 т. ч.

Около кр. Пресногорьковской упоминается волость чаржатынская (чарджитым), 270 киб., и, наконец, в конце сибирской линии, часть кипчакской волости, 150 киб., ведения султана Худайменды, в вершинах реки Тобола.

Капитан Андреев сообщает еще, по слухам, сведения о находившихся вдали от сибирской линии и мало ему известных волостях: 1) кундрацкой (конграт), ведения Пулат-хана и Абучей-солтана, в числе более 3500 киб. Около города Туркестана и р. Сыра, простирая свои летовки до р. Тургая и оз. Телегула, в которое впадает р. Сарысу; 2) усюнской (большой орды)¹, кочующей в числе 4 т. киб. За городом Туркестаном, по р. Сыру и Талашу; волость эту одни считают частью средней орды, другие — большой, третьи же говорят, что она подвластна Нурали-хану (т.е. принадлежит малой орде); 3) чакчацкой, 370 киб., по р. Алабуге, притоку Тобола и пр.; 4) садырской, ведения Кучук-султана, до 1700 киб., по р.р. Букан-Кукан и Сарысу, до верховьев Нуры; 5) алчинской, до 12 т. киб., с особливим ханом Каипом, который не подвластен ни Ували-хану, ни Нурали-хану.

В орфографии вышеприведенных родовых и географических имен я придерживался подлинника. В общем, расположение родов средней орды оказывается не далеким от

¹ Судя по указанным в рукописи именам родов, эта волость состояла из частей родов поколений дулат и сергелы. В другом месте капитан Андреев дает еще сведения о волостях, располагавшихся на китайской границе от Тарбагатай до р. Или: по именам все это оказались части большой орды, а потому приводить эти сведения здесь неуместно; к средней орде из них относились только волости кызай и тюртаул, сведения о которых Андреева уже приведены выше.

нынешнего. Если имена многих родов не попали в «Описание» Андреева, напр., нет даже имя племени аргын, то это произошло от случайности расспросов и видимой поверхности их в западной части сибирской линии, которая была Андрееву плохо знакома.

По статистическому описанию, составленному в 1833 году назначенной в 1832 году для военно-топографической рекогносцировки омской области экспедицией под начальством ген. штаба подполк. Бутовского, показаны в кокчетавском округе волости: майли-балта-атагай (в ней главные роды бабасан 286 киб., сююндук-кара 228, ильток 150, сары-баласы 342, кадыр 280), атагай-багыш (донкой 150, рыскул 198, кулан-су 80), киргиз (допана-киргиз 155 к. и басай-киргиз 180), джавлубай-караул (дусен 110, серке 75, кульдей 63), куттумбет-караул (нокой 205 и малай 205 киб.), кылды-караул (джаиган 176, тарагай 150 и кувандык 66), идыкбай-кашгар-караул (бай-кашкар 145, идыкбай 150), баба-атагай (баба 490), рысай-атагай (исеньгельды 376), койли-атагай (карабалык 207 и алмамбет 307), худайберды-атагай (кочкулы и ураз 249, андагул и джумук 330, джантели и акмалыч 236), нагай-караул (исеньгельды 219), атагай-багыш (назар, байназар и серкеч 615 к.), балта-кирей (балта 184), курсары-кирей (бураз и курман 45), увак (чага 132), баимбет-атагай (айбаш 385 к.). В «водворяемом» аман-карагайском округе: волости увак (главные роды бийдалы 500 к., джансары 525, барякши 450, чайгуз 225, сергалы 50, иренчи-увак 50), кирей (кучебе 700, саван 500, матакай 1000, самай 500, исеньбакты 200, именалы 150, кантай 250, тазда-кирей 100, давлембет 100, нурум-бет 380, капсюд 540, чагалак 100, каракемпир 80 и нуралы-култаба 180), аргын (таз 700, утей 500, калукай 500, актач 510, тагач 100, джиембет 200, канжигалы 500, кубет-узун-турайгыр-кипчак 350, баганалы 300, аргын-акчаты 100, аргын-сугур 40, матакай-кирей 500, аргын-чарджитым 300 и аргын-джултай 135). В предполагавшемся тургайском округе: «части волостей джугары, тюбен-чикты и крык-малтык аргынских, баганалинских, балталинских, кидель, турайгыр и кийтаба кипчакских», всего 30000 к. В «водворяемом» мунчактинском округе: курсары-кирей 4011 к., аксары-кирей 908, качак-акты и дживар-караул 2100, канжигалы 6420, аджибай 1580, канжигалы 2000, аксары-кирей 3592, итого 20611 киб. В акмоллинском округе: алтай 4191 к., алчин 35, бирюч 329, джагалбайлы 125, калкаман 56, карпык 6124, кипчак 5, кок-сал 30, козган 33, тараклы 1790, темеш 1108, тама 3587, туртугул 839, чубурбайлы 2, канжигалы 1, киргиз 67, телеут 10 и алчин 16, а всего 18348 кибиток. В «водворяемом» баян-аульском округе: канжигалы 1503, найман 655, туртугул (карджас 960, айдабул 2644, сатылган 351, кумок 1112, орманчи 1109, коксал 1208, козган 494, тулпар 2254), кувандык (агыз 162 и алтай 1390), басентеин (сарым 345, кучум 479, ак-телеш 396, алпай 109, бюра 313, байлебет 256, бесен 193, кайсары 333, айтей 93, дюртсары 171 и кончанчоро 487), итого 17017 киб. В каркаралинском округе: дюсембай-чакчак 798, киргиз 732, кара-айтымбет 713, алтубет 493, караул 240, куянчи-тогай 544, карсен-кирене 1081, алтеке-сарым 1048, надан-тубуклы 931, тюленгут 857, кирей 1045, тараклы 590, кучум 460, джалыкбаш 1021, байбура 1823, айбакы-чанчар 1761, нурбике 1273, канбура 490, бура-найман 1215, тобуклы 2978, алыбай 781, всего 20874 киб. В

«водворяемом» кокпектинском округе: бура-найман 6550, сарджумарт-найман 700, терстамгалы 1593, матай 570, кокджарлы 700, бурадисяут (?) 60 и сиван-кирей 400, итого 10 573 кибитки. В аягузском округе: мурун 1788, мурун-назар 847, курджи 1903, сиван 1888, матай 975, тума 1550, семиз-найман 1675 и садыр 510, итого 11136 киб.¹

Если подвести итоги сведениям Бутовского, то круглым счетом оказывается в 1832 г. в 8 округах сибирского ведомства 116500 кибиток, из которых более 60 т. приходится на расположенное в западных и средних округах племя аргын, с главными родами атагай, туртугул, канджигалы, карпык, алтай, басентин, караул, чанчар, чакчак, аджибай и пр.; около 30 т. кибиток племени найман, в восточных округах с родами бура, сарджумурат, терстамгалы, матай, кокджарлы, сиван, мурун, тума, садыр, семиз, тобуклы и др.; около 15 т. киб. племени кирей, в западных и средних округах, родов курсары, аксары и др.; очень мало племени кипчак, из которого упоминается только род карабалык. Кипчаки, впрочем, находились главным образом в 9-м «предполагавшемся тургайском округе», который проектировался преимущественно из земель и киргиз-казаков оренбургского ведомства и не состоялся вследствие несогласия этого ведомства; там значились кипчакские роды: кидель (кюнденен), турайгыр и кийтаба (кытабак Левшина и Радлова ?), численность которых особо не показана и заключалась в общей цифре 30 т. киб. предполагавшегося округа.

Позднейшими цифрами численности средней орды по племенам и родам мы не располагаем², но на основании разных соображений и отрывочных данных надо

¹ Рукопись, приложенная к «Карте средней киргиз-кайсацкой орды» и пр., 1833 года, под № 222, по «Каталогу склада военно-топографического отдела главного штаба», вып. I, Спб., 1885 г.

² Для сличения с данными о родах омской области 1832 г. могут быть полезны сведения о родовых делениях области сибирских киргизов (образованной в 1854 г. из западной части бывшей омской, тогда как восточная составила семипалатинскую область, южная часть которой в 1867 г. вошла в пределы учрежденной в этом году семиречинской области) в книге подполковника Красовского («Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов», Спб., 1868 года, три части), начинающей считаться библиографической редкостью. Существовавшая и ранее перемешанность родов с тридцатых годов сильно увеличилась вследствие сформирования, при введении приказно-окружного управления, административных волостей, на которые разделялись бывшие ранее значительные по численности родовые группы или которые составлялись из мелких групп. Вследствие новых группировок родов, старые наименования родовых союзов начинали терять прежнее значение. «Теперь - говорит Красовский (часть I, стр. 333 и след.) - по крайней мере, в делениях средней орды, древние названия (племен и родовых групп) не имеют значения... О древнем происхождении от аргынцев, кипчаков и т.д. редко, где можно слышать. Всего упорнее держатся древние имена увак и найман», потому, «должно думать», что они «менее других древних племен перемешались с прочими». Вследствие такой перемешанности, Красовский дает сведения о родовом распределении кочевников области сибирских киргизов лишь по поколениям или «собираемым названиям нескольких волостей». Поколения эти, - которые я сгруппирую по племенам, пользуясь большей частью указаниями данных самого Красовского, - суть следующие: А) Аргыны. 1) Кара-кисяк, в каркаралинском округе, 17 волостей; «каждая волость считает в среде потомков древнего сильного поколения кара-кисяков» но в тех же волостях есть частицы найманов и других племен; роды в поколении кара-кисяк: чанчар, чек-чек (так по Красовскому произносится чакчак Левшина), кара-айтымбет, тюртаул-джайбулы, джаман-кара, коджасар-кара, ескене, джалыкпас, аман, кутумбет (в числе ветвей есть бухар), байбура, тобукты (между делениями есть манас), таракты, кирей (в числе ветвей есть косай), камбар, караул, альтеке (курсары), сарым-токсан (есть деление айдабуль), кирсон (в числе делений есть таракты), кирней, куянчи (деления туркой, сарай и пр.), тагай, калмак, мамадаир и кусчи; три последних рода составляли тюленгутовскую волость, значит, происходили от ханских и султанских пленных, рабов и слуг. 2) Тюрт-аул, в баян-аульском округе, из родов: кулюке-каржас, сатылган, алтын-тура, кулюк, айдабуль, джангозу-айдабуль, ак-бура, тултар, коксалы, каблан, урманча, козган (козюган Левшина). 3) Канжигалы, в баян-аульском, акмоллинском и кокчетавском округах, из родов: аджибай, коман джепар, тентек и джитыру; имена делений последнего не

думать, что относительная численность племен средней орды сохранилась и поныне приблизительно та же самая; увеличилась относительно численность лишь найманов вследствие присоединения к русским владениям земель на восток и на юг от границ 1832 года, но зато приходится выделить из числа найманов байджигитов, как особое племя.

3) Малая орда и букеевская

По большей близости к внутренним губерниям всего обильнее в нашей литературе сведения о малой орде (кичи-джюс, т.е. младшая сотня) и о выделившейся из нее букеевской. По Рычкову, в «меньшей» орде «знатнейшими родами почитаются: 1) алчинской, 2) аданской, 3) мошкарской, 4) таминской, 5) табынской, 6) китейской, 7) каракитейской, 8) чумаганской, 9) чиклинской, 10) джа-сал байлинской»¹. Левшин полагал, что «меньшая орда прежде составлялась из сильного племени *алчин* и семи малых родов, которые ... были соединены знаменитым в народе киргизским ханом Тявкою в одно поколение». Теперь «меньшая орда обыкновенно делится на три части: I поколение олимұлы, II поколение байұлы и III поколение джетиуруг или семи-родское». Алимұлы состоят из шести родов: карасакал, кара-кисяк, китя, дюрт-кара, чумекей и чикли. Байұлы из 12: адай, джаппас, алача, байбакты, маскар, берш, тазлар, иссен-темир, черкес, тана, кызыл-курт, шихлар. Семиродское из 7: табын, тама, кердери, джагал-байлы, керейт, теляу, рамадан². Повторивший то же самое В.В. Радлов добавляет, что алимулинцы кочуют на Куван-дарье, на Яны-дарье, в песчаной степи Кара-бурсак и на устье Эмбы; байулинцы - между Уралом и Эмбою и к Каспийскому морю, часть же адаевцев - на полуострове Мангышлаке; из семиродцев джагалбай кочует в окрестностях станиц Верхне-орской и Верхне-уральской, кепте (кердери ?) и тама - около Оренбурга и Уральска; табын частью там же, частью на Тоболе и Эмбе; керейт - на Сыр-дарье; наконец телеу и радаман кочуют зимой с

имеют ничего общего с родами семиродцев малой орды. 4) Басентеин, в баян-аульском округе, из родов: басентеин (деления бура, апай, актелеш и сарым), баимбет, айтей (части его андас, таракты, тюрт-сары и пр.) и актелеш (кучук, чак-чак, итегмень и пр.). 5) Атагай, в кокчетавском округе, с родами: барыш (отделения: назар, байназар и серкач), бабасан, баба, рысай, баимбет (джумук, сары, уванас и др.), кокчулу, ораз (чонай), джавлубай, койлю и актачи-аргын. 6) Алтай, в котором, по заверению Красовского, замечаются части конгратовцев, в акмоллинском округе, из родов: кареке, моюн, сайдалы (кувандык и др.) и алысай (коджа-назар, акбура, битты, уч-ата и нурбай). 7) Карпык, в акмоллинском округе, из родов: айтходжа и теналы. 8) Темеш, в акмоллинском округе, из родов темеш и тюбет-темеш (в числе делений есть бирючи). 9) Тунготар, в акмоллинском округе, из родов: тунготар (деления отар-тнелень и сармантай) и инеш (части джетымек, мурзамбет, кучукпай и джантугур). Б) Найманы. 10) Бура-найман, в баян-аульском округе, из родов джуватей и бозгозу (деления акан и айдабуль). 11) Баганалы, в атбасарском округе, из родов байназар, саргалдак, эбеске и сеит. 12) Тама, в акмоллинском округе, из родов алчин (деления култума, джиеналы и досум), тама (ветви умурбек и джугу) ишим-хан и кыргыз (части джунду, сару и пр.). В) Кирей. 13) Кирей, в кокчетавском и акмоллинском округах, из родов именалы, матакай, самай, сиван (деления чоган и увак), исенбокты, бактыбай, малай, курсары, бурас, курман и тюлеке (в числе делений есть увак и кирей). Г) Кипчаки. 14) Кипчак, в акмоллинском округе, из родов кулан (кирей, джагалбайлы и пр.), джалобай, курлеут (утеп и нияз) и кулатай (мадияр, бостан, кулак и пр.). Д) Особый союз. 15) Поколение караул-увак, в кокчетавском и атбасарском округах, из родов увак (бийдалы, чага, джанысары, иренчи, сергалы и пр.), караул (джавар, куменей, окты, сары, суюндык, кувандык, таракты и пр.), есенбай и балта.

Общее число кибиток в 74 волостях у Красовского 71828, а число душ 263215, в начале шестидесятых годов, цифр же по поколениям он многих не имел, а потому не привожу и остальных.

¹ «Сочинение и переводы» и пр., 1759 года, 2-е полугодие, стр.110.

² «Описание» и пр., часть 3, 1832 г., стр. 7 и 8.

кереитами, летом же с табын¹. К родам байулы надо прибавить упоминаемые у Мейера² и других роды алтын и исык³.

Из малоордынских сказаний может бросить свет на происхождение главного ее племени, приводимое Казанцевым, по которому во владениях хана Алача⁴ или Алачена стали рождаться «пегие или чубарые люди, называемые (должно быть, от оспы - дагадка Казанцева) ченчак (рябые)»: хан приказал лишать жизни матерей, у которых будут такие дети, но и у любимой его жены родился пегий сын; хан даровал ей жизнь, но велел выпроводить вместе с сыном в степь, «дав ему в утешение кирк-гыз, т.е. сорок дев», от которых «произошло потомство и народ киргизы»⁵. Это сказание, без сомнения, имеет отношение к динлинам, к «пегому народу», ала, обитаемая которым в позднейшее время

¹ «Aus Sibirien», I, s. 237, 238.

² «Киргизская степь оренбургского ведомства», Спб., 1865 г., стр. 89 и 90.

³ По рукописному «Расписанию» делений меньшей орды Казанцева (1865 года, в архиве Р. геогр.

общества), из *алимулинских* родов *кара-сакал*, с тамгой v (по Мейеру и Добросмыслову) и ураном Айратай (по Мейеру Алдыджар), имеет три отделения: чункара (в нем подотделения хангельды, куткулач, шукурбай, джангильды, шакал, батан, ярбулды), сарабаша (бактуберды, баубек и назым) и бусурман (нугай, джасюкур и джакай). У рода *дюрткара*, по тому же источнику, тамги крест, кипчакская прямая черта и две следующие и ; уран Айратау (по Мейеру Аиртау); четыре отделения: турум (у него части чаудар, аукман, качан, тугуз и саксан), касым (аит, сиксак, мазы и бакджан), аппак (каракися, акбес, батан) и тукман (шакал, джангильды, шукурбай, куткулан и хангильды).

По Казанцеву же, из *байулинских* родов *джаббас*, с ураном Мурат и Байсакал, имеет между прочим тамги крест, прямую черту,   (по М.) и др.; у него семь отделений: кирман, княки, сумрук, андарчай, кулдыкий, каракуз и калкаман. Род *байбакты*, с тамгами   и др. и ураном Даукана (по Мейеру Даукара), состоит из трёх отделений: канык (кулеу-сундук, баубек и алыз), эльтяке (джулдугул, мамат и казырумбет) и батак (джабачи, кулчук, *сагай*, джаукаты, тукабай, буганый, кучмян и итамка). Род

черкес (у других авторов серкеш), с ураном Джакау и тамгами и (у других писателей   и пр.), значится с отделениями: кусун (самый, умурсак, утяган и ульджебай), джау-качик (бурубай и бачик), клыч-кистяк (качканчи и сюнчибай), куюс (кара-кандыки дарбаш), ильяман. Род *маскар*, уран которого неизвестен, а тамги и ; у Харузина и др., состоит из отделений кутлукатам (курман с частями утянник, умар и кудайкул, и бабаназар с частями джидак и абдушукур) и масак (части джидак, крыксадак, атуйнак, тулуказнай и мучурман). Род *кизилкурт* делится на отделения ильчула и субы; уран у него Джаим (у Мейера Байджаим) и тамги V и I, по Мейеру по Харузину II. Род *исык*, с тамгами круг, крест и угол и с ураном Байтерак (у Мейера Байтыряк), состоит из двух отделений тугунчи и аксара; первое делится на кадыргул (части его тугусбай, сайтык, самай, саймурат, ишмурат и бай-мурат), и карасарас (части мунтай, базар, исык и дусай). Род *бирюч* (*берш*, берч), с ураном Агатай и тамгами   у Мейера и Харузина   и др., состоит из отделений сибак, нугай, кайлыкач, джанмурза (деления тукман и бишкашикай), исык (деления урус, барас, байдул и дербасалий), каратукай (чанчий, бекбаулы и ишбулай), исянгул (кулдабай, усян и асян) и дужик (каулай и кавест). Род алтын, с тамгой по Мейеру и Добросмыслову и с ураном Барки-чанайды (по Мейеру Баймурат), разделяется на отделения джабалык, айдургай и сагай. Род *адай*, имеющий тамги: Левш. и пр., с ураном, по Мейеру, Тегелен, состоит из восьми отделений: балкичи, акман, тубиш (части зарубай, чунгай, баубек, табунай, чигам и бегай), мугал (джаулай, чугуй, баимбет и алий), чибиней (чумарт и чилим), кунак-урус (токсара), кусай (байгул и мамбетгул) и тучукей (утай, саркай и кабакай).

⁴ В письме Абул-хаир-хана тобольскому губернатору, 1718 г., все киргиз-казаки или только подвластные ему названы «улусами алацкими» («Памятники сибирской истории XVIII века», книга 2, стр., 163), конечно, по предполагаемому происхождению от легендарного Алача.

⁵ «Описание киргиз-кайсаков» Ильи Казанцева, Спб., 1867 г., стр. 1. Из рукописи Казанцева, хранящейся в архиве Р. географического общества, видно, что это сказание заимствовано из «Путевого дневника» М.Н. Житкова, напечатанного в «Оренбургских губернских ведомостях» 1850 года, № 49, где изложены два предания, «как они передаются в кошах». По первому, «во время оно, в среднеазиатских государствах, а особенно в Бухарин, родились пегие люди, пегие в полном смысле слова, как по волосам, так и по пятнам на теле. Этих уродов считали дьявольским наваждением ... Один из эмиров приказал убивать матерей, у которых родились пегие дети ... Случилось, что (жена одного из преемников этого

страна Алакчин, - где по тюркской пословице «все лошади пегие, а очаги золотые», - находилась, по Абулгази-багадур-хану, на устье Ангара-мурана¹, т.е. Енисея. Отсюда надо заключить, что в основе коренного племени малой орды алчин лежала помесь тюрков с западными динлинами и светло окрашенными же угро-финнами, которые в древности также обитали на землях нынешней малой орды и могли быть легко впоследствии объединены народными сказаниями с более всем тюркам памятными динлинами. На другой, позднее вошедший в состав племени алчин, элемент указывает другое, мимоходом упоминаемое Казанцевым, предание о происхождении алимулинского поколения алчинов от Алим-Чумана². В этом поколении есть род чумекей³, который, очевидно, тождествен с обитавшим в VII веке между Барлыком и Тяньшанем, по китайским известиям, родом чумигунь, принадлежавшим с родами чуми, чуюе, чубан или чуман и т.д. к чуйскому племени⁴. Надо, ввиду всего этого, полагать, что к пегому народу, калчинам, позднее присоединились роды чуйского племени. Если части чуйских родов не попали в северо-западную окраину степи, к алчинам, еще во время передвижения гуннов в Европу, то могло переселение их совершиться в половине VIII века, при распадении союза басими (у китайцев) или басмилъ (тюрко-архонских надписей)⁵.

Из остальных алимулинских родов кара-кисек⁶ входит в состав аргынов и имеется также за Сыр-дарьей в кара-киргизском поколении ичкилик, вообще же это род, чужды и

¹ Histoire des Mongols et des Tatares, trad. par le baron Desmaisons, 1874, t. II, p. 44,45.

² По «Описанию» Казанцева, стр. 63, «роды алимулинского поколения, происходящего от Алим-Чумана, как старшие против прочих, имеют преимущество в народных собраниях; они первые подают голоса, первые делают определения». По Мейеру («Киргизская степь оренбургского ведомства», 1865 г., стр. 4), «на приговор бия семиродского или байулинского ... можно было некоторым образом апеллировать бию алимулинскому».

³ По словам Левшина («Описание киргиз-кайсацких орд и степей», 1832 года, часть 2, стр. 30), «чумякийский род меньшей орды полагает, что он не принадлежит к киргиз-казакам, а происходит от турков и получил название от хана своего Чумягея, который, по вражде к Чингиз-хану, отложился от него и перешел с приверженцами своими в места, ныне занимаемые среди киргизских орд».

⁴ В рукописном (архив геогр. общества) «Расписании» делений меньшей орды Казанцева, 1856 года, род чумекей именуется не чумекей, а ЧУМАН, и имеет уран Дунт (у Мейера - Дюйт); кочевки его показаны у оз. Телекуля и на Сыр-дарье; в нем означено пять отделений: бузгуль (из частей каратаму, исан, канки и кулдай), асан (абу, сарум, тубет, басачи, тунаир, янтук), кулдай (канки, бия, саракаска, турубай), канак (джакунак, байкунак, сакаштюря, кармгул) и тук (части неизвестны). Тамгами у чуман показаны крест +, угол V и угол с приставкой V̂.

⁵ В половине VII века, по поводу столкновений Китая с западно-тюркскими ханами, которым были тогда подвластны роды чуюе, чуми, чумугунь, эти роды часто упоминаются в китайских известиях. Так, между прочим, в 654 году китайцы взяли «чумугунев город и до 30 т. ушей отрезали у убитых» («Собрание сведений» и пр., I, стр. 358). Около 700 г. роды эти находились в зависимости от усилившихся восточных турков-тукю, сын хана которых, поставленный малым ханом, «управлял 40 т. войска Чумугая (т.е. рода чумугай, чумекей) и пр., всего до десяти родов, и имел титул кюси-хана» (там же, стр. 328). Немного позднее чуйские роды, по-видимому, вошли в союз басими или басмилъ, ибо в 720 г. центром владений хана басими оказывается Бэйтин, расположенный в землях чуйских родов на севере восточного Тяньшаня (там же, стр. 335). Хан басими в 742 г. стоял во главе коалиции, окончательно разрушившей восточно-турское ханство (там же, стр. 338 и 381), но в 744 году бывшие его союзники уйгуры и карлыки напали на него и вынудили искать спасения в бегстве к китайцам, «а земли его и народ поступили к ойхорам» (там же, стр. 439). Вот в это-то время чумугунь и частью другие чуйские роды могли укочевать на запад, чтобы не подчиняться уйгурам. По той же причине отделение рода чуюе по имени шато, оставшееся на своих землях, в 794 г. передалось тибетцам и помогало им взять Бэйтин (там же, стр. 454 и 455).

⁶ По рукописному «Расписанию» Казанцева, у рода кара-кисек пять отделений: казантабан, истяк, баюс, исянгильды и джакау; у них 18 делений, по именам неизвестных; тамги: угол с приставками V̂ и V̂̂, а по Мейеру, Левшину и Добросмыслову □; уран, по Мейеру, Айртау.

алчинам и присоединившийся к ним, по всей вероятности, поздно, быть может, от аргынов. Род китя или ките напоминает народ *хити*, который вторгнулся в Каппадокию и распространил свою власть на Киликию и северную Сирию тысячи за две лет до Р.Х.; тамга у ките крест, встречающийся часто и в хитийских надписях; в первой половине XII века, в числе родов Монголии, признавших власть киданий, упоминается *Hi-ti*¹.

Род чикли² может происходить от народца чик тюрко-орхонских надписей, скорее, чем

Из байулинских родов алача по имени должен быть динлинского происхождения³; тазлар или таслар может происходить от народца тас (тасы), о

¹ Mediaeval Researches etc., by Bretschneider, London, 1888,1, p. 213. Род китя, по «Расписанию» Казанцева, состоит из трех отделений: аджрай-китя (части айдар, альмамбет, байкучкар, чаны и майлы), кара-китя (части кулчур, мамбет, тюря, *иштяк*, урумук, киначи, карабазар) и ак-китя (кирпук, кул-юс, тумпак, аримхуджа, мурза, курчи, туляк, баимбет, курманходжа, рыскул); тамги у них киреевский крест, канглынская черта и найманские углы; уран - Майлибай; Джон Кемпбелль, профессор Presbyterian College в Монреале (Канада), приписывает хити или хиттитам загадочные надписи в Синае, а также письма и надписи парфянские, ариано-палийские (в западной Индии и Кабулистане, см. о них В.В.Григорьева «Кабулистан и Кафиристан», 1867 г., стр. 715 и след.), енисейские и встречаемые в Корее и Японии. По его мнению, туранцы достигли значительной степени цивилизации в глубочайшей древности и господствующая между ними роль принадлежала племени хити, которое властвовало в Сирии, Месопотамии и в западной Индии до конца VIII века до Р.Х. В это время владычество их в Месопотамии и Сирии было сокрушено победами ассирийского царя Саргона. В Индии они, однако, продолжали господствовать и сделались ревностными буддистами. Когда браманизм одержал верх над буддизмом в Индии, хити удалились в Сибирь, на Енисей. Отсюда, оставляя везде свои надписи, запечатленные буддизмом, они распространились в Манчжурию, Корею и Японию, и под именем киданей властвовали в X-XII веках в северном Китае. В двух известных мне статьях Кемпбелля (1891 и 1892 гг., в Transactions of the Canadian Institute, № 4, 1892, Sibirian Inscriptions, и № 8, 1895, Buddhist Inscriptions of India, с другими же его рефератами и с книгой The Hittite Track in the East ознакомиться мне не удалось) подтверждения его кажущихся в значительной степени фантастичными гипотез, находящихся в противоречии с историей, заключаются почти исключительно в сделанных им переводах ариано-палийских надписей и в особенности сибирских. Письмена тех и других различны, но одного типа и считаются им курсивным хитийским письмом. Определив неизвестным путем значения знаков, признаваемых им силлабическими, он дает переводы первых при помощи санскритского языка и вторых при помощи японского. Несостоятельность чтений и переводов сибирских надписей теперь, после дешифровки енисейско-орхонских надписей и обнаружения, что они сделаны на тюркском языке, очевидна. Что же касается исторических доказательств, то ценность их может быть определена по следующему примеру: признавая государя Саготу, упоминаемого будто бы в енисейских надписях, за японского императора Саганотено, царствовавшего в V веке после Р.Х. и жившего, по японским летописям, в провинциях Ооми и Мино, имея для охоты между прочим местности Таризен, Серигава и Овара, Кемпбелль отождествляет эти имена с сибирскими Омском, Минусинском, Туруханском, Сарагачем и кой-бальской степью, не поясняя, - где в Сибири нашел он Сарагач и почему это койбальская степь соответствует Оваре (Transactions of the Canadian Institute, №4, p. 273). В енисейских надписях он между прочим вычитал имена двух хититских родов: Raba-kita и Yoba-kita (p. 272). Отождествление хити с киданями ни на чем не основано и опровергается существованием, помимо малоордынских китя или китэ, особого рода ктай или кытай, хытай у кара-киргизов, где он является несомненным потомством киданей, которых тюрки именовали, по орхонским надписям, кытай.

² По «Расписанию» Казанцева, род чекты или чикли имеет уран Бактыбай, а тамгу крест, и делится на три отделения: джиккалыч (с отделениями кулумбет, бурунджур, туржанбай, баимбет, кулумбет, асан), урус (булчура, кичкине, альчунбай, кулак, артак, татрак, палван, киргис, из которых последний делится на таны, истяк и барак, а первый на кабак, тлеу, назар, джакей и чуруп, и второй на чакай, джугулкара, асан, аусан, кундук и курманай), джанаким (с частями джаюк, куджай, андачул, темир, шийот и сукар).

³ По рукописному «Расписанию» Казанцева, у рода *алач* тамги: круг, крест и углы с приставками *ṽ*, *ṽ*-ураном служит, по Казанцеву и Мейеру, Байбарак; по Казанцеву, он состоит из четырех отделений карабура (части не известны), маймак (части мамберды, малекей, чуткара, ильчибек и ульджай), сарыс (джак, базар, кудайгул, чагалык, кублей и тукман) и барамык (чагалык, кублей и тукман).

котором упоминалось выше¹; род тана по тамге происходит частью от канглов²; род шихлар или шейхлар должен был составиться из выходцев из Бухары и Ферганы, занимавшихся проповедью ислама и торговлей между родами малой орды. Из семиродцев кереиты есть, без сомнения, отделившаяся далеко на запад часть киреев, что подтверждается и тамгой³; табын должен быть родствен роду тараклы, ибо тамга принадлежит к типу тарак (гребень)⁴; тама по тамге должен быть родом кипчакским⁵; у кердеги тамга есть производная от дулатовского круга⁶.

Вообще состав малой орды весьма пестрый, ибо в нее, видимо, вошли многие части разных тюркских племен, закинутые судьбой из Монголии и с востока степи на запад.

Букеевская или внутренняя орда, выделившаяся в 1801 году из частей родов малой орда, пожелавших кочевать за Уралом с ханом Букеем, состоит из алимулинского рода ките из байбулинских берш, черкеш, маскар, адай, джаппас, иссык, исентемир, байбакты, алача, тана, кызыл-курт, таз и из семиродских тама, кердери и табын; кроме этих 16 родов, в букеевской орде есть роды султанский (потомки ханского дома, чингизиды), ходжей (духовенство), тюленгутов (дружинники и бывшие рабы чингизидов) и ногайский (2 т. кибиток, из ногайских татар, подчинявшихся ранее торгоутам).

В 1885 году в букеевской орде считалось 42 948 кибиток и 236 937 д.о.п.⁷

¹ По рукописи Казанцева, род тазлар имеет ныне уран Айман (у Мейера - Акман), а прежде был Бакай; он состоит из отделений джабалак, айдарчай, ким- дубай и яштабак; тамги у него, по Казанцеву, крест и угол с приставкой

² Род *тана*, по «Расписанию» Казанцева, имеет тамги угол, угол с приставной чертой и круг, ураном же служит ему Чулак (у Мейера-Чулан), а отделения: джи- ембет (части баймурат и исык-байсырым), асан (джанмурза, тумакбай и бутакара), калкаман (минликан, мяуныж и балдак-худжим), бишсара, караман, акылбаш, карасунах и сентемир (части сулуч, тачи и кунь). По Мейеру, тамга у этого рода прямая черта.

³ У Казанцева род *киреит* имеет тамгами крест и прямую черту, а уран, как и у Мейера, Аксакал; отделения: идик, яртай, ачаймайлы, сайчак, арбали, ирчак, яштабак, чайкуза, сарман, кунакбай и убаган.

⁴ У рода *табын*, по всем наблюдателям, тамга гребень, а по Казанцеву, сверх того, крест. У него, по «Расписанию», три отделения: кусив (подотделения карамунча, дандак, тутджан, куджантай и айдартеке), таракты (два подотделения джама-гирей и джылкичи, из которых у первого деления аччибень, джамбет, худ-жамберды, абыз, кидербек, бургу и даултай, а у второго сармантах, кидайкул, малгары, эбаш, кашмаклы, урус, туктамыш и даултай), чумекты (лабак, каракулты, кулчур, джуный, инабаш, кутят, джалбактыл, куркин, ажим, сигур, тунамбет и карадаул). Уран этого рода, по Казанцеву, Тустакар, а по Мейеру-Тустаган.

⁵ У рода *тама*, по Левшину, Мейеру, Гродекову, Харузину и Добросмыслову, тамга состоит из двух прямых параллельных черт, как у кипчаков; только, по Казанцеву, у этого рода две тамги: одна типа гребня и другая в форме латинской буквы S. Уран, по Казанцеву и Мейеру, Карабура. Отделений, по «Расписанию», шесть: тюня-тюляк, джабак, кизилкурт, атачал, кинджалбай и карак.

⁶ Тамга этого рода, по Казанцеву и Гродекову , по Левшину, Мейеру и Добросмыслову . Уран, по Казанцеву и Мейеру, Ходжа-Ахмет. Род кирдари, по «Расписанию», состоит из отделений: кутьсий, ябагый, кутярман, култай, янбаш и сатым. Из остальных семиродских родов *тлеу* с ураном Аргымак, *джагал-байлы* с ураном Манату и *рамадан* с ураном Каякулим (у Казанцева Эсбуганам- да-Каякулим) два первые имеют, по

Мейеру, сходную тамгу и . По «Расписанию» Казанцева, род *тлев* состоит из шести отделений: наурузбай, карачау, сатубалды, таманбай, худжамберды и ураз; род джагалбайлы из двух: лиз (части аккуза, бишкуржак, булдай, бугаш, карача, исянхужа, чурак, байкуп и сазан) и мурза (билиш, макутий, урмантай, кутманай, сайраклы, булгуза и бузбет); род *рамадан* ни десяти: сарымбет, сарлабай, булат, чал, акбалык, данбай, булат, чал, джамаман и татлы-худжа.

⁷ А.Ц. Харузин «Киргизы букеевской орды» в «Известиях И. общества любителей естествознания и пр. при И. Моск. университете», т. 63, Москва, 1889 года, стр. 18, 26, 37, 40, 157. Я. Ханьков («Очерк состояния внутренней киргизской орды в 1841 году», стр. 54) считал сообщенное ханом Джангыром в 1830 году число кибиток (16 550) и душ (99300 обоого пола), преувеличенным и замечал: «с достоверностью же можно полагать во внутренней орде в настоящее время около 14000 кибиток или 70000 душ обоого пола».

4) Курама

Сведениям «о народе кураминцах» посвящена глава четвертая рукописного «Описания средней орды киргис-кайсаков» капитана Андреева (1785 года), который, на основании рассказов торговцев, говорит, что «народ курама» обитает за р. Чирчиком, в числе не более 10 т., подвластен кокандскому беку Нарбуте², и имеет девять городов: Пишак, с населением до 800 дымов, Кереучи, Шарукия, Бока, 1000 дымов, Муратали, Кереит-бай-су, Карактай, Калайвар и Пангаз¹. В этих городах кураминцы жили только зимою, в летнее же время выезжали на пашни для земледелия и скотоводства. Происхождение этого народа «не далее имеет свое начало, как в нынешнем веке, которых, запомнят, за 50 лет назад было немного». «Сообщество ж оных составилось, как утверждают, из рода перешедших кара-калпаков и хивинцев, по большей части беглецов и разбойников»².

По Макшееву (1867 г.), «кураминское население составилось, как рассказывают, лет сто тому назад, главным образом, из кочевых киргиз всех трех орд. Киргизы эти, находясь в крайней бедности и не имея средств кочевать, стали селиться в курах или загородках и заниматься, по возможности, хлебопашеством. Из смеси их с сартами, а, может быть, также с узбеками, образовалось разнородное население, которое и было названо сборным или курамой. Последнее присоединение было, по словам туземцев, лет 50 тому назад»³.

Весьма возможно, что начало кураминцев относится к концу первой четверти XVIII века и находится в связи с покорением большой орды и Ташкента цзунгарами. Население в плодородной долине Ангrena, конечно, никогда не переводилось, но особенно убавилось оно в смутную пору, последовавшую за падением шейбанидов и за овладением Ташкентом киргиз-казацкими ханами (около 1598 г.), особенно же в последней четверти XVII столетия, когда ташкентцы освободились от власти казаков и последним оставалось лишь опустошать бассейны Чирчика и Ангrena, подвергая самый Ташкент безуспешным осадам⁴. Перед покорением около 1723 года большой

Из названных Ханыковым отделений вышеупомянутых родов букеевской орды надо отметить в роде серкеч отд. чумак (не чуман ли?), в роде алача - отд. сары и в роде тана отд. биш-сары (стр. 35); кость сары везде указывает на динлинское происхождение отделения.

¹ Пангаз ошибочно показан в числе кураминских селений: это селение в Фергане уже Шахрухия, конечно, и в XVIII веке представляла лишь развалины, остальные же «города» суть кишлаки, существующие и ныне, как будет выяснено ниже.

² «Главным в сих роде, - прибавляет Андреев, - почитается Худияр-бек Фазильбаев, (который) жительство свое имеет в особливом городе Уратели- Хожант». Сын Пазыл-бия из рода юз Худояр-бий, владевший Ура-тюбе, действительно подчинил себе и Ходжент незадолго до своей смерти, последовавшей около 1785 г. (см. Наливкина «Кр. история кокандского ханства», стр. 70-74), но курама ему не была подвластна; общего у Ура-тюбе и курамы было лишь то, что в состав населения обоих входили узбеки рода юз и др.

³ «Геогр., этногр. и статистич. материалы о Туркестанском крае» в «Записках И. Р. геогр. общества, по отд. статистики», том 2, и отдельно, стр. 37.

⁴ По известиям посланцев от тобольских воевод к Тявке-хану, жившему в Туркестане, он в 1694 году с 20 т. ч. ходил на «китай-копчаков», взял два городка, побил людей тысячи три и набрал пленных; последних он, однако, выдал прибывшему месяца через два бухарскому посланцу; в следующем году он с 15 т. ходил на Ташкент и возвратился без всякого успеха: «ничего взять не могли, людей никого не побили» («Дополнения к актам историческим», том 10, стр. 375-389). Едва ли Тявка-хан ходил на китай-кипчаков Зеравшана за Джизак; вероятнее, что поход был предпринят против той части китай-кипчаков, которая обитала на Ангрене, значит, против кураминской их части.

орды и Ташкента оружием Цеваи-Раптана, киргиз-казаки, не только большой, но частью и остальных орд, будучи теснимы калмыками, искали спасения за Ташкентом и даже за Сыр-дарьей. Когда затем роды средней и малой орд отхлынули на северо-запад к Каспийскому морю, Уралу и Тоболу, то множество бедняков, лишившихся скота и не имевших возможности следовать за своими родами, должны были остаться на Чирчике и Ангрене, где они присоединились к уцелевшим здесь в небольших количествах сартам и узбекам, занявшись, как и они, земледелием, за недостатком и скота, и пастбищ. Весьма далее вероятно, что во время неурядиц, последовавших за падением цзунгаров в половине XVIII века, и во время борьбы между Ташкентом и казаками, стремившимися восстановить свою власть над этим городом¹, зачирчикское население грабило караваны и приобрело этим разбойническую репутацию между торговцами. В начале 80-х годов того же столетия ташкентский Юнус-ходжа осилил киргиз-казаков и подчинил себе, конечно, и кураминцев. После смерти его Ташкент, а с ним и курама, покорены были в 1810 году коканцами, а в 1865 году подчинены России.

При первой подворной переписи (1868 год) кураминцев, преимущественно в бассейне Ангrena, оказалось 11043 двора (77301 д. о. п.) и сверх того сосчитаны отдельно, вероятно как более многочисленные и обособленные, еще узбекские роды кара-китай 341 дв. (2386 д.) и юз 327 дв. (2289 д. о. п.)². По сведения Макшеева (1867 г.), киргиз-казачьи роды у кураминцев были следующие, главным образом: тама (отделения алчин, кердери, джагалбайлы, кереит и телю), аргын (отделение канджигалы), дулат (отделение уйсун) и биштамгалы (отделение джалаир)³. По В.В. Радлову (1868 год), между Ташкентом и Ходжендом живет маленькое оседлое татарское племя, которое называет себя курама. Оно разделяется на пять родов: джалаир, телеу, тама, джагалбайлы и тараклы, и кажется смесью из узбеков и киргизов. Киргизы полагают, что имя курама происходит оттого, что они собраны (кура - zusammenflicken) из многих племен⁴. «Обзор сырдарьинской области за 1885 год» показывал кураминцев в общей цифре с киргиз-казаками (730 т. д. о. п.), особо же численность кураминцев определял приблизительно в 80 т. д.⁵

¹ В 1766 году среднеордынские султаны Аблай и Абулфеис ходили в Ташкент, вероятно, на помощь большеордынцам, для изгнания посаженных в Ташкент коканцами беков (см. между прочим, бумаги, напечатанные в № 30 «Томских губернских ведомостей» 1861 года).

² М.А. Терентьев «Статистические очерки средне-азиатской России» в «Записках И. Р. геогр. общества, по отделению статистики», том 4, 1874 года, стр. 79. Таджики, уцелевших в горных кишлаках аборигенов, оказалось, по этой переписи 1662 двора (11634 д.о.п.), а сартов во всем кураминском уезде, вне г. Ташкента, 9948 дв. (34636 д.).

³ «Геогр. и пр. материалы о Турк. крае», стр. 37 и 38. Кураминцы обитали в 72 селениях, в числе которых значатся Пскент (Пишак Андреева), Кереучи, Букка (Бока у Андреева), Мраталы (Мурат-али), Каракты (Карактай Андреева); из остальных приводим, видимо названные по именам родов: Ачамайлы, Канджигалы, Джалаир, Телю, Балгалы, Уйшунь, Кара-калпак (стр.44 и 45).

⁴ Aus Sibirien, 1884, В. I, s. 224, 225.

⁵ Е.Смирнова «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 г., стр.48. В приложении № 3, в перечне тюркских родов, обитающих в области, отмечены и проживающие в кураминском уезде, но это не значит, что все эти роды есть и у кураминцев, ибо, кроме курамы, в уезде есть 107 т. д. киргиз-казаков, принадлежащих к массе родов разных орд.

5) Численность киргиз-казаков

По автору «Тарихи Рашиди», число людей, собравшихся у султанов Гирея и Джанибека после смерти Абул-хаир-хана, вскоре превысило 200 т. ч. Число подданных Касим-хана, умершего после 1518 года, было более миллиона, а численность войска превышала 100000¹. Тявка-хан, живший в Туркестане и утративший уже Ташкент, которым владели его предместники, а также все восточную половину к.-казацких земель, которой завладели калмыки, уверял в 1692 г. посланцев от тобольских воевод, что имеет 80 т. войска². Рычков в половине XVIII столетия замечал: «Во всех оных (трех) ордах какое людство, о том точных сведений еще нет, но сие несомнительно, что из двух подданных орд от 40 до 50 тысяч к военному делу способных людей может собраться»³. Левшин (1832 г.) считал в б. орде более 100 т. кибиток, в средней 210 т. и в малой 190 т., всего 500 т. кибиток или от 2 ½ до 3 м. душ о. п.⁴ Броневский, с сильным преувеличением, предполагал в 1830 г. в средней орде «более 500 т. юрт и 3 м. душ всякого пола»⁵. Зато Кеппен в 1851 г. сильно преуменьшал, считая по официальным сведениям в большой орде 100 т., в средней 369 т. и в малой 650 т., да в букеевской 82 т., всего 1201000 душ о. п.⁶

Из многих позднейших показаний упомянем, что по вычислениям Вамбери, основанным на слишком устарелых данных, частью ошибочных, общая цифра киргиз-казаков равняется 2299366 д. о. п.⁷, и по И.Л. Яворскому (1889 г.) 2833000 д., с добавлением же киргизов уральской области 412 т. и букеевской орды (223 т.), не вошедших в эту цифру, «свыше 3½ м.» (точная цифра выходит 3468 т.)⁸.

По наиболее достоверным из новейших сведений, какие удалось найти, численность киргиз-казаков определяется так:

В тургайской области	351020	душ обоого пола ⁹
В уральской »	412601	» » » ¹⁰
В букеевской орде	236937	» » » ¹¹

¹ «Исследов. о касим. царях» и пр., ч.2, стр.139, 140 и 153.

² «Дополнения к актам историческим», т. 10, 1867 г., стр.375-389.

³ «История оренбургская», стр. 110. По словам ген.-майора Тевкелева, 1762 г. («Временник Моск. общества истории и древностей российских», книга 13, 1852 г., Смесь, стр. 15-19), «в двух ордах, средней и меньшей, на конь сядут в нужное время вдруг со ста с тридцать тысяч человек, а в резерве останутся в запас еще столько же военных людей. А ...большей орды не более на конь сядут дельных людей к войне только с двадцать тысяч человек».

⁴ «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», часть 3, стр. 3-4.

⁵ «Отечественные записки», 1830 г., ч. 42, стр. 186.

⁶ «Девятая ревизия», Спб., 1857 г., стр. 263.

⁷ The Turco-Tatars in Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8, N1-3, p. 7.

⁸ «Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», ч. I, Спб., 1889 года, стр. 320 и 349.

⁹ Губернаторский отчет за 1893 год, по А.И. Добросмыслову «Скотоводство в тургайской области», Оренбург, 1895 года, стр. 342.

¹⁰ По И.Л. Яворскому «Опыт мед. геогр.» и «Энциклоп. словарю» Брокгауза и Эфрона, том 15, 1895 г., стр.104.

¹¹ По А.Н. Харузину «Букеевская орда», Москва, 1889 г., сведения 1885 года.

В акмоллинской области	369229	»	»	» ¹
В семипалатинской »	547577	»	»	» ²
В семиреченской »	366523	»	»	» ³
В сырдарьинской »	699000	»	»	» ⁴
В амударьинском отделе	40000	»	»	» ⁵
В самаркандской области	10965	»	»	» ⁶
В закаспийской области	57542	»	»	» ⁷
В хивинском ханстве	14000	душ обоего пола ⁸		
В бухарском ханстве	30000	»	»	» ⁹
В китайских владениях	101000	»	»	» ¹⁰
Всего	3236394	д. о. п. ¹¹		

Приведенные выше перечисления родов относились до одной из орд или частей их, но существует общее исчисление родов всех трех орд со сведениями о числе семейств

¹ По «Правит, вестнику», 1896 г., № 81, к 1 янв. 1895 г. 369229 кочевников.

² «Энцикл. словарь» Брокгауза и Эфрона, том 15, 1895 г., стр.104. Пользуюсь вообще теми данными из этого словаря, которые, видимо, взяты из губернаторских обзоров конца восьмидесятых и начала девяностых.

³ По ведомости о результатах переписи кибиток при губернаторском обзоре за 1889 год значится 505809 д.; за вычетом из этой цифры численности кара-киризов, населяющих токмакский и иссык-кульский уезды, именно 137218 д. и сарт-калмыков 1068 д., оказывается к.-казаков в семиреченской области 366523 д. о. п. - у г. Яворского, по неверным сведениям «Проекта Всеподд. Отчёта К.П.фон-Кауфмана» (Спб., 1885 г.) и по собственным ошибочным предположениям, значится 600 т.д.

⁴ По губернаторскому обзору за 1885 год (Е. Смирнов «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 г.), в сыр-дарьинской области киргиз-казаков, в том числе кураминцев, считалось 730 т.д., из которых в ходжентском уезде 31т. Так как уезд этот перешёл в самаркандскую область, то 31 т.д. надо из 730 т. исключить и получится 699 т.

⁵ По г. Яворскому (39 т.д.) и «Энциклопедическому словарю».

⁶ По «Сборнику материалов для статистики самаркандской области за 1887— 1888 года», Самарканд, 1890 года, означено киргиз всего 20335 д.; за вычетом отсюда 9370 д. кара-киргизов ходжентского уезда, остается киргиз-казаков 10965 д., в том числе 9585 д. джизакского уезда (роды аргын, канглы, тубуют, джекари, кара-калпак, алача, ушарты, юз и пр.) и 1370 д. катты-курганского уезда (полукочевые).

⁷ «Обзор закаспийской области за 1893 год», Асхабад, 1895 года, стр. 41. У г. Яворского значилось 100 т. В 1894 г., по «Правит, вестн.». 1896 г. № 170, 59392 д.

⁸ По статье Г.П. Кузнецова «О хивинском ханстве» («Спб. вед.», 1896 г. № 128), вероятно по официальным источникам, киргиз-казаков в ханстве 3500 кибиток. По 4 души на кибитку это составит 14 т.д.

⁹ Цифра г. Яворского.

¹⁰ В тарбагатайском и кобдосском округах 88000 д. (Костенко «Чжунгария», Спб.,1887 года, стр.105).Сверх того в илийском округе байджигитов 5666 душ, кызаев 6458 д. и большой орды разных родов до 876 д., по приблизительным, но достоверным сведениям, всего 101000 д.

¹¹ По Nouveau dictionnaire de geographie universelle par Vivien de St. Martin et L. Rousselet, t. III, 1887, p. 144, общий итог к.-казаков выведен 2747135 д., но значительная часть цифр по областям слишком стара и некоторые ошибочны. По «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Эфрона (том 15, 1895 года, стр.104) численность к.-казаков оценена свыше 3 м., но при подведении итога отдельных показаний оказывается 3286394 д., куда еще надо добавить «несколько десятков тысяч в хивинском ханстве». В «Алфавитном списке народов, обит, в Р. империи», Спб., 1895 г., «киргиз-кайсаков», по сведениям 1890 г., показано 3 м., конечно только русско-подданных.

в каждом из «родов» или точнее в каждой считавшейся самостоятельной и обособленной к началу XIX века родовой группе. Такое перечисление дано Спасским в «Сибирском вестнике» 1820 г.¹, по сведениям, как он поясняет, 1805 г., вероятно более или менее официальным, но приблизительным и основанным на расспросах.

По этим сведениям в большой орде показаны 4 «рода»:

1) дулат, численностью до 40 т. семейств, занимал земли от Куль- джи до реки Чирчика; 2) сергам (должно быть, сергелы), до 20 т. сем., на нижней Сыр-дарье; 3) сары-юсун-джишгир (сары-уйсунь и джалаир), до 7 т. сем., в смежности с сергелы; 4) канлы-чанклы (канглы и чаншклы), до 3 т. сем., около Ташкента.

Всего в большой орде до 70 т. семейств. Цифра эта весьма вероятна, но под именем сергелы надо разуместь и те нынешние поколения (ошакты, исты, чапрашты), которые не названы; с этой поправкой и распределение числа семейств или кибиток между поколениями большой орды весьма подходяще, за исключением разве джалаирав.

Состав средней орды, при сделанной мною группировке по племенам, по Спасскому таков:

Племя аргын: аргыны, управляемые ханом Вали и кочующие между прочим в горах Кокчетау, до 11 т. семейств; аргыны ведения султана Букея (впоследствии хана) с кочевками между прочим в горах Баян- аул, до 30 т. сем.; аргыны ведомства Байкаул- бия, до 9 т. семейств; канжигалы, ведения султана Каип-ханова, до 2 т. сем.; чахчак до 6 т. сем. и чаржитим до 8 т. сем., оба рода в управлении султана Джумы Худаменидина; «аргины-табуклы» до 2 т. е., управляемые султаном Кысроу Батыр-хановым. Итого аргынов 68 т. сем.

Племя найман: найман, в ведомстве султана Кан-бабы, в Тарбагатае, по Иртышу, на границе и в китайских пределах, до 35 т. семейств; баганалы, в вершинах Ишима и пр., до 900 сем.; баганалы в горах Улу- тау и пр., ведения султана Тохтамыша Батыр-ханова, до 6 т. сем.; найманы, там же, до 4 т. сем.; «найман-кунградского рода», в управлении султана Айчувака Ишимова, до 15 т. сем. Итого найманов 60900 семейств.

Племя кипчак: кипчак, до 1 т. сем., с кочевками около р. Аbugана; еще кипчак, по р. Ую, Тоболу и пр., до 3 т. сем.; танабуга, там же, до 2 т. сем.; куделян (кунделен), там же, до 2 т. сем.; туры-айгыр, на Аман-карагае и пр., ведения султана Усяня Каипова, до 3500 сем.; узун, по Убагану, Тургаю и пр., до 2 т. сем. Итого кипчаков 13500 сем.

Племя кирей: кирей, по р. Ую и пр., до 1 т. сем.; то же, по р.р. Убагану, Ишиму и пр., до 4 т. сем.; «сдьмиродцы исак-кирейцы» (?), по р. р. Исели, Иртышу, около оз. Жайлыма (?) и пр., до 8 т. сем. (не абак-киреи ли это вместо исак-киреи ?). Итого киреев 13 т. сем.

¹ Часть девятая, статья «Киргиз-кайсаки большой, средней и малой орды», стр. 86-109.

Таракты до 4 т. сем.

Итого в средней орде до 159400 семейств.

В малой орде:

Алимулы: карасакал до 1700 сем.; кара-кисяк до 3500 сем.; каракити до 2500 сем.; «чумекейцев ак-китинского рода» до 2 т. сем.; «чумекейцев каракитинского рода» до 2200 семейств; «чумекейцев уджрайского рода», ведения Кундров-султана, до 1500 сем.; дюрт-кара до 11 т. сем.; чикли до 1500 сем.; чумекей-джидлер до 6 т. сем., чумекей-кара-тамыр до 3500 сем., чумекей-туки до 2500 сем., чумекей-куит до 2500 сем. и чумекей-куняк до 4 т. семейств: эти пять «родов» чумекейцев состояли в ведении султана Буликее Ирали-ханова, имели летовки по р. Иргизу и пр. и зимовки на Сыр-дарье и пр. Итого алимулы до 44400 сем.

Байулы: «главного баюлинцев рода» адай до 10 т. сем., которыми правил «трухменский» Пирали-хан; яппас ведения султана Сеит-гали Нуралиева, до 7200 сем.; еще яппас до 1 т. сем.; «бурючи-алачинского рода» до 1200 сем.; алача до 5600 сем.; байбакты до 6 т. сем.; маскар до 3 т. сем.; берич (берш, берюч) до 5 т. сем.; тазлар до 3 т. сем.; то же до 800 сем.; исеньтемир до 3 т. сем.; черкес до 8 т. сем.; тана до 5 т. сем.; кызылькүрт до 3 т. сем.; сыклар (шейхлар) до 5 т. сем.; алтын до 5 т. сем. Итого байулы до 71800 семейств.

Семиродцы: табын до 3 т. сем., чумучли-табын до 1100 сем.; чумишли-табын до 4 т. сем.; тама до 2 т. сем.; кердари до 3500 сем.; телав (теляу или тлеу) до 2800 сем.; рамадан до 300 сем.; «сегмиродцев джаман-гирей-елкичи-табийского рода» до 6500 сем.; джагалбайлы до 7 т. сем.; кияят до 4 т. сем. Итого семиродцев до 34200 сем.

Увак до 2500 сем. Сверх того «отошедших от разных отделений сей орды к средней» до 6 т. семейств. Общий итог малой орды у Спасского 158200 сем., а во всех трех ордах 387600 семейств. По 5 душ на семью это составит 1938000 д. о. п. киргиз-казаков в начале XIX столетия, т.е. цифру, по-видимому, довольно близкую к действительности, так как в течение столетия численность народа должна была возрасти до нынешней.

В общем, содержащиеся в историческом обзоре и в настоящей главе известия и данные показывают, что большая орда образовалась главным образом из племен дулат (или чуйского), канглы и кыргыз. Из них племя дулат состоит ныне из поколений: 1) дулат (с родами ботпай, чимыр, сейкым и джаныс), 2) адбан и 3) суван; к племени кыргыз принадлежит 4) поколение сары-уйсун; к племени канглы, кроме собственно поколения 5) канглы, могут быть относимы поколения 6) чаншклы, 7) чапрашты, 8) исты, 9) сергелы и 10) ушакты; наконец является сложенным из всех трех племен союз или 11) поколение джалаир.

Средняя орда составила главным образом из племен кирей, найман, аргын и кыпчак. К племени кирей принадлежат поколения абак-кирей (роды сарыбас, джадык, чиреучи, джастабан) и ачамайли-кирей (роды джантыкей, ители, каракас, мулку, чубар-айгыр, итенгмен, чимоин, меркит) и роды: курсары, аксары, именалы, тюлеке, балта и пр. Племя найман состоит из родов бура-найман, семиз-найман, ак-найман, сары-джумарт, кокджарлы, баганалы, кызай, кожембет, мурун, сиван, садыр, матай и пр., а также из остатков существовавших некогда союзов ергенекты и кара-кирей, основы которых были, вероятно, найманские. Племя аргын складывается из союза момун, делившегося на бегендык и чегендык и состоящего из родов: басентеин, атагай, канджигалы, тобуклы, чакчак, сарджитим и пр.; союза кувандык из родов алтай, карпык, темеш, агыс, калкаман, айдабуль и пр., союза суюндык из родов кордасас, козган, коксал, туки и пр., и, наконец, из особого поколения или племени кара-кисяк, части которого, как и части особых поколений или небольших племен тюртоуль и таракты, входили в состав упомянутых союзов. Племя кыпчак состоит из родов танабуга, карабалык, турайгыр, узун, кунделен, бултун, кокбөрөн, туючка, кытабак и пр.

Сверх того к средней орде принадлежат союз или поколение конграт, остатки поколения или союза увак или увак-гирей и особое поколение или небольшое племя байджигит.

Малая орда состоит из племени алчин и союзов байулы и джигыру. К племени алчин причисляются роды карасакал, дюрткара, чикли, кия, кара-кисяк и чумекей, из которых чумекей происходит из чуйского племени, а кара-кисяк принадлежит, по-видимому, к особому племени, как и части его в средней орде. Союз байулы сложился из родов адай, джаппас, алача, байбакты, маскар, берч, тазлар, исентемир, черкес, та-на, кызылкурт, шейхлар, алтын и исык. Союз джигыру состоит из семи родов разного происхождения: табын, тама, кердери, джагалбайлы, кирейт, тлеу и рамадан.

Таким образом, народ киргиз-казацкий сложился главным образом из племен канглы, кыпчак, чу (дулат), аргын, найман, кирей и алчин и из мелких племен кара-кисяк, байджигит, тама, таракты, тюртоул и пр., а также из частиц племени кыргыз.

VI. Кара-киргизы

Близким к племенам, составившим киргиз-казацкий народ, является племя кыргызское или кара-киргызское, занимающее западный Тяньшань. Ввиду несомненной тождественности его имени с приобретшими большую известность борьбою своею с русскими енисейскими кыргызами, пробовали некогда, вследствие малого знакомства с историей средней Азии, объяснять нахождение кыргызов в западном Тяньшане переселением енисейских киргизов в начале XVIII столетия, когда эти последние были уведены с Енисея цзунгарами, но это объяснение почти весьма давно оставлено, потому что даже поверхностное

ознакомление с историей средней Азии обнаруживало несомненное существование в Тяньшане многочисленных кыргызов в далеко более ранние времена. Об участии уведённых осенью 1703 года калмыками с Енисея кыргызов, в числе 3—4 т. кибиток, достоверно известно, что они кочевали в бассейне р. Или при урге цзунгарских государей почти до времени разрушения цзунгарского государства китайцами, когда, в 1757 году, киргизы эти с находившимися на Или мингатами и теленгутами пошли было к Алтаю, но были разгромлены и частью попали в Россию, - пристав к калмыкам Церина, с которыми вышли на сибирскую границу и препровождены отсюда на Волгу к торгоутам, где присоединились к кундровским татарам, - частью же разбрелись между киргиз-казаками, урянхайцами, алтайцами и монголами и вернулись небольшими группами и отдельными семьями на Енисей к сагайцам и качинцам¹. Предположение В.В. Радлова о переходе части енисейских киргизов в Тяньшань в X веке² не имеет исторических оснований и не представляется вероятным, потому, между прочим, что путь кыргызам в западный Тяньшань был отрезан враждебными уйгурами, владевшими восточным Тяньшанем; при том же не допустили бы пришельцев, отнимавших пастбища у местного населения, тогдашние обладатели западного Тяньшаня могущественные карлыкские ханы. Еще менее правдоподобна ничем не доказанная гипотеза Howorth'a о переходе большей части разрушивших уйгурское ханство на Орхоне кыргызов в западный Тяньшань «не ранее XII столетия»³, ибо этого не позволили бы в XII веке кара-кидани и позднее монголы. Решительно неудовлетворительна и вторая гипотеза В.В. Радлова: «двинувшиеся при Чингиз-хане на запад монголы уничтожили древнее царство хакасов и вытеснили их из южной части их царства, так что часть (кыргызов) перешла через Саянский хребет на север и, по-видимому, смешалась там с уйгурами, самоедскими, остяцкими и тунгусскими народцами, - из какового смешения произошла большая часть абаканских татар, сойонов и, вероятно, также якуты, - другая же часть стала кочевать в абаканской долине под именем кыргызов; но большая часть кыргызов потянулась на юго-запад и

¹ См. между прочим «Памятники сибирской истории XVIII века», кн. I, 1882 года, стр. 232-235. «Материалы для истории Сибири» Г.Н. Потанина, Москва, 1867 года, стр. 80, 127, 128, 101. Георги «Описание всех обитающих в российском государстве народов», 1799 года, часть 2, стр. 44.

² Journal asiatique, 1863, t. II, p. 317.

³ The Kirais and Prester John в The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1889, v. XXI.

осела в долинах западного Тяньшаня»¹. Все это, между прочим, не согласно с положительными историческими фактами, по которым монголы нашли кыргызов уже на севере от Танну-ола и из земель этих кыргызов не вытесняли.

В главе II настоящей статьи и в ненапечатанном еще обширном исследовании по истории западного Тяньшаня, где дан очерк истории енисейских кыргызов, я старался выяснить, что кара-кыргызы суть отделившаяся ранее III века ветвь кыргызского племени, кочевавшая в III столетии до Р.Х. между Танну-ола и восточным Тяншанем и образовавшая на западной границе хуннов союз усуньский. Отсюда покоренные хуннами усунь, около половины II века до Р.Х., были двинуты в западный Тяньшань. Здесь усуньский союз после Р.Х. распался и составлявшие его роды и второстепенные союзы были последовательно подчиняемы турками-тукю, карлыками, кара-киданами, монголами, коканцами и, наконец, русскими. Занимавшие горную часть западного Тяньшаня роды кара-кыргызов успели и до настоящего времени сохранить свою племенную обособленность, обитавшие же в прилегающих с севера к Тяньшаню степях должны были вступить в сложные союзы с племенами канглов и дулатов и потерять самостоятельное родовое существование, за исключением поколения сары-уйсун, которое, в числе до 1500 киб., сохранило свое имя и некоторую обособленность среди дулатов и прочих поколений большой орды.

В настоящее время кара-кыргызы занимают Тяньшань, на запад от прохода Санташ, с частью Памирской горной системы и разделяются в родовом отношении на два крыла: он (правое) и сол (левое). Первое состоит из двух отделов: тагай и адгене. Отдел тагай слагается из поколений: бугу, 15111 кибиток, сарыбагыш, 8973 киб., султу, 11638 киб., чирик, 4015 киб., багыш, около 3000 киб. и саяк 7427 киб., всего 50164 киб. Отдел адгене состоит из поколений адгене, 3145 киб., монгуш, 1225 киб. и ичкилик, 13943 киб., всего 18313 киб. В крыле сол 9029 киб., всех же кара-кыргызов ныне 77506 киб. Отдел он занимает собственно западный Тяньшань, кроме бассейна верховьев р. Таласа, где помещается крыло сол; отдел адгене кочует на Алае, в части Памиров и в продолжении Алайского хребта почти до Зеравшана, спускаясь на зимовки в долину Ферганы. Из кара-кыргызских поколений саяки представляются потомками племени се (у китайцев) или саков (у персов, индийцев и греков), занимавших западный Тяньшань до юечжи и сменивших их усуней. Поколения монгуш и особенно ичкилик состоят преимущественно из посторонних кара-кыргызскому племени родов племен кипчакского, найманского и аргынского (род кесек); сверх того в составе кара-кыргызских родов есть остатки джагатаидских монголов (в поколении монгуш) и кара-киданей (род ктай в крыле сол и пр.). Имена поколений или главных родовых союзов принесены каракиргизами отчасти еще из-за Саянов, ибо, напр., лосей в Тяньшане не

¹ Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, s. 23-24. Приурочить переход кыргызов в Тянь-Шань не позже, как ко времени Чингиз-хана, казалось необходимым потому, что в китайском маршруте похода в Персию армии Гулагу упоминалось в 1259 году о кыргызах уже в Тяньшане (s. 23), но д-р Бретшнейдер еще в 1875 году (Notes on Chinese Medieval Travellers) выяснил, что это упоминание есть только ошибочный перевод французских синологов.

водится, между тем одно из главных поколений носит имя лось (багыш), а другое - жёлтый лось (сарыбагыш).

Кроме образовавшихся исторически общественно-политических делений на поколения, роды, отделения их, подотделения и т.д., каракиргизы сохраняют еще память о древнем кровном своем происхождении в именах костей, к которым принадлежат независимо от поколений, родов и пр. Из известных пока имен костей шестнадцать встречаются во всех или нескольких поколениях, а потому могут указывать истинный этнический состав кыргызов. Из этих шестнадцати четыре, именно кытай, монгулдур, конграт и саяк, составляют, очевидно, посторонние примеси. Из остальных двенадцати семь встречаются в двух или более поколениях, а потому должны быть коренными костями кыргызского народа. Первое место по своей распространенности занимает 1) кость сару (серикей у бугу), т.е. сары - та самая кость, которая составляла главные роды у енисейских кыргызов (джеты-сары и алты- сары) и которая повсюду у тюркских племен может быть почитаема результатом особенно густой помеси тюрков с динлинами; вторая по распространенности будет 2) кость каба, которую можно сблизить с именем койбалов на Енисее, зовущих себя койба или кайба; следующая 3) кость мундус существует поныне и у алтайцев; далее 4) кость кучу или кучук у бугу, по-видимому, тождественна с упоминаемым китайцами у чуюе родом хучжу или гучжу, который существовал и у хуннов в форме хючжуй китайских известий; потом 5) кость ассык (также ассан-токум) и встречающаяся у одних бугу кость арык-токум могут быть результатом смешений тюрков с динлинскими народцами ассан и арин, остатки которых существовали на Енисее еще в XVIII веке; затем 6) кость етиген, тождественная с именем поколения адыгене, адгене, ведет свое название от священного леса или покрытой лесом горы Етикен, упоминаемой в тюрко-орхонских памятниках, и от тождественной, вероятно, с тем же урочищем реки Етиген¹, приведенных Рашид-эддином уйгурских преданий, но это имя могло быть динлинским и принадлежать динлинскому роду, это урочище занимавшему, и перейти к тюркскому, с которым он смешался; наконец 7) кость дөлөс есть то же самое, что кость телес в Алтае. Из остальных пяти костей 1) торо (у поколения багыш), тождественная с торго (у бугу), встречается у теленгетов в Алтае; 2) кость серикей (у бугу) и 3) юочюк (также у бугу) тождественны с сару и кучу; остаются только 4) кость ишкманат (у сарыбагышей) и, по-видимому, тождественная с нею 5) шикмаят (у бугу), происхождение которых пока не выяснено. Таким образом, из семи коренных и наиболее распространенных костей каракиргизов четыре (сару, каба, ассык и етиген) имеют, по-видимому, тюрко-динлинское происхождение и три остальные (мундус, телес и кучу) тюрко-алтайское, ибо такие же кости (кроме кучу) и теперь еще есть в Алтае.

Не повторяя здесь изложенного в статье моей «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и кара-киргизов», помещенной в выпусках III и VI

¹ Ütükan у В.В. Радлова в *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, 1895, s. 442, 446 и Eutuken у проф. Томсена в *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrees*, Helsingfors, 1896, p. 106 et. 115.

«Живой старины» за 1894 год, о народных сказаниях, родовых тамгах и исторических известиях о поколениях кара-киргизов¹, я обращаюсь к сведениям о числе кыргызов.

Считая по 4 души на 1 кибитку, 77506 киб. должны бы соответствовать 310024 д. о. п. На самом деле оказывается:

В Пржевальском и пишпекском уездах семиреченской области 137 218 д.²

В аулиеатинском уезде сыр-дарьинской	»	47800 д. ³
В ферганской	»	11000 д. ⁴
В ходжентском уезде самаркандской	»	9370 л. ⁵
		304388 д.
В китайских владениях		10000 д. ⁶

¹ Пользуюсь случаем добавить, что на происхождение рода барга, важнейшего в поколении адгене, с Енисея может указывать упоминание Гмелина о речке Барга, которая по его сведениям находилась в той местности, где, между устьями Кемчика и Джакула (оба впадают в Улуг-Кем), Миллер описывает одну древнюю пещеру («Сибирские древности», том I, вып. 3, СПб., 1894 года, стр. 79, Приложения). По поводу имени поколения монгуш, которое отождествляю я с монголами, надо иметь в виду, что у урянхайцев, в кемчикском хошуне, есть кости монгуш и кара-монгуш (см. М.Ф. Катанова «Письма», стр. 14). В поколении ичкилик, которое считаю я составившимся из чуждых по происхождению каракиргизам элементов есть род таит, обломки которого встречаются в Сары-Коле, на Памирах, в Алае и в Ходжентском уезде-N. Elias, в одном из примечаний своих к изданию английского перевода «Тарихи-Рашиди» (The Tarikh-i- Rashidi of mirza Muhammad Haidar, London, 1895, p. 20), по поводу упоминания Шереф-эддина о том, что эмир Казган, дед соперника Тимурова, эмира Хусейна, был князь рода Tahit (Histoire de Timur-bec, trad. Petis de Ja Croix, I, p. 2), высказал предложение, что слово Taht, вероятно, испорчено и можно читать Tait, если выбросить только одну букву. По Альквисту, вогулы называют Таит реки Тавду и северную Сосву наших карт (Л.Н. Майков «О древней культуре западных финнов по данным их языка, по сочинению д-ра А. Альквиста», СПб., 1877 г., стр. 91).

² Губернаторский «Обзор» за 1889 г.

³ Смирнов «Сыр-дарьинская область» (губ. «Обзор» за 1885 г.), СПб., 1887 года, стр. 51.

⁴ И.Л. Яворский «Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», 1889 года, стр. 320. В этой цифре должны заключаться и памирские кыргызы, которых численность «Туркестанские ведомости» в 1892 г.(№ 36) предполагали до 250 кибиток или 1500 душ, но в 1894 году она определилась точнее по переписи в памирской волости, в 982 души обоого пола в 255 юртах («Туркестанские ведомости», 1894 года, № 14, корреспонденция из Памирского поста). Английский географ A.N. Keane (Stanford's Compendium of Geographie, Asia, vol. I, London, 1896, p.95) полагает количество кыргызов на Памире в 17 т. кибиток или от 68 до 70 т. душ, ссылаясь на испанца Ximenes, посетившего Памир в 1892 г., и замечая, что последняя цифра сходна с данною Костенко в 1880 г., но упомянутый испанец на Памире совсем не был, как это в своё время выяснено «Туркестанскими ведомостями» и сведения его никакого внимания не заслуживают. В 70 т. душ определял Костенко численность кипчаков Ферганской области, а не кара-киргизов в Памирах, что упомянутый испанец совсем не был на Памире, это подтверждает, между прочим, член палаты общин George N. Kurson (см. его статью The Pamirs etc. в The Geographical Journal, 1896, July), который совершил поездку на истоки Аму-дарьи осенью 1894 года и полагает численность подданных России памирских кыргызов до 1 т. душ.

⁵ «Сборник материалов для статистики самаркандской области за 1887-1888 гг.», Самарканд, 1890 г.

⁶ Численность кара-киргизов, сообразуясь со сведениями из разных источников, можно полагать на китайских южных склонах Тяньшаня в 1500 кибиток и на восточных склонах Памирской горной системы в 1000 кибиток, что, считая по 4 д. на одну кибитку, даст 10000 д. о. п. По Пржевальскому («Третье путешествие в центральную Азию», СПб., 1883 г., стр.327), есть небольшое число киргизов около Синина и озера Куку-нора. Численность их «вероятно весьма не велика. Все они ведут кочевую жизнь и почти уже забыли родной язык... Родной тип сохранился, равно крепка и вера магометанская... Объясняют, что они пришли в Китай лет 200 назад, в числе 500 семейств, проважавших какого-то Тайджи-Ахуна. Назад вернуться не могли». Вероятно, это кара-киргизы, а не киргиз-казаки.

В бухарском ханстве

4000 д.¹

Всего

318388 д.²

Цифра эта несколько меньше действительной вследствие вероятного уменьшения числа душ, особенно женского пола (57546 ж. На 79672 м.), при переписи в семиреченской области, но едва ли значительно, так что 325 т. д. о. п. можно считать близкой к истине численностью кара-киргизов³.

VII. Тюркские племена восточной России

Весьма возможно, что часть скифов Геродота и других древних писателей принадлежала тюркскому племени, как полагают многие из новейших исследователей. Но вполне достоверное массовое движение тюрков за Урал и Волгу относится к III и IV векам после Р.Х., к нашествию гуннов. Когда, после смерти Аттилы, гунны были отброшены на восток, к Волге и Кавказу, то в V и VI веках союзы гуннских родов были известны византийским писателям (Приск, Менандр и др.) под именами сарагуров, оногуров, котригуров, утигуров⁴ и пр., а также болгар. После удаления части болгар за

¹ И.Л. Яворский считал в бухарских владениях примерно 50 т. д. («Опыт» и пр.), но кара-киргизы имеются в бухарском ведомстве только в Каратегине и Дарвазе. В первом капитан Васильев («Военный сборник», 1888 г., №10) определил число кыргызов в 3 т. д., в Дарвазе же можно считать не более 1 т. душ.

² Г-н Яворский определял число кара-киргизов в 297 т. душ, ошибочно считая в семиреченской области только 90 т.

³ В 1759 году, по «Си-юй-ту-чжи», один кыргызский старшина оценивал численность кара-киргизов в 200 т. д. П.П. Семёнов («Географическо- статистический словарь Российской империи», том 2, Спб., 1865 г., стр. 595) определял приблизительно количество кыргызов в русских владениях в 200 т. и в китайских с коканскими в 150 т., всего 350 т. д. «Русский энциклопедический словарь» Березина (том 3, 1878 г., стр. 169) считал в русских пределах 162704 д., а с заграничными около 200 т. ч. Encyclopedia Britannica (vol. XIV, 1882, p. 94, 95) полагала число кара-киргизов в 400 т. Nouveau dictionnaire de Geographie uni- verselle par Vivien de St.-Martin, t. III, 1887, p. 144, насчитывал 340950 каракиргизов, преувеличенно полагая в китайских владениях 21 т.ч. и в «независимом Памире» 20850 ч., да в Кульдже (где кара-киргизов почти нет) 6500 ч. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона (1895 г.) дает чрезмерно преувеличенную цифру кара-киргизов в 850 т. (в том числе до 300 т. в русском подданстве, именно 150 т. в ферганской области, 47800 в аулиеатинском уезде, остальные в пишпекском и иссык-кульском уездах), следуя, вероятно, М.И. Венюкову, который в 1873 г. писал («Опыт военного обозрения русских границ в Азии», стр. 304 и 305): «как велико число их (кара-киргизов), мы не знаем, но... в уездах токмакском и иссык-кульском ... должно полагать около 140 т. д., площадь же этих двух уездов едва ли составит одну шестую всей площади, занятой каракиргизами в границах описанного пространства (от Куча к верховьям амударьинского бассейна и от Кунгей-Алатау до Яркенда и даже Хотана). Итак, во владениях наших и Якуб-бека кашгарского нужно считать приблизительно 850000 кара-киргизов». И при тех смутных и скудных сведениях, какие имелись к 1873 г. о Кашгарии и Памире, цифра г. Венюкова была невероятна, ибо ею помещались в пустыне Кашгарии и Памиров 700 т. кочевников с их скотом, теперь же, когда мы имеем достаточные сведения о действительной численности киргизов в китайских владениях и на Памирах и о природе этих местностей о подобных цифрах не может быть и речи. Еще более фантастично было показание числа кара-киргизов у Petzholdt'a (Umschau im Russischen Turkestan im Jahre 1871, Leipzig, 1877, s. 312): «почти 1 миллион душ». В «Алфавитном списке народов, обит., в Рос. империи», показано, по сведениям за 1890 год, кара-киргизов в семиреченской, акмоллинской, семипалатинской, ферганской и сыр-дарьинской областях 300 т., цифра, приближающаяся к нашей, но в акмоллинской и семипалатинской областях кара-киргизов, - если и есть там потомки плененных более столетия тому назад киргизов или ещё более давних, - считать не приходится, ибо их нельзя уже там отличить от киргиз-казаков.

⁴ Этих сарагуров, оноргуров и пр. считают за сары-уйгуров, он-уйгуров и т.д. (В.В. Радлов «К вопросу об уйгурах», 1893 г.). Одних, возникших, быть может, незадолго до XIII в., когда они записаны мусульманскими писателями, легенд недостаточно для уверенности, что деления уйгуров на он-уйгуров и тогуз-уйгуров в самом деле некогда существовали, а не есть только плод народной фантазии. Мне кажется, поэтому пока предпочтительным чтение гур, а не уйгур, т.е. сарыгур, оногур, котургур и т.д. Дорджи Банзаров признавал гур монгольским словом (по его мнению, ой-рат или ой-арат и уй-гур суть монгольские слова, значащие «лесной народ»). Но это то же самое слово, что в слове гур-хан, где оно

Дунай и утверждения остальных на средней Волге близ устья Камы на нижней Волге образовалось государство хазарское, составившееся, по-видимому, из остальных гуннских родов¹, с торговым и политическим центром близ устья Волги. Хотя хазарские хаканы обратились к почти оседлой жизни и приняли позднее иудейскую веру, но доставляемые развитием торговли и удачная политика обеспечили хазарскому ханству прочное существование до начала XI века. Стремление тюркских племен к движению за Урал и Волгу не прекращалось, но хазары умели пользоваться соперничеством между существовавшими союзами тюркских племен, чтобы ослаблять силу тех из них, могущество которых представляло опасность для самих хазаров. Так, вероятно, не без влияния хазарской политики, печенеги вытеснили на запад мадьяров, а затем торки (вероятно, тургеши) и гузы (роды канглов и кипчаков, именовавшиеся потом команам или половцами) потеснили за Дон самих печенегов. С половины XI века, после распространения половцев до Дуная, новый приток тюрков в южную Россию прекратился, так как в XI и XII веках все свободные силы родов канглов и кипчаков устремлялись за счастьем и богатствами в армии сельджукидов, завоевывавших Иран, западную и малую Азию и Египет. В XIII веке, когда завоеванная монголами восточная Европа составила улус Джучи, остатки не ушедших в Венгрию команов и их предшественников слились с кипчакскими и алчинскими родами, составлявшими главную часть кочевых подданных наследников Джучи.

1) Ногайцы и другие тюркские племена юго-восточной России

Ко времени распада улуса Джучи тюркские кочевники от Урала и Кубани до Дуная начали уже носить общее имя ногайцев от имени племянника Берке-хана Ногай, который в конце XIII века соединил под своею властью несколько сильных родов и при помощи их ставил и низвергал ханов Золотой орды по своему произволу. Западные ногаи вошли в состав крымского ханства уже в XV столетии. Северовосточные ногаи под владычеством потомков Идики или Едигея, пользовавшегося в начале XV века

имеет подобное же значение. Не попало ли оно к древним тюркам, монголам и пр. из языка какого-нибудь более древнего народа?

¹ Хазарский царь Иосиф, в известном письме своем, относимом ко времени около 960 г., ссылаясь на родословные записи своих предков, считал хазаров происходящими от Яфета через Тогарму, который имел десять сыновей: Уйюрт (или Угюр и пр., т.е., по мнению проф. Гаркави, грузины или угры), Таврис (тавры), Аваз или Авар (авары), Угуз (огузы, гузы), Бизаль, Тарна (вероятно, упоминаемое Константином Багрянородным хазарское племя тариан), Хозар, Янур (или Занур), Булгар и Савин (упоминаемые византийцами забири). Ссылаясь также на записи, Иосиф говорит далее, что занятая впоследствии сравнительно малочисленными хазарами земля первоначально принадлежала многочисленному, как песок морской, народу у (или в или о)-интр, который вынужден был хазарами удалиться и водворился на р. Дунай, где находился и во времена Иосифа. Проф. Гаркави считает возможным, что приведенное имя, которое можно читать уннатур, вененер, ванантер и т.д., есть одно из многих именований перемешавшихся с булгарами гуннов, в роде, напр., упоминаемых византийцами хун-но-гундуров. Надо, по-моему, полагать, что тут скорее всего немного, на одну букву, испорченное переписчиками имя оногуров, того из образовавшихся из остатков гуннов союзов, который играл, по-видимому, главную роль в образовании объединившего тюрков и отчасти угро-финнов юго-восточной России болгарского союза. Хазарские предания, сообщаемые Иосифом, считая оногуров ушедшими на Дунай и основавшими там свое царство (болгаро-славянское), очевидно успели забыть, что дунайские оногуры составляли часть того же племенного союза, к какому принадлежали волжско-камские болгары, как забыли, что и сами хазары входили в состав союза хуннов. Иосиф называет подвластными себе или, по крайней мере, платящими дань многочисленным, как песок морской, базра (базна, т.е. баджнаков, печенегов), которые занимали степи на четыре месяца (пути), стало быть, по крайней мере, от Урала до Дуная. Перевод любопытного письма Иосифа помещен проф. Гаркави в *Russische Revue*, 1875, Heft I, s. 79-97.

таким же значением, как Ногай или Мамай, пробовали остаться около Урала независимыми, подчиняя себе соседние киргиз-казахские роды, но силы их скоро ослабли и в XVII веке они были частью подчинены достигшими Волги торгоутами; частью же перешли на землю и в подданство крымских ханов. Большие деления ногайцев носили имена своих начальников или местностей, так что из них нельзя выяснить их родового состава. Так, напр., около 1590 г., упоминаются следующие девять ногайских племён около Волги: мансур, урак, мамай, касай, одамамбет, тогуз, едичек, едисан и джамбайлук¹.

Но в именах татарских деревень на таврическом полуострове сохранились и к настоящему времени названия родов, указывающие основной этнический состав крымских татар. Именно в списках населенных мест крымских уездов таврической губернии (кроме ялтинского), изданных в 1865 г., встречаются по пять раз имена найман и аргин, четыре раза имя конрат, по три раза имена кипчак, алчин и китаи и по два раза имена канглы, алач и тама; сверх того, те же имена и имена кирей, кирейт, киргиз-казак; интересно между прочим имя кучук-токсаба (№ 750). После присоединения Крыма к России (1783 г.) ногайцы и крымские татары начали переселяться в Турцию; выселилось тогда, по словам Сумарокова, до 300 т. душ; выселение возобновилось после войны 1853-1855 гг. и составило к 1863 г. цифру в 192360 д. о. п. с одного таврического полуострова², так что общее число выселившихся в прошлом и нынешнем столетии ногайцев и крымских татар, конечно, превышает 500 т. д.

В настоящее время распределение и численность тюрков в юго-восточной России представляются в следующем виде:

а) Крымских татар, состоящих из тюрков и отуреченных потомков древнего разнородного населения южной части полуострова, считалось, по сведениям «Географическо-статистического словаря Российской империи» П.П. Семенова (том 5, вып.1, 1875 г.), около 100000 д.о.п., при общем населении полуострова в 1864 г. в 164900 д. о. п.³, несомненно, меньше, чем во времена крымского ханства. Вамбери полагал (1885 г.) крымских татар до 20 т. д. По официальным данным, в 1884 году число татар в Крыму простиралось до 142179 душ⁴.

¹ В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII века», СПб., 1887 года, стр. 443. Древнейшими и влиятельными бейскими фамилиями, главы которых наследственно состояли карачаями, были в Крыму, потому же ученому (стр. 715 и 716), ширин, барин, аргын и кыпчак, к которым Сахыб-гирей-хан добавил из ногайской знати мансуров и седжеутов. Баринская фамилия вымерла еще до подчинения Крыма России; у ширинского бей, имевшего придворный штат, подобный ханскому, была тамга, , у аргынского , у яшлавского или сулешевского таган-тамга («Известия таврической ученой архивной комиссии», №22, 1895 года, стр. 71-73).

² «Список населенных мест Российской империи. Таврическая губерния», СПб., 1865 года, стр. XLIII

³ Там же, стр. LIII.

⁴ В.В. Радлов «Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть 7. Наречия Крымского полуострова», СПб., 1896 года, Предисловие, стр. XII-XIV. Кроме нескольких десятков семей ногайцев, вернувшихся из Турции и поселившихся в деревне Куят, крымские татары делятся автором на два отдела: 1) степных, которые ныне все без исключения занимаются земледелием и происходят, судя по именам

б) Астраханских татар считалось по упомянутому «Словарю» до 10 т.д. и кундровских и других татар в низовьях Волги до 14 т. д. По Небольсину¹, кундровцы признают себя ногайцами и зовутся карагаш отделов каспулат и касай (по именам сыновей Ногай), с родами и отделениями ас, тюбетпес, найман, джагалбайлы, мангыт, ергенекли, киреит и проч.

Кундровские татары в низовье Волги были переселены торгоутским ханом Дундук-омбо в 1740 году с Кубани, но около Кавказа осталось еще и теперь.

в) Ногайцы в ставропольской губернии в числе, по «Геогр.-стат. словарю Российской империи» (том 5, вып. 1, 1875 г.), до 87000 д. и в уральской области, причисленные к местному казачьему войску, до 4000 д., сверх того, в карской области² оказалось 2556 д. ногайцев и в дагестанской до 1500 д., всего, следовательно, насчитывается 95056 ногайцев³.

г) Близки к ногайцам обитающие в долинах верхнего Баксана и его притоков горцы обществ урусби, чехем, балкар и пр. в числе 13605 д.⁴

говорят османским языком, который привился во время владычества над Крымом Турции; в основе наречия горожан лежит северное наречие, которым говорят степняки, но преобладает влияние османское. - Языком крымских татар говорят также еврей-караимы и отатаренные греки, но по религиям своим, типам и некоторым существенным чертам быта народности эти не могут быть зачислены в число тюркских. - По Радде («Вестник И. Р. геогр. общества, 1856 г., том 18, «Крымские татары», стр. 290 и пр.»), число татар на полуострове в начале пятидесятих годов простиралось до

деревень, чертам лица и языку, от разных родов, прибывших в XIII веке с монгольскими завоевателями, и 2) горожан (в Бахчисарае, Симферополе, Карасубазаре, Феодосии и Евпатории) и обитающих на южном берегу полуострова и в его горах. Горожане, южнобережцы и горцы суть остатки древнейших тюркских пришельцев, быть может III и IV веков, и помесей их с предшествовавшими обитателями Крыма - греками, готами и пр. Южнобережцы

¹ «Вестник И. Р. географического общества», 1852 г., часть 2 «Записки о кундровских татарах».

² «Записки кавказского отдела И. Р. географического общества», книжка 28. Тифлис, 1895 года, приложение 1, стр. 45.

³ По Надеждину («Кавказский край», Тула, 1895 года), ногайцев в ставропольской губернии и дагестанской области всего 19568 д. По Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 547), ногайцев всего до 100 т.д. По Л.П. Загурскому («Кавказский календарь» на 1888 год, Тифлис, 1887 года, приложение, стр. 11), ногайцев в ставропольской губернии 44 т.д., в кубанской 5 т., и есть еще неизвестное количество ногайцев в терской области. В этой области, по «Терскому календарю на 1896 год», ногайцы значатся вместе с калмыками и пр., в общей цифре 36730 д. По этногр. очерку г. Малевкина «Кара-ногайцы» в «Терском календаре на 1893 год», ногайцы между р. Кумой и Терекон делятся ныне на восемь отделов, из которых три, а именно кара-ногайцы, эдишкульцы и эдисанцы носят общее название кизлярских ногаев. Кара-ногайцы делятся на четыре куба (т.е. рода): кипчаков, минов, найманов и терк-куб.

⁴ Цифра эта дана «Сборником сведений о Кавказе», том 7, 1880 г., где они названы кабардинцами, хотя г. Зейдлиц поясняет, что это население обществ чехем, балар и урусби. Я не знаю причин присвоения этим тюркам не принадлежащего им имени, ибо кабардинцы совсем другой народ, говорящий на особом языке, не тюркском. По сведениям С. Hahn (Kaukasische Reisen und Studien, Leipzig, 1896, s. 24), бывшего на Баксане в 1892 г., население обществ урусби (на Баксане), чехем (на Чехеме), хулам и бизингер (на Урване) и балкар (на Череке) зовет себя тау-лу, т.е. горами, говорит на тюркском наречии и обитало некогда в степях, откуда вытеснено на нынешние места кабардинцами; численность его 400 дворов. Кабардинцев (адыге, черкесы, косоги наших летописей), по «Терскому календарю на 1896 г.», числится к 1895 г., 77385 д.

111000 душ мужского пола; делил он их на ногайцев, южнобережцев и обитателей степей и долин на северных склонах крымских гор.)

д) Более ранними, чем ногайцы, пришельцами считаются давно принявшие оседлый образ жизни кумыки и карачаевцы. Из них кумыкам, обитающим в дагестанской и терской областях в числе 108320 д.¹, приписывается частью, по предположению Клапрота, хазарское происхождение², частью ногайское, а происхождение карачаевцев, живущих в верховьях Кубани, в кубанской области в числе около 20000 д.³, остается удовлетворительно невыясненным.

е) Сюда же, наконец, приходится отнести 26674 д. туркмен, обитающих в ставропольской губернии и карской области⁴.

Всего, следовательно, в юго-восточной России насчитывается тюрков 429834 д. о. п.

2) Башкиры и волжские татары

Из народностей восточной России, говорящих на тюркском языке, непосредственными соседями киргиз-казаков являются башкиры. Какие тюркские племена дали помеси с финно-уграми для образования башкирского народа, упоминаемого арабскими писателями с X века, можно догадываться по приводимым у Рычкова⁵ названиям башкирских «волостей или родов» первой половины XVIII века: «минская» (род мин или минг, мингат из «лесных» народов), «табынская» (род малой орды табын), «кипчатская» (племя кипчак), «тамыанская» (род тама), «катайская» (род китя?), «гирейская» (племя кирей), «тазларская» (род таз или тазлар), «киргиская» (племя киргиз). Далее приводим из Рычкова волости и роды, судя по именам, местного происхождения, быть может отчасти с именами угро-финских родов или племен: юрматынская, бурзенская, усергенская, тингаурская, кудейская, таныпская, айлинская, куваканская, каршинская, кайлинская, ельдятская, тугузлярская, енейская, байлярская, дуванская, иланская, зорян, бюлярская (очевидно, выходцы из города Биляра), уванышская, уранская, ирехтинская, гайнинская. Во всех волостях названы Рычковым «происшедшие от них тюбы и аймаки», т. е. деления, из которых не лишены интереса: чубин, ногай-ляр, миркит (т. е. известный род или племя меркит), саралы, мешерь

¹ «Кавказский край», 1895 г. По «Памятной книжке дагестанской области на 1896 г.», стр. 57, кумыков в области до 61 т. д. и ногайцев до 1500 д.

² Вамбери, с. 558. См. также И. И. Пантюхова «О кумыках. Антропологический очерк» в "Записках кавказского отдела геогр. общества", книжка 28, 1895 г.

³ Надеждин «Кавказский край», 1895 года. По сведениям С. Hahn (Kaukasische Reisen und Studien, 1896, s. 76), имя карачаевцев пошло от некоего Карача, переселившегося некогда из Крыма на р. Баксан и оттуда в верховья Кубани; Карача не имел сыновей, и на его дочери женился другой выходец из Крыма Шамхал, основавший княжескую фамилию Крым-Шамхаловых. По типу карачаевцы-тюрки с примесью кабардинской или черкесской крови. Считают их теперь (1892 г.) около 30 т. д.

⁴ Надеждин «Кавказский край», 1895 года.

⁵ В «Алфавитном списке народов, обитающих в Р. империи», изд. в 1895 г. канц. комитета министров, показано крымских татар по сведениям за 1888 г. 160 т. д., астраханских за 1860 г. 10800 д., кундровских за 1859 г. 11760 д., ногайцев за 1891 г. 61560 д., балкаров за 1875 г. 3 т. д., урусипевцев за тот же год 3050 д., карачаевцев за 1891 г. 25 т. д., кумыков за тот же год 108800 д., туркмен в карской области 9 т. и трухмян в ставропольской губернии за 1892 г. 19 т. д.; караимов в Крыму, виленской, волынской и ковенской губерниях за 1893 г. 10 т. д.

(нынешние мешеряки), юрматынский, тельтинский, бакаевский, арляр (может быть, енисейское племя и алтайская кость ар, арин), сарыш, байулы (отдел малой орды), трухмен (туркмен), сарт-лар, сартай и пр.

Из выше приведенных имен башкирских родов можно заключить, что в составе башкиров играли преобладающую роль роды малой орды и племя кипчак, но попадали к ним и столь далекие племена, как кыргызское. Помимо именованья башкиров иштяками, т. е. осяками, со стороны других тюрков и обитания их в такой стране, которая должна была принадлежать в древности угро-финнам, помимо, наконец, нахождения и в настоящее время в среде башкиров позднее отуреченных финнов в виде мешеряков и тептерей, финнский и динлинский элементы в составе башкиров обнаруживаются и антропологическими исследованиями: так, по измерениям проф. Соммье из 74 измеренных им башкиров оказалось 13 поддолихоцефалов и мезоцефалов на 61 брахицефала¹.

По собранным В.В. Радловым сведениям, относящимся, кажется, к 1869 году, считалось башкиров:

В уфимской губернии	» 622318 д. о. п.
оренбургской	» 223871 д.
пермской	» 65714 д. о. п.
вятской	» 18590 д.
самарской	» 70107 д.
Итого	1000600 д.

Может быть, тюрки проникали к обитавшим около устья Камы финнам и ранее гуннской эпохи, но с достоверностью появление их здесь приходится пока относить к тому времени, когда часть болгарского союза водворилась в этом важном торговом пункте, при слиянии двух великих рек, и дала ему свое имя. Едва ли в монгольское время приток тюркских кочевников был особенно велик в этот край, города которого были разрушены, а селения сильно пострадали во время завоевания. Надо думать, что усиленное возобновление населения произошло здесь после основания Казани и переселения в нее значительной части жителей городов из района нижней Волги во

¹ «О башкирах» в «Записках уральского общества любителей естествознания», том XIII. вып. I, 1892 года, стр. 32. По измерениям П. С. Назарова («Известия и общества любителей естеств. и пр. при Москов. университете», том 68, вып. 2, 1890 года.), рост и головной указатель у Башкиров рода кипчак оказались 1647 мм и 83,10, рода усерган 1650 и 82,48, рода дангаур 1660 и 85,20 и у бурзинского 1677 и 81,51. Эти данные показывают, между прочим, какое значение имеет различие родов. - По Небольсину («Отчет о путешествии в оренбургский и астраханский край» в «Вестнике И. Р. геогр. общества» за 1852 г., часть 4, стр. 17), «цвет башкирского населения составляют волости усергянская, тунгаурская и особенно бурзянская: это народ высокого роста, здоровый, плотный, смелый и расторопный. Особенно же красотой лица отличается юмуран (суслик) - табынская волость». По его же сведениям, мешеряков соседи их и сами себя зовут мишар (стр. 18), а тептяри суть инородческие беглецы на башкирские земли от податей и т. п. (стр. 33).

второй половине XV века, когда непрерывные смуты в Золотой орде сделали процветание оседлости и торговли на нижней Волге невозможным. Во всяком случае, тюркское население средней Волги за отсутствием необходимых для кочевой жизни условий, могло быть только оседлым, а потому родовой быт не мог здесь сохраниться. Поэтому родовых делений и родовых имен у волжских татар не существует¹.

По относящимся к 1869 году сведениям В.В. Радлова, считалось татар:

в казанской губернии 482709 д. о. п.

в нижегородской « 32492 «

в симбирской « 93607 «

в самарской « 86223 «

в саратовской « 55000 «

в пензенской « 53725 «

в вятской « 89397 «

в пермской « 23226 «

в оренбургской « 28868 «

в уфимской « 87147 «

Итого

 1032394 «

В общем итоге цифра башкиров и татар составит 2032994 д. о. п. В этой цифре значится, кроме собственно башкиров и татар, некоторое количество мещеряков, тептерей и бобылей², все отуреченных финов. Конечно, все эти сведения значительно устарели. Новых, однако, я не нашел. У Вамбери значится башкиров 500000 душ и татар 638710 душ³ по совсем уже старым и неполным источникам. В «Географическо-статистическом словаре» П.П. Семенова (том 5, вып. I, 1875 года) численность татар в вышеуказанных губерниях определена круглыми тысячами в 1021 т. Сверх того там

¹ По арабским сведениям волжские болгары делились на три отрасли: берсула, исигель и собственно болгары (акад. А. А. Куник в «Записках И. Академии наук», том 32, 1879 года, стр. 156). Тут исегель (в подлиннике, у ибн-Даста, по проф. Хвольсону - «Журнал мин. народа, просвещения», 1868 года, декабрь, стр. 668 - собственно не исегель или асегель, а аскл, и точное чтение неизвестно), может быть, есть испорченное усергьянь или усергень, ныне башкирский род, принадлежащий, по Небольсину, к «цвету башкирского населения»: вот, пожалуй, и другое, кроме билярской волости, указание на значительные этнические связи между древними болгарскими и башкирами. - Упомянутые нашими летописями, по поводу похода болгар на Исады, под 1184 годом, в качестве как бы отделов болгарского народа, собякуляни, челматы, темтюзи признаются С.М. Шпилевским («Древние города и другие болгаро-татарские памятники в казанской губернии», Казань, 1877 г., стр. 139-144) жителями местностей тех же имен: Соба, Куль, Кама (у татар эта река носила имя Челман или Чулман), Тямти. Поминался еще летописцами городок Торцкий или Торк, но местонахождение его неизвестно (стр. 145).

² Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, s. 22-29.

³ The Turco-Tatars, 1892.

значится в тамбовской губернии 19000 д., в рязанской 6 т., виленской 2 т., гродненской 1 т., в костромской 300 д. и в С.-Петербурге 3 т. д. С добавлением этих 31300 д. к цифре В.В. Радлова получится 1064694 д. татар, всего башкир и татар 2064294 д. Что касается башкир, то у П.П. Семенова (том 3, вып. 1866 г.) приведено по 10 ревизиям всего 569425 д. мужск. пола, число же душ обоего пола предположено примерно башкир 575 т., мещеряков 125 т. и тептерей 300 т., всего до 1 млн. д.¹

Конечно, в настоящее время численность башкиров и татар значительно больше. Так, напр., в оренбургской губернии в 1894 г. считалось («Правительственный вестник» 1896 года, № 28) башкиров 229877 и тептерей 21628, итого 251505 д. вместо значащихся у В.В. Радлова 223871 д.; татар в казанской губернии, вместо вышепоказанных 482709 д. теперь более 600000 душ. («Казанский телеграф», в апреле 1896 г.); в уфимской губернии башкир и татар, вместо 709465 д., считалось в 1893 г. 1081755 д. магометан («Правит, вестник», 1895 г., № 221) и т. д. С этими тремя добавками численность татар и башкиров достигает 2581500 д.

3) Чуваш

К числу тюрков восточной России относят еще чувашей, обитающих в казанской, симбирской, саратовской, уфимской, оренбургской губерниях. Полагают, что они были известны арабским писателям под именем буртасов и представляют собою очень древнюю помесь тюрков с черемисами. Они говорят особым языком, основу которого составляют преимущественно тюркские слова и корни, но грамматические формы и изменения звуков выработались в нем под сильным влиянием финно-угорских языков².

Численность чувашей, по «Географическо-статистическому словарю» П.П. Семенова (том 5, вып. 5, 1883 г.), показана в 539200 д. обоего пола, а именно в губерниях:

казанской	350900 д.
симбирской	92000 «
саратовской	53000 «
уфимской	31900 «
саратовской	10000 «
оренбургской	1400 «

Вамбери считает чувашей до 600 т. душ³

¹ «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона (том 3, 1891 г., стр.235) считает одних башкиров 575 т. д., очевидно следуя предположению П. П. Семенова и не имея более точных и современных сведений.

² Vambery - Das Türkenvolk etc., 1885, s. 466-476.

³ The Turco-Tatars, 1892.

VIII. Юго-западные тюркские народности. Османские и иранские тюрки

Если древние персы взяли в качестве общего названия для кочевников, обитавших за Сыр-дарьей и вообще на севере иранских земель, имя одного из племен этих кочевников, то всего вероятнее считать таким племенем се или сай, которое, по китайским известиям, занимало западный Тяньшань до половины второго века перед Р. Х. и в это время нашествием юечжей было вынуждено удалиться, через Памиры и верховья Аму-дарьи, на Инд и в восточный Афганистан. В западном Тяньшане остатком этого племени является, по-видимому, каракиргизское поколение саяк. Китайцы признавали народ се похожим по обычаям и одежде на усуней. Вероятно, это тюркское племя, как указывает и имя у персов: сака, кажущееся тождественным с сагаи на Енисее и с аха на Лене. Другое, также за 130 лет до Р. Х. найденное на Сыр-дарье китайским посольством Чжан Цяня, тюркское племя было кангюй, конечно, канглы, непрерывное существование которого можно проследить, по историческим известиям до настоящего времени, все на Сыр-дарье. По истории династии Хань (202 г. до Р. Х. - 25 г. после Р. Х.) кангюйцев было 120 т. семейств в числе 600 т. душ¹. Кангюю подчинялось в то время пять вассальных владений, соответствующих нынешнему Ташкенту, Самарканду, Кермине, Бухаре и Хиве². Это показывает, что, во-первых, канглам принадлежала главная роль в совершенном, по известиям древних европейских писателей, скифами или саками отнятии Согдианы у греко-бактрийских царей и что, во-вторых, это подчинение Кангюю земель по Зеравшану и Харезму совершилось за немалое время до путешествия Чжан Цяня, который замечал³, что Кангюй «по малосилию своему, признает над собою на юге власть юечжисцев»: конечно тут имеется в виду не собственно Кангюй, а его находящиеся на юге вассальные владения на Зеравшане, которые должны были подчиниться юечжю, овладевшим соседней Бактрианой и имевшим свою столицу на правом берегу Аму-дарьи, вероятно на Кашка-дарье. Овладение Согдианой почти за два века до Р. Х. и вассальные затем отношения земель по Зеравшану и Харезму к Кангюю дают достаточно оснований полагать, что с того же времени канглы-кочевники распространили свои кочевки на левый берег Сыр-дарьи и до Аму-дарьи, если их ранее еще не было за Сыр-дарьей. Численность и значение тюрков в Мавераннахре должны были много усиливаться с половины VI века, когда господство над страной юечжей, именовавшихся позднее кушанами и ефталитами, сменилось владычеством западно-тюркских ханов. В конце VII века и в VIII сопротивление местных владетелей завоеваниям арабов почерпало свои силы и продолжительность главным образом в помощи тюрков, приходившие из-за Сыр-дарьи войска которых наносили не раз арабам сильные поражения. Утвердившаяся в Мавераннахре династия саманидов надолго остановила движение тюрков за Сыр-дарьей, но при ее упадке карлыки из Кашгарии овладели в начале XI века Ферганою и землями по Зеравшану. Последние саманиды находили против карлыков поддержку у обитавших уже в значительном

¹ «Собрание сведений» и пр., III, стр. 56.

² Я не могу войти здесь в подробности и изложить доказательства.

³ «Собрание сведений» и пр., III, стр. 6.

количестве между низовьями Сыр-дарьи и Аму-дарьей туркских кочевников, начинавших объединяться под предводительством сельджукидов. Сельджук, по Рашид-эддину, происходил из племени канглы. К родам того же племени и к кипчакским принадлежали без сомнения и кочевавшие на юге Сыр-дарьи турки, с силами которых и при помощи, вероятно, множества искателей добычи и счастья из-за Сыр-дарьи из племен тех же канглов и кипчаков, внуки Сельджука овладели около 1035 года Мервом и начали завоевание всей западной Азии¹.

Империя сельджукидов распалась в конце XI столетия. Западные ее обломки, однако, успешно боролись с Византией и крестоносцами, пока, уже в XIV веке, не объединились под владычеством османидов², которые завоевали Балканский полуостров и овладели, наконец, Константинополем. Так как значительного притока новых туркских элементов в Анатолию, сколько известно, не было за исключением перехода небольшой части иранских турков во время нашествия монголов, то османские турки представляют собой помеси приведенных сельджукидами в Малую Азию и северную Сирию турков намеченного выше происхождения с туземным населением Армении, Анатолии, Сирии и Балканского полуострова. При общности веры и языка, нынешние османские турки сильно различаются по местностям своим

¹ По «Тарихи-Гузидэ» (Journal asiatique, 1848, vol. XI, p. 421), Сельджук «перешел из Туркестана в Мавераннахр, по причине недостатка пастбищ», в 375 г. гижры (985-6 по Р.Х.). По другим мусульманским писателям (Bibliothèque orientale d'Herbelot, La Haye, 1779, t. III, p. 292-295), Сельджук, сын Доака или Докмака, состоял при дворе местного туркского князя Бигу, и имея много родственников, приобрел большую силу, что возбудило опасение в самом князе; тогда Сельджук бежал на левый берег Яксарта во владения саманидов. Можно поэтому поводу иметь в виду, что и теперь есть весьма известная местность на р. Чу с именем Токмак; что Бигу близко к богу, одному из главных поколений каракиргизов, и что около Токмака и Пишпека обнаружено существование несторианских кладбищ, надписи на которых относятся к XIII и XIV столетиям; между тем дети Сельджука носили имена Михаил, Израиль, Юнис, Мусса, частью неупотребительные между мусульманами, почему давно уже существовало предположение, что Сельджук, ранее обращения в мусульманство, за Яксартам был христианином.

² По Небри, одному из старейших османских историков (писал он около 980 г. гижры, т.е. 1485 по Р.Х.), «около времени, - когда Султан-Махмуд, сын Себюк-тегина, переселился в Хорасан дом Сельджука с почти 100 т. турков, - водворилось в Армении в стране Ахлат родственное с означенным домом, богатое скотом и другим имуществом, туркское племя, происходившее от Кок-альп-хана, и осталось в этой стране в продолжение почти 170 лет, до нашествия Чингиз-хана». При появлении монголов, после 616 г. гижры, вождь этого племени Сюлейман-шах с 50 т. семей кочевников перешел к Эрзеруму во владения иконийских сельджукидов. Вздумав через несколько лет вернуться на прежние места, Сюлейман-шах утонул на пути в р. Евфрате, племя же его рассеялось по разным странам. С сыном его Ертогрулом осталось 400 семей кочевников, с которыми он, наконец, овладел Караджи-гиссаром близ Ангоры, сын же его Осман положил основание османской империи завоеванием Бруцсы в 699 году гижры (Nöldeke, Auszüge aus Neschri's Geschichte des Osmanischen Hauses, в Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, B. 13, Leipzig, 1859, s. 188 и след.). Небри производил Османа от Кок-хана, сына Огуз-хана, потомка Иафета, но по особой от сельджукидской линии (там же, s. 18-187). По д'Оссону (Histoire des Mongols etc., 1834, t. I, p. 293), пользовавшемуся более поздними источниками, «в эпоху, когда монголы вторглись в Хорасан, небольшое племя туркменов, именуемое сауи-канли и обитавшее в округе Махан близ Мерва-шахиджана, оставило эту свою землю из страха перед этими страшными врагами; оно переселилось на запад и водворилось в страну Ахлат в Армении. Когда восемь лет спустя монголы пришли опустошать и эту страну, кайи-канглы ушли в Малую Азию. Ертогрул, бывший главою этого племени, состоявшего из 440 семейств, получил от сельджукидского султана Рума волость близ Ангоры, на границе с греческой империей, с титулом удж-бея, соответствовавшим титулу маркграфа. После его смерти этот лен, увеличенный несколькими завоеваниями у греков, перешел в обладание его сына Османа или Отмана, который в 1300 г., после разрушения монголами государства сельджукидов Малой Азии, - когда правители областей этого царства обратили свои лены в государства, - объявил свою маленькую землю независимой, принял титул султана и сделался основателем османской монархии». Итак, основу турецкой империи заложили турки племени канглы рода кайи, который и ныне существует у туркменов, как увидим ниже.

физическим типом, в зависимости от народностей, которые были отуречены, и от густоты тюркской крови в помесях, которая в некоторых местностях, как на Балканском полуострове, была совершенно незначительна. Само собой разумеется, что у оседлых османов от родового быта могут быть теперь найдены разве самые слабые следы, а родовые деления и имена совершенно исчезли. Кочевой образ жизни сохранили только так называемые юрюки Айдина, в числе 200 т. душ, и туркмены и юрюки около Смирны, в числе до 300 т. д. Есть у них и роды, имена которых обнаруживают родство этих тюрков с азербайджанскими или иранскими тюрками и туркменами; таковы имена родов каджар (существует и в Персии, где из него происходит властвующий дом), кара-теккели, сары-теккели (видимо, ведущие свое начало от туркменского племени текке), бурхан, нарынджали (тождественны с родами тех же имен у туркменских иомудов) и пр.¹

Численность османских тюрков Вамбери полагает в настоящее время приблизительно в 10000000 душ об. пола².

Основую тюркского населения Персии и Закавказья послужили также сельджукидские турки, но к ним во второй половине XIII века присоединилось немалое число тюрков и монголов армии Гулагу-хана, которая, по Рашид-эддину, состояла из двух человек на каждый десяток воинов Монголии и улусов Джучи и Джагатай, полученных из войска Чингиз-хана его сыновьями и родственниками³. В именах главных тюркских племен Персии и Закавказья, однако, почти не сохранилось указаний на их основное происхождение. Имена эти следующие: каджар⁴, аушар, шахзевен, бегдилли, кара-папах, кашкай, аллаверды, каракоюнлу, джанбеглу, узанлу, абулхасанлу, кенгерлу, джерруз, келлекул, ходжа-али, шейхлу, баят, килидж, джелаир и пр. Из этих имен ходжа-али, бегдилли, кенгер, баят, кашкай встречаются между родовыми именами туркменов⁵; килидж есть имя древнего тюркского племени, джелаир есть след наслоения монгольской эпохи, остальные же суть видимо имена родовых союзников и делений, образовавшихся на иранской и закавказской почве.

¹ Vambery - Das Türkenvolk etc., 1885, s. 606. есть еще в Анти-Тавре номады авшары, прибывшие по их преданиям из Хорасана, где действительно есть тюркское племя того же имени, и около Аданы ногайцы, переселившиеся из России в числе 20 т. киб., из которых теперь осталось едва 2 т. киб. (там же, s. 607).

² Там же, s. 619. Все население Оттоманской империи, по официальным сведениям 1888 года, равнялось 28871075 д. о. п., в том числе в Аравии 6 м. д., в европейской Турции 4891075 д. и в Триполе 1300000 д. (La Turquie d'Asie par Vital Cuinet, 1.1, Paris, 1892).

³ Histoire des Mongols etc., par d'Ohsson, 1834, t. III, p. 135.

⁴ По сказаниям астрабадских каджаров («Очерки Туркмении» и пр., борона Боде, стр. 151), Каджар-хан сопровождал мифическому Огуз-хану в его завоеваниях и поселился в округе Диарбекира и Ерлата, откуда впоследствии перешел в Аз ербайджан и на Араке. «Летопись каджаров» производит их от Каджар-нуяна, сына Сертак-нуяна, полководца Гулагу-хана (Dorn, Reise nach Masanderan, St.- Petersburg, 1895, s. 90, 91).

⁵ Vambery - Das Türkenvolk etc., 1885, s. 569-579. В своих «Историко-этнографических очерках бакинской губернии» (Russischen Revue, 1879, 12 Heft, s. 496-498) г. Зейдлиц приводит следующие имена селений, получивших свои названия от тюркских родов, в них водворившихся: кенгерлу, куман или куманлу, карабюрк, лек, баят (три деревни), каджар, кара-коюнлу, и пр. По своей численности в бакинской губернии имеет значение племя шахзевен, которое в числе 3490 киб. зимует в Муганской степи, а летует в персидских пределах в горах близ Ардебеля.

Численность тюрков Персии, обитающих преимущественно на севере, Вамбери полагает в 2 м. д., считая, что они составляют треть населения всего государства¹. В Закавказье (в губерниях тифлисской, эриванской, елизаветпольской, бакинской, дагестанской и в закатальском округе) число азербайджанских татар определилось по посемейным спискам 1886 года в 1139659 д. о. п., в том числе 643822 д. муж. пола и 495837 женского. С добавлением 28366 д. кара-папахов (в карсской области) и 70000 д. османских турков (в карсской области и кутаисской губ.), общее число юго-западных тюрков в Закавказье составит 1238261 д. о. п., немного более 26% всего населения края². Вамбери (1885 г.) считал 1 м. д.

IX. Туркмены

Вамбери, ознакомившийся с туркменами во время своего известного путешествия в среднюю Азию, делит их на следующие племена³:

1) Чаудуры и имрайли⁴ суть, вероятно, остатки обитавшего в XVI веке на восточном побережье Каспия сильного тогда племени адали-туркменов⁵; теперь они обитают в северо-западной части хивинских владений, имя подразделений: абдал, игдыр, эссенлу⁶, карачаудур, бузачи, бурунчук и шейх⁷.

2) Иомуты, обитающие частью на р. Гургене в персидском и русском подданствах, частью в юго-западной окраине хивинского ханства, состоят из четырех главных ветвей: атабай (в числе его отделений заметим тана), джафарбай, шериф-чуни и огурджали (есть отделение гирай)⁸.

3) Гоклены обитают по р. Атреку, главным образом в персидском подданстве⁹.

4) Текке (каменный баран), все в закаспийской области, состоят из двух отделов: ахал-текке и мерв-текке (по местностям). В первом есть деления көкче, салик, ясман,

¹ Das Türkenvolk, s. 592.

² «Записки кавказского отдела И. Р. географического общества», книжка 18, 1895 года, приложение, стр. 23 и 45. Цифра кара-папахов относится к 1893 г. («Правит, вестник», 1896 г. № 74). Османских турков в карсской области в том же году 47196 (там же).

³ Das Türkenvolk etc., Leipzig, 1885, s. 391-402.

⁴ Чаудур, по объяснению Вамбери, значит жеребец, ржущий, а имрили означает народ Имр'а.

⁵ Адали или адакли значит, по Вамбери, островной от ада - остров. Имя это мне кажется тождественным с адай, байулинским родом малой орды.

⁶ По сказаниям, приведенным М.Н. Галкиным («Этнографические и исторические материалы по средней Азии и оренбургскому краю», Сиб., 1869 г., стр. 6), у Эссен-лу были сыновья Игдыр и Чаудур и три приемыша Абдалла, Бурунчук и Бузачи; он приводит ветви родов этих имен, из которых обращают внимание токмак и ак-дуглат у абдалла и сары и куся у игдыров.

⁷ Н.Г. Петрусевиц («Записки кавказского отдела И. Р. геогр. общества», книжка XI, стр. 3) называет выше Чарджау, в 45 в., по Аму-дарье, отделения чоудоров саят и эски.

⁸ Иомут, по Вамбери, происходит от древнего слова иом, значащего народ. По барону Боде («Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря», стр. 87), ямуды делятся на четыре отдела (шериф, чуни, кучук-татар и байрамшали), которые подразделяются на тире, т.е. стрелы, которых имена также им приведены.

⁹ Гоклен или көклен, по Вамбери, значит жирный, богатый, иногда зеленый, синий. Имена отделений гокланов, в том числе гаи, приведены у г. Петрусевица (там же, стр. 10 и 11) и в «Обзоре закаспийской области с 1882 г. по 1890 г.», Асхабад, 1892 года, стр. 25), а также у барона Боде 9 стр. 92). По последнему, гокланы происходят от двух братьев Додурга и Алдидагли; из числа родов от первого заметим керкес (ср. с керкес малой орды), кучек; от второго, между другими, чекир-бегдели. По М.Н. Галкину (стр. 7), у гокланов есть между прочими роды кыррык и кетя (кырк и китя?).

мириш, конгур и пр. Мерв-текке делятся на тохтамыш и утемыш; в первом отделении бек и векиль¹, с подразделениями в последнем көкче, кан, конгур, ак- и кара-векиль; утемыш имеет отделения сичмаз и бахши.

5) Сарыки, на среднем течении Мурхаба, имеют ветви херзеги (одно из делений носит имя канли-баш), хорасани, алишах², сыхты, байрач.

6) Салоры, или салуры, или, вернее, салыры, считаются древнейшим из туркменских племен, ибо Салор назван в числе внуков мифического Огуз-хана у Абулгази и Рашид-эддина. Верно, что в VII веке они уже встречены, как видно из исторических источников того времени (к сожал., не указанных), были достигнувшими до Амур-дарьи арабами. К 80-м гг. они обитали частью с текке, частью с сарыками, частью в персидских, бухарских и авганских пределах. Отделы их: ялавач, караман и анабелеги³.

7) Ерсари по берегам Аму-дарьи около Чарджуя, Бурдалыка и Керки⁴.

Народные сказания туркмен о происхождении их племен довольно разноречивы. Так, по барону Боде⁵, различая туркмен чистей крови, ик, от рожденных от пленных персиянок, гул (куль)» ямуды и гокланы производят себя от сыновей Туркмена по имени Ямуда и Гоклана, родившихся от свободной женщины Ик, Текке же по их мнению рожден от рабыни. По приводимым М.Н. Галкиным легендам⁶, туркмены происходят от Уз-хана, у которого было два сына Ессен-хан и Сеюн-хан; от первого пошли гокланы и ессен-или, от Сеюна же остальные одиннадцать туркменских племен: тек, ямуд, ерсары, салор, саррык, сакар⁷, уи, аймак, кара-дашли, ал-или и амр-или.

¹ Этот род векиль мне кажется тождественным с родом вокиль или укиль, к которому принадлежали болгарские князья, заменившие в VIII веке прежнюю династию из рода дуло. См. "Сочинения" Гильфердинга, том I, СПб., 1868 года, стр. 20-23.

² У Н.Г. Петрусевица («Записки кавк. отдела», кн. XI, 1880 г., стр. 38) вместо алишах стоит аляша.

³ У г. Петрусевица имена отделов отличны, именно кипчагы, т.е. кипчак, как читает Вамбери, - дизарду-ходжа и караман-ловач. По М.Д. Евневичу (рукопись И. Р. географического общества «Нравы и обычаи туркмен-салыров», на основании сведений, собранных в 1892 и 1893 гг.), салыры делятся на три рода: караман (его деления огруджикли, бек-гезен и алэн, имеющие еще подразделения), ялавач (ордуходжа, даз и бек-сакар с подразделениями) и киче-ага (киче-ага и беш-урук с подразделениями). На р. Теджене, около старого Серакса, их около 2200 киб. «У салыр нет особых родовых знаков собственности, служащих с тем вместе и знаками происхождения. Каждый хозяин употребляет самые разнообразные знаки, самой произвольной формы, какая придет в голову... Эти знаки вырезаются или выжигаются на ушах верблюдов, лошадей, ослов, овец, коз и пр., а также знаки ставятся на котлах, на чашках, даже и на арбузах и дынях». В числе данных для примера 11 изображений этих знаков оказалась тамга кипчаков.

⁴ «Этнографич. и историч. материалы» и пр. (стр. 7) М.Н. Галкина называют у сарыков и ерсары в числе родов алача.

⁵ «Очерки» и пр., стр. 67.

⁶ «Этнограф, и историч. материалы» и пр., стр. 5.

⁷ Племя сакар упоминали ранее Борис (на Оксе, в числе восточных туркменских племен, см «Путешествие в Бухару», Москва, 1849 г., том 3, стр. 349) и Вамбери, считавший и считающий сакар ветвью теке, отдела бакши (в описании путешествия в среднюю Азию и в Das Türkenvolk, s. 396). По сведениям ген. Петрусевица, туркменское племя сакар обитало на Аму-дарье, по левому берегу, верстах в 25 выше Чарджуя, в числе до 3 т. кибиток («Записки кавказского отдела» и пр., том XI, 1880 г., стр. 3). Этот род или племя сакар интересно в том отношении, что подтверждает своим именем остроумную догадку Гутшмида о том, что кангюцы китайских историков были не кто иные, как сакарауки или сакараулы древних греческих и римских писателей, главный, по-видимому, из тех скифских народов, которые разрушили греко-бактрийское царство (Geschichte Iran's etc., 1888, Tubingen, s. 58, 70-73). Догадка эта верна, потому что подкрепляется многими данными и обстоятельствами, которые не могут быть здесь из-

Другие называют родоначальником всех тринадцати племен Сеюн-хана, имя которого служит ураном при отражении чужеземцев общими силами всех племен. По «Обзору закаспийской области с 1882 по 1890 г.»¹, текинцы производят себя, иомудов, салыров и ерьсари от Салыр-Казана и думают, что были выведены Тамерланом из Арабистана, обитали около Бухары и Хивы, перешли в Балаханские горы и только после Надыр-шаха заняли ахал-текинский оазис; по другим сказаниям, туркмены обитали сначала в Фергане и выселились оттуда 200 лет назад к Бухаре и Хиве и т. д. Гокланы происходят, по их сказаниям, от Каи-хана, сына Гюн (Кюн)-хана, сына Укуз-хана, обитавшего 5 тысяч лет тому назад на Иссыккуле².

В 1894 году В.В. Бартольд издал в VIII томе «Записок восточного отделения И. Р. археологического общества» текст и перевод одного из 12 эпических рассказов, составляющих содержание рукописи Дрезденской королевской библиотеки «Книга о моем деде Коркуде, на языке племени огузов». Коркуду этому приписывается там происхождение из племени баят³ и жизнь его относится ко времени, близкому к эпохе Магомета. Действие рассказов происходит в Армении. В числе рассказов один называется «Кан-Турали, сын Канлы-коджи», другой «Амран, сын Бекиля», третий «Шекрек, сын Ушуи-коджи»⁴, несколько рассказов относятся до Салор-Казана и его сына. По поводу этого труда г. Бартольда А.Г. Туманский сообщил, что в неизданной рукописи ташкентской публичной библиотеки «Родословная туркмен» Абул-гази-хана, автора известной «Родословной тюрков», говорится, что огузово племя, покинув свою родину, - страну Иссыккуля, Алмалыка, Сейрама и гор Олуг-таг и Кечик-таг, - поселилось в низовьях Сыр-дарьи. Здесь трое ходжей, в числе которых был из племени кай (см. выше упоминаемый г. Петрусевичем у гокланов род гаи), провозгласил ханом

ложены по недостатку места, но следует, между прочим, считать настоящим именем не сакараук, к которому склонялся Гутшмид, а сакараул, ибо на эту форму указывает имя обитающего ныне в соседстве с сакарами туркменского племени бекаул упоминаемого ген. Петрусевичем на правом берегу Аму-дарьи (указанные «Записки», том XI, стр. 3). Вероятно, парфяне распространили на весь кангуйский народ имя сакараулов потому, что имели из всех кангуйских родов непосредственные столкновения главным образом с сакараулами, которые отняли у парфян захваченную было ими у греко-бактрийцев Маргиану. Ввиду всего этого существование на Аму-дарье до настоящего времени рода сакар показывает, что части тюркского племени канглов принимали за Аму-дарью более чем за полтора века до Р.Х. и не удержались здесь до наших дней.

¹ Асхабад, 1892 года, стр. 13-15, 26. В тексте и двух таблицах здесь же сообщены сведения о родовых делениях туркменских племен, с большими подробностями о подразделениях теке и иомудов. В числе помещенных тут отделений у теке надо заметить бегендык и сунджик, очевидно из тех самых родовых союзов племени средней орды аргын, которая там называется бегендык и сундык.

² К «Обзору закаспийской области за 1890 год» (Спб., 1892 г.) приложены две родословные таблицы. По первой у Салор-хана, сына Гусейн-хана, показаны сыновья: 1) Эрсари (род его в Бухаре и авганских владениях), 2) Иомуд, у него сын Джафар, имевший сына Джани с сыновьями Ак-Атабай и Шериф, у коего дети Ярала и Нурала, 3) Теке с сыновьями Отамыш (от него Сычмаз и Бахши), Тохтамыш (сыновья Бек и Векиль), Явкамыш или Сарык (дети Алаша и Пулат-шах), 4) Шах-джань с сыном Салур-Казан, от которого Караман, Яловач и Кичиага. По второй родословной у Гасан-хана значатся дети: 1) Гоклан с сыновьями Гал-хуки (у него Аккель, Ел-анги и Каракель) и Додулга (дети Карик и Бояндур), 2) Човдур с сыновьями Кара (род в Хиве), Абдаль (дети Огри, Менгли-Ходжа, Дали, Курбан) и Игдыр (дети Кумлы, Кечи Гёз, Гусейн и Джаджи), 3) Имык (в Бухаре), 4) Али-эли с сыновьями Бек-Тепе и Мовдур, 5) Гай, Арвачи, Баят Агяр (все в бухарских владениях).

³ Род баят или баяут был родом канглов, как известно из упоминаний о том, что мать Султан-Мухаммед-Харезм-шаха принадлежала к роду баяут племени канглы. Упоминается род баяу у канглов и китайскими известиями XIII века (Bretschneider-Mediaeval Researches, vol. I, p. 303).

⁴ Кан, канлы, бекиль, ушун соответствуют именам канглы, векиль (род у теке) и усунь или уйсунь.

некоего Иналь-Яви, тоже из племени кай. Это происходило в эпоху аббасидских калифов. О Салор-Казане у Абул-гази говорится, что он жил триста лет после пророка и был богатырь, воевавший между прочим с племенем беджне, в котором г. Туманский основательно видит печенегов. Предание приписывает этому же Салор-Казану обращение огузова племени в ислам и реорганизацию родового устройства¹.

Приведенные народные сказания в значительной степени согласуются с историческими известиями и основанными на них выводами о происхождении туркмен и юго-западных тюрок, с другой же стороны, и сами могут служить к некоторому выяснению того же предмета. Так, земли кангов, от которых по историческим данным должны происходить туркмены, еще за 100 и более лет до Р. Х. обнимали степи от оконечности западного Тяшпыаня за Улу-тау и Кичик-тау (нынешнее произношение названий Улуг-тага и Кечик-тага), ибо, по словам Чжан Цяня, «Кангюй смежен с Даванию»² (Фергана), так что окрестности Сайрама служили уже кочевками канглов, в Улу-тау же, как уже упоминалось выше, были летовки государя Кангюя. Исыккуль и долина р. Или (Алмалыг средних веков) принадлежали усуням, но не невозможно, что, после распада усуньского союза после Р. Х. и вступления усуньских родов в союзы с родами канглов, часть последних имела кочевки в окрестностях Исыккуля и даже в илийской долине. Имя канглов для совокупности тюркских родов, занимавших земли по Сыр-дарье, держалось еще в 568 году, когда Зимарх ехал землями холиатов, т. е. канглиатов, незадолго подчиненных ханами тюрок-туюо. Имя гузов, т. е. огузов, появилось для родов канглов в низовьях Сыр-дарьи, по обе ее стороны и далее на запад, по-видимому, уже во времена арабских географов. Легенды об Угуз-хане встречаются не только у туркмен, где ими пользовались Рашид-эддин и Абул-гази, но и у уйгуров, судя по изданному В.В. Радловым переводу отрывка рукописи уйгурского письма из библиотеки Шефера. Имя огузов носили не только гузы, но и многочисленные роды в Монголии по Селенге, как видно из тюрко-орхонских надписей на памятниках Кюль-тегина и Могилян-хана. Распространенность родового имени огузов и легенд об Огуз-хане всего вероятнее и проще объясняется существованием у древнейших тюрок культа быка (огуз), как вообще у первобытных народов боготворились животные или непосредственно, или через культ духов предков, носивших имена животных. Ясные следы культа животных существовали еще во времена Рашид-эдина, который повествует о присвоении каждой из 24 ветвей потомства Огуз-хана «известного животного, чтобы это было их онкон.... И обычай таков: на все то, что служит онконом какого-либо племени, - так как они назначили это для предзнаменования благополучия, - они не нападают, не притесняют, мяса его не едят. И поныне смысл этот твердо держится, и каждое из тех племен знает свой онкон»³.

¹ «Записки восточного отделения И. Р. археологического общества», том IX, Спб., 1896, стр. 269-272.

² «Собрание сведений» и пр., III, стр. 6. В 102 г. до Р. Х., осаждая столицу Давани, китайцы опасались нападения соседних кангюйцев, которые собирались подать помощь даванцам (там же, стр. 27).

³ В.В. Радлов «К вопросу об уйгурах», Спб., 1893 г., стр. 38 и 39.

Принятие имени своего онгона, огуза, родами канглов и кипчаков на нижней Сыр-дарье и западнее в качестве общего племенного или союзного имени в VIII-X веках объясняется, быть может, тем, что союз этот, будучи независим от властвовавших над восточной частью канглов карлыкских ханов, не мог продолжать именоваться канглами, так как значительное количество последних подчинялось карлыкам, не мог также именоваться тюрками, ибо в сущности это имя было чуждо канглам и принадлежало туркам-тукю, и потому принял, конечно, постепенно, именование огузов по распространенному в нем прежнему культу и сохранившемуся онгону.

Одним киргиз-казачьим преданием в низовьях Сыр-дарьи приписывается святому Хорхуту одна тамошняя могила¹, так что Коркуд, по-видимому, не вымысел, а действительно существовавшее между турками нижней Сыр-дарьи лицо, быть может, какой-нибудь особенно прославившийся мудростью влиятельный бий. Ввиду исторических известий о вытеснениях печенегов из степи гузами, бои Салор-Казана с беджне могут быть памятью о действительном историческом факте. Во всяком случае, существование у тюрков Армении «Китаби-Коркуд» подтверждает, что османские турки действительно происходят от родов, обитавших ранее на Сыр-дарье и унесших оттуда легенды о Коркуде и пр.

В именах нынешних главных туркменских племен нет показывающих их алтайское древнейшее происхождение. Это, стало быть, имена родовых союзов, образовавшихся уже на Сыр-дарье или по переходу от нее на юг и запад. Однако в именах более мелких родовых делений, отмеченных мною курсивом, немало родов канглов и кипчаков, а также и других тюркских племен, указывающих на их участие в образовании туркменской народности.

Численность туркмен Борис определяет в 140 т. киб. («Путешествие в Бухару», ч. 3, Москва, 1849 г.). М.Н. Галкин предполагал (1869 г.) 350 т. кибиток или 1750000 душ о. п.². Вамбери оценивал цифру чаудуров в 60 т. д., иомудов в 200 т., гокланов в 15 т., теке в 400 т., сарыков в 60 т., салоров в 28500 д., ерсари в 200 т., всего с 16141 д. туркмен сыр-дарьинской области и астраханской губернии в 979041 д. о. п. По «Обзору закаспийской области с 1882 по 1890 г.» считалось теке в асхабадском, мервском и тедженском уездах 34960 киб., в числе 182301 д., сарыков в мервском уезде 8196 киб. и 27216 д., салыров 2824 киб. или 13924 д. в том же уезде и остальных туркменских племен в уездах красноводском 3151 к. или 25755 д. и в мангышлакском (гокланы главным образом) 891 к. или 3910 д., а всего в области туркмен 50022 к. или 243106 д. о. п. По «Обзору» за 1893 г. (стр. 41) 255597 д. В аму-дарьинском отделе, по проекту отчета госп. Кауфмана 1881 г., до 6 т. д. И. Л. Яворский считает всех туркмен в закаспийской области, аму-дарьинском отделе, бухарских, хивинских и авганских владениях до 500 т. душ³. Так как в закаспийской области 255597 д. туркмен, в аму-дарьинском

¹ «Труды восточного отделения И. Р. археологического общества», часть 4, стр. 283.

² «Этнографические и исторические материалы» и пр., стр. 17.

³ «Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 г.», вып. 2, Спб., 1895 года, стр. 17 и 18.

отделе должно быть более 6 т. д., в хивинском ханстве оказывается по новейшим сведениям 30750 киб. или дворов, т. е. около 153750 д.¹, да в бухарских владениях по Аму-дарье надо полагать не менее 50 т. душ, в авганских такое же приблизительно число и в персидских, по крайней мере, 30 т. душ, то численность туркмен должна быть не менее 545347 д. о. п.

Х. Узбеки

Имя узбеков первоначально давалось тюркским племенам восточной части джучиева улуса для отличия их от джагатайцев или племен улуса джагатаева. Ранее Узбек-хана, царствовавшего с 1312 по 1342 г., оно не встречается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало от имени этого государя, памятного как по продолжительному тридцатилетнему царствованию, когда привыкли называть его подданных узбековцами, так и по утверждению между кочевыми его подданными мусульманства. Во второй половине XV века, когда отложившиеся части тюркских родов приняли именование вольницы, казаков, оставшиеся верными Абул-хаир-хану и его потомству части тех же родов удержали название узбеков. Сохранилось оно за приверженцами шейбанидов и тогда, когда они очистили пределы джучиева улуса, перебравшись в Мавераннагр в дружинах Шейбани-хана и его наследников. Узбеки Мавераннагра составились таким образом из частей тех же тюркских племен, главные массы которых вошли в состав киргиз-казаков, но в составе узбеков играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренных монголов и северо-восточных тюркских племен, составлявших «полк» Джучи, и жившее службою ханам и вообще чингизидам служилое сословие. Сверх того в состав узбеков, уже в Мавераннагре, не замедлили, конечно, войти перешедшие на службу победоносных шейбанидов местные тюркские племена, служившие дотоле тимуридам².

Вследствие такого исторического происхождения узбеков количество родов у них весьма значительно. По заверению Хорошхина, число узбецких колен или «баулы» народные сказания определяют в 92; он приводит их имена (напрасно повторив некоторые по два раза для достижения цифры 92³). Н.В. Ханыков еще ранее (в «Описании бухарского ханства», Спб., 1843 года) привел по туземному источнику («Нассяд-намяти-узбеккия») 97 имен узбекских родов. По заверению Л.Н. Соболева, «многие из имен родов, как укум, аучи, кар-тау, митан и др., называются по месту своего жительства. Это мелкие племена. Некоторые же более сильные роды, каковы

¹ П. Кузнецова «О хивинском ханстве» в «Спб. вед.», 1896 г. № 128. По «Правит, вестнику» 1896 г., № 170, в закаспийской области в 1894 г. считалось 256861 д. о. п., «Алфавитный список народов» дает за 1892 г. 253800 д. в закаспийской области, 9 т. в карской и 1900 в ставропольской губ.

² В случайных перечислениях и упоминаниях отличившихся особыми подвигами шейбанидских дружинников достаточно ясно отражается такой весьма смешанный состав шейбанидских дружин или узбеков. Так в «Шейбаниаде». изд. в 1813 г. проф. Березиным, встречаются имена родов и племен: маджар, уйшун, татар, уйгур, кунграт, салур-казак (с отметкою «из дальнего Туркестана»), дюрмен, ямалик, отаджи, кият, найман, а в «Шейбани-намэ», изд. Вамбери в 1885 г., имена: сихиут, кият, кунграт, боркут, манкит, найман, дюрмен, ушун, кушу, джелаир, карлык, солдуз, нөкюз, татар (см. Vambery, Das Türkenvolk etc., 1885, s. 318, 319).

³ «Туркестанские ведомости» 1871 года, № 9, 10. Указав места обитания 42 родов, Хорошхин писал, что остальные роды нужно полагать за Аму-дарьей или в хивинском ханстве.

мангыты, минги, кипчаки, найманы, туркмены, юзы, кара-калпаки, кенегезы и др., распространенные на более значительном пространстве, сохраняют более прочно свои названия, но зато отделения их и подотделения принимают часто особые названия и возводятся на степень новых родов»¹.

Обстоятельные статистико-этнографические сведения об узбекских родах имеются пока только по бывшему зеравшанскому округу, благодаря труду А.Д. Гребенкина, напечатанному в № 29-42 «Туркестанских ведомостей» за 1871 год. Сведения эти относятся к следующим 20 главным родам: туюклы, в числе до 20 т. душ обоего пола, имеют в числе отделений молла-кесек и мирза-кисек; митаны, до 10 т. д., отзываются о себе: «мы ногаи, а не узбеки»; найманы, в числе до 18 т. д., в трех отделениях: коштамгалы, ухтамгалы и садыр-бек («кунград и найман, по их словам, дети одного отца-Козак»); уйшун, в числе до 500 д., в трех отделениях: учаклы, кузьтамгалы и ирганаклы (утверждают, что кроме Зеравшана их рода нигде нет, пришли же они сюда в то отдаленное время, когда 92 узбекских племени брали Самарканд); кутчи², именующие себя выходцами из Кашгара; катаган, до 450 д., пришли, по их словам, из Кундуза при Абдул-Газисе, имеются еще в Гиссаре и Шахризабсе, зовутся соседями бекзат, т. е. людьми бекского рода; сарай, в числе до 2 т. д., есть еще в Балхе; багрины, до 2 т. д., пришли из Ферганы; юз или юс, до 2600 д., с отделениями ктай-юз и др.; кырк, до 900 д., пришли 42 года назад из Джизака; минг или мын; ктай, до 45 т. д., прибыли вместе с кипчаками 198 лет назад из Дешт-Кипчака при Субханкул-хане; кипчак, до 24 т. д.; кара-калпак, до 15 т. д., прикочевали столетия назад тому из-под Ташкента; туркмен до 4 т. д., из племени теке, но пришли из Нураты, а туда из окрестностей Туркестана, еще при жизни Хазрет-султана³; джалаир - до 3500 д.; дурмен до 300 д.; ургенчи прибыли из Хивы, как показывает имя; тюрк, до 4500 д., прибыли 50 лет назад из Ура-тюбе; мангит, в числе до 3 т. д. (имеются в значительном количестве, до 30 т. д., в Карши). Всего по приведенным данным численность узбеков зеравшанского округа должна была превышать 155750 д. о. п., так как численность трех родов осталась неизвестною⁴. Приведенные сведения Гребенкина, выказывая пестроту родового состава узбеков, показывают вместе с тем, что перемещения узбекских родов продолжались до недавнего времени, а раньше, вероятно, были еще значительнее.

Сведения Гребенкина и Хорошхина относятся только до узбеков верхней половины зеравшанской долины. Не столь подробны, но обнимают всю долину Зеравшана, а также нынешние ходжентский и джизакский уезды, сведения В.В. Радлова. По его

¹ «Записки И. Р. географ. общества по отделению статистики», т. 4, Спб., 1874 года, стр. 298.

² Вероятно, это кучин или куджин историков тимуридов (Notices et extraits de manuscrits de la bibliotheque du roi. t. XIV, partie 2, p. 186, 297 etc., и Тарихи-Рашиди (Erskine-History of India, etc, vol.1, p. 36, а также Tarikh-i-Rashidi, ed. № Elias., p. 301, где значится, что кучин значит военнотруженики, которые составляли в Кашгарии особое сословие этого имени).

³ Ахмед-Ясави умер в 1120 г. (Howorth-History of the Mongols etc., part. II, London, 1880, p. 681). По П.Н. Ахмерову - в 1166 г. («Известия общества археологии и пр. при Казанском университете», т. XIII, вып. 6, стр. 530).

⁴ Хорошхин упоминает в зеравшанском округе еще следующие роды, у Гребенкина не значащиеся, по малолюдности: кыят, саят, джагатай, кинглы, алчин, кыргыз, казак.

словам, узбеки (частью?) продолжали (еще в 1868 г.) кочевать, как казаки и кыргызы¹. Племена узбеков этих были следующие: 1) Кытай-кыпчак обитали в долине Зеравшана, от Самарканда до Катырши и на север до Чилека, разделяясь на отделы кытай (в нем роды сары-кытай, отарчи, канджигалы, коштамгалы, тараклы и балгалы) и кыпчак (роды тбрттамгалы, сары-кыпчак и тогузбай). 2) Кырк-мен-юз (т. е. кырки с юзами) жили между Ходжентом, Ура-тепе, Замином, Джизаком и Яны-курганом, а также к югу от Пенджикента; на севере находились юзы, на юге же у Джизака и Яны-кургана кырки; у кырков были роды: кара-койлы, карача, кара-сирак, чапанашлы, а у юзов: карапча, тыгырык, парче-юз, ергенеклы, солаклы, ханходжа-кытайсы, ходжа-кытайсы, коян-кулаклы, туюкы, сиргели. 3) Канглы, небольшое племя, живущее в окрестностях Джизака. 4) Найман обитают к югу от Катты-кургана и около города Дахана. 5) Минг, значительное племя, к юго-востоку от Самарканда; население городов Кара-тепе и Ургута состояло из мингов; коканские ханы были из этого же племени. 6) Кенегес, многочисленное племя, составляющее главную часть населения Шахризаябса и имеющееся также в Хиве. 7) Мангыт - главное население города Карши и его округа. 8) Месит, ябыи тама, именуемые в совокупности уч-ру (три рода), обитают в зиаддинском горном округе до города Кошкауса. 9) Сарай живут на западе от Кошкауса до Ханчарвагы. 10) Буркут (сравн. с телеутским родом меркит) обитают между Кермине и Мелике. 11) Аллат - около Каракуля, между Бухарою и Чарджуем. 12) Бехрин - около Пейшембе, на севере от Катты-кургана. 13) Баташ - в разных местах. Кроме узбеков, живут еще в разных местах оседлые кара-калпаки и туркмены; у первых роды оймаут, кары-койлы и кара-сингирь, обитающие около Ак-тепе и Беш-арыка и недавно прикочевывавшие с Аму-дарьи; у вторых роды казайоглы, канджигалы и богошоли (два последних считают себя принадлежащими к племени юйсюнь, стало быть, родичи казаков большой орды), живущие на севере в горном нуратинском округе².

По сведениям И.Л. Яворского, в населении Шахризаябса, состоящем из 30-35 т. семейств, преобладают узбеки рода кенегес, бывшего некогда отделением рода мангит; кенегесы делятся на пять колен: кайрасалы, тараклы, ачамайлы, чехут и абаклы³, следовательно, оказываются союзом из частиц родов средней орды, главным образом киреевских. По его же наблюдениям, в Кундузе и Таш-кургане обитают главным образом узбеки рода катаган, а в Мазари-шерифе и Балхе роды сарай и минг. Всех узбеков в Чаар-вилайте (т. е. в. авганском Туркестане) можно, по его мнению, считать 400 т. д.⁴

По официальным сведениям 1885 г., узбеки ходжентского уезда потеряли «точное деление на колена»⁵; в джизакском районе узбеков было 15754 двора или кибитки

¹ Через двадцать лет., «по Материалам для статистики самаркандской области за 1887/8 гг.» (Самарканд, 1890 г.), полукочевых узбеков осталось только 22765 д. о. п. на 466925 д. оседлых.

² Aus Sibirien 1884, В. 1, s. 225-228. Ханы бухарские принадлежат племени мангыт и при возведении на престол поднимаются на кошке представителями племен минг, аллат, бехрин и баташ (В. 2, s. 46).

³ «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1873/9 гг.», т. 2-й, Спб., 1883 г., стр. 39.

⁴ Там же, стр. 231.

⁵ Е. Смирнова «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 г., стр. 46.

следующих родов: кырк 3194 дв., канглы 594, салык 1775, туркмен 1348, тюрк 812, найман 755, мангыт 960, китай-юз 1228, сулаклы 664, туяклы 578 дв., и мены 500 дворов или кибиток каждый следующие роды: аллача, буркут, сергали, баймаклы, джелаир, кыргыз, юз, куян-куяклы, парча-юз, карапча, кушчу, ураклы, тукчары, коштамгалы, сарай, канджигалы¹.

По сведениям Вамбери, племена кунграт, уйгур, кипчак, нукюз, ачмайли многочисленны в Хиве², кенегес в Шахризябсе, минг в Меймене и найман в Карши. По его же замечанию, в Хиве, за исключением туркмен и небольшого количества сартов в городах, население все состоит из узбеков; в Бухаре по обоим берегам Зеравшана, в Шахризябсе, а также на левом берегу Аму-дарьи в авганских владениях (в Кундузе, Хульме, Акэ, Шибаргане, Меймене и Андхое) земледельческое население состоит преимущественно из узбеков³.

Физический тип узбеков отличается большим разнообразием не только по родам, но и по местностям, в зависимости, конечно, от тех помесей, которые происходили у узбеков с местными населением восточно-иранской, авганской, западно-иранской и горно-иранской (гальча) крови. Вамбери замечает также, что между узбеками, носящими одно и то же родовое имя, но живущими в разных местностях, совсем не существует того чувства родовой солидарности, которое более или менее живо между частями родов у киргизов и туркмен⁴. Это объясняется, во-первых, историческим образованием узбеков, перешедших за Сыр-дарью не целыми родами и не значительными их частями, а дружинами, состоявшими из мелких частиц разных родов, во-вторых же, издавна начавшимся падением у них родового быта вследствие оставления кочевого образа жизни и перехода к оседлому.

Имея в виду для русских владений численность узбеков, по Костенко («Туркестанский край», 1880 г.), в 201972 д. (именно в сыр-дарьинской области 25771, ферганской 19852, зеравшанском округе 140154 и в аму-дарьинском отделе 16195 д.), Вамбери в 1885 г. предполагал в бухарских владениях 1 м. узбеков, в Хиве 700 т. и в авганском Туркестане 200 т.» а всего «круглым счетом 2 м. д.»⁵. В 1892 г. он почему-то

¹ Там же, стр. 322 и 323. Кроме родовых узбекских имен, названных Гребенкиным и другими вышеупомянутыми авторами, в «Списке населенных мест и волостей самаркандской области» 1888 года («Сборник материалов» и пр., вып. 1, Самарканд, 1890 года), встречаются в самаркандском уезде еще следующие: чалмун, тюрк-калтатай, тюрк-баллас и мухатары, чингиз-хан, чуют, чандыр, а в катты-куржанском: ябу-кият, кираит и пр.; в последнем уезде значится 2875 д. узбеков «неизвестных родов», а в ходжентском уезде роды узбеков совсем не означены. Можно догадываться, что причина тому, как объяснялось сыр-дарьинской администрацией, потеря «точного деления на колена».

² По Муравьеву («Путешествие в Туркмению и Хиву», М., 1822 г.), узбеки в Хиве разделялись на четыре главных поколения: кият-конграт, уйгур-найман, канглы-кипчак и никюз-манкыт. Очевидно, в каждом было соединено по два особых рода, как замечено проф. Н.И. Веселовским («Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве», Спб., 1877 г., стр. 143). Из хивинских городов, перечисленных в «Описании хивинского ханства» Данилевского 1842 г. (в «Записках И. Р. геогр. общества» 1851 г., кн. 5, стр. 101 и след.), следующие носили имена узбекских родов: Джагатай, Кипчак, Китай, Кунград, Мангыт, а из деревень: Баят, Китай, Найман, Нукус и Саят.

³ Das Türkenvolk etc., 1885, s. 354.

⁴ Там же.

⁵ Id., s. 366.

стал считать узбеков уже 2,5 м.¹ И.Л. Яворский полагал в 1889 г. общее число узбеков и туркменов равным 2238000 д.², а в 1894 г. определял число узбеков в 2 м. и туркменов в 500 т.³

По сведениям туркестанского главного начальства семидесятых годов, которыми пользовался и Костенко в «Туркестанском крае», узбеков считалось в зеравшанском округе до 140 т. д., в аму-дарьинском отделе до 16 т. и в сыр-дарьинской области до 50 т.⁴, всего до 206 т. Из этой цифры, вследствие включения ходжентского уезда из сыр-дарьинской в состав самаркандской области (бывший зеравшанский округ), с 1886 г. на долю последней приходится около 190 т. узбеков, между тем по «Сборнику материалов для статистики самаркандской области за 1887/8 г.» (Самарканд, 1890 г.) значится в области узбеков 489690 д. Невероятно, чтобы численность узбеков естественным народжением увеличилась лет в 10 более чем в два раза, а потому последняя цифра узбеков объясняется тем, что узбеками в ней показаны не только подлинные узбеки, которых Гребенкин насчитывал несколько более 155 т., но и все сарты, которых в семидесятых годах значилось по Костенко в округе 123138 д., теперь же в населении области совсем не показывается. Как статистика самаркандской области не признает существования сартов, так сведения по ферганской области игнорируют узбеков: в «Проекте Всеподданнейшего отчета» турк. ген.- губернатора 1881 года узбеков в ферганской области не значится и из массы тюркского населения выделены, кроме «киргизов», только кипчаки в числе 70 т. д.⁵ остальное же именуется сартами. Между тем по историческим данным не подлежит сомнению, что в XVI веке и Фергана получила значительное количество шейбанидских узбеков, к которым должны были присоединиться обитавшие в долине местные тюркские роды, и что составившийся таким путем узбекский элемент населения Ферганы был многочислен и пользовался в стране большим политическим влиянием, а иногда и господством, вплоть до подчинения ее Россией в 1876 году⁶. Правда, большая часть узбекского населения обратилась, в последнее особенно время, к оседлости, а остальная к полuosедлости⁷, вообще же начинает сливаться с сартами, но родовой быт еще далеко не утратил в среде его живучести.

¹ Journal of the Manchester Geographical Society, 1892, vol. 8, p. 17.

² «Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», Спб., 1889 года, стр. 320.

³ «Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 года», Одесса, 1895 года, вып. 2, стр. 18.

⁴ «Проект Всеподданнейшего отчета» туркестанского ген.-губернатора, Спб., 1885 года, стр. 24.

⁵ Там же, стр. 26.

⁶ В «Краткой истории коканского ханства» В. Надивкина (Казань, 1885 года) упоминаются в разных местах следующие узбекские роды: минг, кипчак, каракалпак, тюрк, кырк, гюз, найман, сарай. Ханская династия принадлежала к роду минг. Кипчаки и кара-калпаки отличались крепостью родового начала. У кипчаков названы следующие главные ветви: кулан, ульмас, илятан, яшик и итыкашка (стр. 155).

⁷ По словам В. Г. Кушелевского (тогдашнего областного врача), в его «Материалах для медицинской географии и санитарного описания ферганской области», изд. ферганским обл. статистическим комитетом (Новый Маргелан, 1891 года, том второй, стр. 147), по отчету губернатора за 1888 год, вместо 70107 душ, означенных у Костенко, показано кипчаков только 5931 ч., ведущих полукочевую жизнь, остальные же, т. е. жители Андижана и кишлаков, причислены к сартам; кара-калпаков, которых Костенко означал 7060 д., в отчете 1883 года не значится.

За неимением достоверных современных цифр узбеков в ферганской области и сартов в самаркандской остается предположить, что число узбеков, показываемых в ферганской области сартами, и количество сартов, значащихся в самаркандской области узбеками, приблизительно одинаковы и на этом основании удовлетвориться теми новейшими цифрами узбеков и сартов, какие есть, причем, по крайней мере, итоги численности узбеков вместе с сартами получаются для названных областей верные. Сообразно этому будем считать в самаркандской области узбеков, согласно «Сборнику материалов для статистики самаркандской области за 1887/8 г.» (Самарканд, 1890 г.), 489690 д. о. п. и даже добавим 17050 д. арабов, которые уже отуречены многие века и ничем, кроме ничтожных остатков арабской крови, от узбеков не отличаются; к полученной цифре узбеков самаркандской области в 506740 д. надо прибавить 5000 узбеков в ферганской области по сведениям г. Яворского¹, у которого возьмем ниже и цифру сартов этой области; затем добавим 16000 узбеков аму-дарьинского отдела² и 52000 д. кара-калпаков того же отдела³, ибо кара-калпаков ближе всего причислять к узбекам, тем более что для самаркандской, напр., области отдельной цифры кара-калпаков нет. Итого получается в русских владениях узбеков 579740 д. о. п. В хивинском ханстве численность узбеков определяется по новейшим сведениям в 48 т. дворов и каракалпаков в 3500 киб., что по 5 д. на двор или кибитку составит всего 257500 д. о. п.⁴ Население бухарского ханства считается ныне в 2153740 д.⁵, но точных цифр по народностям нет. Можно, согласно с Вамбери, полагать общее число узбеков Бухары в 1 м. Если затем принять для авганских владений цифру Вамбери в 200 т. узбеков⁶, то общее число узбеков определится в 2037240 д. о. п., т. е. близко к цифре в 2 м., которую принимают г. г. Вамбери и Яворский.

¹ «Опыт медиц. географии и статистики Туркестана», 1889 г., стр. 316 и след. По «Алфавитному списку народов», Спб., 1895 г., узбеков в сыр-дарьинской, самаркандской, ферганской и закаспийской областях, по сведениям 1876 г., 182120 д. о. п.

² «Проект Всеподданнейшего отчета» турк. ген.-губернатора, 1881 г., Спб., 1885 г., стр. 24.

³ Там же, стр. 27.

⁴ П. Кузнецов «О хивинском ханстве» в «Спб. вед.» 1896 г., № 128. Он оценивает все население ханства в 500 т. д. Вамбери определяет число узбеков в хивинском ханстве в 700 т., а количество кара-калпаков в 30 т. (Das Türkenvolk, 1885, s. 366, 377). Он слышал у кара-калпаков имена следующих родов, которые напоминают, по его замечанию, такие же роды у к.-казаков, узбеков или туркмен: баймакли, кандеклы, терстамгалы, ачмайли, кайчи́лы, иргакли, кенегез, томбоюн, саку, онтөрт-урук (s. 377). Исторические известия о каракалпаках начинаются, кажется, только с XVII столетия, когда посланцы тобольских воевод Скибин с товарищем упоминают о них, как о подданных Тявки-хана, кочующих по Сыру-реке, в 10 днях от г. Туркестана к Хивинскому морю («Дополнения к актам историческим», том 10, стр. 375 и след.). В наших летописях есть многочисленные, но смутные упоминания в XI и XII веках о торках, ковуях, турцеях, берендеях, поселявшихся на границе киевской Руси со степью и именовавшихся иногда черными клобуками. Это подало повод к гипотезе, что черные клобуки именно и есть кара-калпаки. По словам Рычкова («История оренбургская» в «Сочинениях и переводах», 1759 г., 2-е полугодие, стр. 111), посланцы кара-калпаков рассказывали, что предки их некогда жили «на ногойской стороне Волги между астраханским и казанским царствами, а в нынешние места, на бухарскую сторону к Аральскому морю, перешли за 260 лет, когда на упомянутые царства от российских войск наступление учинилось... Сего народа до 20 т. кибиток наберется... Их однородные верхние кара-калпаки с их нижних гораздо многочисленнее...». Это разумелись обитавшие около Ташкента и выше. По Вамбери, наречие кара-калпаков занимает средину между узбекским и к.-казачьим, но имеет кое-что общее и с волжским. Они отличаются высоким ростом и обильной растительностью волос, обнаруживая вообще своим типом сильную примесь арийской крови (Das Türkenvolk, etc., s. 381, 377).

⁵ «О Бухаре» в «Спб. вед.», 1896 г., № 122.

⁶ Das Türkenvolk, 1885, s. 366.

XI. Сарты

Киргиз-казаки и другие кочевники средней Азии называют сартами всех оседлых туземцев, как западного, так и восточного Туркестана, применяя это именование как к таджикам, говорящим по-ирански, так и к помеси тюрков с иранцами или к отуреченным таджикам, говорящим по-тюркски, и, наконец, к окончательно обратившимся к оседлости тюркам. Так как употребление термина сарт в таком значении, смешивающим различные народности, говорящие совершенно разными языками, влечет за собою нежелательную и напрасную путаницу и недоразумения, то в нашем местном образованном обществе и в литературе начинает утверждаться такое значение этого слова, что под именем сартов разумеются только оседлые туземцы тюркского языка. Чтобы слово сарт получило точный и необходимый для правильного этнографического употребления смысл, следовало бы добавить, что сартами должны быть именуемы те оседлые тюрки и отуреченные туземцы, которые утратили уже родовой быт и связанные с ним родовые деления. Такой добавочный признак необходим для отличия сартов от киргиз-казачков, узбеков, туркмен и т. д., обращающихся к оседлой жизни, иногда даже только на время, сохраняя вместе с тем родовой быт и принадлежность к родам и их разветвлениям наравне с кочевниками. Конечно, для перешедших к оседлой жизни кочевников утрата родового быта и родовых делений есть только вопрос времени, но большей частью время все-таки требуется немалое, как видим это на узбеках, которые большей частью, уже более трех столетий, ведут более или менее оседлую жизнь, но не вполне еще слились с сартами, ибо сохраняют многие черты родового быта и родовые деления. Поэтому различие в оседлом тюркском населении узбеков, казаков, туркмен и т. д., придерживающихся родовых своих делений, от совершенно их забывших или не имевших сартов - вещь далеко не безразличная в этнографическом и других отношениях¹. Хотя в числе сартов в предлагаемом значении термина, кроме помесей тюрков разных племен с таджиками, будут находиться помеси тюрков разных племен между собою и с другими сверх таджиков инородцами (напр., с авганцами, потомками арабов и пр.), а также тюрки, не вступавшие в помеси, а только обратившиеся к оседлой жизни, это, однако же, не помешает сартам быть или сделаться довольно однородной и обособленной народностью, так как единство языка, религии, занятий и быта неизбежно повлечет за собою и антропологическое слитие путем браков и метисации.

¹ Составитель «Карманного русско-узбекского словаря» (Самарканд, 1895 года) г. Сер-Али Лапин, ранее, в «Туркестанских ведомостях», 1894 г., отвергая употребление термина сарт, утверждал, что «нет особого народа сарт, как равно нет особого сартского языка». Однако он признавал, что существуют оседлые туземцы, образовавшиеся от помесей узбеков с таджиками, «не присвоившие себе особого названия», и находил, что «язык, на котором говорит эта смесь, правильнее называть ново-узбекским» («Туркестанские ведомости», 1894 года, № 38 и 39). Выходит, стало быть, что есть и особая народность, которая не присваивает себе название сарт, но именуется так другими туземцами, и есть также особый язык, который г. Лапин предлагает называть «ново-узбекским», разделяя его «на четыре главных наречия, именно: 1) наречие сыр-дарьинской области (заметно влияние киргизского языка), 2) наречие ферганской области, 3) наречие аму-дарьинского отдела и хивинского ханства (влияние туркменского языка) и, наконец, 4) наречие самаркандской области и бухарского ханства (сильное влияние таджикского языка)».

Однако предлагаемое и кажущееся рациональным употребление термина сарт в настоящее время далеко не пользуется общим применением, как в официальной практике, так и в самом населении. По «Проекту Всеподданнейшего отчета» генерала фон-Кауфмана 1881 года¹, «сарты составляют главный контингент городского и сельского туземного населения в сыр-дарьинской и ферганской областях и в зеравшанском округе», причем этот проект считает сартов происходящими «от смешения разных рас» и различает их от таджиков и тюрок разных племен (киргизов, кураминцев, узбеков). Но по официальной статистике самаркандской области (бывший зеравшанский округ с частью сыр-дарьинской области)² в населении этой области сартов совсем не оказывается, а есть только узбеки и таджики. С другой стороны, в ферганской статистике почти нет узбеков, и все оседлое население именуется сартами. Эти противоречия истекают в значительной степени из господствующих в самом местном туземном населении этнографических именовании и отношений. В Ташкенте и других оседлых пунктах сыр-дарьинской области отуреченные таджики с очень давнего времени составляют большинство оседлого населения, пользовавшегося при том времени политическим господством, и сами именуют себя сартами. В оседлом населении Ферганы отуреченные таджики также всегда составляли большинство, хотя узбеки (главным образом кипчаки) пользовались там до недавнего времени политическим преобладанием. Напротив, в самаркандской области, в бухарском и хивинском ханствах не только политическое господство, но и численное преобладание несколько веков уже принадлежало узбекам, которые, естественно, продолжали сохранять свое имя и по обращении к оседлой жизни, распространив даже его на отуреченных таджиков, которые со своей стороны, конечно, не желали именоваться ни таджиками, ни сартами, а предпочитали называться узбеками, чтобы пользоваться правами и почетом господствующей народности, которая к таджикам и сартам относилась, как к племенам низшим и подчиненным. В результате, в то время, когда на Сыр-дарье и в Фергане говорящее по-тюркски оседлое население само себя зовет сартами или, по крайней мере, не отвергает такого общего этнического наименования, за неимением другого, и пользуется этим именем в официальной практике, все тюркское оседлое население самаркандской области и ханств именует себя узбеками, и последнее имя получило перевес и в местном официальном употреблении, хотя в настоящее время по языку и быту это оседлое тюркское или отуреченное население не особенно много отличается от сартов сыр-дарьинской и ферганской областей, в антропологическом же отношении и оно напитано таджикской кровью в количестве не особенно много меньшем.

¹ Спб., 1885 г., стр. 21-25.

² «Сборник материалов для статистики самаркандской области за 1887/8 г.», Самарканд, 1890 г. По этому источнику таджиков, считая и горных, именуемых гальча, всего в области 164169 д. о. п. Если добавим сюда 7 т. д. таджиков сыр-дарьинской области, 61 т. д. ферганской и 4 т. аму-дарьинского отдела (все цифры г. Яворского, который еще ошибочно считает в семиреченской области 9 т. и в закаспийской 50 т., что не согласно с губернаторскими отчетами), то получим «в русских владениях 236169 д. таджиков, с прибавкой же 800 т. таджиков бухарских владений и 200 т. авганского Туркестана (цифры г. Яворского, весьма проблематичного достоинства, но других нет), то получится общая цифра таджиков или восточных иранцев в настоящее время 1236169 д. N. Dictionnaire Rousselet, t. VI, 1894, p. 924, полагает таджиков в туркестанском крае 353 т. д. и сверх того 27 т. гальча.

Каково бы ни было этнографическое будущее узбеков самаркандской области и ханств, которым, вероятно, предстоит этническое объединение с сартами Сыр-дарьи и Ферганы, приходится ввиду существующего еще обособления первых (хотя бы больше только по имени) называть пока сартами лишь говорящее по-тюркски оседлое и утратившее родовые быт и деление население сыр-дарьинской и ферганской областей.

В известных ныне письменных памятниках слово сарт впервые встречается в «Кудатку-билик», сочинении, оконченном в 1068-1069 г. в Кашгаре, в значении, по Вамбери, «торговец»¹. Происхождение этого слова неизвестно и предложенные пока объяснения неудовлетворительны², хотя не лишены некоторых оснований, каковы, напр., гипотеза Лерха (от арийского ксатра - город), ибо у тюрков со словом сарт действительно соединен неотъемлемо признак оседлости, или старинное сближение с древним (у классич. писателей) именованием Сыр-дарьи Яксартом³. Сыр-дарья действительно всегда была гранью между иранской и тюркской народностями, хотя, с одной стороны, иранцы, с глубокой древности, но спорадически и непрочно, переходили за эту границу далеко на север и восток, и хотя, с другой стороны, тюрки, особенно в более поздние времена, также распространялись за эту черту далеко на запад, за пределы даже самой иранской народности. Сыр-дарья, во всяком случае, и ныне орошает те местности средней Азии, где помеси тюрков с иранцами достигли наибольшей численности и где именование сартов для них вполне упрочилось. До Р. Х. оседлое население Ферганы было почти исключительно иранским, потому что в «Хань-шу» замечено, что «от Давани (Ферганы) на запад до государства Аньси (Парфия) хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга. Жители имеют впалые глаза, густые бороды, искусны в торговле, соперничают в выгодах»⁴. Склонность к торговле была отличительной чертой восточных иранцев. В «Тан-шу», после замечания, что население Мавераннахра (в частности, Кана, Самарканда) искусно в торговле и корыстолюбиво, говорится: «Мужчина, достигший двадцати лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидит выгоды»⁵. Конечно, по своему географическому положению Фергана, Согдиана и Бактриана должны были издревле служить посредниками в обмене произведений востока и запада, но особенно усилились торговые сношения Ферганы и Мавераннахра с половины VI века, со времени распространения власти тюркских ханов от пределов Китая до границ Персии. В это именно время установились, напр., столь отдаленные периодические поездки торговцев

¹ Сартляр баши т. е. глава купцов (торгового каравана, идущего в Китай или обратно). См. Vambery, *Das Türkenvolk* etc., s. 371.

² См. Н. П. Остроумова «Сарты», этнографические материалы, вып. I, Ташкент, 1890 года, и второе, дополненное издание того же выпуска, 1896 г.

³ Вамбери, находивший в 1885 г. предположение Лерха ошибочным (*Das Türkenvolk*, s. 371), позднее (*Die Sarten und ihre Sprache*, 1891) склонился к такому мнению, что слово сарт происходит от древнеиранского корня кшатра, перешедшего в название реки Яксарта и в персидский термин шехр - город; Яксарт значит «река городов», откуда и слово сарт, которое иранские номады передали тюркским как обозначение оседлых жителей в долине Сыр-дарьи.

⁴ «Собрание сведений» и пр., I, стр. 61.

⁵ «Собрание сведений» и пр., III, стр. 239.

Мавераннагра в страну енисейских кыргызов, куда по китайскому свидетельству (IX века), через каждые три года приходил караван из Даши¹, т. е. из арабских владений из средней Азии. Тогда же умножились, если существовали ранее, многочисленные поселения вдоль северных подножий Тяньшаня, о которых упоминают китайские историки и путешественники, а затем арабские географы, и цель которых, по-видимому, достигала до городков чумигуней и чуюе в Тарбагатае и восточном Тяньшане. Население этих поселений составляли, вероятно, выходцы из Ферганы и Ташкента, который до Р. Х., когда был подвластен Кангюю, именовался Юйни или Юни², вероятно Яны-кеш, новый город. Через тысячу с лишним лет это имя оказывается перенесенным и укрепившимся на Таласе, жители поселений на котором, по автору «Тарихи-Рашиди», были известны под именем янылыков. Восточнее Таласа многочисленные поселения находились на р. Чу, на оз. Иссыккуле, на р. Или (Алмалык), на Каратале или в бассейне Лепсы (Каялык), на р. Имиле и в бассейне Эбин-нора³.

Все эти оседлости были уничтожены лишь в половине XIV века, во время междоусобий между двумя половинами джугатаева улуса, население же их, сколько уцелело, должно было тогда удалиться в Кашгарию и особенно в ташкентскую область и в Фергану, умножив здесь собою уже давно отуреченную и значительную часть жителей, ибо, помимо постоянного общения с соседними тюрками, Шаш и Фергана долго и часто находились под непосредственным владычеством и управлением тюрков. Так, в 605 г. убит был турками владетель Ши (Шаша) и управление поручено было Дэлэ Фучжи⁴, правильное Фучжи-тегину (дэле вместо тегин китайские историки употребляли в позднейших изданиях ошибочно), очевидно члену ханского дома западных тюрков, так как титул тегин носили в то время лишь родственники ханов тюркских. Во второй четверти VII века убит был также владетель Боханьны (Фергана), и стали править одновременно, но проживая в разных городах, тюркский князь и туземный владетель⁵. В VIII веке владетели Ши и Ферганы, вероятно тюрки, принимали деятельное участие в распрях западных тюрков⁶. Опираясь на тюрков, Фергана и Шаш долго сопротивлялись арабам и неоднократно восставали против их владычества. В конце X века⁷, после падения саманидов, области эти достались карлыкским ханам, а затем находились под владычеством опиравшихся на силы тюрков кара-киданей, джугатаидов, тимуридов и, наконец, шейбанидов. Узбеки последних нашли уже в Фергане и Ташкенте многочисленное оседлое тюркское или отуреченное население, которого умножение продолжалось и при них, вследствие оседания самих узбеков и слияния их с сартами. Процесс обращения кочевых и полuosедлых узбеков к оседлости, окончательного падения родового быта и слияния с сартами особенно усилился при

¹ Там же, I, стр. 449.

² «Собрание сведений», III, стр. 58.

³ Отсюда, с города Було (находившегося, как полагают, в долине р. Бороталы) начиналось употребление западных монет (Bretschneider, Mediaeval Researches, I, p. 128).

⁴ «Собрание сведений», III, стр. 243.

⁵ Там же, стр. 251.

⁶ Там же, стр. 252 и др.

⁷ См. между прочим Chronique de... Tabari, traduite par Hermann Zotenberg. Paris, 1867, t. IV, p. 293-297 etc.

русском владычестве, когда жившим дотоле военным ремеслом и вообще службою узбекам пришлось искать средств к жизни в земледелии, ибо для развития скотоводства не имелось пастбищ.

По сведениям 1868 г., В. В. Радлов определял численность оседлых туземцев в сыр-дарьинской области в 300 т. д., в том числе сартов 160 т., таджиков 40 т., кураминцев 20 т. и узбеков 80 т.¹ Вамбери, в 1885 г., считая по сведениям Костенко, семидесятих годов, в сыр-дарьинской области 210774 д. сартов, в ферганской 344023 и в зеравшанском округе 123138 д., всего же в туркестанском крае 690305 сартов, полагал, что с добавлением сартов Хивы (где они сосредоточиваются, главным образом, в городах Хиве и Ургендже), Бухары и пр. общее число сартов можно принять в 1 м. душ обоего пола². «Проект Всеподданнейшего отчета» определял к 1881 году число сартов в туркестанском генерал-губернаторстве в 800 т. д., считая сверх того 80 т. кураминцев и 200 т. узбеков³. И.Л. Яворский в 1889 г. считал в сыр-дарьинской области 137 т., в ферганской 475 т., в самаркандской 100 т., в аму-дарьинском отделе 16 т. (значит, в турк. генерал-губернаторстве всего 728 т.), в закаспийской области 15 т., в Хиве 50 т., в Бухаре 700 т. и в авганских владениях 100 т., следовательно, всего 1593000 д. о. п. сартов⁴. Хотя он ссылался на официальные сведения относительно областей, но по «Сборнику материалов для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 годы» (вып. I, Самарканд, 1890 г.) в области этой сартов не показывается, таджиков 164169 д., узбеков 489690 д., тогда как у г. Яворского таджиков 208 т. д. и узбеков 288 т. Составитель «Обзора сыр-дарьинской области за 1885 г.» (Спб., 1887 г.) Е. Т. Смирнов, в изданном им сборнике «Средняя Азия» (Ташкент, 1895 года), оценивает, не указывая источников, число сартов в туркестанском генерал-губернаторстве в 700 т., узбеков в 312 т., кураминцев и кара-калпаков 100 т.⁵

Из всех этих разнообразных цифр можно взять для сыр-дарьинской области 137 т. сартов, для ферганской 475 т. и для аму-дарьинского отдела 16 т., итого 628 т. д. сартов. Все это цифры г. Яворского, который ссылается на официальные источники, хотя и не указывает их, в частности, для каждой цифры. Он же показывает в самаркандской области 100 т. сартов и в закаспийской 15 т., но ввиду отсутствия сартов в самаркандской области по вышеупомянутому «Сборнику» и ввиду показания по «Обзору закаспийской области за 1893 год» (стр. 57) людей разных народностей, в том числе сартов, всего лишь 2887 д., принять эти цифры г. Яворского за достоверные нет возможности. Нельзя также воспользоваться цифрой в 50 т. сартов в хивинском

¹ Aus Sibirien, B. I, s. 229.

² Das Türkenvolk, etc., 1885, s. 370. В 1892 г. в статье The Turko-Tatars Вамбери считает сартов почему-то уже только 900 т.

³ Спб., 1885 г., стр. 22-24. «Алфавитный список народов, обит. в Росс. империи», 1895 г., считает, по сведениям 1876 г., сартов в сыр-дарьинской, самаркандской и ферганской областях 690300 д.

⁴ «Опыт медицинской географии и статистики Туркестана», часть I, Спб., 1889 года, стр. 316 и след.

⁵ Относя свои сведения к 1887-1889 годам, N. Dictionnaire Rousselet (t. VI, 1894, p. 925) считает сартов в турк. крае 800 т., узбеков в самарк. и ферганской областях 410 т. д.

ханстве, ибо по новейшим сведениям о населении этого ханства г. П. Кузнецова¹ сартов не показано: может быть, сарты включены в число узбеков, и в таком случае взять цифру г. Яворского значило бы поместить сартов этих вдвойне, тогда как сведения г. Яворского о хивинском населении оказались вообще далекими от действительности. Общая цифра г. Яворского о населении бухарского ханства не очень разнится от достоверных новейших сведений, а потому можно взять его цифру сартов 700 т. в бухарских владениях и, за неимением других данных, его же цифру 100 т. сартов в авганских владениях, хотя обе довольно сомнительны. Этим путем общее число сартов определяется всего более 1428000 д. о. п., в том числе в русских владениях 628 т. и в бухарских и авганских 800 т. д. о. п.

XII. Тюрки Восточного Туркестана

Таримский бассейн, лежащий между Тяньшанем, Памирской горной системой и окраинами Тибета, должен был служить местом столкновения и метисаций трех рас: с востока и севера - тюркской, с запада - индо-иранской и с юга - тибетской. Природные условия страны мало пригодны для кочевников, а потому надо полагать, что оазисы ее, особенно в западной половине, были с глубочайшей древности заняты оседлым населением, которое состояло, конечно, из арийцев. За столетие до Р. Х. китайцы нашли занятыми оседлыми жителями не только все те местности, где ныне существует в Восточном Туркестане земледелие, но сверх того и те, которые впоследствии опустели вследствие постепенного в центральной Азии уменьшения влажности и поглощения обрабатываемых земель сыпучими песками. Что первоначальное оседлое население было, вероятно, арийское, это удостоверяется относящимся к V веку свидетельством «Истории северных дворов» о том, что «от Гаочана (около нынешнего Турфана) на запад жители всех владений имеют впалые глаза, высокий нос; только в Хотане обликом не походят на тюркистанцев, а более походят на китайцев»². Сходство хотанцев с китайцами объясняется, без сомнения, исконной сильной метисацией тамошних арийцев с тибетцами, непосредственными соседями Хотана. Из того же свидетельства V века можно заключить, что население восточного Тяньшаня мало

¹ «Спб. ведомости», 1896 г., № 128. По сведениям г. Кузнецова, в ханстве 48 т. дворов узбеков, 30750 дворов или кибиток полукочевых туркмен, 3500 кибиток киргизов, столько же кара-калпаков и 1 т. дворов остальных народностей, а всего 85750 дворов или кибиток, что составляет около 500 т. душ обоего пола. Если сравнить эти сведения с предшествующими, то окажется, что, по Муравьеву (1819 г.), население ханства полагалось около 300 т. душ. По Данилевскому, который в 1842 г. лично обозрел большую часть населенных пунктов и считал свои исчисления наиболее близкими к действительности, население состояло из 75500 семейств, в числе около 294 т. д., а именно 30 т. семей сартов, 18 т. семей узбеков, 15 т. персиян, 7 т. джемшидов, 8 т. кара-калпаков, 5 т. туркмен и 500 киб. киргизов. По словам его, «сарты составляют преобладающее племя оседлого народонаселения и суть коренные жители ханства», узбеки же - второстепенный класс «по числу и политическому значению» с начала XIX века («Описание хивинского ханства» в «Записках И. Р. геогр. общества» 1851 года, кн. 5, стр. 91, 99 и 100). Тоже и по Килевейну (1858 г.): узбеки «составляют ныне второстепенный отдел народонаселения и по числу, и по политическому значению», а «сарты, коренные жители..., ныне преобладающее племя»; «узбеков и сартов насчитывают около 400 т. душ», «кара-калпаков 15 т. поселян, киргизов около 10 т. д.» («Отрывок из путешествия в Хиву» в «Записках И. Р. геогр. общества», 1861 г., кн. I, стр. 105 и 106).

² «Собрание сведений» и пр., III, стр. 145. В китайском подлиннике вместо «тюркестанцев», конечно, стоит «ху», т. е. вообще северные и западные варвары, преимущественно тюрки. В «Хань-шу», в описании стран на запад от Давани (Ферганы), замечено, около 100 г. до Р. Х., что «жители вообще имеют впалые глаза и густые бороды» (там же, стр. 22).

отличалось наружностью от народов монгольской расы в обширном смысле, т. е. было тюркским и тибетским. На последний элемент, помимо других обстоятельств, указывает обитание около оконечности восточного Тяньшаня юечжей, которые, уходя во II веке до Р. Х. на запад, также могли покинуть в восточном Тяньшане часть своих отсталых, как и в Наньшане. С другой стороны, соседство с хуннами заставляет предполагать, что в составе населения восточного Тяньшаня находились издревле и тюрки. Б.В. Григорьев, историк Восточного Туркестана, видел в ойхардах Птолемея и у путешественника конца IV века Фа-сяня, в местности нынешнего Карашара, уйгуров, но не тех общеизвестных уйгуров, которые обитали в это время, в IV столетии, на Селенге, а другое тюркское племя или точнее союз родов, который также носил имя «союзников», уйгуров¹. Мне кажется, что тюрки восточного Тяньшаня должны были принадлежать к племени чу, роды которого чуюе, чуми, чубан и пр. в VII веке занимали северные подножия Тянь-шаня, а во II-V веках составляли там же владение Юебань. В конце V века перешедшие с Селенги временно на запад гаогюйцы или теле подчинили себе восточный Тяньшань и даже Карашар. Можно думать, что именно с этого времени началось усиленное отуречение и средней части Восточного Туркестана, но, конечно, помеси с тюрками совершались и несравненно ранее, не только при усунях, которые сажали своих князей во владетели, напр. Яркенда, но и при их предшественниках сейцах. Отуречение продолжалось на всем пространстве Восточного Туркестана, с половины VI столетия, при западно-тюркских ханах, которые вмешивались часто во внутренние дела страны и оспаривали владычество над нею у китайцев и тибетцев. Последние овладевали на некоторое время во второй половине VII века западной частью Восточного Туркестана, а в конце VIII столетия восточным Тяньшанем².

¹ «Восточный или Китайский Туркестан», Спб., 1873 года, стр. 70, 111-113, 192 и 193.

² В «Истории северных дворов» упоминается владение Болу («Собрание сведений» и пр., III, стр. 175) и в «Тан-шу» владения Булу или Булюй, большой и малый (там же, стр. 252 и 253). Составители географии манджурской династии «Дай-цын-и-тун-чжи», следуя мнению или приемам «ученого комитета», учрежденного Цян-лунем для исправления иностранных имен в «Юань-ши» и испортившего эту историю монгольской династии произвольными поправками, нашли, что вместо Болу и Болую следует читать Бурут и что, стало быть, населением этого владения были буруты, как именовали кара-киргизов калмыки, а за ними с XVIII века и китайцы. Такое обращение Болую в бурутов было принято без надлежащей критики Аб. Ремюза, Клапротом, Риттером и встречается между прочим в статье «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона о кара-киргизах, где (том 15, 1895 г., стр. 102 и 103) утверждается, со ссылкой на «сказания Дай-цын-и-тун-чжи», что Тяньшанские киргизы «в глубокой древности обитали по южную сторону Хотанских гор и уже в IV веке (?) появились у Тянь-шаня под китайским именем Бо-лу и Бу-лу». По этой статье нынешние каракиргизы суть эти самые буруты, смешавшиеся с выведенными цзунгарами с Енисея кыргызами. Та же статья зачисляет в число кыргызов абак-киреев: «Третья и последняя часть к., обитающих по среднему Тяньшаню, за последнее время значительно расширила свои кочевья. Часть родов их заняла сначала южный склон Алтая, а потом перевалила и на северный склон его, вступив в пределы Кобдоской области в Монголии». Это, несомненно, абак-киреи, но они в среднем Тяньшане не обитали и к кыргызам не принадлежат, а суть племя киргиз-казачье. Что касается Болую, то из сведений о владениях этого имени, большом и малом, в истории династии Тан видно, что они с востока прилежали к Тибету, а на западе граничили с Учаном и Северной Индией, причем, Большой Болую находился к юго-востоку от Малого. От последнего считалось на юг до Гэшими (Кашмир) 500 ли, до Большого же Болую на юго-восток 300 ли. По этим расстояниям выходит, что Малый Болую соответствует нынешнему Кунджуту и Гильгиту, Большой же - Бальтистану или Малому Тибету. Подтверждается это, между прочим, и путем китайского отряда в Малый Болую в 747 году, лежавшим через Поми (Памир) и Шигнан (скорее Вахан), откуда, разделившись на три части, китайцы проникли в Болую тремя горными проходами (см. The Early History of Tibet, by S. W. Bushell, in Journal of the Royal Asiatic Society, 1880, v. 12, new serie, p. 530). По автору «Тарихи-Рашиди», совершившему в начале второй четверти XVI века поход в эту самую страну, Balur или

В половине IX века восточный Тяньшань был занят теми уйгурскими родами, которые после разрушения уйгурского царства на Орхоне оставили свое отечество и удалились на юго-запад¹. Уйгурские владения простирались на запад до Карашара и даже до Куча, если «некто Дэманлэ, живший в Карашаре и объявивший себя в достоинстве шеху» после падения уйгуров², был уйгурским владельцем, как это можно заключить из пожалования ему грамоты на ханское достоинство императором Сюань Цзуном, который полагал, что Дэманлэ состоит каганом хой-ху в Аньси³, т. е. в Куча. Во второй же половине IX столетия или немного позднее западной половиною страны овладели ханы или илеки карлыков, властвовавших на западном Тяньшане уже с половины VIII века. Около X века илеки эти приняли мусульманство и обратили в эту религию население Кашгара, а потом, после продолжительной борьбы, и население Яркенда и Хотана, упорно державшихся буддизма и получавших поддержку из Тибета⁴.

Белуристан граничит на востоке с кашгарскими и яркендскими землями, на севере с Бадахшаном (которому тогда принадлежали Вахан и Шигнан), на западе с Кабулом и Лемганом, на юге с землями, подвластными Кашмиру. «Население малочисленно. Ни одна деревня не живет в мире с другими, а находится с ними в постоянной войне и боях... Обработкой полей занимаются женщины, мужчины же только войной... Так как долин мало и пастбища скудны, то народ скота держит немного... Племена отдельных долин говорят на разных языках» (The Tarikh-i-Rashidi, edit by N. Elias, London, 1895, p. 384-386). Из этого описания ясно, что Белур соответствует нынешним Кунджугу, Гильгиту, Ясину, Читралю и части Кафиристана и что население его не имело ничего общего с кара-киргизами или бурутами. По сведениям Шау (там же, p. 385), памирские кыргызы именем Пелур называют ныне Читраль. По свидетельству французского путешественника E. de Poneins (Bulletin de la Societe de Geographie de Paris, 1895, p. 549), проходившего через Кунджут в 1893 году, тип населения этой страны близок к типу балтистанцев Ладака, т. е. тибетский. По всему этому, несомненно, что китайский Болю или Болюй у Сюань Цзана Полуло есть китайская транскрипция имени страны Белур и что составители дайцинской географии отождествляли это имя с калмыцким названием кыргызов (бурут) совершенно неосновательно. По нахождению между тибетским Балтистаном и арийским Кафиристаном население Белура должно было состоять и состояло из племен тибетских и арийских и помесей между ними, а не тюркских. В верховьях Керия-дарьи, в горах, существует и в настоящее время селение полу, посещенное Пржевальским; жители его рассказывали, что предки их переселились сюда из Тибета назад тому восемь поколений, и Пржевальский находил в их наружности некоторые тибетские черты, хотя язык у них теперь тюркский и вера мусульманская («Четвертое путешествие в центральную Азию», Спб., 1888 г., стр. 408 и 409).

¹ Часть уйгуров завладела в то же время подножиями Наньшаня. В XI веке эти уйгуры были покорены дансянами. Могут быть почитаемы их остатком хараёгуры, найденные в горах Наньшаня Г.Н. Потаниным и сохранившие еще тюркский язык; кочующие вместе с ними более многочисленные шира-ёгуры (сары-уйгуры) говорят по-монгольски с примесью тибетских слов («Тангутско-тибетская окраина» и пр., 1893 г., т. I, часть 3). Ёгуры обитают на северном склоне хребта, сопровождающего левый берег Бардуна, притока р. Едзина. Их всего около 800 семей, составляющих семь отоков, из которых два западных хара-ёгурские и называются яглак и хурунгут («Известия И. Р. географического общества», 1886 года, стр. 345).

² «Собрание сведений», I, стр. 372.

³ Histoire generale de la Chine par Mailla, t. VI, p. 505.

⁴ См. «Тезкерии Богра-хан» в изложении д-ра Bellew в Report of a Mission to Iarkand in 1873 under command of sir F.D. Forsyth, Calcutta, 1875, p. 121-129. Со времен Дегиня, который (Histoire des Huns etc, t. II, p. 29), ввиду известий мусульманских писателей о принадлежности овладевшему Мавераннагром Богра-хану Кашгара, Хотана, Баласагуна, Таласа и вообще земель до границ Китая, находил, что такие обширные владения приличествовали лишь хану уйгуров, обыкновенно полагали, что илеки, владевшие западным Тяньшанем и его южным и северным склонами и завоевавшие Мавераннагр, были уйгуры. Но В.В. Григорьев, в последнем томе своих дополнений к Азии Риттера («Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 г., стр. 195 и след., 278 и след.) и в исследовании «Караханиды» (в «Трудах восточного отделения И. Р. археологического общества», часть 17, 1874 г.), выяснил, на основании известий арабских географов Якуби, Истахри, Масуди и др. и мусульманских историков, что властвовавшие в Туркестане и Мавераннагре турки, ханы которых именовались илеками, были карлыки. Есть, однако, и в настоящее время ученые, преимущественно из лингвистов, предпочитающие считать илеков уйгурскими ханами. Изложенные в исследовании В.В. Радлова «К вопросу об уйгурах» (1893 г., стр. 116 и след.) аргументы в этом смысле не кажутся, впрочем, достаточными. Таково предположение его о том, что в относящемся к карлыкам месте Масуди имя этого народа попало «по ошибке». Таково же толкование известий Истахри в том смысле, что Восточный Туркестан занимали уйгуры, земли же от Урала до Ферганы - гузы, причем не

В конце X века и начале XI кашгарские илеки овладели Мавераннахром, где потомки их, в качестве вассалов сельджукидов, потом кара-киданей и харезм-шахов, - властвовали до нашествия монголов, в то время, когда другая их ветвь продолжала, кажется, править в Кашгарии в подданстве кара-киданей до их падения. Владычество карлыков должно быть почитаемо временем сильнейшего отуречения населения Кашгарии, которое продолжалось и при джагатаидах. В конце XVII века весь Восточный Туркестан был подчинен цзунгарами, а от них во второй половине XVIII столетия перешел в руки китайцев.

обращено внимание на то, что по пояснению того же Истахри, приведенному Григорьевым, граничили с Мавераннахром «от Аспиджаба (т.е. от бассейна Арыса) до отдаленнейших городов Ферганы (т.е. до Уша и Узгенда, которые упоминаются у того же Истахри) - турки-харлухи», из чего ясно, что карлыки занимали оба склона западного Тяньшаня. Известия Истахри подтверждаются и следующими сведениями Ибн-Хаукаля (943-968 гг.), которые не были указаны Григорьевым: «От Окса до границы мусульманских земель в Фергане немного более 20 дней пути; отсюда, чтобы прибыть в страну тагазгазов (уйгуров), пересекая страну карлыков, потребно немного более 30 дней» (Reinaud-Geographie d'Aboulfeda, t. I, Paris, 1848, p. CCCLIII). 30 дней пути от Оша или Узгенда приводят, по крайней мере, в Куча, из чего ясно, что Кашгар находился в стране карлыков, а не уйгуров. «Предположение, что илеков надобно безусловно считать уйгурскими царями, подтверждается, главным образом, еще и показанием в Тарихи-Джеханкушай, заимствованным из уйгурских источников. В нем говорится, что первым уйгурским ханом был Буку-хан (вероятно, правильнее было бы Букра-хан) и что он выстроил город Беласагун» и т. д. Но обращение Буку-хана в Букра-хана ни на чем не основано, тогда как имя Буку-хан и в китайской транскрипции было Pou-hou-han (в «Ляо-ши» в письме киданьского императора к уйгурскому государю 924 г., где упоминается древний город Pou-hou-han'a, по-видимому, на Орхоне, см. Visdelou в Bibl. orient., 1779, IV, p. 188-191). Хотя уйгурские легенды приписывали своему Оленю-хану между прочим и основание Беласагуна (если только Джувейни не перепутал Беласагун с балгассун'ом, как, вероятно, уже в то время монголы называли развалины уйгурской столицы на Орхоне), это, однако же, не значит, чтобы в самом деле Беласагун на Чу был основан каким-нибудь уйгурским государем, ибо его страну уйгуры никогда не владели. В. В. Григорьев странным образом не обратил внимания на тождественность карлыков с гэлolu китайских известий, указанную еще Visdelou. Между тем, по «Тан-шу», гэлolu-карлыки, приняв с уйгурами участие в сокрушении владычества турков-тукю в Монголии, двинулись позднее, в 755-766 гг., на запад и овладели бывшими землями западных турков; в 766 г. карлыкский хан «перенес местопребывание к реке Суйе», т. е. Чу, а позднее карлыки подчинили себе и все городки в бассейне Арыса, достигнув таким образом до Сыр-дарьи («Собрание сведений», I, стр. 372 и 438, и III, стр. 267). Эти известия выясняют, как и когда карлыки овладели землями западных турков до Сыр-дарьи, и делают понятным, что они должны были стремиться подчинить себе и Кашгарию, которая была подвластна западно-турецким ханам, которым карлыки явились преемниками. Хотя ни китайцы, сношения которых с западом прервались тогда на долгое время, ни мусульманские историки, не имевшие еще в эту эпоху сведений о происходившем в соседних странах "неверных", не дают нам об этом известий, тем не менее, покорение Кашгарии из всех тюркских племен возможно было в ту эпоху лишь для карлыков. Во время владычества своего в Монголии с 744 до 840 г., уйгуры имели слишком много забот при столкновениях с кыргызами, Китаем и тангутами, чтобы предпринимать дальние завоевания, и если проникали в Кашгарию, то разве во время какого-нибудь грабительского похода. Когда же уйгурское ханство на Орхоне погибло, то малочисленным и слабым остаткам уйгуров, искавшим спасения у Наньшаня и восточного Тяньшаня, нельзя было и помышлять о завоеваниях на крайнем западе Восточного Туркестана. Напротив подчинение этой страны было вполне естественно для свежих сил карлыков, встретивших на Сыр-дарье такой отпор со стороны арабов и саманидов, который не позволил им расширяться далее на запад. Надо думать, между прочим, что именно карлыки были те «неверные», которые в первой половине IX века овладели Ферганой, выгнав ее арабского губернатора саманида Ахмеда; визирь халифа Мамун «прогнал из Ферганы врагов религии и сделал Ахмеда валием этой области по-прежнему» (Histoire des Samanides par Mirkhond, trad. par Defremery, Paris, 1845, p. 14). Нападения тюрков, однако, не прекращались, потому что сын Ахмеда Измаил в 893 г. предпринимал поход до Тараза (Таласа, чем выясняется, что война велась с карлыками); в следующем году тюрки с большими силами вторглись в его владения, но были побиты; в 906 г. Измаил снова ходил в страну турков (там же, p. 117, и В. В. Григорьев «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 279, а также Вамбери «История Бохары», Спб., 1873 г., том I, стр. 671). Время подчинения Кашгарии карлыками неизвестно, но это подчинение должно было предшествовать 914-921 гг., ибо между этими годами Ибн-Хальдуном упоминается Тоған-тегин, владлец кашгарский (Григорьева «Восточный Туркестан», вып. 2, стр. 279), вероятно, уже из карлыкской ханской семьи, так как позднее встречаются илеки с именем Тоған.

При таком историческом прошлом население Восточного Туркестана является результатом разновременных помесей восточных иранцев с тюрками, тибетцами и отчасти с калмыками¹. Господствующим элементом оказывается во всей стране тюркский². Общего племенного имени оседлое население Восточного Туркестана не имеет и называет себя по местностям кашкарлыками, хотанлыками и т. д., подобно сартам Западного Туркестана; китайцы зовут местных тюрков чанту, кыргызы – сартами³.

По китайским сведениям, население страны в I веке до Р. Х. состояло из 39455 семейств в 314220 душ, что было, конечно, меньше действительности⁴. В 1873 г. миссия Форсайта определяла население Кашгарии в 145000 семей, до 1015000 д. о. п.⁵ Если в некоторых частных цифрах, давших этот итог, есть увеличения, то в других есть уменьшение, так что, в общем, численность населения близка к настоящей. А.Н. Куропаткин (1877 г.) дает цифру в 1200000 д.⁶ М.В. Певцов полагает «приблизительно до 2 млн. душ»⁷. По мнению русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского, приводимому Н.Л. Зеландом⁸, население Восточного Туркестана «в настоящее время едва ли более миллиона». Этой цифры и следует держаться, как наиболее достоверной⁹.

¹ Некоторые лобнорцы считают своими предками монголов, отделившихся от некоего Ал-батая и пришедших на Лобнор с Или; другие говорят, что их предки- монголы были одноплеменны с калмыками и принадлежали четырем родам: тымет, емет, аинас и иаиннас; наконец, по третьему сказанию, пришельцы-монголы нашли на Лобноре племя мачин, с которым вскоре и смешались (Пржевальский «Четвертое путешествие», Спб., 1888 г., стр. 300).

² По слышанным Пржевальским сказаниям, население округов Кашгара и Аксу считается принадлежащим племени ардбюль, а жители расположенных далее на восток оазисов Бай, Куча и Курля происходят от племени хурасан, которое пришло в древности из Авганистана (?) и отличается красотой, в особенности женщины; население хотанского и керийского округов именуется мачин и отличается по типу и даже по наречию от яркендского и кашгарского («Четвертое путешествие», стр. 362, 420, 429 и 484). Вероятно, отличия мачинцев происходят от сильной тибетской примеси.

³ Носят особые имена, вроде племенных, папчулыки и долоны. Первые, по сведениям посольства Форсайта (Report etc., 1875, р. 61, 62), обитают, в числе 2 т. домов и 14 т. д. о. п., в горах по р.р. Тызнап и Яркенд-дарье, арийского происхождения, зовут себя rakhra, а страну Rakhruluk. По-видимому, часть этих самых папчулыков описывает г. Певцов («Труды тибетской экспедиции», т. I, Спб., 1895 года, стр. 24 и 143) под именем ваханлыков. По обоим источникам они шииты и говорят по-тюркски. Что касается долонов, то по Форсайту (р. 4) они составляют большую часть населения округа Маралбаши (35 т. д.) и именуются dol или dolan, что значит крестьянин, и напоминает народец dolpa в Тибете, упоминаемый в «Тарихи-Рашиди»; им на месте приписывают калмыцкое происхождение, но по наружности они напоминают тибетских bot; они говорят по-тюркски и мусульмане. По г. Певцову (стр. 544), долонами жители западных округов зовут туркестанцев города Курля (3 т. д.), которые суть «потомки ссыльно-поселенцев» из западной Кашгарии, водворенных здесь китайцами во второй половине XVIII столетия. По «Си-юй-вынь-цзянь-лу» 1773 г.), население Курля состоит не из ссыльных, а просто из «доланов», которые «составляли особое поколение в Туркестане, приближенное к хочжамам (ходжам), пасли лошадей их, вынашивали орлов» (Иакинфа «Описание Чжунгарии» и пр., Спб., 1829 года, стр. 119). Тибетское происхождение их мне кажется весьма вероятным.

⁴ В.В. Григорьев «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 г., стр. 40.

⁵ Report etc., 1875, р. 62.

⁶ «Кашгария», Спб., 1879 года.

⁷ «Труды тибетской экспедиции», том 1, Спб., 1895 г., стр. 62.

⁸ «Кашгария и перевалы Тяньшаня» в «Записках западно-сибирского отдела И. Р. географического общества», книжка IX, Омск, 1887 г., стр. 136.

⁹ По Н.Ф. Катанову («Известия И. Р. географического общества», 1893, стр. 526), всего «китайских татар» насчитывается около 425 т. д. о. п. Цифра эта, источники которой неизвестны, конечно, ошибочна, именование же тюрков Восточного Туркестана «татами» едва ли правильно: желательно для избежания

Таранчи (т.е. хлебопашцы) илийской долины суть жители Восточного Туркестана, переселенные китайцами во второй половине XVIII столетия в окрестности Кульджи для снабжения местных гарнизонов хлебом. После восстания мусульман в Кульдже (1864 г.) таранчи образовали было независимое владеньице, но в 1871 году Кульджа была занята русскими. При передаче ее в 1882-1883 гг. китайцам большая часть таранчей переселилась в русские пределы в той же илийской долине, где к 1885 г. их состояло 10201 семья в числе 47911 д. о. п. Взамен ушедших китайцы переселили в илийский округ из Кашгарии 8 т. семейств¹, так что в китайской части илийской долины с оставшимися около 2 т. семей вновь образовалось до 50 т. с лишним душ таранчей. Общее число таранчей можно теперь полагать в 100000 д. о. п.²

XIII. Итоги статистических сведений о тюрках

Тюрки Сибири и Монголии

Якуты 221776 д.

Южно-сибирские тюркские племена

Алтайцы и телеуты 22796 д.

Отуреченные енисейцы и самоеды верхней Оби 22044 «

Тюрки бассейна Енисея 35793 «

80633 д.

Урянхайцы 45000 «

Хотоны 2000 «

Барабинцы и зап.-сибирские татары 41783 «

391192 д. о. п.

Кыргыз-казаки

недоразумений постепенное упразднение ошибочного термина, а не беспричинное распространение его на новые народности, которые сами себя не зовут татарами и не именуются татарами у соседних народов.

¹ Костенко «Чжунгария», Спб., 1887 г., стр. 97.

² В китайских владениях, в провинции Гань-су, близ города Сюнь-хуа-тина на правом берегу желтой реки, есть небольшой оседлый народец тюркского языка, известный под именем саларов. Численность их, по словам бывшего в их земле в 1892 году Woodville Rockhill'я, простирается до 8 т. семей или 40 т. душ; они утверждают, что пришли из Самарканда в 1370 г. (The Geographical Journal, 1894, May, а также The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britains and Ireland, 1892, p. 598-602), что, конечно, невероятно.

В русских владениях	3091394 д.
В Хиве и Бухаре	4000 «
В китайских владениях	10000 «
	3236394 л. о. п.

Кара-киргизы

В русских владениях	304388 д.
В бухарском ханстве	4000 «
В китайских владениях	10000 «
	318388«

Тюрки востока европейской России

Ногайцы и прикавказцы	429834 д.
Башкиры, мещеряки, тептери, волжские, казанские	2581509«
и пр. татары	
Чуваши	539200 «
	3550543 «

Юго-западные тюрки

Османы Турции	10000000 д.
Османские тюрки Закавказья	70226 «
Тюрки Персии	2000000 «
Азербайджанские татары Закавказья	1168025 «
	13238251«

Туркмены

В русских владениях	261597 д.

В Хиве и Бухаре	203750 «
В Авганистане и Персии	80000 «
	545347 д. о. п.

Узбеки

В русских владениях	579740 д.
В Хиве и Бухаре	1257500 «
В авганских владениях	200000 «
	2037240 «

Сарты

В русских владениях	628000 д.
В Бухаре	700000 «
В авганских владениях	100000 «
	1428000 «

Тюрки Восточного Туркестана

Таранчи в русских владениях	47911 д.
Тюрки китайских Кульджи и Восточного Туркестана	1050000« 1097911 «
Всего тюрков	25843266 д.о.п ¹

Из общего числа тюрков состоят в непосредственном подданстве России 10046016 д. и в вассальных владениях (Бухаре и Хиве) 2209250 д., итого 12255266 д. В Турции 10000000, в Персии 2030000, в авганских владениях 350000 и в китайском подданстве 1208000, итого 13588000 д.

¹ Так как взятые нами цифры тюркских народностей, вероятно, вообще менее действительных в настоящее время, а цифры о численности некоторых народцев (каковы салары и киргизы около Синаина и др.) совсем не введены в итоги, то не только будет ошибкой считать общую численность тюрков в 26 миллионов, но эта цифра, вероятно, все еще менее истинной.

Если считать, как это обыкновенно принимается, население земного шара в 1500 миллионов, то 26 м. тюрков составляют менее 2% человечества. В населении России, равнявшемся в 1885 году 108787235 д. о. п.¹, 10046016 тюрков несколько превышают 9%. Тюрки русских владений сосредоточены главным образом в Туркестане, степных и закаспийской области, в закавказском крае и в восточных губерниях европейской России. Сплошная же масса их занимает пять степных областей, три туркестанских с аму-дарьинским отделом и закаспийскую область, из 5427098 д. населения которых (по «населению империи 1885 года») 4913030 д. принадлежат тюркским народностям, а именно 3091394 киргиз-казаков, 304388 кара-киргизов, 261597 туркмен, 579740 узбеков, 628000 сартов и 47911 таранчей.

Конечно, после 1885 г. население России увеличилось, но так как и сведения о численности тюркских народностей тоже большей частью устарели, то процентное отношение едва ли значительно изменится и при получении вполне современных цифр.

XIV. Общие заключения о преобладающих в этническом составе тюркских народностей племенах и примесях. Подтверждение этих заключений данными антропологических измерений относительно роста и головного указателя тюркских родов, племен и народностей. Лингвистические классификации

По всей вероятности еще в Алтае, а затем и по выходе в Монголию и в киргизскую степь, тюркские роды и племена более или менее смешивались между собою, образуя сложные родовые и племенные союзы. По историческим данным и нынешнему родовому составу тюркских племен и народностей, во всяком случае, несомненно, что образование новых родовых союзов и включение их и частей родов в состав разных племен и народностей продолжались во время исторической жизни большей части кочевых тюркских племен и народностей. Тем не менее, рассматриваемый нами родовой состав тюркских племен и народностей, в связи с историческими о них известиями, дает основания заключить, что есть несколько главных тюркских племен, которые легли в основу существующих ныне тюркских народностей.

Так, 1) племя канглов и близко ему родственное или происходящее от него, 2) племя кипчаков были главным тюркским элементом в образовании юго-западных тюркских народностей (османов и иранских или азербайджанских тюрков или татар), туркменов, нагайцев, волжских татар, башкиров и пр., - которых общая численность превышает 17 миллионов душ, - а также принимали значительное участие в составе узбеков, сартов и киргиз-казаков, так что более двух третей всех ныне существующих тюрков происходят от канглов и кипчаков. За ними следуют образовавшие киргиз-казачью народность, при участии в составе ее канглов и кипчаков, племена 3) дулат,

¹ Это пока последняя обнародованная официально цифра населения всей империи, значащаяся в изданном Центральным Статистическим Комитетом «Сборнике сведений по России за 1884 и 1885 гг.» (Спб., 1887 г.) в отделе «Население империи 1885 года».

которое стояло некогда во главе чуйских родов, а ныне преобладает в большой орде, 4) алчин, лежащее в основе малой орды, 5) аргын, 6) найман и 7) кирей, составляющие с кипчаками среднюю орду. Далее 8) племя кыргызы, отдавшее части своих родов в состав большой орды, но продолжающее в течение многих веков сохранять обособленное положение в горной части западного Тяньшаня, достигая численностью 225 т. душ. Затем 9) племя саха или якутское, составляющее в числе 230 т. душ главное население северо-востока Сибири, является остатком древнего тюркского племени, главная масса которого некогда занимала западный Тяньшань под именем сака или са, се и закончила свое существование в Индии, оставив по себе следы в западном Тяньшане в виде кара-киргизского поколения саяк и на Енисее в виде рода сагай. Древние племена 10) теле (оно же гаогуй) и 11) турк-тукю, после падения владычества их в Монголии, - которое последовательно принадлежало сначала туркам, а потом ветви теле уйгурам, - разбились на мелкие части, вошедшие преимущественно в состав союзов или племен кирейского, найманского и аргынского, а также лесных народов и племен между Байкалом и Черным Иртышом; части этих же двух племен усилили свою тюрко-китайскую помесь, которой начало было положено еще гуннами и которая известна ныне под именем дунган; остатками турков-тукю являются ныне телесы в Алтае, а остатками теле - телеуты. Вышедшее едва ли позже всех из Алтая 12) племя карлык в такой сильной степени слилось с канглами и в особенности так потратилось на отуречение населения Восточного и Западного Туркестана, обратившись в первом к оседлости, что уцелело поныне лишь его племенное имя в числе узбекских родов, в которых сохранились также имена уйгуров и тюрков. Остальные тюркские племена или существовавшие достаточно продолжительное время и многолюдные союзы родов, каковы онгуты, татары, меркиты, почти целиком омонголенные или истребленные во время Чингиз-хана, а также ушедшие за Урал гунны, болгары, хазары, печенеги, гузы (они же комань, половцы) и пр., частью слившиеся с нетюркскими народностями, частью вошедшие в состав тюрков восточной России, наконец, мелкие народцы, племена и роды склонов Алтая и Саяна - все они мало или совсем не участвовали в образовании большей части нынешних наиболее многолюдных тюркских народностей средней и западной Азии.

Руководствуясь историческими известиями и рассматривая родовой состав существующих тюркских племен и народностей, я отмечал данные, указывающие на те примеси к общетюркскому корню, которым должно быть главным образом приписываемо образование тюркских племен и народностей. Самые ранние, положившие основные различия между первоначальными племенами, были помеси с северно-азиатскою длинноголовою расою или с динлинскими народами, затем с самоедскими и, наконец, с финно-угорскими племенами. Помеси со среднеазиатскими арийцами, потом с иранцами, а затем с различными народами западной Азии и восточной Европы были гораздо более поздними и коснулись преимущественно, почти исключительно, канглов и кипчаков, распространившихся на юго-запад.

Не повторяя подробностей, сделанных уже при рассмотрении отдельных народностей замечаний относительно примесей, считаю необходимым обратить внимание на подтверждение их начинающими развиваться в последние годы антропологическими исследованиями.

Для выяснения антропологического значения различных примесей можно взять данные относительно двух важных признаков, по которым имеется наибольшее количество измерений, именно - роста и головного указателя. Заметим для соображений, что рост коренных тюрков надо считать «выше среднего»¹, а головной указатель - брахицефалическим².

Об алтайско-саянских племенах и кара-киргизах с киреями, в состав которых, по приведенным нами более или менее достаточным основаниям, должны были войти динлинские примеси, имеются следующие данные³:

	Рост	Головной указатель
4 кумандинца, по измерениям Ядринцева, дали	1673 мм ⁴	82,60
3 алтайца, по его же измерениям	1673 « ⁵	86,35
3 телеса, то же	1608 « ⁶	83,09
3 телеута, по Ядринцеву	1647 « ⁷	78,09
3 урянхайца, то же	1535 « ⁸	83,40

¹ Рост в 1650-1700 миллиметров антропологи считают выше среднего, между 1650 и 1600 и ниже среднего, а менее 1600-малым. В замечательно хорошо составленном антропологическом отделе Turcs Nouveau dictionnaire de geographie universelle par Vivien de St. Martin et L. Rousselet, Paris, 1894, tome VI, p. 904-909, автор которого пользовался новейшими, преимущественно русскими, исследованиями по антропологии тюрков, рост тюрков определяется в среднем в 1670-1680 мм.

² В той же статье средний головной указатель тюрков принимается между 85 и 87. С указателем от 83, 34 и больше антропологи называют брахицефалами; от 80,01 до 83,33 - суббрахицефалами; от 77,78 до 80,00 - мезатицефалами; от 75,01 до 77,77 - субдолихоцефалами; от 75,00 и меньше - долихоцефалами (А.Н. Харузин «Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. 1, стр. 165).

³ Большую часть этих данных и указания их источников можно найти у А.Н. Харузина («Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. 1, том 72 «Известий И. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при И. Московском университете», Москва, 1891 г., стр. 64-68, 162-165).

⁴ У А.Н. Харузина 1700, но по сложении цифр, помещенных в измерениях Ядринцева («Известия» вышеуказанного общества, т. 49, вып. I, стр. 31 и след.), и по разделении итога на 4 получается 1673, 75.

⁵ Измеренные названы алтайскими калмаками. Кости не указаны. Рост дан только у одного - 1755. О росте алтайцев можно получить понятие, если добавить к упомянутому росту одного алтайца рост измеренных Ядринцевым же пяти телингитов, т.е. алтайцев же: средний рост шести выйдет 1675 мм.

⁶ Цифры роста 1635, 1540 и 1650.

⁷ Имеются измерения роста только двух телеутов. Третья, женщина, не измерена.

⁸ Названы Ядринцевым соёнцами. Одному из них только 15 лет.

16 черневых татар, по его же измерениям	1654 « ¹	79,49
40 кара-киргизов, по измерениям Зеланда	1653 «	87,28
39 киреев, по измерениям А.А.Ивановского	1684 «	89,27

Конечно, 1, 3, 4 измерения на племя или род совершенно недостаточны и весьма часто дают случайные, неверные результаты. Поэтому из приведенных данных более достойны внимания относящиеся к черневым татарам, к кыргызам и киреям. Сходство роста у черневых и кыргызов подтверждает происхождение обоих от тюрков и енисейцев, которые, по-видимому, имели одинаково рост выше среднего. Разница в головном указателе объясняется, мне кажется, во-первых, большей дозой динлинской крови у черневых и, во-вторых, вероятным перевесом тюркской короткоголовости у кыргызов, удалившихся уже более двух тысячелетий от енисейцев и вступавших в это время в браки только с брахицефалами - тюрками. Каким именно родам принадлежат измеренные г. Ивановским киреи - неизвестно. Может быть, они частью даже не абак-киреи, а кара-киреи не кирейского племени. Впрочем, по росту эти киреи не особенно далеки от несомненных помесей енисейцев с тюрками, представляемых кыргызами и черневыми татарами; что же касается брахицефаличности, то у них очевидно сильное преобладание в этом отношении тюркской крови. Кумандинцы, видимо, занимают середину между длинноголовыми енисейцами и короткоголовыми тюрками. Телеуты принадлежат даже к мезатицефалам; если бы можно было полагаться на три измерения и если бы именно вследствие незначительности числа измерений не было возможно предположение о случайной усиленной примеси енисейцев в позднейшее сравнительно время, то мезатицефаличность телеутов неоспоримо подтверждала бы, что предков их теле недаром полторы тысячи лет назад прозывали «гаогюйскими динлинами». Приближающийся к низкому росту рост телесов может быть следствием помесей их с низкорослыми соседями их урянхайцами, к которым они сполна уходили между прочим в XVII веке. Низкорослость же урянхайцев есть подтверждение их самоедского происхождения, ибо 33 самоеда архангельской губернии, при измерениях проф. Зографа, оказались в среднем роста в 1580 мм (при головном указателе 82,41).

По большой орде имеется только 11 измерений д-ра Н.Л. Зеланда, по которым рост определяется в 1687 и головной указатель в 85,10. К сожалению, эти измерения недостаточны и количественно, и по неизвестности родов.

Для средней орды даны А.А. Ивановским измерения по четырем родам (в зайсанском уезде), а именно:

Рост	Головной указатель

¹ Ядринцев не отличал черневых татар от шоров, так что измерения его относятся к тем и другим. Цифры роста есть только для 13 лиц из 16.

23 измерения племени найман	1626,17 мм	89,31
(название рода неизвестно)		
33 измерения рода мурун	1610,56 «	89,53
31 измерение рода байджигит	1642,77 «	89,50
39 киреев, как уже приведено	1684,70 «	89,27

В среднем отсюда средняя орда выведена в 1646,61 и 89,39, но по росту киреи столь далеки от остальных трех родов других племен, что подобные средние выводы соответствуют только чему-то несуществующему в действительности и очень от нее далекому. Рост ниже среднего найманов и байджигитов может быть объяснен сильной примесью самоедов в составивших эти два племени родах и частях «лесных народов».

Склоняющийся к низкому рост букеевской орды (157 измерений неизвестных родов) в 1629, при головном указателе в 86,28, произошел, во-первых, от примесей угро-финнов, ибо рост вогулов (13 измерений проф. Малиева) оказался в 1542, при головном указателе в 77,82, и рост остяков (95 измерений проф. Соммье)¹ в 1560 мм. При головном указателе в 79,46, во-вторых же, от нахождения в составе родов орды низкорослых наймановских частей.

74 башкира, по проф. Соммье², дали рост в среднем 1660 и головной указатель 83,52. Большая высота роста и меньший указатель головной у башкиров против букеевской орды объясняются значительной примесью восточных финнов: 30 измерений мордвы-ерзи (Майнова) обнаружили средний рост 1680 и головной указатель 83,81³. Измерения г. Назарова (всего 161 башкир) выразились в среднем росте в 1662 и головном указателе в 82,51, но показали значительные и замечательные разницы по родам:

	Рост	Головной указатель
20 башкир кара-кипчакского рода	1648 мм	83,10
11 карагай-кипчакского рода	1666 «	85,92
17 дангаурского	1661 «	85,12
35 бурзянского	1677 «	81,51
10 тангатарского	1597 «	84,09

¹ «Записки уральского общества любителей естествознания» и пр., том XIII, вып. 1, Екатеринбург, 1892 года.

² Там же.

³ «Известия И. общества любителей естествознания» и пр., том 71, вып. 4.

68 усерганского

1651 «

82,48

С последними сходятся измерения 49 мецерьяков проф. Зографа, по которым вышел рост в 1652 и головной указатель 82,51.

По 33 измерениям г. Безенгра рост казанских татар 1617, а головной указатель 83,12¹. На росте видимо влияние угро-финских примесей.

По измерениям Елисеева, рост тюрков-османов (143 лица, в Малой Азии) оказался в среднем 1670, а головной указатель вышел 84². У 40 тюрков-османов ахалцыхского и ахалкалакского районов найден г. Пантюховым рост 1660 и головной указатель 84,70.

Рост 6 кумыков определен тем же исследователем в 1700, а головной указатель 84,8³.

59 туркменов (в том числе 51 теке) дали, по измерениям И.Л. Яворского, рост 1694 и головной указатель 75,64⁴, значит, последний много меньше османского и даже азербайджанских татар, головной указатель которых, по 34 измерениям г. Данилова, оказался 78,10⁵. Впрочем, по 23 измерениям теке, иомудов и пр. проф. Малиева и др. головной указатель вышел значительно больше - 79,9 при росте по 22 измерениям в 1730, но 4 иомудских черепа опять дали головной указатель 75,00, который для живых надо повысить до 77,00⁶. Относительная длинноголовость туркменов сравнительно с азербайджанцами может быть объясняема значительным притоком в Персию короткоголовых северных тюркских племен в могольское время, причем часть их проникла и далее на запад, к туркменам же, в их песчаные пустыни, пристало их мало. При мезатицефальности и даже брахицефальности нынешних персов субдолихоцефальность туркменов (75,64), однако, является все-таки загадкой, для решения которой придется, быть может, предположить весьма значительную в туркменах примесь кочевых длинноголовых иранских племен, обитавших в древности на нижнем Яксарте, а также западные и южные, напр., аланов⁷.

Антропологические исследования узбеков и сартов пока скудны:

¹ По статьям о тюрках и татарах в Nouveau dictionnaire de geographie universelle, 1894, t. VI, p. 402, 403, 904 etc., головной указатель якутов 82, рост чувашей 1610, а их головной указатель 80,50, рост же казанских татар определился в 1620.

² «Известия И. общества любителей естествознания» и пр., том 71, стр. 67 и 82. Брахицефалов и подкороткоголовых 60%; долихоцефалов и поддлинноголовых 20%; последние преимущественно в городах, брахицефалы же между номадами.

³ «Записки кавказского отдела И. Р. геогр. общества», кн. 18, 1895 года, стр. 114 и 116.

⁴ «Краткий отчет о научной командировке в среднюю Азию, исполненной летом 1894 года», вып. 2, Одесса, 1895 г., стр. 49 и 54.

⁵ «Записки кавк. отдела», 18, стр. 116. По Nouveau dictionnaire de Geographie, t. VI, 1894, p. 402, по 34 измерениям Эркerta 79,4 и по 18 измерениям Шантра 84.

⁶ Там же, р. 934.

⁷ С другой стороны, если принять соображения, что древние персы имели светлую окраску волос и, вероятно, были долихоцефалы, темную же окраску и брахицефальность приобрели от помесей с семитами и тюрками, то мезатицефальность туркменов можно объяснить помесью тюрков с древними персами, что подтверждает в свою очередь существование тюрков на границах Ирана до Р.Х. в лице уже упоминавшихся сакараулов и других предков туркмен.

	Рост	Головной указатель
11 узбеков Зеравшана, по Федченко дали	1664,30	83,24
33 узбека Самарканда, по Уйфальви	1678,30	84,01
Узбеки Ферганы, по Уйфальви	1670,50	86,13
8 сартов Зеравшана, по Федченко	1690,80	85,63
29 таджиков, по Уйфальви	1716,10	83,26

Наконец о таранчах дают данные измерения врачей Мацеевского и Пояркова, по которым 30 таранчей из кульджинских деревень оказались роста 1642,10 с головным указателем 84,13. По 30 измерениям д-ра Зеланда рост кашгарцев оказался в среднем 1657, а головной указатель 86,9¹.

В заключение надобно, - в качестве имеющих ближайшее отношение к этническому составу тюркских племен и народностей общих результатов лингвистических изучений, - привести классификации тюркских наречий двух выдающихся тюркологов и этнографов, трудами которых нам так часто приходилось пользоваться. Академик В.В. Радлов, бесспорно занимающий между тюркологами первое место, как по громадности совершенных им трудов, так и по высокой научной их обработке, дает следующую классификацию тюркских диалектов, на основании фонетических признаков: 1) Восточные наречия; а) алтайское и телеутское, б) барабинское, в) лебединское, шорское, г) абаканские (собственно абаканское, сагайское, койбальское, качинское, кызыльское), д) чулымское, е) сойонское, ж) карагасское и з) уйгурское. 2) Западные диалекты: а) киргизский (кара-киргизский, киргиз-казачий и кара-калпакский), б) иртышский (туралы, кюрдак, тобольский и тюменский), в) башкирский (степных и горных башкиров), г) волжский. 3) Средне-азиатские: а) таранчинский, б) хамийский, в) аксуйский, г) кашгарский, д) яркендский; е) джагатайский (северных сартов, коканский, узбекские - зеравшанский, бухарский, хивинский). 4) Южные диалекты: а) туркменский, б) азербайджанский, в) кавказский, г) анатолийский, д) крымский, е) османский². Другой выдающийся тюрколог и этнограф Вамбери, не отрицая лингвистической правильности этой классификации, находит ее, однако же, неудовлетворительною, так как в ней уйгурское наречие помещено в одной группе с алтайскими и саянскими, с которыми оно не состоит в этнических соотношениях, тогда как наречия комульское и аксуйское, прямо происходящие от уйгурского, зачислены в другую группу; столь же мало согласен он с помещением кара-калпакского и башкирского наречия в одну группу с киргизским и др. наречиями, ибо кара-калпаки

¹ «Записки западно-сибирского отдела И. Р. геогр. общества», книжка 9, 1887 года, стр. 47 и 48. Измерения произведены были в г. Верном; в числе измеренных было 5 жителей Аксу и Турфана.

² *Phonetik der nördlichen Türkssprachen*, Leipzig, 1885, s. 280-291.

пришли в среднюю Азию с Волги, нынешних же башкиров нельзя отождествлять с древними (?). По мнению Вамбери, диалектические особенности языка какого-либо народа еще далеко не указывают его этнического происхождения¹. Со своей стороны, он делит тюркские наречия на следующие три главные группы: 1) южно-сибирские диалекты, 2) восточно-тюркские, происходящие, как показывает 900-летний текст «Кудатку-билик», от уйгурского и простирающиеся от Тяньшаня до Адриатики длинной цепью, кольца которой состоят из наречий киргизского, узбекского, туркменского, куманского и османского, и 3) смешанные диалекты, как башкирский, казанский, ногайский и крымско-татарский, в которых преобладают признаки сибирских Наречий, но вместе с тем весьма явственно влияние восточно-тюркских диалектов².

Хотя лингвистам необходимо иметь в виду этническое происхождение народностей, языки которых ими изучаются, тем не менее, лингвистическая квалификация наречий должна основываться на лингвистических же признаках и данных, а не на каких-либо иных. Если, признавая правильность классификации В.В. Радлова с лингвистической стороны, Вамбери отвергает ее только по несогласию со своими мнениями об этническом происхождении некоторых народностей, то это, скорее всего, может указывать на ошибочность мнений Вамбери по некоторым этническим вопросам, но совсем не доказывает несостоятельности лингвистических признаков для классификации наречий. Никаких данных, указывающих на происхождение кара-калпаков и башкиров от других тюркских племен, а не от тех, от которых происходят киргиз-казаки, Вамбери не приводит в соответствующих главах своей книги. Между тем сведения о родах кара-калпаков и башкиров удостоверяют, что народности эти составились в значительной мере из тех же тюркских племен, как и киргиз-казаки; отличие от киргиз-казачков заключается лишь в примесях, которые отразились сильнее на антропологических типах башкиров и кара-калпаков, но в наречиях их дали менее важные следы. Хотя кара-калпаки, по их преданию, пришли в бассейн Аральского моря с берегов Волги, и примесь, создавшая особенности их типа, не выяснена, тем не менее едва ли можно сомневаться, что тюркские племена, которые составили этот народец, вышли на Волгу из азиатских степей. Что касается происхождения почти всех тюркских племен, кроме сибирских, от уйгуров, то это ошибочное и несогласное с историей предположение получило начало со времен первого ознакомления европейских и мусульманских писателей с восточными тюрками в монгольскую эпоху и было, по-видимому, результатом существования в то время у тюрков уйгурского письма, принятого и монголами. В действительности уйгуры были только ветвью племени теле, господствовавшей в Монголии менее столетия; после падения их ханства на Орхоне, уйгуры удалились к подножиям восточного Тяньшаня и Наньшаня; обратившись к оседлости, они слились с отуреченным гораздо ранее, преимущественно другим тюркским племенем, местным населением и образовали небольшое и бессильное владение, влачившее существование до кара-киданьского

¹ Das Türkenvolk, 1885, s. 86, 87

² Id., s. 73, 74.

Елюй-Даши, который мимоходом, с ничтожными еще силами, подчинил маленькую Уйгурию; из-под власти кара-киданей Уйгурия перешла в руки монголов; при тюрко-монгольских дворах Чингиз-хана и его потомков и в управлении подвластными им странами играли значительные служебные роли в качестве секретарей, министров, сборщиков и учетчиков податей и пошлин, а также отчасти торговцев, но это продолжалось недолго, потому что на востоке вытеснили их несравненно более образованные китайцы, а на западе мусульмане. Усвоенные уйгурами сирийские письмена, занесенные к ним манихейцами или несторианами, вероятно, начали распространяться между тюркскими племенами еще во время владычества уйгуров в Монголии, но благодаря известной культуре, которую уйгуры нашли и приняли от гаочанского населения, распространение это продолжалось, при помощи торговых сношений, и в позднейшее время. Уйгурские племена, однако, не влекут за собой непрямого употребления уйгурского языка. Как монголы писали уйгурскими письменами по-монгольски, так и тюркские племена, конечно, употребляли в писанных уйгурскими письменами рукописях свои собственные каждое наречия. Так и относительно «Кудатку-билик», оконченного в 1068 г. в Кашгаре для карлыкского государя уроженцем Беласагуна, можно думать, что сочинение это написано на местном, т.е. карлыкском наречии: «какая же статья была автору Кудатку-Билик, жившему в Мавераннахре или в Кашгарии, писать по-уйгурски»¹? Причисляя уйгурское наречие к группе южно-сибирских, из которых особенно алтайское «носит печать глубокой древности», В.В. Радлов, без сомнения, руководствовался близостью к ним уцелевших памятников уйгурского языка, зачисляя в число их «Кудатку-билик». Но несомненным и древнейшим памятником уйгурского языка являются уйгурско-орхонские надписи, так что решения вопроса о языке «Кудатку-билик» и о языке уйгурском надо ожидать по изучению уйгурско-орхонских надписей². Во всяком случае, вышеприведенная лингвистическая классификация В.В. Радлова³ в общих чертах не расходится с данными и выводами настоящего исследования об этническом составе тюркских народностей и племен. Именно первая («восточная») группа состоит из

¹ В.В. Григорьев «Восточный Туркестан», вып. 2, 1873 года, стр. 350, примечание 124.

² Нельзя не думать, что к алтайскому наречию стоят ближе диалекты племен позже всех оставивших Алтай. Таков должен был быть диалект карлыкский, ибо карлыки оставили западный Алтай около VII столетия, на тысячу лет позднее предков уйгурских - гаюйцев, если верить китайским известиям о нахождении гаюйцев в юго-восточном Ордосе уже в IV веке до Р.Х.

³ Кроме классификаций В.В. Радлова и Вамбери существует много других, почти столько же, сколько было касавшихся этого предмета лингвистов. Из новейших одна намечена Н.Ф. Катановым («Этнографический обзор турецко-татарских племен», Казань, 1894 года), другая - Leon Cahun (Introduction a l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines a 1405, Paris, 1896, p. 34 et 35). В 1886 г. в одной из своих работ относительно Codex Comanicus (Melanges asiatiques, tires du Bulletin de l'Academie des sciences de St-Petersbourg, t. IX, p. 87- 92), В.В. Радлов делил тюркские племена и наречия на три группы: кипчакскую (племена, «обитавшие в IX-XIII веках между Алтаем и Черным морем и имевшие потомками часть нынешних абаканских татар, барабинцев и иртышских татар и казанских татар с киргизами»), восточную или уйгурскую (составляющие ее племена не перечислены) и южную или сельджукскую; относительно кипчакской группы, к которой причислен кокандский диалект, замечено, что наречия этой группы, первоначально очень близкие, с течением времени отдалились друг от друга и слились с соседственными диалектами, так что принадлежат теперь к другим группам диалектов. Судя по последнему замечанию, В.В. Радлов продолжает держаться своей фонетической классификации. Тем не менее с зачислением какой-то части нынешних абаканских татар, а также всех киргизов в потомство кипчакской группы согласиться трудно, потому что это противоречило бы несомненным этническим и историческим данным.

алтайских и саянских народцев, представляющих собой остатки древнейших тюркских племен в их отечествах, с продолжавшейся большей или меньшей примесью енисейцев и самоедов; при всех различиях между диалектами этой группы, зависящих, вероятно, не столько от основного в каждом народце племени, сколько от примесей и времени принятия последних, саянско-алтайские наречия имеют немало общего в своей близости к древнему общетюркскому языку, ибо несравненно менее, чем остальные группы, подверглись влияниям мощных иноплеменных народов, их культуры и языков. Вторая («западная») группа вмещает в себя все тюркские племена и союзы, вышедшие первоначально из Алтая и имевшие древнейшие примеси динлинов и самоедов, а затем занимавшие Монголию и степи до Сыр-дарьи и Дуная; племена и народности этой группы, достигавшие северо-запада, получали здесь угорские и финские примеси; вместе с тем, чем далее на запад, тем более народности этой группы представляют собой разнородный конгломерат, имеющий историческое происхождение как результат перемешанности тюркских племен и союзов при вытеснении их в разные времена из пределов Монголии и из восточной части степи на запад; наиболее густым конгломератом являются волжские татары и ногайцы, затем башкиры, менее киргиз-казаки и еще меньше кара-киргизы; вполне естественно, что между наречиями этой группы существуют различия, но вместе с тем есть и много общего вследствие постоянного общения в продолжение многовековой соседней, нередко совместной и политической жизни. Третья («среднеазиатская») группа характеризуется примесью восточно-иранской крови, общей как для населения Восточного Туркестана (имеющего сверх того тибетские метисации), так и для Западного (сарты, узбеки), хотя тюркский элемент принадлежит разным племенам: на южных склонах восточного и среднего Тяньшаня - чуйскому и уйгурскому, в Кашгарии - карлыкскому, в Западном Туркестане - первоначально сагайскому, канглам и карлыкам, впоследствии узбекам, в составе которых преобладали кипчаки, найманы, аргыны. Четвертую («южную») группу образовали преимущественно канглы, отчасти кипчаки, при незначительном участии частей остальных тюркских племен, в метисациях с западными иранцами (туркмены и азербайджанские татары) и с народами Армении, Малой Азии и Балканского полуострова.

Август 1896 г.

Живая старина. Спб., 1896.

Вып. III-IV. С. 277-456

НАМАНГАНСКИЙ ОКРУГ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

(Из показаний одного выходца в 1871 году)

Наманганская долина имеет в ширину (от Сырдарьи до гор) от ½ дня (35 верст) до 1 ½ дней (105 верст) конной езды, а в длину, по протяжению Нарына, простирается до 5 дней езды (300 верст). Вся долина покрыта горными речками, впадающими в Сырдарью, и выведенными из них арыками. Почва весьма плодородна, так что Коканд, производящий хлеб в недостаточном количестве для пропитания своего населения, получает значительную часть хлебных продуктов с правого берега Сырдарьи - из Намангана. Виноград родится в изобилии и отличного качества, лучший в кокандских владениях. Урюк, яблоки и другие плоды рождаются хорошо. Хлопчатник и шелководство доставляют для населения сырой продукт, перерабатываемый сартами в бязи, шаи и другие шелковые материи; значительная часть хлопчатой бумаги и шелку вывозится в Коканд и Ташкент.

Оседлое население (сарты) обитает в пяти городах и многочисленных кишлаках.

Г. Наманган находится в 30 верстах от Сырдарьи, на арыках Джинга-Арык. При исчислении, произведенном лет пятьдесят назад, оказалось в этом городе 5000 домов и дворов и не менее 25000 душ жителей; теперь число населения несравненно значительнее. Наманган от Анджана (Андиджан) и Коканда, находящихся на левом берегу Сырдарьи, в двух днях тяжелой езды (около 100 верст).

На запад от Намангана, в 6 ташах пути (36-40 верст), находится город Туз, имеющий население, равное или немного меньшее, чем Наманган.

На восток от Намангана лежат города: Аурузек в 6 ташах (30—40 в.) от Намангана, ближе к горам, Касан - в 1/4 ташах от Намангана (10 верст) и Чартак - в 2 ташах (12 верст). В первом 400 дворов, во втором 500 и в третьем столько же.

Между городами расположены многочисленные кишлаки (деревни). Жители их занимаются земледелием и скотоводством. Обитатели городов с этими промыслами соединяют торговлю и производство бязей и шелковых материй. Кочующие в горах кары-киргизы и кипчаки, кроме земледелия, занимаются скотоводством.

С левым берегом Сырдарьи население Наманганского края сообщается посредством многочисленных переправ на лодках и паромах. Против Чартака устроен постоянный деревянный мост, по которому могут проезжать рядом две телеги; при мосте этом есть деревушка Уч-Курган, а самый Чартак находится от него в 4 ташах (24-32 версты). Сообщение с верховьями Сырдарьи существует только вьючное, по левому берегу реки. Пути в Коканд и Анджан - тележные. Прямое сообщение с Ташкентом - вьючное; в Аулие-Ата ходят также только вьючным путем, через проход, образуемый с юга р. Чаткалом, а с севера р. Талас. Дорога из Аулие-Ата выходит на Аурузек и

проходится торговцами с баранами в 9 дней (около 150 верст); дорога эта, при некоторых исправлениях, может быть сделана проходимою для транспортов.

Городами и кочевниками управляют назначенные кокандским ханом беки.

Податных сборов три: 1) халля - подать с зерновых хлебов, составляющая 1 мешок из 5 мешков собранного зерна; 2) танап - подать с прочих культурных растений и плодовых деревьев, составляющая 5 коканов (1 р.) с одного танапа (около 20 квадратных сажень), и 3) хан-салык - денежный побор с каждого двора, от 4 до 5 коканов ежегодно.

Самая обременительная для населения повинность есть воинская. Стараясь образовать значительное постоянное войско, обучаемое выходцами из разных стран, главным образом из Бухары, на азиатско-европейский манер, Худояр-хан ввел эту, новую для народа, повинность в своем государстве, не знавшем прежде никакой военной повинности, кроме поголовных вооружений в чрезвычайных случаях.

Материалы для статистики

Туркестанского края: Ежегодник.

Спб., 1873. Вып. 2. С. 139-140

ОТНОШЕНИЯ НАШИ К ДУНГАНАМ, КАШГАРУ И КУЛЬДЖЕ

Китайцы не были для нас искренне дружественными и добрыми соседями на восточной границе киргизской степи. Постоянно противодействуя укреплению нашей власти над киргизами, они привлекали к себе русских киргиз интригами, ласками и заманчивыми обещаниями. Споры за границу не прекращались. Не далее, как в 1863 году, споры эти, после убийства одного из наших офицеров (поручика Антонова, 31 мая), коварно приглашенного под видом переговоров в китайский лагерь, привели даже к вооруженным столкновениям наших отрядов, выставленных для охранения границы с китайскими полчищами, состоявшими из солонов, калмыков и чампанов (каторжных). В то же время консульство наше в Кульдже, подвергавшееся всякого рода стеснениям и придирам от манджурского начальства, вынуждено было (21 июня 1863 года) выйти из кульджинской фактории, опасаясь нападения возбужденной самими китайскими чиновниками черни. Торговые наши права в Кульдже были несравненно меньше, чем, напр., льготы коканских подданных. Нередко торговцам нашим приводилось терпеть всевозможные придиры от высокомерных манджурских чиновников, которые подвергали и официальных наших агентов всем тонкостям стеснительных китайских церемониалов и всем хитростям, софизмам и обманам лукавой китайской политики.

Споры о границе, после двух бесплодных съездов уполномоченных в 1862 и 1863 годах, если и были, наконец, покончены 25 сентября 1864 г. чугучакским протоколом, то к соглашению этому, без сомнения, заставили прибегнуть китайцев успехи дунганского восстания, уже прекращавшего в это время прямые сношения с Пекином, опасение возбудить против себя при тогдашних обстоятельствах неприязнь сильного соседа и расчет на его помощь против мятежников.

Чувствуя свою слабость и отчаянное положение манджуров в западном Китае, отрезанном от всякой помощи из внутреннего Китая, илийский дзянь-дзюнь уже в 1864 году, забыв вероломство, выказанное в отношении к нам китайцами, за год перед тем, обратился к главному русскому пограничному начальству с просьбой о помощи, во имя бывшей дружбы между Китаем и Россией.

Вовлекать себя в неисчислимые затруднения при поддержке китайцев против ожесточенного народа западного Китая было бы для нас крайне нерасчетливо, а потому, как первая, так и повторившиеся в 1865 и 1866 годах, с увеличивающимся отчаянием просьбы китайцев о помощи, были отклонены. Но в то же время, ввиду стремления пограничных наших киргиз на помощь инсургентам, правительство наше воспретило допуск на нашу территорию инсурентов и предписало меры к прекращению всяких их сношений с киргизами.

В самом деле, все пограничные киргизы: байджигиты, кызай, суваны, атбаны, богинцы и даже сарыбагыши из долины р. Чу, тотчас по восстании мусульман в Чугучаке и Кульдже, устремились за границу, частью из желания помочь магометанам-

единоверцам, частью из жажды к поживе на счет китайцев, калмыков и солонов. Все киргизы, которые кочевали близко к границе, зимою 1864/1865 года, пользуясь отсутствием на границе наших отрядов, выставлявшихся только на лето, присоединились к инсургентам. Не только пограничные, но и почти вся масса киргиз, в том числе и казавшиеся дотоле весьма преданными, явно сочувствовали восстанию, сносились тайно с инсургентами и, без сомнения, пристали бы к инсургентам, если бы уюковка не была невозможна зимою, за недостатком подножного корма для скота. Весною же поспешно были выдвинуты наши отряды на границу, причем киргизам бежать большими массами уже было нельзя.

Тем не менее многие, не имевшие возможности бежать за границу совсем, желая воспользоваться своей частью в имуществе китайцев и калмыков, собирались большими партиями с самых дальних мест (напр., из-за Чу) и прорывались на Текес и Или. Тщетно несчастные калмыки старались спасти свой скот и пожитки, то собираясь большими массами и защищаясь с оружием в руках, то скрываясь небольшими частями в самых непроходимых отдаленных щелях и горах; привлекаемые жаждою добычи киргизы, как вороны, по запаху открывали потаенные стойбища калмыков, с яростью нападали даже на большие массы их и повсюду били и грабили калмыков беспощадно. В начале декабря 1864 года богинцы, сегиз-сарынцы и сарыбагыши разграбили буддийский монастырь Сумбо, стоявший на речке того же имени, впадающей в Текес; монастырь и дома лам при этом монастыре были сожжены, идолы золотые, серебряные и медные - расхищены, алебастровые поломаны, обитатели монастыря истреблены или разогнаны, так что бывший на месте грабежа через несколько дней очевидец нашел там только развалины и до тридцати израненных престарелых женщин, умиравших с голода. В марте месяце, собравшись в числе до 1500 человек, богинцы окончательно разграбили калмыков Зоргам-сумун, скрывавшихся в ущелье р. Агияз¹. На Или и около Чугучака киргизы были ревностнейшими союзниками таранчей и дунган; солонские деревни на Или и китайские фермы около Чугучака были ограблены главным образом киргизами; запасы продовольствия чугучакским дунганам доставлялись киргизами в изобилии, в то время как осажденные в Чугучаке китайцы и калмыки гибли с голода.

Положение Семипалатинской области, вся граница которой, простиравшаяся на 14 т. верст, была охвачена инсurreкцией, было весьма затруднительное. Многочисленные отряды, стоявшие в четырех пунктах огромного пограничного пространства (Урджар, Коксу, Аксу, Чунджа), должны были употребить все усилия, чтобы зорко стеречь все пути за границу и наблюдать за киргизами. Местному начальству пришлось принимать самые разнообразные меры, чтобы удержать в наших пределах киргиз: подозрительные волости подвергались строгому надзору, удаляясь в отдаленные от

¹ Всего на Текесе было ограблено у калмыков нашими киргизами не менее 68100 штук скота, судя по тому, что эту цифру богинцы заплатили калмыкам по настоянию нашего начальства в возврат ограбленного в октябре 1865 года. Но этим расчеты не ограничились; впоследствии в 1869 году богинцы еще производили калмыкам уплаты за ограбленный скот.

границы места; верность их обеспечивалась аманатами; зоркие агенты рассыпаны были на всем пространстве области и давали вовремя знать кому следует о намерениях киргиз; влиятельные люди удерживались в благоприятном для нас расположении то лаской, то угрозой.

Благодаря всему этому порядок в наших пределах не был нарушен во все время инсurreкции и киргизы были удержаны в наших пределах, несмотря на то, что бегство было легко для них: стоило только перейти за границу, где, на китайской земле, они не могли уже быть преследуемы в силу трактатов с Китаем, которые мы свято исполняли. Только часть их в зимнее время или летом небольшими партиями успевали тайком пробраться за границу.

Строгое соблюдение трактатов с Китаем в отношении западных его провинций, необходимое, без сомнения, до тех пор, пока исход инсurreкции в этих провинциях не определился, много вредило свободе наших действий даже в первое время инсurreкции.

Соблюдая эти трактаты, мы часто принуждены были останавливаться у границы в то время, когда за нее переходили наши беглые подданные, преступники или грабители. Отряды наши, стоя на границе, вынуждены были смотреть почти спокойно на пасущиеся за границей стада и кочующие аулы наших изменников или людей, в это же самое время производящих баранты и грабежи на нашей территории. Китай не соблюдал наших обязательств к нам, не выдавал беглых и преступников, но, конечно, мы, при первых его неудачах, не имели права нарушить обязательства, заключенные во времена его могущества. Мы обязаны были выжидать некоторое время, хотя бы и с ущербом своих интересов, хода событий в возмущившихся провинциях.

Первые из инсургентов, пытавшиеся войти с нами в сношения, были чугучакские дунгане. Тотчас после восстания в Чугучаке (15 января 1865 г.) и истребления китайцев в городе и его окрестностях предводитель инсургентов чугучакский имам поспешил уведомить в день восстания вице-консула Вардугина, что фактория наша не тронута и охраняется дунганами; при этом имам приглашал вице-консула возвратиться и изъявлял желание продолжать торговлю с нами и поддерживать мирные отношения. Как это, так и последующие два письма имама, того же содержания, полученные в феврале месяце, остались без ответа, так как, конечно, правительство наше не могло вступать тогда в сношения с мятежниками, осаждавшими в 18 верстах от нашей границы крепость дружественной державы. По взятии чугучакской цитадели (5 или 6 апреля 1866 г.) дунгане пробовали еще несколько раз завязать с нами сношения, послав к пограничному начальству четыре письма в апреле и мае месяцах, в которых предлагали посылать в Чугучак и Урумчи наших торговцев и вступить с нами в дипломатические сношения, обещая удовлетворение всех наших требований по

пограничным делам¹ и объясняя неполучение ответа на прежде посланные ими бумаги с подарками - вероломством киргиза Коджеке, через которого они были отправлены. Письма эти остались без ответа, и так как захват посылаемых к нашим киргизам дунган, согласно данным пограничным начальникам инструкциям, убеждал дунган во враждебном к ним настроении русских, то, опасаясь за свою безопасность, дунгане, под влиянием распускаемых китайцами слухов о выступлении против них русских войск, в союзе с китайцами, решились оставить Чугучак и переселиться ближе к Урумчи. В намерении этом утвердили чугучакских дунган пришедшие к ним на помощь дунгане из Урумчи. Около 22 июня 1866 года дунгане с семействами, домашним скарбом и всем имуществом оставили Чугучак и вместе с союзными киргизами (байджигиты, кызай, туртугулы и проч.) переселились за Манас, где образовали селение под названием Ктуй. Так как торгоуты-калмыки удалились на север (на Барлытогой и дальше) немедленно по взятии Чугучака, то пространство между нашей границей у Чугучака и Манасом (около 450 верст) остается со времени ухода дунган безлюдным и всякие сношения наши и столкновения с дунганами прекратились. Русские торговцы в Урумчи не заходят, но значительное количество наших мануфактурных товаров все-таки проникает туда через посредство татар и сартов, обыкновенно пробирающихся в Урумчи через Куль-джу. Путь же через Чугучак почти оставлен.

Недостаток места для кочевок и грабежи от китайцев, бежавших после восстания дунган в горы Эрень-Кабырга и там скрывающихся в недоступных местах, заставили ушедших к дунганам байджигитов в 1869 году осенью укочевать из Манаса в Семиреченскую и Семипалатинскую области, в числе до 1/4 т. юрт. В августе месяце 1870 г. неудачная война дунган с Якуб-беком побудила и остальных киргиз укочевать от дунган под Кульджу, под влиянием и защитой высланного таранчами к Манасу войска.

О дунганском владении Урумчи торговцы сообщают вкратце следующие сведения.

Владение это составляет союз дунганских городов, из которых преобладающим является Урумчи. В городе этом, во времена китайского владычества весьма многолюдном (консул г. Павлинов показывает преувеличенно цифру тогдашнего населения в 2 милл.), теперь полагают до 50 т. душ, из которых до 10 т. китайцев, остальные же дунгане. Главнейший после Урумчи город есть Турфан (называемый Куне-Турфан, т. е. старый Турфан, в отличие от Уч-Турфана, находящегося в Кашгарских владениях), имеющий до 20 т. жителей (дунган и таранчей) и лежащий от Урумчи к югу на 250 верст. Город этот, в конце осени 1870 года, после 8-месячной осады, был взят Якуб-беком при помощи таранчей и китайцев из независимого города Кумуля, находящегося от Турфана к востоку на 1150 ли (около 600 верст). В 60 верстах на восток от Урумчи находится город Санджи с тремя тысячами жителей, из которых половина - китайцы. Далее, на 60 верст к востоку от Санджи, лежит селение Кутуби, с 600 жителей

¹ Вот подлинные слова из писем имама, полученных в начале мая 1866 года: «...если же угодно будет вам производить торговлю, то посылайте в Урумчи своих купцов, и мы дадим вам путь, и если будете на пути встречать препятствия, то дадим вам своих лошадей...Если будут от вас какие-либо дела или какой совет, пошлите к нам человека с письмом - мы исполним...».

дунган. За ним, в 90 верстах, находится г. Манас, крайнее на западе дунганское поселение, имеющее до 5 т. жителей дунган и китайцев, в двух крепостях. На север от Урумчи и Санджи лежит г. Кумуди, довольно многолюдный (один гарнизон 2400 дунган).

Общую численность населения Урумчинской территории должно полагать не менее 200000 душ и не более $\frac{1}{2}$ миллиона. Точной цифры невозможно иметь, по малой известности страны, обитаемой дунганами.

Управляет урумчинскими дунганами глава духовенства хазрет (святой) по имени Лотай, уважаемый и безукоризненной жизни старик. Ему подчинены управляющие частями города, назначенные им и выбранные народом, три яншая. В прочих городах правители носят тоже наименование яншаев, избираются народом, но признают себя подчиненными хазрету.

Дунгане, подав на западе сигнал восстания против китайцев, выказали во все время войны замечательную энергию и храбрость. Воинственный пыл их не уменьшился и потом, так как они ежегодно предпринимали походы против оставшихся неподвластными китайских городов (Кумуль и Баркуль) и на помощь своим соплеменникам во внутренний Китай. Некоторое время они обладали даже всем западным Китаем, пока из восточного Туркестана не изгнал их Якуб-бек, а в Кульдже не приобрели первенства таранчи. В 1871 году возгорелась упорная борьба между дунганами и Кашгаром, начатая самими дунганами, занявшими принадлежащие Якуб-беку города Карашар и Куча. Война эта пока неудачна для дунган, так как они потеряли уже Турфан.

Промышленность дунган заключается в земледелии и садоводстве. Фабрик и заводов — нет никаких. Бумажные ткани доставляются из Кашгара и Кокана, а также из Ташкента через Верный и Кульджу. Хлеб очень дешев, вследствие плодородия почвы и обилия воды, текущей многочисленными ручьями из гор Эрень-Кабырга, у подножия которых расположены дунганские города и деревни. Пуд пшеницы в 1869 году стоил 10 коп., пуд риса - 40 коп. Винограду, яблок, абрикосов и других плодов произрастает много в Урумчи, но хлопка там не сеют; зато его много в Турфане¹.

Так как фабрик и заводов нет в дунганских владениях, то наши мануфактурные изделия могли бы там найти хороший сбыт, если бы куницы наши могли рассчитывать на защиту своих интересов в дунганских владениях со стороны нашего правительства. И теперь товары наши: сукна, ситцы, железные изделия, кожи, юфть, разная мелочь в порядочном количестве сбываются сартами и татарами, проходящими в Урумчи через Кульджу. Взамен можно было бы вывозить рис, сушеные фрукты и хлопок.

¹ «Летом здесь чрезвычайно жарко, - говорит о Турфане китайский описатель Восточного Туркестана, в половине XVIII столетия (перевод Иакинфа, 1829 г.), - небо пышет пламенем и ветры кружат пыль... Виноград здесь превосходнейшего во всем западном крае вкуса; земля имеет почву тучную, обильно произрастает хлопок». Природа этой страны не изменилась и теперь: военные операции Якуб-бека летом 1870 года чрезвычайно замедлялись жарами и отсутствием подножных кормов для лошадей.

Во всяком случае, Урумчи может составить для нас важный торговый рынок, значение которого еще больше усиливается, если принять во внимание полную возможность через это дунганское владение вести торговое сношение с инсургентами внутреннего Китая. Поэтому пора подумать о способах войти с дунганами в правильные политические и торговые сношения, пока еще не прошло время и место наше не заняли другие нации, хотя бы англичане, которые не даром же затрачивают сотни тысяч фунтов стерлингов на устройство пути через Алтышар и хлопочут о развитии сношений своих с Кашгаром, через который легко могут проникнуть и во внутренний Китай с юго-запада.

Сношения с таранчами

Не имея никаких сношений с дунганами, отстраненными от наших владений обширным, безлюдным пространством, мы довольно часто приходили, особенно в последние годы, в столкновения с Кульджой и Кашгаром, которые близко соприкасаются с нашими землями. При всем желании нашего правительства не иметь никаких сношений с мятежниками против манджуров, столкновения с таранчами и союзными им киргизами были неизбежны, так как Кульджа отстоит от нашей границы не далее 200 верст, а киргизы кульджинские кочуют у самых наших фаниц. Принадлежа к тем же родам, как и те, которые находятся в нашем подданстве, кульджинские киргизы естественно постоянно находились с нашими киргизами в сношениях, то дружественных, то враждебных. Прекратить эти сношения русская власть не имела никакой возможности, потому что граница наша с Кульджой представляла обширную равнину, по которой переходы границы останутся возможными, хотя бы она вся была заставлена войсками. Между тем военные средства наши позволяли здесь иметь только небольшой отряд из роты или двух рот пехоты и сотни казаков (на Борохудзире).

Результатом такого положения дел на границе нашей с Кульджой являлись постоянные, со времени восстания дунган, волнения и отсутствие безопасности на приграничном пространстве. Баранты и даже укочевки киргиз были весьма часты на границе с Кульджой. Грабители из-за границы шайками постоянно пробирались между нашими отрядами и нападали не только на киргиз, но и на проезжающих, так что тракт между Копалом и Верным одно время сделался небезопасным. Барантчи из подданных нам киргиз, увлекаясь примером заграничных, делались смелее и вместе с кульджинскими наездниками грабили в наших пределах. Такой хронический беспорядок на пограничном с Кульджой пространстве должен был быть прекращен так или иначе, если мы не желали окончательного его укрепления в спокойной и безопасной восточной части киргизской степи.

Во времена принадлежности Кульджи китайцам беспорядки, производимые заграничными киргизами, подавлялись по нашему требованию китайцами; беглых наших киргиз и преступников манджурское правительство также было обязано выдавать нам, по силе трактатов. Прежде чем прибегать к другим мерам, естественно

было с нашей стороны требовать от таранчинского правительства соблюдения тех же обязанностей и охранения порядка на границе, какие несло в отношении к нам манджурское правительство. Поэтому необходимо бросить взгляд на сношения нашего пограничного начальства с таранчами.

Держась по воле правительства одинакового принципа в отношении как к чугучакским, так и к кульджинским инсургентам, пограничное начальство во время инсurreкции не вступало ни в какие сношения с таранчами и дунганами кульджинского района, тем более, что они, нуждаясь в помощи киргиз, желали склонить их на свою сторону прокламациями об общем восстании мусульман против неверных, стало быть, стали во враждебные к нам отношения. Прием в наши пределы солонов и калмыков, защита и покровительство, им оказанные, слухи, распушенные китайцами, о движении наших войск для усмирения мятежа - все это заставило инсургентов опасаться нас, питать к нам враждебные чувства, но в то же время держать себя весьма осторожно и не подавать никаких предлогов для нападения на них наших войск. Поэтому в первое время восстания таранчи и дунгане старались удерживать союзных киргиз от грабежей в наших пределах. Тем не менее, после занятия инсургентами Кульджи, почитая себя наследниками всех китайских земель, инсургенты заявляли свое право охранять эти земли от предполагаемых наших на них покушений. Так, одновременно со взятием Кульджи, один из таранчинских шан-беги ¹ Тугулак прислал к начальнику выставленного нами на Чундже отряда письмо, в котором спрашивал о цели выставления отряда. Письмо это осталось без ответа. Таранчи, чувствуя свою слабость перед нами, постоянно заботились предупредить всякий повод к неприязни. В сентябре 1868 года предводители инсургентов, узнав, что до русских дошел слух о намерении их, в числе до 40 т., напасть на Алматы (г. Верный), поспешили уведомить пограничное начальство через султана Тезека о ложности этого слуха и о желании их жить с нами в мире. После стычек Борохудзирского отряда в январе и феврале месяце 1867 года с таранчами, для защиты солонов, решившихся в то время окончательно оставить пограничный городок Тургень, всякие наши сношения с таранчами прекратились до 1869 года. В течение этого времени мелкие баранты заграничных киргиз постоянно происходили в приграничном пространстве более или менее для них счастливо, смотря по тому - попадались они разъездам из наших отрядов или нет.

С марта 1869 года начались частые сношения начальника Семиреченской области с кульджинским султаном, который первый их начал, прислав от себя двух посланцев. В письме, доставленном им 7 марта, султан уверял в своем дружелюбии и просил о розыске разного скота, украденного нашими киргизами у его подданных в 1866-1868 годах. Желая воспользоваться этим случаем для восстановления порядка и безопасности на границе с Кульджой, пограничное начальство ответило султану уверениями в миролюбивом расположении с нашей стороны и просило его принять меры к прекращению грабежей со стороны подведомственных ему киргиз, уведомляя,

¹ Начальник округа.

что с нашей стороны употребляются все усилия к прекращению баранты. В июле месяце султан послал в Верный вторичное посольство, но на дороге, не доезжая до нашей границы, посол был ограблен. Грабители оказались нашими киргизами, были отысканы и все ограбленное возвращено.

Между тем, несмотря на эти сношения, грабежи в наших пределах усилились и распространились даже на почтовый тракт: так, киргизами ведения Джитеня в августе месяце 1869 года у мещан Исаенко и Губанова было ограблено в 20 верстах от выс. Коксуйского быков и имущества слишком на 1 т. руб. Около того же времени у татарина Кебе в Копальском уезде, близ почтового тракта, было ограблено 12 верблюдов. В сентябре месяце дерзость заграничных барантачей дошла до того, что ими угнан был находившийся в 15 верстах от ст. Лепсинской целый табун 1-й сибирской конно-артиллерийской батареи. Для наказания пограничного рода кызаев, которому приписывалась баранта, в октябре месяце послан был отряд войскового старшины Главацкого, который отбил у кызаев свыше 20 т. голов разного скота. В то же время Борохудзирский отряд дошел до г. Мазара (Кургаш) и захватил у киргиз 5 т. баранов. Эти экспедиции вызвали новое посольство, прибывшее в Верный в начале ноября и просившее о возврате киргизам отбитого скота. Ответ последовал отрицательный, так как отнятие скота представлялось единственным средством для чувствительного наказания киргиз за их постоянные грабежи в наших пределах. Так как для безопасности нашего приграничного пространства, кроме прекращения набегов барантачей, необходима выдача наших беглых и преступников, то султану было предложено выдать нам укочевавших незадолго перед тем 30 юрт богинцев. В январе 1870 года от кульджинского правителя вновь получено исчисление различных случаев покраж и грабежей, совершенных в его пределах с 1867 года, причем султан предлагал сделать съезд подведомственных ему киргиз с нашими для расчета по совершенным друг у друга грабежам. Принять такое предложение мы не могли, с одной стороны, потому, что мы на подобном съезде должны были бы допустить участие беглых наших киргиз, которые одни главным образом и производили в наших пределах грабежи, а с другой - по той причине, что съезд этот едва ли мог повести к успешному результату, по давности грабежей и запутанности счетов между киргизами.

В конце мая и в начале июня месяца таранчи из выставленного султаном отряда на Текесе напали на несколько партий охотников за маралами из киргиз Иссык-Кульского уезда, убили одного из них и захватили в плен трех. Случай этот подал повод для охранения безопасности нашей границы со стороны реки Текеса, по долине которого чаще всего случались набеги барантачей и укочевки наших киргиз, подвинуть Тянь-шаньский отряд за границу и поставить его близ прохода Музарт, чем в то же время пресекался кашгарскому владельцу Якуб-беку прямой путь на Кульджу, овладение которой составляло давнее его намерение.

На требование о возврате захваченных охотников и об уплате куна (обычного у киргиз имущественного за убийство вознаграждения) султан в конце августа ответил,

что ему ничего не известно об этом случае (тогда как захваченные киргизы содержались уже в то время в Кульдже, под стражею). В требовании выдачи беглых 30 юрт богинцев султан отказал, ссылаясь на шариат, будто бы воспрещающий такие выдачи. В том же письме султан, под пустыми предложениями, не соглашался дозволить подняться по р. Или нашему судну для покупки и сплава каменного угля, хлеба и дерева.

Занятие Музарта понудило султана в конце сентября освободить двух захваченных охотников. Султан протестовал против занятия Музарта, объявляя о принадлежности этой земли таранчам, но протест его остался без всяких последствий. Высланный из пограничного таранчинского отряда к Музарту под предлогом встречи едущего из Кашгара важного сановника, разъезд был в октябре месяце обезоружен Тянь-шаньским отрядом и после этого случая всякие попытки таранчей для возврата Музарта уже были оставлены.

Вообще продолжавшаяся два года переписка пограничного начальства нашего с кульджинским правителем не принесла никаких полезных результатов. Главные требования наши: о наказании виновных в особенно крупных грабежах, о выдаче беглых, о свободе торговли с Кульджой, султаном не исполнены или были отклонены. Между тем с нашей стороны к удовлетворению требований доброго соседства приняты были весьма деятельные меры: обнаружены виновные в нескольких случаях баранты, на которых жаловался султан, и виновные в них наказаны; ограбленное возвращено; к прекращению тайных грабежей наших киргиз за границу пограничными отрядами и местными властями употреблялись все усилия; замеченные в потворстве барантам пограничные волостные управители устранены от должностей; торговцы из Кульджи пользовались свободой и просьбы их по своим делам внимательно принимались и удовлетворялись.

Вероятно, кульджинский султан понимал в некоторой степени свои отношения к нам и заботился о прекращении набегов своих киргиз в наши пределы. Тем не менее, грабежи на нашем пограничном пространстве не прекращались. Не дальше как в августе месяце 1870 года шайка наших и кульджинских киргиз напала с оружием в руках на проезжавшего по почтовому тракту старшего помощника копальского уездного начальника майора Здоренко, нанесла ему 18 ран, поставивших жизнь его в смертельную опасность, и ограбила значительную сумму денег; та же шайка в тот же день отняла у почтовых ямщиков 15 лошадей, так что одна из станций осталась без лошадей. Все эти беспорядки и явное бессилие султана к обузданию своих подчиненных повело к занятию Кульджи нашими войсками в июне 1871 года.

Отношения к Кашгару

Усиление Якуб-бека в Алтышаре, без сомнения, совершенно противно нашим интересам, так как правитель этот постоянно выказывал к нам недоброжелательство. В 1868 году, во время войны с Бухарою, Якуб-бек собрал значительные массы войск для

вторжения на Иссык-Куль и Чу, при первой значительной неудаче нашей в Бухаре и поддерживал своими воззваниями и интригами сильное волнение между подведомственными нам богинцами и кара-киргизами. Попытка завести с ним прочные сношения через ответного кашгарского посланца Шади-мирзу в 1869 году совершенно не удалась, так как Якуб-бек решительно отклонил предложение туркестанского генерал-губернатора о заключении торгового договора и неоднократно заявлял притязания на принадлежащий нам левый берег Нарына и р. Ат-башу. Торговцы наши постоянно держались в Кашгаре под стражею (караван Хлудова в 1868 г., Кузнецова или Немчинова в нынешнем году), подвергались всевозможным стеснениям и товары их отбирались в пользу Якуб-бека, за дешевые цены.

Необходимо было поставить себя в отношении к Кашгару в такое положение, чтобы Якуб-бек вполне убедился в силе и могуществе России, которые он столько раз велеречиво признавал в своих письмах и разговорах с русскими посланными (подполк. Рейнталь) и с русскими купцами (Хлудов и Кривошеин), содержа в то же время их под караулом. Видя постоянно мирное настроение пограничных властей, спустивших ему невыполнение требований наших о выдаче беглых киргиз, нападавших в 1868 году с оружием в руках на токмакского уездного начальника, притеснения наших торговцев в Кашгаре, возможно предположить, что Якуб-беку разъяснен тот заколдованный круг, определенный нашими трактатами с Китаем, границы, в которых мы седьмой год добровольно вращаемся, верно соблюдая потерявшие всякую силу и неисполняемые другой стороной обязательства. Только в настоящее время, вследствие посольства барона Каульбарса в Кашгар, заключен был с правителем Алтышара дружественный и торговый договор.

Материалы для статистики

Туркестанского края: Ежегодник.

Спб. 1873. Вып. 2. С. 170-181

О КУЛЬДЖЕ

I Краткий очерк политических событий в Кульдже со времени восстания мусульман против китайцев

Для упрочения власти своей в покоренной Джунгарии китайцы еще в 1764 году основали на р. Или, на месте, где была зимняя резиденция джунгарских ханов, город Хой-Юан-Чен, известный у нас и среднеазиатцев под именем Новой Кульджи. Это последнее название дано потому, что прежде основания китайской Кульджи существовала старая мусульманская Кульджа, заселенная сартами и пережившая новую. Новый город назначен был резиденцией главного управления всей покоренной Джунгарии и Восточного Туркестана. На место истребленных джунгаров на удобные для хлебопашества местности в долине Или было поселено 7 тысяч семейств сартов из Турпана (Уч) и других городов Восточного Туркестана в наказание за восстание 1765 года, поселенцы эти записаны были в казенные землепашцы - таранчи, отсюда и идет название господствующей ныне на Или народности. Мусульманский элемент был сверх того нерасчетливо усилен китайцами посредством поселения на Или дунган из провинции Гань-су, которая считалась в то время весьма преданной китайской власти. Для скорейшего заселения страны китайцы сделали Или также постоянным местом для ссылки каторжных (чимпанов). Правительственный элемент представлялся военными поселениями монгольских племен - сибо, солонов и дауров, переселенных из Даурии. Последние два племени поселены были на правом берегу Или, вниз от Кульджи, а сибо на левом берегу той же реки, те и другие попеременно с деревнями (кентами) таранчей. В городах, кроме таранчей, дунган и сартов (торговцев и ремесленников), жили китайцы, а в крепостях (Кульджа и Баяндай) находились постоянные гарнизоны из манджур, китайцев и военно-поселенцев (ханбинов).

Но численности своей китайцы составляли меньшинство населения Илийского края (гарнизоны Кульджи, Чугучака и Баяндая вообще были невелики, от 1 до 3 тыс. человек) и потому, как только мятеж дунган в Шан-си и Гань-су (1862 г.) и затем в Урумчи (1863 г.) прервал сообщение Илийской провинции с внутренним Китаем, мусульманское население, подстрекаемое дунганами и ненавидящее китайцев, в 1864 году восстало поголовно. Верховья Или, заселенные преимущественно таранчами и частью дунганами, сразу очутились в руках инсургентов. В сентябре 1864 года мятежники напали на саму Кульджу, где китайцы, отразив несколько раз мусульман, заперлись наконец в крепости, оставив город, разрушенный самими ими и осаждающими. Получая продовольствие из солонских кентов, находящихся между Кульджой и границей, на правом берегу р. Или, и напрягая последние силы, китайцы продержались в кульджинской цитадели до марта 1866 года, тщетно ожидая помощи от своего правительства. 3-го марта¹ кульджинская крепость была взята мусульманами и вслед затем победители обратились на державших сторону манджуров военно-

¹ По донесению алатавского окружного начальника; по сведениям же консула Павлинова (от китайцев) Кульджа взята 23 февраля.

поселян солонов. Деревни этих последних в мае 1866 года и в январе 1867 года были разграблены и жители вынуждены бежать на русскую территорию, под защиту Борохудзирского отряда, где и основали небольшое поселение. Другое племя военно-поселян сибо, в числе 8 сумунов (полков) обитавшее на левом берегу Или, признало заблаговременно власть победителей и потому осталось неистребленным. Калмыки олотского племени, кочевавшие на Текесе, еще в 1865 году, за помощь китайцам, были разбиты и ограблены инсургентами, при участии киргиз, и спаслись также на нашу территорию (до 2 т. юрт).

Опустевшая после бегства или истребления солонов и калмыков территория была занята киргизами разных родов большой и дикокаменной орды, бежавших из наших пределов в 1864 и 1865 годах к инсургентам, будучи привлекаемы желанием помочь им в борьбе с неверными, а больше всего надеждой на поживу при ограблении китайцев и калмыков.

Организация мятежников и политические события в Кульдже после падения китайской власти весьма мало известны; но из отрывочных известий в официальных источниках, из показаний торговцев и путешественников, особенно из отчета переводчика г. Бородина, ездившего в Кульджу в августе месяце в 1870 году, можно извлечь следующие, более или менее достоверные сведения.

Начало восстанию положили дунгане, обитавшие в деревнях и городах около китайской Кульджи, в самой Кульдже, Баяндане, Суйдуне, Лууцугуне и прочих мелких городах правой стороны р. Или. Как в Урумчи, так и во внутреннем Китае предводителями дунган были духовные лица, поддерживавшие и разжигавшие в народе религиозный фанатизм, который был одной из главнейших причин восстания. Находясь в постоянных сношениях с урумчинскими дунганами, кульджинские дунгане, а с ними и таранчи, игравшие первоначально второстепенную роль, в первое время инсurreкции признавали себя подчиненными урумчинскому хазрету (высшее духовное лицо, обладающее и верховной властью). Предводителем дунган в Илийском крае в начале восстания был Ягур-ахун, почетное духовное лицо в Новой Кульдже; рядом с ним постоянно встречается, с титулом султана, имя Мазам или Махзамет-хана, бывшего до восстания начальником мусульманского населения на Или в качестве акыма. Ближайшими побудительными причинами восстания на Или были усилившиеся в 60-х годах притеснения народа китайскими властями, которые, не получая из Пекина денег на жалованье войскам и чиновничеству, со времени восстания тайпингов и войны с англо-французами, вынуждены были, для удовлетворения потребностей местной администрации и войск, отягощать и без того обремененный народ новыми налогами. Взятничество и хищничество манджурских голдаев и чиновников, и прежде разорявшее народ, усилилось в конце 50-х и начале 60-х годов до крайности, ибо, не получая от своего правительства жалованья, они поневоле должны были выжимать из народа средства для своего существования. Подозрительность китайцев, со времени восстаний во внутреннем Китае и в Урумчи, также усилилась и вела к

крайним и стеснительным мерам, которые оттолкнули от правительства самых преданных ему дотоле мусульман. Так, Мазам-хан, который, как и предки его, отличался преданностью правительству, по распоряжению дзянь-дзюня, вследствие неосновательного подозрения, был заключен, за полгода до восстания, в тюрьму. Думая устроить мусульман жестокими наказаниями, китайцы под ничтожными предложениями казнили десятками самых почетных мусульман. Неудавшаяся в 1862 году попытка восстания кульджинских мусульман также повела к многочисленным казням, окончательно ожесточившим народ.

Слухи об успехе восстания в Урумчи и посылка оттуда дунганского отряда, не дошедшего, впрочем, до Кульджи, подали сигнал к восстанию и на Или. Восстание произошло по сделанному заранее, тайному между вождями мусульман условию, в сентябре 1864 года, одновременно во всех городах Илийской долины. Предводителем мятежников в Новой Кульдже был Абдрасул-эмир, начальник мусульманского населения этого города. Мазам-хан, выпущенный из тюрьмы в разгар восстания и взявшийся усмирить мятеж, обманул китайцев и присоединился к инсургентам, заняв место во главе их, причем Абдрасул-эмир, по его проискам, был убит.

В 1865 году летом сам Мазам-хан, по взятии Баяндая, направившись к г. Куре, был вероломно, в ночное время, умерщвлен в своей палатке и среди своего войска, анджанцем Почи¹. Авантюрист этот хотел овладеть властью при помощи нескольких сот таранчей и илийских сартов, склоненных им на свою сторону; но он пережил Мазам-хана только пятью или шестью днями, ибо был убит, по словам одних, родственниками Мазам-хана, а по другим рассказам - своим сообщником, таранчой Ахмет-ханом. Последний также недолго пользовался властью и был замещен таранчой Мальчжет-ахуну. При нем была взята цитадель китайской Кульджи. Но власть этого ахуна была непрочна; в 1866 году он был схвачен Аля-ханом, последним кульджинским султаном, и брошен в зашитом мешке в р. Или. Султан Аля-хан или Абиля-Огя, родом таранча из старой Кульджи, был влиятельным человеком до восстания, занимал видное место при Мазам-хане и по смерти его составил себе сильную и многочисленную партию, при помощи которой и захватил в свои руки власть над таранчами.

Пока общая опасность со стороны китайцев заставляла мусульманские народности на Или сражаться вместе против врага, предводители таранчей и дунган действовали согласно, признавая зависимость Илийского края от Урумчи, откуда инсургенты получали одобрение и помощь всякого рода; но это согласие дунган с таранчами недолго пережило окончательное истребление китайцев. В 1867 году вражда между этими народами за преобладание на Или повела к ожесточенной между ними борьбе, окончившейся торжеством таранчей. Дунгане, собравшие все свои силы, в апреле

¹ Так называют эту личность таранчи; у сартов же он известен под именем Парчи-ходжи; это прозвище он получил за умение делать деревянные пушки, из которых стрелять было нельзя, но таранчей такие познания в артиллерии поражали.

месяце 1867 года были разбиты наголову в 1½ верстах от старой Кульджи Али-ханом, причем убит был и предводитель их Ягур-ахун. Один из наиболее почетных дунган, по имени Хи-ва-за, в начале мая с женою и семьей дунганами бежал тогда в наш Борохударский отряд, откуда отпущен в Урумчи. Побежденные дунганы обратились за помощью к своим соплеменникам в Урумчи. Пришедшее из Урумчи в июне месяце войско (около 2 т. человек) также было разбито Аля-ханом близ Баяндая и вынуждено спасаться бегством, потерпев большие потери.

С того времени первенство таранчей окончательно восторжествовало на Или, и дунганы вынуждены, наравне с сибоя, державшими во время междоусобия сторону таранчей, киргизами и калмыками признавать власть таранчинского султана. Калмыки, кочующие в верховьях Илийской долины, в горах, пытались было уклониться от подчинения таранчам, опираясь на торгоутов; но последние не дали им никакой помощи, и потому, потерпев несколько чебаров (грабежей) от таранчей, илийские калмыки признали с 1866 года власть таранчинского султана.

II Население Илийского края и его промышленность

По численности своей таранчи составляют главную народность Кульджинского края. Их считалось 2 тюменя, т. е. 20000 дворов или семейств (тюмень - 10000). Исчисление это относится еще ко временам китайцев, а так как население Илийского края во время восстания и последовавших смут сильно уменьшилось, то в настоящее время число дворов значительно меньше и потому таранчинское население не превышает 38200 душ обоего пола. Консул Павлинов в одной записке своей, писаной в 1867 году, определяет численность таранчей в 120000 душ; но так как сведения о Кульдже почерпались им преимущественно от китайцев, имевших в виду свои особые цели, то оценка его ошибочна¹.

Второе место после таранчей занимают дунганы, которых считается до 5130 душ; прежде их было 1 тюмень семей, но смуты вдвое и втрое уменьшили дунганское население.

Как таранчи, так и дунганы живут оседло в городах и деревнях, будучи в некоторых местах перемешаны друг с другом. Главное таранчинское население - город старая Кульджа; затем таранчи же занимают деревни на восток от Кульджи (деревень этих считают до 80), Янгишар - первый из кентов, принадлежавших сибоя, из которого таранчи их изгнали, ряд деревень (до 17) у подошвы гор, идущих по левому берегу р. Или, от нашей границы до Кульджи (названия этих деревень, начиная от Янгишара вниз по Или: Сары-Бугучин, Мазар-Ходжа, Янгыстай, Кайнак, два Дулаты, Малый и Большой Бура, Ханохой, Кольджат, Ачаноха, пограничная деревня Кетмень), и пограничный город Дубун. Дунганы живут в гг. Суйдюне, Чинь-ча-хо-дзине, Тарджи, Луу- цугуне и Кургае (Мазар) и в бывшей китайской Кульдже.

¹ Подробные сведения о численности таранчей и других народностей Кульджинского края помещены в 1 -м выпуске «Ежегодника».

Происходя от переселенцев из Восточного Туркестана, таранчи говорят языком, одинаковым с кашгарскими сартами; наречие их значительно отличается от языка киргиз и коканских сартов и подходит близко к наречию кара-киргиз. Обычаи и образ жизни сходны с сартовскими. Дунгане говорят на китайском языке и сохраняют китайские обычаи, одежду, дома и образ жизни, но не носят ныне кос, вследствие запрещения со стороны таранчей, тогда как дунгане в Урумчи и инсургенты во внутреннем и южном Китае сохраняют с китайскими обычаями и ношение кос. Оба народа ревностные мусульмане. Таранчи и дунгане низки ростом, как кашгарские сарты, но плотно сложены.

Кроме таранчей и дунган, к оседлому населению принадлежат сибо, китайские военно-поселенцы монгольского племени, обитающие в 7 городах или кентах на левом берегу р. Или; их считается 15448 душ. Сибо исповедуют ламайскую веру. Это народ весьма трудолюбивый, но деморализованный китайской властью и столетним привилегированным положением в Илийской долине. Трусость этих военно-поселенцев неимоверна: появление одного таранчи или дунганина приводило во время восстания в смертельный страх целый город сибо или солонов; десяток инсурентов истреблял целые сотни военно-поселенцев, грабил, разрушал целое селение. Сибо заблаговременно покорились таранчам, постоянно держали их сторону и потому не истреблены, подобно солонам. Они сильно угнетаются таранчами, обременены всякого рода повинностями и работами. Ненависть их к угнетателям весьма понятна, но недостаток мужества и численный перевес таранчей заставляют их не только оставить до времени мысль о восстании, но даже отказаться от намерения бежать в русские пределы, по примеру солонов.

Китайцы считали всех военно-поселенцев: солонов, дауров и сибо до 10 т. душ (консул Павлинов). Из них бежало в наши пределы солонов и дауров около 4 т. душ.

Кочевое население края составляют киргизы и калмыки.

Киргизы кульджинские до восстания были частью китайскими, частью нашими подданными. Все почти роды наших киргиз имеют в Кульдже своих представителей, бежавших от нас или в 1863 году, когда во время вооруженных столкновений они приняли сторону манджуров, или укочевавших уже во время восстания против китайцев. Как велико число укочевавших из наших пределов, можно видеть из того, что по неполным официальным сведениям в 1865-1866 годах бежали из Алатавского округа 841 кибитка (донесение начальника округа от 6 мая 1866 года за № 323). Часть бежавших (именно Саурук, рода Сегиз-сары, Малбай и султан Дуль-али, брат известного султана Тезека) были захвачены полковником (ныне генерал-майор) Полторацким и возвращены в 1867 году. Из оставшихся в кульджинских пределах наибольшим влиянием и известностью пользуются бий Джантень (рода Атбан-Бузум, при нем до 500 родовичей), бий Устемир и Испир - сын Батчи, умершего в 1869 году (рода Суван-Канур-берк, 800 юрт), бий Косабулат (рода Атбан Сегиз-сары, 1000 юрт), бий Алике (рода Атбан Альджан, 200 юрт), кара-киргиз Сабатар-мулла, предводитель

беглых наших богинцев, отчаянный барантач. Всего киргиз, бывших нашими подданными, можно считать в кульджинских пределах до 3 т. кибиток, а с прибавлением кызаев (до 2200 кибиток) и не бывших нашими подданными киргиз, а также прикочевавших в августе месяце настоящего года из-под Манаса байджигитов, туртугулов и проч., общее число киргиз в Кульдже определено в 5500 кибиток, т. е. в 22340 душ. Кызай кочуют на оз. Сайрам-норе и в горах Барлык; суваны — на правом берегу р. Или, а прочие на левом. После чебара, произведенного в октябре 1869 года подполковником Главацким, в отместку за угон лошадей из батареи подполковника Каменского, стоящей в ст. Лепсинской, и после попыток кызаев поступить в наше подданство, в чем им было отказано, как кызай, так и прочие киргизы вынуждены таранчами кочевать в ближайших окрестностях Кульджи и в верховьях Или, вследствие чего при всем обилии мест для пастбищ в кульджинском районе, киргизы весьма стеснены в кочевках.

Другой кочевой народ, признавший власть Кульджи, - калмыки и торгоуты. Они кочуют в горах между Кульджой и Манасом (в горах Талки, Арбал, Баро-Бургосу) по речке последнего названия и пр., а также к востоку от Кульджи. О численности их не имеется верных сведений. Калмыки или не занимаются хлебопашеством или сеют мало хлеба, судя по тому, что в два последних года они много покупали хлеба в Кульдже. Калмыки эти составляют оставшуюся на землях таранчей часть калмыцких сумунов (полков), составлявших китайскую иррегулярную кавалерию, приносившую помощь при усмирении сартов в Восточном Туркестане. При восстании же таранчей и дунган, потерпев от них несколько поражений, восточные калмыки оставили китайцев на произвол судьбы и, заботясь о сохранении своего скота и семейств, подчинились победителям. Калмыки исповедуют ламайскую веру, и, составляя остаток истребленного китайцами при помощи киргиз в половине XVIII столетия джунгарского народа, естественно враждебны мусульманам вообще и питают племенную неприязнь к киргизам.

У дунган и таранчей существовали еще, в качестве рабов, остатки китайцев из купцов и чиновников; они встречаются преимущественно в городах, где занимаются мелкой торговлей и ремеслами. Число их очень незначительно. Есть также пленные солдаты, дауры и калмыки, употреблявшиеся для работ своими владельцами.

Из вышеприведенных данных можно видеть, что оседлого населения на Или насчитывается вместе с кочевым - всего до 100000 душ обоего пола (93379 душ).

Так как промышленная жизнь населения всякой страны обуславливается в большей или меньшей степени ее природою, то, переходя к описанию занятий населения приилийскош края, необходимо сказать несколько слов о его природе. Кульджинские владения представляют собою почти треугольник, одна из сторон которого образуется Тянь-Шаньским хребтом, другая горами Боро-хоро и их продолжением, примыкающим к Тянь-Шаню (хр. Талки, Баро-боршусу и пр.), а третья, западная сторона составляет расширившуюся долину р. Или, при входе ее в наши владения. Из восточной,

возвышенной вершины этого треугольника, образуемой снежными вершинами Тянь-Шаня, вытекают речки (главная из них р. Кунгес), образующие по своему слиянию и принятию с левой стороны р. Текеса, вытекающего из русских земель, многоводную и быструю реку Или. С обеих сторон треугольника, образуемых горами, стремятся в Или многочисленные горные речки и ключи, большая часть которых, особенно те, которые встречаются ниже Кульджи, не доходят до Или, теряясь в песках или в камышах. Вследствие этого побережья Или, состоя большей частью из топких мест и камышей, необитаемы; но подножия гор между рекою и хребтами, будучи обильно орошаемы горными реками, представляют весьма плодородные и удобные для хлебопашества и садоводства места. Сами же горы, а также камыши при р. Или, весьма удобны для пастбищ.

При китайцах Илийская долина не имела промышленного значения. Даже торговое значение Кульджи было сравнительно ничтожно, ибо главный торговый путь из Китая в Среднюю Азию лежал по так называемой южной дороге - через Турфан (Куне), на Карашар, Аксу, Кашгар и Кокан. Через Кульджу китайские товары и чай шли только в киргизскую степь и в последние годы - в Россию, хотя русская торговля с Китаем на западной границе его и была не особенно значительна. Из прекрасного труда г. Земляницына о русской торговле с западным Китаем через Семипалатинск¹ видно, что и наибольшая цифра ввоза была в 1854 году на 1393634 руб. 97½ коп., в том числе чаю на 1272696 руб 60 коп.; вывоз в том же году составлял 590952 р. 36 к., а высшую цифру имел в 1853 году - 611540 р. 50 коп. После 1858 года, по разрушении в этом году 14 августа нашей фактории в Чугучаке, цифры ввоза и вывоза быстро упали: в 1856 году ввоз 82918 р. 25 к., вывоз 54813 руб. 31 коп.; хотя торговля затем несколько оживилась, но восстание во внутреннем Китае (тайпинги) не позволило ей возвыситься выше 328131рубГ 18 коп. ввоза и 124247 р. 24 коп. вывоза в Г862 году, после чего в 1865 году, после падения китайской власти в Чугучаке и Кульдже, торговля наша с западным Китаем совсем прекратилась. Кульджинская торговля всегда подавлялась чугучакской, так как Чугучак лежит на кратчайшем пути из Урумчи - главного центра торговли в западном Китае в Россию. (По сведениям за 1853 год через чугучакскую факторию выменяно нами на 155320 руб. 22 ½к., а через кульджинскую на 27074 р. 58¼ к., из чего видно, что чугучакская торговля в 5 раз превышала кульджинскую). Торговля русских в Кульдже была почти исключительно розничная; покупались по мелочам мануфактурные товары для потребностей местного населения. По всем этим причинам Кульджа у китайцев была только административным и стратегическим центром западного Китая. Плодородие почвы и военные соображения побудили китайское правительство, для упрочения своей власти, устроить в Илийской долине военные поселения из солонов и сибо, но поселения эти были чисто земледельческие. Промышленность представлялась в китайской Кульдже только торговцами и ремесленниками, необходимыми для административного центра, в котором жило много военного и гражданского чиновничества и где сосредоточивался весь разврат многочисленных неспособных и

¹ Будет помещен в 3-м выпуске «Ежегодника».

продажных агентов манджурского правительства. Самые выгодные и многочисленные промышленные заведения в китайской Кульдже были, по свидетельству многих путешественников, харчевни и публичные дома.

Восстание таранчей и дунган прервало всякие торговые связи Кульджи с Китаем; административное ее значение рушилось, а с ним естественно пало всякое промышленное и торговое значение Илийской долины. Край этот обратился к указанным природою его обитателям занятиям: хлебопашеству и скотоводству.

Занятия таранчей и дунган заключаются исключительно в хлебопашестве и скотоводстве. Преимущественно сеют пшеницу, рис, ячмень, лен, клевер и изредка просо; из огородных овощей разводятся: арбузы, дыни, морковь, редька, лук, стручковый перец и пр. Выше уже замечено, что Илийская долина изобилует водою; множество речек и ключей текут у подножия гор; из самой р. Или и ее притоков выведены огромные арыки; все семь кентов сибиряков расположены на арыке, выведенном из Или, выше Кульджи. Вследствие обильной ирригации и теплого климата урожаи хлебов весьма хороши.

Земледелие и огородничество больше, чем у таранчей и дунган, развито в кентах сибиряков, которые, кроме вышеупомянутых хлебных растений, разводят хлопок (низкого сорта, из которого они сами ручным способом выделывают для себя плохие бумажные ткани), кунжут, табак. Садоводство значительно упало после истребления китайцев. Фруктовые деревья, которыми был почти сплошь покрыт правый берег р. Или и окрестности городов и солонских кентов, сожжены, изрублены или засохли во время войны. Однако же и теперь еще в стране много яблоневых и урюковых деревьев. Яблоки и груши, невысокого сорта, вывозятся в значительном количестве в гг. Верный и Копал. Посевы хлеба очень велики и хлеб весьма дешев, за неимением сбыта. Еще более дешев он был при самостоятельном существовании Кульджинского ханства, т. е. до 1871 года. Переводчик Бородин рассказывает, что на его глазах один торговец купил себе за бумажку иголок, стоящую 50 коп., пудов 11 лучшей пшеничной муки и два мешка белого печеного хлеба. По словам же торговцев, 100 джинов (3½ пуда) пшеницы стоили обыкновенно около 20 к. на наши деньги. Пуд риса стоил в Кульдже 30 к., тогда как в Верном не бывает дешевле 1 р. 50 к. Сбыт хлеба ограничивался киргизами кульджинского ведения, которым хлебопахотной земли не отведено, а потому они вынуждены были выменивать хлеб на баранов, и калмыками, которые мало пашут.

Скотоводство у таранчей, дунган и сибиряков не развито и ограничивается лошадьми и рогатым скотом для собственного потребления и работ. Наши торговцы находят выгодным вывозить кожи в сыром виде из Кульджи в Петропавловск. Не имея выделанных кож, таранчи носят вместо сапогов чеботы, прикрепляемые к ступне ног ремнями.

Промышленности, в тесном смысле слова, в стране нет никакой, кроме необходимейших ремесел: кузнечного, шорного, горшечного, плотничного и проч.

Впоследствии такого положения промышленности Кульджа нуждается в привозе извне всех мануфактурных произведений, особенно тканей и металлических вещей; но, несмотря на то, внешняя торговля Кульджи ничтожна, ибо по крайней бедности населения и по отсутствию предметов вывоза, кроме запрещенного к отпуску из пределов ее хлеба, торговцы не находят сбыта значительного количества привозных товаров. Главные предметы ввоза составляют из Кашгара: бязи и халаты, из Копала и Верного: низких сортов ситцы, сукна, железные вещи и из Урумчи - чай. В обмен на эти продукты получают бараны (особенно в Кашгаре), серебро в ямбах, сырые кожи, чай, гончарные продукты, яблоки, лисьи шкуры, мерлушки, молодые маральи рога (сбыаемые через Кяхту китайцам, которыми употребляются как лекарство от истощения сил). Торговля внешняя находится в руках кашгарских, коканских и алматинских сартов. В прежнее время весьма часто впуск и отпуск караванов задерживались по капризу султана или одного из его подчиненных; лучшие товары отбирались имеющими власть людьми, в виде подарков или за дешевую цену. Чиновничество, перенявшее у китайцев искусство прижимок и взяточничества, от малого до большого обирало попавшегося ему в руки торговца. «Здесь нам, заезжим, житье худое», - писали торговцы сарты из Кульджи алматинским сартам 5 мая 1868 года; «бухарца Бахивана схватили, били палками и от жестоких побоев он умер... Схватили на степи маргаланца Габдул-Замиля и одну женщину, неизвестно за что, отправили в суд на (шариат), который не нашел за ними вины; но султан, владетель здешний, определил наказать их палками, что исполнено, и они теперь при смерти... Подобных случаев здесь много. Несмотря на то, что мы, торговцы, кроме пошлины, даем даже и подарки, но все-таки притесняют нас: если кто из торговцев желает предстать перед начальствующими здесь, по какой-либо надобности, то слуги их не допускают до тех пор, пока не возьмут что-либо в подарок»...

Разменной мелкой монетою в Кульдже служили китайские медные ярмаки, вывозимые и за границу, преимущественно в Ташкент, где они употребляются для производства разных красок, в состав которых входят окислы меди: яри-медянки и т. п. Серебра китайского (ямб), а тем более золота в Кульдже осталось очень мало.

С привозных товаров взимался в Кульдже зякет, одинаковый с прочими мусульманскими владениями Средней Азии (2½ % стоимости товара или 1/40 часть натурою). С вывозимых товаров пошлин никаких не брали, за исключением баранов, которые оплачивались обычным зякетом. Из русских торговцев в Кульдже, со времени взятия китайской Кульджи, не был никто, отчасти по недостатку предприимчивости, отчасти из опасения за свою безопасность. Кульджинский владетель, не отказывая прямо в допуске русских торговцев, явно относился к ним недоброжелательно. В 1868 году, на письмо богинского киргиза Токсабы, спрашивавшего: пропустит ли он караван купца Хлудова, намеревавшегося пробраться в Урумчи, султан ответил, что караван может идти, если желает, но за безопасность его он не ручается, потому что народ еще не совсем спокоен. В 1870 году султан отклонил плавание вверх по Или к Кульдже нашего судна, также ссылаясь на неудовольствие народа.

Отсутствие развития промышленности и торговли, смуты и обременение военной службою и налогами служили причиной крайней бедности всех племен, населяющих Кульджу. Не производя сами тканей и не имея средств приобретать их путем торговли, кульджинцы одевались бедно и крайне неряшливо. Всех путешественников поражал грязный, унылый вид этого народа, не умеющего пользоваться богатыми дарами природы в доставшейся его обладанию долине Или, окруженной громадными хребтами, таящими в себе несметные минеральные богатства.

III Бывшее политическое устройство Кульджи, администрация, внутренняя политика и отношение к соседям

Во всех известных владениях, основанных мусульманскими инсургентами в Китае (Кашгарское, Урумчинское, Кульджинское и Тали - в южной провинции Китая, Юнани), верховная власть досталась влиятельнейшим предводителям восстания, опиравшимся на значительную партию в центре восстания и поддерживаемым духовенством или войсками. Властью своей инсургенты пользовались деспотически, но тирания их умерялась и контролировалась главами духовенства и влиятельнейшими людьми мусульманских обществ, составлявших государственный совет, без согласия которого султаны не могли предпринимать ничего важного.

Султаном в Кульдже с 1866 года был уроженец старой Кульджи, сын влиятельного таранчи, Аля-хан (на официальном языке он назывался султан Абиль-Огя). Возвышением своим Аля-хан обязан близости своей к Мазам-хану, под начальством которого он сражался с китайцами; по смерти Мазам-хана, взрослый сын которого был убит в одно время с отцом, а младший остался малолетним, Аля-хан, как ближайший помощник Мазам-хана, сделался в скором времени начальником войск мятежников, признавая, впрочем, над собою первенство Мальчжет-ахуна, избранного во главе народа вместо Мазам-хана.

В 1866 году, опираясь на войско и сильную партию таранчей, во главе которой стоял его родственник, почетный уважаемый народом таранча Кальпе, Аля-хан умертвил Мальчжет-ахуна и был провозглашен султаном. Удачная война с кульджинскими дунганами и победа над пришедшими на помощь им урумчинцами, утвердили на власть Аля-хана и положили на некоторое время предел неурядице в управлении Илийской страной после падения китайской власти. По сведениям, собранным переводчиком Бородиным, в 1867 году являлись два претендента на власть в Кульдже: один таранча, по имени Алям-ахун-Насыр, и другой сарт Ахмет-джан-ходжа, родившийся на Или от выходца из Анджана; но происки их были открыты и оба они казнены султаном Аля-ханом.

По общим отзывам, султан Абиль-Огя пользовался любовью народа за доброту, щедрость и справедливость. Несмотря на то, султан все время боялся тайных врагов¹, а потому редко ночевал дома и уходил секретно на ночь к одному из преданнейших

¹ В январе 1871 года был также в Кульдже заговор на жизнь султана.

друзей. На содержание своего двора султан брал только необходимое, жил скромно и помогал бедным своим подданным скотом и хлебом. Совет его составляли четыре светских и три духовных сановника. По смерти старика Кальпе (1869 г.) влиятельнейшим советником султана сделался старший сын Кальпе, Камбер-ахун. Затем пользовался большим доверием султана базар-беги (сборщик пошлин - начальник торговли) по имени Гаит. Фамилия Кальпе, имевшего 5 или 6 братьев и несколько сыновей, весьма богата и уважаема народом. Сам султан Аля-хан приходится Кальпе сродным братом. Члены этой фамилии занимали многие из высших должностей.

Первые в государстве светские сановники, числом четыре, носили звание казначей. В последнее время эту должность занимали таранчи: Абдрахман, Абдулла, Абдулла-гаит и Дайр. Последний начальствовал над тем разъездом таранчей, который, в числе 50 человек, был обезоружен 30 сентября Тянь-Шанским отрядом. Три старших духовных лица именовались: казы-ахун, муфтий-ахун и сатыб-ахун. Участвуя во всех важных делах, решаемых советом султана, духовные сановники пользовались преимущественным значением в делах судебных, как официальные толкователи шариата, на основании которого производится суд и определяются наказания за преступления.

Двором султана управлял особый сановник орда-беги. Эту должность занимал в 1869 и 1870 годах Касим-ахун, бывший в 1869 году два раза в Верном, в качестве посла от султана. Двор султана состоял, говорят, из 50 человек. У султана было четыре жены и воспитывается несколько оставшихся после убитых китайских и манджурских сановников детей, в том числе 13-летняя дочь дзянь-дзюня старого Чин-Цина, смещенного в 1864 году за допущение восстания дунган в г. Куча и Восточном Туркестане; новый же дзянь-дзюн Минь-сю при взятии инсургентами кульджинской цитадели, взорвался на воздух со всем семейством.

Административное управление края было различно для каждой народности. Таранчинское население разделялось на участки, из которых каждым управлял один шан-беги (начальник десяти тысяч); участки подразделялись на тысячи, сотни и десятки, которыми заведовали мин-беги, мураб-беги, джус-баши и он-баши. Дунганы подчинены были одному таранчинскому шан-беги, по имени Зайнал, но управлялись своими яншами (начальниками городов), из которых первое место принадлежало яншаю города Суйдун, Лю-цуну, державшему во время междоусобий с дунганами сторону Аля-хана и за то пользовавшемуся его доверием. Киргизы подчинены были пяти иль-беги из таранчей. Все сибирские кенты имели одного начальника из таранчей, тюпе-бека, но каждый кент или сумун управлялся своим зянги. Калмыки управлялись своими прежними наследственно-родовыми властями, коим китайцы присвоили разные военные чины.

Вообще каждая народность сохраняла вполне свое низшее народное управление и суд. Таранчинские начальства ведали только особенно важные дела и решали споры между людьми разных племен. Само собой разумеется, что национальные низшие

власти и суды были настолько самостоятельны и независимы, насколько это угодно было таранчинским начальникам. При таранчинских начальниках, управлявших другими народностями, для обеспечения покорности подвластных племен, или поселены были на постоянное жительство по несколько сот таранчей, или назначались переменные отряды из таранчей. Вражда между племенами, составлявшими кульджинское султанство, была причиной силы таранчей в отношении к прочим племенам Илийского края, над которыми они взяли верх, благодаря своей численности; в то же время эта вражда была причиной бессилия таранчинского государства к установлению прочного порядка внутри своих владений и на их окраинах, что и повело к занятию страны русскими. Даже рассчитывая на содействие всех, обитающих на Или народностей, Кульджинское владение, имеющее не свыше 100000 душ жителей, представляло собою бессильную даже и в Средней Азии политическую единицу, и только внутренние неурядицы в Урумчи и Кашгаре препятствовали до сих пор присоединению Кульджи к одному из этих владений, к слитию с которыми привлекали ее и племенные симпатии значительных частей ее населения. Кульджинские дунгане уже делали, правда, неудавшуюся попытку присоединить Кульджу к урумчинским владениям. С другой стороны, таранчи, единоплеменные с сартами Восточного Туркестана, легко помирились бы с присоединением Кульджи к Кашгару. Заговор анджанца Почи знаменателен в этом отношении, ибо показывает, что таранчи легко признают над собою власть сартов Восточного Туркестана.

Находясь в постоянной опасности от своих мусульманских соседей, Кульджа на западе граничила с могущественной Россией, в пределы которой входит Илийская долина. В случае войны с Россией Кульджа была беззащитна, ибо русские войска стояли в таких пунктах (Борохудзир и верховья Текеса, 200 или 150 верст), откуда в два-три дня можно было достигнуть центра султанства. Таранчи, сознавая свою зависимость от добрых отношений с Россией, естественно должны были избегать всяких поводов навлечь на себя неприязнь этой державы.

Последний властитель Кульджи, судя по многим данным, отчасти сознавал свое положение. Усилия его постоянно направлялись, по его словам переводчику Бородину, к установлению прочного порядка в стране, взволнованной борьбою с китайцами и внутренними раздорами. В отношениях к мусульманским соседям: Урумчи и Кашгару, пользуясь естественными препятствиями к сообщениям с ними и столкновениям (от Урумчи Кульджа отделена безлюдным пространством между Манасом и Тарджи, а от Кашгара - хребтом Мустаг, имеющим единственный, сколько известно, и весьма трудный проход Музарт), кульджинский султан держался осторожной, миролюбивой политики, не приняв участия в происходящей между ними войне. Ту же систему действий желал бы Аля-хан (если верить его речам и письмам) соблюдать в отношении к России; но многие обстоятельства заставляли нас видеть в Кульдже беспокойного и неприязненного соседа. Неприязнь эта проявлялась в нежелании кульджинского правительства завести правильную с нами торговлю и главным образом - в допущении

кульджинских киргиз производить в наших владениях постоянные грабежи, нарушающие спокойствие во всем пограничном пространстве и даже на главном почтовом пути сообщения Туркестанского генерал-губернаторства с Сибирью¹, а также прием в свои владения наших беглых киргиз, чем подрывалась наша власть над пограничными родами и поддерживалось постоянное между ними волнение. Ярые фанатики еще в 1869 году подстрекали народ и султана напасть на Борохудзирский отряд, в отмщение за движение наше к р. Кургаши и наказание кочевавших там киргиз, производивших баранты и угнавших даже наших артиллерийских лошадей; но султан решительно воспротивился тогда воинственным порывам своих подчиненных. «Вот этот человек, - говорил султан переводчику Бородину, указывая на стоявшего в той же комнате дунганского яншая Лю-цуна, высокого, здорового мужчину в китайских очках, - просил дозволения напасть на отряд, но я этого не дозволил: я не хочу ссориться». «Мы едва только успокоились от борьбы с кафирами (китайцами), - говорил также султан г. Бородину, оправдываясь за баранты и грабежи своих киргиз в наших пределах, - и не успели еще установиться в должном порядке; несмотря на это, я не допущу моих людей делать незаконные поступки», т. е. грабежи. К сожалению, благоразумные слова султана остались без последствий, ибо он был бессилен обуздать своих подданных, весьма часто поступавших даже и вопреки его воле.

IV Финансовые и военные средства Кульджи

Кульджинские должностные лица содержание получали от своих подчиненных натурою и в размере его не было большой определенности, что и служило к обременению народа, особенно сибиряков.

Государственные доходы составлялись: а) из зякета, взимаемого с привозных товаров и с угоняемых за границу баранов, б) из подати с хлебопашества, в размере $\frac{1}{10}$ части урожая всех хлебных растений и в) из налога на скот кочевников, именно на баранов, с которых ежегодно взималась в казну $\frac{1}{40}$ часть. Лошади и верблюды от налога были освобождены, ибо кочевники обязаны отправлять на лошадях военную службу и поставлять верблюдов под своз тяжестей в войско.

Собранный в подать скот шел на содержание султана, должностных лиц и войска, а хлеб - частью сохранялся в складах, частью получал одинаковое со скотом назначение.

Часть ограбленного у китайцев и манджур имущества: золота, серебра, дорогих материй и проч., сохраненная в пользу государства, хранилась в Кульдже, при большой мечети, в особо устроенном складе. Склад этот и находящиеся в других местах магазины с казенным хлебом, материями и вещами носил звание ханя. В этих же складах хранилось казенное оружие - китайские медные пушки, ружья, стрелы, пики и сабли, отнятые у китайцев. В Кульдже находилась казенная мастерская, где делалось новое оружие и порох.

¹ Разбойничье нападение на майора Здоренко в 1870 году.

Заведование ханья принадлежало одному из четырех казначей - Абдулле. Для охранения кульджинского склада при мечети и двора султана - состоял постоянный отряд в 500 джигитов, называемых каска.

Кроме этого придворного войска, таранчинское правительство содержало несколько отрядов, силою от 100 до 200 воинов на пограничных пунктах: на Кургаше (против Борохудзирского отряда), на уроч. Медный завод (в долине Текеса против Тянь-Шанского отряда, стоявшего с сентября месяца 1870 года на Музарте), в проходе Талки (против урумчинских дунган), а также в местностях, обитаемых подвластными племенами: сибо, дунганами, киргизами и калмыками. Таким образом, цифра наличного войска была не менее 2000 человек. Так как занятие всех вышеупомянутых постов необходимо было всегда, то, в случае опасности извне или внутри страны, собиралось народное ополчение. Как обыкновенные отряды, так и ополчение собирались со всех племен, обитающих в стране, сообразно их численности. Воины обязаны были являться на своих лошадях с собственным провиантом и оружием. Только в случае продолжительного и отдаленного похода войска получали продовольствие из ханья. В постоянные отряды и посты воины высылались на определенное время (на 15 дней), по истечении которого сменялись другими. Чтобы избежать этих смен и облегчить содержание войска, таранчинское правительство поселяло воинов с семьями в угрожаемых пунктах, причем они теряли право на содержание от казны. Так, на Кургаше (Мазар), где Борохудзирский отряд в октябре 1869 года нашел только несколько десятков домов, после того поселено было до 200 семей, все мужчины которых обязаны были военной службою.

Судя по численности кульджинского населения, оседлого и кочевого, оно могло выставить при поголовном ополчении до 10 т. воинов. Цифра эта может даже считаться слишком высокою, потому что в августе месяца 1870 года, когда таранчи выставили к Манасу, по случаю войны Якуб-бека с дунганами, отряд в 1200 человек, переводчик Бородин во всех встречавшихся ему на пути городках и деревнях видел весьма мало взрослых мужчин. Встречавшиеся же ему жители были или старики, или малолетки, или люди увечные: слепые, хромые и т. п.

Опасаясь измены подвластных племен, таранчинское правительство все отряды своих войск составляло из воинов разных племен. Начальниками отдельных отрядов назначались всегда таранчи. Вооружение воинов было различно, смотря по племени, но все служили на лошадях. Таранчи и дунгане вооружены были пиками и саблями и немногие из них имели фитильные ружья. Сибо и калмыки вооружены были луками и стрелами, киргизы - пиками и айбалтами.

Подвластные таранчам племена несли военную службу по принуждению. Наибольшей ненавистью к таранчам отличались сибо, которые вследствие того уже несколько раз подвергались опасности быть вырезанными поголовно. Они обременены были до крайности всякими натуральными повинностями и

употреблялись на все крепостные работы. Переводчик Бородин видел сибо, окончивших постройку городской стены в Кульдже¹.

В 1868 году сибо, по достоверным слухам, послали к русским письменную просьбу о дозволении им выселиться в русские пределы и о высылке для защиты их отряда; но это письмо попало в руки таранчей и главные участники в его посылке заплатились жизнью. Начальник солонов, бежавших в наши пределы с правого берега р. Или и проживающих в числе до 1 т. душ при Борохудзирском отряде, ильги-ай Чирча в 1869 году, домогаясь похода против таранчей, обещал содействие всех сибо и калмыков. В 1870 году весной сильно распространился слух о поголовном истреблении всех сибо таранчами, и хотя слух этот потом оказался ложным, но та легкость, с которою ему поверили, показывает, сколь натянуты были отношения между таранчами и сибо.

Удобных путей из Семиреченской области в Кульджу существует четыре: 1) из Борохудзира через разрушенный город Хоргос на Мазар, Суйдюн и Кульджу, по правому берегу р. Или, 2) от пикета Чунджи через г. Дубун и кенты сибо в Кульджу, 3) от р. Чалкадысу через проход Кетмень и таранчинские кенты в Кульджу и 4) от Музарта долиною р. Текеса в Кульджу.

Протяжение всех четырех путей почти одинаково: около 200 верст.

По всем четырем путям ходят караваны; воды и подножного корма везде достаточно. По двум первым путям ходят без всяких затруднений тележные обозы.

Кульджа расположена на правом берегу р. Или, верстах в трех от реки, и пользуется водою из арыка, проведенного из р. Каш, и из ключей Кара-су. Весь город обнесен глиняной стеною, в виде правильного прямоугольника, одна сторона которого равняется 350 саж., а другая 250 саж. Высота стены до 3½ сажень, толщина до 2½ саж. С каждой стороны города по одним воротам, защищенным полукруглой перед ними стеной.

Рва перед стеною нет, как не имеется его и в дунганских городах. Непосредственно к городу примыкают окружающие его сады и летние дома, простирающиеся версты на полторы в каждую сторону.

Сам султан, его стража, главная мечеть и главный базар помещаются в особом, внутри города находящемся, квартале, обнесенном стеною и составляющим таким образом цитадель крепости. Постройки в Кульдже весьма тесны и, как во всех средне-азиатских городах, составляют собою лабиринт глиняных мазанок с весьма узкими, грязными и кривыми улицами. Дома все выходят одними дверями на улицу, другими во внутренний двор. На главных улицах дома есть в то же время и лавки, харчевни, мастерские и проч. В числе торговцев и ремесленников есть немало китайцев.

¹ К натуральным повинностям сибо, между прочим, относилась поставка в Кульджу каменного угля из копей, находящихся вблизи разрушенного г. Баяндая.

Весьма важная невыгода Кульджи при защите от врага, обладающего европейской артиллерией, заключалась в близости к городу с восточной стороны горной возвышенности, отстоящей на ружейный выстрел от городской стены. Поставленная на эту возвышенность батарея в короткое время могла предать беззащитный от нее город в руки осаждающих. На восток от Кульджи находятся только деревни таранчей, а укрепленных пунктов нет и не было.

На левом берегу р. Или, по дороге от Чунджи или Чарына на Кульджу, находится заселенный таранчами городок Дубун, за ним семь городков сибо и, наконец, городок Янгисар, занятый таранчами. Все эти девять городков обнесены глиняными толстыми стенами и вмещают в себя от 100 до 200 домов каждый.

По дороге от таранчинского кента Кетменя на Кульджу находится до 16 деревень, обитаемых таранчами. В каждой деревне от 100 до 200 дворов. Укреплений эти деревни не имеют¹.

г. Верный.

Материалы для статистики

Туркестанского края: Ежегодник.

Спб., 1873. Вып. 2. С. 202-221

¹ Сведения, изложенные в настоящей статье, относятся к 1871 году и напечатаны были в «Турк. вед.» еще в то время, когда Кульджа не была занята русскими войсками. Мы поместили их в «Ежегоднике» потому, что сведения эти, хотя и неполные, не противоречат истине. В III выпуске «Ежегодника» напечатаны будут подробные данные о Кульджинском крае.

РАПОРТ С ЗАПИСКОЙ О ПОЗЕМЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1871 г.)

Господину Туркестанскому Генерал-Губернатору

Рапорт

Во исполнение предложения Вашего Высокопревосходительства от 22 мая 1870 года имею честь представить при сем составленную начальником распорядительного отделения Областного Правления Аристовым записку о поземельном устройстве в Семиреченской области, в которой после исторического обзора землевладения изложены основные начала окончательного поземельного устройства и приложен проект положения об оном. Изложенные в записке соображения я вполне разделяю и имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство об исходатайствовании законодательного утверждения проекта поземельного устройства, если положение одного не расходятся с принятыми Вашим Превосходительством общими началами о поземельном устройстве края. Вообще безотлагательное устройство поземельного владения в области столь необходимо для блага и пользы населения области, как оседлого, так и кочевого, что я полагался бы ныне же ввести в действие означенный проект в виде временной меры, за исключением, конечно, отдела о межевых учреждениях, для которых потребны значительные денежные средства и утверждение штата.

Генерал-майор Колпаковский

О ПОЗЕМЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Часть первая

Очерк истории поземельного владения в Семиреченской области со времени принятия киргизами русского подданства до настоящего времени

1. Поземельное владение у киргиз

До половины прошлого столетия вся восточная часть киргизской степи находилась под владычеством джунгаров, кочевки ханств которых находились на р. Или или, точнее, на притоке ее - Текес. Власть джунгаров простиралась на Восточный Туркестан (Кашгарию) и даже некоторое время на Ташкент. Калмыцкие кочевки распространялись и на восточную часть территории нынешней Семиреченской области. Они занимались земледелием в весьма обширных размерах¹; все долины, прилегающие к горам Семиречья, были покрыты их пашнями и обширной системой ирригационных каналов (арыков), которых следы сохранились поныне во многих местах, где теперь совсем не существует хлебопашества.

По разрушении Джунгарского ханства китайцами (1755 г.), киргизы (казахи), кочевавшие дотоле смежно с джунгарами и признававшие их власть, подвинувшись с запада на восток, заняли опустевшие по истреблении джунгаров места до линии пограничных китайских пикетов.

До того времени, по китайским известиям², киргизы не занимались хлебопашеством, но русское владычество (в 20-х годах настоящего столетия, когда роды, кочующие в северной части Семиречья, приняли наше подданство) уже нашло у этих кочевников зачатки земледелия, ограничивавшегося, впрочем, посевами проса, составляющего главную их пищу.

Поземельное устройство каждой страны вообще определяется бытом ее населения, его экономическим и политическим положением и его исторической жизнью. Все эти, так сказать, факторы поземельных отношений, результатом взаимодействия которых является поземельное устройство, имеют существенное значение. Сообразно этому, исследуя поземельное устройство какой-либо страны или края, необходимо принять за основу исследования быт народа, его экономическое положение и его политическую жизнь и условия. С этим положением мы и будем сообразовываться при историческом обзоре поземельных отношений в Семиреченской области.

Быт киргизского народа с тех пор, как застаёт его история, был и остается родовым: киргизский народ делится на несколько главных родов, которые подразделяются на множество мелких родовых частей. Хотя части эти по большей части с течением времени и под влиянием исторических и экономических причин утратили между собою действительную родовую связь, но, тем не менее, в сознании народа и его

¹ Записки Русского географического общества, 1867 г., стр. 449.

² Описание Джунгарии, Коканда, 1720 г., стр. 144.

предков связь эта имеет большое значение. Разделенные исторической жизнью и живущие в отдаленных одна от другой частях степи части родов тем не менее сохранили память об общем происхождении и родовой связи. В мелких же частях главных родов родовое начало сохранило вполне свое первобытное значение, и можно сказать смело и совершенно верно, что родовое начало и в настоящее время составляет преобладающий элемент быта киргизского народа. Община, аул у киргиз есть соединение родственников, людей, происходящих от другого родоначальника: хотя в этих естественных родах есть и пришельцы, пленные, рабы, словом, люди из других родов, но они признаются родовичами, так сказать, всасываются родом и со временем вполне с ним сливаются, признавая свою подчиненность родовому началу и родовой власти.

Экономическое положение киргиз обуславливается их главным промыслом-скотоводством. До настоящего времени киргизы мало занимаются земледелием, а скотоводство заставляет их быть народом кочевым.

Кочевой и родовой быт киргиз был причиной того, что они никогда не могли образовать из себя политического целого - государства. Они были причиной того, что политическая жизнь народа никогда не переходила за границы случайных союзов нескольких родов, разъединявшихся как только исчезали причины этих случайных союзов. Отсутствие же значительных политических единиц и родовая жизнь кочевников были причинами всегдашней зависимости киргиз от соседних народов. Вражда же или мир с соседями, ссоры между родами постоянно порождали передвижение родов с одной местности на другую. Передвижения эти были для кочевого народа, не имеющего никакой прочной связи с землею, весьма легки и потому история киргиз есть история непрерывных передвижений родов с места на место. Даже в весьма недавние времена можно указать несколько примеров таких передвижений. Сарыбагышевский манап Урман, кочевавший на запад

ном берегу озера Иссыккуль, в 1852 году, опасаясь падежа скотины от глубоких снегов, выпавших в долине Иссыккуля, поссорившись с коканцами и желая стать под защиту русских, перекочевал с родовичами своими далее чем за 300 верст от своей обыкновенной кочевки на рр. Чилик и Тургень, сеял здесь два года хлеб и потом вновь возвратился на Иссыккуль, откуда через несколько лет укочевал, поссорившись с нами на Нарын. Адбаны и дулаты, в 50-х годах, признавая власть русских и коканцев то кочевали около р. Каратала, то уходили за р. Чу. Если сравнительно в недавнее время целые роды с султаном Кенисарой или Садыком от Иртыша или Урала перекочевывали за р. Или или к Бухаре, то из этих примеров можно судить о том, в каких больших размерах совершались в степи переходы родов в давнее время. Эти передвижения объясняют ту перемешанность родов, какая встречается в некоторых частях киргизской

степи¹. Естественно, что отделившаяся одна от другой части родов теряли всякую между собой связь, но это ни мало не мешало сохранению родовой связи между кочующими смежно и происходящими от одного корня родами. Эта родовая связь имеет большое значение в поземельных отношениях киргиз Семиреченской области, где роды киргиз вообще между собой перемешаны и занимают ныне почти те самые местности, в которых застало их русское господство.

Действительное начало русской власти в Семиречье должно почитать с основания Аягузского окружного приказа (17 июня 1831 года). До того времени киргизы по р. Аягузу и южнее до р. Лепсы, хотя и почитались нашими под данными, но были ими только по имени, так как по принятии ими подданства правительство не вмешивалось в их управление и не взимало даже податей. Власть наша представлялась только Аягузским военным отрядом. С открытием приказа в Аягузе началось устройство у киргиз управления на основании составленного графом Сперанским учреждения сибирских инородцев: образование волостей, избрание волостных правителей и сбора ясака. По распоряжению Омского пограничного управления, которому тогда подчинены были киргизы, при устройстве волостей заседатели приказа собирали сведения между прочим и о кочевках киргиз с подробным их описанием. Это устройство волостей продолжалось с 1834 года по 1839 и встретило много затруднений, потому что отдаленные роды с оружием в руках противились введению нового порядка и особенно перечету скота. Местное начальство вынуждено было послать заседателей приказа с военными отрядами, но незначительность отрядов этих часто делала все усилия успокоить волнующиеся роды тщетными. Туминский род в 1836 году (между <.. > аром и Чугучаком) оказывал вооруженное сопротивление заседателю Павлинову, имевшему при себе казачий отряд, и был усмирён только в 1837 году заседателем Крайкинским, который в том же году не мог ввести новое устройство у матаевцев (около Копала) и садыровцев, у которых волости устроены уже в 1839 году. В этом же последнем году введено устройство у кара-киреевцев, глава которых султан Бексултан Агадаев принял тогда подданство. Таким образом, границы Сергиопольского округа достигли на юге до пределов Большой орды. Принятие ее в подданство не замедлилось. Уже с 1819 года джалаировский султан Сюк считался под русским покровительством. А в 40-х годах каждое лето выставлялся для обережения южной границы от набегов Кенисары и охраны караванов отряд на Лепсу. В 1846 году послан был с той же целью отряд на Копал, а в следующем году 14 августа султаны Сюк, Али и Акшны приняли присягу на подданство России от лица всех родов Большой орды. И в 1847 же году основано Копальское, а в 1854 укр. Верное и граница наша достигла р. Чу. Наконец через 10 лет после того взятие Пишпека и Аулиеата подчинило нашей власти кара-киргиз.

¹ Особенно перемешаны роды <...> населения Сыр-дарьинской области. В Кураминском уезде есть <...> многих родов Большой, Средней и Малой орды (см.: Материалы геогр., этнографии., статистич. исследования Турк. края, 1868 г., стр. 4...).

Принимая киргиз Средней, Большой и Дикокаменной орды в наше подданство, правительство оставило роды киргиз на тех самых местах, где их застала наша власть и сохраняла вполне в своей силе существующие поземельные отношения. Производя устройство волостей, состоявших каждая из одного рода, Сергиопольский приказ озаботился означением кочевков каждой волости, но имел при этом цель чисто административную. В Большой же орде и Дикокаменной самого разделения на административные волости не было произведено до 1869 года и киргизы делились на роды, управлявшиеся наследственными родовыми султанами и подчиненными им наследственными же правителями волостей, разумея под последними отделения родов. При таких невмешательствах в управление большеордынцами и кара-киргизами правительство совсем не касалось поземельных отношений и ограничилось только прекращением возникающих споров. Той же системы держалось и управление Средней орды.

Вследствие такого отношения государства к поземельному устройству оно сохранилось в главных чертах и теперь в таком виде, в каком застали его русские. Основанием принадлежности земли является давность, но так как не только мелкие части родов, но и целые роды постоянно передвигались с места на место, то давность владения землями у киргиз вполне велика: кочевников к земле ничто не привязывает, была бы трава и клочок пашни, а это он находит на пространстве всей степи. Тем не менее, местность, на которой кочует известный род хотя одно поколение или несколько лет, почитается принадлежностью этого рода. Так как с подчинением русской власти и водворением порядка перекочевки родов прекратились, то главные роды остались на тех местах, на которых их нашла русская власть. Места эти суть следующие: северную часть области занимают роды Средней орды (сивановский, матаевский, наймановский, садыровский, туминский, каракиреевский и проч.), южной границей кочевков которых служит р. Каратал. К югу от Каратала до р. Чу вся местность занята родами Большой орды (джалаиры, суваны, атбаны, дулаты). Иссыккуль, верховья Текеса и Каркара заняты родом богу из племени кара-киргиз. Токмакский уезд, за исключением правого берега р. Чу до р. Ргайты, покрыт кочевками кара-киргиз родов сарыбагыш, султы, саяк, чирик и пр.

Затем внутри родов поземельные отношения определялись родовым и кочевым бытом киргиз.

Родовое начало, которому подчинена во всех отношениях народная жизнь, служит основанием к поземельному устройству у киргиз. Земля почитается принадлежностью рода, который ею пользуется. Личной поземельной собственности родовая жизнь киргиз не могла и выработать, так как у скотоводов, постоянно передвигающихся с места на место по мере истребления скотом подножного корма, не могло существовать тех тесных и прочных отношений между человеком и землей, которые одни только создают понятия о личной поземельной собственности и владений. Частые передвижения родов из одной части степи в другую под влиянием отношений их друг с

другом и к соседям, без сомнения, также много способствовали отсутствию понятия о поземельной собственности. У киргиз существовало, таким образом, только понятие о родовом поземельном владении. Местность, на которой род имел летние кочевки, реки и пашни, вследствие давности пользования почитались принадлежностью, владением этого рода.

Начало родового владения, однако же, проявляет свое действие в различной степени относительно разных видов земли соответственно экономическим условиям пользования этими землями. Так, летними кочевками пользуется непосредственно целый род, кочуя по этим землям всей своей массой скота и кибиток в определенном направлении и в определенное время. Так как для кочевого рода в течение $\frac{3}{4}$ года (исключая нескольких зимних месяцев) нужны огромные пространства земли¹, то в редких случаях род обладает исключительно всеми летними кочевками, постепенно в течение перекочевок ими занимаемыми. Довольно часто роду принадлежит только часть его кочевого пути, другие же части пересекаются с кочевыми путями других смежных и родственных родовых союзов и потому находятся в общем с ними владении, но обыкновенно в разное время. Начало, направление и продолжительность остановок на различных пунктах кочевого пути каждого рода обуславливаются временем года, количеством корма для скота, климатическими и другими местными особенностями. Обыкновенно с весны киргизы кочуют в низкой песчаной степи, пользуются весенней травой, появляющейся на время весенней сырости в этой степи; как скоро жгучее летнее солнце иссушает степь, трава на ней исчезает, кочевники со стадами своими подвигаются постепенно к подножию гор, где влажность и растительность дольше противодействуют губительному влиянию жары. В самое жаркое время года кочевки переходят на самые горы, где травяная растительность сохраняет свою зелень и свежесть до осени и где нет насекомых (овода), которые делают летом невыносимыми для скота те места степи, которые богаты влажностью и травой; осенью начинается обратное движение кочевников с гор к своим зимовкам.

Такой способ пользования летними кочевками, выработавшийся под влиянием экономических условий скотоводства и природных свойств местностей степи, нельзя не признать вполне рациональным и выгодным для благосостояния кочевого населения, так как при нем скотоводы пользуются наивыгоднейшим образом и в надлежащее время всем пространством земель, годных для скотоводства.

Что касается до пашен и зимовок, то и они находятся во владении родов, но вследствие экономических особенностей своих требуют в пользовании ими некоторых видоизменений. Род может непосредственно пользоваться летними кочевками, представляя каждому скотоводу занимать по воле случая и его произволу любое место на родовом кочевом пути. Другое дело пашни и зимовки. Пользоваться ими непосредственно и совместно целый род не может, ибо передвижение на зимовках и пашнях в течение того времени, в какое они подвергаются эксплуатации, невозможно.

¹ Средняя длина кочевого пути в течение года составляет от 200 до 400 верст.

Вследствие этого, оставаясь владельцем пашен и зимовок, род уступает постоянное пользование пашнями и зимовками мелким родовым частям и преимущественно таким, которые составляют хозяйственные единицы. Эти хозяйственные родовые единицы у киргиз суть аулы (естественные, а не административные), состоящие из близких родственников, ведущих общее хозяйство, т.е. пасущих свой скот в одних общих стадах и имеющих общие пашни. Аул обыкновенно состоит из 5-15 кибиток, весьма редко более. Все члены аула по большей части близкие родственники; только у богатых или родовитых киргиз к аулам принадлежат потомки невольников и слуги. Весь скот каждого аула пасется в общих стадах, разделенных по породам на овец и коз, рогатый скот, лошадей и верблюдов. Пользование зимовками по началу давности принадлежит по большей части одному аулу и только в случае обширности зимового стойбища и трудности разделить его естественными урочищами пользование ими иногда находится в руках нескольких аулов, но всегда родственных.

Владение кочевками летними и зимними выработалось у киргиз исключительно под влиянием начала родового и начала давности. В праве владения пашнями, обработанной землей, является новое начало - труд. Пользование кочевками не требует никаких работ и труда. Земледелие же безусловно обязывает в Средней Азии затратить значительное количество труда на проведение ирригационных каналов или по местному названию арыков. Между тем во всяком обществе, на какой бы степени развития оно ни было, всякая затрата труда производится только тогда, когда владелец этого труда имеет право пользоваться результатами своего труда или, по крайней мере, их частью, в данном случае арыками и орошаемой ими землей. Сообразно этому экономическому закону пашни у киргиз почитают принадлежностью рода, в пределах кочевки которого они расположены, находятся в постоянном владении и пользовании тех, кто провел, поддерживает и возобновляет арыки, эти пашни орошающие. Проведение больших арыков по большей части невозможно для отдельного киргиза или юртовладельца, потому что требует большого числа рабочих рук. Вследствие этого арыки часто проводятся силами целого рода (Джиланаузовская волость Токмакского уезда вся имеет пашни по одному арыку, выведенному из р. Чу трудами всего рода) или части его, или, наконец, одного аула. Кому принадлежат арыки, тому принадлежат и орошаемые ими пашни, т.е. роду, его части или аулам. Распределение пашен между совладельцами зависит от количества труда, каждым затраченного на проведение арыков, и обычая. От первых владельцев пашни переходят уже по наследству сообразно обычаям до тех пор, пока владельцы обрабатывают свою землю и относят свою долю труда по поддержанию арыков.

Необходимо заметить, что киргизы до поселения русских и до прекращения перекочевки не дорожили землей. Роды часто переходили с одного места на другое. Земледелием киргизы занимались мало. Переходя на новое место, род не затруднялся провести небольшие арыки для орошения небольшого количества пашен для посева проса. В настоящее время земледелие получило у киргиз небывалые размеры и растительные продукты заняли главное место в пище кочевников. Бедные киргизы

теперь редко видят баранину или конину; главную пищу их составляет просо или пшеница, вареные в воде или в молоке, когда это последнее есть. Вследствие этого теперь редкий киргиз не имеет пашни. Из этого, однако же, не следует, чтобы все киргизы лично занимались земледелием. Пашут и производят все земледельческие работы игинчи - особый класс народа, земледельцы. Богатые, родовитые киргизы, вообще лучшая часть народа не любит трудной жизни земледельца, вынужденного целое лето не покидать своей пашни, находящейся в низких местах, обильных насекомыми и подверженных полному влиянию палящего знойного солнца. На пашнях остаются одни бедняки-игинчи. Все, кто может, кочуют со стадами скота в привольные горы для легкой работы пастуха. В скоте заключается главное богатство киргиза; каждый хозяин естественно следует за своим стадом. На пашнях остаются вследствие этого только некоторые члены хозяйств - младшие или работники. Владельцы пашен оставляют на пашнях для работ младших членов своих семей или работников. Люди среднего достатка или небогатые всегда ведут пашню через членов своих семей. Богачи же, естественно, нанимают работников. Игинчи-работнику хозяин дает земледельческие орудия, рабочий скот и семена. Вознаграждение за труд игинчи различно и зависит от его собственных средств к обработке земли: если он имеет свой скот или орудия, или семена, то получает большую условную плату или часть урожая; если не имеет, то меньшую. В настоящее время каждый киргиз, желающий заняться земледелием, имеет возможность получить себе землю из общей родовой земли бесплатно. Вследствие этого пока вознаграждение земледельца за труд определяется экономическими законами спроса и предложения. Поземельной ренты не существует. Кочевки находятся только во владении: летние всего рода, а зимние - частей его или аула, даже пашни принадлежат роду или его частям и только пользование ими иногда переходит в руки отдельных (лиц), но по большей части принадлежит меньшим родовым единицам - аулам. Поземельной собственности обычное киргизское право не знает. Сами султаны, привилегированный, владетельный класс, владели и владеют землями на родовом праве: земля принадлежит всему султанскому роду, - считая в его составе и тюленгутов, т.е. невольников, слуг, - а не лично султану. Доказательством отсутствия у киргиз поземельной собственности может послужить факт полного отсутствия продажи и аренды земель, составляющих самый характеристичный признак собственности.

Личная поземельная собственность, однако же, существует в настоящее время в Семиреченской области, но создана она уже русским законодательством. В видах привлечения киргиз к занятию земледелием составитель учреждения о сибирских инородцах граф Сперанский почел полезным предоставить каждому киргизу, желающему заниматься хлебопашеством или иметь другие на месте хозяйственные заведения, право на отвод 15 десятин земли на душу. Назе мли эти предоставляется киргизам право собственности, если они в течение первых пяти лет по отводе этих земель займутся на них хлебопашеством или хозяйством. Законы эти вошли в устав о благоустройстве в каз. селениях (ст. 191) и не отменены до настоящего времени. В свое

время одноименный закон, если не был полезен, то не мог принести и особенного вреда, потому что киргизы мало занимались земледелием, а о праве собственности не имели понятия и ни мало его не ценили. В настоящее же время, когда каждый почти киргиз занимается земледелием, при применении этого закона, очевидно, не только все пахотные земли, но чуть не вся степь может поступить в собственность киргиз, так как выполнение условий приобретения земель в собственность до крайности легко. В одном Сергиопольском уезде в 1869 г. считалось 4590 киргизских зимних скотных дворов: вот уже 4590 собственников, если бы земля им была отведена и если скотный двор считать хозяйственным заведением. В Копальском уезде число кур (глиняных оград для скота) также велико. В прочих уездах, хотя устройство дворов не в обычае, но и там киргизы занимаются хлебопашеством не пять, а десятки лет.

Между тем при признании земель собственностью киргиз невозможно ни увеличение русских поселений за отсутствием для них земель, ни самое существование скотоводства у киргиз, так как стада их на каждом шагу будут встречать собственность, пастбище на которой и самый прогон скота становятся запретными. Затем земли лучше все-таки поступят в собственность не большинства киргиз, а меньшинства, имеющего дворы или пашни, занятые пять лет сряду: очевидно немедленное появление пролетариата, численность которого должна постоянно увеличиваться.

Очевидно, что закон, изложенный в ст. 191 Уст. о благоустройстве в поселениях, должен быть немедленно отмененным, в применении же его за прошлое время необходимо требовать строжайшим образом точного соблюдения условий, дававших права на приобретение земель в собственность. Условия эти заключаются в том, чтобы земля была отведена, само собой разумеется, надлежащим присутственным местом, т.е. Окружным приказом или Областным Правлением, по важности этого отвода доказательствами его может быть принят только письменный акт за подписью надлежащих должностных лиц и с точным означением лица, которому он дан, количества, местонахождения и границ земли отводимой и цели ее отвода. Затем по смыслу 191 ст. для признания отведенной земли собственностью необходимо, чтобы владелец в течение пяти лет сряду со времени отвода занимался на ней хлебопашеством или имел какое-либо оседлое хозяйство, т.е. садоводство, огородничество, мельницу и т.п.; между прочим, куры или такие скотные дворы, которые состоят из одной глиняной низенькой ограды без крыши и ворот, устройством или мнением хозяйственных заведений по смыслу ст. 191 почитать не следует.

При строгом соблюдении выполнения означенных условий весьма немногие киргизы будут иметь возможность доказать право собственности на свои земли, потому что весьма редкие киргизы озаботились испросить себе формальный отвод земель, которые они при соблюдении этого условия приобретали бы в собственность.

Русское правительство, как уже замечено выше, держалось относительно поземельного владения в степи системы невмешательства, и хотя вся земля почиталась собственностью государства, но пользование ею предоставлялось киргизам.

Действующие в степи с 1822 года коренные правила нашего законодательства о поземельном владении у сибирских киргиз, к числу которых принадлежат семиреченские (ст. 191 Уст. о благоустр. в казен. селен., т. XII, ч. 2 свода закон.), заключаются в том, что в пределах каждого округа кочевье на не отведенных никому землях почиталось свободным для всех киргиз того округа; отвод же земель под кочевья должен был приводиться по требованию киргиз, а в случае явки многих желающих на одну и ту же землю право владения условлено было предоставлять одному из них по жребию в присутствии трех свидетелей из биев.

Так как летние и зимние кочевки при подчинении русской власти были уже распределены между родами по праву давности владения, то означенные законы о порядке распределения земель между киргизами остались не применимыми. Применение их было и невозможно, потому что свободное пользование даже одними летними кочевками было бы явной несправедливостью, беспричинным лишением владеющих издавна родов и частей их тех земель, которые принадлежали их предкам. Лишение поземельных споров посредством жребия также никогда не применялось в действительности, ибо такое решение поземельных споров столь же нерационально, как противно справедливости: оно уместно, где земля пуста, свободна, но там, где существуют у земли владельцы по праву давности, весьма естественно предоставить решение споров о земле, как и прочих тяжб, суду или администрации.

По этим причинам на практике владельцам земель в степи почитались те роды киргиз и их части, которые ими владели по праву давности. Внутреннее распределение земель и пользование ими шло у киргиз согласно обычаям, основные черты которых указаны нами выше. Правительство могло вмешиваться в поземельные отношения только в случае споров между киргизами, когда та или другая сторона обращалась к русскому начальству. По обширности киргизских земель и отсутствию планов их и письменных на владение актов споры за земли, как показывают дела упраздненных приказов и Алатавского окружного управления, были многочисленны и непрерывны. По тем же причинам русские власти сами не имели никакой возможности разбирать эти споры и за весьма редкими исключениями предоставляли их решение суду биев. Третейским судом биев, выбранных по соглашению сторон, решались поземельные споры не только между отдельными киргизами, но и между целыми родами и волостями. Приказы и вообще русские власти оказывались решительно не в состоянии решить поземельные споры, не имея планов земель и способов определить на них право тяжущихся. Правительственный разбор поземельных споров, как можно убедиться из дел приказов, состоял из одной бесплодной переписки и обыкновенно длился многие годы, пока стороны не прибегали к третейскому суду биев или по предложению приказов.

Замечательнейший из поземельных споров между киргизами, решенный правительственной властью, есть спор между киргизами Большой и Средней орды, возникший в 1848 г. Большеордынцы, после принятия их в подданство, в 1847 году

заявили притязание на все земли к северу от р. Каратала до р. Лепсы. С другой стороны, киргизы Средней орды земли эти до р. Каратала присвоили себе. Собрав сведения через пограничного начальника полковника Клейста и пристава Большой орды майора барона Врангеля, генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков 15 августа 1849 года решил спор в пользу найманцев, основываясь на том, что киргизы Средней орды занимали эти кочевки с давнего времени и владели ими при открытии в 1831 году Аягузского приказа. Границей между землями Средней и Большой орды князь Горчаков определил линию, идущую от вершины р. Балыкты по хребту <...> через сопку Кум-тюбе до сопки Ак-тюбе, причем правый берег Каратала остался во владении джилаирав.

В основание вышеизложенного решения принята была генерал-губернатором Западной Сибири давность владения и пользования землями. Решение это не вполне было согласно с правилами, изложенными в ст. 191 т. XII, ч. 2, но отчасти соответствовало общему закону о поземельном устройстве кочевых инородцев (с. <...>, т. IX зак. о состояниях), по которому "кочевые инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли; подробное разделение участков сих земель зависит от самих кочующих, по жребию или другим их обыкновениям". Этим же законом руководствовались областные начальства и приказы, решая споры о землях на основании давности владения или передавая эти споры на решение суда биев. Так как решения суда биев, существовавшего до введения нового положения об управлении в степи (1867 г.), были весьма часто пристрастны и несправедливы вследствие нахождения его в руках волостных правителей, султанов и вообще родоначальников и так как вообще распределение земель между киргизами может не составлять предмета судебного ведения, ибо при распределении земель должно иметься в виду не одно право за землю, но и экономические условия и потребности населения, то местные начальства довольно рано стали заботиться о собрании точных и подробных сведений и данных о распределении земель между киргизами. Так, уже при устройстве волостей по открытию Аягузского окружного приказа собирались сведения о зимовках и кочевках волостей. В 1849 году омский пограничный начальник полковник Клейст, находя, что беспрестанные споры за земли, доходящие до вооруженных столкновений и смут между киргизами, происходят от неопределенности кочевок, сделал распоряжение, чтобы в каждом округе была образована особая комиссия из почетных киргиз для определения постоянных летних и зимних кочевок для каждой волости. В Аягузском округе членами этой комиссии были назначены старший султан Ибак Джадаев и султаны Букей Аладаев и Джемантай Бопин. Комиссия эта, однако же, ничего не сделала, указав на невозможность выполнить свое назначение вследствие не разграничения наших земель с Китаем и не проведения границ со смежными округами, а также по неимению сведений о принадлежности кочевок волостям и по отсутствию планов земель, занятых волостями Аягузского округа. Пограничный начальник ответил, что ввиду затруднений, встреченных комиссией, он примет для точного распределения

особые меры. Однако это предположение, по крайней мере, в Аягузском округе, осталось без последствий.

Из дел Сергиопольского и Копальского приказов видно, что впоследствии Семипалатинское областное начальство собирало сведения о кочевках киргиз через приказы, но об общем распределении земель речь уже не возобновлялась, хотя, судя по огромному количеству споров о землях между киргизами, нельзя сказать, чтобы потребность в этом распределении прекратилась.

В 50-х и 60-х годах устройство русских казачьих поселений, для которых отняты были у киргиз большие пространства земли, в сильной степени увеличило неопределенность поземельного владения у киргиз, так как уступившие земли для русских киргизы должны были поместиться за землях, принадлежавших другим киргизам и оттого многие кочевки переменили владельцев. В Алатавском округе к этим причинам стеснения киргиз в землях и путаницы во владении землями прибавилось еще перекочевание многих родов Большой орды в наши пределы из Китая. В канун 1861 г. начальник Алатавского округа, видя невозможность разрешить споры о зимовках между киргизами Большой орды, одинаково доказывавшими принадлежность им одних и тех же зимовок правами давнего владения, причем русское начальство решительно не имело средств разобрать - чьи права действительные и основательные, вошел к генерал-губернатору Западной Сибири с представлением о командировании в Большую орду четырех топографов при офицере для подробной съемки и описания всех кочевок Большой орды, после чего предполагалось из старших султанов и почтеннейших биев составить комиссию, которая при участии помощника начальника округа раз и навсегда определила бы каждому роду особые зимние и летние кочевки. Представление это было одобрено, но вместо офицера и четырех топографов были командированы один офицер и один топограф, да и эти съемщики к работам по распределению киргизских земель не приступили, потому что разделение земель между киргизами было отложено до проведения границы с Китаем, с которым начались в 1862 году об этом переговоры, а затем, хотя проведение границы не состоялось, топографы были употреблены на другие работы.

Само собой разумеется, что споры за землю, подавшие мысль о необходимости оценки и распределения киргизских земель, не будучи разрешены правильным образом, не прекратились и до сих пор, доказательством чему служат частые жалобы джалаиловских волостей на стеснение их в кочевках. По одной из этих жалоб в 1868 году копальским уездным начальником было вновь возбуждено предположение об уравнении земель между волостями Копальского уезда, но так как тогда же затребованных областным начальством подробных соображений об этом предмете уездным начальником не доставлено до сих пор, то дело на том и остановилось.

Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях совсем не затрагивает поземельного устройства края¹, а потому реформа не коснулась поземельных отношений. Местное начальство воспользовалось, однако же, новою организацией народного управления и образованием волостей, основанных на территориальном начале - смежности кочевков - вместо прежнего родового деления для того, чтобы получить точку опоры для выяснения принадлежности земель по праву владения. Комиссиям, вводившим новое устройство (1868 г.), было вменено в обязанность с возможной подробностью записывать места кочевков каждой волости и аула, при их образовании киргизам объявлять, что описания кочевков, составленные комиссиями, правительство будет почитать главным документом, доказывающим права владения землями. Хотя комиссии при спешности их работ по организации нового управления, при неимении не только планов земель, но даже подробных карт, и при отсутствии в большей части области всяких подробных сведений о кочевках киргиз, не могли выполнить своей работы в этом отношении с той подробностью и основательностью, какие были бы желательны, но, тем не менее, составленные ими описания кочевков волостей составляют в настоящее время главное основание распределения земель и единственный почти документ для разрешения поземельных споров. Недостаток описаний кочевков, сделанных комиссиями, заключается, главным образом, в том, что только некоторые комиссии производили описание кочевков каждого аула; весьма немногие исчисляли все урочища, занимаемые аулами или волостью; большая же часть комиссий ограничилась указанием границ кочевков только волостей, без разделения кочевков по аулам, почему описания их дают понятия только о кочевках волостей; наконец все описания комиссий составлены со слов киргиз, объявляющих себя владельцами кочевков, без всякой проверки их показаний, и потому часто случается, что одни и те же кочевки записаны комиссиями у разных владельцев. Но все-таки описания комиссий дали местным начальствам хотя некоторую точку опоры для решения поземельных споров между киргизами. Споры эти, как показывают дела уездных управлений, весьма часты и многочисленны: разрешаются они на практике, если доходят до русских властей, или административным порядком или судом биев. Если спорные кочевки значатся в описаниях комиссий, то уездные начальники решают дело согласно показаниям комиссий. Если же описания комиссий не могут решить спора, то весьма часто русские чиновники оказываются вне всякой возможности кончить дело без полюбовной, при посредстве почетных людей, или биев, сделки между сторонами, вынужденными к тому прибегнуть после продолжительной и убыточной тяжбы. Бывают случаи решения поземельных споров между отдельными киргизами судом биев, но вообще порядок решения поземельных тяжб весьма разнообразен и не имеет ничего определенного.

¹ Исключение составляет примечание по § 115, которым признаются права киргиз Сыр-дарьинской области на пользование прежними их летовками в Оренбургском крае, а этим признается и право всех киргиз Туркестанского края на владение землями по давности пользования.

II. Поземельное устройство казачьих и прочих русских поселений

При последовательном поделении русской власти киргиз Семиречья и Заилийского края правительство наше не имело в виду целей колонизационных, потому что для избытка населения внутренних губерний надолго хватит малонаселенных земель южной России и Сибири. Занятие Семиречья и Заилийского края было вызвано стремлением обезопасить подвластных нам киргиз от нападений неподданных кочевников, а также желанием обеспечить спокойствие торговых путей из наших владений в Среднюю Азию и западный Китай. Те же цели преследовались и при устройстве первых русских поселений. Упрочить нашу власть в занятой степи преимущественно могли только поселения военные. Поэтому и первые поселения были казачьи. Поселенные в степи казаки, представляя дисциплинированную и всегда готовую военную силу, в то же время должны были облегчать расходы правительства на содержание в степи регулярного войска, занимаясь земледелием и поставляя провиант, доставлявшийся до того времени из Сибири с дальних расстояний и за большие цены.

Первое русское поселение в Семиреченской области возникло в начале 30-х годов при местонахождении открытого в 1831 году Аягузского приказа. Поселенцы состояли из чиновников приказа, торговцев и чинов Аягузского военного отряда. На настоящее свое место Аягузское поселение перенесено в 1842 году. Земледельческий элемент явился в этом поселении только в 1847 году, когда при приказе было поселено 50 семей казаков. До того времени поселение пользовалось землями только для сенокоса и огородов и потому особого отвода земель для него произведено не было. Поселение казаков не могло обойтись и без земель для хлебопашества. Из дел Аягузского приказа видно, что одновременно с поселением казаков генерал-губернатор Западной Сибири предписал приказу наделить вновь поселенных казаков всеми поземельными угодьями, отведя эти угодья из земель киргизских «короткими мерами не стесняя киргиз». Дела приказа затем показывают, что в том же 1847 г. топограф Седунов производил съемку земель для надела казаков, но был ли произведен самый отвод земли - неизвестно. Встречающиеся впоследствии жалобы казаков на недостаток земель заставляют думать, что правильного отвода земель для Аягузской станицы сделано не было. В конце 1851 года вследствие прошения казаков о недостатке у них земель, и.д. Омского пограничного начальника предписал приказу без дальних рассуждений предоставить во владение казаков все земли, которые они себе просили, а именно Аягуз, Батпан, Ка <...>, Нарын. Таким распоряжением киргизы многих волостей лишены были пашен и лучших зимовок, находящихся от Сергиополя в расстоянии от 30 до 50 верст. К наделению их другими пашнями и кочевками и к распределению тяжести отвода земель для русского населения между всеми ближайшими родами не было принято никаких мер. К сожалению, почти весь ход дальнейшей русской колонизации носит тот же характер: главное начальство края предписывает произвести отвод земель «короткими мерами», по возможности «не стесняя киргиз»; на деле же местное начальство, не зная, как взяться за дело, или

встречая затруднения, действительно неизбежные и трудно устранимые, после нескольких попыток отвести земли полюбовно, принимает крутые меры к наделу русских поселенцев, осыпая начальство своими жалобами, оставляя в стороне всякое попечение о киргизах.

Следующее по времени основания русское поселение есть Копал. В 1847 году основано было здесь укрепление, а в следующие три года поселены три сотни казаков с бийской линии Сибирского казачьего войска. Для отклонения стеснения киргиз при отводе земель для поселенцев генерал князь Горчаков в феврале 1848 года предписал приставу Большой орды наблюсти, чтобы земли казаков не выходили за пределы с одной стороны р. Кызыл-агач, а с другой р. Кашкентал (?). 21 мая того же года, в тех же видах, князь Горчаков предписал приставу оставить зимние кочевки и пашни, находящиеся в означенных границах, в пользовании киргиз до тех пор, пока они окажутся необходимыми для казаков, и даже тогда предоставить последним до окончательного их отвода только ту часть, которая им существенно будет нужна для покосов и пашни. Эти гуманные и справедливые распоряжения начальника края не имели никакого применения. Уже 8 июля 1848 года пристав майор барон Врангель донес князю Горчакову, что на пространствах, назначенных для копальских казаков, имеют зимние кочевки только 20 (!) юрт киргиз и что летних кочевок и пашен киргизы совсем на этом пространстве не имеют и уступают эти земли поселенцам весьма охотно. Донесение это было совершенно неверно, потому что, как впоследствии оказалось, целая волость (Кенже-Каптагай-Матаевская) лишилась большей части своих пашен и зимовок. Сколько можно видеть из дела пристава Большой орды, из которого приводятся эти сведения, ложное донесение майора Врангеля было вызвано желанием оправдать в сделанном им вопреки приказанию князя Горчакова распоряжении об удалении киргиз Аягузского округа, ему не подчиненных, с земель, назначенных для Копала.

Желая показать, что распоряжение его не имело важного значения для киргиз, барон Врангель сделал выше приведенное совершенно неправдоподобное донесение о малом числе кочевок киргиз на означенных землях. Не дальше, как через два года, распоряжение князя Горчакова и границы им назначенные были забыты, потому что начальник штаба Сибирского отдельного корпуса в 1851 году вследствие представления пристава Большой орды, основанного на донесении командовавшего 10 полковым округом есаула Абакумова, разрешил допустить копальских казаков пользоваться хлебопахотными и сенокосными землями на всем пространстве между р. Биенью и р. Ак-Ичке, означенном на карте окрестностей Копала, составленной топографом Нифантьевым. По-видимому, причины такого увеличения казачьего надела были частью жалобы казаков, удостоверенные местным начальством, о недостаточности хлебопахотных и сенокосных мест в первоначально отведенном пространстве. На практике во вновь отведенном пространстве киргизам были воспрещены не только пашни и сенокосы, но даже зимовки. К замене земель, отнятых у Кендже-Каптагай-Матаевской волости, другими за счет прочих волостей не было

принято никаких мер до 1854 г., когда вследствие жалоб кенже-каптагай-матаевцев на лишение их мест для кочевок и.д. семипалатинского военного губернатора полковник Спиридонов командировал для надела каптагай-матаевцев зимовками за счет смежных волостей ассессора Пограничного управления Сухомлинова. Раздел земель Кендже-Каптагай- Матаевской волости с Аталык-Матаевской киргизы обеих волостей передали в присутствии Сухомлинова на суд биев, выбранных ими, которые и определили земли, отходящие от последних к первым, о чем составлен был акт. Представляя этот акт, Сухомлинов заявлял о просьбе киргиз об урезании границ надела копальских казаков, которые им неизвестны. Сверх того, Сухомлинов высказывал свое мнение о необходимости отдать ур. Баян Донюрук, находящееся в пределах казачьего надела, под зимовки киргиз, так как урочище это, занимая обширное пространство и состоя исключительно из земель негодных ни для пашен, ни для сенокосов, для казаков не нужно, а для киргиз было бы весьма полезно, доставляя обширные зимовки.

С 1855 года должно было начаться заселение ст. Лепсинской, и потому для отвода земель для этой станицы генерал-губернатор Западной Сибири командировал особую комиссию, состоящую из Генерального штаба подполковника Шульца, ассессора Семипалатинского областного правления Сухомлинова, старшего султана Аягузского округа, волостных управителей заинтересованных волостей и депутата со стороны Сибирского казачьего войска по назначению Наказного атамана. Комиссии этой было поручено: 1) привести в положительную известность зимовки, летовки, пахотные земли и отгонные зимние стойбища. Для табунов киргиз нужно части Аягузского округа с показанием числа юрт и скота на каждом урочище и времени пребывания аулов на кочевьях; 2) отвести узаконенную пропорцию земли от 21 до 30 десятин на нашу для поселяемых на Чубар-Агач казаков, определив живыми урочищами их наделы; 3) так как вследствие надела лепсинских казаков до 800 кибиток киргиз должны лишиться своих пастбищ, то отводить казакам только то, что действительно им нужно без всякого излишества и не отнимать у киргиз самых необходимых для них угодий и составить предположение о замене отнятых земель и вознаграждении волостей, которые лишатся пастбищ, назначением для них других от прочих волостей, уравнивать земли между ближайшими волостями соразмерно их народонаселения и по числу скота по дружескому соглашению старшин и родоначальников.

Действия комиссии подполковника Шульца по основательности сих работ полноты собранных сведений, внимательности к интересам киргиз и поселенцев, наделение которых землей было вверено ее работам, наконец, по беспристрастию своему представляют отрадные, к несчастью, исключительные явления в истории поземельного устройства юго-восточной части киргизской степи Сибирского ведомства. Исследовавши местность около предполагаемого поселения, комиссия отвела для надела оного 300 квадратных верст или 31200 десятин земли, годной для пашен, сенокосов, огородов, пастбищ со строевым и дровяным лесом. Отведенную землю комиссия в присутствии киргизских и казачьих депутатов отделила объявленной им

границей по возможности по живым урочищам с постановкою 32 столбов. Киргизам обеспечено пользование водой из восьми арыков, выходящих с земель, отведенных казакам, на земли, оставшиеся во владении киргиз, с воспрещением казакам отводить из них воду и повреждать их.

Для перекочевки киргиз, без прохода через казачьи земли, во избежание потрав, оставлена им кочевая дорога. О всем этом составлен акт за подписью киргизских волостных управителей и казачьих депутатов.

Для вознаграждения киргиз, лишившихся земель, отведенных в надел ст. Лепсинской, комиссией были собраны волостные, аульные и почетные люди 6 смежных с Чубар-Агачем волостей и по обсуждении дела в присутствии комиссии распределили между собой равномерно оставшиеся земли, означив в особом акте с точностью и подробностью перемены во владении земли, происшедшие при этом распределении.

Все это было исполнено (сверх того подполковником Шульцем разбит был в то же время план ст. Лепсинской) комиссией в течение мая 1855 года. С июня месяца комиссия занялась наделом ст. Копальской, который также был ей поручен по поводу заявлений асессора Сухомлинова об указании киргизам границ надела и об урочище Баян-Джурюк. Собрав нужные сведения, комиссия нашла, что земли, означенные на карте прапорщика Нифантьева и утвержденные за казаками, по распоряжению начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса, составляют 90087 десятин¹, не включая гор Баян-Джурюк, занимающих 11878 дес. 800 саж. (и не считая еще долины Каратальской, о занятии которой хуторами казаков полковник Шульц, кажется, не знал), так как по числу душ с запасом для станиц следовало отвести только 37345 дес. Следовательно, найдено в пользовании казаков излишней земли 52722 дес. Сверх того казаки самовольно заняли под пашни правый берег р. Биени и другие места, тогда как в своих границах казаки имели в излишке пахотные земли и отдавали их внаем торговцам и другим лицам. Ввиду этих фактов комиссия нашла возможным горы Баян-Джурюк предоставить под кочевки киргиз, самовольно занятые пашни возвратить киргизам, городскому населению предоставить пользоваться выгоном совместно с казаками, воинским командам пользоваться сенокосами в черте станичного надела, излишние 52722 десятины в уважение недостаточности сенокосных мест в казачьем наделе оставить в пользовании казаков. Все эти заключения комиссии утверждены предписанием генерала Гасфорда от 17 ноября 1855 года за № 1112, но с таким добавлением, что по недостатку сенокосов в станичном наделе генерал-губернатор нашел нужным предписать местному начальству отвести нужное число десятин лугов на р. Каратал для раздачи своевременно паев. Вместе с тем согласно мнению комиссии земли, уступленные аталык-матаевцам в 1854 году кендже-каптагай-матаевцами, возвращены им, так как каптагай-матаевцы получили в свое владение горы Баян-

¹ Из данных, собранных комиссией, между прочим видно, что пахотных малоорошаемых проведенными арыками у казаков было 22376 дес. Между тем занято было копальскими жителями 1526 десятин.

Джурюк. Исполнение означенных распоряжений по наделу Копальской станицы встретило некоторое сопротивление со стороны киргиз: они отказались присутствовать при указании границ казачьей земли, что независимо от недовольства киргиз отнятием у них громадного количества земель, быть может, произошло оттого, что распоряжения эти были объявлены им казачьим полковым командиром подполковником Абакумовым. Однако же в мае месяце 1856 г. подполковнику Абакумову при содействии старшего султана Аягузского округа удалось отобрать от киргиз подписку в объявлении и указании им границ, причем Абакумов обещал киргизам отдавать им безвозмездно под зимовки места, которые останутся незанятыми или не будут отданы с торгов.

Одновременно со ст. Лепсинской (1 сотня казаков и 200 крестьянских семейств) были основаны ст. Урджарская (1/2 сотни казаков и 100 крестьянских сем.) и станицы Большая и Малая Алматинская (2 сотни казаков и 200 крестьянских семейств). О первоначальном наделе первой мы не имеем подробных сведений, но из того, что найдено в делах Сергиопольского окружного приказа видно, что урджарским казакам были отведены в примерном количестве ближайшие к поселению земли, без точного указания границ, и потому споры казаков с киргизами были непрерывны, не прекратившись даже и после 1862 года, когда землемером Григорьевым был указан по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири проектный надел этой станицы, составленный землемером межевой партии Сибирского казачьего войска.

Заселение станиц Алматинских началось с 1855 года. В 1856 г. основаны выселки <...> и Коксуйский, в 1857 г. Карабулакский, Надеждинский (на р. Иесыката 128 семей) и ст. Согринская (на р. Талгар - 122 семьи). Наконец, в 1860 году поселена 1 сотня казаков на р. Каскелен, образовав выселок Любавинский.

Из тех скудных сведений, которые можно почерпнуть из дел Алатавского окружного управления, можно вывести только следующие заключения о порядке надела заилийских казачьих поселений.

Земли были отводимы по приходе поселенцев по распоряжению пристава при киргизах Большой орды и потом заменившего его Алатавского окружного начальника. Отвод производился в примерном количестве из земель киргизских без точного обозначения границ. К вознаграждению киргиз за отнятые земли и уравниению между ними кочевков никаких мер не принималось. Казаки по мере потребности в землях распространяли свои поземельные владения, насколько им было нужно, не встречая почти сопротивления со стороны киргиз, недавно лишь принявших подданство и не освоившихся с русскими порядками.

Для точного определения казачьих земель генерал-губернатор Западной Сибири командировал в распоряжение начальника Алатавского округа <...> офицеров корпуса топографов для съемки земель для поселений и надела их. Работы топографов продолжались с 1858 года по 1861, постоянно прерывались командировками их в

отряды для съемки при рекогносцировках, и хотя не достигли своей цели - окончательного наделения казачьих поселений, так как проектированные ими наделы не были утверждены и оставались временными, но эти наделы и поныне составляют единственное основание распределения земель между казаками и киргизами в пределах бывшего Алатавского округа.

При исчислении казачьих поселений не упомянуты еще выселки Арасанский, Сарканский и Сарыбулакский. Первый основан в 1855 году и пользуется наделом, общим со ст. Копальской. Выселок Сарканский начал заселяться с 1858 года; о первоначальном его наделе мы не могли найти никаких сведений, настоящий же поземельный надел этого поселения отведен землемерами межевой партии Сибирского казачьего войска, о действиях которой будет сказано ниже. Что же касается до выс. Сарыбулакского (2 двора), то основание его относится к 1869 году и надела оным еще никакого не произведено.

Все упомянутые до сих пор наделы казачьих поселений есть временные, произведенные без соблюдения правил, установленных законами межевыми. Произведены они, как можно видеть из предыдущего, только для того, чтобы на первое время устройства поселений означить границы предоставляемых им земель и предупредить столкновение поселенцев с киргизами. Необходимость правильного окончательного надела казачьих поселений и городов признавалась безотлагательно. Однако же по неимению в распоряжении западносибирского начальства свободных межевых средств, к производству окончательного надела Семиреченских станиц приступлено только в 1862 году. Межевые работы по этим наделам по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири возложены были на землемеров межевой партии Сибирского казачьего войска. Работы начались весной 1862 года и продолжались в следующем году четырьмя землемерами. Начальником межевой партии предписано было землемерам снять во все стороны от каждого поселения по масштабу 250 <...> в дюйме планшетами такое количество земли, чтобы её было достаточно для станичного юрта, полагая по 30 десятин на каждую душу, в том числе не менее 1/3 части лугов или степной земли, но считая последней 2 десятины за 1, согласно § 34 Положения о межевой Комиссии Черноморского казачьего войска¹ с добавлением на каждые 200 душ 3000 десятин в запас и законной пропорции земли для надела церковных приходов и офицеров. Кроме этих землемеры никаких указаний не получили.

В 1864 и 1865 годах землемеры Сибирской межевой партии никаких работ по наделу вне семиреченских станиц не производили, так как были командированы в другие местности Сибирского казачьего войска. Между тем при рассмотрении начальником межевой партии их работ оказалось, что в некоторых станицах число снятой на планы земли для полного надела недостаточно. Вследствие этого в 1866 и 1867 годах посланы были вновь войсковые землемеры для добавочной съемки и

¹ Высочайшее утверждение положения Сибирского Комитета 26 декабря 1867 года.

включения в наделы некоторых поселений лесов, на отсутствие которых в своих землях жаловались казаки, но сие в начале 1867 года войсковое Правление Сибирского казачьего войска при рассмотрении представленных межевой партией окончанных ею планов наделов станиц Сергиопольской и Урджарской и некоторых станиц других полковых округов, нашло действие межевой партии во многих отношениях неправильными; именно войсковое правление обвинило межевую партию в том, что межевание производилось без ведения полевых журналов работам и без бытности депутатов от владельцев смежных земель, т.е. киргиз и их начальства, и даже без бытности доверенных от казачьих обществ, затем войсковое правление подозревало межевую партию в стремлении действовать к невыгоде для казаков и претендовало на то, что межевая партия не отводила в казачьи наделы всех тех земель, на которые указывали сами казаки, а также всех тех, которые находились в их пользовании по актам и планам или просто по давности владения. По этим причинам Войсковое правление отказалось признать проектные наделы межевой партии правильными и находило необходимым пересоставить их вновь, согласно его указаниям.

По рассмотрении этих заключений Войскового правления генерал- губернатор Западной Сибири 23 марта 1867 года, соглашаясь с войсковым правлением, предписал дополнить проектные наделы межевой партии в тех случаях, когда в наделы эти не включены земли, находившиеся и прежде во владении казаков, но вместе с тем генерал Хрущов предлагал отрезать из наделов земли, превышающие положенную для казаков пропорцию; проектированные границы наделов указать в натуре жителям при депутатах, доверенных и понятых с ведением полевых журналов и постановкою временных признаков; однако приказать казачьим жителям пользоваться только теми землями, которые находились уже в их пользовании в то время, отнюдь не расширяя их владений согласно проектным наделам впредь до утверждения оных.

Таким образом, двухлетние труды межевой партии Сибирского казачьего войска признаны несостоятельными, а так как в конце 1867 года последовало образование Семиреченского казачьего войска, то Сибирская межевая партия уже не продолжала здесь своих действий и с того времени межевые работы прекратились.

Войсковое правление смотрело на проектные планы Сибирской межевой партии исключительно с точки зрения казачьих интересов, что весьма естественно со стороны сословного учреждения и показывает главный недостаток межевания, произведенного межевой партией Сибирского казачьего войска. Хотя земли, отрезываемые в наделы станицам и выселкам, первоначально принадлежали киргизам и отнимались у них в пользу казаков, но, несмотря на то, допущено было межевание земель этих через учреждение сословное, межевую партию Сибирского казачьего войска и под надзором сословного учреждения Войскового правления Сибирского казачьего войска. Весьма естественно, что казачьи землемеры действовали почти исключительно в пользу казаков. На интересы киргиз или совсем не обращали внимания, или их выгоды соблюдались случайно и права их сохранялись в тех редких случаях, когда нарушение

их представлялось совершенно противным чувству справедливости и закону. Между тем Войсковое правление, охраняя всеми силами сословный казачий интерес, обратило внимание именно на эти исключительные случаи. Справедливо указать на неправильность действий межевой партии относительно межевания земель без доверенных и депутатов от киргиз, на что, впрочем, еще раньше указал генерал-губернатор Западной Сибири. Войсковое правление главным образом упирало на нарушение межевой партией интересов казачьих и делало в этом отношении обвинения неосновательные: очевидно, что межевая партия не имела ни законных оснований, ни возможности отводить казакам все те земли, которые они укажут и которые им понравятся, ибо такое межевание повело бы к крайней чересполосности и совершенному разорению киргиз. Между тем Войсковое правление находило в том главную вину своей межевой партии и ходатайствовало о придании ее за то суду! Будучи подчинена казачьему сословному учреждению, межевая партия вообще не могла идти против интересов этого сословия. Могли совершать злоупотребления некоторые отдельные чины межевой партии: так, например, на одного землемера, действовавшего в Заилийском крае, казаки принесли жалобу, что он обременяет их нарядом рабочих, которых между тем отпускает за взятки - 15—45 коп., или десяток яиц, и вместо работ занимается пьянством, но вообще межевая партия не могла действовать против интересов казачьих. Напротив, главный недостаток ее межевания заключается в том, что она действовала в интересах казаков, не обращая по большей части никакого внимания на выгоды и права киргиз. При ознакомлении в натуре с поземельными наделами, проектированными Сибирской межевой партией для казачьих поселений, оказывается, что казакам отведены все лучшие в хозяйственном отношении земли, находящиеся вблизи поселений без всякого внимания к интересам киргиз, у которых отняли не только все лучшие пашни с готовыми, стойкими им громадных трудов и расходов арыками, но отнимали даже иногда лучшие кочевки, казакам совсем не нужные и отдаваемые ими тем же киргизам за картонную плату. В этом отношении впрочем, межевая партия по большей части ограничивалась тем, что включила окончательно в казачий надел все те земли, которые были раньше им отданы во временное пользование. В тех случаях, когда земель этих оказывалось недостаточно, межевая партия прирезывала недостающее количество из лучших киргизских земель по указанию казаков, и избегала только чересполосности по основному межевому правилу, что навлекло на нее нареkanie со стороны Войскового правления. Забвение киргизских интересов заключалось повсюду в том, что при наделах казаков межевая партия не заботилась об оставлении для киргиз скотопрогонных кочевых дорог, которые существенно необходимы для киргиз для прохода о летних кочевок в горах на зимние в степи, причем при отсутствии кочевых дорог киргизы неизбежно должны были бы гнать скот через казачьи земли и подвергаться всякого рода искам казаков и притеснениям за потравы, действительные или номинальные; межевая партия не давала киргизам никаких гарантий за сохранение за ними права пользования арыками, выходящими с казачьих земель, между тем как, владея землями, по большей части расположенными у подножия гор,

казаки держали в своих владениях речки и могли, пуская или запирая воду в киргизских арыках, идущих на земли, ниже казачьих расположенные, дать урожай или неурожай на киргизских пашнях. Стало быть, в двух главных отраслях своего хозяйства - скотоводстве и хлебопашестве - киргизы наделами межевой партии поставлялись в значительную зависимость от казаков, которые никогда не пропускали случая извлекать из такой зависимости материальные, весьма тягостные для киргиз выгоды. Наконец весьма существенная неправильность проектных наделов Сибирской межевой партии, служащая в пользу казаков, но к крайней невыгоде киргиз, состоит в том, что межевая партия показала в этих наделах в числе неудобных такие земли, которые по местным условиям должны считаться в числе удобных. В Семиреченской области, за исключением верховьев р. Лепсы, почти нет земель, которые были бы удобны для земледелия без искусственного орошения; но при проведении арыков все почти земли, лежащие у подножия гор, делаются удобными для хлебопашества или сенокосения. Казачьи поселения, за исключением ст. Сергиопольской, все занимают подножия гор и потому около них земель, которые могли бы считаться неудобными при проведении арыков, собственно нет, между тем по планам наделов станиц, составленным Сибирской межевой партией, на 869 294 десятины удобной земли значится 258 669 десятин неудобной, из которой разве десятая часть только может быть признана действительно неудобной. Независимо от того, что значительное количество земли, удобной по местным условиям, показано к выгоде казаков и в ущерб киргиз неудобной, к некоторым станицам прирезано такое количество неудобной земли, для них собственно ненужной, что на этой неудобной земле могли бы иметь кочевки целые киргизские волости, для которых земли эти весьма удобны. Так, в надел ст. Сергиопольской отрезано на 387 душ муж. пола сверх 14678 десятин удобной земли, полагая 30 десятин на душу и добавляя 1/3 часть в запас, еще 102940 десятин неудобной земли, на которой могли бы поместиться зимние и летние кочевки 1000 юрт киргиз, полагая на каждую юрту 100 десятин, какого количества для небогатой юрты достаточно. Между тем, эти 102940 десятин отняты у киргиз и даны казакам сверх следующего им по закону надела. Большая часть из этих 102940 десятин относится к разряду земли степной и должна была отводиться станице согласно данной межевой партии инструкции, считая две десятины за одну в качестве удобной земли, тогда как межевая партия включила ее в число неудобной и отвела ее сверх следующей станице Сергиопольской по закону удобной земли. Таким же порядком, как в ст. Сергиопольской, межевая партия прирезала в надел ст. Копальской на 62318 десятин удобной земли 41906 десятин, т.е. с лишком 400 квадратных верст земли, наименованной неудобной, но в сущности весьма удобной для кочевков киргиз, которым две волости при утверждении такого надела лишились бы окончательно половины своих кочевков, не получив за это никакого вознаграждения, на что межевая партия не обращала никакого внимания, так как вознаграждение киргиз за отходящие от них земли, не было возложено на ее обязанность. Замечательна также в проектных наделах межевой партии пропорция неудобной земли в наделе выселка Любовного на 17999 десят. удобной земли показано 25974 десятины или 250 квадратных верст

неудобной и, стало быть, количество неудобной земли в полтора раза превышает количество земли удобной, тогда как качество земель выселка Любовного весьма мало отличается от земель смежного с ним надела ст. Алматинской, где на 84045 десятин удобной земли показано только 13995 десятин, хотя и эта последняя цифра для всех знающих земли Алматинского надела кажется сильно преувеличенной.

Одной из причин полной невыгодности проектных наделов Сибирской межевой партии для киргиз было то, что землемеры этой партии при съемке и нарезке наделов в 1862 и 1863 гг., когда произведена была ими большая часть работ, действовали без бытности поверенных и депутатов со стороны киргиз. Понятно, что при этом условии землемеры имели полную возможность отрезывать казакам все те земли, которые последние желали, и показывать неудобными столько земель, сколько было угодно. Хотя с 1866 года вследствие указания генерал-губернатора Западной Сибири на необходимость и законность присутствия при действиях землемеров киргизских депутатов и поверенных, землемеры межевой партии Сибирского казачьего войска приглашали для присутствования при дополнительных к наделам казачьих поселений нарезках поверенных от киргизских волостей и депутатов от киргизских начальств, но ни те, ни другие не могли быть действительными защитниками интересов киргиз. Депутатами от киргизского начальства (окружных приказов и Алатавского окружного управления) назначались по большей части султанские письмоводители или толмачи, т.е. такие лица, которые не могли иметь ни достаточных знаний и образования для понимания значения действий землемеров, ни достаточно доброй воли для защиты интересов киргиз. Что же касается до поверенных от киргиз, то, не зная русского языка и не имея никакого понятия о межевании, они могли только или протестовать против всех действий землемеров, так как всякая земля, ими отрезываемая, принадлежала в то время или прежде киргизам, и причины, по которым ее от них отбирали, им были неизвестны, или безмолвно прикладывать свои тамги к полевым журналам, актам и планам землемеров, которых значение для них было непонятно. Само киргизское начальство (окружные приказы) совсем не обращало внимания на межевание казачьих наделов, отчасти по равнодушию к интересам киргиз, отчасти же потому, что приказы не были поставлены в известность об основаниях, на которых должны были производиться наделы казачьих поселений, не знали ни инструкций, данных землемерам, ни порядка утверждения составленных ими проектных планов.

Надел выгонной землею городов Семиреченской области начался с г.г. Сергиополя и Копала, которым в 1860 году семипалатинским областным землемером Скоробогатовым отрезано определенное ст. 435 т. <...> законов межевых количество земли (Сергиополю 3870 десятин и Копалу 4074 десятин удобной и неудобной земли). Планы выгонов этих двух городов считались почему-то неутвержденными до образования Семиреченской области и хотя в 1870 году были представлены для исходатайствования утверждения Туркестанскому генерал-губернатору, но в том же

году возвращены для перечерчения, так как г.г. Копал и Сергиополь были на планах названы городами Семипалатинской области и так как сверх того в планах собственно городов были назначены кварталы деревянных домов, между тем как в Семиреченской области возведение деревянных построек воспрещено. Так как в распоряжении Семиреченского областного начальства нет ни землемера, ни чертежников, то планы эти остаются неперечерченными. Города Копал и Сергиополь, однако же, введены во владение проектными наделами выгонной земли, и потому неутверждение планов не имеет особой важности.

План выгонной земли г. Мирного¹, составленный в 1868 году по распоряжению Семиреченского областного начальства, в 1869 году представлен Туркестанскому генерал-губернатору, но еще не утвержден.

Так как ввод г. Мирного во владение проектным выгоном представляется необходимым как для извлечения из одного дохода в пользу крайне нуждающегося в средствах города, так и для установления жителям выгона, то Областным правлением предположено отвести этот выгон городу, не ожидая утверждения плана нынешней весной по прибытии ожидаемых военных картографов.

Что касается до поземельных наделов крестьянских сельских поселений, начинающих возникать в области со времени образования Туркестанского генерал-губернаторства, то пока земли для них по неимению в распоряжении областного начальства землемеров отведены временно уездными начальниками из числа киргизских. Только для двух поселений: Константиновского на р. Тенжен (на 50 семей) в Сергиопольском уезде и Михайловского на р. Тургене (на 40 семей) в Мирненском уезде произведены в 1869 году правильные временные наделы по числу душ и со снятием земель на план. Остальные основанные уже поселения при г. Токмаке в Токмакском уезде, на Узун-агаче в Мирненском второе поселение на р. Тенжен в Сергиопольском уезде, на р. Ак (?), на р. Туне и на северном берегу оз. Иссыккуля в Иссыккульском уезде пользуются землями по отводу уездных начальников без производства хозяйственных съемок и без планов. Нет никакого сомнения, что при дальнейшем отсутствии мер и средств к правильному наделу крестьянских поселений как поселенцы, так и киргизы будут поставлены в самое крайнее положение вследствие неопределенности границ между землями их и вследствие отсутствия всяких мер к уравнению между киргизами оставшихся у них земель. Пример казачьих поселений об этом случае может послужить уроком, тем более, что число крестьянских поселений весьма значительно и стеснение для киргиз, уже и без того лишенных лучших земель, еще чувствительнее.

Между тем межевых средств в распоряжении начальства Семиреченской области не имеется никаких, кроме командированных из Ташкента военных топографов, время присылки которых и количество вполне зависит от военного начальства и надобности

¹ 5746 десятин.

их для военно-топографических съемок. Так, в 1870 году, с которого началась присылка военных топографов был командирован в Семиреченскую область только один офицер (штабс-капитан Вязовский) да и тот был снабжен инструментами столь поздно, что мог начать работы только в августе месяце, и не успел до наступления зимы кончить порученной ему съемки надела для второго поселения на р. Тенжен.

В нынешнем году ожидается присылка четырех военных топографов, но рассчитывать на них вполне нельзя, так как командировка их может быть отменена, если встретится потребность в военно- топографических работах.

III. Поземельные столкновения между киргизами и казаками

Все наделы казачьих поселений производились в Семиреченской области из земель киргизских. Так как по большей части взамен отнятых киргизам не отводилось других земель, то обыкновенно киргизы продолжали иметь свои кочевки на прежних местах, не взирая на строгие воспрещения русских властей и на все притеснения со стороны казаков, которые, впрочем, первоначально, смотря на себя как на пришельцев и сознавая право киргиз на старинные их кочевки, оберегали только главным образом свои пашни и сенокосы. Эту последнюю точку зрения не могло не разделять и ближайшее местное начальство, очень хорошо понимая, что киргизам иначе негде кочевать. С течением времени, однако же, казачье поселение, вступая в права владельца отведенных ему земель, стало стремиться к окончательному присвоению земель, не исключая и годных только для кочевок, в видах получения от киргиз за пользование ими платы. Со своей стороны киргизы, не признавая казачьих прав на свои прежние земли, продолжали обычные кочевания на казачьих землях. Отсюда бесконечные жалобы казаков на потравы сенокосов и хлебов и обратные жалобы киргиз на притеснения от казаков за пастьбу скота на старинных их землях. Подчинение киргизского и казачьего населения двум различным, не подчиненным друг другу и постоянно враждебным одно другому начальствам - с одной стороны, окружной приказ, с другой - полковое правление, делало поземельные споры нескончаемыми, так как каждая власть защищала своих подчиненных.

Главное начальство края, сознавая, что лишение киргиз кочевок на землях, отведенных во временный надел казаков, поведет к крайнему ущербу благосостояния киргиз, и основываясь на том, что во многих станицах временный надел далеко превышает положенную законную пропорцию земли, пыталось прекратить поземельные споры между киргизами и казаками до окончательного надела последних двумя главными мерами: 1) предоставлением киргизам, которым с давних лет принадлежали отведенные казачьим поселениям земли, право иметь на этих землях зимние кочевки безвозмездно и 2) установлением таксы за пастьбы скота на станичных землях (журнал Главного управления Западной Сибири, 14-15 марта 1863 г. № 3). Чтобы пресечь возможность другим киргизам, кроме давних владельцев, пользоваться безвозмездно кочевками на станичных землях, право давности было сформулировано Главным управлением согласно предложению особого комитета, рассматривавшего

этот вопрос и состоявшего, кажется, главным образом из членов от казаков, следующим образом: «...оставить зимние кочевки безвозмездно тех только киргиз, которым они принадлежали с давнего времени и ныне ими занимаются, с устройством на них зимних дворов и других заведений». Так как в действительности никакие другие киргизы, кроме давних владельцев, не имели притязаний на кочевки на станичных землях, ибо каждый род имел свои земли для кочевок, то очевидно обусловление давности пользования устройством зимних дворов и других заведений было только способом лишать тех киргиз, у которых не в обычае устраивать дворы для скота, а таково большинство киргиз здешней местности, права безвозмездного пользования зимними кочевками, придав этому лишению некоторый вид справедливости. Результатом этой меры было еще большее усиление поземельных споров между казаками и киргизами. Последние опирались на признание правительством права давностного пользования и спешили постройкой каких-нибудь на живую руку сложенных из булыжника, камня или просто глины оград, поставить за себя формальный признак давности использования. Казаки, напротив, старались окончательно лишить киргиз права бесплатных кочевок и для того, с одной стороны, доказывали, что киргизы завели свои дворы на зимовках только по издании положения Главного управления Западной Сибири 14-15 марта 1867 г., с другой же, толковали выражение «зимние дворы» таким образом, что под ним нужно разуместь конюшни или крытые с прочными стенами и дверьми скотные дворы, каких не было и нет на всем пространстве здешней области. Разрешение споров зависело от казачьего начальства, и потому казачьи притязания всегда оказывались правильными и с киргиз взимался сбор за пастьбу на станичных землях. Сбор этот был определен в 2 коп. с лошади, 1 коп. с рогатого скота и ^xЛ коп. с барана. Не будучи слишком высоким, сбор этот мог давать значительный доход станицам, но на деле и сотов части картонных сборов за земли не поступало в станичные суммы. Нисколько не заботясь о станичных доходах, распоряжение которыми не зависело от общества, казаки и избранные ими власти собранные с киргиз за пастьбу скота деньги присваивали себе. Так как при таких злоупотреблениях, конечно, не могло быть никакой правильности и порядка в сборе, то киргизам приходилось по несколько раз уплачивать пастбищный сбор разным лицам, выдававшим себя за станичных властей или доверенных от станичных обществ. Сверх того казаки старались получить лучшие зимовки в свои личные, как и в таком случае требовали с киргиз картонной платы сверх пастбищного сбора в станичные доходы по таксе, который почему-то слыл под названием ремонтного.

Со временем казаки некоторых станиц дошли до замечательной степени искусства и изобретательности в способах эксплуатировать киргиз за кочевки на станичных землях. Особенно отличались в этом случае казаки ст. Копальской, которая пользуется временным наделом в 104224 десятины (проектный надел Сибирской межевой комиссии) на 1110 душ (к 1 января 1871 года по сведениям станичного правления). Стало быть, около 100 десятин на душу, тогда как определенный законом надел равняется 30 десятинам. К ноябрю месяцу 1864 года копальский военно-окружной

начальник подполковник Шепелев, едучи из Копала на пикет Ак-Ичке (так писал он командиру 10 полка), увидел возле дороги сидящего на небольшой кучке соломы среди пахотного поля киргиза; кругом бродил скот. Продолжительная неподвижность киргиза, который был, по-видимому, пастухом, побудила г. Шепелева спросить: что он тут делает. Оказалось, что киргиз оберегал кучку соломы, на которой сидел, от потравы своего скота, так как казаки с намерением оставили эту кучку в поле для приманки скота, чтобы потом иметь случай взыскать за потраву хлеба. Как только киргизский скот появлялся на станичных землях, случаи придраться к запуганным, не знающим, где искать защиты, киргизам были бесчисленны до охотников поживиться на чужой счет. Запуганный киргиз отдавал все, чтобы выйти из воображаемой беды. Если же шел жаловаться, то казачье начальство всегда находило возможность оправдать своих. Рука руку мыла в полном смысле. К сожалению, быть в казачьем сословии в то время значило быть в школе всевозможных обираний и притеснений киргиз. Главное и первое основание этой науки казак получил в строю, находясь в службе при различных приказных чиновниках и даже в отрядах. О том, в какое положение поставил громадный надел Копальской станицы и притеснения со стороны казаков тех киргиз, которые прежде кочевали на этих местах, киргизы Каптагай-Матаевской волости красноречиво, но вполне верно в прошении, писанном в 1864 году по-киргизски, выражались следующим образом, говоря, что казаки отняли у них все земли: «По направлению к Балхашу, если покочевать в пески, то мало будет травы <...> и скот может выпасть... На воздухе лететь - крыльев не имеем <...>».

Изобретательность копальских казаков не остановилась на вышеизложенных деяниях. Желая косвенным путем лишить киргиз права бесплатных кочевок по давности, Копальское станичное общество в 1866 г. вошло по начальству с ходатайством об отдаче принадлежащих станице пастбищ в аренду с торгов вместо сбора денег по таксе. Предлогом такого ходатайства представлялось желание увеличить станичные доходы, ибо киргизы будто бы уставали скрывать много скота от перече́та и сбора по таксе, но на деле, приняв во внимание, что увеличение станичных доходов, не состоявших в распоряжении общества, никогда не было предметом заботливости казаков, едва ли можно поверить станичному приговору. По-видимому, в этом сомневалось и Главное управление Западной Сибири, потому что в журнале 17 августа 1866 г. за № 74, замечу, разрешив отдачу излишних станичных земель в аренду с торгов, Совет главного управления постановил следующие правила: 1) торги должны производиться в то время, когда киргизы, постоянно кочующие на отдаваемых в аренду землях, могут явиться к торгам по предварительным им о них объявлении; 2) лица (не киргизы), которые возьмут земли в аренду, ни под каким видом не имеют права дозволить на них кочевать киргизам и даже пасти их скот; 3) от торгов изъяты все места, на которых киргизы имеют право зимних кочевок, то есть где установлены зимовки и другие заведения. Эти условия предупреждали всякую возможность для казаков забрать тайком от киргиз за дешевые цены лучшие места и затем брать за кочевки сколько душе угодно. Поэтому большая часть станичных обществ не

воспользовалась правом отдачи земель в аренду. Только некоторые станицы, и в том числе нужно упомянуть опять Копальскую, пытались обойти вышеизложенные условия разными путями или прямо их нарушали, что иногда и удавалось, если местные начальства не обращали на этот предмет внимания.

Должно сказать, однако же, к чести прежних киргизских начальств приказов и окружных начальств, что притязания казаков встречали в них иногда энергический протест. К сожалению, протесты эти обыкновенно не имели никаких результатов, потому что казаки всегда встречали себе крепкую защиту в своем высшем и низшем сословном начальстве.

Легче всех частей области в этом отношении было всегда положение киргиз Алатавского округа, где начальнику округа было в некоторой степени подчинено и казачье население. Еще в 1862 году полковник Колпаковский воспротивился введению в Заилийском крае пошлин за прогон караванного скота через станичные земли, представив вредное влияние этого сбора на торговлю с Кульджой и Ташкентом. Представление его было уважено генералом Дюгамелем. По его же настоянию генерал-губернатор Западной Сибири в конце 1863 г. (12 декабря № 797) отменил сборы с киргиз в пользу станиц за прогон скота через станичные земли, за выпуск скота в лесные дачи, за вырубку леса, за добычу строительных материалов. Все эти меры касались, однако же, только Заилийского края.

Не довольствуясь вышеизложенными объяснениями для киргиз, генерал-майор Колпаковский в 1864 году ходатайствовал об отмене всяких сборов за пастьбу киргизского скота на казачьих землях и об уменьшении казачьего надела до 20 десятин на душу вместо 30 десятин. Причиной такого ходатайства был крайний недостаток земель для киргиз и излишества их во временных станичных наделах. Однако же это ходатайство не имело никаких результатов, потому что было передано на заключение Войскового правления сибирского казачьего войска, а им опровергнуто как противоречащее положению о Сибирском казачьем войске.

В бытность свою Семипалатинским и затем Семиреченским военным губернатором генерал-майор Колпаковский неоднократно принимал меры к точному соблюдению вышеизложенного установленного Главным управлением Западной Сибири порядка и охранению интересов как киргиз, так и станичных обществ, но предположений о новых мерах и изменениях существующего порядка уже не возбуждалось, так как для вырешения поземельных вопросов не имелось главного - межевых средств.

В видах увеличения числа киргизских кочевков по поводу усилившегося в последние три года притока в область русского населения и проистекающего от того стеснения в землях киргиз Туркестанский генерал-губернатор 8 июня 1870 г. за № 190 потребовал заключения Семиреченского военного губернатора относительно следующих предполагаемых Его Высокопревосходительством мер: 1) дозволить киргизам при перекочевках их травить всякие незапаханные незасеянные и незасаженные земли,

кому бы они не принадлежали, исключая только луговые места, которые должны быть точно ограничены вехами или другими видимыми знаками; 2) позволить киргизам останавливаться зимовками на всех уже сжатых полях кому бы таковые не принадлежали, исключая полей, засеянных озимым хлебом, хозяева которых обязаны ограничить их видимыми знаками. Окончательное заключение об этих мерах по важности дела и необходимости всестороннего и тщательного их обсуждения было отложено до окончания настоящей записки, в которой должны были быть собраны все материалы для разрешения поземельного вопроса. К рассмотрению означенных мер и вообще ограничений права поземельного владения в области в видах общественных и экономических мы обратимся во второй части этой записки.

Итого во всем деле написанных и пронумерованных девяносто восемь листов...

Помощник делопроизводителя (подпись)

Проект

Положения о поземельном устройстве Семиреченской области

Отделение I

О поземельном владении и собственности

1. Земли в Семиреченской области, за исключением принадлежащих частным собственникам по узаконенным актам, составляют собственность государственную.

Примечание. 1) Киргизы, которые приобрели право на признание их собственниками выполнением условий, постановленных в ст. 191 устава о благоустройстве в казенных селениях, т. XII, ч. II, обязаны в течение трех лет по издании сего положения представить в Семиреченское Областное Правление акты об отводе им земель на основании означенной статьи и другие доказательства помянутого права; заключения Областного Правления могут быть обжалуемы подачей просьб Туркестанскому генерал-губернатору, на утверждение которого должны поступать постановления означенного правления по этому предмету; признанные собственниками земли получают на эти земли крепостные акты без взыскания пошлин. 2) Ст. 191т. XII ч. II устава о благоустройстве в казенных селениях, соответствующие статьи т. II об отводе земель чиновникам и киргизам Семиреченской области меняются.

2. Все земли области, не составляющие частную собственность и не отведенные во временный или окончательный надел городов, казачьих или сельских поселений, под участки для продажи в частную собственность и для почтовых станций состоят во владении и пользовании кочевого населения на нижеизложенных основаниях.

3. Киргизские пахотные и сенокосные земли и зимовки предоставляются в общественное владение и пользование тех волостей, которые ныне ими пользуются, но каждая волость владеет своими землями отдельно.

4. Распределение пахотных мест и зимовок производится по обычаям, в случае же споров: между аулами распределяет земли волостной съезд, а споры между юртовладельцами решает аульный сход.

5. Летние кочевки киргиз остаются свободными и определяются обычаями, но не могут иметь места на зимовках и пашнях без согласия владельцев и по возможности не должны выходить за границу уезда.

6. Каждый киргиз имеет право возводить на своей зимовке и пашне дома и хозяйственные постройки, причем земли, занятые постройками, поступают в наследственное владение, доколе существуют строения. Постройки эти могут быть уступлены посторонним лицам и без согласия волостного общества только на срок.

7. Волостные киргизские общества могут уступать свои земли в пользование посторонним лицам, но на срок не свыше 99 лет и притом с разрешения: на срок до 30 лет - уездного начальника, а свыше 30 - с утверждения Областного Правления; то же право и с тем же ограничением предоставляется непосредственным владельцам земель по обычаям, но не иначе, как с разрешения волостных съездов.

8. В случае недостатка земель у одних волостей и изобилия у других уравнение между волостями земель соответственно числу душ и кибиток и хозяйственным потребностям производится уездными поземельными комиссиями. Те же комиссии решают поземельные споры киргизских волостей между собой и с оседлыми поселениями.

9. Города, казачьи и сельские поселения получают в надел определенное особыми положениями количество земель из числа находящихся уже во временном их пользовании земель, а при недостатке оных из земель киргизских, причем вменяется обязанность местному начальству ограничить число оседлых поселений такой цифрой, которая не стеснила бы чрезмерно киргизских кочевков, зимовок и пашен.

10. Обществам оседлых поселений и членам их предоставляется право отдавать отведенные им земли под кочевки киргиз по обоюдному с ними соглашению или по таксе, если местное областное начальство признает ее нужной.

11. Для почтовых станций вне оседлых поселений необходимые для станционного хозяйства сенокосные места отводятся из земель киргизских в указанном главным начальником края размере. Таковым же порядком отводятся и участки для временной пастбы скота в местах, назначенных для ярмарок в степи.

12. Вне оседлых поселений в степи прогон скота дозволяется бесплатно, за исключением зимовок, пашен и сенокосных мест, за потраву которых отвечают пред владельцами оных хозяева скота.

13. На землях же оседлых поселений бесплатный прогон скота дозволяется только по отведенным для сего скотопрогонным дорогам, определенной законом ширины; пастба же скота на остальном пространстве земель оседлых поселений должна быть производима в указанных для того обществами местах за плату по добровольному соглашению с владельцами земель или по таксе, если начальство признает ее нужной.

14. Леса в Семиреченской области составляют собственность государственную и пользование лесом в области определяется особым о них положением.

15. Земли для горного промысла на летних кочевках отводятся промышленникам бесплатно с соблюдением особых правил в горном промысле в Туркестанском крае.

16. Производство горного промысла на зимовках, сенокосах и обрабатываемых киргизами местах дозволяется не иначе, как при уступке этих мест владельцами указанным в ст. 7-й порядком.

17. На зимовых стойбищах и пашнях рыбный промысел предоставляется в пользование владельцев прилегающих земель; на летних же кочевках промысел этот признается свободным для лиц всех состояний, желающих заниматься рыболовством.

18. В каждом уезде из киргизских земель отделяется по участку земли по возможности вблизи уездного города величиной от 5 до 10 тыс. десятин для продажи в частную собственность.

19. Означенные участки разбиваются на мелкие участки величиной от 5 до 30 десятин, которые продаются с публичных торгов: половинное количество по отводе и разделении участков, а остальные по истечении трех лет по продаже первой Половины.

20. На купленные участки приобретателям выдаются крепостные акты со взысканием установленных пошлин.

21. Вырученные через продажу участков деньги поступают в распоряжение областного начальства на расходы по поощрению в области развития сельского хозяйства.

Отделение II

О межевых чинах

22. Для межевания и съемок земель области учреждаются в Семиреченской области межевые чины по прилагаемому штату.

23. Заведование личным составом межевых чинов и искусственной частью межевания принадлежит областному землемеру.

24. Сверх того областной землемер заседает в Общем Присутствии Семиреченского Областного Правления по делам поземельным в качестве члена и заведует делопроизводством по сим делам на правах начальника отделения, для чего при нем полагается делопроизводитель и сумма на канцелярские расходы по штату.

25. В отсутствие областного землемера из областного города обязанности его по поземельным делам отправляет делопроизводитель.

26. На обязанности уездных землемеров лежит производство межевания и съемка в уездах под руководством областного землемера.

27. Определение и увольнение межевых чинов производится на общих с чинами военно-народного управления правилах, и межевые чины зачисляются в состав военно-народного управления области и пользуются всеми правами служащих по оному.

28. На заведение инструментов для землемеров и областной чертежной отпускается единовременно 3000 р.; ремонт же оных относится на канцелярские суммы областного и уездных землемеров.

29. Для землемерных работ как то: копания ям, поставки столбов, ношения цепей и прочие каждый землемер имеет право требовать от начальств тех обществ, земли коих снимаются или межаются, потребное число рабочих, но не свыше десяти человек, пропорционально цифре населения, если смежных обществ несколько. На особую ответственность уездных начальников возлагается наблюдение за тем, чтобы землемеры не требовали излишнего числа рабочих и отнюдь не употребляли их на что-либо, кроме землемерных работ.

30. Для руководства землемерам при работах будет составлена областным землемером особая инструкция, утвержденная Областным Правлением. О ежегодных работах землемеров областной землемер своевременно составляет предположение, рассматриваемое Областным Правлением.

Отделение III

О поземельных комиссиях

31. Заведование поземельным устройством области принадлежит уездным поземельным комиссиям и Областному Правлению.

32. Уездные поземельные комиссии составляются под председательством уездного начальника или его старшего помощника, из командира полка Семиреченского казачьего войска или офицера по его назначению, землемера и чиновника особых поручений Семиреченского Военного губернатора, если областное начальство признает командировку своего чиновника нужной. Если дело касается двух уездов, то в состав комиссии входят помянутые должностные лица обоих уездов, а председательствует старший в чине. Дела, подведомственные комиссиям, решаются большинством голосов, а при равенстве оных представляются на решение Областного Правления.

33. Канцелярские средства комиссии получают от уездных управлений, делопроизводством заведует письмоводитель уездного управления.

34. Обязанности поземельных комиссий заключаются: а) в производстве наделов оседлых поселений; б) в распределении и уравниении земель между киргизскими волостями; в) в решении поземельных споров между обществами волостными, сельскими, казачьими и городскими и г) в отводе участков для продажи в частную собственность.

35. Для выполнения означенных обязанностей поземельные комиссии должны по собрании необходимых для правильного решения дела сведений постановлять свои

определения, которые приводятся в исполнение, но могут быть обжалуемы подачей просьбы в Областное Правление.

36. При наделе оседлых поселений поземельные комиссии должны заботиться, чтобы в состав наделов, в число определенной пропорции земли входило столько пахотных и сенокосных земель (если количество их не определено особыми положениями), сколько действительно необходимо для хозяйства для определенного в поселении числа душ мужского пола без всяких излишеств в ущерб киргизам; остальное же количество земли должно состоять из земель пастбищных, но по возможности таких, которые могут служить для пашен или сенокосов по устройству арыков.

37. При наделах оседлых поселений поземельные комиссии должны определять в окончательный надел преимущественно те земли, которые уже находятся во временном пользовании поселений, но только при недостатках прирезывать земли из числа киргизских.

38. При отводе наделов оседлым поселениям и волостям и при отрезке участков в частную собственность комиссии обязаны определить в особом акте условия отвода земель относительно пользования водой (арыками) и относительно кочевных через отводимые земли путей для киргиз, причем последние должны быть обозначены с точностью относительно их ширины и длины, которые должны быть определены по возможности естественными границами. В случае отвода для надела поселений земель киргизских поземельные комиссии обязаны распределить потерю земель со стороны киргиз между всеми по возможности соседними киргизскими волостями.

39. Все действия, постановления и акты поземельных комиссий гласны и открыты для заинтересованных в оных сторон и доверенных обществ, а окончательные решения и акты должны быть предъявляемы сторонам с подпиской их в известности.

40. Жалобы на постановления и действия поземельных комиссий приносятся в Областное Правление, а на распоряжение сего последнего главному начальнику края.

41. Наделы оседлых поселений по рассмотрению Областным Правлением окончательно утверждаются Главным начальником края.

42. Все делопроизводство и просьбы по поземельным делам освобождаются от гербовых пошлин и употребления гербовой суммы.

ЦГА РУзб. Фонд истор. 1.

Опись 14. Дело 56. Л. 21-98

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПОЗЕМЕЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ И НАСТОЯЩЕЕ ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ

1. Землевладение у киргиз

Действительное подчинение киргиз северной части Семиреченской области русской власти относится к 1831 г., когда был учрежден Аягузский окружной приказ. До 1846 г. власть наша и военные отряды не достигали южнее р. Лепсы. В 1847 г. основано укр. Копал и в том же году приняли присягу на подданство султаны Большой орды. В 1854 г. основалось укр. Верное и граница наша достигла р. Чу. Наконец через десять лет, до взятия Пишпека и Мерке, мы окончательно утвердились в Чуйской долине, а затем на Иссык-куле и Нарыне.

До введения положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях (1867 г.) управление киргизами северной части области (от Иртыша до р. Каратала) было, в ведении окружных приказов, организовано по учреждению сибирских киргизов, с образованием волостей, в южной же части, в Большой орде (от Каратала до р. Чу), сохранялось родовое деление и роды подчинялись своим старшим султанам. По мере подчинения киргиз нашей власти, оставляя существующее народное управление и суд по народным обычаям, правительство признавало и права киргизских родов на владение и пользование фактически принадлежавшими им землями по обычаям. С введением проекта положения 1867 г. преобразовано устройство народного управления, в котором выборная система заменила родовое начало, но основания поземельного владения не изменились, ибо проект положения совсем не коснулся поземельного устройства.

До настоящего времени правительство вмешивалось в существующее по давности и обычаям поземельное владение киргиз только в двух случаях: во-первых, для разрешения возникавших между киргизами поземельных споров и для равномерного распределения земель между волостями и, во-вторых, для изъятия из владения и пользования киргизских земель, необходимых для учреждения казачьих, крестьянских и городских поселений.

Впоследствии кочевого образа жизни, малого развития хлебопашества и родового быта киргиз, народным обычаям не известна та прочная связь между человеком и землей, которая порождает понятие о поземельной собственности. Киргизские роды, до подчинения нашей власти, весьма часто меняли свои пастбища под влиянием отношений между собой и к соседям. Близость к границе с Китаем и к среднеазиатским ханствам была причиной того, что даже по упрочению нашей власти приграничные киргизские роды находились в постоянном передвижении по ходу политических событий. Так, во время мусульманского восстания в Западном Китае некоторые наши пограничные киргизские роды укочевали за границу. По занятии Кульджи роды эти возвратились в наше подданство. В 1882 г., по передаче Кульджи китайцам, большая

часть кульджинских киргиз пожелали принять наше подданство. Для помещения их (в числе около 5000 кибиток) осенью 1882 г. киргизы Иссык-кульского уезда отдали свои земли от Текеса до Санташа и получили взамен земли токмакских киргиз до р. Арпы. Следствием этого был общий передел земель в Иссык-кульском уезде и частях Верненского и Токмакского; причем многие иссык-кульские волости получили новые земли в 300 и более верстах от прежних.

Таким образом, киргизские роды области продолжают переменять свои земли и ныне, а потому и поземельные киргизские обычаи сохраняют, в общем, свой прежний характер. По этим обычаям места кочевков и пашни принадлежат по праву фактического владения и давности роду, ими пользующемуся. Внутри рода распределение земель определяется обычаями, соглашением между его членами и давностью. С учреждением волостей место рода заступила волость, причем решение поземельных вопросов стало принадлежать должностным лицам и почетнейшим людям волости. Поземельные дела внутри рода или волости почти всегда разрешались самим родом или волостью, не доходя до русских властей. Напротив, поземельные споры между родами и потом между волостями часто требовали вмешательства русской администрации, которая между тем поставлена была для разрешения оных в крайнее затруднение по неимению сведений о существующем распределении земель между спорными сторонами. Неоднократные попытки собрать сведения о землях родов и волостей оставались без успеха, пока, наконец, не представился для сего удобный случай при организации волостей вследствие введения проекта положения 1869 г. Производившие образование волостей и первую перепись кибиток в области комиссии обязаны были составлять описание земель, принадлежащих каждой волости, и их границ. Записи эти и поныне, при всем несовершенстве и неточности их, служат основанием при разрешении возникающих между волостями поземельных споров.

В случае споров между большими родами и при необходимости значительных перемен в поземельном владении киргиз по пограничным обстоятельствам распределение земель между волостями и уездами области всего удобнее достигалось съездами почетнейших киргиз заинтересованных волостей под руководством русских властей. Таким образом, распределены были земли между сергиопольскими и копальскими киргизами в 1855 г. вследствие отвода значительной части их земель в наделы станиц Лепсинской и Копальской; в 1871 г. для прекращения столкновений между дулатовскими волостями, имевшими земли частью на левом берегу р. Чу, и кара-киргизами, коим принадлежала часть земель на правом берегу этой реки, совершен был обмен земель и р. Чу сделалась границей между дулатами и кара-киргизами, между Верненским и Токмакским уездами, в 1873 г. поделены были земли между верненскими, кульджинскими и иссык-кульскими киргизами вследствие занятия Кульджи и в 1882 г. - вследствие ее передачи китайцам.

Не менее значительные изменения на киргизском землевладении происходили и совершаются вследствие устройства русских поселений и отвода им земель, находящихся во владении киргиз.

2. Устройство и наделы казачьих поселений

По мере подчинения нашей власти территории области, совершившегося под руководством главного начальства Западной Сибири, это последнее, для упрочения русской власти в степи, озаботилось устройством казачьих поселений, посредством выселения казаков из Сибирского казачьего войска и вызова пожелавших зачислиться в казачье сословие крестьян. Первое казачье поселение учреждено было на Аягузе, где в 1847 г. водворено 50 семей казаков. В 1848-1851 гг. поселено 3 сотни казаков в Копале, в 1855 одна сотня казаков и 2 сотни крестьян на Лепсе, $\frac{1}{2}$ сотни казаков и 1 сотня крестьян на Урджаре, 2 сотни казаков и 2 сотни крестьян на Алматинке. В том же году учреждены выселки Арасанский и Сарканский. В 1856 г. основаны выселки Илийский и Коксуйский, а в 1858 г. Карабулакский, Надеждинский (125 семей) и ст. Софийская (на Талгаре 122 семьи). В 1860 г. на Кескелене устроен выселок Любовный (100 семей). В 1867 г., ко времени учреждения особого Семиреченского казачьего войска, в означенных казачьих поселениях числилось 7730 душ муж. пола и 6683 души жен. пола, всего 14413 душ обоего пола.

Для надела таковой значительной массы казаков, поселенных в немногих пунктах, при привычке как переселенцев, так и сибирской администрации к огромным сибирским земельным наделам, требовались весьма значительные пространства земель, которые приходилось отбирать у киргиз. Главное начальство Западной Сибири, сознавая, что наделение казаков будет тяжело для киргизского населения тех местностей, где устраивались поселения, ибо для последних приходилось отбирать лучшие пахотные места и зимовки киргиз, предписывало местным властям производить отвод земель для казачьих поселений «кроткими мерами, не стесняя киргиз», но действительное выполнение этой рекомендации, ввиду значительности земель, нужных для казаков в немногих пунктах, было весьма затруднительно даже в том случае, если бы местные начальства имели основательные сведения о киргизском землевладении и планы земель. Сведений этих и съемок киргизских земель не имеется даже и ныне. Поэтому отводы земель казачьим поселениям (за исключением ст. Лепсинской, надел которой выполнен был по ознакомлению с местностью через особую комиссию, которая озаботилась затем вознаградить киргиз за уступленную казакам землю на счет соседних волостей) производились в произвольных количествах с отдачей последним всех лучших окрестных киргизских пашен и сенокосов, к распределению же поземельных потерь местных киргиз на счет смежных волостей мер обыкновенно не принималось.

Произведенные первоначально наделы, - при отводе которых в южной части области местное начальство принимало в соображение плодородие почвы и всегдашнюю урожайность земель вследствие искусственного орошения земель,

достававшихся казакам от киргиз безвозмездно, - в начале шестидесятых годов доведены были до чрезмерной величины межевою партией Сибирского казачьего войска, которому вменено было в обязанность нарезать по 30 десятин надела и по 15 десятин запаса на каждую душу, согласно Сибирскому казачьему положению. Наделы эти сибирские землемеры производили без участия местного начальства, руководствуясь единственно желаниями наделяемых казачьих поселений, причем огромное количество земель удобных было показано неудобными. Так, на 387 душ казаков ст. Сергиопольской было отмежевано 117618 десятин, т.е. более 300 десятин на душу, вместо следовавших по 45 десятин на душу - 17415, причем 102940 десятин были показаны землей неудобной, хотя на них могла помещаться целая волость; в ст. Копальской на 62318 десятин удобной земли значилось 41906 дес. неудобной; в выс. Любовном на 17999 дес. удобной земли показано 25974 дес. неудобной, при пересъемке же в 1879 г. оказалось на 25534 дес. удобной земли только 1886 дес. неудобной.

По неправильности и незаконности межевания Сибирской межевой партии, обнаруженных в пределах Сибирского казачьего войска (в общей сложности ею было показано 1300000 десятин удобной земли неудобной), и так как при начале формальных отводов оказалось, что планы неверны с натурой, все проекты наделов казачьих поселений остались неутвержденными и в 1876 г. в Сибирском казачьем войске приступлено к новой съемке и таксированию станичных наделов.

Тем не менее в Семиреченской области проекты наделов Сибирской межевой партии, никем не утвержденные, мало-помалу за отсутствием других наделов, сделались, за немногими исключениями, фактическими наделами казачьих поселений, хотя далеко выходят из границ, первоначально намеченных для сих наделов местными начальствами, тем более, что о последних большей частью не сохранилось в делах управлений никаких сведений.

После учреждения Семиреченского казачьего войска устроено еще 13 казачьих поселений, большей частью небольших, при пикетах на почтовых станциях и близ границы с Китаем. Сверх того в 1882 г. предположено¹ на р. Хоргосе устроить два казачьих поселения на 400 семей с отводом для них 30000 десятин.

В общей сложности в 29 казачьих станицах и выселках, расположенных только в 3 из 5 уездов области и в Джаркентском участке, к 1 января 1883 г. состояло, по именным спискам, доставленным станичными правлениями, 11095 душ мужского пола. Находится во временном их владении, не считая земель 5 выселок, коим съемки еще не произведено, около 570879 десятин (в том числе 366744 десят. удобной и 204135 неудобной, последняя, главным образом, по непроверенным еще съемкам Сибирской межевой партии), следовательно, в сложности по 52 дес. на душу.

¹ Предложение Степного генерал-губернатора от 16 июля 1882 г. за № 131.

3. Поземельные столкновения киргиз с казаками.

Чрезмерность казачьих наделов

В одной из жалоб, поданных киргизами по поводу отобрания у них земель и отдачи их казакам, просители говорят, что за отдачею их земель казакам им поместиться негде, разве на воздухе, но, к несчастью, ни сами, ни скот их не имеют крыльев, да на воздухе нет и травы, так что скоту там питаться нечем, как и в песках прибалхашских, которые им одни оставлены. В отношении к сергиопольским и копальским киргизам, которые вынуждены были отдать казакам почти все свои земли, в этой жалобе есть значительная доля правды. В настоящее время во всей области на одну киргизскую душу мужского пола приходится всей оставшейся за наделом оседлых поселений поверхности около 100 десятин, из коих около половины покрыты озерами, бесплодными песками, каменистыми горами и солонцами. В северных уездах, где скучены группами казачьи поселения, количество земли, оставшейся киргизам, гораздо менее, а так как мер к распределению оставшихся от надела казаков земель между киргизами вообще принято не было, то первые годы по водворению казаков были весьма тяжки для волостей, которых земли были им отданы. В некоторых местностях северных уездов получился тот странный результат поземельного устройства казаков, что казаки-земледельцы имеют больший надел на душу лучших земель, чем киргизы-скотоводы земель, большей частью бесплодных и лишенных растительности.

Потерявшим земли киргизам оставалось нанимать оные у казаков, которым они достались, равно как и казакам, по чрезмерности наделов, не было другого средства извлекать из большей части оных доходы, как отдача в аренду киргизам. Следствием этого явились бесконечные столкновения казаков с киргизами по поводу взыскания денег за пастьбу скота и пользование зимовками на казачьих землях. Так как до 1869 г. распоряжение станичными доходами принадлежало не станичным обществам, а войсковому начальству, то поземельные сборы с киргиз мало поступали в станичные доходы и доставались главным образом отдельным казакам, сборщикам и станичным властям, сопровождаясь вымогательствами. Вследствие жалоб киргиз Главное управление Западной Сибири, пользуясь правом надзора за станичными доходами, неоднократно устанавливало таксы и принимало другие административные меры для охранения киргиз, но все эти меры, имея исполнителями казачьи власти, не достигали ожидаемого результата, ибо злоупотребления станичных начальств укрывались и поощрялись сословными казачьими управлениями. С учреждением особого Семиреченского казачьего войска, за отсутствием сословных учреждений, контроль за станичными доходами и обуздание поземельных злоупотреблений перешли на обязанность Областного правления, но с изданием вскоре (1870 г.) Положения об общественном управлении в казачьих войсках станичные общества получили право полного распоряжения станичными доходами и землями.

В 1870 г., во время обозрения области Туркестанский генерал-губернатор обратил особое внимание на крайнее положение кочевников, вследствие отдачи их земель в

наделы казачьих поселений, и по примеру оседлой части Туркестана нашел необходимым: 1) дозволить киргизам, при перекочевках, травить всякие незапаханные, незасеянные и незасаженные земли, кому бы они ни принадлежали, исключая из них лишь луговые места, точно определив границы их вехами или другими видными знаками; 2) обязать хозяев озимых полей ограждать таковые или обозначать их видимыми знаками; 3) дозволить киргизам останавливаться зимовками на всех уже сжатых полях, кому бы таковые ни принадлежали.

При всей неблагоприятности для земледелия русских поселений меры эти применяются и поныне в следующем виде: 1) киргизам дозволено во всякое время года пасти свой скот на свободных местах наделов русских поселений, не занятых посевами, сенокосами и лесонасаждениями; 2) зимовки на пашнях и сенокосах дозволены им с 15 ноября по 15 марта.

Увеличивая число пастбищ для киргиз, особенно в зимнее время, пастьба киргизского скота на наделах русских поселений причиняет весьма частые потравы, не столько весной и летом, когда киргизы держат скот в степи и на горных летовках, сколько осенью и особенно зимой. Не имея часто возможности вывезти свой хлеб и сено в поселения немедленно по уборке их за недостатком времени, рабочих рук и перевозочных средств, русские поселенцы не могут охранять хлеб, солому и сено в полях ни караулами, ни огорожей, по дороговизне их и недостатку для изгородей пригодного материала, ибо лесу мало и употребление его на заборы не дозволяется. Что же касается до вознаграждения за потравы, то виновных в последних большей частью невозможно открыть или уличить на суде. Постановка знаков для охранения от потрав озимых хлебов и сенокосов не употребляется, как по дороговизне и недостатку материалов для таких знаков, так и потому, что кочевники не обращают на них внимания, вследствие чего подобные признаки оказываются бесполезными. Необходимо также иметь в виду, что, так как вышеозначенные меры приняты административным порядком, а не законодательным, то часто случаются уклонения от оных со стороны казачьих обществ, которые продолжают взимать с киргиз большие сборы за пастьбу скота, особенно в северной части области, где прежний порядок более укоренился, наем же киргизами земель у казаков для пашен практикуется, за недостатком у кочевников пахотных земель, а главное воды, повсеместно.

Ввиду всего этого для правильного устройства землевладения и для охранения экономических интересов как оседлых жителей, так и кочевников, необходимо: 1) ограничить право киргиз на пастбища на наделах оседлых поселений лишь тем временем года, когда хлеб и сено окончательно убраны с полей и когда вместе с тем киргизы, за истощением трав на своих зимовках, вынуждены искать корм для скота на наделах оседлых поселений, и 2) уменьшить земельные наделы русских земледельцев до той нормы, которая по местным условиям необходима для обеспечения их благосостояния, излишние же за сим земли возвратить во владение киргиз.

4. Устройство и наделы крестьянских поселений

По учреждению Семиреченской области, ввиду медленного развития существовавших уже 12-20 лет казачьих поселений и за недостатком добровольных переселенцев, желающих зачислиться в казачье сословие без пособий от казны¹, приступлено было к устройству крестьянских поселений. При выборе мест для сих поселений имелось в виду связать между собою промежуточными селениями существовавшие уже в области казачьи и городские поселения. Вместе с тем, с целью избежать по возможности стеснения киргиз, количество семей или душ в крестьянских поселениях назначено было небольшое, к чему побуждала и неизвестность количества удобных земель в избранных местах, так как межевых съемок не имелось. Крестьянские поселения предположены были главным образом в Токмакском (4510 душ) и Иссык-кульском (4535 душ)² уездах, где не было казачьих поселений и киргизы были менее стеснены, затем в Сергиопольском (4430 душ), преимущественно по р. Тентеку, потом в Верненском уезде (2143 души) и, наконец, всего менее в Копальском уезде (1370 душ), в котором, при наименее благоприятных природных условиях и при недостаточном количестве земель, водворено было значительное число казачьих поселений.

Благоприятные для земледелия и выгодных заработков местные условия в течение пятнадцати лет (с 1868 по 1883 г.) привлекли в крестьянские поселения 19183 души крестьян обоего пола, в том числе 9961 д. муж. пола.

Не получая никаких пособий от казны на переселение и домообзаводство и прибыв на место водворения часто без всяких средств, с самым незначительным количеством скота, крестьянин-переселенец на третий-четвертый год обыкновенно уже имеет на семью 2-4 лошади, 3-6 рогатых скотин, 4-6 десятин засеянного хлеба и дом.

Первоначально душевой надел переселенцев-крестьян предполагался в 15 десятин по недостаточной исследованности местных хозяйственных условий и качеств земли и по примеру наделов государственных крестьян в многоземельных губерниях, с запасом в 15 же десятин. В 1876 г. норму надела решено понизить до 17 десятин, считая в том числе и запас. В настоящее время более продолжительное исследование данных по сему предмету и местных сельскохозяйственных условий приводит к заключению; что и эта норма слишком высока. Тщательно собранные за несколько лет особо командированным в крестьянские поселения Иссык-кульского и Токмакского уездов специалистом по сельскому хозяйству данные показали, что среднее ежегодное посев в поселениях, существовавших уже 10 лет, не превышает 1-3 десятин на душу. Это подтверждается и сведениями о посеве хлебов за 1883 г.: на 9 960 душ мужского пола крестьян засеяно было во всей области около 23 т. десятин, что составляет 2Уз десятин

¹ В числе причин предпочтения крестьянских поселений казачьим имела важное значение дороговизна последних. По исчислениям, сделанным в 1862 г., расходы казны на переселение в Алатавский округ 525 казачьих семейств составили бы 322083 р. 91 к.

² Число душ крестьян по уездам показано здесь не первоначально предполагавшееся, а окончательно определенное по прилагаемой ведомости.

на одну душу. При существующей переложной системе земледелия, при которой земля пашется от 3 до 6 лет и затем оставляется под залог или отдых на 3-6 лет, для пашен оказывается в среднем необходимым до 4-5 десятин на душу, за сим под усадьбы, сенокосы, травосеяние, лесоразведение, пастбища с избытком достаточно 5-6 десятин.

Вследствие сего душевой надел до 10 десятин должен вполне обеспечить благосостояние земледельцев и может быть значительно понижаем в тех поселениях, где жители имеют кроме земледелия другие промыслы и не занимаются исключительно хлебопашеством. При обложении поземельной податью поселения сами не пожелают иметь наделы в излишнем размере во избежание лишних платежей налога.

Сообразно сему с 1882 г. норма душевого надела в крестьянских поселениях принята в 10 десятин. Из прилагаемой ведомости крестьянских поселений видно, что в наделы оных предположено (и большей частью уже отведено) 169880 десятин, причислено же пока 9260 душ мужского пола, следовательно, может быть при 10-десятинном наделе водворено еще 7728 душ.

5. Водворение и наделы таранчей и дунган

С осени 1881 г. в пределы области переселилось из Кульджи до 40000 душ обоого пола таранчей и до 10000 дунган, считая в числе последних и тех их единоплеменников, которые в 1876 г. прибыли из Кашгарии. Таранчи водворены частью на уступленной Китаем территории на запад от Хоргоса и Кальджата, частью же в бассейнах рр. Чилика, Тургеня и Талгара, причем они возобновили старые арыки или провели новые, как на Чилике. Дунгане поселены на рр. Каракунузе и Сукулук в Токмакском уезде, дополнив орошение новыми арыками из р. Чу, и в Иссык-кульском уезде на р. Ирдыке. Вообще кульджинские переселенцы воспользовались не особенно значительным количеством пашен, принадлежавших кочевникам, но заняли большие пространства земель, служившие для киргиз местами кочевков. Так, в Джаркентском участке таранчи заняли 85499 десятин, бывших киргизскими кочевками и частью пашнями. В Верненском уезде пространство земель, предположенных к отводу таранчам, оказалось по съемкам равным 122902 десятинам. В Токмакском уезде отграничено дунганским селениям 23017 десятин. В Иссык-кульском уезде придется отвести дунганам на Ирдыке около 6350 десятин. В общей сложности назначено к отводу кульджинским переселенцам 237768 десятин, на каковое пространство и уменьшаются земли киргиз. В указанной цифре десятин заключается удобных земель 203041 десятина, почему на водворенных на них 26683 души мужского пола таранчей и дунган приходится менее 8 десятин на душу.

Для определения нормы душевого надела таранчей и дунган следует, прежде всего, принять в соображение, что и в прежнем месте их жительства поземельные угодья их были невелики. В 1878 г. на всем правом берегу р. Или в Кульджинском районе на 27912 душ мужского пола таранчей, дунган и других народностей посев хлебов составлял лишь 186500 пудов, т.е. менее 7 пудов на душу, следовательно, под

пашнями было занято немного менее 1 десятины на душу. За исключением городского населения и не земледельцев, можно считать запашки от 1 ½ до 2 десятин на душу.

Вследствие сего за высшую норму надела кульджинских переселенцев может быть принято, как у крестьян, 10 десятин. В действительности же надел понадобится далеко меньший, ибо немалая часть переселенцев состоит из торговцев и ремесленников, которые земледелием занимаются мало.

6. Необходимость понижения душевого надела казаков и определения оного в 20 десятин

По заключению составленной в 1871 г. по поручению Туркестанского генерал-губернатора записки о поземельном устройстве в Семиреченской области, послужившей главным материалом и для настоящей записки, количество земель в области, пригодных для земледелия, составляет не более 1/20 всей поверхности области или около 1600000 десятин, остальное же пространство области покрыто озерами, песками, солонцами, каменистыми местностями, горами и неорошаемою, за неимением воды, степью, годной лишь для пастбы скота. Означенная цифра пахотных земель указывает не количество земель, действительно обрабатываемых, а лишь то пространство, какое могло бы быть обрабатываемо, если бы имелось для орошения необходимое количество воды, так как без орошения в области, за исключением немногих возвышенных местностей, хлебопашество невозможно.

За неимением точных съемок и сведений о занятых пашнями землях довольно правильные на количество их указания могут дать данные о посеве хлебов, которые ежегодно собираются, между прочим, для губернаторских годовых отчетов. По ведомостям 1882 г. значится засеянных хлебов до 150000 четвертей, что указывает, по соображению с количеством по местным условиям посева зерна на десятину, на нахождение под хлебными посевами 180000 десятин земли.

Дабы оценить значение этой цифры засеваемой или, что, то же, орошаемой ежегодно земли, необходимо принять во внимание, что при всех сколько-нибудь значительных речках области водворены оседлые поселения; что вода этих рек почти полностью уходит на орошение пашен и за пределы наделов во время поливов почти не выходит; что жители оседлых поселений при всем том постоянно заявляют о недостаточности воды для орошения; что киргизские пашни, засеянные мелкими клочками около оставшихся не отданными оседлым жителям ключей и мельчайших речек, орошаются из этих родников и пользуются лишь немногими остатками от водных потоков, орошающих земли оседлых жителей; что хотя главные реки страны: Или, Чу, Каратал, Лепса - многоводны и могли бы оросить значительные пространства земли, сверх ныне из них орошаемых, но для устройства из них такого орошения необходимы весьма серьезные и требующие значительных денежных и рабочих сил ирригационные сооружения, для выполнения которых нужно немало времени и которые возможны лишь в недалеком будущем.

Таким образом, по прямой зависимости количества обрабатываемых земель от орошения и невозможности значительно увеличить в настоящее время сие последнее, умножение пахотных земель может быть достигнуто ныне лишь более правильным и бережливым устройством существующей ирригации, а потому не может быть слишком значительным.

Необходимым последствием таковой ограниченности пахотных земель, могущих быть ежегодно орошаемыми, должно быть ограничение душевых наделов оседлых поселений крайней надобностью

для обеспечения их благосостояния и оставление для киргиз возможно большего количества пашен, ибо за отводом под оседлые поселения значительной части лучших зимовок и за воспрещением на пространстве 300000 десятин, занятых горными лесами, летних пастбищ, кочевники были вынуждены сократить размеры скотоводства и искать средств для пропитания в земледелии.

Выше уже изложено, что для обеспечения благосостояния крестьянских поселений, а равно таранчей и дунган следует принять высшей нормой душевого надела 10 десятин, считая в этом числе около 2 десятин на душу ежегодно орошаемой пахотной земли.

Чрезмерность первоначально предложенного надела казаков и несоответственность оного местным условиям и возможности очевидны из всего вышеизложенного. К этому же заключению приводит сравнение земельного довольствия в Семиреченском казачьем войске с соседним, наиболее из всех казачьих войск богатым землями, Сибирским казачьим войском. В основание надела станиц в Сибирском казачьем войске, при таксации, начавшейся в 1876 г., принят надел в 30 десятин на душу такой земли, которой одна десятина дает средний урожай сам 4, при цене 1 пуда пшеницы в 53 к. и при среднем валовом доходе с десятины в 13 р. При такой норме станичный надел по Бийской линии, которая отличается наибольшим в войске плодородием, определен в 25 десятин на душу, в Зайсанских же станицах предложен еще менее.

В Семиреченской области, благодаря более теплomu климату, хорошим качествам почвы и искусственному орошению, средний урожай на казачьих землях по среднему выводу за 11 лет (с 1871 по 1881 г.) составляет от сам 7 до сам $8\frac{1}{2}$ (смотря по уездам: в Сергиопольском сам $7\frac{1}{2}$, в Копальском сам 7, в Верненском сам $8\frac{1}{4}$), средняя цена одного пуда пшеницы равняется от 60 до 90 к. (в Верненском уезде 60 к., в Копальском 79 к. и в Сергиопольском 90 к.) и средний валовой доход с десятины достигает от 51 р. до 67 р. 50 к.: в Верненском уезде 51 р., в Копальском 55 р. 30 к. и в Сергиопольском 67 р. 50 к. Посему равный с Сибирским казачьим войском надел здешних казаков был бы далеко менее 10 десятин на душу.

Местное начальство, со времени водворения казачьих поселений, неоднократно высказывалось о необходимости понижения нормы казачьего надела, ибо надел в 30 десятин на душу не соответствует ни количеству земель, имеющихся в области и служащих кроме казаков для обеспечения благосостояния остального населения области, ни качеством почвы и урожайности в здешнем крае. Так, генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд в 1855 г. находил достаточным низший надел ст. Лепсинской в 21 десятину. В 1864 г. начальник Алатавского округа и киргиз Большой орды генерал-майор (ныне генерал-лейтенант, Степной генерал-губернатор) Колпаковский представлял генерал-губернатору Западной Сибири о необходимости уменьшить казачий надел до 20 десятин на душу, ввиду хорошей урожайности земли и недостаточности количества оной для киргиз, и тогда уже весьма стесненных. В 1882 г. Общее присутствие Семиреченского Областного правления, с участием председателя войскового правления, определило, с утверждения генерал-губернатора, душевой надел для казачих поселений на Хоргосе (на уступленной Китаем территории) в 15 десятин с запасом сверх того в 5 десятин на душу.

Так как имеющиеся земли в остальных частях области по своим качествам и урожайности вообще мало уступают землям на Хоргосе, то следовало бы и по всей области принять нормой для душевого надела казаков 15 десятин с запасом в 5 десятин на душу, о чем 4 марта 1883 г. за № 3589 и сделано представление Степному генерал-губернатору. Надел этот не находится в противоречии с положением о поземельном устройстве в казачьих войсках 21 апреля 1869 г., ибо хотя по 2 ст. одного нормальным наделом на душу установлено 30 десятин на душу удобной земли, но по ст. 3 в казачьих войсках, земли коих еще не обмежеваны (как в Семиреченском), надел этот может быть отведен в большем или меньшем против нормального размере смотря по качеству и положению земли.

Под удобной землей не может быть разумеема в Семиречье исключительно земля орошаемая, ибо таковой здесь ныне не хватило бы на надел одних казаков (на 11095 душ по 20 десятин потребно 221900 десятин, тогда как всей орошаемой земли вместе с посевами под дождь насчитывалось в 1882 г. на пространстве области только 180000 десятин) и прочее население области осталось бы без пашен. Посему в душевой надел казаков должно входить лишь необходимое для обеспеченного хозяйства количество орошаемой земли, остальное же количество до 20 десятин должно быть дополняемо залежами, сенокосными и пастбищными усадьбами.

Проект поземельного устройства области

1. Право собственности государства

Хотя при постепенном занятии территории, вошедшей впоследствии в состав области, все земли ее оказывались находящимися во владении киргиз и составляли их кочевки и пашни, тем не менее правительство на практике почитало все земли области

собственностью государства¹, ибо не только производило распределение оных между киргизскими родами и волостями, но и изъяло значительные части бывших в пользовании киргиз земель из их владения и отвело во владения русских сельских поселений и городов. Однако же в законодательстве нашем не встречается прямого установления права собственности государства на земли в киргизской степи, хотя это право собственности подразумевалось, как видно из ст. 849 зак. о сост. изд. 1876 г., по которой кочевые инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли, и из ст. 191 т. XII ч. 2 Устава о благоустройстве в казенных селениях, устанавливающей отвод земель для хлебопашества и обращение их, при соблюдении известных условий, в полную собственность киргиз. По § 210 Временного положения об управлении в 4 степных областях 1868 г. земли, занимаемые киргизскими кочевьями, признаются государственными. Все эти узаконения, однако, доселе не могли применяться к Семиреченской области, ибо значительная часть ее не входила в пределы Западной Сибири и потому законы о сибирских инородцах не могли относиться ко всем семиреченским киргизам, Временное же положение 1868 г. не относилось до Семиреченской области.

Сообразно сему прилагаемый проект поземельного устройства области начинается с того положения, что земли в Семиреченской области, за исключением принадлежащих частным собственникам, составляют собственность государства. Исключение относится, во-первых, к недвижимым имуществам в городах и поселениях, в коих земли под усадьбами принадлежат владельцам на правах собственности, и, во-вторых, к землям, которые подлежат к утверждению за киргизами на праве собственности согласно ст. 191 Уст. о благоустройстве в казенных селениях. Других земель, принадлежащих кому-либо на праве собственности, в области не имеется, ибо ни Высочайших пожалований земель, ни иных отчуждений земель правительством в области не было.

Предлагаемая редакция ст. 1-й устраняет всякие недоразумения и представляется вполне точной и ясной, тогда как § 210 Временного положения 1868 г. в этом отношении не удовлетворителен: объявляя государственными земли, занимаемые киргизскими кочевьями, параграф этот вводит в определение собственности государства на земли столь неопределенный признак, как киргизские кочевья, и оставляет неразъясненным, кому принадлежат в собственность земли, не занятые киргизскими кочевьями, напр. земли казачьи, крестьянские и т.д. С другой стороны, так как и земли частных собственников могут быть занимаемы киргизскими кочевьями, то неужели и эти земли могут быть признаны государственными? Казачьи и крестьянские земли в значительной части занимаются киргизскими кочевьями и признаются

¹ 3 июня 1853 г. за № 265 генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд предписывал объяснить киргизам по поводу одной просьбы, что «все земли киргизов, состоящих в подданстве России, не составляют (их) собственности, а принадлежат правительству, которое, дозволяя киргизам на оных кочевать, охраняет их своими войсками от иноземцев». Ст. 424 учрежд. управления инородцами гласит: «Все земли, занимаемые киргизами Семипалатинской округи, составляют собственность казны».

государственными, но едва ли законодатель безусловно предполагал предоставить их в общественное пользование киргизов, как гласит окончание § 210.

По поводу признания права собственности на земли по ст. 191 Устава о благоустройстве в казенных селениях необходимо здесь пояснить, что в статье этой, взятой из Сибирского учреждения 1822 г., изложены правила об отводе сибирским киргизам, должностным лицам их, чиновникам, толмачам и казакам Окружных Приказов земель для хлебопашества и хозяйственных заведений. По этим правилам каждому киргизу, который пожелает производить хлебопашество или иметь хозяйственные заведения, отводится для сего 15 десятин на душу (п. 5). Ежели на отведенной земле в течение 5 лет не сделано будет никакого заведения или хлебопашества, тогда земли сии должно отбирать и предоставлять другим (п. 7). Земли, отведенные для хлебопашества и заведений, переходят в наследство как недвижимая собственность (п. 12).

До учреждения в пределах области казачьих и крестьянских поселений киргизы ее, занимавшиеся земледелием мало и имевшие в своем распоряжении достаточные количества пашен, коими владели по обычаям, не пользовались правилами, изложенными в ст. 191. По образовании же Семиреченской области, когда отвод большей части пашен в наделы русских поселений, а также и усилившаяся потребность в хлебопашестве, вследствие умножения населения и уменьшения зимовок и летовок, причинили недостаток у киргиз земель для хлебопашества, местное начальство почитало ст. 191 отмененной, ибо, во-первых, по Положению 1868 г. и последующим она показана замененной правилами, изложенными в ст. 171, во-вторых же, главное, правила, изложенные в ст. 191 и относящиеся исключительно к сибирским киргизам, совершенно изменены и заменены Высочайше утвержденным 21 октября 1868 г. Временным положением об устройстве управления в 4 киргизских областях (параграфы 217, 219, 223, 224). Вследствие сего правила 191 ст. до настоящего времени в Семиреченской области применения не имели. Ныне Указом Правительствующего Сената Степному генерал-губернатору от 19 сентября 1883 г. за № 13658 разъяснено, что ст. 191 показана по продолжениям Свода законов замененною ошибочно и не согласно с законом 25 марта 1866 г., приведенным в цитате, а потому имеет силу действующего закона. Хотя из Указа Правительствующего Сената не видно, чтобы Сенат имел в виду вышеприведенные параграфы закона 21 октября 1868 г., которые заменяют и отменяют действие для сибирских киргиз ст. 191 изд. 1857 г., тем не менее, с получения означенного указа ст. 191 стала применяться как действующий закон.

Правила 1822 г. об отводе киргизам земель по 15 десятин на душу для земледелия не оказали никакого влияния в смысле достижения той цели, к которой они клонились. В настоящее время хлебопашество значительно распространено между кочевниками и доставляет с каждым годом более и более важную часть средств к продовольствию киргиз, но это развитие земледелия является результатом не означенных правил, а экономических и иных причин и условий: умножения населения, уменьшения земель

для пастбищ, сокращения размеров скотоводства, прекращения брожения киргизских родов и ограничения кочевков тесными пределами волости или уезда. Применение означенных правил на будущее время даже угрожает вредными и печальными последствиями. Количество орошаемых, а следовательно, и единственно пригодных в области для хлебопашества земель, оставшихся в пользовании киргиз, уже ныне весьма недостаточно. Пахотные земли приобрели вследствие сего значительную ценность, а потому при продолжающемся применении 191 ст. весьма многие кочевники пожелают приобрести или обеспечить за собою такие доходные земли, при ограниченном же и недостаточном количестве пахотных земель такое отчуждение лучших земель в исключительную пользу незначительной части киргизского населения, которая окажется более предприимчивою и ловкою, отразится самым неблагоприятным образом на благосостоянии большинства кочевников, из коих, по всей вероятности, именно земледельцы (игинчи), люди бедные и смирные, и не получают земли, которой воспользуются люди сильные, влиятельные, бойкие, богатые. Вообще применение правил, оказавшихся безвредными, если и не полезными, 60 лет тому назад, в настоящее время, при коренном изменении экономических условий народного хозяйства, может дать самые неожиданные и непредвиденные результаты. Так, при применении их все пахотные земли в скором времени поступят в частную собственность и дальнейший отвод земель русским поселениям, следовательно, и дальнейшее успешное развитие русской колонизации сделаются невозможными. С другой стороны, по малоразвитости киргиз, сделавшихся поземельными собственниками, и неустойчивости их экономического быта следует опасаться, что земли их в непродолжительном времени перейдут в руки татар, сартов и других торгашей, ростовщиков и кулаков, которые и ныне сильно эксплуатируют киргиз, пользуясь их доверчивостью и хозяйственной неразвитостью и непредусмотрительностью.

Сообразно сему к ст. 1 прилагаемого проекта помещено примечание о прекращении действия ст. 191 Устава о благоустройстве в казенных селениях¹, причем по примеру Временного положения 1868 г. (примечание к § 211), для урегулирования прав на земли, приобретенные по ст. 191, установлен порядок рассмотрения претензий киргиз на земли, им отведенные по ст. 191, и назначен для выполнения сего срок, и вместе с тем выяснено, что на утверждение на правах собственности земли владельцы их получают крепостные акты (данные) без взыскания крепостных пошлин. Хотя такая льгота не установлена ст. 191, но вполне соответствует ее духу и цели. Облегчая укрепление приобретенных выполнением установленных условий земель (п.п. 7 и 12 ст. 191), она будет способствовать скорейшему выделению частных земель из остающихся в распоряжении правительства и предупреждению поземельных споров и тяжб.

¹ По поводу ст. 191 были делаемы представления г. Степному генерал-губернатору 29 октября 1882 г. за № 12180, а также 8 января и 8 декабря 1883 г. за № 265 и 19789

В настоящее время количество земель, приобретенных киргизами в частную собственность на осн. ст. 191, еще незначительно, но при начавшемся применении сей статьи, ко времени ее отмены, это количество будет уже немалое и достигнет тем больших размеров, чем позднее отмена эта совершится¹.

Во Временном положении (примеч. к § 211) упоминается, как бы в смысле единственных доказательств права приобретения собственности киргизами на земли, только «акты или охранительные листы на отведенные участки», но так как ст. 191 никаких актов на отвод земель не требует и так как отвод сей, а равно и выполнение условий этой статьи (устройство, в течение 5 лет по отводе, хозяйственных заведений или хлебопашества) могут быть удостоверены другими путями, то употребление выражения «доказательство» вместо «акты» будет правильнее.

2. Поземельное устройство киргиз

Констатируя права собственности государства, необходимо вместе с тем утвердить законодательным же порядком права населения на владение и пользование землями области. Коренное население этого края - киргизы - подчинено нашей власти не путем завоевания, а большей частью вследствие добровольного его желания и согласия. Склоняя независимых киргиз к подчинению (ст. 346 учрежд. управ, инородцев), правительство принимало, конечно, на себя обязательства признавать и утвердить существовавшие фактически права киргиз на владение и пользование занимаемыми ими землями, необходимыми для обозначения экономического их благосостояния.

Однако хотя, при подчинении нашей власти, вся территория области находилась во владении и пользовании киргизского населения, тем не менее, в видах государственной пользы, правительство изъяло из владения кочевников земли, необходимые для устройства русских поселений и для других особых назначений: для правительственных учреждений (почтовые станции), для обеспечения края лесами (под казенные лесные дачи) и т.д.

В этом смысле и составлена 2-я статья прилагаемого проекта.

В последующих семи статьях этого проекта изложены правила поземельного владения киргиз сообразно существующему порядку и установившимся обычаям, которые соответствуют настоящим потребностям, образу жизни и экономическим условиям кочевого населения.

Так как пашни и зимовки разделены между волостями, то владение ими предоставляется волостям, которые ныне ими пользуются. Владение устанавливается общественное, ибо права рода перешли к обществу волости. Общественное пользование зимними пастбищами составляет естественную необходимость кочевого скотоводства при ограниченности пространства зимовок. Общинность владения пашнями вызывается недостаточностью средств и сил отдельных лиц для устройства и

¹ Отвод земель по ст. 191 приостановлен в январе 1881 г. по распоряжению Главного начальника края.

поддержания оросительных каналов (арыков), ибо хлебопашество возможно лишь при искусственном орошении. Вместе с тем общинное владение пахотными землями обеспечивает беднейшим членам волости пропитание посредством земледелия, ибо гарантирует каждому юртовладельцу кусок общинной пахотной земли.

Споры о зимовках и пашнях разрешаются по обычаям между аулами волостным съездом биев, должностных и почетных лиц, между юртовладельцами - таковым же аульным собранием. Посему проектировано, чтобы вместе с волостными выборными в решении поземельных споров между аулами участвовали местные туземные должностные лица - аульные старшины и би, как и ныне споры эти разрешаются по соглашению почетных лиц.

Летние кочевки ныне обыкновенно находятся в совместном пользовании нескольких волостей. Степные обычаи предоставляют свободное пользование летними пастбищами, ибо недостаток бывает преимущественно в зимовках. Для охранения сих последних от вытравления летом необходимо узаконить существующий обычай, по которому владельцы зимовок могут воспретить пастьбу на них скота летом.

Как зимняя, так и летняя кочевка киргиз в области не выходят из пределов уездов. Необходимо узаконить это правило, ибо кочевание киргиз в чужих уездах, допускаемое обычаями, всегда служит причиной обилия краж скота, баранты и других беспорядков, происходящих от того, что иноуездные киргизы уклоняются от подчинения местным властям. В особенности эти беспорядки существуют в пограничных с другими областями местностях, а потому кочевание киргиз других областей должно быть воспрещено.

В мерах для привлечения киргиз к земледелию в настоящее время нет никакой надобности, ибо существующие экономические условия с каждым годом понуждают кочевников усиливать свое хлебопашество. Равным образом не следует принимать искусственных мер к привлечению киргиз к оседлости, которая устанавливается прочно лишь благоприятными хозяйственными обстоятельствами. Тем не менее, необходимо охранить законодательным порядком права заводящих оседлость кочевников на постройки. С этой целью в прилагаемом проекте помещена статья, заимствованная из § 217 Временного положения 1868 г., в улучшенной и дополненной редакции. К праву возводить постройки добавлено дозволение устройства садов и лесонасаждений, которые в последние годы, благодаря стараниям местной администрации, стали распространяться у киргиз, особенно в южных уездах.

Уже в настоящее время встречаются случаи отдачи киргизами земель своих в аренду русским промышленникам и другим лицам под мельницы, заводы и вообще промышленные заведения. За неимением частных земель и с целью развития в области промышленности следует узаконить право киргизских обществ отдавать свои земли для промышленных заведений, которые доставят кочевникам выгодные заработки, с целью же предупредить невыгодную и чрезмерную раздачу киргизских земель

(примером может служить отдача в 1862 г. двух больших лесных участков по р.р. Аксаю и Карагайлы под винокуренный завод купца Кузнецова), следует, во-первых, ограничить размер участков 10 десятинами и время аренды 30 годами, во-вторых, установить утверждение приговоров обществ по сему предмету (кроме кратковременной, не более трех лет, аренды) Областным правлением, на обязанность которого возложить наблюдение, чтобы отдача земель не лишала обществ земли, им необходимой.

Выше указано, что возникающие между волостями земельные споры разрешаются и уравнивание земель между волостями производится на съездах почетных лиц заинтересованных волостей. Таковой порядок следует сохранить и впредь, ибо при оном споры улаживаются почти всегда миролюбиво и удачно людьми, хорошо знающими и земли, и потребности спорящих волостей, тогда как для русских властей, при неимении подробных планов киргизских земель, собрание необходимых сведений и правильное решение поземельных споров всегда затруднительно. В случае недостижения на съездах соглашения поземельные споры должно разрешать Областное правление, на утверждение которого должны быть доставляемы и все вообще постановления съездов. Областному же правлению следует предоставить разрешение поземельных споров киргизских волостей с обществами оседлых поселений, по соображению заявлений спорящих сторон и по собранию необходимых сведений. Разрешение поземельных споров должно быть предоставлено областному административному коллегиальному учреждению, а не суду потому, во-первых, что споры эти относятся до земель государственных, предоставляемых лишь во владение волостей и обществ, под надзором правительства, а не происходят между собственниками земель, во-вторых же, по самому свойству своему это - споры, подлежащие разрешению в видах не одного утверждения и ограждения формальных прав владения, но вместе с тем, и преимущественно, в видах устройства и обеспечения хозяйственного быта населения.

Споры о землях, принадлежащих обществам на праве собственности, конечно, должны подлежать судебному разбирательству.

3. Поземельное устройство городов

Города области - областной город Верный (основан в 1868 г.) и уездные: Копал (в 1848 г.), Пишпек (в 1878 г.), Каракол (в 1869 г.), Лепсинск (в 1883 г.) и Джаркент (в 1882 г.) - не имеют утвержденных в надлежащем порядке планов и выгонов, ибо к составлению проектов таковых, за неимением техников-строителей и межевых чинов, приступлено лишь в последние годы. Технические средства области и ныне недостаточны сравнительно с количеством неотложных работ и занятий, а потому составление планов городов области с выполнением всех установленных для оных правил (в особенности выполнение нивелировочных работ и чертежей) встречает большие затруднения. Между тем города строятся по имеющимся проектам.

Обеспечение городов землями для выгона скота и промышленных заведений не менее настоятельно. Планы городских выгонов составлены и частью представлены, частью готовятся к представлению на утверждение. Между тем города пользуются временными выгонами. Отвод выгонов городам Караколу, Пишпеку и Джаркенту не встретил больших затруднений, так как произведен из земель киргизских. Гор. Копал пользуется проектным своим выгоном бесспорно с 1860 г., хотя первоначальный отвод его встретил затруднения в притязаниях казаков из временного надела которых произведен. Проект надела г. Лепсинска одобрен Степным генерал-губернатором в 1883 г. и представлялся на утверждение в установленном порядке. Составление проекта надела г. Верного замедлялось до 1883 г. затруднениями со стороны ст. Алматинской, из временного надела которой он должен быть выделен, а также и со стороны Городской Думы, которая находит проектный надел неудовлетворительным.

Проектированные выгоны городов области составляют: гор. Верного 6397 десят., гор. Пишпека 3837 десят., гор. Каракола 4050 десят., гор. Лепсинска 1831 десят., гор. Джаркента 12669 десят., всего 28784 десятины удобных и неудобных земель.

Наделение городов выгонами во всяком случае не требует каких-либо особых местных законодательных мероприятий и может быть выполнено в общеустановленном порядке. По утверждению же и отводу городских выгонов оные поступят согласно примеч. к ст. 434 законов межевых в полную собственность городов, где и будет введено Городовое Положение.

4. Поземельное устройство казачьих поселений

Недостаточность количества удобных земель в области и экономические местные условия требуют, как выше изложено, определения душевого надела казачьих поселений в 15 десятин с 5 десятинами запаса. Надел этот может быть большей частью произведен из земель, уже ныне временно находящихся в пользовании казачьих поселений, частью же из смежных с поселениями земель киргизских. Основанием для определения числа душ, подлежащих наделу, может быть принято в тех станицах и выселках, где число душ мужского пола ныне превышает цифру 50, наличное к 1 января 1883 г. или ко времени составления плана надела число душ, в остальных же на 50 душ. Поселениям на китайской границе, на р. Хоргосе, которые основаны в 1883 г., поземельный надел должен быть отведен в предположенной цифре 30000 десятин.

По недостаточному количеству в области пахотных земель, в особенности же постоянно орошаемых, следует определить для обеспечения хозяйства казаков, что в составе 20-десятинного душевого надела должно заключаться не менее пяти десятин пахотной земли, в том числе, в местностях с искусственным орошением, не менее двух десятин ежегодно орошаемой пахотной земли.

За сим во всем остальном поземельное владение казачьих поселений должно определяться узаконениями о поземельном устройстве в казачьих войсках (Высочайше утвержденное 21 апреля 1869 г. положение).

За невозможностью отвода Семиреченскому казачьему войску значительных количеств земли, необходимых сверх станичных наделов, для удовлетворения поземельным довольствием офицеров и чиновников обеспечение сих последних пенсиями должно быть принято на счет доходов войска или на счет государственного казначейства¹.

5. Поземельный надел и устройство крестьянских и туземных поселений

Правила о поземельном наделе остальных, кроме казачьих, сельских поселений области и вообще об устройстве сих поселений, по обширности их и за необходимостью включения в оные предметов, не имеющих прямой связи с поземельными постановлениями, удобнее изложить в особом приложении к главе положения о поземельном устройстве.

Сообразно изложенным выше местным обстоятельствам душевой надел как крестьянских, так и туземных (причем под туземцами разумеются как выселившиеся из Китая таранчи, сарты и дунгане, так и местные сарты и киргизы) определяется в десять десятин на душу мужского пола. При этом необходимо постановить, чтобы в составе душевого надела было не менее четырех десятин пахотной земли, в числе коих должно быть в местностях, где земледелие производится при помощи ирригации, не менее двух десятин орошаемой земли. Правила эти соответствуют средней ежегодной запашке земледельца области и системе хлебопашества. Остальное до 10 десятин количество душевого надела должно быть дополняемо возможным пространством сенокосов, годных для пахоты залежей и пастбищной землею.

При учреждении области в штаты ее управления не было включено никаких межевых чинов, а потому не имелось никаких средств для наделов начавших вскоре устраиваться крестьянских поселений. Не имелось также точных и определенных правил для производства наделов, потому что хотя Военным губернатором был представлен Туркестанскому генерал-губернатору в 1869 г. проект положения об устройстве сельских поселений, но проект этот в ожидании издания общего положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством не был представлен на утверждение в законодательном порядке. Вследствие всего межевые силы области до 1882 г. ограничивались временно командированными в распоряжение областного начальства военными топографами и строевыми офицерами из местных войск, а также случайно оказавшимися в Областном правлении чиновниками из землемеров. По этим причинам необходимые для водворяющихся в избранных для поселений местах переселенцев земли отводились уездными начальниками из прилегающих киргизских земель, по большей части без съемок на планы, без точного указания границ и без

¹ Высочайше утвержденное 30 июля 1882 г. положение (приказ по военному ведомству № 946).

составления об отводе каких-либо актов. По мере прибытия новых переселенцев производились добавки земель. Впоследствии большей части временно находящихся в пользовании крестьян земель произведены были съемки военными топографами, но формальных отводов произведено не было. Нередко количество водворившихся в поселении крестьян не соответствовало предположенному к водворению числу душ, почему произведенную уже раз съемку приходилось дополнять. С другой стороны некоторые из поселений, в которых предполагалось водворить значительное число душ, остались малозаселенными. Землям некоторых поселений и поныне не произведено съемок, а иным селениям, с малым числом водворившихся крестьян, совсем не указано земель. В таком положении находились поземельные наделы до учреждения при Семиреченском Областном правлении временного межевого отделения по Высочайше утвержденному 21 ноября 1880 г. штату и в том же почти находятся теперь, ибо в 1881 г. почти весь состав межевого отделения употреблен был, по распоряжению Главного начальника края, на межевые работы в Ферганской области, а в 1882 и 1883 гг. был занят съемкою земель для водворения переселившихся в эти годы из китайских владений таранчей и дунган. Только часть чинов межевого отделения могла в 1883 г. приступить к съемкам земель оставшихся без надела городов - Пишпека и Каракола, некоторых крестьянских и казачьих поселений.

Съемки земель для таранчинских и дунганских поселений большей частью окончены, но наделов отдельным поселениям не произведено, потому что и самые места поселений определялись и наполнились переселенцами в течение 1883 г., когда окончился переход из китайских владений и началась постройка домов.

Таким образом, значительной части сельских поселений области не отведено еще поземельных наделов, а потому первым делом поземельного устройства крестьянских поселений должно быть производство им временных наделов. Необходимы части поселений первоначально временные, а не окончательные наделы, потому что в значительной доле крестьянских поселений число водворившихся крестьян далеко не достигло того числа душ, какое в поселении предположено на основании имеющихся съемок или сведений о количестве земель. Необходимы временные наделы и для того, чтобы общества могли основательно ознакомиться с качествами земель прежде окончательного принятия надела и сопряженных с ним казенных поземельных платежей. Поэтому окончательный надел и соединенная с ним выдача окончательных актов на утверждение земель за русскими поселениями должны быть вообще отложены до водворения в них предположенного числа поселян. Также русским селениям, в которые уже зачислено предположенное число душ и которые, следовательно, существуют уже значительное число лет, следует произвести окончательные наделы, без отвода временных.

Временные наделы существующим русским селениям, за неимением в области особых крестьянских учреждений и чинов Министерства государственных имуществ, могут быть производимы комиссиями из чиновников по назначению Военного

губернатора: из местных уездных начальников, их помощников, участковых начальников, чинов Областного правления, чиновников особых поручений и чинов межевого отделения. По ограниченности личного состава чинов областного и уездного управлений состав комиссий не может быть постоянный и заранее определенный, ибо это стеснило бы отправление всех других дел и обязанностей управления, и должен быть предоставлен усмотрению Военного губернатора. Временные наделы, во избежание преждевременного и иногда напрасного лишения киргиз находящихся в их владении земель, должны быть произведены соответственно назначенному или предполагаемому в ближайшие годы числу душ, ибо при недостаточности могут быть дополнены.

Составленные комиссиями проекты временных наделов должны быть предъявлены наделяемому обществу и заинтересованным смежным волостям и обществам, в особенности же тем киргизским волостям, земли коих отдаются в надел поселения, для заявления их нужд и замечаний.

Утверждение временных наделов следует предоставить Областному правлению, как коллегиальному учреждению, в котором сосредоточено заведование оседлыми поселениями и киргизами. Для принесения жалоб и заявлений по поводу проектов временных наделов достаточно назначить месячный срок, дабы утверждение наделов не замедлялось на продолжительное время.

По утверждению проекта временного надела ввод во владение оным подлежащего общества может быть производим местным уездным или участковым начальником с соблюдением необходимых для большей гласности и укрепления учиненного надела формальностей.

В устройстве русских сельских поселений области имеют весьма важное значение порядок зачисления желающих водвориться в оные и льготы и пособия переселенцам.

Для привлечения желающих переселиться в область крестьян было бы полезно установить ежегодное Областным правлением опубликование в малоземельных губерниях о количестве душ, которые могут быть еще водворены в поселениях области. Это опубликование могло бы быть произведено через губернские по крестьянским делам присутствия, если не будет в вырабатываемых правительством правилах о крестьянских переселениях установлено иного порядка.

Зачисление переселенцев в поселения области должно быть производимо по представлению увольнительных приговоров или иных документов из прежних мест причисления. До водворения в каждом поселении предположенного в нем числа душ причисления должны совершаться без приемных приговоров. Причисление переселенцев должно ведаться Областным правлением, в котором сосредоточены все сведения и дела об обустройстве поселения. До настоящего времени Областное правление, по причислению крестьян, сообщало в Казенную Палату именные

посемейные списки. Так как с предстоящей окончательной отменой подушных податей в империи и за отсутствием оных в области ведение подушных окладных листов, вероятно, будет отменено, то о сообщении упомянутых списков и сведений о причислении и отчислении душ по сельским поселениям области в проектируемых правилах умалчивается.

Переселяющиеся в сельские поселения области крестьяне должны, конечно, пользоваться общими облегчениями, которые существуют или вновь будут установлены для переселенцев крестьян. Что касается особых льгот, то по применению к 2 примечанию к ст. 33 приложения к ст. 17 Положения государственных крестьян было бы полезно освобождать переселенцев в Семиреченскую область на три года от платежа оброчной подати и земского сбора, с платежом в последующие три года лишь половины сих сборов, подобно тому, как таковые льготы дарованы переселенцам северных губерний даже в пределах сих губерний (ст. 3 приложения к ст. 21 Положения государственных крестьян). Переселенцы в Семиреченскую область, по дальности и трудности пути и по сопряженным с переселением большими расходами, не получая никаких денежных пособий от казны, крайне нуждаются в сих льготах, без которых для них было бы затруднительно обзаведение хозяйством на новом месте жительства. Кроме означенных льгот было бы желательно предоставить переселенцам на первые три года освобождение от выполнения натуральных повинностей, которые хотя и не имеют в области особенно обременительного характера и относятся (особенно дорожные) главным образом, к кочевникам, но для переселенцев на первое время немаловажны.

Само собой разумеется, что льготы должны быть даны лишь тем переселенцам, которые будут зачислены в поселения области, после издания правил, на тех же, которые до издания правил успели уже воспользоваться существующей фактически льготой от всяких податей в полном шестилетнем размере, распространяемы быть не должны и применимы лишь на недостающее до шести лет время в установленном правилами размере и постепенности.

Хотя переселенцам не предполагается никаких денежных от казны пособий, ни во время пути, ни при водворении, и отсутствие таковых пособий не помешало успешному ходу русской крестьянской колонизации Семиречья, оказывая благоприятное влияние на состав поселенцев, в число которых дальность и трудности переселения допускали лишь людей, обладавших некоторыми средствами и большой собственной энергией, тем не менее, необходимо еще на некоторое время продолжение ежегодного ассигнования особого кредита (в 3000 р.) в распоряжение Военного губернатора¹ для выдачи переселенцам ссуд и пособий в особо уважительных случаях, каковы падеж скота, эпидемические болезни и т. под., когда только что прибывшие переселенцы, не успевшие упрочить своего хозяйства и не могущие рассчитывать на помощь от своих обществ, в которые зачислены без их

¹ В 1881 г. по § 28 ст. 9 сметы Министерства внутренних дел.

согласия, оказываются иногда в положении крайнем и требующим помощи правительства.

Для скорейшего наполнения русских сельских поселений было бы весьма полезно привлечь к водворению в оных увольняемых из расположенных в области войск в запас и отставку семейных нижних чинов, которые успели уже ознакомиться с местными условиями и могут быть особенно полезными поселянами. Привлечение запасных нижних чинов тем более нужно и выгодно для правительства, что в случае надобности усиления состава войск в крае запасные нижние чины могут немедленно быть призваны в их ряды (как этому и были несколько раз примеры), без расходов и потери времени на сбор таковых нижних чинов в Сибири и передвижение их в край. Посему семейным нижним чинам предполагается выдача пособий на домообзаводство по 50 р.; не семейные же могут причисляться с льготами на общем основании.

Воспользовавшись льготами, переселенцы, в случае перехода из сельских поселений области в города области или другие губернии и области, должны быть, обязываемы уплачивать подати за льготное время и возратить пособия, буде получили. Мера эта необходима для затруднения бродяжества, к которому привыкла часть переселенцев, причислившихся в область, побывав сначала на Амуре и на Кубани.

Переселившиеся в пределы области из китайских владений туземцы Средней Азии - таранчи, жившие между ними сарты и дунгане, - увеличив, без всяких расходов казны, на значительную цифру число земледельцев области без ущерба остальному земледельческому населению, ибо оросили свои пашни выведенными собственным трудом арыками, - нуждаются, для устройства своих жилищ и хозяйства в новых местах жительства, в льготе от податей на некоторое время. Полагая назначить общим сроком сей льготы три года, следует обложить всех переселенцев из Китая податями с 1 января 1886 года.

Что касается местных туземцев (киргиз, сартов из Туркестана, постоянно в области проживающих кашгарцев, татар и пр.), то, занимая земли, которые с большею выгодой для государства могли бы быть предоставлены крестьянам, для усиления русского элемента, желающие причислиться в оседлые поселения туземцы не должны пользоваться особыми льготами.

Окончательное обеспечение поземельными наделами сельские поселения области могут всего удобнее получить путем отвода наделов и выдачей владенных записей применительно к правилам по сему предмету для государственных крестьян (Положение о бывших государственных крестьянах, том IX Свода Законов изд. 1876 г.), с которыми, в сем отношении, будучи поселены на землях государственных, поселяне области имеют много общего. В тех русских селениях, в которых число водворившихся крестьян, ко времени издания Положения, достигнет предположенной для водворения

цифры душ, окончательный поземельный надел и выдача владенных записей могут быть произведены без предварительного временного надела, ибо поселенцы этих селений, водворившиеся уже от 10 до 15 лет, хорошо знакомы с качествами земель, которыми долгое время пользуются. Остальным селениям окончательный надел может быть произведен по достижении в оных определенного числа душ или, если по обстоятельствам цифра эта не будет достигнута, по истечении 10 лет со времени издания Положения, по наличному в таком случае числу душ, ибо недостижение первоначально определенной цифры душ в продолжение десяти лет будет указывать на неудовлетворительность местных хозяйственных условий для водворения предположенной цифры переселенцев.

Селения таранчей и дунган большей частью водворены на не обрабатывавшихся дотоле пространствах, имеющих климат, почву и условия орошения, одинаковые с теми, в которых находились прежние их места жительства в верхней части той же Илийской долины. Посему выходцы из китайских владений в короткое время ознакомятся с отведенными им землями и потому окончательный надел их поселений может быть произведен немедленно по изданию сего Положения. Необходимо надел этот и выдачу владенных записей окончить в течение 1885 г., дабы обложение податями с 1 января 1886 г. не встретило никаких препятствий. При таковых обстоятельствах предварительный временный надел поселений таранчей и дунган излишен и повел бы только к напрасному труду на отвод сначала временного, а потом окончательного надела.

Составлением владенных записей на окончательные наделы поселений и выдача оных вообще могут быть произведены применительно к правилам, приложенным к ст. 17 Положения государственных крестьян изд. 1876 г., со следующими необходимыми по местным обстоятельствам изменениями.

За неимением крестьянских учреждений и чинов управления государственными имуществами, учреждение которых потребовало бы расходов, не окупающихся ожидаемой от сего доходностью, составление владенных записей может быть удовлетворительно произведено чинами областного управления, предъявление же оных может быть выполнено ими в присутствии местных уездных или участковых начальников взамен мировых посредников. Утверждение владенных записей следует, за неимением губернских по крестьянским делам присутствий, возложить на Областное правление, с правом обжалования постановлений последнего генерал-губернатору, в определенный срок. Срок этот назначен трехмесячный, дабы более продолжительный срок не послужил к замедлению выполнения наделов. С той же целью на обжалование решений генерал-губернатора срок не постановляется, и решения эти предполагаются подлежащими исполнению, хотя, само собой разумеется, что на постановление генерал-губернатора могут быть приносимы установленным порядком жалобы, не останавливая, однако, исполнения.

Наделяемым обществам должно быть предоставлено право отказаться от части временного или причитающегося по числу душ надела, не допуская, однако, чересполосности владений, ибо добровольным переселенцам не может быть обязательно наделяема земля и налагаемы сопряженные с этой землей податные платежи, если они находят получение такой земли невыгодным. Не включенные в окончательный надел части временного надела или пользования должны быть возвращаемы во владение киргизских волостей, у которых эти земли были взяты, за ненужностью для того государственного назначения, которое имелось в виду, и по причине крайней недостаточности у кочевого населения земель.

Порядок внутреннего владения и пользования отведенными сельским обществам во временный надел землями должен быть, на общем основании, определен соглашением членов обществ и существующими обычаями, вообще же разрешение всяких споров и установление правил пользования общественной землею должно быть предоставлено решению сельского схода. По получению владенных записей сельские общества приобретают полное право пользоваться и распоряжаться землями по своему усмотрению, с применением правил, установленных ст. 15 и 16 Положения о государственных крестьянах, причем могут приобрести свои наделы в полную собственность и освободиться от уплаты оброчной подати на основании ст. 24 и 25 того же Положения, внеся государственными процентными бумагами капитал, проценты с коего равнялись бы оброчной подати.

В остальных трех статьях проекта «Правил» признано полезным пояснить, что 1) все лица, причисленные к сельским обществам области, не исключая туземцев - сартов, таранчей и дунган, пользуются правами личными, по состоянию и по имуществу крестьян (ст. 21-39 Общего положения о крестьянах, т. IX изд. 1876 г.); 2) что увольнение из сельских обществ и прием в оные новых членов производятся применительно к ст. 130-147 Общего положения о крестьянах, с тем изменением, что вместо Казенной Палаты причисление и отчисление производится Областным Правлением, которое сообщает Туркестанской Казенной Палате лишь сведения, необходимые для изменения окладов податей и сборов, и 3) что по отбывании казенных, земских и мирских повинностей все сельские поселения области подчиняются общим правилам, изложенным в ст. 164-191 Общего положения о крестьянах.

Все эти пояснения по предметам, прямо относящимся к устройству сельских поселений, необходимы для предупреждения недоразумений.

6. Устройство новых оседлых поселений

По водворении в существующих ныне казачьих и крестьянских поселениях предложенного числа душ количество душ мужского пола в казачьих поселениях будет составлять около 13000 и в крестьянских около 17000, всего до 30000 душ и обоего пола около 55000 душ, не считая тех, которые могут быть приняты обществом сверх комплекта. В таранчинских и дунганских поселениях уже состоит 28820 душ мужского

пола или около 50000 душ обоего пола. Таким образом, чисто земледельческое население области, в которой площадь ежегодного посева равняется не свыше 200000 десятин, всего составит около 105000 душ обоего пола на 550000 душ обоего пола кочевников, из коих значительная часть также нуждается в пахотных землях.

Вследствие сего устройство новых оседлых поселений должно быть на будущее время поставлено в зависимость от увеличения площади ежегодных посевов с помощью орошения земель, донныне не орошавшихся, и необходимых для этого ирригационных работ. Вообще же казалось бы необходимым, по важности затрагиваемых устройством новых поселений интересов кочевого населения области, установить испрошение на устройство новых поселений, по представлению Главного начальника края и по соглашению министров внутренних дел и государственных имуществ, а относительно казачьих поселений и Военного министра, Высочайшего соизволения через Комитет Министров. Предположения о новых поселениях должны быть делаемы по предварительном собрании необходимых сведений, по выборе мест для поселений, по снятии планов земель для них, по изучении хозяйственных условий этих земель и по соображению мер к обеспечению земельными угодьями пользующихся предположенными в надел новых поселений землями киргиз. Спешные же и не основанные на предварительном собрании необходимых сведений мероприятия по устройству новых оседлых поселений, на будущее время, легко могут повлечь за собою значительные неудобства и даже бедствия как для новых переселенцев, так и для лишаемых для них земель кочевников.

7. Обеспечение сенокосами почтовых станций

По примеру Временного положения 1868 г. следует узаконить отвод почтовым станциям вне оседлых поселений, где почтосодержатели могут быть затруднены в приобретении для почтовых лошадей сена, сенокосных угодий, из земель, ныне находящихся в пользовании станций, а при недостатке из земель киргизских, полагая, смотря по качеству сенокосов, до двух десятин на каждую содержащую по контрактам почтовую лошадь. Что касается до подножного корма, то почтосодержателям не следует делать отвода особых выгонов, во избежание стеснения киргиз, ибо они могут свободно пасти свой скот в летнее время в степи на ближайших летних кочевках (ст. 20 прилагаемого проекта).

8. Ограничения прав поземельной собственности и владения землями в области

По изложенным выше подробно причинам для возможности существования скотоводства у значительной части кочевников области, составляющих главную часть населения (84,5%) и доставляющих казне главную долю податных платежей (на 1884 г. 720557 р. 25 к. кибиточной подати и земского сбора), необходимо, по недостаточности оставшихся у кочевников зимовок, предоставить им в зимнее время пасти свои стада безвозмездно на землях оседлых поселений, коим отданы киргизские земли. В интересах оседлых жителей, дабы дать земледельцам достаточно времени для уборки хлебов и вывоза с полей соломы, клевера и сена, воспользовавшись для того первым

зимним путем, следует ограничить право зимовок киргиз на землях оседлых поселений в уездах севернее р. Или сроком с 15 декабря до 15 марта, ибо там снег выпадает и устанавливается санный дорога в течение ноября месяца, запашки же весной начинаются не ранее 15 марта; в южных уездах время свободной пастбы скота кочевников на землях оседлых поселений приходится ограничить с 15 января до 10 марта, так как здесь санный путь устанавливается часто не ранее начала января, пашни же начинаются около 10 марта.

При таковых сроках зимовки киргиз на землях оседлых поселений не могут причинить значительного вреда и неудобств для хозяйства поселян, которые будут иметь достаточно времени и возможности для окончания уборки и вывозки хлебов и трав, а равно не повредят и не воспрепятствуют озимым посевам и весенней запашке.

Взамен пользования зимовками всем жителям оседлых поселений может быть установлено право пастбы скота в степи и на летовках киргиз, что согласно со степными обычаями, доньше признающими право свободной пастбы всех скотоводов на всех землях вне зимовок.

Подати

1. Кибиточный сбор

Доставляя большую часть доходов Государственного Казначейства с населения области, кибиточный сбор, должен быть, поставлен во главе государственных податей в Семиреченской области. Степная комиссия считала в 1866 году на территории, вошедшей в 1867 г. в состав Семиреченской области, 62000 кибиток. При первой переписи в 1868 г. оказалось 104812 кибиток. Постепенно увеличиваясь при следующих трехлетних исчислениях, число кибиток на трехлетие 1880-1882 гг. возросло до 131914 кибиток, по переписи же на трехлетие 1883-1885 гг. оказалось в 137356 кибиток, причем увеличение произошло главным образом вследствие перехода в наше подданство кульджинских киргиз.

Первоначальный оклад кибиточного сбора в 2 р. 75 к. с 1882 года увеличен на 1 р. 25 к. и составил 4 р. с кибитки. Последний оклад, уже весьма нелегкий, поступает тем не менее без недоимок, но дальнейшее увеличение кибиточного сбора, по отзывам всех уездных начальников и других сведущих людей, не может быть произведено без крайнего отягощения киргиз, экономическое положение которых далеко не благоприятно вследствие падежа скота и недостатка земель для зимовок и пашен. Оклад кибиточного сбора в области на 1884 год составляет всего 549424 р.

Что касается постановлений о кибиточном сборе в Положении об управлении краем, то результаты применения проекта 1867 г. изложены в Туркестанской объяснительной записке 1881 г. достаточно подробно и основательно. Равным образом и часть проектированного в 1881 г. Положения, относящаяся до кибиточного сбора, вообще соответствует указаниям пятнадцатилетнего опыта и существу дела.

Были бы желательны, однако же, и необходимы следующие исправления Туркестанского проекта:

1. Кибиточный налог именуется до ныне кибиточным сбором. Казалось бы, нет надобности заменять это название, к которому все привыкли, другим - кибиточной податью.

2. Земледелие далеко еще не имеет в экономической жизни киргиз такого значения, чтобы существовали основания заменять кибиточный сбор для киргиз, занимающихся земледелием, оброчной податью и вообще образовать из киргиз сельские поселения. Во всей области известен только один поселок, образованный преимущественно числящимися в киргизской волости челаказаками (помесь киргиз с татарами и сартами). Обитающие в землянках и саклях этого поселка (в Чинджилинской волости Сергиопольского уезда) занимаются пашней, не покидая совсем скотоводства и нисколько не тяготясь принадлежностью к киргизской волости. Напротив, можно опасаться, что зачисление этого поселка в число сельских поселений послужило бы для жителей его сигналом возврата к кочевой жизни.

Пройдет еще много времени, прежде чем между киргизами области явятся серьезные и прочные задатки стремления к оседлой жизни. Тогда и можно будет, основательно изучив обстоятельства и условия жизни оседлых киргиз, озаботиться организацией их устройства и заменой кибиточного сбора оброчной податью. В настоящее же время трактовать об этом преждевременно, тем более, что кибиточный сбор падает не на одно скотоводство, но вообще на все промыслы киргиз, в том числе и земледелие. Несвоевременное же обложение киргиз-земледельцев оброком может повести к тому, между прочим, что казна потеряет на замене кибиточного сбора оброчной податью, ибо киргизы-земледельцы принадлежат к беднейшему классу населения и не в силах были бы вынести оброк, даже равный кибиточному сбору, который в значительной части уплачивается за них состоятельными скотоводами.

Посему ст. 321 Туркестанского проекта следовало бы исключить.

3. В ст. 323 следовало бы исключить заключительные слова: «ответствуя за скрывание кибиток, на основании ст. 328 и 329», ибо статьи эти помещены вслед за сим и ссыла на них излишня.

4. Так как списки юртовладельцев, согласно ст. 323, должны составляться аульным старшиной и выборными от 50 кибиток аула, то проверка их на волостном съезде тех же выборных от 50 есть бесполезная и лишняя формальность. Посему ст. 324 следовало бы заменить так:

«По проверке доставленных аульными старшинами списков волостной управитель представляет их уездному или участковому начальнику».

5. В ст. 325 следовало бы сказать: «участковый или уездный начальник» на том основании, что в тех уездах, где по штатам положен один участковый начальник, часть уезда по необходимости должна быть в непосредственном ведении уездного начальника, почему и именные списки не могут быть представляемы волостными управителями всегда участковому начальнику, сообразно этому и окончание ст. 325 («и за сим доставляет эти списки уездному начальнику») должно исключить, статью же 326 начать так: «Поверенные уездной администрацией именные списки юртовладельцев представляются в Областное правление» и т.д.

6. Примечание к ст. 330 следует исключить, ибо волостной управитель, присутствуя при раскладке кибиточного сбора по аулам, не может не принять участие в столь важном деле, несмотря на какие угодно запрещения. Поэтому лучше не издавать закона, который будет постоянно, бесконтрольно и безнаказанно нарушаться. Что же касается до разбирательства жалоб на неправильную раскладку по аулам уездными начальниками, то установление подобного вмешательства уездной администрации во внутреннюю раскладку податей и сборов в среде туземных волостей есть мера весьма опасная и скорее вредная, чем полезная, потому что подает повод к принесению жалоб, с замедлением производства сбора податей, русской администрации, которая в большинстве случаев окажется в полной невозможности проверить жалобу, ибо не имеет и не может иметь достаточных и верных сведений и данных о сравнительной степени благосостояния отдельных аулов. Если предоставить приносить жалобы на раскладку между аулами, то почему отнимать право таких жалоб на раскладку между юртовладельцами? Вообще лучше не затрагивать этого предмета, который трудно решить путем законодательным. Практика и обычай лучше решают такие вопросы, доказательством чего служит тот факт, что в течение 14 лет существования кибиточного сбора в Семиреченской области не известно ни одной жалобы на раскладку между аулами.

7. Сказать (ст. 332), что кибиточная подать собирается в сроки «наиболее народу удобные» не значит указать эти сроки, ибо тут умалчивается: кто же определяет - какие сроки наиболее удобны народу, каждый ли плательщик, или какие народные собрания, или туземное и русское начальство, вообще же остается неизвестным - какие сроки наиболее удобны народу. По действующему проекту 1867 г. (§ 276) определение это предоставлено было генерал-губернатору, по представлению военных губернаторов. Такое представление об утверждении двух сроков - весеннего и осеннего - и было сделано в 1868 г., но утверждение оных последовало уже в 1883 году, от Степного генерал-губернатора. Следовало бы установить именно эти сроки: для сдачи первой половины податей - весенний срок с 15 апреля до 15 июня и для сдачи второй половины - осенний с 1 октября до 1 декабря. Существовавший до 1883 года на практике один осенний срок был сопряжен со многими неудобствами и невыгодами для кочевого населения, ибо для приобретения кочевником денег приходилось непременно занимать их или продавать скот со сдачею его весной, так как торговцы за трудностью кормить скот на зиму его не покупают. Посему и так как

наиболее выгодный для народа сбыт скота бывает весной, по появлении подножного корма, когда скотопромышленники немедленно гонят купленный скот в места сбыта вне области (в Туркестан и Сибирь), весьма полезно установить сдачу первой половины податей весной по появлении подножного корма. Два срока сдачи податей полезны также и тем, что дают киргизам возможность добыть деньги заблаговременно, продажей небольшого количества скота и других продуктов их хозяйства, не требуют уплаты зараз всей подати за год, для чего кочевники большей частью вынуждены бывают с большой для себя невыгодой занимать деньги под баранов: получив во время сдачи подати 1 руб. или 1 руб. 25 коп., отдавать за эти деньги весной барана, стоящего тогда 2 р. 50 к. или 3 руб.

Поэтому ст. 332 следует изложить так:

«Кибиточный сбор собирается и сдается в казну в два срока: первая половина с 15 апреля до 15 июня и вторая с 1 октября до 1 декабря».

8. Из ст. 333 было бы полезно исключить правило о том, что действительная несостоятельность юртовладельца к платежу кибиточного сбора определяется аульным сходом. Так как раскладку делает аульный сход, то ему, конечно, известно, насколько состоятелен юртовладелец к определенному на него платежу. Определять затем вновь несостоятельность юртовладельца тому же аульному сходу явно лишняя формальность, могущая лишь повести к затяжке взноса кибиточного сбора, равно как и испрошение разрешения уездного начальника на продажу имущества недоимщика. Испрошение такого разрешения ни на чем не основано и не имеет ничего подобного в общих законах о взыскании недоимок.

Посему ст. 333 следует редактировать:

«В случае неуплаты юртовладельцем назначенной на него по раскладке суммы кибиточного сбора волостной управитель, в присутствии аульного старшины и волостных выборных того аула, производит публичную продажу имущества недоимщика» и т.д.

9. Ст. 334 следовало бы исключить, ибо право Главного начальника края ходатайствовать о рассрочке уплаты кибиточного сбора в уважительных случаях не требует законодательного установления, так как генерал-губернатор, по должности своей, имеет право и обязанность входить с ходатайствами о всех делах и предметах государственной нужды и пользы по вверенному ему краю. Помещение подобной излишней статьи может подать лишь повод обществу к излишним ходатайствам о рассрочках кибиточного сбора без действительной в том надобности.

По поводу существенных отличий Временного положения 1868 г. о кибиточном сборе, не упомянутых ни в настоящей записке, ни в Туркестанской, необходимо сказать следующее:

1. Установленное Положением 1868 года записывание аульных и волостных раскладок в шнуровые книги и выдача в получении денег квитанций, начиная с уплаты аульному, за неграмотностью огромного большинства кочевников и неимением часто в ауле ни одного грамотного для составления приговора и писания квитанций, неудобноисполнимы и составляют потому лишнюю формальность, ведущую лишь к тому, что при крайних усилиях и строгостях начальства аульные старшины, с лишними для народа на уплату писарям расходами, будут вести книгу аульных раскладок собственно на показ начальству, ибо пользоваться ею ни они, ни юртовладельцы по незнанию грамоте не могут. Посему, не устанавливая письменного составления аульных раскладок, которое и бесполезно, когда раскладка происходит на аульном сходе всех юртовладельцев и потому известна всем плательщикам, и предоставляя выдачу или невыдачу квитанций в уплате податей юртовладельцев местным обычаям и возможности, следовало бы ввиду существования при волостных управителях обязательно писарей (мулл) поместить к ст. 330 следующее примечание:

«О произведенной волостными съездами раскладке кибиточного сбора по аулам составляются за подписями или печатями и тамгами волостных выборных и аульных старшин приговора, копии которых, за печатью и подписью волостного управителя, выдаются аульным старшинам для предъявления аульным сходам».

2. Упоминание о том, что волостные и аульные не освобождены от податей (§ 185) излишне. Обложение должностных лиц на одинаковом с не служащими юртовладельцами основании уже вошло в обычай.

3. Хотя в волостях бывших Большой и Средней орды, вошедших в состав Семиреченской области, имеются потомки ханов и султанов и лиц, пожалованных потомственным дворянством, а равно есть почетные киргизы, имеющие чины, дающие личное или потомственное дворянство, но проект Положения 1867 г. не освобождал их от платежа податей, которые они и поныне вносят наравне с остальными киргизами.

По 2 п. ст. 978 Устава о податях потомки ханов Валя и Букея по прямой линии, но только одно лицо в роде каждого из сих ханов, освобождены от ясачной подати и то не безусловно, а только от платежа с известных цифр лошадей, быков и баранов. Правило это относилось исключительно до Кокчетавского и Каркаралинского округов. Во Временном положении 1868 г. льготы от кибиточного сбора и других повинностей даны уже всем потомкам Валя и Букея по прямой линии (§ 187) с добавлением (§ 186) семейств хана Ширгозы, трех султанов и киргиз, убитых и раненых в 1844 г.

Если освобождать в Семиреченской области потомков всех ханов Большой и Средней орды, а также потомков киргиз, пожалованных в потомственные дворяне и имеющих чины, дающие личное дворянство, то число кибиток, принадлежащих подобным лицам, окажется немаловажным и казна потеряет немалый доход с многих сотен и даже, весьма возможно, тысяч кибиток. Казалось бы основательным и справедливым не освобождать в Семиреченской области и на будущее время от кибиточного

сбора ни потомков ханов и султанов, ни потомственных дворян и зауряд-офицеров, ибо кибиточный сбор не есть подушная подать, от которой освобождены привилегированные сословия, и даже сбор этот неоднороден с ясачным сбором, потому что последний взимался со скота, кибиточный же сбор есть государственная подать с имущества кочевников, в чем бы оно ни заключалось, причем лишь внешним признаком для обложения принята кибитка. Этот сбор однороден с оброчной податью, взимаемой за пользование государственными землями.

4. Во всех уездах области существуют казначейство, а потому сдача податей должна быть производима не в уездные управления (параграфы 190 и 191), а в казначейства.

5. Установленная § 194 Временного положения (§ 277 проекта 1867 г.) выдача волостным выборным 10% кибиточного сбора в вознаграждение за исчисление кибиток в Туркестанском крае прекращена с 1871 г. по дознанной ее бесполезности к достижению предположенной цели. Точное исчисление кибиток достигается на практике составлением именных списков юртовладельцев и постоянною, в особенности же при пересчете на новые трехлетия, проверкою этих списков уездными начальниками.

Посему отнюдь не следует восстанавливать выдачу процентов волостным выборным и лишней для сего расход казны: при нынешнем размере кибиточного сбора около 35000 руб. ежегодно.

II. Оброчная подать

Налоги на землю, за предстоящей и в остальных местностях империи отменой подушной подати, должны быть единственным видом прямого обложения земледельческого сельского населения в области. Так как казачье сословие освобождено от всяких податей, кочевники же обложены кибиточным сбором, падающим на скотоводство и земледелие киргиз, то поземельная подать может быть изымаема только с сельских поселений, как русских, так и туземных (таранчинских и дунганских). Получая в надел земли государственные, последние должны быть обложены, подобно государственным крестьянам, оброчной податью. За отсутствием в области поземельной собственности введение, независимо от оброчной подати, государственного налога, как проектируется в Туркестане, было бы излишним усложнением податной системы, ибо государственный поземельный налог взимался бы лишь с земель, обложенных оброчной податью, и составлял бы только добавку к ней.

Размер оброчной подати во внутренних губерниях, бывшей сначала подушным сбором и переложенной впоследствии на землю по большей части в том же размере, не может служить руководством для обложения земель сельских поселений в Семиреченской области, так как подушного оброчного сбора здесь не существовало. Определение оброчной подати в точной соразмерности с доходностью земли

потребовало бы, во-первых, многолетних дорогостоящих работ для определения доходности земель, которая подвержена постоянным изменениям, и, во-вторых, принятия более или менее произвольной части (процента) валового или чистого дохода за норму обложения. Оба эти обстоятельства поставляют в необходимость отказаться от достижения строгой соразмерности оброчной подати с доходностью земель и прибегнуть к другим способам определения размера оброчной подати, стараясь, однако, сообразовать оную с доходностью земель по возможности.

Для сего могут служить следующие данные и соображения:

1) Средний урожай с десятины и главного рода посевов - пшеницы (за которой следуют овес, ячмень, рожь и просо) - составляет около сам $1\frac{1}{2}$ и дает средний валовой доход около 50 руб.¹. Цифры эти, взятые из статистических сведений по области, близки к истине, потому что, если, с одной стороны, урожайность показана менее действительной (которая вообще составляет около сам 10), то, с другой стороны, цены хлеба взяты из справочных, которые выше настоящих цен.

2) Стоимость семян составляет в среднем около 6 руб. на десятину обработки и посева - 8 руб., полива и охраны от потравы - 6 руб., уборки и продажи - 15 руб., всего 35 руб., следовательно, чистый доход равняется около 15 руб. с десятины.

3) Так как обрабатывается на душу средним числом от одной до трех десятин² и так как остальные земли душевого надела, находящиеся под залежами и сенокосами, приносят доход незначительный и служат главным образом для скотоводства и общественных надобностей, то для оценки чистого дохода с душевого надела в 10 десятин следует принимать в основание лишь чистый доход с одной обрабатываемой десятины, т.е. полагать равным 15 руб. на 10 десятин или 1 р. 50 к. на каждую десятину. Действительный средний ежегодный посев составляет 2 десятины на душу, но при первоначальном определении размера оброчной подати следует принять в расчет лишь одну десятину, как во избежание могущих быть ошибок в исчислении доходности, которые отразились бы чрезмерной нормой оброка, так и по тому соображению, что половина посева состоит из ячменя и овса, дающих меньший чистый доход, чем пшеница, и идущих в значительной части на корм рабочего скота. Сверх того, главное, валовой доход определен по средним ценам, тогда как действительные цены в иные годы понижаются наполовину и тогда доходность уменьшается почти вдвое.

4) Обыкновенный процент на капитал (деньгами или продуктом), выручаемый всякими промышленными предприятиями в области, вследствие недостаточности

¹ Данные для этого вывода относительно казачьих земель приведены в пятой главе этой записки.

² В 1883 г. на крестьянских землях находилось под посевами, по имеющимся приблизительным данным, около 23000 десятин (на душу около $2\frac{1}{2}$ десятины). У таранчей и дунган посевы составляли около 20000 десятин, менее 1 десятины на душу, что объясняется их переселением в наши пределы лишь в 1882 и 1883 гг. На казачьих землях посевы составили около 35000 десятин, причем должно иметь в виду, что на нанимаемых у казаков землях пашет много мещан и киргиз. На киргизских землях посевы составляли от 70000 до 80000 десятин.

капиталов, малолюдности и экономической неразвитости края составляет от 12 до 120 в год на 100, смотря по риску предприятия. Средним можно считать 24% для земледельческого промысла.

5) Сообразно сему, дабы земледелие на поселенческих землях, облагаемых налогом, не было невыгодно сравнительно с другими промыслами, необходимо, чтобы налоги, падающие на поселенческие земли, не превышали такого размера, который оставлял бы поселянам не менее 24% расхода на обработку земли, т.е. при стоимости обработки на одну десятину душевого надела 3 р. 50 к. оставлял земледельцам не менее 84 к. на десятину.

6) Следовательно, высшим пределом обложения одной десятины душевого надела следует почитать 66 к.

7) На счет этих 66 к. десятины должны быть обращены не только казенные и земские платежи, но и общественные - мирские сборы и повинности, ибо земледелие составляет главный, почти исключительный промысел населения сельских поселений, а потому земля должна нести все падающие на земледельцев платежи.

8) На долю общественных или мирских сборов и повинностей должно быть отнесено из означенной суммы не менее 26 коп., ибо общественные расходы и повинности многочисленны и недешевы: содержание сельского и волостного управления, сельских школ, церковных причтов, отправление повинности дорожной, отбывание обывательской гоньбы, устройство и содержание арыков и т.д.

9) Из остающихся 40 к. часть должна идти в областной земский сбор, остаток же должен составлять оброчную подать. Придерживаясь отношения, существующего между кибиточным и земским сбором с киргиз, как будет изложено в VII главе, земский сбор может быть определен в 10 к. и оброчная подать в 30 к. с десятины.

Независимо от вышеприведенных данных и расчетов, основанных на имеющихся сведениях, но, во всяком случае, лишь приблизительных, можно привести в оправдание предлагаемого размера оброчной подати следующее:

1) Оброчная подать в 3 р. на душу или 30 к. с десятины менее подушной и оброчной подати государственных крестьян внутренних губерний, платящих в восточных губерниях более 5 р. с души, хотя надел менее и качество земли вообще хуже.

2) Земли горного ведомства Алтайского горного округа отдаются местным крестьянским обществам в аренду по 40 к. за десятину в год.

3) Арендная плата казачьих земель в разных местностях области составляет от 25 к. до 4 р. за десятину, смотря по качествам земли, близости к городам, обилию орошения и по другим обстоятельствам.

4) Таранчи и дунгане в Кульджинском районе под нашим управлением платили посемейной подати и земского сбора 5 р. с двора, причем на двор приходилось около 2У г души. Этот двор при полном наделе по 10 десятин на душу должен будет платить 10 р. Хотя подать с кульджинских переселенцев при полном наделе увеличится вдвое, но, довольствуясь на прежнем месте жительства небольшим земельным наделом, таранчи и дунгане могут и здесь отказаться от полного надела и получить надел, напр., в 5 десятин на душу, при котором податные платежи будут равняться прежним. При китайском владычестве таранчи платили 30 хо (хо - 31/2 пуда) пшеницы с двора, что при цене хо в 30 к. соответствовало 10 р. 50 к. с двора.

Вообще оброчная подать в 30 к. с 10 к. земского сбора на 1 десятину надела представляется платежом нелегким, ибо потребует при полном 10-десятинном наделе платежа с двора, полагая 2½ души на семью или двор, 10 р., но таковы оклады не могут быть признаны, ввиду урожайности почвы и достаточных цен на хлебные продукты, слишком высокими. Во всяком случае, эти нормы оброчной подати и земского сбора с земель сельских поселений весьма соответственны платежным силам сельского населения в виде первого опыта и могут быть без всяких опасений введены на первые десять лет. Последующие затем изменения оклада оброчной подати должны быть производимы не иначе, как законодательным порядком (ст. 23 Положения государственных крестьян), по собрании необходимых данных, когда определяющие размер поземельных сборов условия и обстоятельства выяснятся с большею точностью, чем ныне, за недавним образованием в области земледельческих поселений податных сословий.

По наличному числу душ в крестьянских поселениях (9961) оброчная подать с них составит 29883 р. и земский сбор 9961 р. С таранчей и дунган, полагая, что они предпочтут половинный надел, оброчной подати должно поступить ежегодно, по числу 28820 душ, 43230 р. и земского сбора 14410 р. Всего оброчная подать составит около 73113 р. и земский сбор 24371 р., следовательно, поземельные налоги с земледельческого населения области дадут около 100000 р. ежегодно.

Что касается до способа взимания определенного размера поземельных податей, то, конечно, в Семиреченской области, как везде, урожайность, качества почвы и вообще условия обработки земли не одинаковы, ибо почва и местные условия разнообразны, тем не менее, выгодность обработки земли не представляет больших отклонений от средней нормы: если урожай в некоторых местностях немного ниже среднего, то доходность земледелия остается та же по причине более высоких цен на хлеб. Если состав почвы разнообразен от супеска, суглинка и леса до чернозема (в горных долинах), то вместе с тем, однако, вообще все земли области почти девственны, не истощены и одинаково еще не требуют искусственного удобрения. Цены на хлебные продукты вообще стремятся к повышению, а не к понижению, вследствие возможности большего и легкого сбыта, во-первых, для войск и населения городов, которое значительно умножается; во-вторых, в Аулие-ата и Ташкент; в-

третьих, как местным киргизам, так особенно кочевникам смежных уездов Акмоллинской и Семипалатинской областей, которые мало сеют хлеба и закупают оный в Семиречье; в-четвертых, в Кульджу и Чугулак. В 1882-1883 гг. цены на хлеб в Кульдже, вследствие ухода земледельцев-таранчей в наши пределы, одновременно с прибытием значительного числа киргизских войск, возросли до чрезмерной величины (до 3 и 4 р. за пуд) и вывоз хлеба дошел из наших соседних с Кульджою уездов до таких размеров, что можно было опасаться недостатка хлеба по чрезмерности вывоза. Это вызвало запрещение вывоза хлеба, продолжавшееся и в 1883 г., ибо обстоятельства не изменились и потребность в хлебе в Кульдже осталась прежняя, так что лучший урожай в области сравнительно с 1882 г. не воспрепятствовал бы чрезвычайному поднятию цен, что и начинало обнаруживаться осенью 1883 г.

Ввиду почти одинаковой доходности земледелия на всем пространстве области и умеренности размера оброчной подати в 30 к. с десятины подать эта может быть взимаема с сельских обществ сообразно количеству земли, входящей в состав надела каждого общества, без распределения наделов на группы по доходности и без уравнительной разверстки общей суммы оброчной подати, как это установлено относительно оброчной подати с государственных крестьян в некоторых губерниях (ст. 20-22 и приложение к ст. 22 Положения государственных крестьян).

Таким образом, оброчная подать может быть взимаема с сельских обществ, по получении ими окончательного надела, соответственно количеству вошедшей в состав надела удобной земли. С обществ, которым окончательного надела не произведено, оброчная подать должна взиматься по числу душ мужского пола (ревизских и не ревизских), зачисленных в поселение, если же количество земли, находящейся во временном наделе, а при отсутствии такового в пользовании общества, менее причитающегося в полный душевой надел, то по количеству действительно находящейся во временном наделе или в пользовании общества земли.

Неудобными землями должны быть почитаемы: занятые дорогами (ст. 529 Устава о путях сообщений), улицами, кладбищами, водами (озерами, реками и арыками), крутизнами оврагов и горных ущелий, а также пространства естественно бесплодные: лишенные растительности пески, солонцы, каменистые утесы и земли, покрытые таким слоем сплошного камня или гальки, что обработка оных невозможна. В число неудобных земель не помещены болота и низменности, занятые камышами, ибо оные служат по местным условиям пастбищами для скота, камыши же доставляют сено и ценный материал для топлива и разных хозяйственных употреблений (на крыши и т.п.).

Так как отводы и наделы земель должны быть производимы не отдельным лицам, а сельским обществам, то взимание оброчной подати и земского сбора должно быть производимо с обществ (ст. 23 Уст. о подат.), разверстка же общей суммы, причитающейся на общество, должна быть производима между поселянами на общем основании (ст. 169 Общего положения о крестьянах) миром, сельским сходом, что вполне соответствует и форме землевладения, которое как в крестьянских, так и в

туземных поселениях есть общинное. Раскладка поземельных сборов самими обществами необходима и для уравниения платежей, как соразмерно количеству находящейся в пользовании отдельных членов общества земли, так и ее качеству, ибо в пределах надела каждого селения разнообразие в качествах почвы и урожайности может быть весьма значительно, находясь в зависимости, между прочим, и от условий орошения.

От кругового ручательства (ст. 23 и 521 Уст. о податях) и общественной разверстки, однако, должны быть, по применению к дополнению 3 к ст. 521 Уст. о податях по продолж. 1876 г., освобождены малые селения (при пикетах и почтовых станциях), где число душ менее 40. Впрочем, об этом исключении нет надобности упоминать особо, если в правилах об оброчной подати выразить, что она взимается вообще на основании правил об оброчной подати с государственных крестьян с теми лишь изменениями, какие указаны в местном Положении.

На этом же основании нет необходимости упоминать, что оброчная подать должна быть вносима до 1 января следующего за окладным года без льготного срока, переходящего в следующий год, ибо льготный срок причинял бы лишь образование недоимок, так как правило это содержится в прилож. к ст. 168 примеч. Общего положения о крестьянах по продолжению 1879 г.

Постановления о порядке взыскания недоимок равным образом должны быть применяемы общие (ст. 591 Уст. о податях по продолж. 1876 г.).

На общем же основании сбор оброчной подати должен производиться по окладным листам, рассылаемым Казенною Палатою через уездных начальников, по учинении обществами раскладки, сельскими старостами или сборщиками, по податным тетрадам, под квитанцию в платежных книжках, равно как на тех же общих правилах следует производить сдачу податей в казначейства, а также установить надзор и попечение о бездоимочном поступлении податей со стороны волостных и уездных управлений (ст. 23-121 Устава о податях).

В установлении особых форм податных тетрадей и квитанций (взамен платежных книжек) в Семиреченской области нет надобности, ибо вполне удовлетворительны общеустановленные (прилож. к ст. 49 Устава о податях). Сдачу податей в волостные правления, вместо непосредственной сдачи оной в казначейства (как предположено ст. 307 Туркестанского проекта), устанавливать нет надобности, ибо это ведет лишь к усложнению счетов и возможности растрат податных денег в волостных правлениях. Личная поездка в уездный город для сдачи платежей или отправка оных с благонадежными доверенными, раза два-три в год, не составит особого обременения сельским старостам или сборщикам, подобно тому, как и ныне киргизские аульные старшины и даже выборные от 50 лично и поголовно приезжают в уездные города для сдачи кибиточной подати, хотя делают это по установившемуся обычаю и удобствам и могли бы сдавать подать (§ 274 проекта 1867 г.) волостному управителю в волости.

Снабжение сборщиков податей, для сдачи податей в казначейство, платежными объявлениями, по неграмотности сельских властей и частью по незнанию русского языка, могло бы удобнее производиться уездными управлениями, но установление сего облегчения может быть выполнено административным распоряжением и не требует законодательного постановления.

Рассрочка уплаты оброчной подати, в случае каких-либо чрезвычайных бедствий (напр., наводнений, упадка скота, уничтожения хлебов саранчой и т.д.) должна быть испрашиваема на общем основании и в местных изъятиях из общего порядка надобности не имеется.

III. Налог с недвижимых имуществ в городах

По недавнему учреждению городов области введение налога с недвижимых имуществ в оных не обещает значительного дохода казне.

Тем не менее, к применению сего налога на общем основании не может быть в городах области, имеющих совершенно русский характер и вообще преобладающее русское население, никаких препятствий.

Собранные в 1883 году, в видах введения налога с недвижимых имуществ, сведения представляют следующие данные.

В областном городе Верном, где применено с 1877 г. Городовое положение и взимается в пользу города оценочный сбор с недвижимых имуществ, стоимость частных недвижимых имуществ, принадлежащих 1143 лицам, определена для взимания оценочного сбора, всего в 1024335 р.

В г. Копале стоимость 305 недвижимых имуществ, подлежащих налогу, определена оценкой в 54111 р.

В г. Пишпеке 177 недвижимых имуществ оценены всего в 121205 р.

В г. Караколе 622 недвижимых имущества имеют стоимость в 192173 р.

Город Джаркент основан лишь в 1882 г., а в г. Лепсинске постройки начали возводиться только в 1883 г.

Всего в четырех городах области стоимость недвижимых имуществ, подлежащих налогу, согласно ст. 2 приложения к ст. 2 (п. 3) Уст. о податях, составляет 1391824 руб., с добавлением же городов Джаркента и Лепсинска в 1884 г. достигнет 1500000 р.

Что касается до необходимых по местным условиям изменений общего Положения о налоге с недвижимых имуществ в городах, то оные должны бы заключаться в следующем:

1) Распределение сумм налога, назначенных на область, между городами оной могло бы быть производимо за отсутствием земских учреждений и распорядительного

комитета, Областным присутствием по городским делам, состав коего обозначивает беспристрастие распределения и, благодаря, между прочим, участию городского головы областного города, обладание сведениями о состоянии отдельных городов области. В случае производства раскладки между городами Областным присутствием по городским делам устранилось бы представление сей раскладки на утверждение (примеч. 2 к ст. 5), которое впрочем и при возложении раскладки на Областное правление не следовало бы устанавливать, ибо Главное управление Западной Сибири упразднено, представление же на единоличное утверждение Главного начальника края, замедлив раскладку, едва ли может считаться полезным и необходимым.

2) В случае введения предполагаемого во второй главе настоящей записки Городового управления раскладка налога в каждом городе должна быть производима, согласно 2 примечания к ст. 9, городскими думами или по их поручению городскими управами и особыми комиссиями.

Этим могли бы ограничиться все местные особенности применения налога с недвижимых имуществ в городах Семиреченской области.

Подлинное подписали: Военный губернатор Семиреченской области Генерального Штаба генерал-майор Фриде, председатель Семиреченского областного правления Н. Аристов, и. д. начальника Отделения инженерных войск подполковник Корольков, и. д. начальника Верненского уезда артиллерии, подполковник Изразцов, верненский уездный судья коллежский асессор Н. Михайлов, начальник Отделения А. Вишневский и начальник Отделения И. Селицкий.

Верно: председатель Н. Аристов

ЦГВИА. Фонд 400Аз.

Опись 1868. Ед. хр. 6а

ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАН В VII СТОЛЕТИИ, ПО ОПИСАНИЮ КИТАЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Сведения наши о Западном Туркестане в домусульманскую эпоху весьма скудны и заключались еще недавно в немногих и смутных известиях греческих и римских писателей и географов. Ознакомление с обширной исторической литературой китайцев уже осветило отчасти самую темную часть истории страны бассейнов Аральского моря и озера Балхаша, со II столетия до Р.Х. до VIII века после Р.Х.; но собиравшиеся официальным путем посольств и дипломатических сношений известия китайских летописей отличаются чрезвычайной краткостью, ограничиваются по большей части перечнем посольств и военных действий и упускают почти всю бытовую сторону жизни тех стран и народов, которые не находились с Китаем в самых тесных отношениях. Весьма поэтому интересны и ценны известия о путешествии по Западному Туркестану знаменитейшего из китайско-буддийских пилигримов Сюань-Цзана, совершенном им в 629-646 гг., за четверть века до первого нашествия арабов. Сюань-Цзан проехал Западным Туркестаном в передний свой путь в Индию, откуда возвратился через верховья Окса и Памир, минуя Тяньшань. Сведения, собранные Сюань-Цзаном, сохранились главным образом в двух сочинениях, переведенных на французский язык известным синологом Станиславом Жюльеном: первое - Датхань си-ай-цзи, т.е. «Записки о западных странах времени Тханской династии», издано под заглавием: *Memoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois en l'an 648, par Hiouen-Thsang* (Paris, 1857-1858); второе - Сюань цзан чуань, т.е. история (биография) Сюань-Цзана, появилось под названием: *Histoire de la vie de Hiouen-Thsang et de ses voyages dans l'Inde* (Paris, 1853). По этим- то двум источникам, дополняя и поясняя их из китайских летописей, главным образом по переведенному о. Иакинфом Бичуриным китайскому сборнику Вай-го-джуань¹, я изложу здесь заметки Сюань-Цзана о Западном Туркестане.

I

Путь Сюань-Цзана по Западному Туркестану, согласно его запискам и биографии

Переезд через Тянь-шань. - Озеро Цинь-чжи. - Город на р. Суйе. - Тысяча источников. - Город Талас. - Китайский городок. - Город Байшуй. - Владение Нучиянь. - Владение Дже-ши. - Река Ее. - Владение Самогянь. - Владение Тешуанна. - Владение Тухоло. - Железные ворота. - Владение Хуо. - Владение Бохоло. - Выезд из пределов Западного Туркестана.

¹ Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, Спб. 1851 г., три части. Путешествие Сюань-Цзана изложено в *Memoires sur les contrées occidentales*, на страницах 11-35 тома первого и в *Histoire de la vie de Hiouen-Thsang* на стр. 53-69. Всех этих книг теперь в продаже нет. Отсутствуют они и в Туркестанском сборнике г. Межов (?).

В путешествие свое Сюань-Цзан отправился в 629 г. через Лянь-чжеу, Гуа-чжеу, Иву (ныне Хами), Гаочан (Ничан Турфан), Анзини (Карашар), Куча и Балущя (древнее Гумо, находившееся к юго-востоку от нынешнего г. Аксу)¹.

Из Болуга², сделав триста ли на северо-запад, Сюань-Цзан перешел через каменистую пустыню и прибыл к горе Линь-шань (ледяная гора), расположенной на севере от гор Цунь-лин. Вершина этой горы возвышается до небес. От начала мира снега здесь скоплялись и обратились в ледяные глыбы, которые не уничтожаются, потому что, растаивая временами, они вскоре возобновляются. Твердые и блестящие ледяные покровы распространяются без конца и сливаются с облаками. Дороги здесь трудны и опасны, особенно через ледяные пики, из которых одни возвышаются до ста футов, другие имеют несколько десятков футов протяжения. Порывы сильного ветра и снежные вихри ежеминутны, так что, несмотря на двойные башмаки и меховое платье, нельзя не содрогаться от холода. Путешественник сверх того часто подвергается свирепости драконов. За отсутствием сухого места приходится подвешивать котел, чтобы приготовить пищу, а для сна - постилать рогожи (циновки) на льду. Не следует здесь надевать красной одежды, иметь тыквенные сосуды и кричать, если этого не соблюдено, неизбежны величайшие несчастья: внезапно начинающийся сильный ветер поднимает вихри песку и производит каменный дождь.

На седьмой день путешественник окончил переход чрез Линь-шань. Тринадцать или четырнадцать из его спутников умерли от холода и голода; число погибших быков и лошадей было еще больше. Спустившись с гор, по которым путь равнялся четыремстам ли, Сюань-Цзан прибыл к большому озеру, называемому Цзинь-чжи (Thsing-tchi). Озеро это имеет в окружности от 1400 до 1500 ли³. Оно простирается с востока на запад и сужено с юга на север. Со всех сторон оно окружено горами и принимает в себя множество речек. Цвет его воды зеленовато-черный, а вкус одновременно соленый и горький. В водах его рыбы и драконы живут вместе и время от времени из недр его показываются необыкновенные чудовища. Хотя обитатели озера весьма многочисленны, но никто не осмеливается их ловить.

¹ Путь по Восточному Туркестану изложен в дополнениях к Риттеру Н.В. Григорьева (выпуск II, Спб., 1873 г., стр. 12-138).

² Так <...> из истории династии Тхан (Собрание сведений, II, стр. 223). Привожу отсюда места, которые, видимо, составляют краткое извлечение из описания путешествия Сюань-Цзана: «на запад (от Болуга), за каменистой степью, лежат горы Линь-шань. Это северная пустыня Луковых гор. Реки текут на восток. В горных долинах весною и летом лежат снега. Через 500 ли на северо-запад есть город при р. Суе. В нем торговцы и кочевые смешанно живут. От Суе на запад находится еще несколько десятков городов, которые поставляют у себя владельцев и состоят под зависимостью дулгасцев. От города при р. Суе до владения Гэмуанна одеваются в суконное и меховое платье, а голову обвивают шелковой тканью (чалмы - полагает о. Иакинф). В 400 ли от г. Суе на запад лежит страна, называемая Тысяча ключей. Через 200 с небольшим ли лежат южные снеговые горы; на их отлогостях с трех сторон находится множество ключей и озер, отчего и страна получила название Тысяча ключей. Дулгаский хан ежегодно удаляется сюда от летних жаров. Стада оленей окружают это место. Их можно делать ручными. Далее, через сто с небольшим ли, лежит г. Гюйлосы, в котором также вместе живут и торговые, и кочевые. Малых городов считается до 300; они населены китайцами, которых дулгасцы увели в плен. Пленники еще говорят китайским языком. Через 200 с небольшим ли на юго-запад лежит город при Белой реке. Земля ровная и тучная. Через 50 ли на юг лежит владение Нучилян, содержащее около 1000 ли пространства. Земля плодородная, удобная для хлебопашества. Здесь много винограда. Отселе еще 200 ли до владения Ши».

³ По «Биографии», в «Записках» же - «около 1000 ли».

Сюань-Цзан ехал по берегам этого озера в направлении на северо-запад и, сделав около пятисот ли, прибыл в г. Суше (Souhe' по «Биографии», по «Запискам» же прибыл в город реки Суйе - Sou-ye). Этот город имеет от шести до семи ли в окружности; это - место для встречи торговцев разных владений. Почва здесь благоприятна для красного проса, для пшеницы и для винограда; лесные деревья редки. Так как климат холоден и так как здесь господствует леденящий ветер, то жители носят одежды из войлоков (de laine feutree). На запад от Суйе есть несколько десятков отдельных городов. В каждом городе есть свой начальник, не зависящий от других, но все они подчинены тугьюсцам (туркам).

Следуя от р. Суйе на запад около четырехсот ли, путешественник достиг Бинг-юй (Ping-yu) - по-китайски тысяча источников (Thisien-thsiouen): эта страна имеет около ста (по «Запискам» двести) ли в длину и ширину и наполнена множеством озер и прудов (d'etangs); много также деревьев, замечательных, как по высоте своей, так и по богатству листвы. С юга местность эта ограничена снежными горами, а с остальных трех сторон к ней прилегают равнины. В последнем месяце весны самые разнообразные цветы украшают здесь землю, как богатый ковер. Благодаря большой влажности здесь господствует приятная прохлада, почему хан тугьюсцев ежегодно в жаркое время лета удаляется сюда. Тут водится множество оленей, украшенных колокольчиками и ошейниками. Они приручены и не бегают от людей. Хан их любит и с удовольствием смотрит на них. Он издал повеление, воспрещающее убивать этих оленей под страхом смерти.

Сделавши от 140 до 150 ли на запад от Бин-юй, Сюань-Цзан прибыл в город Талас (Talo-sse), имеющий от восьми до девяти ли в окружности. Тут обитают вместе торговцы разных стран. Произведения почвы и климат походят на такие же г. Суйе. В десяти ли на юг путешественник встретил особый городок, заселенный уроженцами Китая, в числе около трехсот семейств. Они некогда были уведены в плен тугьюсцами, а потом собрались здесь, вскоре приняли одежду и вкусы тугьюсцев, но сохранили язык и обычаи своего отечества¹. Через двести ли дальше, на юго-запад, Сюань-Цзан прибыл в город Бай-шуй (Рй-choi), или Белая вода. Этот город имел от шести до семи ли в окружности. Произведения почвы и климат много <...> на таласские. Отсюда, сделав около двухсот ли на юго-запад, он прибыл в г. Гунь-юй (Kongyu), имеющий пять или шесть ли в окружности; поля здесь тучные и плодородные; виноградники и леса отличаются великолепной растительностью. Отсюда он сделал сорок или пятьдесят ли на юг и прибыл во владение Нучилян (Nou-tchi-kien), имеющее около тысячи ли в окружности. Земля плодородна и дает богатые жатвы; растения и деревья отличаются силою растительности, цветы и плоды получают в изобилии. Собирается много винограда, который весьма славится. Тут существует около сотни городов, имеющих каждый особого начальника, которые совершенно независимы один от другого. Хотя земли их отграничены друг от друга, но всем им вообще дают общее имя Нучилян. Все они подвластны тугьюсцам. Сделав

¹ Эти сведения о китайском городе находятся только в «Записках». У о. Иакинфа или его источника триста семейств обратились в триста городов, населенных китайцами. Северные соседи Китая, вторгаясь в Китай, захватывали в плен и уводили в рабство десятки и сотни тысяч китайцев. Так, в одном 630 г. выкуплено было у тугьюсцев, особо для сего отправленными послами, 80000 китайцев (см. Documents sur les Tau-Kioue, Ст. Жюльена в Journal Asiatique, 1864, tome IV, p. 231).

отсюда около 200 ли на запад, он прибыл во владение Чже-ши (Tche-chi), имеющее около 1000 ли в окружности. На западе оно прилегает к реке Ее (Це, а по «Биографии» Це-Це или Che-che). Река эта течет с северной выси Цун-лина и направляется на северо-запад. Река эта то медленно катит свои мутные воды, то бурлит с шумом и силою. Владение Чже-ши в отношении произведений почвы и климата сходно с Нучилян; в нем несколько десятков больших и малых городов, из которых каждый имеет особого старшину и все подчиняются тугьюсам.

Дальше на северо-запад простирается великая пустыня, где нет ни воды, ни травы. Едут, руководствуясь кучами костей, которые встречаются время от времени¹. Сделавши таким образом 500 ли, прибывают во владение Самогян (Samokien), которое имеет от 1600 до 1700 ли в окружности. Оно защищено естественными препятствиями и обладает многочисленным населением. Самые драгоценные произведения иноземных стран собраны здесь в значительном количестве. Почва тучна и плодородна и дает обильные жатвы. Лесные деревья растут роскошно, а цветы и плоды получают в изобилии. Страна эта производит много прекрасных лошадей. Жители ее отличаются великим умением в искусствах и ремеслах. Климат приятный и умеренный; нравы внушают силу и храбрость. Владение это составляет средоточие варварских стран. В отношении всего, что касается нравственного поведения и правил приличия, народы соседние и далекие принимают это владение за образец. Владелец преисполнен мужества и соседние владения повинуются его приказаниям. У него сильное <...>. Большая часть его солдат принадлежит к племени чже-ге (Tche-kie). Эти чже-ге храбры и воинственны от природы и встречают смерть с радостью. В сражениях никто не может против них устоять².

Из Самогяни, через триста ли на юго-запад, Сюань-Цзан прибыл во владение Гешуанна (Kieshoang-na), имеющее от 1400 до 1500 ли в окружности. Произведения почвы и нравы сходны с самогянскими. Отсюда путешественник, сделав около 200 ли на юго-запад, вступил в горы и проследовал по очень трудным и опасным горным тропинкам, по бесплодным и безлюдным местам, 300 ли на юго-восток, до Железных ворот. Так называют ущелье, образуемое двумя параллельными горами, поднимающимися справа и слева на изумительную высоту. Горы эти разделяются очень узкой тропинкой, идущей часто по краям пропастей. Громадные каменные стены, образуемые с двух сторон горами, цветом походят на железо (по «Биографии» в скалах этих содержится железная руда). Здесь устроены двухстворчатые ворота, скрепленные железом. На створках повешено множество железных колокольчиков. По трудности пути и легкой возможности защиты этого горного прохода, ему дано название Железных ворот, которое оно и ныне носит. Выйдя из Железных ворот, Сюань-Цзан вступил в пределы владения Тухоло (Tou-ho-lo). Территория этого владения имеет в окружности 1000 ли от юга к северу и 3000 ли от востока на запад. На востоке оно ограничено горами Цун-лин, на западе примыкает к Персии, на юге прилегает к большим снежным горам и на севере опирается на Железные

¹ Это же, по-видимому, место приводится у о. Иакинфа (Собрание сведений и пр., III, стр. 2)

² В описании владения Буха (Бухара) по истории династии Тхан (Собрание сведений и пр., III, стр. 240) говорится: «мужественные и крепкие берутся из чжегэ, а чжегэ в переводе на язык Срединного государства значит - строевой ратник». Отсюда ясно, что чжегэ есть не что иное, как джигиты.

ворота. Великая река Бо-чжу (Po-theou, т.е. Вахш или Оксус) протекает посредине, направляясь на запад. Уже многие столетия царский дом этой страны прекратился. Могущественные вожди, после продолжительной вооруженной борьбы, присвоили себе титулы владетелей и, почитая себя защищенными реками и естественными препятствиями, разделили царство Тухоло на двадцать семь отдельных владений. Хотя владения эти разграничены и независимы одно от другого, но все они подчиняются тугьюсам. Так как температура здесь постоянно теплая и влажная, то очень часты эпидемии. В конце зимы и в начале весны идут постоянные дожди.

От Железных ворот, сделавши многие сотни ли и переправясь через р. Fotsou (Oxus), Сюань-Цзан прибыл во владение Хуо (Ноио), а отсюда отправился в Фохоло (Fo-ko-lo, иначе Po-lo и Po-ko-lo). Последнее с востока на запад простирается на 800 ли, а с юга на север - на 400 ли. С северной стороны оно доходит до р. Бо-цзу. Столица в окружности имеет около 20 ли. Все ее называют Малым царским городом. Хотя этот город хорошо укреплен, но жителей в нем мало. Произведения почвы чрезвычайно разнообразны и было бы затруднительно исчислить все цветы, которые растут в воде и на земле. Путешественник посетил город и предместья, расположенные на великолепной площади. Соседние долины и равнины замечательны по редкому плодородию; поистине это привилегированная страна.

Оставив По-ко-ло, Сюань-Цзан направился на юг во владение Гечжи (Kie-tchi), на юго-восток от него вступил в большие горы и, сделав 600 ли, вышел из пределов Тухоло и прибыл во владение Фань-яна (Fan-yeu-na, т.е. Бамиан).

II

Приурочение маршрута Сюань-Цзана к местностям настоящего времени

Перевал Бедель. - Озеро Иссык-куль. - Сюе соответствует р. Чу. - Бин-юй есть верховья р. Таласа. - Г. Талас = Аулие-ата. - Ваймуй — реке Аксу. - Нучилинь — округу Сайрам. - Гунь-юй есть Отрар. - Чже-и-и — Ташкент. - Самогянь = Самарканд. - Ми - Шехризбз. - <...> ходилось в районе нынешнего Кундуза. — Тухоло - Тохаристан.

По точности описания пути Сюань-Цзана и благодаря указанным им приблизительно расстояниям, приурочение его маршрута вообще не представляет затруднений. Через Тянь-шань прошел он, без сомнения, как видно и из направления пути его на северо-запад от Гумо¹, перевалами Бед ель, со стороны Восточного Туркестана и Зауке или скорее Барскаун (который западнее) - со стороны Иссык-куля. Длина пути, собственно горами, по съемке штабс-капитана Сунаргулова в 1877 г., равняется от Тушкан-дарьи до сел. Сливкина, через перевал Бедель и Зауке, 200 верстам², т.е. близко к показанному

¹ Владение Гумо (времен Ханьской династии), по мнению автора Си-юй-шуй-дао-цзи (изд. в 1823 г.), находилось в низовьях р. Арбатэ или Ачахала, протекавшей между р. Аксу и пикетом (ныне селение) Караюлгун и терявшейся затем в песках (см. статью В.М. Успенского «О бассейне Лоб-нора» в VII томе Записок Р.Г. общества по отделению этнографии, 1880 г., стр. 128). Это указание на нахождение Гумо к юго-востоку от г. Аксу весьма вероятно, так как соответствует расстояниям, показанным в истории династии Старших Ханей.

² А. Куропаткин, Кашгария, Спб., 1879 г., стр. 304-310.

Сюань-Цзаном расстоянию в 400 ли¹. По заверению г. Сунаргулова, «как самый перевал (Бедель), так и места, значительно ниже его лежащие, по северному и южному склонам, бывают постоянно покрыты льдом; перевал с южной стороны освобождается от льда искусственно. Наиболее удобным временем для движения через Бедель представляется, по словам туземцев, пора после первых чисел июля, когда местности на северной стороне Беделя освобождаются от так называемого желтого снега (сары-кар), выпадающего в половине марта». Этот снег, по словам г. Сунаргулова, задержал на два месяца вышедший за перевал караван, причем погибло много лошадей, а люди, за исключением одного замерзшего, спаслись благодаря своевременной высланной с Беделя помощи². Г. Сунаргулов следовал через Бедель в начале марта и достиг сел. Сливкина в четыре перехода. Дорога от Беделя шла через лог Иштык, затем мимо истоков Нарына, на перевал Кашка-су, доступный только зимою, так как летом следовать по нему не позволяет лежащее на перевале озеро. «Спуск с перевала Кашка-су очень неудобен; массы острых камней заваливают дорогу... Глыбы льда, висящие на склонах и трещинах, окружающих дорогу, угрожают своим падением; по дороге всюду разбросаны массы раздробленного льда - следы сорвавшейся ледяной глыбы»³. Воду большей частью приходилось получать из льда. Сырт верховьев р. Нарына, лежащий между перевалами Бедель на юге и перевалом Барскаун, Зауке и пр. на севере, представляет собой громадную горную возвышенность, покрытую бесчисленными озерами; почва до того пропитана водою, что (летом) лошадь на каждом шагу проваливается в болота, состоящие из грязи и обломков скал. По рассказам киргиз, иногда круглый год здесь не сходит снег⁴. Доктор Зеланд, ехавший через Бедель в октябре 1886 г., весьма живо и, в общем, согласно с г. Сунаргуловым, описывает «неделю прозябания в каменисто-ледяных пустынях». Самый перевал Бедель представился этому путешественнику в виде стены, футов в 200 высоту. Стена эта так крута, что наклон можно считать в 42-45°. К этому следует прибавить, что почва ровная и единственный упор, который находят ноги, это - вязкий снег и выдающиеся местами камни. Самое крутое и гладкое место - последние 2-3 сажени. Хотя и на эту стену местами поднимаются зигзагами, но не везде это возможно и во всяком случае подъем этот так труден, что по временам, когда снег перемежается со льдом, он безусловно бывает недоступен без помощи сверху». К крутости и высоте подъема присоединяется редкость воздуха (13.700 ф.), от которой большинство людей чувствовало головную боль⁵.

Таким образом, и ныне, через двенадцать с половиною веков, кратчайший путь из Восточного Туркестана к оз. Иссык-Кулю представляет трудности, немногим меньшие; теперь только не так много ледников. Это произошло от общего уменьшения в Средней Азии влажности, выразившегося также высыханием множества озер и значительным сокращением объема таких бассейнов, как Ала-куль, Балхаш, Аральское и Каспийское море.

¹ Считая ли в 271 сажень, согласно указанию о. Иакинфа Бичурина в Описании Чжунгарии (СПб., 1829 г., стр. XVI, 400 ли составляют 217 верст).

² Кашгария, стр. 307.

³ Там же, стр. 310.

⁴ Материал по географии Тянь-шаня, бар. А.В. Каульбарса, в томе V Записок Р.Г.О. 1875 г., стр. 374 и 375.

⁵ Кашгария и перевалы Тянь-шаня, Н.Л. Зеланда, Омск, 1888 г., стр. 124, 187-209.

Озером Цин-чжи, очевидно, может быть только Иссык-куль, длина которого равняется 172 верстам, наибольшая ширина 56 верст, а площадь - 7346 квадратных верст; оно принимает в себя около 40 рек¹.

Кратчайший путь от выхода на Иссык-куль из Барскаунского ущелья, на северо-запад, приведет через 500 ли (271 в.) к селению Большому Токмаку на р. Чу (около 275 в.)². Только Токмак лежит непосредственно на левом берегу р. Чу; ниже левый берег р. Чу болотист, а правый имеет слишком узкую долину. Поэтому город Суше (вероятно, описка - вместо Суйе) или город на р. Суйе³ находится около нынешнего Токмака, на р. Чу.

Бин-юй или тысяча источников, местность, находящаяся по Сюань-Цзану в 400 ли от Суйе на юго-западе, не могла лежать за перевалом Куюк, как полагают некоторые ученые⁴, так как от Токмака до реки и станции Терс около 378 в. или 700 ли, а не 400, т.е. чуть не вдвое больше. Не может быть Куюк-Терс признан за Бин-юй и потому, что из Бин-юй, сделав 150 ли на запад, Сюань-Цзан прибыл в Талас, тогда как если бы Бин-юй соответствовал Куюку-Терсу, Сюань-Цзану пришлось бы ехать назад на восток почти 150 ли, чтобы попасть в Талас. Полагать должно, что Бин-юй Сюань-Цзана есть верховья Таласа. Сюда выехать он мог существующей и ныне выючной дорогой из Мерке, через верховья речки Урянды и р. Кара-кыстак на р. Кара-кол и по ней в долину верхнего Таласа, начинающуюся по соединении Кара-кола с р. Уч-кош, как пишут некоторые, или Уч-кош-сай. Тут находится значительное понижение Александровского хребта и перевал невысок.

¹ Материалы и пр. бар. Каульбарса, стр. 364.

² От выхода Заукинского ущелья до Токмака около 300 верст.

³ В извлечениях из истории династии Тхан, переведенных о. Иакинфом (Собрание сведений и пр., III, стр. 244), в описании владения Ши (Ташкент), говорится, что около половины VIII столетия наместник западного края Гао-Сянь-чжи обвинил владетеля Ши в измене, вызвал его и отправил в кит. столицу, где он был казнен. «Это произвело всеобщий ропот в западном крае. Владетеля сын ушел в Даши (т.е. к арабам, уже овладевшим в начале того же столетия Мавераннагром) просить вспомогательного войска. Он осадил г. Хынлос и разбил Сянь-чжи, а после того поддался Даши. В правление Баоин (762 г.) он прислал к двору посланника с данью». Далее помещены следующие непонятные сведения, неизвестно откуда взятые: «есть р. Суйе, вытекающая за 1000 ли от Аньси на северо-запад; достигши гор Бода, простирается далее на юг до Срединного государства; на севере южная граница владения Туциши. На юго-западе прямо до Луковых гор 2000 ли. Реки текут на юг, уходят в Срединное государство - впадают в море; текущие на север проходят через тюркестанские (так в подлиннике?) земли и впадают в море. На севере через три дня пути надобно переходить через снежное море, где и весною, и летом всегда идут дожди и снега. От гор Бода на севере через 1000 ли есть река Сие (?); на востоке озеро Жехай, которое и в холодное время не замерзает». Резиденция <...> это время был город Куча, который, вероятно, и назывался <...> на западе от Куча, пожалуй около 1000 ли, берут начало р.р. Кунгес и Текес, текущие по соединении в р. Или, в Балхаш, а не мимо гор Бода, под которыми ничего разумею кроме гор Бедель, и не в принадлежавший тогда Китаю В. Туркестан. Быть может, китайцы смешивали Суйе или р. Чу с Аксуйской рекой, которая действительно берет начало на западе от Куча и, не доходя гор Бедель, поворачивает на юго-восток и далее на восток, образуя с Кашгарской и Яркендской реками реку Тарим. Около 762-766 гг. ханство Туциши уже не существовало, но ранее, в конце VII века, владение Учжилэ действительно находилось на северо-западе от этой реки (Собр. сведений и пр., I, стр. 366). Непонятно также: какая это река Сие находится в 1000 ли на север от гор Бода. Озеро Жехай (Иссык-куль) находится на севере, а не на востоке от гор Бедель. «Собрание сведений» и пр. продолжает (III, стр. 244 и 245): «на западе есть город Суйе, который в седьмое лето правления Тхань-бао, 748, Ван-Чжень-сянь, главноуправляющий в Бэй-тхин, в войну с Аньси, разорил до основания. Течение реки (на этот раз, видимо, р. Чу) простирается на 1000 ли. Там есть несколько десятков тысяч дулгаского войска, но под другим названием. Землепашцы вообще ходят в латах; захватывают друг друга в неволю; они принадлежат на западе городу Хынлос. Владение Ши всегда содержит здесь свой гарнизон. Отселе до западного моря с третьей луны до девятой редко идут дожди. Поля орошаются снеговою водою».

⁴ Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-шаня, Н.А. Северцова, Спб., 1873 г., стр. 41 и 42.

В вершинах Урянды «горы довольно крутые, но не скалистые и потому удобопроходимые. Они покрыты роскошнейшими цветущими травами и представляют превосходные пастбища... В конце мая перевал уже бесснежен». Долина Таласа имеет уже степной характер, но займище реки черноземно и заросло лесом из тополей, ветлы, боярышника, тала, березы и разных кустарников, а по Кара-колу и Уч-кош-саю и притокам Таласа, ущелья, которых также обильны лесом, находятся прекрасные пастбища, составляя самые лучшие и обширнейшие в Аулие-атинском уезде киргизские летовки. Обилие вод в этой местности дает ей отнюдь не меньше права на название мин-булак (1000 речек)¹. Верхняя долина Таласа, от соединения Кара-кола с Уч-кош-саем до устья Уюрлы-марал, имеет в длину и ширину около 50 верст, следовательно, соответствует пространству Бин-юй по Сюань-Цзану; правда, что, прилегая с юга к вечно снежному хребту Уртак-тау, она и с остальных сторон окружена горами, хотя и более низкими, не исключая и запада, где Талас, для выхода в степь, прорывается через хребет Ча-арча, а не равнинами; как значится у китайского путешественника, и долина Терса, которую Н.А. Северцов считает Мин-булаком Сюань-Цзана, также окружена горами, имея притом характер высокой степи и отличаясь совершенным отсутствием древесной растительности. От Мерке до верхней долины Таласа будет около 70 верст, а отсюда до Аулие-ата около 80 в. Всего, по нынешнему почтовому тракту, от Токмака до Мерке считается 173 в.; с добавлением 70 в. составит от долины верхнего Таласа 243 в., т.е. больше 400 ли, как значится у Сюань-Цзана (217 в.), на 26 верст; но это небольшая разница легко объяснима более прямыми направлениями вьючного пути против почтового. От верхней долины Таласа, считая немного ниже устья р. Биш-таш (не отсюда ли Бин-юй?) до Аулие-ата 80 в., т.е. около 150 ли, на запад, согласно маршруту Сюань-Цзана. Может быть, и рассказ о водившихся на Бин-юй оленях имеет связь с существующим еще названием левого притока Таласа Уюрлы-марал (косяк или гнездо маралов). На этой реке с 1882 г. существуют четыре колонии немцев-менонитов, названия которых как-то странно звучат на азиатской почве: Гнаденфельд, Кепенталь, Гнаденталь, Николайполь².

Посетив лежащий на юг от города Таласа, верст на пять, небольшой городок с населением из пленных китайцев, Сюань-Цзан через 200 ли (108 S в.), следуя на юго-запад, прибыл в город, называвшийся туземцами Белая вода, что по-тюркски выйдет Аксу. Действительно, последняя почтовая станция перед г. Чимкентом расположена на довольно значительной р. Аксу; но расстояние до нее от Аулие-ата по почтовому тракту составляет 156 в., т.е. на 47 S в. дальше. Объяснить эту разницу можно только тем, что город Бай-шуй лежал на р. Аксу выше нынешней почтовой станции и теперешнего сел. Манкента и что путь к нему шел не нынешней почтовой дорогой, а вьючным путем, лежащим южнее и более коротким. Двести ли от Аксу на юго-запад выводят в долину Келеса, а потому хотя в «Описании» и говорится, что Сюань-Цзан прибыл в город Гун-юй, пройдя это расстояние, однако, надо думать, что в этом городе он не был и что известия о нем внесены в «Записки» по расспросам, подобно тому, как занесены и многие другие замечательные местности, которых китайский путешественник лично не посетил, как

¹ Там же, стр. 18-81.

² Е. Смирнова, «Сыр-дарьинская область», Спб., 1887 г., стр. 80.

лежащие в стороне от его пути. Городом Гун-юй следует считать Аспиджаб (впоследствии Отрар), лежавший по течению р. Арыса, именно в расстоянии с небольшим 100 в. от Бай-шуй, почти прямо на запад. Владение Нучиянь, которое, по истории династии Тхан, называлось иначе Сельчен¹ и «городом малого Ши», расположено было на верховьях Бадама и других левых притоков Арыса, занимая местность древнего города Сайрама и окрестных селений, в числе которых был и нынешний Чимкент. От г. Бай-шуй до Нучияня было действительно около 50 ли на юг, как показано у Сюань-Цзана от Гун-юй, тогда как от Отрара до Чимкента, Манкента и Сайрама не менее 100 в. От Нучияня (Сайрама) до Чже-ши (Ташкента или древнего Шань) действительно расстояние около 200 ли (по почтовому тракту 112 в.)².

Из Чже-ши, переправясь через Сыр-дарью и сделав около 500 ли, Сюань-Цзан прибыл, через Голодную степь, прямо в Самарканд, не свертывая ни в Судулисэну (Осрушна = Ходжент, как видно из описания и расстояний по истории династии Тхан), как это значится и в «Биографии», и в «Записках», причем показано преувеличенное расстояние в 1000 ли (532 вер.), тогда как по почтовому тракту от Ташкента до Ходжента 142 в., - ни в Фейгань (Fen-kan), куда заставляли его заезжать, впрочем, одни «Записки», показывая расстояние от Чже-ши в 1000 ли, тогда как ныне, по почтовым трактам от Ташкента до Намангана, близ которого находилась прежняя столица Давани Гуйшуань (Кашан), 308 в., до Кокана 266 и до Андижана 302 верст.

Из Самогяни, по «Запискам», а не из Холисимицзя (Хорезма - Хивы), как значится ошибочно в «Биографии», Сюань-Цзан через 300 ли прибыл в Гешуанна. Это владение, как видно из истории династии Тхан³, называлось иначе Ши и находилось в 300 ли от Самарканда на юго-запад⁴. Ши есть нынешний <...> ши, до которого от Самарканда через Шахризбз 180 в. (т.е. лишь немного больше 162 в., которым равняется 300 ли).

Из Ши Сюань-Цзан проследовал через Железные ворота (ныне ущелье на этой дороге близ сел. Дербент)⁵, за которым вступил в пределы Тухоло (Тохаристана)⁶. Переправясь

¹ Собр. свед., III, стр. 267.

² Тожество Чже-ши, которое до Р. Х. называлось Юйни, а во времена династии Тхан <...> Ши (Собрание сведений и пр., III, 243), о том ясно из положения этого владения на Давани (Ферганы) и на северо-западе от Самарканда, а также из расстояния от <...> ли или 271 в. (ныне по почтовому тракту) по замечанию Imbault Huard, ши (che) по-китайски значит камень и китайские названия Tche-to-tcho, Tcho-che соответствуют Шашу времен и Ташкенту нынешних, означает город (см. Recueil des documents sur l'Asie), p. 147.

³ Собр. сведений III, 246 и 247. В <...>детель Ди-чже присылал посольство в, по-видимому, этот самый город, ссылаясь на известия, проф. Лерх (Russische Revue, III, вып. 8) считает городом Киш.<...> так, потому что Ди-чже построил город в своем владении, а не в особом <...>, занимавшем место Кеша. Скорее Циши <...>рочить к городу Кешие, находившемуся <...> Нахшеба (см. Вамбери, Истсуия Бухары, стр. XXX).

⁴ Путем через владение Ми, которое Кана (Самарканда) на юг в ста ли (Ши) от Ми к югу (по истории Северных две <...> же, стр. 188) было 200 ли до Ши. Ми со <...>каш" оно значится на юго-восток от ... именем Мимоцзя (Mimo-kia). Ст. Жюльем..., что Ми-го (Mi-koue) по-китайски значит <...>са. Владение это «имеет от 400-500 ли в окружности и расположено среди долины; кра.. <...> протяжение с востока на запад, а для <...> с юга на север. По произведениям почвы оно сходно с владением Самогянь». Ныне от Самарканда до Китаба 64 в. и отсюда 116 в., итого 180 в. («Очерки Бухарск.» Н.А. Маева, стр. 78.).

⁵ Проход Бузгола-хана, как ныне Железные ворота, описан Н.А. Маевым «Очерки Гиссарского края», в Материалах для Турк. края, вып. V, Спб., 1879 г., стр. <...>, который проезжал им на пути из Карши в 1875 году.

⁶ Сведения о путешествии Сюань-Цзана по <...>рестану и верховьям Аму-дарьи помешены <...> проф. Минаева: «Сведения о странах в <...> Аму-дарьи», Спб., 1879 г., стр. 58-65. ... же по Кабулистану и странам по Инду-<...> Григорьева: «Кабулистан и Кафирн...», Спб., 1867 г., стр. 816-832 и 987-989.

через Аму-дарью, Сюань-Цзан прибыл во владение Хуо, откуда через Бохоло (Бактрия, Балх) отправился в Бамиан и далее через Кабулистан в Индию. Из данных, приведенных в «Записках», явствует, что владение Хуо соответствует местонахождению нынешнего Кундуза, так как на юго-запад оно граничило с Боцзяланом (видимо, нынешний Баглан), а на западе отделялось от Балха владением Холин (Holin), т.е. без сомнения нынешним Хульмом¹.

III

Сведения о местностях, лежавших в стороне от пути Сюань-Цзана

Феигань - Фергана. - Судулисэна или Гюбудана = Осрушна. - Владение Хэ. Восточное Ань, Западное Ань (Бухара), Холисимига (Хива).

В «Записках» помещены следующие известия о Фергане и Осрушне: «через 1000 ли на юго-восток от этой страны (Чже-ши, т.е. Ташкента) находится владение Феи-гань (Fei-han). Оно имеет в окружности 4000 ли. Со всех сторон оно окружено горами. Земля полна цветов и плодов. Климат ветренный и холодный. Жители стойки и мужественны; их язык разнится от языка других народов. Лица у них безобразные и гнусные². Уже несколько десятков лет эта страна не имеет верховного владетеля. Могущественные старейшины ведут между собою войну и остаются друг от друга независимыми. Считая себя защищенными реками и естественными препятствиями, они поделили между собою страну и каждый живет в своем участке³, Отправившись из этой страны на запад, он (Сюань-Цзан) сделал около 1000 ли и прибыл во владение Sou-tou-li-se-na. Это владение имеет от 1400 до 1500 ли в окружности. На восток оно прилегает к реке Е (Ye)... В отношении произведений почвы и климата владение это походит на Чже-ши. С тех пор, как в нем есть владетель, он подчиняется тугьюсцам»⁴.

Между Самогянью и Гешуанной у Сюань-Цзана помещены сведения еще о пяти владениях, кроме Ми.

На севере от Ми или скорее от Самогяни, находится Гюбудана (Ki'u-pou-ta-na), по-китайски Цао (Thsao), т.е. царство многолюдства (le royaume de multitude). По истории династии Тхан⁵, это одно из пяти названий восточного Цао (Судулисены), именно Гюбудана, соответствующего нынешнему Ходженту; надо так думать и потому, что в

¹ Так приурочивает эти местности <...>ева «Сведения о странах по верховьям.....», 1879 г., стр. 66; но здесь, вероятно... (Балх показан на восток от Хульма), в действительности же наоборот. Не лишено такое приурочение Хуо к местности нынешнего ... по той же Кундузской реке (см. Recueil des documents sur l'Asie centrale, par Camille Imbault... 1881, p. 105).

² Китайцы, как люди монгольского типа, всегда считали арийские народы безобразными. Действительно, тип арийской красоты далеко не соответствует понятиям красоты у монголов.

³ Из истории династии Тхан (Собр. свед., III, стр. 251) известно, что Фергана, древняя Давань, именовалась у китайцев Полона (при династии Юань-вэй), потом Боханья и с 744 г. Нин-юань. Покорена она была тугьюсцами в правление Чжень-гуань 1627 - 1649 гг.

⁴ По истории династии Тхан (Собр. свед., III, стр. 241 и 242), владение Суйдуйшана (очевидно то же, что Судулисона) называлось иначе «восточное владение Цао» и отстояло от Ши, находившегося на севере, от Кана на западе и от Нин-юань на северо-востоке на 400 ли или 217 в. Это довольно близко соответствует расстояниям и положению нынешнего Ходжента (по арабским географам, эта страна называлась Осрушна): от Ташкента 142 в., Самарканда 273 в. и Коша - на 271 в., значит столько почти, как ныне по почтовому тракту.

⁵ Собр. свед., III, 241.

«Биографии» о Гюбуйдане совсем не указывается <...> в «Записках» - не показано расстояние, сведения же составляют повторение сказанного о Субулисене: «это владение имеет от 1400 до 1500 ли в окружности. В отношении произведений почвы и нравов оно сходно с владением Самогянь».

Около 300 ли на запад от него находилось владение Кюйшуаннига (Ki'u-ehoang-ni-kia); оно имело от 1400 до 1500 ли в окружности. Это, по истории династии Тхан, владение Хэ, которое иначе называлось Кюйшуаннига, Гуйшуани и, наконец, Гуйшуан, а за полтора века до Р.Х.-<...>¹.

Далее по «Запискам» значится в 20 ли на запад владение Хохань (Ho-han), по-китайски Тун-ань (Tong-an), т.е. спокойствие востока; оно имело 1000 ли в окружности. Упоминается оно и в истории династии Тхан под именем Восточного Ань².

Дальше на запад в 400 ли описывается владение Бухо (Pou-ho); оно имело от 1600 до 1700 ли в окружности, наибольшее протяжение с востока на запад и наименьшее протяжение с юга на север. По истории династии Тхан, оно называлось Западное Ань, иначе Бухо, Бугэ, а прежде Нэуми, больших городов в нем считают сорок, а малых селений до тысячи; расстояние его от Восточного Ань показано только в 100 ли³.

Еще далее на запад, около 400 (по «Биографии» только 100) ли лежало владение Вади (Fa-ti), а еще дальше на юго-запад (по «Биографии» на запад) находилось владение Холисимига (Ho-li-si- mi-kia), расположенное на обоих берегах р. Боцзу (Оксуса); оно простиралось на 500 ли с юга на север и только от 20 до 30 ли с востока на запад. Владение Вади в «Собрании сведений» о. Иакинфа нет⁴; Холисимига же есть, очевидно, владение Хо-сюнь⁵, иначе Холисими и Боли (до Р.Х.- Юегянь, т.е. Ургендж), лежавшее на южной стороне р. Уху (Оксуе), на 600 ли на северо-запад от Жунов⁶.

О всех этих владениях «Записки» одинаково повторяют, что произведения почвы и нравы сходны с самогяньскими, только о Хорезме замечено, что тамошний язык несколько отличается от самогяньского.

По содержащимся в историях династий Тхан и Юань-вэй указаниям расстояний⁷ и по пояснению, что Цао, Хэ и Ань лежали на южной стороне р. Нами (соответствует Зеравшану), выходит, что Бухо (Бухара, видимо) находилось от Самарканда в 500 ли (ныне 295 в.) восточнее его лежало, в 100 ли, Восточное Ань, далее через 200 ли - Хэ и на восток от последнего, в 150 ли, - Западное Цао, от которого Самарканд находился на восток в 100

¹ Там же, стр. 246.

² Там же, стр. 241.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Впрочем, Вади должна быть упоминаема в истории д. Тхан под именем владения Би (стр. 240), которое находилось от Бухо на юго-запад в ста ли. Должно быть, это древний город Бейкенд. О Би упоминается в истории Северных Дворов (стр. 184), где говорится, что Би лежало от Ань на запад, содержало не более 1000 семейств, не имело государя и находилось в подчинении Ани.

⁵ Там же, 246.

⁶ В этом направлении и расстоянии находятся теперь кочевья гезарейцев, что указывает на их тибетское происхождение, потому что жунами китайские летописи называли тибетцев (Собр. свед., I, стр. 7).

⁷ Там же, стр. 187 и 188.

ли. Следовательно, Западное Цао лежало между Самаркандом и Катта-курганом, а Хэ - между Катта-курганом и Кермине, Восточное Ань приходится между Кермине и Бухарой (в 100 ли на северо-восток от последней по истории д. Тхан)¹.

IV

Общее описание Западного Туркестана

Название страны, население и язык. - Письменность. - Одежда. - Наружность, нравы и занятия. - Параллель с Тохаристаном.

Сюань-Цзан дает следующее общее описание всей страны от р. Чу до Аму-дарьи:

«На запад от Суйе находятся несколько десятков отдельных городов. В каждом городе есть владетель, не зависящий от других, но все подчинены тугьусцам... От города на р. Суйе до владения Гешуанна (Ше, ныне Карши) страна называется Сули (Sou-li) и жители носят то же самое имя. Это же название применяется к письму и языку. Письменные знаки (буквы) немногочисленны; их всего тридцать два; посредством соединения их получается великое множество <...> весьма небольшое число летописей (исторических записей). Читают они их сверху вниз и передают друг другу смысл книг, таким порядком изучение литературы продолжается непрерывно. Одежда, весьма узкая, делается из хлопка, шерсти и кож. Волосы они соединяют (т.е. заплетают в косу?); верхушку головы оставляют открытою, а иногда совершенно обривают. Лоб они обертывают шелковой тканью. Росту они высокого, но характер у них мягкий и трусливый. Лицемерие и лживость составляют преобладающую черту в их нравах и большая часть из них предается мошенничеству и плутовству. Вообще они крайне скупы. И отец, и сын только и мечтают об обогащении; кто богаче, тех больше уважают, но ничто не отличает богатого от бедняка. Имеющий даже огромное состояние носит старое платье и питается грубой пищей. Половина населения обрабатывает поля, а другая - предается торговле».

Вот дополнения о быте владения Кан (Самарканд) по истории д. Тхан²: «Жители пристрастны к вину, любят песни и пляску на улицах... Женщины складывают волосы на голове и покрывают их черным покрывалом с золотыми цветами. Родившемуся мальчику язык намазывают каменным медом, а на ладони кладут клей, чтобы он был сладкоречив и крепко держал денежку. Пишут поперек. Искусны в торговле и корыстолюбивы. Мужчина, достигший 20 лет, уезжает в соседние владения и везде побывает, где только предвидит выгоду. Следуют буддийскому закону. Молятся злomu земному духу. Отсюда вывозят превосходные художественные вещи. В одиннадцатой луне с бубнами и пляскою просят мороза и забавляются обливанием друг друга водою»³.

¹ Там же, стр. 240.

² Собрание сведений, III, стр. 238 и 239.

³ Писатель VII века, Шы-гу, делает следующее замечание, комментируя известие истории Старших Ханей, относящееся к 74-39 гг. до Р.Х., о том, что в Аньси (Парфянская монархия) пишут на пергаменте поперечными строками... ныне в тюркских государствах на западе... вообще пишут поперек страницы, а не сверху, прямо вниз (там же, стр. 54). Быть может, это свидетельство Шы-гу относится к странам за Аму-дарьей и в подлиннике значится ху (варвары), а не тюрки.

Характерные черты иранцев, из которых состояло, видимо, почти все оседлое население Туркестана сохранились и поныне, несмотря на время и перемену религии, как видно, напр., из следующих наблюдений одного из первых русских исследователей Туркестана, относящихся к Бухаре и Самарканду и сделанных в 1868 году.

«В этом населении высшею целью действий является материальное приобретение.... Не обращают ни малейшего внимания на связи крови или другие отношения, когда могут приобрести какую-либо материальную выгоду; поэтому главное занятие жителей городов - торговля.... После жадности и жажды к приобретению главная черта горожан - скупость.... По причине скупости самые богатые живут так же худо, как и бедные и питаются тою же пищею... Кроме жадности и скупости, отличительные черты их характера: трусость, лютость и лицемерие...»¹.

В «Записках» Сюань-Цзана обитателям Тухоло (т.е. Тохаристана) дается следующая характеристика:

«Жители характера мягкого и трусливого; лица у них обыкновенные и гнусные (ignobles). Они имеют некоторое понятие о честности и справедливости и друг друга не обманывают. Язык, которым они говорят, мало отличается от языка других владений. Письменность состоит из двадцати пяти главных знаков, которые соединяются вместе; ими можно выразить все. Книги пишутся поперек и читаются слева направо. Литературные произведения и исторические записки мало-помалу увеличились и теперь многочисленнее, чем в стране Су-ли».

«Наибольшее число жителей одевается в бумажные ткани, но немногие носят и шерстяные. В торговле употребляют монеты золотые, серебряные и пр., которые по форме своей отличаются от монет соседних владений».

V

Сведения о религии в Западном Туркестане

Огнепоклонничество тугьюсцев. - Гонение на буддизм в Самарканде. - Процветание буддизма в Тохаристане. - Новый монастырь близ Балха. - Покушение на ограбление его Сы-шеху-хана.

Целью семнадцатилетнего путешествия Сюань-Цзана было посещение буддийских святынь, приобретение священных книг и изучение догматов буддизма, как в самом его отечестве Индии, так и в странах, прославленных подвигами Шакья-муни и его ближайших учеников и последователей. Поэтому ученый «учитель...», <...> Сюань-Цзана составители его биографии, старательно описывает буддийские святыни и исчисляет число цзаланов (монастырей) и монахов во всех описываемых им владениях. Оставив пределы Вост. Туркестана, где процветал в то время буддизм, Сюань-Цзан вплоть до Амударьи проходит молчанием вероисповедание населения Сули, за двумя исключениями, из чего нельзя не заключить, что жители его не были буддистами. Во-первых, хотя

¹ В.В. Радлов, «Средняя Зерафшанская долина» в «Записках И. Р. г. общества по отделению этнографии», том шестой, Спб., 1880 г., стр. 74 и 75.

властители страны, тугьюсцы, были знакомы с учением Фо еще со времен четвертого хана их, Тобо (572-581 годов), который построил цзалан, выписал из Китая священные книги и сделался ревностным буддистом, однако «Биография» замечает, что тугьюсцы поклонялись огню. Затем в Самогяни «владелец и народ не веруют в закон Будды; религия их состоит в поклонении огню. Здесь есть два монастыря, но пустые. Если чужеземные монахи ищут в этих монастырях убежища, варвары (местные жители) преследуют их горящими головнями и не дозволяют останавливаться в монастырях тех. По прибытии Сюань-Цзана владелец обошелся с ним сначала с некоторым пренебрежением, но когда на другой день он начал излагать плоды деяний людей и духов (devas), прославлять заслуги Будды и блага, истекающие из воздаваемых ему почестей, то владелец обрадовался и просил ознакомить его с правилами поведения (по закону Будды). С этого времени он оказывал Сюань-Цзану глубочайшее уважение. Поэтому, когда двое молодых монахов, спутников Сюань-Цзана, были выгнаны из монастыря, куда заходили молиться, жителями с горящими головнями и пожаловались владельцу, этот последний приказал арестовать виновных и отрубить им руки. Только по просьбе Сюань-Цзана владелец отменил эту казнь, ограничившись наказанием розгами и изгнанием из города. После этого происшествия население всех сословий прониклось страхом и почтением и просило наставления в законе. Вскоре затем Сюань-Цзан созвал торжественное собрание, посвятил монашествующих и водворил их в двух обителях. Так он обратил к истине их развращенные сердца и исправил их варварские обычаи. И во всех местах его проповедь производила такое же действие».

Таким образом, в VII веке даже в Самарканде, находившемся в постоянных сношениях с Балхом, Афганистаном и центрами буддизма, религия эта не могла утвердиться, <...> обители пусты и население ревностно придерживалось древнего иранского огнепоклонства. Тем более последнее продолжало господствовать на севере Туркестана, куда буддизм, по-видимому, серьезно и не проникал, так как Сюань-Цзан не упоминает там ни о санцзалангах, ни о ступах, которыми наполнен был Тохаристан и страны по Инду и его притокам.

Описывая святыни Балха, где было до сотни цзаланов и до трех тысяч монашествующих, «Записки» особенно славят один монастырь, построенный первым (?) государем этого владения, находившийся на юго-востоке от города и известный под именем Навасан-цзалан (Navasanh-harama). В этой обители находился кумир Будды из драгоценных материалов и помещение было украшено редкими и дорогими предметами. Эти богатства искушали любостяжание грабителей, но обитель защищалась могучим богом Пишамынем, идол которого также находился в монастыре. «В последние времена Сышеху-хан, сын Шеху, хана тюрков, прибыл со всею своею ордою с намерением завладеть богатствами этой обители. Он остановился на ночлег в соседней долине.

Ночью явился ему во сне бог Пишамынь и, пронзив ему копьем грудь и спину, сказал: "Какая у тебя сила, что ты осмеливаешься покушаться на разрушение обители?". Хан сейчас же проснулся и почувствовал сильнейшую боль. Рассказав своим подданным

страшный свой сон, он поспешил послать за монахами, чтобы выразить свое глубокое раскаяние, но умер прежде возвращения посланного».

VI

Сведения о тугьюсцах

Письмо от гаочанского владельца. - Встреча с Шеху-ханом. - Представление ему. - Угощение. - Проповедь. - Назначение провожатого. - Свидание с сыном Шеху-хана в Хуо. - Его болезнь, выздоровление и смерть. - Свидание с новым Ше. - Отъезд в Балх. - Время проезда Сюань-Цзана через Западный Туркестан. - Трудность выяснения, к царствованию какого именно из значащихся в китайской истории ханов западных тугьюсцев, относятся известия Сюань-Цзана.

О властителях Туркестана, тугьюсцах, сведения Сюань-Цзана скудны. Владелец Гаочана отправил с ним своего вельможу с подарками (500 кусков атласа и пр.) и с письмом к хану тугьюсцев. В этом письме Цёвыньтхай просил хана оказать «учителю» такое же расположение, каким удостоивает он самого его, почтительного раба своего, и соблаговолить на отдачу приказа владельцам всех государств запада, чтобы они, каждый в пределах своего владения, давали путешественнику подводы. Такая рекомендация не могла быть оставлена ханом без внимания, тем более что, как увидим ниже, гаочанский владелец находился с ханом в близком свойстве, так как дочь Цёвыньтхая находилась в замужестве за старшим сыном Шеху-хана, пребывавшим в Хуо.

Сюань-Цзан встретил Шеху, хана турок, на охоте, после прибытия в г. Суйе, но где именно - не выяснено. Хан одет был в зеленый шелковый плащ. Волосы его были открыты, и только голова была опоясана шелковой тканью, длиною в десять футов; повязка эта делала несколько оборотов и падала на спину (чалма). В свите его было около 200 сановников, одетых в парчовые плащи; волосы у всех были заплетены в косы. За ними следовали всадники на верблюдах и лошадях, одетые в меха и шерстяные ткани, с луками и со знаменами. Их было так много, что взор не мог видеть конца поезда. Увидев перед собою Сюань-Цзана, хан очень обрадовался и сказал: «Учитель, поживите со мною некоторое время. Я возвращусь не позже двух или трех дней. Между тем вы отправитесь в мою резиденцию с Думочжи (Тамо-tchi), одним из моих вельмож, который будет вам служить проводником и удобно вас там поместит». Через

три дня по прибытии Сюань-Цзана в царскую резиденцию хан действительно возвратился.

Хан жил в большой палатке, украшенной золотыми цветами, которых блеск ослеплял глаза. Придворные, в блестящих костюмах из вышитого шелка, сидели двумя рядами пред ханской ставкой. Гвардия хана стояла за ними сзади. Хотя это был государь варваров, обитавший в войлочной палатке, но нельзя было взирать на него, не чувствуя удивления и почтения.

Когда «учитель» был в тридцати шагах от юрты, хан вышел к нему навстречу, низко поклонился и разговаривал весьма милостиво, при посредстве переводчика. После того он вошел в юрту и воссел на свой трон. Хотя тугьюсцы, как обожатели огня, не

употребляют деревянных седалищ, ибо дерево содержит в себе огонь, почему на него из почтения не садятся, но из уважения к «учителю» хан приказал принести для него одно кресло с ручками из толстого дерева. Через несколько минут ввели посольство китайское и гаочанское. Последнее представило письмо от своего владельца и богатые подарки. Хан высказал удовольствие, пригласил посланников сесть и приказал подать им, при звуках музыки, вино. Выпив с иностранными послами, хан велел еще принести виноградного вина, и предложил его «учителю». После того оживившиеся гости обращались друг к другу с приглашением выпить и чокались кубками. В это время музыка варваров юга, севера, востока и запада оглашала воздух своими шумными мелодиями, которые, по замечанию Сюань-Цзана, при всей своей полудикости, ласкали уши и веселили дух и сердце. Через некоторое время принесли яства. Это были куски вареной баранины и говядины, которые поставили в большом количестве пред гостями. «Учителю» приготовили особо «чистую пищу»: рисовые пирожки, сливки, молоко, сахар, мед, виноград и пр. По окончании еды хан снова угощал виноградным вином. Потом попросил Сюань-Цзана объяснить «закон». Буддийский богослов преподавал тогда присутствующим учение о десяти добродетелях, о любви и благосклонности к живым существам, о шести парамитах или средствах достигнуть другого берега и получить окончательное освобождение.

Хан поднял руки и склонился до земли, объявив с сияющим лицом, что принимает с верою все его наставления. Он удерживал Сюань-Цзана при себе несколько дней и уговаривал отказаться от путешествия в Индию, из опасения тамошних жаров, и т.д., но «учитель» остался непреклонен. Тогда хан приказал найти в своем войске человека, знакомого с китайским языком и знающего языки иностранных государств. Нашелся один молодой человек, который прожил несколько лет в Чань-ани (тогдашняя китайская столица). Хан возвел его в звание придворного церемониймейстера, приказал ему написать рекомендательные письма на иностранных языках и повелел сопровождать «учителя» до владения Цзя-би-ше (Kia-pi-che, в Кабулистане). Потом он дал Сюань-Цзану полный монашеский костюм из красного атласа

и пятьдесят кусков шелковых материй. Он соблаговолил, сверх того, вместе со своею свитою, проводить его на расстояние до десяти ли.

Владелец гаочанский дал Сюань-Цзану письмо к дочери своей и к мужу ее, старшему сыну Шеху-хана. Он имел тогда резиденцию свою во владении Хуо (Кундуз), назывался Дату (Ta-tou) и носил звание Ше (Che). Когда Сюань-Цзан прибыл в Хуо, Дату был болен, а жена его, принцесса Ко-катунь, уже умерла за некоторое пред тем время. Узнав о прибытии «учителя» с письмами от тестя, Дату приказал его позвать. «Учитель», сказал он ему, «при виде вашем ваш покорный ученик чувствует, что взоры его прозревают. Я горячо желаю, чтобы вы прожили возле меня некоторое время, чтобы отдохнуть. Если я выздоровею, то лично провожу почтенного «учителя» моего до царства брахманов». В то время прибыл один монах из Индии. По молитвам его, Дату вскоре выздоровел. Затем он женился на младшей сестре принцессы Ко, но она, по наущению пасынка, сына Дату от первой жены, отравила своего мужа Дату. Так как у нее самой был только один

малолетний сын, то сын ее сестры, имевший звание Дэлэ (Tele), овладел властью, сделался Ше¹ и женился на своей мачехе. До совершения похорон Дату, Сюань-Цзан нашелся вынужденным остаться почти на месяц. Когда новый Ше вззошел на престол, «учитель» просил его дать ему провожатых и подводы для продолжения пути. «Ваш ученик, - ответил ему Дату, - считает в числе своих владений царство Бокколо (Бактра), которое с севера смежно с рекою Фо-цзу и называется малой столицей. Там находится множество религиозных монументов и я желаю, чтобы "учитель" уделит некоторое время для их посещения и поклонения, после чего он возьмет колесницу и отправится на юг». Так и было исполнено.

Вследствие дальности пути и разных издержек Сюань-Цзан не мог, надо думать, совершать переход через Тань-шань ранее конца зимы 629 г. Шеху-хана видел он, вероятно, весною 630 г. и в конце той же весны был на Бин-юй. Описание богатой растительности г. Байшуй и Нучилиня, по-видимому, сделано им, как очевидцем, так что за Аму-дарью мог прибыть Сюань-Цзан, вероятно, лишь к осени 630 года. В Хуо, судя по тому, что Дату при нем выздоровел, женился и прижил с новой женой сына, Сюань-Цзан пробыл во всяком случае не менее года, т.е. 631 г. В означенные годы, по истории династии Тхан, по смерти Тун-шеху-хана в 628 г.² престолом завладел убивший этого могущественного властителя, укрепившего власть тугьусцев в Западном Туркестане, родственник его, Мохэду, под именем Сыби-хана; но вскоре сын Тун-шеху-хана, Шили-дэлэ, бежавший по убиении отца в Кангюй, выступил его соперником; завязалась война и оба соперника отправили к китайскому двору посланников с дарами. Точных данных о времени этих событий в «Собрании сведений и пр.» нет, но еще в 630 г. Сыби-хан просил китайский двор о браке. Император отказал и писал в указе: «дом дулгасский теперь в смутных обстоятельствах и кто будет царствовать, еще не решено. К чему заботиться о браке? Пусть каждый управляет своим аймаком и не нападает на соседей». После того (продолжает история династии Тхан) владения Западного края отложились и дулгасский дом пришел в великое бессилие. Народ весь поддался Сы-шеху-хану (должно быть, так стал называться Шили-дэлэ)... Сыби бежал к Алтайским горам «и был там убит». Сы-шеху-хан царствовал также недолго и вынужден был, вследствие внутренних неурядиц, бежать «с легкою конницею» в Кангюй, где и умер с печали. Место его занял Дули-хан Нишу, умерший в 634 г. и замененный братом Шоболо-шилиши-ханом, который умер в 638 году³.

По недостаточной точности данных, нельзя с уверенностью приурочить проезд Сюань-Цзана через Туркестан к царствованию которого-либо из поименованных ханов тугьусцев (дулгасцев по о. Иакинфу). Кто был Шеху-хан, которому представлялся Сюань-Цзан близ р.

¹ Так назывались начальники войск в отдельных ордах тугьусцев. Сыновья и братья хана именовались дэлэ (Documents sur les Ton-Kioue par St. Julien, в Journal asiatique, 1864, tome IV, p. 201). Авторы «Монгу-ю-му-цзи» утверждают, что сыновья и братья ханов именовались не дэлэ (или те-лэ), как ошибочно написано в кит. летописях, а те-цзинь. Это доказывается сохранившейся надписью на одном памятнике 732 г. Проф. В.П. Васильев полагает по этому поводу, что те-цзинь есть то же, что нынешнее слово тайцзы, тайчжи, как назывались у монголов все, происходящие из княжеского рода (см. Г.Н. Потанин. Очерки Монголии, вып. IV, 1883 г., стр. 841).

² Собрание сведений и пр., I, 427.

³ Собрание сведений, I, 348-350.

Суйе и который имел летние кочевья в Бинь-юй? Тун-шеху-хан, который перенес ханскую резиденцию с севера на урочище Цянь-Цюань (тысяча источников)¹ или Бинь-юй, который «простер власть свою на весь западный край, владетелям дал титул сылифа и отправил тутуней иметь надзор за ними и собирать подати»? Но он умер еще в 628 г., стало быть, Сюань-Цзан не мог его видеть в 629 году или вернее в 630 г. Вероятнее, что это был Сыби-хан, у которого старший сын мог быть женат на дочери гаочанского владетеля и мог быть, по убиении Тун-шеху, возведен отцом в звание Дату-хана, т.е. младшего хана, управляющего владениями тугьюсцев на крайнем западе. Что же касается Сы-шеху-хана, то, по-видимому, легенду о смерти его от руки бога Пишамыня, за покушение на ограбление буддийского святилища, Сюань-Цзан слышал впоследствии уже в Индии или на обратном из нее пути; быть может, и в самом деле Сы-шеху-хан, бежавший в Кангюй с войском своим, умер потом в Балхе.

Туркестанские ведомости. 1889.

19 сентября, № 38; 26 сентября,

№ 39; 3 октября, № 40.

¹ Там же, I, 346.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В.В. Бартольд

РЕЦЕНЗИЯ НА СОЧИНЕНИЕ Н.А. АРИСТОВА «ЗАМЕТКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДНОСТЕЙ И СВЕДЕНИЯ ОБ ИХ ЧИСЛЕННОСТИ»

Книга г-на Аристова представляет несомненно одно из самых отрадных явлений в нашей литературе по востоковедению. История Средней Азии до сих пор так мало разработана и так мало знакома нашему образованному обществу, что даже в серьезных журналах можно встретить очерк истории той или другой среднеазиатской области, составленный каким-нибудь путешественником на основании случайных рассказов и догадок, без всяких справок с источниками. Тем более уважения заслуживает труд бескорыстного исследователя (к тому же не принадлежащего к официальным представителям науки), написанный с полным знанием литературы предмета и, очевидно, потребовавший нескольких лет кропотливой работы.

Задачу своего исследования автор определяет в следующих словах: «Пользуясь имеющимися данными о настоящем родовом составе и историческими сведениями по тому же предмету, выяснить племена и роды, а также иноплеменные примеси, из которых составились ныне существующие тюркские народности» (стр. 14). За весьма немногими исключениями, автор действительно изучил все подобные «исторические сведения», переведенные на европейские языки, и все труды европейских ученых по интересующим его вопросам. Сравнительное значение различных источников и пособий определено в общем правильно, без преклонения перед авторитетами, но и без полемических излишеств. Благодаря обширной эрудиции автора его труд, вероятно, долго останется необходимым пособием для будущих исследователей, из которых каждый найдет для себя в нем полезные библиографические указания. Если тем не менее, как мы постараемся показать, непосредственные результаты труда г-на Аристова главным образом отрицательного свойства, то это прежде всего объясняется характером того материала, которым ему приходилось пользоваться и который дал ему возможность рассеять целый ряд установившихся заблуждений, но оказался недостаточным для замены их положениями, построенными на более прочных основаниях. Несмотря на отдельные плодотворные, иногда блестящие гипотезы, в большинстве случаев утверждения автора остаются столь же спорными, как и опровергнутые им теории. Отчасти это признает и сам автор, как видно из его слов, что «выяснение этнического состава тюркских народностей, при помощи, между прочим, современного их племенного и родового состава и исторических известий, остается задачей будущего», так как «главные препятствия успехам науки в данной области», именно «скудость сведений о современном племенном и родовом составе сохраняющих родовой быт или значительные его остатки тюркских народностей и малодоступность и неразработанность китайских исторических известий о древних тюркских народах и племенах», только «начинают со временем устраняться» (стр. 15). К этому можно прибавить, что и мусульманские

источники еще далеко нельзя признать достаточно разработанными; при таких условиях незнание восточных языков не могло не отразиться на книге г-на Аристова. Знание языков необходимо, конечно, прежде всего, для филологических соображений и теорий; между тем все авторы-неориенталисты, писавшие о тюрках, от Риттера до г-на Каёна¹ включительно, за отсутствием точных исторических данных сближали между собой различные народы на основании звукового (обыкновенно случайного) сходства в их названиях и других собственных именах. К сожалению, этот прием, несовместимый, как нам кажется, с современным понятием о научном исследовании, широко применяется и г-ном Аристовым (укажем в особенности на стр. 137 и 143). Наконец мы должны указать еще на одно обстоятельство, отразившееся на трудах автора, именно на его недостаточное знакомство с методами исторической науки. Мы увидим, что среди теорий г-на Аристова встречаются и такие, которые покажутся невозможными каждому историку, независимо от знания языков и быта восточных народов.

Вопрос «о начальном происхождении тюрков и их прародине» автор справедливо отказывается решить и полагает только, что «большая часть главных тюркских племен первоначально обитала в Алтае, как это свидетельствуют древние тюркские народные предания и удостоверяют племенные имена, получившие свое начало от названий местностей (рек, урочищ) в Алтае» (стр. 46). Древнейшим тюркским государством считается империя хуннов, хотя вполне ясных доказательств в пользу тюркского происхождения этого народа мы не имеем; г-н Аристов, как и его предшественники, приводит только тот довод, что «по китайским известиям гаогюйцы и тюрки были потомками хуннов и язык гаогюйцев был сходен с хуннским, хотя и была небольшая разница». Этот довод признается им вполне доказательным (стр. 16), хотя известно, как мало доверия заслуживают теории средневековых писателей о происхождении народов и сходстве языков, притом существовавших в разное время; этнографическое различие между монголами и тюрками одинаково мало сознавали китайские и мусульманские писатели. Хуннские имена и титулы, сохранившиеся в китайской транскрипции, не поддаются толкованию из тюркских языков; «единственная сохранившаяся на хуннском языке фраза» (стр. 18), также, впрочем, не вполне понятная, относится к IV в. н. э. и поэтому еще не доказывает, что и в III в. до н. э. хунны говорили по-тюркски. Из современников хуннов автор считает тюрками кангюйцев (канглы), усуней и вытесненных последними из Семиречья саков² (у китайцев сэ). Всего сомнительнее, конечно, тюркское происхождение последних, в пользу которого приводится (стр. 135-136) только звуковое сходство со словами саха (народное название якутов), сагай (название енисейских тюрков) и саяк (одно из кара-киргизских поколений). Усуни, по мнению автора, еще ранее III в. до н. э. отделились от енисейских киргизов, кочевали между Танну-ола и восточным Тянь-шанем³ и около половины II в. до н. э. двинулись в западный

¹ Introduction. См. нашу рецензию на эту книгу: Бартольд, ЖМНП, ч, CCCV, 1896; < т. V, стр. 240>.

² Юечжийцев г-н Аристов, подобно Вивьен де Сен-Мартену, справедливо считает тибетцами; приведенные им доказательства (стр. 17) кажутся нам вполне достаточными. Надо надеяться, что теперь окончательно отойдет в область предания фантастическое сближение юечжийцев с массагетами, впервые предложенное Абель-Ремюза (*Sur peuples du Tibet*, p. 200), отвергнутое Вивьен де Сен-Мартеном (*Les Huns Blancs*, p. 38) и возобновленное Григорьевым (Саки, стр. 137). < : Бартольд, соч., т. II, ч. 1, стр. 25, прим. 2; о языке хуннов см. выше, стр. 33.>

³ По китайским известиям, первоначальные жилища усуней находились несколько южнее; ср. Бичурин, *Собрание сведений*, III, 65. <См. также : Бартольд, соч., т. II, ч. 1, стр. 25-30.>

Тянь-шань (стр. 121). «Истинное их народное имя было всегда кыргыз» (стр. 24); название усуней они, вероятно, получили «по имени рода, которому принадлежала властвовавшая династия» до V в. н. э. В тюркской империи те же усунь, или киргизы, составляли пять аймаков нушиби (происхождение этого названия, по справедливому замечанию автора, еще не выяснено); названия двух аймаков (асиги и гашу) можно сблизить с названиями кара-киргизских родов (ассыг и кучук). Хотя киргизы (т. е. наши кара-киргизы) упоминаются на своей теперешней родине только в XVI в. (стр. 40), все-таки автор отрицает возможность движения их на юго-запад в средние века; в X и XI вв. этого не допустили бы «могущественные карлыкские ханы», в XII в. кара-кидани (т.е. кара-китай), позднее монголы (стр. 121). Как усунь, так и киргизы антропологически резко отличались от прочих тюрков; г-н Аристов объясняет эти антропологические признаки смешением тюрков с динлинами китайских писателей; в динлинах он видит предков так называемых енисейских остяков (стр. 48-54). Последнее мнение очень любопытно и, как нам кажется, основательно; но остальные теории автора об усунях и киргизах едва ли могут быть приняты. Г-н Аристов (конечно, не по своей вине) не мог воспользоваться самыми подробными мусульманскими сведениями о Семиреченской области, именно рукописью Туманского (до сих пор не изданной) и главой о тюрках из сочинения Гардизи, помещенной в приложении к моему «Отчету о поездке в Среднюю Азию» (вышедшему в свет только в 1897 г.). Эти сведения настолько подробны, что, если бы киргизы в IX и X вв. жили в Семиречье, мы непременно имели бы известие об этом. Как мы знали уже из китайских источников, киргизы всегда были союзниками карлуков¹ (вероятно, также в борьбе с токуз-огузами); из рукописи Туманского мы узнаем, что город Пенчул (соответствовавший нынешнему Аксу), находившийся в пределах карлукских владений, перешел сначала в руки токуз-огузов, потом в руки киргизов. Итак, в X в. несомненно происходило движение киргизов на юго-запад, вероятно через Кульджинский край. В XII в. кара-китай, двигаясь на запад, прошли через землю енисейских киргизов; очень возможно (хотя прямых известий об этом мы не имеем), что часть киргизов приняла участие в этом движении и впоследствии в движении монголов. Итак, вопрос о том, когда кара-киргизы поселились на своей теперешней родине, должен, по нашему мнению, остаться открытым².

После падения империи хуннов господство в Монголии на некоторое время перешло к тунгусским народам; часть хуннских родов переселилась на запад, где смешалась с финнами. Этим хуннам г-н Аристов приписывает основание царств хазарского и болгарского (стр. 126—127). Хазары и болгары упоминаются среди народов Южной России уже сирийским писателем VI в.³; но хазарского царства на низовьях Волги в это время, судя по рассказам византийцев, еще не было. Мы полагаем, что в этом случае г-н Иловайский⁴ прав и что действительно существует аналогия между образованием этого царства (после распада тюркской империи) и образованием золотоордынского ханства

¹ Там же, I, 449.

² Не разделяя теории автора о происхождении усуней, мы, однако, не можем не согласиться с его словами, что «усуньской старине как-то суждено быть предметом ошибочных гипотез» и что остатки киргизских построек, находимые на берегах Иссык-Куля или на дне его, не могут принадлежать кочевникам-усуням (стр. 26). <О формировании киргизского народа на территории Тянь-Шаня см. соч., т. II, ч. 1, стр. 489-520.>

³ Захарий Ритор, изд. Ланда, 337. Указанием на этот интересный источник я обязан проф. Нёльдеке

⁴ «Разыскания», стр. 256, 260.

в монгольский период. Кроме упомянутых народов византийцы (как и названный сирийский писатель) говорят еще о сарагурах, оногурах и других; академик В.В. Радлов¹ думал видеть здесь следы имени уйгуров; г-н Аристов отвергает это сближение, но и предложенное им объяснение так же мало состоятельно. Тождество названия тюркских уйгуров с названием финских угров, или югров, еще до В.В. Радлова предположенное Кастреном², мы считаем более чем сомнительным; но еще менее вероятно, что все эти названия происходят от слова гур (по-монгольски 'народ'), что это же слово скрывается в титуле гурхан и что оно «попало к древним тюркам, монголам и прочим из языка какого-нибудь более древнего народа».

Тюркские народы, оставшиеся в Монголии и в приалтайских областях, были известны китайцам под общим названием гаогюйцев, или телэ; это слово, по мнению автора, сохранилось в имени алтайских телеутов (монгольское мн. ч. от телэ) и теленгутов³ (стр. 67). В VI в. образовалась новая тюркская империя. По мнению г-на Аристова, не только основатели империи, но и все их соседи были тюрками; таковыми признаются даже татары и татаби (хи китайских источников, впоследствии, как полагает автор, известные под названием онгутов, или белых татар, ныне омонголившийся аймак Онийот). Еще в том же VI в. империя тюрков распалась на два государства, восточное и западное; в состав западного вошли десять аймаков (поколений), именно пять аймаков дулу и пять нушиби⁴. Род дулу, или тулу, упоминается и в числе гаогюйских родов V в. н. э.; кроме того, автор сближает это название с именем рода дуло, из которого происходили болгарские князья, и с названием современного поколения дулат (стр. 23-24). Первое сближение может быть основательно, но второе кажется нам совершенно невыносимым. Как в другом месте упоминает сам автор (стр. 42- 43), название этого поколения до XVI в. включительно писалось дуглат; эти дуглаты, которые еще в XIII в. были ближайшими соседями живших на Селенге тайджиятов и которых Рашид ад-дин⁵ считал чистыми монголами, едва ли имеют что-нибудь общее с тюркскими дулу.

Образование и распадение тюркской империи, как всегда было в подобных случаях, повлекло за собой значительное передвижение тюркских народов. В этом передвижении г-н Аристов отводит крайне незначительную роль народу огузов (гузов), что едва ли подтверждается историческими известиями. По его мнению, огузы и уйгуры - в сущности один и тот же народ, в разное время, в зависимости от преобладания того или другого рода, носивший разные названия; тюрки-тукю⁶ не входили в состав огузов, но покорили их (стр. 21-22); на западе «имя гузов, т. е. огузов, появилось уже во времена арабских географов»; его приняли роды канглов и кипчаков в VIII-X вв., может быть для того, чтобы отличить себя от покоренной карлуками восточной части канглов (стр. 144-145). Между

¹ «К вопросу об уйгурах», стр. 108-116.

² Ethnologische Vorlesungen, S. 93-103.

³ В другом месте (стр. 20) автор, кроме того, сближает слово теленгет с далянь, названием одного из гаогюйских родов.

⁴ Среди названий поколений встречаются названия чу-юе, чуми, чумугунь и чубань, из чего г-н Аристов заключает, что некогда было «особое тюркское племя, которое следовало бы именовать чуйским». Конечно, это - только гипотеза, хотя автор считает свой вывод несомненным.

⁵ Изд. Березина, I, пер., 207.

⁶ <Совр. чтение - туцзюе.>

тем в орхонских надписях хан, обращаясь к своему народу, называет его токуз-огузами¹ или просто огузами², из чего можно заключить, что слово *огуз* не только обозначало северных соседей тюрков-тукю, но употреблялось и в более широком смысле, в качестве синонима слова *тюрк*. На похороны Кюль-тегина с запада в качестве посла тюргешского хана прибыл «мудрый тамгачи огузов»³; из этого можно заключить, что термин *огуз* (в обширном значении) употреблялся и на западе. Итак, огузы, основавшие после падения западнотюркской империи новое государство, центр которого был на низовьях Сыр-дарьи, и впоследствии двинувшиеся на юго-запад, были прямыми потомками тюрков-тукю и не имели ничего общего с канглами. Лингвистические данные, как нам кажется, также говорят скорее в пользу нашей теории, чем в пользу предположений автора. По мнению г-на Аристов, от канглов и кипчаков одинаково происходят как юго-западные тюрки⁴, так и волжские татары, башкиры и другие; они же «принимали значительное участие в составе узбеков, сартов и киргиз-казаков, так что более двух третей всех ныне существующих тюрков происходит от канглов и кипчаков». Чем в таком случае объяснить близкое сходство южнотюркских наречий с языком орхонских надписей⁵ и существенное отличие их от «западных диалектов» В.В. Радлова, т.е. от языка киргизов, башкиров и волжских татар? Изучение истории тюрков и памятников тюркского языка приводит нас к тому заключению, что, как и полагает В.В. Радлов, три главные группы тюркских наречий (среднеазиатские диалекты представляют смешение диалектов разных групп) несомненно существовали уже в период тюркской империи; в языке огузов орхонских надписей, предков южных тюрков, мы уже находим в смягченном виде многие звуки, сохранявшие твердое произношение еще в чагатайском литературном языке. Вследствие этого мы не можем отождествить ни уйгуров с огузами⁶, ни гузов с команам (стр. 127). С другой стороны, тождество команов с кипчаками и близкое родство последних с канглами не подлежит сомнению; мусульманские писатели XII и начала XIII в. употребляют слова канглы и кипчак почти как синонимы⁷. Если можно сблизить между собой названия кангуй и канглы, то канглы некогда были самым западным из тюркских народов (в пользу

¹ Radloff, Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge, S. 150; Thompson, Inscriptions de l'Orkhon, p. 115.

² Radloff, Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge, S. 136; Thompson, Inscriptions de l'Orkhon, p. 105.

³ Radloff, Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge, S. 149; Thompson, Inscriptions de l'Orkhon, p. 114.

⁴ Утверждение автора, будто «Сельджук, по Рашид ад-дину, происходил из племени канглы» (стр. 137), вероятно, основано только на ошибочном чтении проф. Березина (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 30);

сам проф. Березин страницей выше читает *катык* قتيق; по мнению проф. Хаутсм (Die Ghuzenstämme, S. 226), правильное чтение *кынак*. Османы происходили из рода кайи, или кайи-ханлы; второе слово происходит от слова *хан* (г-н Аристов цитирует д'Оссона - Histoire des Mongols, 1.1, p. 293, но и там стоит Khanli, а не Kanli), так что, вопреки мнению г-на Аристов (стр. 138), и османы не происходили из канглов. <0 правильном чтении этих родовых названий см. выше, стр. 94.> Огузский род баят, из которого происходил патриарх Коркуд, вероятно, имеет так же мало общего с родом канглов баяут (стр. 143), как с монгольскими баяутами (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 175).

⁵ Radloff, Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge, S. 44.

⁶ В пользу этого отождествления г-н Аристов, между прочим, приводит следующее соображение: «Легенды об Угуз-хане встречаются не только у туркмен, но и у уйгуров, судя по изданному В.В. Радловым переводу отрывка рукописи уйгурского письма из библиотеки Шефера» (стр. 144). Язык этого отрывка, однако, существенно отличается от восточнотюркских наречий; автором легенды, вероятно, был не уйгур, а житель киргизских <=казахских> степей, где, как известно, долго жили огузы. <0 современной историко-лингвистической классификации тюркских языков см. Баскаков, Введение, стр. 176-306.>

⁷ Известно, что мать хорезмшаха Мухаммеда, по Джувейни, происходила из канглов; другие источники называют ее кипчакской царевной; ее родственники тоже часто называются кипчаками; <ср. Бартольд, О христианстве в Туркестане, стр. 27; соч., т. II, ч. 2, стр. 294>.

тюркского происхождения части европейских скифов до сих пор нет никаких доказательств); в пользу этого говорил бы факт (если бы он подтвердился), что тюркский элемент в мадьярском языке примыкает к западной группе тюркских диалектов¹. После основания тюркской империи преобладание и на западе перешло к огузам, которые приняли участие в движении из Азии в Европу; сюда, может быть, следует отнести движение печенегов (среди огузских родов упоминается род бичне), также узов византийских писателей, торков (по мнению г-на Аристова - тюргеши) и берендеев (вероятно, огузский род баяндыр) наших летописей. Постепенно, однако, в нынешних киргизских степях снова получили преобладание кипчаки (канглы); они вытеснили огузов с низовьев Сыр-дарьи, где мы в конце XII в. находим кипчакское владение², и из Южной России; им, как известно, принадлежит древнейший литературный памятник западнотюркских диалектов.

В Туркестане (по терминологии мусульманских писателей, т.е. в стране тюркских кочевников, простиравшейся от границы мусульманских владений до Китая) господство после распада западнотюркской империи перешло к трем народам: гузам (огузам), карлукам и токуз-огузам (ветви этого народа, переселившейся на восток из западнотюркского государства). На основании известных до сих пор данных г-н Аристов, подобно Григорьеву, должен был прийти к заключению, что Караханиды, в конце X в. объединившие под своей властью почти весь Туркестан, были карлуками; между тем данные, приведенные в рукописи Туманского, показывают, что в борьбе между токуз-огузами и карлуками первые постоянно одерживали верх³ и что передовая ветвь токуз-огузов, именно поколение ягма, в конце IX или в начале X в. уже владела частью Восточного Туркестана с городом Кашгаром (будущей столицей Караханидов) и частью Семиречья к югу от Нарына. Из другого, тоже еще не напечатанного источника⁴ мы знаем, что начальник этого поколения носил титул Богра- хана (очень обыкновенный у Караханидов); кроме того, сельджукский везир XI в. Низам ал-мульк упоминает о взятии Баласагуна языческими тюрками около 940 г.⁵ К этому времени мы, следовательно, можем отнести падение карлуков и начало господства Караханидов в Чуйской долине. Карлуки, по-видимому, должны были удалиться в северную часть Семиречья, где еще в XIII в. существовало карлукское владение. Итак, Караханиды и их народ, по нашему мнению, происходили из токуз-огузов⁶. Пребывание в течение двух столетий в стране уйгуров Восточного Туркестана, уже в V в. н. э. имевших письменность, не могло не отразиться на языке огузов; кроме того, как указывает и г-н Аристов (стр. 164), в Восточный Туркестан после разрушения уйгурского царства на Орхоне (IX в.) удалась часть уйгурских родов. Этим объясняется, что язык составленной в государстве Караханидов

¹ Vambery, Das Türkenvolk, S. 281; <ср. выше, стр. 38 и 195>.

² О нем и его отношениях к Хорезму подробно говорит Джувейни. В качестве соседей Хорезма кипчаки упоминаются уже у Бейхаки (изд. Морлея, 91), т. е. в XI в.

³ Впрочем, указание на этот факт (со слов Кудамы) уже было приведено (Бартольд, О христианстве в Туркестане, стр. 22; <соч., т. II, ч. 2, стр. 289>).

⁴ Муджмал ат-таварих, 273. <Об издании этого сочинения см. соч., т. I, стр. 72, прим. 7.>

⁵ Это известие теперь приведено в моем «Отчете о поездке в Среднюю Азию», стр. 35; <соч., т. IV, стр. 52>.

⁶ <О происхождении Караханидов см. выше, стр. 73.>

поэмы Кутадгу билик существенно отличается от языка орхонских надписей и принадлежит к восточнотюркским наречиям.

О том, какое влияние на передвижение тюркских народов имело образование империи кара-китаев (Западных Ляо) в XII в., мы не имеем почти никаких известий. Гораздо важнее по своим последствиям было усиление монголов в XIII в. Ориенталисты начала нашего века большею частью полагали, что этнографические условия Монголии в XIII в. были почти такие же, как теперь, и что еще до Чингиз-хана вся нынешняя Монголия была населена народами монгольского происхождения¹. Впоследствии некоторые этнографы старались доказать тюркское происхождение многих из этих народов; дальше всех в этом направлении пошел Ховорс, признавший тюрками целый ряд могущественных народов Монголии, в особенности кераитов, найманов и мер-гитов. Г-н Аристов, однако, идет еще дальше и считает тюрками даже те народы, в которых Ховорс видел монголов или тунгусов, как татар² и онгутов³. По теории автора, Монголия вплоть до Чингиз-хана была занята тюрками, «за исключением ее крайней северо-восточной части, где появились монголы»; тем не менее, монголы покорили тюрков и отняли у них лучшие земли; при этом «значительная часть тюрков Монголии осталась на своих местах, но омонголилась окончательно, вероятно, еще в XIII столетии» (стр. 31-32). Если монголы до Чингиз-хана действительно занимали только ту небольшую область, которую им отводит г-н Аристов, то число их в сравнении с тюрками не могло не быть крайне незначительным. При благоприятных обстоятельствах и при гениальных дарованиях Чингиз-хана такая малочисленность, может быть, не исключала бы возможности военных успехов монголов, даже не помешала бы им наложить на покоренных свое имя; но при таких условиях было бы совершенно немыслимым не только «омонголение» нескольких сильных народов в период времени меньше ста лет, но и сохранение монголами своего языка; неизбежным последствием побед Чингиз-хана было бы образование нового тюркского народа, хотя бы под названием монголов.

Определить, какие из перечисленных у Рашид ад-дина народов Монголии были тюрками, какие монголами, - задача в настоящее время едва ли разрешимая; еще проф. Березин⁴, указывая на географическое название Секиз-мурэн ('Восьмиричье'), обратил внимание на то, «до какой степени смешивались здесь языки». Мнение Ховорса о тюркском происхождении кераитов, найманов и других основывается главным образом на их тюркских именах и титулах⁵; между тем это явление гораздо проще объясняется культурным влиянием уйгуров, которому христианские кераиты и найманы, естественно, подвергались в большей степени, чем остальные народы. Влияние других культурных народов также проявлялось главным образом в именах и титулах; так, брат кераитского хана носил тибетский титул Чаханьбо; сын того же хана известен только под своим

¹ Abel-Remusat, *Recherches*, p. 237-240.

² Howorth, *History of the Mongols*, pt. I, p. 700-703.

³ *Ibid*, pt. I, p. 26.

⁴ Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 249.

⁵ Howorth, *History of the Mongols*, pt. I, p. 693 sq. Такого же взгляда Ховорс держался и впоследствии; ср. его статью о кераитах (Howorth, *The northern frontagers*, pt VIII, p. 379): «These names will suffice to prove that the Keraites were Turks and not Mongols».

китайским титулом Сенгун; впоследствии младший сын каана Угэдэя, получивший мусульманское воспитание, носил имя Мелик. С другой стороны, ввиду того низкого культурного уровня, на котором стояли монголы, можно объяснить только монгольским происхождением монгольские личные имена, все-таки встречающиеся у кераитов и найманов. Дед Ван-хана носил имя Маргуз, в форме Маргус встречающееся у монголов¹ и едва ли, вопреки высказывавшемуся иногда мнению², имеющее что-нибудь общее с христианским Марк; имя его жены Хутухтай (орфография допускает также чтение Хутухту) также чисто монгольское. Сами монголы, как показывает написанное еще в первой половине XIII в. героическое сказание, считали своими кераитов и мергитов³. Еще менее данных можно привести в пользу тюркского происхождения татар; самый титул татарского Нор-Буюрук-хана⁴ является красноречивым свидетельством в пользу факта, что тюркские титулы встречались и у народов, говоривших по-монгольски.

Из народов Западной Монголии монголами, несомненно, следует признать ойратов, живших у верховьев Енисея, непосредственно к югу от киргизов; по прямому свидетельству Рашид ад-дина⁵, язык ойратов отличался от монгольского только некоторыми диалектическими особенностями. Монголами, вероятно, были также найманы, которым принадлежало господство в Западной Монголии. Вопреки мнению г-на Аристову нам, по историческим аналогиям, кажется гораздо правдоподобнее видеть в названии этого народа монгольское числительное найман ('восемь'), чем производить его от названия реки Найма (приток Катуня). По мнению автора, «что найманы были искони тюрками, это удостоверяется нынешним тюркским языком этого многочисленного племени; отуречение первоначально монгольских найманов было бы несогласно со всем ходом истории Средней Азии» (стр. 87). Этот «ход истории» основан, однако, только на более чем сомнительных гипотезах самого автора. Мы решительно не понимаем, почему г-н Аристов считает невозможным отуречение некоторых монгольских элементов, переселившихся в западную часть Средней Азии. Это явление особенно заметно в истории узбеков⁶, и нет основания полагать, что его не было в истории родственных им казаков. Из «многочисленных племен», вошедших в состав казацкого союза, одно, именно кунграты, носит имя, которое сам г-н Аристов справедливо считает именем первоначально монгольского племени (стр. 96). Автор и тут не хочет верить в отуречение монголов; по его мнению, «вероятно, часть четырех тысяч, данных Джучию отцом, состояла из конгратов; они, несомненно, имели большое значение при дворе Джучидов и в управлении подвластными народами. Все это делает понятным образование в уделе джучиевом, в кипчакской орде, союза местных тюркских родов с именем конграт». Даже если принять такое объяснение, все-таки естественно возникает вопрос: не мог ли образоваться таким же образом союз тюркских родов с именем найман?

¹ Как указал еще проф. Березин (Рашид ад-дин, I, пер., 259).

² Между прочим Ховорсом (History of the Mongols, pt. I, p. 697).

³ Ср. Сокровенное сказание, пер. Кафарова, 54, 57, 171-172. В подлиннике, как мне сообщил проф. А. О. Ивановский, вместо дада стоит манхол.

⁴ Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 96-91.

⁵ Там же, 79.

⁶ См. намеки на него у Абулгази (Родословная тюрков, изд. Демезона, II, 196).

В период монгольского владычества образовались важнейшие из существующих тюркских народностей. Из них в книге г-на Аристов более подробно всего рассматривается киргиз-казацкий¹ народ, занимающий по численности второе, по пространству своих земель первое место среди современных тюрков; кроме того, этот народ «больше всех тюркских народностей сохранил скотоводческий и кочевой образ жизни и родовой быт, почему родовые и племенные деления и их имена держатся у него с наибольшей силой и ясностью» (стр. 76). Автор приходит к заключению, что «народ киргиз-казацкий сложился, главным образом, из племен канглы, кипчак, чу (дулат), аргын, найман, кирей и алчин» (стр. 120). Дулатов, найманов и киреев (кераитов), по нашему мнению, следует причислить к монгольским элементам; слово аргын, по интересной и очень правдоподобной догадке г-на Аристов, означало «помесь». Такое значение Марко Поло придавал слову Argon и отождествлял его со словом Gasmul; г-н Аристов, ссылаясь на Потье, приводит свидетельство Дю-канжа («Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis»), что «Basmoule или Gasmoule именовались в Византийской империи потомки отца француза и матери гречанки»²; отсюда делается вывод, что басмылы орхонских надписей (басими китайских источников) также были «смесью многих, вероятно разного происхождения родов» (стр. 91-92). Термин с таким значением мы, как известно, имеем и в новейшей истории тюрков (курама). Название племени алчин, главного племени Малой орды, сближается с названием «пегего народа», *ала*, и полумифической страны Алакчин, где «все лошади пегие, а очаги золотые»; кроме того, приводится, со слов Казанцева, малоордынское сказание о хане Алача, или Алачене, во владениях которого стали рождаться «пегие или чубарые люди» (стр. 106- 107). На основании всего этого автор приходит к заключению, что «в основе племени алчин лежала помесь тюрков с западными динлинами» (енисейскими осяками). Итак, чисто тюркскими элементами, вошедшими в состав киргиз-казацкого народа и, как видно из его нынешнего тюркского языка, составлявшими главную часть его, можно признать только канглов и кипчаков; естественно, что язык киргиз-казаков принадлежит к западной группе тюркских наречий. Влиянием тех же канглов, вероятно, следует объяснить факт, что кара-киргизское³ наречие стоит гораздо ближе к киргиз-казацкому, чем к языку енисейских тюрков. О канглах и кипчаках, вошедших в состав кара-киргизского народа, говорится и у г-на Аристов (стр. 122); кроме того, можно привести ряд исторических свидетельств, показывающих, что жилища канглов некоторое время простирались довольно далеко на восток. В начале XII в. канглы, вместе с карлуками, угрожали Баласагуну⁴; тюркское владение в Алмалыке, образовавшееся в XIII в., может быть, было основано канглами⁵; наконец, по Рашид ад-дину, канглы жили также в земле найманов, около верховьев Иртыша⁵. Последнее свидетельство показывает, что киргизы

¹ <Казахский.>

² Марко Поло, изд. Потье, I, 216.

³ <Киргизское>

⁴ См. рассказ Джувеини у d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, 1.1, p. 442.

⁵ Бартольд, О христианстве в Туркестане, стр. 29. Вопреки сказанному там, вопрос о том, стояло ли у Джувеини *قرلغان* или *قنقلیان*, далеко не так ясен. Ближайшее исследование ханыковской рукописи показало мне, что она в большинстве случаев достовернее и, вероятно, древнее долгоруковской. Если чтение Шереф ад-дина Йезди указывает на форму *قنقلیان*, то Вассаф, также пользовавшийся Джувеини, пишет *قرلغان* (ср. Вассаф, рук., 392). <Соответствующая оговорка была сделана В.В. Бартольдом в немецком издании его работы *О христианстве в Туркестане*.>

могли подвергнуться влиянию канглов еще до своего переселения в Семиречье, даже если это переселение произошло не до рождения Христова, как полагает г-н Аристов, а уже в монгольский период.

Из остальных событий истории тюрков самыми важными, на наш взгляд, являются переселение нескольких тюркских орд в Китай, вытеснение части тюрков на отдаленный северо-восток, где они образовали якутский народ, и постепенное отуречение оседлого населения Восточного и Западного Туркестана (в последнем этот процесс, как известно, еще не совсем закончен). Потомками в разное время переселившихся в Китай и окитаившихся хуннов, тюрков и уйгуров автор считает дунган (стр. 18, 172). Якутов г-н Аристов, на основании исторических и этнографических данных, считает потомками енисейских тюрков и сближает народное название якутов (саха) с названием енисейских сагайцев; переселение якутов с берегов Енисея на берега Лены произошло, по его исследованию, вероятно, в XIII в. (стр. 57-59). Отуречение туркестанских иранцев приписывается главным образом карлукам (стр. 165, 172), хотя начало этого процесса г-н Аристов, считая тюрками усуней и саков, относит к гораздо более раннему времени (стр. 163). Теперь отуреченные таджики известны под названием сартов - термин, который в средние века был синонимом слова таджик. Происхождение слова сарт до сих пор не выяснено; в обсуждении этого вопроса принимал участие и пишущий эти строки, ошибочно полагавший, что сарты не упоминаются у писателей домонгольского периода¹; г-н Аристов (стр. 157) напоминает приведенный еще у Вамбери² факт, что термин сарт уже употреблен в поэме Кутадгу билик (XI в.). Очень вероятно, что монголы, в числе многих других терминов, заимствовали его у уйгуров. В настоящее время слово сарт даже в официальной статистике не имеет определенного, всеми признанного значения и сарты часто смешиваются с узбеками. Статистика Самаркандской области не признает сартов, а только узбеков и таджиков; с другой стороны, «в ферганской статистике почти нет узбеков, и все оседлое население именуется сартами» (стр. 156). Г-н Аристов предлагает «называть сартами лишь говорящее по-тюркски оседлое и утратившее родовые быт и деления население Сыр-дарьинской и Ферганской областей» (стр. 157). Автор знает, что «для перешедших к оседлой жизни кочевников утрата родового быта и родовых делений есть только вопрос времени», но, по его мнению, для этого «большую часть времени все-таки требуется немалое» (стр. 155). Если предложение г-на Аристова будет принято, то слово сарт будет иметь скорее бытовое, чем этнографическое значение; по замечанию самого автора, сюда войдут, кроме отуреченных таджиков, еще «помеси тюрков разных племен между собой и с другими сверх таджиков инородцами (напр. с афганцами, потомками арабов и пр.)». Такое соображение не останавливает автора, полагающего, что «это не мешает сартам быть или сделаться довольно однородной народностью, так как единство языка, религии, занятий и быта неизбежно повлечет за собою и антропологическое слитие путем браков и метисации». Против этого можно возразить, что для такого антропологического (и лингвистического) слития также «время все-таки требуется немалое». Так как основным признаком народа является язык, то, как нам кажется,

¹ Бартольд, Еще о слове «сарт». <См. также соч., т. II, ч. 2, стр. 310-314, 527-529.>

² Das Türkenvolk, s. 371.

точное разграничение сартов и узбеков возможно только путем точного определения тех признаков, по которым наречие сартов отличается от узбекского.

В заключение мы должны отметить еще одно крупное недоразумение, проходящее через всю историческую часть книги. Г-н Аристов едва ли не все явления истории тюрков выводит из родового быта; образование кочевых империй объясняется усилением отдельных родов или племен, распадение их - стремлением родов и племен к самостоятельности (стр. 10). Исторические известия показывают, что в двух случаях, именно при восстановлении восточнотюркского государства (VIII в.) и при образовании империи монголов (XIII в.), переворот в жизни кочевников находился в связи с борьбой между степной аристократией и демократическими элементами, причем борьба в первом случае кончилась победой демократии, во втором - победой аристократии¹; к тому же, по прямому свидетельству источников, приверженцы Чингиз-хана, как и приверженцы его главного соперника, состояли из представителей различных родов и племен². Отсутствие подробных данных об образовании других кочевых империй заставляет нас оставить открытым вопрос, происходили ли и там явления, более соответствующие понятию о классовой борьбе, чем понятию о борьбе между отдельными родами и племенами. Отвергаемый г-ном Аристовым (стр. 15) взгляд г-на Каёна, что перевороты в жизни Азии производились «живыми нациями», а не мелкими родовыми единицами, может быть и не так далек от истины. Пишущего эти строки изучение истории Востока все более и более приводит к сознанию тех простых истин, что на Востоке, как и на Западе, обширные движения вызывались интересами обширного круга лиц, что в Азии и в Европе действуют одни и те же законы исторической эволюции, что о восточном человеке с таким же правом, как о западном, можно сказать, что «ничто человеческое ему не чуждо», хотя в обоих случаях, в зависимости от бытовых условий, отдельные стороны человеческой натуры могли на более или менее продолжительное время получить почти исключительное преобладание. Под влиянием трудов европейских ориенталистов (особенно немецких) «златой Восток, страна чудес», Восток «Тысячи и одной ночи» постепенно отходит в область легенд; зато перед нами разворачивается картина действительной жизни восточных народов и выясняются причины, определившие ход их истории и их роль в истории человечества. В новейших обзорах всемирной истории уже приняты во внимание результаты исследований этих ученых; но для истории Средней Азии подобных трудов до сих пор почти не существует; походы тюрков и монголов описываются в том же фантастическом освещении, в каком до появления трудов Шпренгера, Вейля, Дози, Кремера и других рассказывалась история Мухаммеда и арабов. Ввиду близости к Средней Азии как нашего прошлого, так и нашей современной жизни пополнение этого пробела во всемирно-исторической литературе возможно только при деятельном участии русских ученых. Приветствуя книгу Н.А. Аристова в качестве крупного шага на пути к этой цели, мы в то же время позволяем себе выразить надежду, что ни сам автор, ни будущие исследователи не остановятся на той точке зрения, на которой он стоит в этой книге.

¹ Ср. Бартольд, Образование империи Чингиз-хана, стр. 111-114.

² Сокровенное сказание, пер. Кафарова, 59-62, 69-70; Рашид ад-дин, изд. Березина, II, пер., 124.

Опубл.: Записки Восточного отделения

Русского археологического общества.

Т. XI. 1899; также: В.В. Бартольд. Соч. Т. V. М.

Литература и источники в книге Н.А. Аристова «Труды по истории и этническому составу тюркских племен»¹

1. Абрамов Н. А. Алматы, или укрепление Верное с его окрестностями // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общ. геогр. Т. I. - СПб., 1867.
2. Андреев И.Г. Описание Средней орды кыргыз-кайсаков с принадлежащими и касающимися до сего народа дополнениями и прилежащих к Российской границе Сибирской линии по части Колыванской и Тобольской губерниях (к) крепостям, собранное 1785 года капитаном Андреевым // Новые ежемесячные сочинения. Ч. CXV-CXVIII. - 1795-1796.
3. Анучин Д.Н. Племя айнов // Изв. И. Общ. любителей естеств., антропол. и этногр. Т. 20. — М., 1876.
4. Арандаренко Г.А. Каратегин (По расспросным сведениям) // Воен. сб. - СПб., 1878. - № 5.
5. Афрыканов А.М. Записки о монгольских кочевьях. — СПб., 1895.
6. Бабур. Записки Бабера (Бабер-намэ / Ильминский. — Казань, 1857) / Пер. с джагатайского (узбекского) С.И. Полякова // Ежегодн. Ферг. обл. Т. 3. — Новый Маргелан, 1904 (Записки Бабура на фр. яз. изданы в Париже в 1871 г.).
7. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. -СПб., 1887.
8. Бетлинг. О языке якутов // Уч. зап. И. Академии наук по 1 и 3 отделениям. Т. 1. Вып. 4. — 1855.
9. Библиотека восточных историков, изд. И.Березиным. Т. 1. — Казань, 1849.
10. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Ч. 1. — СПб., 1833.
11. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — СПб., 1834.
12. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 ч. Ч. 1. - СПб., 1891.
13. Броневский СБ. Записки ген.-м. Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отеч. зап. Ч. 42. - 1830.
14. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии (с двумя портретами дикокаменных киргизов) // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 1-2. - СПб., 1861.
15. Валиханов Ч.Ч. Поездка Валиханова в Кашгар // Изв. И. Русск. Геогр. Общ. Т. IV. - 1868.

¹ Литература на иностранных языках, приведенная в издаваемых трудах Н.А. Аристова, в данный список не включена, так как выверить ее не представляется возможным. В отдельных случаях год, место и другие элементы библиографического описания изданий, вошедших в список, не уточнены из-за отсутствия этих изданий в республике и библиографических указателей с их упоминанием.

16. Вамбери Герман. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего времени. По восточным и необнародованным рукописным историческим источникам. Т. 1 / Пер. А.И. Павловского. - СПб., 1873.
17. Васильев В.П. История и древности Восточной части Средней Азии. - 1859.
18. Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Журн. Мин. нар. проев. - 1872, ноябрь.
19. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Косимовских царях и царевичах. Ч. Ш. -1864.
20. Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках от X до XIII века с приложением китайских известий о киданях, чжуржитах и монголо-татарах // Тр. Вост. Отд. И. Русск. Археолог. Общ. Ч. IV.-СПб., 1853.
21. Венюков М.И. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них.-СПб., 1868.
22. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы // Сб. этногр. статей и исследований алтайского миссионера протоиерея В.И.Вербицкого. — М., 1893.
23. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. - СПб., 1877.
24. Византийские историки Dexsinp и др. / Пер. с греч. С. Дестуниса. - СПб., 1868.
25. Волконский А. От Нового Маргелана до г. Бухары. Путевые записки // Вестник Европы. — 1894, июль.
26. Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 5.-1851.
27. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестане // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. статистики. - Т. 1. - СПб., 1868.
28. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. 2.О народах татарского племени. - СПб., 1772 (2-е изд. - СПб., 1799).
29. Голубев А. Заилийский край // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 3. - СПб., 1861.
30. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. - Киев, 1834.
31. Гребенкин А. Узбеки // Турк. вед. - 1871. - № 39.
32. Гродеков НИ. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт — Ташкент, 1889.
33. Дело Канцелярии семипалатинского губернатора. - 1866. - № 88.
34. Добросмыслов А.Н Скотоводство в Тургайской области.—Оренбург, 1895.

35. Дополнения к актам историческим / Изд. Археологической комиссии. Т. 10-СПб., 1867.
36. Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. — СПб., 1764 (первое полугодие).
37. Ельницкий К. Иностранцы Сибири и среднеазиатских владений России: этнографические очерки, учебное пособие. - СПб., 1895.
38. Ефименко П. Юридические знаки // Журнал Мин. нар. просвещ. - 1874. -№10,11-12.
39. Ефремов Филипп. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарин, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. - СПб., 1786 (2-е изд. 1794; 3-е изд. вновь переработано и дополнено биографическими сведениями о Ефреме магистром исторических наук Петром Кондыревым. - Казань, 1811).
40. Живописная Россия. Т. 10. Русская Средняя Азия. - СПб., 1885.
41. Житецкий НА. Смена народностей в южной Руси // Киевская старина. —1883, июль.
42. Житков М.Н. Путевой дневник // Оренбургские губернские вед. - 1850.-№49.
43. Загряжский Г. С. Кара-киргизы // Турк. вед. - 1974. - № 41.
44. Загряжский Г.С. О народном суде у кочевого племени Туркестанского края по обычному праву // Мат. для стат. Турк. края. Вып. 4. — СПб., 1876.
45. Загряжский Г. С. Быт кочевого населения Чу и Сыр-Дарьи // Турк. вед. -1874.
46. Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда // Турк. вед. - 1873. - № 10; 1874.-№45.
47. Записки Кавказского Отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. XI. -1880 и др.
48. Записки о монгольских кочевьях / Пер. с монг. яз. П.С.Попова. - СПб., 1895.
49. Зеланд Н.Л. Киргизы, этнологический очерк // Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. VII. Вып. 2. - Омск, 1885.
50. Зеланд Н.Л. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня // Зап. Зап.-Сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. IX. - Омск, 1887.
51. Иванин М. Внутренняя или Букеевская орда // Эпоха. - 1864. - № 12.
52. Ивановский А. А. Антропологический очерк торгоутов Тарбагатайской области. - М., 1893.
53. Изв. Таврической ученой комиссии. -1895. — № 22.
54. Иохельсон. Заметки о населении Якутской области // Живая старина. Вып. 2. -1895.
55. Иречек. История болгар / Пер. Яковлева. - Варшава, 1877.

56. История Убаши-хуньтайджи // Тр. Вост. отд. И. Русск. Археолог. Общ. Ч. 6.-1858.
57. Исторические акты XVII столетия (1633—1690) // Материалы для истории Сибири. Собрал и издал П. Кузнецов. - Томск, 1890; Вып. 2.-Томск, 1897.
58. Казанцев Илья. Описание киргиз-кайсак. - 1867.
59. Казанцев И. Расписание родов Оренбургского ведомства / Архив И. Русск. Геогр. Общ. Рукопись. 1856.
60. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумоманычской экспедиции. — СПб., 1868.
61. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 5. - 1819.
62. Карта Средней киргиз-кайсацкой орды с приложенной к ней рукописью № 222 по каталогу депо военно-топографического отд. Главного штаба. Вып. 1. - СПб., 1885.
63. Кастрен А. Путешествие А. Кастрена (1838-1849) // Магазин земледения и путешествий Фролова. Т. VI. — 1860.
64. Катаное Н. Ф. Письма Н.Ф.Катанова // Зап. И. Академии наук. Т. 73. Кн. 2.-1891; Живая старина. Вып. III и IV.
65. Катаное Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г. // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. этнологии. Т. 17. Вып. 2.-1891.
66. Каульбарс А.В. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1860 г. // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общей геогр. Т. V.-СПб., 1875.
67. Каутский К Возникновение брачных союзов // Сев. вести. - 1891, сент.-окт.
68. Кеппен 77. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г.-СПб.
69. Килевейн. Отрывок из путешествия в Хиву (1838 г.) // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 1.-1861.
70. Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. — Томск, 1886.
71. Костенко Л.Ф. Военно-научная экспедиция на Алтай и Памир // Военный сб. - 1871.— № 1.
72. Костенко Л.Ф. Чжунгария. Военно-стат. очерк // Сб. мат. по Азии. Вып. XXVIII. - СПб., 1887 (с картами).
73. Краснов А.Н. Очерк быта семиреченских киргизов // Изв. И. Русск. Геогр. Общ., 1887.
74. Красовский. Область сибирских киргизов // Мат. для геогр. и статист. России.-СПб., 1868.

75. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. - СПб., 1863.
76. Кузнецов П. О Хивинском ханстве // СПб. вед. - 1887. - № 128.
77. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк, ее военные силы, промышленность и торговля. — СПб., 1879.
78. Куишкевич А.А. Сведения о Ходжентском уезде // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по общей географии. Т. 4. - 1871.
79. Кушелевский А.А. Очерки о Ходжентском уезде // Турк. вед. — 1872. №11.
80. Лапин Сер-Али. Карманный русско-узбекский словарь. - Самарканд, 1895.
81. Лапин Сер-Али. О значении и происхождении слова «сарт» (По поводу заметки г. В. Бартольда // Турк. вед. — 1894. — № 36, 38,39.
82. Левшин И.А. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 1-3 // Исторические изв. — СПб., 1932.
83. Маак Р. Вилуйский округ Якутской области. Ч. 3. - СПб., 1887.
84. Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. V. - СПб., 1879.
85. Маев Н.А. Очерки Гиссарского ханства // Мат. для стат. Турк. края: Ежегодник. Вып. V. - СПб., 1879.
86. Малевкин Л.Н. Кара-ногайцы. О древней культуре западных финнов по данным их языка, по соч. д-ра Альквиста. — СПб., 1877.
87. Майдель Г. Исторические изв. о Якутской области. Т. 1. - СПб., 1896.
88. Мат. для стат. Самаркандской области за 1887/1888 гг. - Самарканд, 1890.
89. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства. - СПб., 1865.
90. Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. С приложением химических исследований почв и вод К. Шмидта / Пер. с нем. В.И.Ковалевского.-СПб., 1882.
91. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири А.Ф.Миддендорфа. Ч. 2. Вып. V - СПб., 1872.
92. Миллер Герард Фридерик. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Кн. 1. - СПб., 1750 (2-е изд. - СПб., 1787).

93. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. - СПб., 1879.
94. Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886.
95. Надеждин. Кавказский край. — Тула, 1895.
96. Накануне всеобщей переписи. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи. - СПб., изд. Канцелярии комитета министров. - СПб., 1895.
97. Небольсин. Волжское низовье // Журнал Мин. внутр. дел. — 1852.
98. Небольсин. Записки о кундровских татарах // Вестн. И. Русск. Геогр. Общ. 4.2.-1852.
99. О башкирах // Зап. Уральск. Общ. любителей антропологии, этнографии и естествознания при Моск. ун-те. Т. XIII. Вып. 1. - 1892.
100. Обзор Закаспийской области за 1893 г. - Асхабад, 1895.
101. Обзор Семиреченской области за 1885 год. - Верный.
102. Оглоблин Н.Н. Остяцкие знамена // Историч. вестн. -1889 - № 10.
103. Описание якутов, их происхождение [Автор неизвестен] // Северный архив. Ч. 3. - 1822.
104. Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Тр. Общ. естествоиспытателей при И. Казанском ун-те. Т. 4. № 1. — Казань.
105. Остроумов Н.П. Сарты // Этнографические материалы. Вып. 1. - Ташкент, 1890 (2-е доп. изд., 1896).
106. Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз // Изв. И.Р. Геогр. общ. Т. XVII. - 1881.
107. Пантюхов И.И. О кумыках. Антропологический очерк // Зап. Кавказского отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 28. - 1895.
108. Памятная книжка Дагестанской области на 1896 г.
109. Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Ч. 3 - СПб.
110. Письмо из Омска // Русск. инвалид. — 1857. — № 195.
111. Позднеев А.М. Монгольская летопись Эрденийн-эрихэ. - СПб., 1883.
112. Попов А. Обзор хронографов русской редакции. — М., 1866.
113. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах. Вып. I. Дневники путешествия и материалы для физической географии и топографии С.-З. Монголии.—СПб., 1881 (то же: Вып. II. Материалы этнографические. - СПб., 1881).

114. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии: Материалы этнографические. — СПб, 1893.
115. Правительственный вестник. — 1881. - № 3; 1896. — № 70.
116. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Четвертое путешествие в Центральную Азию. - СПб., изд. И. Русск. Геогр. Общ., 1888.
117. Приклонский В.Л. Три года в Якутской области // Живая старина. Вып. 2. -1890.
118. Путешествие Русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1873 г. Т. 2. - СПб., 1883.
119. Путинцев. Дневные записки переводчика Путинцева в 1811 г. - СПб., 1819.
120. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии // Тр. Орхонской экспедиции. - СПб., 1892.
121. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах // Зап. И. Академии наук. Т. 72. Кн. 1. Приложение 2-е. -1893.
122. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских наречий. Ч. 5.-СПб., 1885.
123. Радлов В.В. Средняя Зеравшанская долина // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. этнографии. Т. 6. - СПб., 1880.
124. Рапорт сергиопольского военно-окружного начальника от 30 ноября 1865 г.-№ 2673.
125. Рашид-Эддин. Сб. летописей. История монголов. Введение. История Чингисхана до восшествия его на престол / Русск. пер. с предисловием и примечаниями И.Н. Березина // Тр. Вост. отд. И. Русск. Археолог. Общ. Ч. 13. - СПб., 1858.
126. Ремезов С. Чертежная книга Сибири, 1701. - СПб., 1882.
127. Риттер Карл. Землеведение Азии. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Восточный или Китайский Туркестан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати лет В.В. Григорьев. Вып. 2. Отдел 1. Историко-географический / Сост. В.В. Григорьев. - СПб., 1878.
128. Романов А. Нижний Алай // Турк. вед. - 1882. - № 20.
129. Рынков П.И. История Оренбургская (Опубл. Г.Ф. Миллером). - СПб., 1759.
130. Рынков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное (...) Петром Рычковым. 4.1.-СПб., 1762.
131. Сборник сведений о Кавказе. Т. 7. — 1880.

132. Сборник сведений по России на 1889-1885 гг.
133. Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1877-1881 гг. - Самарканд, 1890.
134. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. - Ташкент, 1891.
135. Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шань, совершенные по поручению И. Русск. Геогр. Общ. - СПб., 1873 (1 карта).
136. Серошевский В.Л. Якуты, опыт этногр. исследования. Т. 1. - СПб., 1896.
137. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. - СПб., 1887. •
138. Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. - СПб., 1887.
139. Сорокин И.В. В горах и долинах Тяньшаня в 1884 г. // Истор. вестн. Т. XXIV. № 5. - СПб., 1886. - Илл.
140. Сорокин Н.М. Путешествие к вогулам / Тр. Общ. естествоиспытателей при И. Казанском ун-те. Т. 3. № 4. - 1873.
141. Спасский Г. И. Изображение обитателей Сибири или новое достоверное описание некоторых коренных сибирских народов: их местопребывание, образ жизни, нравов, обрядов, веры, наречий и проч. // Сибирский вестн. Ч. IX (киргиз-кайсаки). — СПб., 1830.
142. Статистика Российской империи. Волости и населенные места, 1893. Томская губерния.
143. Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. статист. Т. 4. — 1874.
144. Терский календарь на 1886 г. - 1895.
145. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из соч. арабских. - СПб., 1884.
146. Топинор. Антропология / Пер. И. Мечникова. — СПб., 1879.
147. Тропов В.Д. Материалы по антропологии и этнографии киргиз // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отд. этнографии. Т. 1. Вып. 2. — 1891.
148. Труды Орхонсоокой экспедиции. Атлас древностей Монголии. - СПб., 1892.
149. Труды Сибирской экспедиции // Изв. И. Русск. Геогр. Общ., математич. отд. - СПб., 1864.

150. Унковский Иван. Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы: Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н.И.Веселовского. - СПб., 1887. 1 карта // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отдел, этногр. Т. X. Вып. 2. - СПб., 1887.
151. Успенский В. М. О бассейне Лобнора: Извлечение из китайского соч. под заглавием «Си-юй-дао-цзы» // Зап. И. Русск. Геогр. Общ., по отдел. этнографии. Т. VIII. - 1880.
152. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Т. 1. Ч. 2. В Кокандском ханстве // Изв. Общ. любителей естествознания, антропологии и этногр. при Моск. ун-те. Т. XI. Вып. 7. — СПб., 1875.
153. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. — СПб., 1774.
154. Ханыков Я. Очерк состояния внутренней киргизской орды // Зап. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 2. - 1847.
155. Харузин А. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и кара-киргизов // Этногр. обзор. Кн. IX. № 2. - 1891.
156. Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды: Антрополог, очерк. Вып. 1.-М., 1889; Вып. 2. Ч. 1. - М., 1891.
157. Харузин Николай. Русские лопари // Изв. И. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Т. 66. - 1890.
158. Хомутов П.И. Проект Всеподданнейшего Отчета ген.-ад. К.П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского ген.-губернаторства. 7 ноября 1867 г. - 25 марта 1881 г.-СПб., 1885.
159. Хорошхин А.П. Народы Средней Азии: Историко-этнографические очерки // Турк. вед. - 1871. - № 9,10.
160. Хорошхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края.-СПб., 1876.
161. Шейбаниада. История монголо-тюрок на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложением, изданная И. Березиным // Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. 1. Вып. 1-Казань, 1849.
162. Шиловский. Очерки природы и населения крайнего северо-востока Сибири // Землеведение. Кн. III. —1894.
163. Шифнер, акад. Об этнографической важности знаков собственности // Уч. зап. И. Академии наук по 1 и 3 отд. Т. 3. - 1855.
164. Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области // Зап. Зап.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 17. Вып. 2.

165. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877.
166. Щукин Н. Поездка к якутам. — СПб., 1844.
167. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 3. - 1891; Т. 15.- 1895.
168. Юань-чао-ми-ши // Труды Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1.-СПб., 1866.
169. Яворский И.Л. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 г. Вып. 2. — Одесса, 1895.
170. Яворский И.Л. Опыт медицинской географии и статистики Туркестана. Ч. 1. Диссертация на степень доктора медицины. - СПб., 1889.
171. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы // Зап. Зап.-сиб. отд. И. Русск. Геогр. Общ. Кн. 4. - 1882.
172. Якутский род [Автор неизвестен] // Памятная книжка Якутской области на 1896.

г

Литература по проблематике издаваемых трудов Н.А. Аристова (XX - начало XXI в.)

1. Абдыкалыков А. О термине «буруты» // СЭ. -1963. - № 1.
2. Абетеков А.К, Баруздин Ю.Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963.
3. Абетеков А.К. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967.
4. Абетеков А.К. К вопросу о земледелии кочевников Семиречья (II в. до н.э. - V в. н.э.) // Проблемы археологии Средней Азии. - Л., 1968.
5. Абетеков А.К. Ранние кочевники Тянь-Шаня и их культурные связи с Кушанской империей // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.2.-М., 1975.
6. Абетеков А.К. Кочевники древней Киргизии: загадки археологических памятников // Будущее науки. Вып. 14. - М., 1981.
7. Абрамзон С.М. Манапство и религия // СЭ. -1932. - № 2.
8. Абрамзон С.М. К семантике киргизских этнонимов // СЭ. - 1946. - №3.
9. Абрамзон С.М. Современное манапство в Киргизии // СЭ. - 1950. - №3-4.
10. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. ТИЭ. Т.XIV. - М., 1951.
11. Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П.М.Кошарова (1857) // МАЭ. Т. XIV. - М.; Л., 1953.
12. Абрамзон С.М. Полевые этнографические работы в Киргизской ССР в 1953 г. // СЭ. - 1954. - № 2.
13. Абрамзон С.М. Предварительные итоги полевых этнографических исследований в Киргизской ССР в 1954 г. // КСИЭ. Вып. XXV.-1956.
14. Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. Вып. XXVIII. - М., 1958.
15. Абрамзон С.М., Антипина К.И., Васильева Г.П., Махова Е.И., Сулайманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан // ТИЭ. Т. XXXVII. - М., 1958.
16. Абрамзон С.М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области КНР // ТКАЭЭ. Т. II. - М., 1959.
17. Абрамзон С.М. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая // Докл. делегации СССР на XXV Междунар. конгр. востоковедов. - М., 1960.

18. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // ТКАЭЭ. Т. IV. - 1960.
19. Абрамзон С.М. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. - М., 1960.
20. Абрамзон С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии//ТКАЭЭ. Т.III.
21. Абрамзон С.М. Патриархально-общинный уклад и пути его изживания у народов среднеазиатских республик и Казахской ССР. - М., 1964.
22. Абрамзон С.М. О пережитках ранних форм брака у киргизов (К вопросу о генезисе институтов левирата и сорората) // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968.
23. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Л: Наука, 1971.
24. Абрамзон С.М., Потапов Л.П. Народная этногония как источник // СЭ. -1975.-№6.
25. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969.
26. Азимджанова С.А. Черты социально-экономической жизни Ферганы на рубеже XV-XVI вв. // Тр. Института востоковедения АН УзССР. Вып. III. -1954.
27. Айтбаев М. Т. Социально-экономические отношения в киргизском аиле в XIX и начале XX в. - Фрунзе, 1962.
28. Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. - Фрунзе, 1957.
29. Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX - начале XX в. - Фрунзе, 1967.
30. Акаев А. А. Раздумья на судьбоносном этапе. - Бишкек, 1994.
31. Акаев А.А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». - Бишкек, 2002.
32. Акаев А.А. Памятное десятилетие. – Бишкек, 2002.
33. Акаев А.А. История, прошедшая через моё сердце. – Бишкек, 2002.
34. Акаев А.А. О государственной идее, кыргызской государственности и ее лидерах. - Бишкек, 2003.
35. Акимускин О.Ф. Монгольско-узбекский союз против казахов в середине XVI в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР 1969 г. - Л., 1969.

36. Акимушкин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. - 60-х годах XVII в. // Палестинский сборник. Вып.21 (84). - 1970.
37. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата, 1963.
38. Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. - Алма-Ата, 1972.
39. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. - Алма-Ата, 1973.
40. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. - М., 1978.
41. Алексеев В. П. Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы (сравнительно-краниологический очерк) // ТКАЭЭ. Т. 1. -1956.
42. Аманалиев Б. О соотношении религиозного, иррелигиозного и атеистического в сознании киргизского народа // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. V. Вып. 2 (Философия, эстетика, право). - Фрунзе, 1963.
43. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и изобразительного искусства южных киргизов. - Фрунзе, 1962.
44. Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963.
45. Археологические памятники Прииссыккуля. - Фрунзе, 1975.
46. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. - М., 1981.
47. Асимов М.С. Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). -М., 1981.
48. Ауэзов М. Киргизский героический эпос «Манас» // Мысли разных лет. - Алма-Ата, 1961.
49. Бабур. 1-2 книга. - Ташкент, 1982. (также см.: Захир ад-Дин Бабур. Бабур-намэ. - Ташкент, 1948.
50. Байпаков КМ. О древних городах Суяб и Баласагун // Вестник АН КазССР. -1976. - № 1.
51. Байпаков КМ. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. - Алматы. -1998.
52. Барс-бег, каган кыргызов. - Бишкек, 2003.
53. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т.1.-М., 1963.

54. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. 4.1. - М., 1963.
55. Бартольд В.В. Извлечение из «Тарихи Шахрухи» // Соч. Т. II. Ч. 2.-М., 1964.
56. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. V. - М., 1968.
57. Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Соч. Т.V.-М., 1968.
58. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. - М., 1963. (отд. изд. - Фрунзе, 1927).
59. Баруздин Ю.Д. Памятники кочевников рубежа и первых веков н.э. // Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия). - Фрунзе, 1962.
60. Баскаков Н.А. Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями (На материале этнонимии ногайцев и каракалпаков) // Ономастика Средней Азии. 2. - Фрунзе, 1980.
61. Баскаков Н.А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. Т. П. Тюркские языки. - М., 1966.
62. Батманов И.А. Некоторые лингвистические данные к этногенезу киргизского народа // ТКАЭЭ. Т.III. -1959.
63. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г. Ф. Современная и древняя енисеика. - Фрунзе, 1962.
64. Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1972.
65. Берг Л. С. Озеро Иссык-Куль. Избр. труды. Т.III. - М., 1960.
66. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. - Л, 1940.
67. Бернштам А.Н. Источники по истории киргизов XVIII в. // Вопр. истории. -1946. - № 11-12.
68. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI-VIII вв. - М.; Л., 1946.
69. Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. - М.; Л., 1950.
70. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. - М.; Л., 1952.
71. Бернштам А.Н. К вопросу о происхождении киргизского народа // СЭ.-1955.-№2.
72. Бернштам А.Н. Древнетюркские рунические надписи из Ферганы // ЭВ. Вып. 11.-1956.
73. Бернштам А.Н. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX-X вв. // СВ.-1956.-№4.

74. Бернштам А.Н. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа // ТКАЭЭ. Т. III. - 1959.
75. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. - М.; Л., 1950.
76. Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // СИНВ. Вып.22. Кн. 2. -1980.
77. Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича. - М., 1971.
78. Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX в. - М., 1961.
79. Брук С.И. Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики // СЭ. -1958. - № 1.
80. Брыкина Г.А. Культурные связи Ферганы в I тысячелетии н.э. // Этнография и археология Средней Азии. - М., 1979.
81. Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. - М., 1982.
82. Бурковский А. Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов // Уч. зап. исторического факультета КГУ. Вып 3. - 1954.
83. Бурковский А.Ф. К вопросу обработки животноводческого сырья у киргизов // Уч. зап. Киргизского женского пед. института им. В.В. Маяковского. Вып. II. -1957.
84. Бурковский А.Ф. Из истории техники металлического производства у киргизов // Уч. зап. исторического факультета КГУ. Вып. V. - 1958.
85. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. - Абакан, 2002.
86. Валитова А.А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадгу билиг» (Доклад на VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук). - М., 1964.
87. Валиханов Ч.Ч. Собр соч. в пяти томах. Т. I-IV. - Алма-Ата, 1961— 1968.
88. Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. - Фрунзе, 1963.
89. Винник Д.Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины //Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967.
90. Винник Д.Ф. Археологическая карта Тонской долины // Археологические памятники Прииссыккуля. - Фрунзе, 1975.
91. Винников И.Н. Арабы в СССР // СЭ. IV. -1940.

92. Винников Я. Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // ТКАЭЭ. Т. 1-1956.
93. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. - Д., 1934.
94. Воеводский М.В., Грязное М.П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории усуней // ВДИ. -1938. - № 3.
95. Волин С. [Л.]. Сведения арабских источников IX-XVI веков о долине реки Талас и смежных районах //Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. - Алма-Ата, 1960 (Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 8).
96. Вопросы этнической истории кыргызского народа. - Фрунзе, 1989.
97. Воропаева В., Джунушалиев Ж., Плоских В. История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана. - Бишкек, 2002.
98. Воропаева В., Джунушалиев Д. Плоских В. Из истории кыргызско- российских отношений (XVIII-XX вв.): Краткий курс лекций и метод. пособие. - Бишкек, 2001.
99. Вострое В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX - начало XX в.). - Алма-Ата, 1968.
100. Вострое В.В. Восточные авторы о кыргызах / Сост., введ. и комм. О Караева. - Бишкек, 1994.
101. Вяткин М.П. Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна // Ист. архив. Т. 1. - М., 1936.
102. Вяткина К. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-азиатский этнографический сборник // ТИЭ. Т.LX. - М.; Д., 1960.
103. Галицкий В.Я. История города Пишпека. 1878-1917. - Фрунзе, 1980.
104. Галицкий В.Я., Плоских В.М. Старинный Ош: Очерк истории. - Фрунзе, 1987.
105. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.-М., 1972.
106. Горбунова Н.Г. Фергана по сведениям античных авторов // История и культура народов Средней Азии. - М., 1976.
107. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Бурана, Узгенд, Сафид-Булан. - Фрунзе, 1983.
108. Горячева В.Д., Настич В.И. Эпиграфические памятники Узгена XII-XX вв. // Киргизия при Караханидах. - Фрунзе, 1983.
109. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. - М., 1961.
110. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.П.-Д., 1926.

111. Грязное М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ.- 1955.-№24.
112. Грязное М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. -Л., 1980.
113. Гумилев Л.И. Хунну. Средняя Азия в древние времена. - М., 1960.
114. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. - М., 1967.
115. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX в. - М., 1979 (изд. 2-е, доп. - М., 1983).
116. Давидович Е.А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). - М., 1977.
117. Дебец Г.Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных //ТКАЭЭ. Т. 1. -1956.
118. Дебец Г. Ф. Антропологический состав древнего и современного населения Киргизии // ТКАЭЭ. Т.III. - 1959.
119. Джамгерчинов Б. Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX в.) // Тр. ИЯЛИ Кирг.ФАН. Вып. 1 (1944). - Фрунзе, 1945.
120. Джамгерчинов Б. Из генеалогии киргизов // Белек С.Е. Малову. -Фрунзе, 1946.
121. Джамгерчинов БД. Присоединение Киргизии к России. - М., 1959.
122. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. - Фрунзе, 1960.
123. Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 1-2. - Фрунзе, 1963, 1982.
124. Длужневская Г. В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник, 1974.-М., 1978.
125. Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. - Фрунзе, 1967.
126. Дублицкий В.Н. Родословная таблица (кара) кыргыз, проживающих в Джетысуйской области, и краткая их история. - Алма-Ата, 1923,
127. Дуйшеев Б., Плоских В. Гумбезы, мазары, сагана Киргизии // Декоративное искусство СССР. -1983. - № 8.
128. Дыренкова И.П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов (По материалу, собранному летом 1926 г. в Нарынском районе Семиреченской области) // Сб. этнограф, материалов. - № 2.-Л., 1927.
129. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА.№ 24.-М., 1952.
130. Ефремов Филипп. Десятилетнее странствование. - М., 1950.

131. Жирмунский В. М. Новые материалы о киргизском эпосе «Манас» // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. Т. XIX. Вып. 2. -1960.
132. Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас».- М., 1961.
133. Жирмунский В.М. Народный героический эпос (Сравнительно-исторические очерки). - М.; Д., 1962.
134. Заднепровский Ю.А. Об этническом составе населения древней Ферганы // КСИИМК. Вып. 61. - 1956.
135. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области (сер. I тыс. до н.э. - сер. I тыс. н.э.). - Фрунзе, 1960.
136. Заднепровский Ю.А. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследования П.П.Иванова. Приложение: Материалы к библиографии русской литературы по археологии Иссык-Кульской котловины // Тр. ИИ АН КиргССР. Вып. 3. - 1957.
137. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА.№ 118.-М.; Д., 1962.
138. Заднепровский Ю.А. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода (II в. до н.э. - V в. н.э.) // СИНВ. Вып. X. -1971.
139. Захарова Е. Историко-культурное наследие г. Ош (конец XIX - начало XX в.). -1997.
140. Зима Б.М. Иссык-кульские жертвенники // Материалы по истории киргиз и Киргизстана - Фрунзе, 1941.
141. Зуев Ю. Термин «кыркун». К вопросу об этническом происхождении кыргызов по китайским источникам // ТИИ. Вып. IV. - Алма-Ата, 1958.
142. Зуев Ю.А. К этнической истории усуней // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8.-Алма-Ата, 1960.
143. Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана: ТИИИАЭ АН КазССР. Т. 8. - Алма-Ата, 1960.
144. Зуев Ю.А. Тамги лошадей из подвластных княжеств (Пер. из кит. соч. VIII-X вв. «Танху-яо». Т. Ш, цзюнь 72) //ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8.-Алма-Ата, 1960.
145. Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. - Алма-Ата, 1967.
146. Зяблин Л.П. Курганы Семиречья и их отношение к происхождению киргизов // ТКАЭЭ. Т. III. -1959.

147. Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Тр. ИИ АН КиргССР. Вып. III. -1957.
148. Иванов С.В. Киргизский орнамент как этногенетический источник // ТКАЭЭ. Т. III. - 1959.
149. Ильясов С.И. Рассказы охотников // Академику К.И. Скрябину. - Фрунзе, 1945.
150. Ильясов С.И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации // ТИЯЛИ. Вып. 1 (1944).-Фрунзе, 1945.
151. Ильясов С.И. Пережитки шаманизма у киргизов. ТИЯЛИ // Вып. 1 (1944).-Фрунзе, 1945.
152. Ильясов С.И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии // Материалы объедин. научной сессии, посвященной истории Ср. Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955.
153. Ильясов С.И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у кочевых народов Киргизии // Материалы объедин. научной сессии, посвященной истории Ср. Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955.
154. Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX - начале XX в. - Фрунзе, 1963.
155. Иногамов Ш.И. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР. - Ташкент, 1955.
156. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. - Алма-Ата, 1970.
157. История кыргызов и Кыргызстана: Учебн. для вузов / 4-е изд. - Бишкек, 2003.
158. Караев О. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII-XV вв. // СЭ. -1966. - № 4.
159. Караев О. Арабские и персидские источники IX-XII вв. о киргизах и Киргизии. - Фрунзе, 1968.
160. Караев О. Арабо-персидские источники о тюркских народах. - Фрунзе, 1973.
161. Караев О. К вопросу о терминах кыргыз и хакас // НАА. - 1970. - №4.
162. Караев О. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. - Бишкек, 1995.
163. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. № 9. - М.; Л., 1949.

164. Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). - Алма-Ата, 1988.
165. Кляшторный С.Г. К вопросу о кангуйской этнотопонимике // СЭ. - 1951. - № 3.
166. Кляшторный С.Г. Согдийцы в Семиречье // СЭ. - 1959. - № 1.
167. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., 1964.
168. Кляшторный С.Г. Проблема ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии: Памяти С.В. Киселева. - М., 1965.
169. Кляшторный С.Г. Эпоха «Кутадгу билиг» // СТ. - 1970. - № 4.
170. Кляшторный С.Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. - 1972. - № 1.
171. Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (По материалам полевых исследований в Монголии) // Тюркологический сборник. 1971. - Л., 1972.
172. Кляшторный С.Г. Стелы Золотого озера (К датировке енисейских рунических памятников) // Turkologica (К семидесятилетию академика А.Н.Кононова). - Д., 1976.
173. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959.
174. Кожомбердиев И. К. Культура кочевников Тяньшано-Алая первой половины I тысячелетия нашей эры (По материалам катакомбных курганов) // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. - М., 1975.
175. Кожомбердиев И. К. Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. - Фрунзе, 1975.
176. Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргызы и их предки. Нетрадиционный взгляд на историю. 2-е изд. - Бишкек, 1999.
177. Кондратьев А.А. Исторические сведения о киргизах в китайских источниках / Материалы Первой Всесоюзн. научной конференции востоковедов в Ташкенте. - Ташкент, 1958.
178. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского.-М.; Д., 1958.
179. Кононов А.Н. Еще раз об этнониме названия «кыргыз» // Тюркологические исследования: Сб. статей, посвящ. 80-летию акад. К.К. Юдахина. - Фрунзе, 1970.
180. Кононов А.Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг» // СТ. -1970. - № 4.

181. Кононов А.Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ат-турк» // СТ. -1972. - № 1.
182. Корнилов Л. Кашгария или Восточный Туркестан. - Ташкент, 1903.
183. Кочнев Б.Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII - начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. - Фрунзе, 1983.
184. Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII - XVIII вв. - Уфа, 1957.
185. Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I - начале II тысячелетия н.э. (Опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. III. - Уфа. 1968.
186. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. - М., 1979.
187. Кушнер П.И. (Кнышов). Горная Киргизия (социологическая разведка).-М., 1929.
188. Кызласов Л.Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (К вопросу о происхождении киргизского народа) // ТКАЭЭ. Т. III. -1959.
189. Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов хакас и кыргыз в письменных источниках VI-XII веков // Народы Азии и Африки. - 1968.-№4.
190. Кызласов ИЛ. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. -Красноярск, 1992.
191. Кызласов ИЛ. Письменные известия о древних городах Сибири. -М., 1992.
192. Кызласов И.А. Рунические письменности евразийских степей. - М., 1994.
193. Кызласов И.Л. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. - М., 2001.
194. Кыргызы и Кыргызстан. Опыт нового исторического осмысления. -Бишкек, 1994.
195. Кыргызстан-Россия. История взаимоотношений (XVIII-XIX вв.): Сб. документов и материалов. - Бишкек, 1998.
196. Кычанов Е.И Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII в. (публикация источников) // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. V. Вып. 1 (история). - Фрунзе, 1963.
197. Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961:
198. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1980.

199. Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. - М., 1981.
200. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». - М., 1972.
201. Литвинский Б. А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. - М., 1976.
202. Литвинский Б. А. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М., 1977.
203. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). - М., 1981.
204. Маанаев Э., Плоских В. На «Крыше мира». Исторические очерки о памиро-алайских киргизах. - Фрунзе, 1983.
205. Малое С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. - М.; Д., 1951.
206. Малое С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы.-М.; Д., 1952.
207. Малое С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. - М.; Д., 1959.
208. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). - Новосибирск, 1981.
209. Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. - 1956.
210. Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. -М.;Л., 1966.
211. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. - М.; Д., 1964.
212. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. - Ташкент, 1955.
213. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. - Алма-Ата, 1969.
214. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. - М., 1973.
215. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. - Ташкент, 1988.
216. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып 1 /Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина. - М., 1968; вып. 2.-М., 1973.

217. Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник для изучения их этноса // ТКАЭЭ. Т. III. - 1959.
218. Миклашевская Н.Н. Краниология киргизов // ТКАЭЭ. Т. II. -1959.
219. Миклашевская Н.Н. Палеоантропология Киргизии // ТКАЭЭ. Т. III. -1959.
220. Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // ТКАЭЭ. Т. П. -1959.
221. Мокеев А. Политическая и этническая история северо-восточной части Средней Азии в XVII - первой половине XVIII в. - Ташкент, 1979.
222. Мокеев А. Шейх Мансур ал-Халладж и его место в генеалогиях киргизского народа // Бартольдские чтения, 1981. Тезисы докл. и сообщ. - М., 1981.
223. Мокрынин В.П. Каменные изваяния - памятники древних тюрок. -Фрунзе, 1979.
224. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. -Алма-Ата, 1960.
225. Нусое В.Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. - Фрунзе, 1971.
226. Ош-3000.-Бишкек, 2000.
227. Перевозчиков И.В. Антропологический тип «кенкольцев» // ВА. Вып. 25.-1967.
228. Петров К. И. Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII-XV вв. // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. II. Вып.3 (История). - Фрунзе, 1960.
229. Петров К.И. Киргизско-кыпчакские отношения (К вопросу об этногенезе и переселении киргизов) // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. IП. Вып. 2. - 1961.
230. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII-XV вв. — Фрунзе, 1961.
231. Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. - Фрунзе, 1963.
232. Петров К.И. К этимологии термина «кыргыз» (Цветовая древне-тюркская топонимика Южной Сибири) // СЭ. - 1964. - № 2.
233. Плоских В.М. Динамика численности населения Киргизии за сто лет // Изв. АН КиргССР. - 1966. - № 1.
234. Плоских В.М. Община и патриархально-родовой уклад у киргизов XIX в. // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. -Фрунзе, 1972.
235. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. - Фрунзе, 1977.
236. Плоских В.М. Иссык-Куль. Путешествие в историю. - Фрунзе, 1981.

237. Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. - М., 1930,
238. Покровский Г. В., Стогов Н.И. Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 году / Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский, Кокандский уезды). - Ташкент, 1915»
239. Потапов Л.П. Очерк этногенеза южных алтайцев // СЭ. —1952. - № 3.
240. Потапов Л.И Очерки по истории алтайцев. - М.; Д., 1953.
241. Потапов Л.И Очерки народного быта тувинцев. - М., 1969.
242. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев // Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). - Алма-Ата, 1969.
243. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк. -Л., 1969.
244. Пржевальский ИМ. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. - М., 1948.
245. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. 14-17 ноября 1979 г.: Тезисы докладов - Кемерово, 1979.
246. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И Очерки искусства Средней Азии: Древность и средневековье. - М., 1982.
247. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. - СПб., 1893— 1911.
248. Радлов В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. - Иркутск, 1929.
249. Рацек В.И. Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-Шаня и Памира // Изв. ВГО. Т.79. Вып. 4.- 1947.
250. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. - М.; Д., 1952.
251. Ромодин В.А., Кондратьев А.А. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов //СВ.-1958.-№4.
252. Русские путешественники и исследователи о киргизах. - Фрунзе, 1973.
253. Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX-X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, 1976.
254. Савинов Д.Г. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1979-1980.

255. Салахетдинова М.А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира-и ходжаган» как источник по истории киргизов // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. 1. Вып. 1 (история). - 1959.
256. Салахетдинова М.А. Сведения о киргизах в «Абдулла-намэ» / Хафиз-и Таныша // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. II. Вып. 3 (история). — 1960.
257. Салахетдинова М.А. Сообщения о киргизах в «Хидайат-намэ» Мирхаль ад-дина // Изв. АН КиргССР. Серия обществ, наук. Т. III. Вып. 2 (история). —1961.
258. Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIX в. - Бишкек, 1999.
259. Северцов Н.А. Путешествия по Туркестанскому краю. - М., 1947.
260. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856— 1857 гг.-М., 1946; М., 1947.
261. Сивере И. Письма из Сибири. Фальк И.К. Описание всех народностей России / Пер. с нем. - Алматы, 1999.
262. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М., 1977.
263. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. - М.; Д., 1966.
264. Сушанло М. Дунгане Семиречья (Исторический очерк). — Фрунзе, 1959.
265. Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). - Фрунзе, 1975.
266. Струве В.В. Родина зороастризма // СВ. -1948. - № 5.
267. Сыдыков А. Родовое деление киргиз // В.В.Бартольд. - Ташкент, 1927.
268. Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. - М., 1984.
269. Табышалиев С. Т. Происхождение кыргызского народа. Кыргызстан на Великом Шелковом пути — Бишкек, 2001.
270. Тезисы докладов международной конференции «История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху» (Ош 28-30 октября 1998 г.). - Ош, 1998.
271. Толстое С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. - 1938. - № 1.
272. Тревер КВ. Этнический состав населения Средней Азии в VI-V вв. до н.э. // СЭ. -1947. - № VI-VII.

273. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. (ТКАЭЭ). Т. 1-4. - М.; Фрунзе, 1956-1960.
274. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина // МИА, № 14. - М.; Д., 1950.
275. Тыныибаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. - Ташкент, 1925.
276. Усенбаев К. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. - Фрунзе, 1961.
277. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. - М., 1950.
278. Фиельструп Ф.А. Исследования среди каракиргиз // Этнографические экспедиции 1924-1925 г. - Л., 1926.
279. Ходжайов Т. К. Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке // Археологические памятники Прииссыккуля. - Фрунзе, 1975.
280. Худяков Ю.С. Кыргызы в Центральной Азии // Вопросы этнической истории кыргызского народа. - Фрунзе, 1989.
281. Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. - Бишкек, 1995.
282. Худяков Ю. С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. - Бишкек, 2003.
283. Хрестоматия по истории Кыргызстана с древнейших времен до XX в. - Бишкек, 1997.
284. Хрестоматия по средневековой истории Кыргызстана (XIII-XVIII вв.). - Бишкек, 1997.
285. Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра // Материалы международной научной конференции. Бишкек, 26—27 сентября 2001 г. — Бишкек, 2002.
286. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. - М.; Л., 1966.
287. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М., 1980.
288. Щербак А.М. Название домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. - М., 1961.
289. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР // Всесоюзн. тюркологическая конференция: тезисы докладов. - Алма-Ата, 1976.
290. Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (I тысячелетие до н.э.) // Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (I тыс. до н.э.). Душанбе. 17-22 октября 1977 г. - М., 1981.
291. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.

292. Юдин В.П. О родоплеменном составе могулов Могулисгана и Могулии и их этнических связях с казахами и другими народами // Изв. АН КазССР. Серия обществ, наук. Вып.3. - Алма-Ата, 1965.
293. Юнусалиев Б.М. Проблема формирования общенародного киргизского языка // В Я. - 1955. - № 2.
294. Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка // Тр. Ин-та языка и литературы АН Кирг. ССР. Вып. VI. - 1956.
295. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. 4.1. Развитие корневых слов. - Фрунзе, 1959; 1969.
296. Юсупов Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. -Фрунзе, 1961.
297. Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ. - 1970.-№2.